

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929343 5

Clear

17/11

*QCA

2572

* (1)

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, ПОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀλοχρῆν, τοῦς ἴστέουσι μὴ δόξασαι κατὰ
ἴσους τὰ δίκαια μῆτι γυναι μῆτι παιδῶσι Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τῆν δόξαν τῶν προσηγομένων ἀνδράων
ἐν τοῖς ἐπισημομένοις οὐχ ἴσους καταλιπομένην εἶναι
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

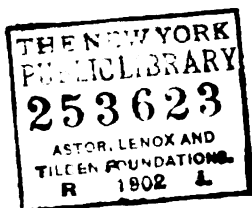
Secret. apud Xenophont. iv, 8, 9.

71
ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

=
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ гнѣзъ, чтобы во отвѣтаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
шело автору. Санктпетербургъ, 1845 года, іюля 1 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

БИБЛИОТЕКА **ДЛЯ ЧТЕНИЯ.**

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

В. Г. БЕНЕДИКТОВУ.

=

Давно я покаяль, полюбилъ,
Твои роскошныя созданья,
И, полонъ весь очарованья,
Тебя въ душѣ благословилъ.
Когда душевнымъ я недугомъ
Бывалъ наказанъ за грѣхи,
Твои волшебные стихи
Мнѣ были докторомъ и другомъ.
Твой дивный даръ въ твоихъ стихахъ
Горитъ, сверкаетъ бриллиантомъ:
Привесть! передъ твоимъ талантомъ
Склоняю голову во прахъ.

Вся жизнь моя—одна невзгода,
 Борьба съ судьбою и людьми,
 Но въ жизни сей мелькають дни:
 Они мнѣ милы какъ свобода.
 И помню я тотъ день, когда
 Изъ устъ любимаго поэта
 Я слово полное привѣта
 Услышалъ: я забылъ тогда
 Всѣ неудача бурной жизни,
 И ни одной укоризны
 Судьбѣ не молвили уста.
 Мы расстаемся: въ путь далекий,
 Пѣвецъ, меня благослови,
 И пусть яду я, одинокій,
 Но полный мира и любви!

К. ДОВОДЧИКОВЪ.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Перой нашъ умъ въ пылу мечтанья
 Стремится дерзостно пройти
 Черезъ сокровенные пути
 Къ предѣламъ Божьяго созданья,
 И смѣлой мыслью разгадать
 Чтò заповѣдано отъ вѣка,
 Чего не могутъ постигать
 Ни умъ, ни чувства человѣка.
 Но смертный, взвѣрившись уму,
 Готовъ отвергнуть все святое,
 И чуднымъ кажется ему
 Отцовъ преданіе простое.

Онъ гордой мыслью увлеченъ,
 И тяготитъ его сомнѣнье;
 И только вѣрой въ Провидѣнье
 Несчастный можетъ быть спасенъ.
 Но, голосъ правды заглушая,
 Онъ погибаетъ наконецъ.....
 Такъ предприимчивый пловецъ,
 По морю бурному блуждая,
 Лишенный вѣрнаго руля,
 Упорно борется съ волною;
 Кругомъ и море земля
 Покрываютъ страшной темнотою,
 И только звѣздочка одна
 Межъ тучъ таинственно мерцаетъ,
 По ней невѣрный бѣгъ челна
 Пловецъ отважный направляетъ,
 Съ нею не сводитъ онъ очей
 И за неясственнымъ мерцаньемъ
 Ея трепещущихъ лучей
 Слѣдитъ съ отраднымъ упованьемъ;
 Но туча черная налетитъ,
 Затмивъ послѣдній лучъ спасенья
 И вѣтеръ посреди волненья
 Челнокъ погибшій понесетъ.

Е. КАРНОВИЧЪ.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

Край незабвенный, край далекий!
 Волшебныхъ прелестей страна!
 Отчизна Гурій черноокихъ!
 Тобой мечта моя полна.

Я помню сводъ небесъ лазурный,
 Садовъ восточный ароматъ,
 И вѣчный шумъ потоковъ бурныхъ,
 Между заоблачныхъ громадъ;
 Я помню ленту Арпичая,
 Между завѣтныхъ береговъ,
 Гдѣ вьется цѣпь сторожевая
 Удалыхъ Дона казаковъ;
 И тамъ, вдали, средь мглы тумана,
 Какъ стражи дивныя стоятъ,
 Два неподвижныхъ великана,
 Большой и Малый Араратъ.
 Предъ ихъ подножьемъ величаво
 Араксъ шумить своею волной,
 Гордится онъ блестящей славой,
 Союзомъ съ царственной Невой.
 Здѣсь всюду древности глубокой,
 Временъ исчезнувшихъ черты:
 То стѣны башни одинокой,
 То въ прахъ римскіе мосты,
 Иль остовъ крѣпости забытой
 Среди безчисленныхъ могилъ,
 Какъ богатырь лежитъ убитый
 И гибкій плащъ его обвилъ.
 Безмолвствуютъ вѣковъ обломки —
 Суровъ и хладенъ ихъ привѣтъ,
 И мимо ихъ толпой потомки
 Идутъ за праотцами въ слѣдъ.

Н. Н. Ф. Д. Е. Т.

БАШНЯ ВЕСЕЛУХА.

ПОВѢСТЬ СМОЛЕНСКАГО СТАРОЖИЛА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Оберъ-комендантъ. Почтмейстеръ. Крестная сестра. Балъ въ дворянскомъ клубѣ *.

Оберъ-комендантомъ въ Смоленскѣ былъ тогда генералъ-маіоръ Андрей Ивановичъ фонъ Э^{***}. Безъ соб-

* Первая часть этого сочиненія была напечатана въ предъидущей книжкѣ такъ, какъ оно вышло изъ-подъ пера автора. Читатели примѣтили сами, что печатаніе въ этомъ видѣ не можетъ быть продолжаемо. Обширный, состоящій изъ четырехъ большихъ томовъ трудъ видѣвшаго многое забытое и даровитаго рассказчика, но неопытнаго писателя, долженъ былъ бы такимъ образомъ, погибнуть въ безвѣстности: между-тѣмъ, среди утомительныхъ подробностей, лишнихъ разговоровъ и безконечныхъ повтореній, встрѣчаются въ немъ многія мѣста интересныя и прекрасно рассказанныя. Чтобы спасти эти страницы отъ вѣчнаго забвенія, въ которое увлекли бы ихъ важные недостатки остальнаго, редація рѣшилась сократить три съ половиною остающіеся тома въ двѣ небольшія статьи, соединивъ въ нихъ все, что видѣвшему читателю можетъ показаться занимательнымъ въ этомъ старосельскомъ романѣ. Нѣтъ ни какой вѣроятности, чтобы кто-нибудь отважился цѣлкомъ напечатать или прочесть его, и, слѣдовательно, сокращенное извлеченіе есть единственное средство воздать честь дарованію, опоздавшему почти цѣлою половиною столѣтія, но между-тѣмъ примѣчательному во многихъ отношеніяхъ.

ствянаго имѣнія, и получая въ годъ только семь сотъ пятьдесятъ рублей жалованья, онъ не могъ жить роскошно, однако жъ, значительныя выгоды, которыми имѣлъ право пользоваться, пока занималъ должность, и тогдашняя дешевизна доставляли ему средства, не только къ содержанию достаточнаго хозяйства, но даже и нѣкоторому наружному блеску. Кромѣ прекрасной казенной квартиры со всѣми принадлежностями, предоставлялся ему еще большой загородный дворъ, въ двухъ верстахъ отъ города и въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Эту ферму поручилъ онъ въ распоряженіе своей супругѣ, которая, несмотря на свѣтскую свою образованность, была расчетливая экономка. Она завела скотный и птичій дворы, огороды, фруктовой садъ, парники, а въ срединѣ, между садомъ и огородомъ, богатый цвѣтникъ, гдѣ отъ ранней весны до поздней осени пестрѣлись прекраснѣйшія розы, жонкилы, лиліи, нарциссы, гвоздики.

Кайсановъ и Блюмъ пришли къ оберъ-коменданту въ два часа по полудни. Генералъ, человекъ весьма образованный и хорошо знакомый съ нѣмецкою литературой, разговаривалъ въ своемъ кабинетѣ съ пасторомъ и докторомъ. При входѣ офицеровъ, онъ съ ласковымъ привѣтствіемъ встрѣтилъ ихъ и просилъ присоединиться къ бесѣдѣ. Спустя четверть часа онъ повелъ гостей въ комнату своей жены, гдѣ на канapé и въ креслахъ сидѣло нѣсколько дамъ, бригадирша Анна Ивановна, пасторша, молодая и очень пригожая лицомъ маіорша Б***, которой мужъ служилъ въ смоленскомъ гарнизонѣ и былъ дворянинъ, гарнизонная поручица О***, и дочь пастора. Вокругъ нихъ бѣгалъ маленькій сынъ генерала, одѣтый въ красный мундиръ, тогдашній артиллерійскій: этотъ осмысленный ребенокъ считался уже въ дѣйствительной службѣ и состоялъ въ чинѣ сержанта.

Оберъ-коменданша старалась завести общій разговоръ, чтобы сблизить офицеровъ съ своими пріятельницами, пока позовутъ обѣдать. Послѣ обѣда, хозяйка, взявъ за руку пасторшу, повела ее къ своимъ горшкамъ съ цвѣтами, а бригадирша вступила къ допросу молодыхъ офицеровъ, заставляя «неукоснительно» отвѣчать на запытные пункты:

давно ли они въ Смоленскѣ?—зачѣмъ пріѣхали?—долго ли останутся?—какъ имъ нравится городъ?—женаты ли или нѣтъ?—Узнавъ, что Кайсановъ еще свободенъ отъ брачныхъ узъ, она продолжала:

— Кажется, я часто вижу васъ, какъ вы прѣходите по Дибровской улицѣ, мимо моего дому?

— Квартира моя на Пятницкомъ Ручьѣ, отвѣчалъ Кайсановъ: я всякой день прохожу по этой улицѣ.

— Стало-быть я не ошиблась: еще и вчера вечеромъ, когда возвращалась я домой, вы, съ своимъ товарищемъ, провожали купчиху Кубышкину съ дочерью.

— Точно такъ, мы были у всенощной, въ церквѣ, что надъ Дибровскими Воротами, и, вышедши оттуда, вмѣстѣ съ Кубышкиной и ея дочерью, проводили ихъ до дому, потому что намъ должно было идти тѣмъ же путемъ.

— Ну, путь всегда тотъ же, когда хочется кого провожать..... Такъ вы давно ихъ знаете?

— Нѣтъ. Я познакомился съ ними по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ и совсѣмъ нечаянно.

— Что жъ! дочь Кубышкиныхъ—красавица: такъ зачѣмъ же не провожать ея?....—Родители, хоть и купцы, довольно порядочные люди, продолжала Анна Ивановна съ дворянскою важностью, а дочка—ничего сказать—преловкая дѣвка и—помилуйте!—такъ образована, что можетъ показаться и въ благородномъ обществѣ!

— Это правда, съ живостью перервалъ Кайсановъ: мнѣ рѣдко случалось видѣть дѣвицу, такъ прекрасно воспитанную и такую умную какъ она.

— Да! да!.... конечно!.... конечно!.... разумѣется! прибавила бригадирша. Купчихи уже начинаютъ затѣмбвать насъ, дворянокъ. Впрочемъ она воспитывалась у дѣшней богатой помѣщицы, своей крестной матери, и дочь этой помѣщицы—задушевная приятельница ей..... Что жъ!.... нужды нѣтъ, что она изъ купческаго сословія!.... я бы и сама желала, чтобъ Надежда Алексѣевна вышла за-мужъ за порядочнаго человѣка.

Бригадирша пересѣла по-ближе къ своему собесѣднику и пустилась въ подробное описаніе семейства и дѣлъ Кубышкиныхъ. Расхваливая Наденькину красоту и образо-

ванность, она нѣсколько разъ намѣкала, что въ-добавокъ къ этимъ достоинствамъ родители дають за нею двадцать тысячъ рублей чистымъ деньгамъ, множество брилліантовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, жемчугу, и прочая. Послѣ такой рекомендаціи, бригадирша съ значительною улыбкой взглянула на Кайсанова и ждала, не проговорится ли онъ, какъ-нибудь, о готовности своей предложить руку такой совершенной дѣвицѣ: но Кайсановъ, которому, хоть и очень пріятенъ былъ похвальный отзывъ о Надеждѣ Алексѣевнѣ, не сказалъ ни слова. Между-тѣмъ оберъ-комендантъ, сидя у окна, пробѣгалъ гамбургскія газеты.

— Вотъ презанимательная новость, вдругъ сказалъ онъ: не угодно ли послушать?

Тутъ началъ онъ читать статью изъ Нюрнберга, въ которой упоминалось объ одномъ чудесномъ происшествіи, случившемся недавно во Франконіи. Въ этой статьѣ было сказано, что въ развалинахъ одного древняго замку, являлись нѣсколько ночей сряду странныя привидѣнія въ ужасныхъ видахъ и необыкновенныхъ костюмахъ. «Увѣряютъ, прибавляла газета, что многія важныя и достовѣрныя лица были очевидцами этого происшествія.»

— Ахъ, царь небесный! подхватила съ боязливымъ удивленіемъ бригадирша. Это точь-въ-точь, какъ теперь у насъ въ Смоленскѣ!.... Вы, я думаю, слышали, какія проказы являлись на прошедшей недѣлѣ у башни Веселухи?

— Миѣ рассказывали, отвѣчалъ оберъ-комендантъ, но я не хотѣлъ и слушать такихъ пустяковъ.

— Какъ! перервала Анна Ивановна: развѣ вы не вѣрите, что нечистая сила ходила по городской стѣнѣ?

— Сомнѣваюсь, чтобъ кто-нибудь изъ людей образованныхъ могъ чистосердечно вѣрить такимъ сказкамъ.

— Но объ этомъ говорятъ во всемъ городѣ, и многіе видѣли сами эти явленія.

— Кто жъ эти *многіе*? спросилъ генераль.

— По-крайней-мѣрѣ я слышала не отъ одного человѣка. Ну, всѣ, всѣ видѣли своими глазами, какъ цѣлая толпа страшныхъ чудовищъ, съ свѣтящимися рогами, съ лоша-

длинными хвостами, выскочили изъ башни и бѣжали по стѣнѣ: одни хлопали въ ладоши, другіе кричали, пѣли пѣсни, потомъ нѣсколько привидѣній подскочили къ часовому, схватили его и сбросили со стѣны, наконецъ всѣ спрятались въ башню.....

— Нѣтъ, позвольте, Анна Ивановна, перервала поручица. Миѣ не такъ рассказывали: Часоваго не бросили, а посадили на зубецъ и надѣли ему на голову чепчикъ.....

— А я слышала опять иначе, подхватила пасторша: два привидѣнія схватили стоявшаго тамъ часоваго, всунули ему въ ротъ камень и побѣжали назадъ. Поутру, солдатъ хотѣлъ посмотреть что такое у него во рту, и увидѣлъ дѣлковій, который, упавъ наземь, превратился въ уголь.

— Нѣтъ, маменька, вы не такъ пересказываете, перервала дочь пастора: не въ уголь, а въ гнилой орѣхъ.

— Полно, Катхенъ! закричалъ пасторъ на свою дочь. Не стыдно ли тебѣ повторять бредни, выдумываемыя дураками или плутами, чтобъ испугать легковѣрныхъ.

— Но, папенька, сказалъ маленькій красный сержантъ, Фрицъ, сынокъ хозяина: наши ординарцы говорятъ, что они уже нѣсколько разъ видѣли *чертовскую пляску* на городской стѣнѣ.....

Кайсановъ присовокупилъ, что точно такой же рапортъ получилъ онъ отъ своихъ подчиненныхъ.

— Вотъ, видите! подхватила Анна Ивановна, оборотясь къ генералу: если бы на стѣнѣ ничего не происходило, то какъ же бы всѣ въ одинъ голосъ рассказывали небывлицы?

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, что по стѣнѣ ходилъ кто-то, сказалъ оберъ-комендантъ: только я увѣренъ, что это не черти и что здѣсь скрываются какія-нибудь плутовскія штуки.

— Увидимъ, продолжала бригадирша: можетъ-быть современемъ откроется, что это и не плутовскія штуки.

— Въ первые дни послѣ прибытія моего въ Смоленскъ, присовокупилъ Блюмъ, вездѣ слышала я объ этихъ чудесныхъ явленіяхъ. Это возбудило во мнѣ любопытство посмотреть башню, сдѣлавшуюся предметомъ такихъ немощныхъ рассказовъ. Съ моимъ товарищемъ и его дядею,

поручикомъ Заряновымъ, мы прогуливались сегодня по городской стѣнѣ, проходили сквозь башню Веселуху, осматривали ее со вниманіемъ, и не замѣтили въ ней ничего необыкновеннаго.

— Какъ! вскричала бригадирша: вы сегодня были въ этой проклятой башнѣ?... и васъ было только три человека?....

— Да! мы были только въ-троемъ.

Тутъ вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхали гости. Хозяйка не успѣла еще спросить, кто именно, какъ въ гостиную вошла высокаго росту дама, и съ нею мужчина, нѣсколько по-ниже своей половины. На дамѣ была огромная шляпа à la Figaro, какія въ то время только-что вошли въ моду, и гродетуровое малиновое платье, обшитое по подолу черною бахромой. На мужчинѣ, съ парикомъ, тщательно напудреннымъ и завитымъ aux ailes de pigeon, красовался французскій кафтанъ яблочно-зеленаго сукна, кругомъ вышитый шелками, съ преобладающими перламутровыми пуговицами, на которыхъ всерединѣ торчали металлическія шишечки. На груди, изъ-подъ вышитаго камзола, и на кистяхъ изъ-подъ рукавовъ, болтались широкія дружелюбныя украшенія. На большомъ пальцѣ правой руки намотанъ былъ бѣлый, батистовый карманный платокъ, который висѣлъ почти до полу. Это были почтмейстеръ и его сожительница.

Почтмейстерша перецѣловалась со всѣми дамами. Почтмейстеръ подошелъ къ ручкѣ каждой изъ нихъ по очереди, что тогда считалось даже и въ столицѣ очень вѣжливымъ и любезнымъ. Превжній разговоръ продолжался. Новые гости приняли въ немъ самое дѣятельное участіе. Этотъ предметъ начиналъ уже наскучать хозяйню.

— Удивляюсь, пробормоталъ онъ про себя, какъ людямъ либо рассказывать вздоры!

— Извините, ваше превосходительство! примолвила почтмейстерша: происшествіе, какое случилось на этихъ дняхъ, вовсе не вздоръ, а напротивъ, очень любопытно. Подобныя, непостижимыя явленія случаются вездѣ. Вы, я думаю, знаете, что даже въ Петербургѣ, лѣтъ тому

сорокъ, являлось во дворцѣ такое чудо, котораго и по-
сѣ-время никто изъяснить не можетъ?

— Какое чудо? спросили молодые офицеры.

— Неужли вы никогда не слыхали объ этомъ славномъ
проществіи? отвѣчала почтмейстерша. Оно извѣстно!

— Вы намѣкаете, сказала оберъ-комендантша, на то
старинное явленіе, которое, какъ увѣряютъ, показыва-
лось во дворцѣ передъ кончиною Императрицы Анны
Иоанновны.

— Точно такъ.

— Расскажите, пожалуйста, вскричала бригадирша: я
хочу посмотрѣть, такъ ли вы будете рассказывать, какъ
я сама рассказываю.

— Извольте. За нѣсколько недѣль до кончины Импера-
трицы Анны Ивановны, осенью, часу въ двѣнадцатомъ вече-
ра, придворный истопникъ носилъ дрова въ Тронную Залу.
Положивъ послѣднюю вязанку, онъ хотѣлъ удалиться, но,
у дверей вдругъ пораженъ былъ яркимъ освѣщеніемъ.
Во всѣхъ, висѣвшихъ въ залѣ, люстрахъ, свѣчи зажглись
сами собой. Истопникъ перекрестился, и сталъ осматри-
ваться: испугъ его еще болѣе увеличился, когда взгля-
нувъ на тронъ, онъ увидѣлъ, что на немъ сидитъ Импе-
ратрица въ порфирѣ и со скипетромъ въ рукѣ. Онъ такъ
сробѣлъ, что едва могъ найти дверь. Пришедши къ сво-
имъ товарищамъ, онъ рассказалъ имъ, какое чудо пред-
ставилось его глазамъ. Никто не хотѣлъ ему вѣрить. На
другой день, въ то же самое время, другой истопникъ ви-
дѣлъ такое же чудо. и также объявилъ своимъ товари-
щамъ. Разказы этихъ двухъ служителей дошли до мно-
гихъ знаменитыхъ при дворѣ особъ. Нѣкоторые, желая
удостовериться въ справедливости разказу, пошли сами на
третій день въ Тронную и лично увидѣли такія же пред-
ставленія. Они рѣшились доложить Императрицѣ, кото-
рая въ это время была нездорова и нѣсколько уже дней
не вставала съ постели. Государыня улыбнулась и сочла
все это за выдумку: но когда множество самовидцевъ под-
твердили клятвою истину проществія, она изволила при-
казать, если опять появятся чудеса, довести ей въ ту жъ
минуту. Не далѣе какъ въ слѣдующій вечеръ явленіе опять

показалось. Доложили Императрицѣ. Она соизволила встать съ постели и, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ приближенныхъ особъ, караульнаго капитана, двадцати солдатъ съ заряженными ружьями, и нѣсколькихъ придворныхъ служителей съ фонарями, пойти въ Тронную. Войдя туда, Императрица и всѣ, бывшіе съ нею, увидѣли въ самомъ дѣлѣ, что Государыня сидитъ на тронѣ и зала освѣщена. Какъ въ странно и ни ужасно показалось Государыни видѣть своего двойника, но, скрѣпясь духомъ, она спросила у призрака: «Кто ты?» Привидѣніе, не отвѣчая ни слова, встало, спустилось съ тронныхъ ступенекъ и, не оборачиваясь задомъ, дошло до ближайшихъ дверей. Двери отворились сами собою, и призракъ исчезъ. Въ то же время всѣ свѣчи въ люстрахъ погасли. Государыня и ея свита пошли вслѣдъ за привидѣніемъ, искали по всѣмъ комнатамъ, но ничего не нашли. Въ слѣдующіе дни едѣданы были дальнѣйшія розысканія, однако жъ все тщетно. Черезъ двѣ недѣли болѣзнь Императрицы усилилась, и она вскорѣ изволила скончаться. То что я вамъ говорю, совершенно вѣрно: самъ господинъ канцлеръ, бывшій, кажется, лично въ Тронной съ Государыней, рассказывалъ весь случай имено этими словами моему батюшкѣ, который служилъ при немъ.

— Какое непонятное чудо!... волосы становятся дыбомъ!... воскликнули съ ужасомъ всѣ дамы, одна за другою и, потомъ, замолчали отъ страху.

— Ну, сказала бригадирша: я-то слышала немножко иначе отъ Черной Женщины, да ужъ всё-равно. Можетъ-быть, Черная Женщина вретъ.— Вотъ изволите видѣть, прибавила она, обращаясь къ генералу: вы не хотите вѣрить злѣшнимъ чудесамъ, такъ что скажете объ этомъ явленіи? Неужели, по вашему мнѣнію, и это сказка? Дѣло — петербургское!... придворное!... тутъ ужъ солгать нельзя.

Генералъ пожалъ плечами. Бригадирша продолжала:

— Ученые ничему не вѣрятъ! Вы еще недавно спорили со мною, что и камни не валятся съ неба, что воздушные камни — сказка! А я еще можетъ-быть доживу до того, что порадочный камень упадетъ съ воздуха прямо на носъ

зашему пріятелю, господину академику Эйлеру, на котораго пустословіе вы такъ часто ссылаетесь. Воля ваша: я твердо вѣрю в воздушнымъ камнямъ и всѣмъ чудесамъ, которымъ не вѣрятъ ученые, набивъ себѣ голову разными волтеріанскими вздорамп.

— Позвольте доложить, перервалъ почтмейстеръ съ обиженнымъ видомъ, потому что онъ считалъ себя также ученымъ и почтовую службу ставилъ наравнѣ съ академической. Позвольте доложить.....

— Чтò тутъ докладывать! съ жаромъ продолжала бригадирша. Вы, батюшка, тоже ученый, прости вамъ Господи: такъ чтò вы мнѣ скажете путнаго?.... Я и слушать не хочу, потому что у меня самой случилось нѣчто въ томъ же родѣ. Однажды, передъ ужиномъ, спжу я одна въ моей спальнѣ и занимаюсь шитьемъ: вдругъ, слышу, за печкой какъ-будто простоналъ кто-то громко. Я вздрогнула и чуть-было не упала съ кресель. Однако жъ, сотворивъ молитву, я продолжала свое рукодѣлье; черезъ полчаса, другой такой же стонъ! потомъ и третій! А послѣ послышался какой-то шорохъ. Я взглянула за печь: и чтò жъ? — черное, косматое чудовище, съ предлинными на головѣ рогами, высунулось изъ-за печки и манитъ меня одной рукой къ себѣ, а другою указываетъ въ ту сторону, гдѣ людская. Я плюнула и произнесла нѣсколько словъ, испытанныхъ противъ нечистой силы. Въ ту же минуту нечистая сила исчезла. Спустия ровно шесть недѣль отъ этого дня, сбѣжала со двора.... и говорятъ, гдѣ-то умерла, моя горничная, которая, не тѣмъ будь помянута, была пресественная плутовка.

Генераль, докторъ и оба офицера, улыбулись.

— Позвольте, доложить.... подхватилъ почтмейстеръ.

— Пустяки, отецъ мой! возразила бригадирша, не слушай. Я вашихъ ученыхъ докладовъ не пріемлю. Знаю я ихъ!

— Вамъ отъ того привидѣлось такое явленіе, сказалъ насторъ, что вы рѣдко посѣщаете Божию церковь. Если бъ вы усерднѣе молились Богу, то такія странныя видѣнія никогда бы не представлялись вашему воображенію..

— Ахъ, Боже мой! вскричала бригадирша: почему вы

думаете, что я не усердно молюсь Богу? По утрамъ и вечерамъ молитвенникъ не выходитъ у меня изъ рукъ. А что я не часто посѣщаю церковь, это оттого, что у меня нѣтъ экипажа, а пѣшкомъ идти далеко: въ мои глѣта трудно подниматься на высокую Соборную Гору.....

— Позвольте доложить, повторилъ еще разъ почтмейстеръ, надѣясь въ этотъ разъ получить рѣчь, потому что бригадирша, разсердившись на пастора, запыхалась при послѣднихъ словахъ и не могла говорить болѣе: вы изволите очень строго судить объ ученыхъ!... Есть ученые, которые не все отвергаютъ. Наша почтовая часть — тоже ученая. Въ наше вѣдомство вступаютъ все самые образованные люди.... особы знающія разные языки.... читающія газеты, журналы, книги.... многіе философы. У насъ служить, примѣрно сказать, господинъ фонъ-Визинъ, извѣстный сочинитель, который самъ часто изволитъ видѣть духовъ.... и не только видѣть ихъ, но перѣдко и разговариваетъ съ ними.—А какъ вы посудите, ваше превосходительство, продолжалъ почтмейстеръ, обращаясь къ хозяину, о происшествіи, которое случилось въ Стокгольмѣ, въ царствованіе Карла Одиннадцатаго? Вѣроятно оно вамъ извѣстно, потому что напечатано, не только за границею, но и у насъ, во многихъ книгахъ и журналахъ.

— Мало ли что печатаютъ? отвѣчалъ генералъ: не всему печатному должно вѣрить.

— Это правда, сказалъ почтмейстеръ: въ иныхъ книгахъ, а особливо въ газетахъ и журналахъ, врутъ иногда немилосердно; это ужъ, у насъ, по почтамту, давно замѣчено: однако жъ не надобно быть и вовсе недовѣрчивымъ. По-мѣтому, нынѣшнія явленія на нашей городской стѣнѣ стоятъ того, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, обратить на нихъ вниманіе.

— Объ этомъ не заботьтесь! отвѣчалъ оберъ-комендантъ; Я приказалъ уже нарядить дозорную команду, и увѣренъ, мошенники не осмѣлятся въ другой разъ показаться.

— А если это не мошенники?... и даже вовсе не люди?... возразилъ почтмейстеръ.

— А кто жъ, вы думаете? спросилъ оберъ-комендантъ.

— Конечно!.... отвѣчалъ почтмейстеръ, заинаясь: это.... это—очень странное происшествіе!... почти неправдоподобное!... впрочемъ!... бываютъ чудеса!... непостижимыя уму человѣческому....

— Расскажи, mon ange, его превосходительству, подхватила почтмейстерша: какъ у тебя пропала бородавка: это также.... непостижимо умомъ человѣческимъ.

— Если его вневосходительству и *симиъ дамамъ* угодно выслушать, то я расскажу все въ подробности. Вотъ какое чудное происшествіе случилось у насъ по почтовой части, не очень давно, когда я служилъ въ столицѣ. Оно извѣстно всѣмъ ученымъ. У меня вдругъ выросла бородавка, и—догадно!—на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ носомъ. День-отодня она становилась больше и больше и, наконецъ, достигла величины порядочнаго орѣха. Это, знаете, очень непріятно, особенно въ Петербургѣ, гдѣ на наружность обращаютъ въ обществахъ большое вниманіе. Какъ бытъ! думаю: какъ избавиться отъ такой конфузій?... стыдно показаться передъ прекрасными дамами!... Я совѣтовался съ врачами: они говорили, что тутъ нужна операція. Предосадно! Операціей, пожалуй, могутъ обезобразить мнѣ лицо, и, въ самомъ удачномъ случаѣ, заставятъ меня непременно сидѣть мѣсяца два взаперти, а я тогда только-что познакомился съ вынѣшнею моею супругою и начиналъ ухаживать за нею. Я не могъ рѣшиться. Вдругъ приходитъ московская почта.. Вамъ, Андрей Ивановичъ, конечно, извѣстенъ «Экономическій магазинъ», который издается въ Москвѣ тамошними учеными. Превосходный журналъ! Преполезное изданіе!... другаго такого нѣтъ у насъ на Руси. Приходитъ московская почта, приносятъ новую книжку «Экономическаго магазина», раскрываю и, вдругъ, вижу — *Вѣрное симпатическое средство сгонять бородавки....* Я принялся читать. Въ статьѣ было сказано, что тотъ, у кого есть бородавка, долженъ найти случай увидѣть двухъ человѣкъ, скачущихъ верхомъ или идущихъ скорымъ шагомъ, и закричать вслѣдъ имъ: *Э! двое васъ!... возьмите и мою бородавку съ собою!*—и бородавка исчезнетъ *. При-

* Это средство напечатано на страницѣ 326 восемнадцатой части

знаюся, я много читалъ Вольтера, Руссо, Давро и другихъ выиѣшнихъ философовъ, и не повѣрилъ этому. Думаю: вздоръ! суевѣріе! выдумки езуитовъ!.... Однако жъ, на другой день, стоя на порогѣ почтамта—дождь былъ на дворѣ—вижу, одинъ изъ нашихъ экспедиторовъ, большой Франтъ, вышедши изъ должности, бѣжитъ по улицѣ на квартиру, подъ зонтикомъ, объ-руку съ своимъ помощникомъ. Я вспомнилъ о томъ, что читалъ вчера п—такъ, —просто, для смѣху—закричалъ имъ: «Э! двое васъ! возьмите и мою бородавку съ собою». Послѣ чего, поймавъ извозчика, поскакалъ я домой, и совершенно забылъ объ этой шуткѣ. Но, вдругъ, послѣ обѣда, случайно подхожу къ зеркалу, и вижу—бородавки мои!.... какъ не бывало! Что за чудо! Я не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. На слѣдующее утро прихожу въ почтамтъ я, въ корридорѣ, встрѣчаюсь съ экспедиторомъ: что жъ вы скажете!.... моя бородавка сидѣла у него посреди лба! Франтъ былъ въ отчаяніи. Миѣ стало жаль его: я и признался, что этимъ нежданымъ украшеніемъ обязанъ онъ мнѣ, и научилъ его вѣрному средству отдѣлаться отъ проклятой шишки. Экспедиторъ поступилъ въ точности по рецепту, и подкараулилъ двухъ скачущихъ верхомъ почталіоновъ: ему стоило только произнести заветныя слова и бородавка тотчасъ переселилась на лицо къ одному изъ нихъ, по имени Трифонову. Много трунили мы надъ бѣднымъ Трифоновымъ, но, наконецъ, сжалились надъ нимъ и научили его нашему секрету. Трифонъ передалъ ее такимъ же образомъ одному изъ своихъ товарищей. Но какъ средство сгонять бородавки сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ по всему почтамту, то моя бородавка пошла быстро по рукамъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ перебывала на множествѣ лицъ. Я потерялъ ее изъ виду. Въ Новый Годъ, прихожу съ поздравленіемъ къ господину фонъ-Визину: глядь—моя бородавка у него на носу! «Ахъ, негодяи!» подумалъ я: «о-должилъ же почтешаго Дениса Ивановича!» По усердію къ службѣ, я счелъ своей обязанностью очистить начальнической носъ нашего вице-почтдиректора отъ такой прока-

«Экономическаго магазина», выходящаго въ Москвѣ съ 1780 по 1790 годъ. Симпатическія средства были тогда въ большой модѣ.

зы и сообщилъ ему номеръ журнала, гдѣ было напечатано вѣрное средство противъ бородавокъ. Господинъ фонъ-Визинъ — вы знаете — былъ прежде *tête forte*, страшный философъ: онъ бросилъ книжку съ гнѣвомъ и называлъ издателей ея дураками. Я однако жъ убѣждалъ его попробовать, хоть для смѣху, увѣряя честнымъ словомъ, что дѣйствительность средства испыталъ я самъ на себѣ. Денисъ Ивановичъ, казалось, не хотѣлъ слушать, однако жъ поколебался въ душѣ и, какъ видно, долго высматривалъ удобный случай, чтобы избавиться отъ гостя по моему примѣру. Мѣсяцевъ пять или шесть носилъ онъ на носу эту мерзость, какъ-вдругъ встрѣчаю я Дениса Ивановича на улицѣ. Онъ весело подходитъ ко мнѣ, беретъ за руку, и говоритъ: «Спасибо, братъ!... благодарю за средство противъ бородавокъ. Видишь ли, у меня теперь нѣтъ моей бородавки!... А знаешь ли у кого она? Я посадилъ ее на носъ Державину, который, съ олою подъ мышкою, скакалъ во всю прыть на Ванькѣ въ переднюю къ Потемкину. Онъ написалъ на меня препошлую сатиру: вотъ ему отвѣтъ! Пусть повозится съ шишкой на носу.»—Вамъ извѣстно, Андрей Ивановичъ, продолжалъ почтмейстеръ, что они — непримиримые враги, безпрестанно пишутъ другъ на друга презлыя штуки. Господинъ фонъ-Визинъ взялъ съ меня слово, что я не открою секрета сопернику его, и господинъ Державинъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ досады, принужденъ былъ подвергнуться операціи. Неприлично было отправляться на губернаторское мѣсто въ Вологду съ такою безобразною шишкою на носу. Но господинъ фонъ-Визинъ съ-тѣхъ-поръ совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей, и теперь говоритъ и пишетъ совсѣмъ другое. Моя бородавка, Андрей Ивановичъ, будетъ знаменита въ исторіи русской литературы!

— И вы не шутите? спросилъ генераль.

— Какъ честной человѣкъ, не шучу! отвѣчалъ почтмейстеръ. Все что я имѣлъ честь докладывать — истинная правда, дѣло извѣстное ученому свѣту. Въ мірѣ есть вещи непостижимыя умомъ человѣческимъ!

— Такъ я ужъ, право, не знаю что и думать, сказалъ

оберъ-комендантъ и, отойдя всторону, завелъ отдѣльный разговоръ съ докторомъ и пасторомъ.

Остальная часть вечера не представляла ничего особеннаго замѣчательнаго, исключая развѣ того, что бригадирша пригласила Кайсанова къ себѣ на слѣдующее утро на вафли. На другой день, молодой человекъ, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія, проходилъ по Дибровской улицѣ мимо дому Кубышкина, и замѣтилъ на дворѣ его нѣсколько дорожныхъ экипажей. Далѣе по той же улицѣ, бригадирша Б*** сидѣла уже съ чулкомъ въ рукахъ у своего окна. Лишь-только она увидѣла Кайсанова, тотчасъ застучала въ стекло, подавая знакъ, что это — ея домъ. Слуга, ожидавшій у калитки, проводилъ его въ комнаты.

Домикъ Анны Ивановны былъ довольно мнѣшнорный; мебели—стариннаго фасону; въ крошечной залѣ висѣло съ полдюжины гравированныхъ картинокъ, портретъ покойнаго супруга и небольшое зеркало.

— Вы, вѣрно, забыли бы зайти, если бѣ я васъ не увидѣла, сказала Анна Ивановна. Прошу садиться. Не заходили ли вы теперь къ Кубышкинымъ?

— Нѣтъ, сударыня. Я хотѣлъ-было зайти, но, увидѣвъ, что тамъ какія-то прїѣзжіе, расчелъ, что неприлично беспокоить хозяевъ въ такое время.

— А вы еще не знаете, кто это гости? Ну, такъ я вамъ расскажу. Вчера вечеромъ прїѣхала къ нимъ, изъ своего помѣстья, крестная сестра Надежды Алексѣевны, дѣвица Александра Сергѣевна Друкортъ, съ прїятельницами своими, которыхъ она всегда возитъ съ собою.... Кажется, я говорила вамъ вчера, что Надежда Алексѣевна воспитывалась въ домѣ полковницы Друкортъ, которая года два назадъ скончалась. Эта прїѣхавшая дѣвица—дочь ея. Она часто прїѣзжаетъ, чтобъ повидаться съ крестною своею сестрицей, съ которой вмѣстѣ выросла и которую ужасно любить. Я знала ее еще ребенкомъ: теперь ей уже двадцать первый годъ.... она непременно будетъ у меня на-дняхъ.... а можетъ-быть еще и сегодня. Не хотите ли и вы, черезъ меня, познакомиться съ нею?

— Мнѣ очень прїятно было бы завести знакомство съ

такую образованною дѣвицей, но, къ сожалѣнію, я не могу долго пользоваться этимъ удовольствіемъ, потому что не долго пробуду въ Смоленскѣ.

— А я совѣтовала бы вамъ не упускать благопріятнаго случая. Я увѣрена, что Александра Сергіевна очень вамъ понравится, и вы увидите, что она премилая, прелюбезная, преумная дѣвушка. Я опишу вамъ ее. Но прежде прикажу подать вафлей. Эй, Машка!

На этотъ кликъ явилась горничная, съ накинутой на плеча шубейкой. Бригадирша велѣла накрыть столикъ, передъ которымъ бесѣдовала съ своимъ гостемъ, и подавать вафли.

— Во-первыхъ, Александра Сергіевна Друкортъ такая красавица, какую рѣдко найти можно. Во-вторыхъ, какъ я уже сказала, ей только двадцать-первый годъ. Въ-третьихъ, воспитана она какъ-нельзя лучше, говорятъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски; прелестно танцуетъ, мастерски играетъ на клависинѣ. Что жъ касается до ея сущности, то, послѣ смерти родителей, досталось ей въ наслѣдство болѣе тысячи душъ крестьянъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ и много наличныхъ денегъ, драгоценностей, серебряныхъ сервизовъ. Въ добавокъ, она еще и знатнаго роду: дѣдъ ея былъ природный англійскій лордъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оставившій свою сторону. При Петрѣ Великомъ, онъ вступилъ въ русскую военную службу, а потомъ, вышедши за ранами въ отставку, поселился въ смоленской губерніи и женился на богатой здѣшней дворянкѣ: всѣ потомки его—русскаго закову.... О! Александра Сергіевна премилая, предостойная барышня! Я удивлялась, какъ она по-сю-пору не выбрала себѣ партіи! Уже болѣе двадцати жениховъ сватались за нея: между ними были достойные и богатые, — но нѣтъ! всѣмъ отказъ, и живетъ-себѣ въ деревнѣ. Какъ ей тамъ не соскучится! При ней, конечно, двѣ компаніонки, но онѣ не равнаго съ нею образованія. Одна—небогатая, дальняя родственница, довольно уже пожилая дѣва; другая—также бѣдная дворяночка, которую приняли они съ тѣмъ, чтобъ выдать за-мужъ съ хорошимъ приданымъ. Эта еще молода, только совсѣмъ ужъ не красива

лицомъ.... Александра Сергіевна желала бы взять къ себѣ и Наденьку Кубышкину, но родители не соглашаются. Отвѣдайте-ка моихъ вафельцовъ. Я увѣрена, что въ Смоленскѣ ни у кого не спекутъ такихъ вкусныхъ... Не хвастовски скажу, я—мастерица стряпать всякія сладкія кушанья. Пожалуйста ко мнѣ, когда-нибудь на вечерокъ; я попотчую васъ блинками, оладьями, молочнымъ киселькомъ со сливками. О! все это вы будете кушать съ величайшимъ аппетитомъ. Признаться сказать, я васъ очень полюбила. Прошу по-чаще навѣщать меня, съ своимъ другомъ... Но что жъ вы такъ мало кушали? Возьмите еще... Хоть немножко.... Сдѣлайте милость!.... Пожалуйста!.... Безъ церемоніи! Ну, еще парочку!..... Пожалуйста!.... да пожалуйста!

Кайсановъ благодарилъ Анну Ивановну за благорасположеніе и взялъ еще одну вафлю. Бригадирша кликнула свою Малашку и велѣла подать сладкаго вина.

— Гдѣ вы намѣрены провести сегодняшній вечеръ?

— Мы дали слово почтмейстеру, быть у него сегодня на вечеринкѣ.

— А завтра пожалуйста ко мнѣ.

— На завтрашній день отозваны мы къ Кубышкинымъ.

— Ахти, какая бѣда!.... впрочемъ, завтра мы увидимся у Кубышкиныхъ.

Кайсановъ откланялся и вышелъ. Воротясь домой, онъ засталъ у своего друга хозяина ихъ квартиры, купца Балахонова, который сидѣлъ передъ закуской и разсуждалъ съ Блюмомъ о бывшемъ въ прошедшую ночь пожарѣ. При входѣ Кайсанова, онъ всталъ, поклонился и сѣвъ опять, продолжалъ прерванный предметъ.

— У насъ, извольте видѣть-съ, часто происходятъ, такъ сказать, подобныя козни. Вотъ-съ, въ нынѣшнемъ году-съ, примѣромъ—будучи, въ третій уже разъ случился на Рачевкѣ пожаръ. Первый былъ на Святой, другой въ Ивановъ день, а третій въ прошедшую ночь, и все, извольте видѣть-съ, на одной улицѣ. Это очень сумлительное.... выно кто-нибудь, примѣромъ сказать, поджигаетъ.

— Мнѣ сказывалъ плацъ-маіоръ, прервалъ Кайсановъ,

что загорѣлось отъ оставленной въ кухнѣ свѣчи, которую служанка, ложась спать, забыла погасить.

— Это, изволите видѣть-съ, обнокавенная причина: такъ говорятъ, чтобы, тово-воно, такъ сказать, скрыть настоящую. А я досконально слышалъ отъ вѣроятныхъ людей, что этотъ пожаръ произошелъ, примѣромъ будучи, отъ поджогу. У насъ завелась нечистая сила. Есть, примѣромъ будучи, чортъ, который, изволите видѣть, возмущаетъ злыхъ людей.... и прочая.

По мнѣнію хозяина, эти частые пожары состояли въ связи съ явленіемъ призраковъ на городской стѣнѣ, и онъ былъ увѣренъ, что если не прибѣгнуть къ колдунамъ и подлежащему заклинанію, то вскорѣ Смоленска на земномъ лицѣ не станетъ.

Съ крестною сестрицею Наденьки Кайсановъ познакомился скорѣе нежели какъ думалъ: онъ въ тотъ же вечеръ встрѣтился съ нею у почтмейстера и нашелъ ее въ самомъ дѣлѣ очаровательною. На слѣдующій день онъ былъ у Кубышкиныхъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Блюмомъ. Саша Друкорть, разумѣется, находилась тутъ же. Она жила у Кубышкина и пріѣхала въ Смоленскъ именно по тому случаю, что Аграфена Кузминична намѣревалась угостить въ этотъ день нѣкоторыхъ своихъ друзей, въ томъ числѣ одного молодого и весьма образованнаго офицера, съ которымъ она недавно познакомились и о которомъ Наденька успѣла уже написать ей множество очень интересныхъ вещей. Вечеръ, для Кайсанова и Блюма, прошелъ чрезвычайно пріятно среди русскаго радушія добрыхъ хозяевъ и очарованій умной бесѣды двухъ прелестныхъ пріятельницъ. Наденька была совершенно восхитительна, а Кайсановъ — въ восторгѣ отъ каждаго ея слова, движенія, взгляду.

— Мнѣ кажется, Наденька, шепнула ей подруга, что этотъ молодой человекъ влюбленъ въ тебя безъ памяти?

— Ахъ! нѣтъ, Саша! отвѣчала та, краснѣя. Онъ—такой милый!... Не правда ли, Саша, что онъ очень, очень милъ?

— Чрезвычайно!

— Въ самомъ дѣлѣ, ты находишь?

Т. LXXI. — Отд. I.

— Въ самомъ дѣлѣ. Ты знаешь, что я всегда думаю твоей думой и чувствую сердцемъ.

Пріятельницы танцетвенно пожали другъ друга за руки. Кайсановъ и Блюмъ свели здѣсь еще одно интересное знакомство. Засѣдательша, госпожа Дмудовская, бывшая тутъ съ своимъ мужемъ, казалась очень дружною съ Александрою Друкорть и Наденькою. Она далеко не могла сравниться ни въ красотѣ, ни въ образованности съ двумя своими пріятельницами, но тѣмъ не менѣе считалась очень милостивою и любезною женщиною. Она, какъ замужняя, много способствовала къ одушевленію и занимательности бесѣды, учредившейся между молодыми людьми обоого пола. Пріѣздъ бригадирши Анны Ивановны по-необходимости долженъ былъ разрушить этотъ плѣнительный обмѣнъ невинныхъ идей и стыдливыхъ остротъ. Бригадирша тотчасъ подняла на языкъ стараго подъячаго Цапкина, съ которымъ она завела споръ о домовыхъ. Противорѣчья Цапкина не нравились Аннѣ Ивановнѣ, и она наконецъ вскричала:

— Да перестань, пожалуйста. Просто, отецъ мой, несешь такой вздоръ, какъ-будто ты былъ штатный академикъ. А еще славись доюю, дѣльцомъ!... Вотъ, лучше, расскажи этимъ пріѣзжающимъ господамъ, что знаешь о нашемъ славномъ смоленскомъ Меркуріи. Ты вѣдь долго рылся въ разныхъ рукописаніяхъ, читалъ старыя гисторіи: такъ расскажи всѣмъ имъ, что открылъ, что объ этомъ виднеть.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Цапкинъ, кланяясь. Хотя вы, всепочтенѣйшая Анна Ивановна, изволите ужасно обезкураживать меня, мизарнаго, однако я всегда готовъ повиноваться вашему маію.

Цапкинъ началъ своимъ природнымъ слогомъ рассказывать чудный подвигъ знаменитаго витязя Меркурія который спасъ Смоленскъ отъ грозной рати Батяи: послѣ чего разговоръ естественно перешелъ къ древностямъ города, его вѣрнымъ достопамяностямъ, стариннымъ стѣнамъ и, наконецъ, къ послѣднимъ чудеснымъ явленіямъ башни Веселухи, которая въ то время составляла общую тему разсужденій мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ. Этотъ

предметъ показался уже совершенно незанимательный Кайсанову, котораго всѣ мысли стремились къ Наденькѣ. Не предвидя возможности возобновить въ тотъ вечеръ пріятную бесѣду съ двумя крестными сестрицами и любезною заведательшею, прерванную пріѣздомъ бригадирши, онъ предложилъ Блюму удалиться ранѣе прочихъ гостей.

Наконецъ наступилъ день веселія и радости, день нетерпѣливо ожидаемый Смолянами высшаго круга.

Сверхъ ежегодныхъ привошеній, жертвуемыхъ болѣе важными чиновниками для составленія клуба, богатые дворяне, пріѣхавшіе въ эту зиму на выборы, сложились еще по нѣкоторой суммѣ, чтобъ дать блистательный балъ. Недѣли за двѣ до назначеннаго торжества, всѣ помѣщики и помѣщницы восхищались уже предстоящимъ удовольствіемъ. Каждый размышлялъ о томъ, какъ проведетъ отраднѣе вечеръ, съ кѣмъ будетъ танцовать, или играть въ карты.

Едва первые лучи солнца озарили этотъ желанный день, все засуетилось въ Смоленскѣ, все стало умываться, причесываться, повертываться передъ зеркаломъ, все съ нетерпѣніемъ ожидало вечера. Въ шесть часовъ зала освѣтилась, и потянулись изъ всѣхъ улицъ экипажи, нагруженные прелестями и надеждами. Тутъ были налицо почти всѣ извѣстнѣйшія фамиліи, составлявшія тогдашнюю смоленскую аристократію. Преимущество передъ всѣми брали, по праву, Х—кіе, изъ которыхъ три родные брата занимали въ Смоленскѣ почетныя должности: одинъ былъ губернаторомъ, другой вице-губернаторомъ, а третій губернскимъ предводителемъ. Кромѣ-того, многіе однофамильцы ихъ служили въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Съ Х—кими равнялись числомъ Аршеневскіе. Послѣ нихъ самыя значительныя были—князья Туркистановы, князья Мещерскіе, князья Вяземскіе, князья Гурки-Рамейки, Друцкіе-Соколинскіе, Рамскіе-Корсаковы, Повало-Швыйковскіе, Нечуя-Каховскіе, Огонь-Догоновскіе, Красно-Милашевичи, Спкойскіе-Францевичи, Станкевичи, Лешевичи-Бородолучи, Бородавичины, Яфимовичи, Богдановичи, Адамовичи, Осиповичи, Тумило-Донисовичи, Рачинскіе, Равинскіе, Камталинскіе, Нововишскіе, Шупинскіе, Дудинскіе, По-

жогины-Отрошковици, Вонъ-Ляръ-Лярскіе, Азанеевскіе, Врочевскіе, Шипневскіе, Дмуховскіе, Верховскіе, Длотовскіе, Воеводскіе, Краевскіе, Маевскіе, Здроевскіе, Чеславскіе, Радванскіе, Аличковы, Потемкины, Гедеоновы, Панютины, Милютины, Халютины, Малышевы, Малечкины, Якушкины, Хлюстины, Лыкошины, Глинки, Рароги, Ловейки, Куруты, Путяты, Брезгуны, и другіе, которыхъ фамиліи оканчивались на *ицкіе, инскіе, евскіе, овскіе, евичи* и *овичи*. Нельзя забыть также и о вошедшихъ въ смоленское дворянство, черезъ покупку помѣстьевъ, потомкахъ Англичанъ и Нѣмцовъ: такими почитались Лесли, Друкорты, Оттоменки, Реады, Энгельгардты, Арндты, Баннеры, Эсмонты, и прочая.

Музыка заиграла. Губернаторъ съ оберъ-комендантшей открыли балъ *длиннымъ польскимъ*. Послѣ двухъ длинныхъ начался *круглый польскій*. Затѣмъ явились *нѣмецкіе кадрили*. Наконецъ получили очередь другіе танцы, бывшіе тогда въ модѣ: *ала-грекъ, англійскій променадъ, алеманъ, хлопушка* и *уточка*. Старики и старушки устѣлись за карточные столы потѣшаться въ вистъ, въ комету, три-три, рекамболъ и макао. Въ девять часовъ вечера, во всѣхъ комнатахъ сдѣлалось такъ тѣсно, что едва можно было пробраться изъ одной въ другую.

Послѣ первыхъ танцевъ, Кайсановъ и Блюмъ, ходя по комнатамъ, принялись разсматривать публику и любоваться на цвѣтушія лица пригожихъ Смолянокъ, между которыми, Наденька Кубышкина и Саша Друкортъ сіяли какъ два солнца между звѣздами. Мужчины, окружавшіе ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсными группами, разговаривали между собою о выборахъ, о картахъ, о политикѣ, о своихъ подвигахъ противъ зайцевъ и медвѣдей, о женщинахъ и, разумѣется, также о чудесныхъ явленіяхъ башни Веселухи. Вовсе незнакомые обществу, наши два офицера не обращали на себя ничего вниманія и слушали безъ интересу эти рассказы и разсужденія безвѣстныхъ туземцевъ, какъ-вдругъ въ ушахъ Кайсанова раздалось имя Александры Сергѣевны Друкортъ, произнесенное въ ближайшей группѣ. Онъ сталъ прислушиваться.

— Жаль, сказалъ какой-то молодой франтикъ, одѣтый

очень чопорно, что она выходитъ за-мужъ, а я собрался восвататься къ ней.

— Выходитъ за-мужъ? перервалъ одинъ изъ его товарищей. За кого?

— Довольно странно! продолжалъ франтикъ: только-что пріѣхала сюда изъ деревни, для свиданія съ знакомыми, и успѣла уже влюбиться въ какого-то полевого офицера, присланнаго сюда за рекрутами!

— Штъ!.... произнесъ кто-то. Говори тише!

— Что за секреты? сказалъ ораторъ прежнимъ своимъ голосомъ. Свадьба, говорятъ, назначена въ весьма скоромъ времени. Ну, такъ и Богъ съ нею: пусть себѣ выходитъ! Плакать не станемъ. Напротивъ, я первый поздравлю офицера: у него будетъ красавица, тысяча душъ крестьянъ, кромѣ счастья, серебра и наличныхъ денегъ.

— Не дурно пріѣзжать къ намъ за рекрутами! замѣтилъ одинъ изъ этихъ господъ.

— А товарищъ рѣченнаго счастливецъ, другой полевой офицеръ, женится на дочери купца Кубышкина, у котораго теперь живетъ Александра Друкортъ. Эта купеческая мамзель также—лакомый кусочекъ. Хороша, чортъ возьми! Еще красивѣе своей пріятельницы. Я влюбленъ въ нее по горло: одно только непріятно, что она не дочь своего отца, а Богъ знаетъ, кто такая. А впрочемъ, это еще и лучше.... для любителей коммерціи....

— По чему же ты знаешь, что она не дочь Кубышкина?

— Ужъ это мнѣ достовѣрно извѣстно. Она въ младенчествѣ подкинута Кубышкину, и какъ у него не было дѣтей, то онъ и очень обрадовался такой находкѣ. Онъ взялъ дѣвочку на воспитаніе. Если бъ она была родная дочь его, онъ бы, разумѣется, не отдавалъ ее полковницѣ Друкортъ на семь лѣтъ.

— Такъ ты, братъ, въ нее влюбленъ?

— Ужасно! Уже почти трое сутокъ.

— И готовъ былъ бы жениться?

— Жениться?... Фи!... Богъ съ ней! Жениться на купеческомъ подкидышѣ! Къ намъ это нейдетъ. Любить—дѣло другое! Зачѣмъ не любить хорошенькой?

Онъ еще не кончилъ фразы, какъ подошелъ къ нашимъ офицерамъ засѣдатель Дмуховскій, мужъ оной засѣдательши, которую вы уже знаете. У Кайсанова вся кровь кипѣла въ жилахъ. Онъ желалъ знать, кто это осмѣливается такъ низко отзываться о Наденькѣ, и просилъ засѣдателя назвать ему дерзкаго оратора. Дмуховскій, заглянувъ въ группу, отвѣчалъ, что это — пустой и безнравственный мальчишка, племянникъ одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, полковника смоленской шляхты, графа Змѣявскаго, который и самъ стоялъ неподалеку отъ нихъ. Этого племянника зовутъ по фамиліи Щелкачовымъ: онъ служилъ поручикомъ и принужденъ былъ оставить полкъ. Кайсановъ желалъ знать, что значить и гдѣ служить графъ, его дядюшка. Засѣдатель объяснилъ, что графъ теперь въ отставкѣ, но лѣтъ пятнадцать назадъ, во время отпуску тогдашняго губернатора, игралъ важную роль въ наместничествѣ и дѣлалъ почти все, что хотѣлъ. Обыкновенно онъ живетъ въ своихъ деревняхъ, но теперь пріѣхалъ сюда за тѣмъ, что надѣется быть выбраннымъ въ губернскіе предводители. «Но врядъ-ли надежда его исполнится, присовокупилъ Дмуховскій: дворянство не любитъ его за надмѣнный и корыстолюбивый характеръ. Притомъ же онъ не изъ нашихъ, хотя давно уже приписанъ къ смоленской шляхтѣ: онъ — выходецъ изъ Бѣлоруссіи, лѣтъ тому двадцать онъ оставилъ польскія владѣнія, а иные утверждаютъ — долженъ былъ оставить за какія-то недобрія дѣла, хотя самъ онъ увѣряетъ, что причиною переселенія этого къ намъ была приверженность къ Русскимъ. Разными непонятными средствами онъ умѣлъ составить себѣ огромное состояніе.» И засѣдатель простился съ офицерами, сказавъ, что ищетъ свою жену, чтобъ отправиться домой.

Кайсановъ оглянулся: господина Щелкачова уже не было, ни въ группѣ, ни въ той комнатѣ. Наши офицеры оставили собраніе.

Все презрѣніе къ человѣку, котораго Дмуховскій называлъ безнравственнымъ мальчишкою, не могло выгнать изъ головы Кайсанова оскорбленія, сдѣланнаго любимой и уважаемой особѣ. Во всю ночь мечтались ему во снѣ моло-

лей болтунь Шелкачовъ и дядя его, графъ Змѣевскій, старикъ отвратительнаго и зловѣщаго виду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НОВЫЯ ЛИЦА.

За Молѳковскими Воротами, на гладкой и сухой равнинѣ, гдѣ, въ 1780 году, близъ городской стѣны, выстроено было на-скоро большое деревянное зданіе, названное *Опернымъ домомъ*, въ которомъ, въ бытность Государыни, дано нѣсколько представленій благородными актерами— къ числу ихъ принадлежала и одна изъ дочерей генерал-губернатора, князя Рѣпина, — стоялъ фасадомъ къ городу вновь выстроенный деревянный домъ о десяти окнахъ на лицо. Недѣли за двѣ до дворянскаго бала, нанялъ этотъ домъ пріѣхавшій изъ деревни богатый смоленскій помѣщикъ. Заблаговременно, до своего прибытія, отправилъ онъ сюда цѣлый обозъ съ мебелью и домашними принадлежностями. Диваны, софы, кресла и стулья, обитые венеціанскими тканями, богатые столы, комоды и шкафы, огромныя зеркала, хрустальныя люстры, фарфоровыя вазы, множество картинъ и эстамповъ, въ которыхъ героини и герои, по тогдашней модѣ, показывали любопытнымъ зрителямъ всѣ таинства анатоміи, все это пріѣхало изъ деревни въ городъ для украшенія парадныхъ комнатъ. Кабинетъ такимъ же образомъ наполнился книгами въ щегольскихъ переплетахъ: сочиненія Вольтера, Руссо, д'Аламбера и Дидро, писателей, которыхъ слава гремѣла тогда на всю Европу, составляли основаніе этой отборной библіотеки свѣтскаго читателя. Посреди рядовъ раззолоченныхъ книгъ висѣлъ портретъ новаго жильца дому; а по угламъ и у оконъ на мраморныхъ колоннахъ современныхъ философовъ.

Было девять часовъ утра. Изъ спальни въ кабинетъ

вышелъ въ турецкомъ халатѣ высокаго росту мужчина лѣтъ шестидесяти-двухъ. На неподвижномъ лицѣ его рѣзко выказывались высокомеріе и злоба. Онъ сѣлъ на диванъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Явился камердинеръ.

— Всталъ ли Евграфъ Софроновичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволятъ еще опочивать.

— Разбуди, и скажи, что я хочу говорить съ нимъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!

Это сіятельство было *графъ Змѣявскій*, а Евграфомъ Софроновичемъ, съ которымъ хотѣлъ онъ бесѣдовать, имѣлъ честь быть достойный его племянникъ, *Щелкачовъ*.

Евграфъ Софроновичъ не скоро явился къ почтенному дядюшкѣ. Возвратясь поутру въ третьемъ часу домой, онъ долго еще не могъ уснуть отъ горячихъ мечтъ о бывшихъ на балѣ красавицахъ. Наденька, въ-особенности, воспламеняла его сердце и воображеніе своими прелестями, и Морфей съ трудомъ покорилъ его своей власти.

Камердинеръ старался разбудить молодого барина, но *Щелкачовъ* адресовалъ его къ чорту. Наконецъ однако жъ надобно было встать и явиться къ негодующему на медленность старому графу, отъ милости котораго зависѣла вся будущая судьба небогатаго отъ природы и въ-конецъ разореннаго распутствомъ племянника.

— Какъ не стыдно спать такъ долго! сурово сказалъ старикъ.

— Я заснулъ только въ шесть часовъ утра и спалъ не болѣе трехъ часовъ, отвѣчалъ Евграфъ Софроновичъ.

— Когда мои дѣла требуютъ отъ васъ дѣятельности, то можно, сударь, и вовсе не спать. Черезъ двѣ недѣли начнутся дворянскіе выборы.

— Знаю.

— Надо помышлять объ успѣхѣ моего желанія. Уговорилъ ли ты своихъ друзей и знакомцевъ дѣйствовать въ мою пользу?

— Можно ли въ такомъ большомъ собраніи, каково вчерашнее, и притомъ на балѣ, объясниться со всѣми о дѣ-

лахъ? Однако жъ, по вашему приказанію, я намекалъ мно-
гинь.... только, какъ кажется, не многіе расположены
въ нашу пользу. Бѣольшая часть уже распорядилась своими
голосами и обѣщала удержатъ на мѣстѣ нынѣшняго гу-
бернскаго предводителя.

— А говорилъ ли ты Хватайкѣ и Пустопольскому? На
этихъ двухъ я имѣю большую надежду. У Хватайки —
очень много знакомыхъ между мелкопомѣстными, по дѣ-
ламъ которыхъ онъ ходатайствуетъ съ того времени,
какъ лишенъ прокурорской должности; они считаютъ его
большимъ дѣльцомъ и вѣрятъ ему совершенно. А Пусто-
польскій, хоть и не дальняго ума, отличный ябедникъ и
проныра: въ настоящемъ случаѣ онъ можетъ быть весь-
ма полезенъ, потому что распоряжается почти сотнею го-
лосовъ своихъ родственниковъ. Если бъ ты склонилъ
только этихъ двухъ на нашу сторону, то они дали бы намъ
по-крайней-мѣрѣ до полутора ста избирательныхъ шаровъ.

— Съ ними я уже говорилъ. Я увѣрилъ ихъ, что вы
будете благодарны.

— Что же они на это сказали?

— Они сдѣлали такую гримасу, какъ-будто не вѣрятъ
обѣщаніямъ и требуютъ солиднаго обезпеченія.

— Ахъ, алчные воики!... ахъ, этотъ мерзавецъ Хватай-
ко!... я давно знаю жадность его къ деньгамъ! Неблагодар-
ный! въ мое время, когда онъ служилъ здѣсь прокуроромъ,
я великодушно смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ онъ бесце-
лѣстно драгъ съ праваго и виноватаго. Думалъ ли я,
что и съ меня, въ воздаяніе за мое покровительство, по-
требуетъ онъ взятку при случаѣ! Послѣ этого, извольте же
дѣлать добро подлецамъ! Поѣзжай теперь же къ нимъ
и скажи, что я прошу ихъ сегодня откупать со мной,
что мнѣ очень нужно посоветоваться съ ними объ одномъ
важномъ дѣлѣ, съ которымъ сопряжена и ихъ польза.
Обласкай ихъ, полести.... Понимаешь?

— Очень хорошо: я тотчасъ поѣду. Тутъ, я знаю, нужны
уступчивость, умъ и ловкость: намъ приходится бороться
съ очень сильною партіей, которая дѣйствуетъ въ пользу
нынѣшняго предводителя. Многіе говорили мнѣ вчера:
«Зачѣмъ намъ искать другаго предводителя?... Такого поч-

теннаго, благоразумнаго и добраго человѣка каковъ Степанъ Юрьевичъ Х—кій, рѣдко найти можно.»

— Это говорятъ только въ угожденіе брату его, губернатору. Охъ, ужъ эти Х—кіе!... За ними, никто въ губерніи не имѣеть должнаго вѣсу. Пусть только, совершится мое желаніе, я докажу имъ дружбу. Почему знать! можетъ-быть мѣсто его брата получимъ и мы! Тогда всѣ Х—кіе станутъ плясать по моей дудкѣ!

Щелкачовъ одѣлся и поѣхалъ.

Графъ, оставшись одинъ, велѣлъ позвать повара и приказалъ ему приготовить къ обѣду по-больше русскихъ блюдъ, жирныхъ, кислыхъ, крѣпкихъ, соленыхъ, соответственныхъ приказному вкусу ожидаемыхъ гостей.

Черезъ нѣсколько часовъ, Щелкачовъ возвратился съ двумя почтенными пріятелями дялюшки. Графъ встрѣтилъ ихъ съ тѣмъ лицемѣрствомъ, съ какимъ обыкновенно встрѣчалъ онъ тѣхъ, которые бывали ему нужны. Онъ посадилъ ихъ рядомъ съ собой на диванъ, позвонилъ, и приказалъ слугѣ подать закуску.

Можно было замѣтить, что Памфилъ Денисьевичъ Хватайко и Спиридонъ Кирьяловичъ Пустопольскій, непривычные къ милостямъ знатныхъ и богатыхъ людей, сами чувствовали себя не на мѣстѣ. Они не знали, какъ скрыть свое замѣшательство передъ напряженною любезностью графа. Они церемонились и не сажались по первому приглашенію. Поклоны, комплименты и ужимки придавали страннымъ ихъ фizioноміямъ и костюмамъ еще болѣе оригинальности. Хватайко былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого росту, сухощавъ, съ волосами приглаженными назадъ, и съ тоненькою торчащею косою на затылкъ. Широкій, пурпуровый носъ его, въ родѣ великолѣпныхъ носовъ, писанныхъ аль-фреско на старинныхъ сводахъ, рѣзко отъивался отъ смугло-коричневаго лица. Пустопольскій, нѣсколькими годами моложе своего товарища, былъ высокъ какъ сосна и толстъ какъ бочка. Пухлыя щеки его, между которыми пропадалъ призракъ носа, походили на два вздутые пузыря, и надъ этими красными буграми, какъ два законченные фонаря, свѣтилась пара плутовскихъ глазокъ. Голова, сотворенная по

образу и подобію капустнаго кочня, отлпчалась отъ кочня только высоко взбитымъ трупеемъ и двумя жестоко насаленными и густо напудренными пуклями. Эти двѣ странныя фигуры были во всемъ діаметрально противоположны другъ другу. Намфилъ Денисьевичъ, несмотря на свои солидныя лѣта, былъ очень живъ въ движеніяхъ и боекъ на словахъ; напротивъ, Спиридонъ Кириловичъ вѣрочался неуклюжо и говорилъ вяло. Впрочемъ, у обоихъ имѣлось по чину, въ то время довольно значительно: Хватайко былъ надворный, а Пустопольскій титулярный!

За закускою и за обѣдомъ, знаменитый хозяинъ съ усердіемъ потчивалъ своихъ гостей, наполняя самъ поставленныя передъ ними рюмки разными винами и приписывая каждому вину какое-нибудь особенное, полезное для здоровья, свойство. Когда бездонный аппетитъ гостей былъ вполне удовлетворенъ и драгоценный даръ Вакха началъ бродить въ ихъ головахъ, графъ завелъ разговоръ о предстоящихъ выборахъ и о тогдашнемъ предводителѣ. Онъ критиковалъ всѣ его распоряженія и доказывалъ, что Х—кіе имѣютъ только въ виду пользу своихъ родственниковъ и однофамильцевъ, а прочей смоленской шляхтѣ оказываетъ презрѣніе и, просто, притѣсняють ее. Поэтому, очень краснорѣчиво объяснилъ онъ всѣ обязанности, сопряженныя съ такимъ важнымъ званіемъ. Хватайко и Пустопольскій съ непрекословіемъ слушали графа и при каждой паузѣ притакивали.

При выходѣ изъ столовой, графъ взялъ обоихъ гостей дружески за руку и повелъ ихъ въ свой кабинетъ.

— Прошу покорно садиться, почтеннѣйшіе друзья мои! Садитесь сюда, по-ближе ко мнѣ. Я съ давняго времени душевно уважаю васъ за ваше безкорыстіе и усердіе. Надѣюсь, что въ пятнадцать лѣтъ вы не перемѣнились въ отношеніи къ прежнимъ своимъ почитателямъ. Позвольте мнѣ, откровенно и дружески поговорить съ вами объ одномъ важномъ предметѣ. Вамъ извѣстно, что въ губернскіе предводители кандидатами записаны я и Х—кій. Вы, какъ люди благородные и безкорыстные, конечно, не

пофлатируете ему за то, что онъ — родной братъ губернатору...

Хватайко и Пустопольскій поклонились. Бывшій прокуроръ отвѣчалъ:

— Мы не въ родствѣ съ Х — кими: слѣдовательно, ваше сіятельство можете положиться на наше безпристрастіе. Хотя, правду сказать, нѣкоторые изъ губернаторскихъ приверженцевъ очень упрасиваютъ насъ, чтобы мы присоединились къ ихъ партіи и общаются за то хорошую благодарность, однако жъ мы общаніями не прельстимся: мы — люди прямые, любимъ вести дѣла на чистоту и по совѣсти.

— Вы, точно такъ какъ я! сказалъ Змѣявскій: я тоже люблю чистоту и совѣсть. Чтò сказано, то и должно быть исполнено, по совѣсти и безъ отлагательства. Увѣряю васъ, почтениѣйшіе друзья, что я умѣю цѣнить ваше ко мнѣ благорасположеніе. Постороннихъ... никого здѣсь нѣтъ: такъ скажите, безъ церемоній, чѣмъ, то есть, какою суммою, могу услужить вамъ... на издержки ходатайства...

— Охъ, ваше сіятельство! жалобно воскликнулъ Хватайко: время нынче ужасно трудно. . не то что бывало прежде!... все вздорожало, и на издержки по ходатайству этого роду требуется весьма значительная сумма. Но не извольте заботиться объ этомъ. Изъ усердія къ вашему сіятельству я бы готовъ былъ взять ихъ на себя, безвозмездно, такъ что вы ни о чемъ бы и не знали — да вамъ и знать не прилично! — и все пошло бы хорошо, если бы только я былъ въ состояніи раздѣлаться съ самымъ тягостнымъ для меня кредиторомъ, сосѣдомъ моимъ, Терентьемъ Прокофьевичемъ Добычиннымъ, которому долженъ я по документу двѣ тысячи рублей серебромъ. Второго января срокъ этому акту. Мнѣ совѣстно передъ этимъ добрымъ человѣкомъ: три раза онъ уже отсрочивалъ мнѣ, но теперь, въ четвертый, надо какъ-нибудь сбить сумму и отдать. Я останусь безъ средствъ быть полезнымъ вашему сіятельству.

— И у меня также домъ на шеѣ, присовокупилъ Пустопольскій густымъ басомъ. Черезъ недѣлю надо непременно заплатить куцу Наживкину тысячу девять сотъ

рублей. Онъ крутъ: того и гляди, посадить меня въ коп-тѣнку *.

Графъ богатъ былъ какъ Крезъ, но скупъ какъ Палла-сова мышь-экономка. Онъ ужаснулся такихъ высокихъ цѣнъ на безкорыстіе и совѣсть, которыя въ тѣ дешевыя времена иногда продавались за кулъ смоленской крупы.

— Сердечно желалъ бы я, сказалъ онъ, избавить васъ отъ этихъ долговъ, но теперь у меня нѣтъ столько денегъ, послѣ выборовъ я ожидаю изъ помѣстья моего нѣсколько тысячъ рублей и тогда получите вы отъ меня остальное, а теперь, на первый случай, не угодно ли принять хоть во пяти сотъ рублей?

Пустопольскій чуть-было не согласился, но Хватайко, который лучше зналъ графа, предупредилъ своего това-рища и сказалъ:

— Мои обстоятельства въ такомъ критическомъ поло-женіи, что къ новому году мнѣ непременно нужно достать двѣ тысячи рублей. Чувствую все снисхожденіе ва-шего сіятельства, но, къ сожалѣнію сердца моего, не мо-гу онымъ воспользоваться. Этою маленькою суммою я не удовлетворю моего кредитора и только задолжаю вашему сіятельству. Кредиторы теперь не вѣрятъ уже ни какимъ обѣщаніямъ. Свѣтъ испортился, ваше сіятельство! Ново-введенія разорили всякое довѣріе!... Совсѣмъ не то, что бывало прежде!

— Да вы и не считайте себя въ долгу передо мною! подхва-тилъ графъ: вѣдь я тоже даю вамъ безвозмездно... въ знакъ признательности и въ вознагражденіе за то, что вы....

Памфилъ Дементьевичъ поклонился и съ подъяческою ужимкой перервалъ:—Если вашему сіятельству не возмож-но пожаловать намъ столько, чтобъ мы могли раздѣлаться съ нашими заимодавцами, то мы попытаемся обратиться къ другимъ. Одинъ изъ господъ Х—кихъ предлагалъ сдѣ-лать намъ это одолженіе, и я надѣюсь, что онъ не отка-жетъ....

Такой ясный и рѣшительный отвѣтъ смутилъ графа: съ

* Такъ называлось то мѣсто при полиціи, куда сажали арестантовъ и должниковъ; родъ тюрьмы.

одной стороны онъ жалѣлъ денегъ, съ другой опасался, что, въ случаѣ отказу, эти проныры сдѣлаютъ ему большую помѣху на выборахъ. Плутъ отъ природы самъ, онъ долго не могъ придумать, какъ поддѣть этихъ опытныхъ плутовъ. Наконецъ блеснула у него счастливая мысль, которая, казалось, могла устранить всѣ затрудненія. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ слугѣ подать пуншу, а самъ, оставивъ гостей въ кабинетѣ, вышелъ въ залу, къ племяннику, занимавшемуся гранъ-пасьянсомъ, и сказалъ ему на-ухо:

— Пошли по-скорѣй своего камердинера къ двумъ твоимъ пріятелямъ, съ которыми ѣдишь ты всегда играть въ карты, и прикажи попросить ихъ сюда, а когда они пріѣдутъ, приведи ихъ въ кабинетъ и сядь съ ними играть въ банкъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ Щелкачовъ.

— Узнаешь послѣ, отвѣчалъ графъ и возвратился къ своимъ друзьямъ.

Щелкачовъ послалъ сани за своими пріятелями Хлытиновымъ и Фирюлькинымъ, которые жили вмѣстѣ.

Между-тѣмъ графъ продолжалъ разговаривать съ Хватайкой и Пустопольскимъ. Онъ завелъ постороннюю матерію, рассказывалъ о своихъ помѣстьяхъ, о плохомъ урожаѣ, о дороговизнѣ, и о прочемъ. Памфилъ Денисьевичъ и Спиридонъ Кириловичъ, вооруженные стаканами пуншу, съ великимъ терпѣніемъ слушали эти незанимательныя сказки. Когда гости, пріѣхавшіе за деньгами графа, начали зѣвать отъ его краснорѣчія, онъ приказалъ подать еще по стакану пуншу, Хватайко и Пустопольскій отказывались пить и собирались уѣхать; но графъ такъ дружески пожималъ имъ руки и такъ усердно просилъ посидѣть еще немножко, увѣряя, что бесѣда съ ними доставляетъ ему несказанное удовольствіе, что неловко было отказаться, и они остались. Подъячіе допивали уже третій стаканъ, когда дверь отворилась и Щелкачовъ явился въ кабинетъ съ двумя молодыми франтами, причесанными и распудренными по послѣдней модѣ. Графъ показалъ видъ, какъ-будто онъ не ожидалъ такого нечаяннаго посѣщенія.

— Какой приятный случай доставляет мнѣ удовольствіе видѣть васъ сегодня у меня? спросилъ онъ молодыхъ посетителей.

— Послѣ вчерашнихъ танцевъ, отвѣчала Фирюлькинь, мы хотѣли-было отдохнуть и куда не выѣзжать сегодня: но безъ дорогаго Евграфа Софронивича намъ стало скучно, и мы рѣшились навѣстить его.

— Благодарю за дружбу къ моему племяннику, сказалъ графъ: но прежде прошу побесѣдовать съ нами стариками.

Онъ пригласилъ ихъ сѣсть по-ближе къ дивану и спросилъ, не угодно ли имъ также выкушать по стакаву пуншу. Франты отвѣчали, что они еще не сдѣлали привычки къ этому напитку, но если его сіятельству угодно ихъ потчевать, то имъ болѣе по вкусу была бы рюмочка сладкаго вина. Графъ велѣлъ принести венгерскаго.

Желая попасть въ такую тему, которая бы могла быть пріятна молодымъ повѣсамъ, хозяинъ началъ разговаривать о вчерашнемъ балѣ вообще и о женщинахъ въ-особенности. Хватайко и Пустопольскій, наэлектризованные пуншемъ и венгерскимъ, вмѣшивались въ эту назидательную бесѣду. Графъ воспользовался ихъ увлеченіемъ, чтобы вызвать племянника въ другую комнату. Тамъ онъ сказалъ Щелкачову:

— Составьте сейчасъ банкъ и играйте.

— Между собою мы никогда не играемъ, отвѣчалъ Щелкачовъ: кто же будетъ играть съ нами?

— Хватайко и Пустопольскій.

— Да развѣ они будутъ играть въ банкъ?... У нихъ наѣрное и денегъ съ собою нѣтъ.

— Будутъ играть!... а деньги я имъ дамъ: обыграйте мнѣ этихъ негодяевъ!... Скажи Фирюлькину, чтобы онъ подкупилъ ихъ по-своему.... по-вашему.... понимаешь? Выигрышь весь мой: вы будете играть на мой счетъ. Вотъ ключъ отъ моей шкатулки: вынь изъ нея нѣсколько свертковъ полу-имперіаловъ и червонцевъ и растолкуй своимъ пріятелямъ въ чемъ дѣло.

Сказавъ это графъ вошелъ опять въ кабинетъ, гдѣ въ его отсутствіе, четверо гостей продолжали заниматься весельнымъ разговоромъ. Рѣчь все-еще шла о женщинахъ.

Хватайко совсѣмъ переиѣнился: онъ шутилъ, подтрунивалъ надъ Пустопольскимъ и хвасталъ, что несмотря на разницу въ лѣтахъ, онъ и теперь еще заткнулъ бы его за поясъ по части молодецкихъ подвиговъ. Пустопольскій не могъ справиться съ бойкимъ своимъ товарищемъ и, если хотѣлъ что-нибудь сказать, краснорѣчивый отставной прокуроръ тотчасъ заставлялъ смириться передъ своей злоквенцею. Между-тѣмъ въ сосѣднихъ комнатахъ поставили ломберный столъ, и Щелкачовъ, объяснившись въ нѣсколькихъ словахъ съ Фирюлькинымъ, уже пересыпывалъ золото по зеленому сукну.

— Господа! кому угодно понтировать? закричалъ Фирюлкинъ. Я дѣлаю банкъ.

Хлыстиковъ тотчасъ присѣлъ къ столу и, взявъ колоду понтѣрокъ, началъ выдергивать карты. Графъ поморщился, какъ-будто ему не нравилось такое занятіе, подошелъ съ прочими гостями къ столу и замѣтилъ племяннику, что онъ вовсе не кстати затѣялъ игру.

— Наша игра очень невинна, дядюшка, отвѣчалъ Щелкачовъ. У Фирюлкина—страсть метать банкъ и проигрывать свои деньги: карты въ рукахъ держать не умѣетъ, а метать готовъ цѣлыя сутки!

Хватайко и Пустопольскій, изъ любопытства начали смотрѣть на выпадающія карты. Кучки золота быстро передвигались. Соблазнительный блескъ желтаго металла и удивительное счастье понтѣровъ сильно обольщали двухъ сребролюбцевъ: бывший прокуроръ смотрѣлъ и испускалъ тяжкіе вздохи, сожалея, что при немъ нѣтъ денегъ. Графъ выжидалъ только дѣйствія магіи и, какъ-скоро признаки непреодолимаго искушенія обнаружились во всей силѣ, исчезъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, отвелъ всторону подъячихъ и сказалъ имъ вполголоса:

— Намъ, видно, сегодня не удастся уже разсуждать наединѣ. Вотъ деньги нужны на уплату вашихъ долговъ: здѣсь двѣ тысячи.... и здѣсь также. Дѣйствуйте, любезнѣйшіе друзья, въ мою пользу....

Памфилъ Денисьевичъ и Спиридонъ Кириловичъ чрезвычайно обрадовались такому пріятному сюрпризу: они

уже совершенно лишились-было надежды получить взятку съ графа. Бывшій прокуроръ, удостовѣривъ въ нѣсколькихъ словахъ щедраго хозяина, что онъ можетъ полагаться на ихъ честность, тотчасъ раскрылъ одинъ свертокъ, вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и побѣжалъ стремглавъ къ столу, крича банкومتу: — *Атандъ-съ!... атандъ-съ!* Пустопольскій, не отставая ни въ чемъ отъ товарища, также захотѣлъ попытать счастья. Фирюлькинъ позволилъ имъ принять участіе въ игрѣ и, сначала, далъ выиграть нѣсколько картъ; но вскорѣ колесо фортуны повернуло въ другую сторону. Подъячіе въ нѣсколько абцуговъ проиграли довольно много. Хватайко бѣсился; Пустопольскій выхтѣлъ: однако жъ ни тотъ, ни другой, не хотѣлъ оставить игру. Увеличивая и умножая куши, они продолжали играть и проигрывать. Графъ приказалъ подать еще пуншу и вина и безпрестанно потчивалъ дорогихъ гостей, ободряя и обнадеживая въ несчастіи. Вскорѣ подъячіе, раскраснѣвшіеся какъ раки въ кипяткѣ отъ неудачъ и горячительной влаги, утирая рукавами потъ съ лица и разрывая предательскія понтѣрки, пришли въ такой азартъ, что уже не помнили самихъ себя: не только передали они банку всѣ графскія деньги, но и задолжали ему еще по нѣсколько сотъ рублей на мелокъ. Между-тѣмъ Щелкачовъ и Хлыстиковъ обирали банкъ, въ которомъ наконецъ начало недоставать наличности на расплату. Щелкачовъ непремѣнно требовалъ денегъ отъ банкомета и не хотѣлъ продолжать игры безъ звонкой монеты. Банкومتъ въ свою очередь требовалъ денегъ отъ почтенныхъ друзей графа. Хватайко и Пустопольскій отзывались, что теперь при нихъ нѣтъ ни копѣйки, но завтра они заплатятъ все сполна. Фирюлькинъ представлялъ имъ, что другіе понтѣры, которымъ онъ проигралъ, домогаются отъ него платежа, и если бь Памфилъ Денисьевичъ и Спиридонъ Кириловичъ сказали прежде, что у нихъ болѣе нѣтъ денегъ, то онъ давно бы пересталъ метать банкъ. Къ этому обидному объявленію, онъ прибавилъ еще замѣчаніе, что честные игроки понтируютъ всегда на наличныя деньги. Хватайко вспылалъ: въ отвѣтъ онъ сталъ доказывать, что честные банкометы всегда ему вѣрятъ, когда онъ

играетъ на-слово, что онъ пользуется общими кредитомъ во всей губерши, и что для него эта сумма — бездѣлица. Но Фирюлькинь не принималъ ни какихъ отговорокъ.

Графъ показывалъ видъ, будто желаетъ согласить обѣ стороны, и, наконецъ вступаясь за своихъ пріятелей, приказалъ племяннику выдать имъ въ долгъ, въ выигранныхъ денегъ, сколько они пожелаютъ. Щелкачовъ тотчасъ сунулъ имъ по кучѣ золота. Борьба на понтѣркахъ возобновилась и, когда занятыя подъячими деньги перекатывались почти всё къ Фирюлькину, Хлыстиковъ вдругъ свернулъ банкъ. Игра кончилась!

Хватайко и Пустопольскій такъ были этимъ озадачены и сконфужены, что не могли вымолвить слова. Красныя ихъ лица мгновенно поблѣдѣли. Пронгравъ полученныя взятки и кромѣ-того задолжавъ значительную сумму племяннику хозяина, имъ не оставалось ничего болѣе какъ жаловаться, что у нихъ кружится голова отъ долгаго сидѣнія на-мѣстѣ и что, вѣроятно, они простудились въ этой холодной комнатѣ, гдѣ имъ было такъ жарко. Графъ совѣтовалъ имъ ѣхать по-скорѣе домой, выпить на ночь бузины и принять поутру слабительное. Онъ всячески старался успокоить любезныхъ друзей своихъ, общалъ въ скоромъ времени пригласить ихъ опять къ себѣ, увѣряя, что самъ сдѣлаетъ имъ банкъ, въ которомъ они непременно отыграются.

Лишь-только подъячіе уѣхали, молодцы принялись хохотать. Графъ расцѣловалъ Щелкачова и компанію, приговаривая: — Прекрасно! безподобно! — Онъ отсчиталъ тридцать полу-имперьяловъ каждому, въ знакъ благодарности за удачно выдержанныя роли. — Эти живодеёры, продолжалъ онъ, хотѣли выманить у меня четыре тысячи рублей подъ залогъ будущихъ благъ! Они не хотѣли вѣрить моему обѣщанію и думали, что я повѣрю имъ на-слово!... Хватайко полагаетъ, что съ меня также можно драть взятки. Нѣтъ, братецъ! Ты мастеръ на крючки и закорючки, но и я не профанъ!... Прощайте, господа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ СУНАСРОНЪ.

Спустя два дня, Фирюлькинъ и Хлыстиковъ пріѣхали вечеромъ къ Щелкачову съ извѣстіемъ, что у молодого князя Васи Туркистанова есть большія деньги: онъ занялъ у Хватайки десять тысячъ серебромъ подъ залогъ деревни, чтобы, послѣ выборовъ, погугить въ Петербургѣ. Почтенные друзья предлагали достойному товарищу отпривѣтаться къ юношѣ и обхитрить его. Евграфъ Софроневичъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ.

Они уговаривали его ѣхать въ другое еще болѣе пріятное мѣсто.

Евграфъ Софроневичъ отказался и отъ этого.

— Чтѣ съ тобой, братъ? спросилъ наконецъ Хлыстиковъ. Отчего на тебя напала такая хандра? Ты угрюмъ, молчаливъ, нечувствителенъ къ удовольствіямъ. Я не узнаю тебя сегодня!

— Онъ влюбленъ, замѣтилъ Фирюлькинъ.

— Конечно, влюбленъ! произнесъ наконецъ Щелкачовъ. Чортъ возьми! я былъ вчера съ визитомъ у Саши Друкорть и увидѣлъ тамъ снова Наденьку Кубышкину. Года два тому, я встрѣчалъ ее въ обществахъ безъ особеннаго вниманія. Тогда она только-что начинала расцвѣтать; но теперь... какая сдѣлалась красотка!... какая милашечка! какой румянчикъ на бѣленькихъ щечкахъ! какіе живые, прелестьные глаза!.... Грудь высокая и плотная, талія — чудо, и все это неподдѣльное. А какія пухленькія, милыя ручки!.... я два раза цѣловалъ ихъ, при входѣ и уходѣ. Словомъ, отъ нея можно сойти съ ума. Я влюбился не на-шутку. То, чтѣ говорили объ ея скорой свадьбѣ—просто пустяки! Саша Друкорть увѣрила меня, что во всей этой сцѣтнѣ нѣтъ ни одного слова правды. Офицеръ, кажется, крайне влюбленъ въ Наденьку и очень ей нравится, но о свадьбѣ, какъ по всему видно, еще и рѣчи не бывало.

— Не думаешь ли ты посвататься къ ней?

— Посвататься? Какой чудакъ! Я уже на балѣ сказалъ тебѣ, что жениться я не думаю. Кто нынче женится!.... Развѣ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ влюбляются для того чтобъ жениться? И на комъ же? На дочкѣ Кубышкина! Это дѣло щекотливое. Она не дворянка..... даже не купеческая дочь: ты помнишь, что я говорилъ тебѣ въ клубѣ? Она подкидышъ! плодъ преступной любви можетъ-быть какой-нибудь нищей. Миѣ ли, дворянину, который послѣ смерти знатнаго и почтеннаго дяди, долженъ получить все его богатство, помышлять о такихъ идиллическихъ вздорахъ! Женитьба всторону. А такъ..... поволочиться..... расшевелить сердечко..... подышать его страстью..... Послѣ того, я выдалъ бы ее замужъ за какого-нибудь бѣднаго шляхта или приказнаго и надѣлалъ бы порядочнымъ приданымъ. Она, разумѣется, будетъ и очень рада такому счастью, когда наконецъ откроется, что Кубышкины— не родители ей!.... Вотъ все, что тутъ можно предпринять.

— Но помнится, перервалъ Хлыстиковъ, ты говорилъ, что Кубышкины даютъ за нею двадцать тысячъ рублей.

— Да! это они говорятъ теперь, пока Наденька скромно и чинно живетъ у нихъ. Но пусть только она сдѣлаетъ промахъ, тогда ужъ ничего не получить.

Щелкачовъ присѣлъ къ столу и сталъ раскладывать грань-пасансъ. Пріятели подшучивали надъ нимъ, увѣряя, что онъ гадаетъ о своей любви и хочетъ выпытать у судьбы, будетъ ли Наденька обожать его.

На дворѣ раздалось нѣсколько голосовъ. Три собесѣдника взглянули въ окно и увидѣли бѣдную старуху, которая, взойдя на дворъ, просила милостыни. Кучера графа хотѣли прогнать ее. Фирюлькинъ, пристальнѣе всмотрѣвшись въ эту женщину, замѣтилъ, что онъ видалъ ее въ нѣсколькихъ хорошихъ домахъ, что она не нищая, но колдунья, ее зовутъ Ивановной и она мастерица гадать на рукѣ.

— О! такъ она пришла кстати! вскричалъ Щелкачовъ, позовемъ ее въ комнату: пусть она миѣ погадаетъ. Гаданіе — принадлежность любви: это я читалъ въ книгахъ

мудрости. Тимошка! кликни сюда эту старуху: скажи, чтобъ она погадала намъ, что мы за это дадимъ ей денегъ.

Тимошка вышелъ и привелъ колдунью. Войдя въ комнату, она поклонилась во всѣ стороны.

— О тебѣ, почтеннѣйшая, идетъ слава, сказалъ Щелкачовъ, что ты великая искусница узнавать будущее: погадай, пожалуйста, буду ли я имѣть успѣхъ въ томъ, о чемъ думаю?

Онъ протянулъ къ старухѣ свою руку. Ивановна улыбнулась, посмотрѣла Щелкачову въ глаза и отвѣчала:

— Смекнула я, баринъ, о чемъ ты хочешь знать. Ты изволишь быть влюбленъ въ прекрасную дѣвицу и желаешь знать, какъ она будетъ расположена къ твоей милости.

— Смотри пожалуй! шепнулъ Щелкачовъ Фирюлькину: старая вѣдьма мигомъ угадала тайну! Правда, Ивановна!... нечего грѣха таить..... я влюбленъ до безумія. Сдѣлай же одолженіе, скажи, будетъ ли любить меня моя миласечка.

— Прежде положи, баринъ, на ручку.

— Изволь. За этимъ у насъ дѣло не станеть. Вотъ, на первый случай рублевикъ, а если, скажешь правду, то дамъ еще пять. И послѣ-того приходи сюда по-чаще: никогда тебя не оставлю.

Ивановна посмотрѣла на руку Щелкачова, вздохнула и сказала:— Не знаю, что сказать: если вымолю правду, ты теперь прогнѣваешься, а солгу, такъ послѣ будешь сердаться.

— Нѣтъ, нѣтъ! скажи всю истину, хоть бы она и не пріятна была для меня.

— Вотъ, видишь ли, сударикъ: по рукѣ твоей я вижу, что ты влюбился недавно; а дѣвица, которая тебѣ понравилась, любить уже другаго. Впрочемъ..... еще можно пособить дѣлу.

— Чортъ возьми, да она знаетъ всю подноготную судьбы! воскликнулъ Щелкачовъ, оборотаясь къ Хлыстикову и Фирюлькину. Эту бабу надо озолотить!... удивляюсь, какъ

она шатается по городу безъ пріюта! Видно, въ Смоленскѣ, всё пропало, которые не понимаютъ могущества пней!

— Ты уже сталъ и суевѣренъ отъ любовнаго горя, насмѣшливо замѣтилъ Хлыстиковъ.

— Я всегда былъ суевѣренъ, важно возразилъ Евграфъ Софроновичъ. Въ суевѣрїи скрывается глубокая философія. Спасибо, старушка! я вижу, что ты мастерица своего дѣла. Вотъ тебѣ обѣщанные пять рублей.... Но скажи ужъ при этомъ случаѣ, чѣмъ можно пособить, чтобы красавица перестала любить другую, а полюбила меня.

— Если не пожалѣешь, баринъ, десяточка рублей, то я дамъ тебѣ вѣрный, испытанный наговоръ, которымъ непременно привернешь ее къ себѣ. Она не только станетъ любить тебя, но и будетъ ходить по слѣдамъ твоимъ, будетъ тосковать, и ты ни чѣмъ отъ нея не отдѣлаешься.

— Любезная, милая, дражайшая Ивановна! не пожалѣю и сотни рублей, только дай по-скорѣе этотъ безцѣнный наговоръ!

— Теперь нѣтъ его со мною, но я сейчасъ принесу, и ты своей рукой спиши все, что въ немъ написано, а мой отдашь мнѣ назадъ. Я многимъ угодила этимъ средствомъ. Молодые барыни и барышни знаютъ мое искусство и могли бы засвидѣтельствовать обо мнѣ передъ тобою, если бы захотѣли признаться въ томъ, о чемъ молчать надлежитъ.

— Хорошо, хорошо! Я вѣрю тебѣ безъ свидѣтельствъ. Принеси сейчасъ свой наговоръ. Я буду ждать тебя здѣсь.

— Принесу, баринъ, только не забудь исполнить обѣщаніе, а нѣтъ, такъ и наговоръ не поможетъ.

Ивановна отступила къ двери и, поклонясь всѣмъ, вышла изъ комнаты. Между-тѣмъ на дворѣ дѣлалось уже темно. Евграфъ Софроновичъ приказалъ своему камердинеру, Тимошкѣ, проводить старуху до ея квартиры. Онъ не зналъ что дѣлать отъ радости: прыгалъ, скакалъ, напѣвалъ пѣсни, подбѣгалъ къ своимъ пріятелямъ, обнималъ и цѣловалъ ихъ. Этой чести удостоились не только почтенные профессеры картежнаго дѣла, но даже и пудель Хлыстикова.

ва. Щелкачовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія старой хрычовки. Ивановна не замедлила явиться. Евграфъ Софроновичъ прыгнулъ къ ней на встрѣчу и, взявъ за руку, провелъ въ другую комнату.

— Какая же ты вѣрная въ своемъ словѣ, милая старушечка!.... ты принесла наговоръ?

— Какъ не принести, когда обѣщала? отвѣчала Ивановна и, опустивъ руку въ карманъ, вынула засаленую картузную бумагу, а изъ нея запачканный листъ.

— Вотъ, батюшка, наговорикъ. Изволь пользоваться счастьемъ!

Щелкачовъ взялъ этотъ даръ, и спросилъ, какъ его переписать.

— Отъ слова до слова, все какъ тутъ написано, отвѣчала Ивановна: в смотри, не пропусти чего-нибудь; а гдѣ сказано—*имярек*—тамъ поставь свое имячко и имя той, въ кого ты влюбленъ.

— А можешь ли ты угадать, сама, своимъ искусствомъ, имя той, въ кого ты влюбленъ?

— Могу, батюшка.

— Ну, такъ угадай!

— Изволь показать ручку. Ее зовутъ На.... на.... на.... дядой.

— Фу! ты, пропасты! вскричалъ Евграфъ Софроновичъ: ой все открыто! Да ты, видно, училась гаданію у самого лукаваго лично! Эй, Тимешка! подай скорѣй бумагу, перо и чернильницу!

Тимешка принесъ все.

Евграфъ Софроновичъ присѣлъ къ столу, поправилъ веро и, развернувъ таинственный листъ колдуньи, прорванный на всѣхъ изгибахъ, ушитанный масломъ и саломъ, писанный почеркомъ пятидесятихъ годовъ, съ титлами и безъ знаковъ препинаній, прочиталъ его сперва про себя, поцѣловалъ, прижалъ къ груди, и началъ переписывать, вставляя тамъ, гдѣ нужно было по смыслу, имена свое и дочери Кубышкина.

НАГОВОРЪ.

«Ложусь я, рабъ *Евграфъ*, не боюсь; встаю не шевелюсь. Не умываюсь я, рабъ *Евграфъ*, водою, ни утренней росою. Не утираюсь, я рабъ *Евграфъ*, ни какимъ преденнымъ платкомъ. Пошелъ я, рабъ *Евграфъ*, изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, во чистое поле, въ широкое «раздолье; и обращаюсь я, рабъ *Евграфъ*, лицомъ на закатъ «краснаго солнца, и буду я, рабъ *Евграфъ*, говорить наговоръ: хочу приворожить къ себѣ красную дѣвицу, рабу «*Надежду*. На морѣ-окилнѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ «изба желѣзная; въ той избѣ все желѣзное: полъ и потолокъ желѣзные, печь желѣзная, труба у печи желѣзная, «я крыша у трубы желѣзная. Подъ той печью желѣзной, «три доски желѣзныя жъ; подъ тѣми досками желѣзными, «три тоски тоскующія; и тоскуютъ онѣ и день и ночь и «глухую полночь и всякій часъ. И подниму я, рабъ *Евграфъ*, три доски желѣзныя и выпущу три тоски тоскующія. Пойдите на три дороги широкія: тамъ идутъ три «десять три демона; спросите ихъ, откуда идутъ и отъ «кого посланы. А идутъ они отъ самого Сатаны Сатанайловича, зажигать горы и доли, лузи и болота: жарко, «не жарко; пылко, не пылко; крѣпко, не крѣпко. И скажите имъ вы, три тоски, такъ: Гой еси вы, тридесать три «демона! не ходите вы зажигать горы и доли, лузи и болота; жарко, не жарко; пылко, не пылко; крѣпко, не «крѣпко; а вмѣстѣ вы соединитесь, и пойдите зажигать и «разжигать у рабы *Надежды* ретивое сердце съ красною «печенью; и пустите огонь во всѣ ея кости и суставы и «жилы; жарко, не жарко; пылко, не пылко; крѣпко, не «крѣпко. И чтобъ у нея все, у рабы *Надежды*, по рабу «*Евграфу* горѣло и болѣло; чтобъ казался я, рабъ *Евграфъ*, «ей, рабъ *Надеждѣ*, красивѣе краснаго солнца, свѣтлѣй «свѣтлаго мѣсяца и лучше всего свѣта вольнаго и милѣ «отца и матери и роду и племени и всѣхъ прекрасныхъ «молодцовъ. И какъ она, раба *Надежда*, сама себя любитъ, «такъ бы и еще въ семь седмерицъ пуще себя, меня раба «*Евграфа*, любила и прочь бы не отставала по мой вѣкъ

«и по мою смерть; во снѣ бы не засыпала, въ ѣдѣ бы не заѣдала и въ пойлѣ не запивала, и въ гуляньѣ не загуляла, «и всё бы она, раба *Надежда*, по мнѣ, *Евграфу*, день и ночь и каждую минуту тѣла и горѣла и тосковала, «и прочь бы не отставала, и такъ бы ко мнѣ прилипала, «какъ языкъ къ небу прилѣпляется. — Сей мой заговоръ «демонами совершенъ. Огонь ключъ; земля замѣкъ; зубы «и губы ключъ и замѣкъ. Отдамъ я, рабъ *Евграфъ*, сей «заговоръ тридцати тремъ демонамъ опустить въ море-«окиянъ, на самое дно. Ни кому его ни стать, ни достать: «ни еретнику и ни какому клеветнику!»

Списавъ эту галиматью, Щелкачовъ возвратилъ подлинникъ Иванови и спросилъ, что нужно сдѣлать съ переписаннымъ наговоромъ.

— А вотъ что, баринъ, сказала Ивановна: три дня сряду, по утрамъ и вечерамъ читай его и, вставъ отъ сна, и ложась спать не умывшись и не пей ничего горячаго, ни холоднаго. Послѣ трехъ сутокъ, вырѣжь изъ наговора имена, которыя ты вставилъ, разложи въ печкѣ огонѣкъ изъ осиновыхъ полѣнъ и сожги ихъ, но только осторожно, чтобъ никто не видалъ и не зналъ; и никому про то не сказывай. Когда имена будутъ горѣть, замѣчай, чтобъ ни одна порошинка изъ нихъ не пропала и не полетѣла на воздухъ. Потомъ, собравъ оставшуюся золу, заверни ее въ чистенькую бумажку и носи при себѣ до благопріятнаго случая....

— А съ остальнымъ наговоромъ что прикажешь сдѣлать?

— Какой ты, батюшка, нетерпѣливый!.. не даешь мнѣ самой досказать. Ночью, пока не проноютъ еще пѣтухи, поиди, баринъ, на городскую стѣну, къ башнѣ Веселухѣ. Войди въ нее, не робѣя, и вскрики громкимъ, молодецкимъ голосомъ: «Явись ко мнѣ сѣдой, старшой демонъ!» А когда онъ явится, отдай ему этотъ наговоръ и попроси, чтобъ онъ помогъ тебѣ въ любовныхъ желаніяхъ.

— Нѣтъ, воля твоя, бабушка! быстро возразилъ Щелкачовъ: этого не могу я сдѣлать! Я не люблю объясняться лично съ нечистою силою. Да хоть бы тутъ и ничего

не случилось такого, всё же опасно идти одному ночью въ эту проклятую башню! Нѣтъ, на это я никакъ не рѣшусь.

— Такъ, видно, ты не горячо любишь свою красавицу, когда, для полученія любви ея, не хочешь идти въ огонь и въ воду! Кто крѣпко любитъ, тотъ готовъ на все, лишь бы только обладать любимымъ другомъ.

— Нѣтъ, добрая старушка.... однако жъ въ башню къ чертямъ не пойду: жизнь дороже всего на свѣтѣ. Неужели нѣтъ ни какого другаго средства?

— Пожалуй, отвѣчала Ивановна, подумавъ немного: мы съищемъ и другое, только это не такое вѣрное, какъ первое.

— А въ чемъ оно состоитъ? Скажи скорѣй!

— Надо опустить этотъ наговоръ въ текучую воду; по настоящему, должно бы въ море, да моря здѣсь нѣтъ. Ну, зато есть Днѣпръ. Вотъ, когда сожжешь вырѣзанныя изъ наговора имена, поди, ночью, до пѣтуховъ, на берегъ Днѣпра, заверни въ оставшійся наговоръ камень, опусти его въ прорубь и попроси Водянаго, чтобъ онъ склонилъ къ тебѣ твою любезную.

— Не выскочить ли тутъ что-нибудь изъ воды?

— Нѣтъ, не бойся. Водяной услышитъ тебя и подь водою.

— Нѣтъ ли третьяго средства?

— Нѣтъ, ясный мой соколикъ; больше нѣтъ ни какого.

— Нечего дѣлать!.... попытаю, хоть это второе весьма немногимъ лучше перваго. Ну, а съ золой, которую велишь носить при себѣ, что дѣлать?

— Старайся найти удобный случай осыпать ею твою любезную. Когда, хоть малѣйшая крошечка попадетъ ей на руки, въ лицо, на голову, либо на плечи, она тотчасъ полюбитъ тебя. Только, сдѣлай это уже послѣ опущенія наговора въ рѣку.

— Ну, спасибо, любезная старушка!... тысячу разъ спасибо! Вотъ тебѣ десять цѣлковыхъ. Да!... я забуду спросить, какъ твое имя и отчество.

— Харитина Ивановна, мое дятятко.

— Присядь, почтеннѣйшая Харитина Ивановна, отдохни немножко. Тимошка, принеси намъ сюда чайку!

Пока слуга принесъ имъ чаю, Щелкачовъ ухаживалъ за старухой, какъ самый заботливый сынъ около родной матери. Ивановна выпила двѣ чашки Поднебеснаго нектару и простилась съ своимъ благопріятелемъ. Евграфъ Софроновичъ приказалъ Тимошкѣ проводить ее подъ руки до самыхъ воротъ. Хлыстиковъ и Фирюлькинъ, во время этого длиннаго засѣданія тайнаго совѣта, уѣхали, соскучившись безъ дорогаго хозяина одни въ его гостиной.

Евграфъ Софроновичъ, пользуясь благопріятнымъ одиночествомъ, началъ сперва прохаживаться по комнатамъ обыкновенными шагами, потомъ пошелъ скорѣе, наконецъ сталъ почти бѣгать, насвистывая разныя пѣсни и танцы. Во время этого фантастическаго путешествія по комнатамъ, энтузіазмъ его мало-по-малу достигъ такой высокой степени, что онъ вдругъ зашѣлъ во все горло и перебивалъ слугъ графа, которые прибѣжали къ нему на помощь, молягая, что его душитъ домовою. Онъ прогналъ усердныхъ челядинцевъ словами, которыя произносить здѣсь не годится, и приказалъ Тимошкѣ принести осино-выхъ дровъ для камина — неперемѣнно осино-выхъ! — самыхъ чистыхъ осино-выхъ! Пока удивленный камердинеръ съ трудомъ набиралъ ему такіа дрова по полѣнку, ужасная мысль вдругъ поразила Евграфа Софроновича: онъ поблѣднѣлъ, остановился по-серединѣ комнаты и приказалъ воротить Тимошку.

— Гдѣ живетъ эта старуха?

— На Егорьевскомъ Ручьѣ, недалеко отъ Покровской Церкви.

— Въ чьемъ домѣ?

— Этого не могу доложить вамъ.

— По-крайней-мѣрѣ растолкуй, какъ найти ея квартиру.

Тимошка съ великимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ географическихъ дарованій кое-какъ объяснилъ барину положеніе невѣдомаго закоулка и загадочнаго дому, обитае-

мыхъ колдуньей, и Евграфъ Софроновичъ отправился тотчасъ къ ней по этому маршруту. Не скоро отыскалъ онъ чертогъ своей благодѣтельница, который очень походилъ на избушку Бабы-Яги, живописно стоявшую на курьихъ ножкахъ. Наружность домика была такъ не привлекательна, что ни какой высокоблагородный человѣкъ не рѣшился бы войти въ него; но Щелкачовъ, обуреваемый страстью, отложилъ всторону дворянскую брюзгливость и постучался въ дверь. Какал-то старуха ужаснаго виду, со спиною выдавшеюся равностороннимъ треугольникомъ и одѣтая въ разодранное рубище, отворила дверь костлявыми руками матушки-Смерти. Увидѣвъ молодого и щегольски одѣтаго барина, она задрожала отъ страху или отъ покорности. Щелкачовъ, примѣтивъ ея замѣшательство, спросилъ ласковымъ голосомъ:

— Скажи, пожалуйста, бабушка, гдѣ живетъ Ивановна?

— Вотъ здѣсь, въ чуланчикѣ, ваше происхождение, простовало дряхлое привидѣніе.

Евграфъ Софроновичъ, согнувшись въ дугу и скрѣпя сердце, пошелъ бодро и храбро въ эти Оермопилы.

— Здравствуй, почтенная Харитина Ивановна!

Колдунья, не ожидавшая этого визита, ужасно смутилась, начала извиняться, что по бѣдности она не въ-состояніи принять высокаго гостя, какъ требуетъ приличіе, и просила присѣсть на безногую скамейку. Щелкачовъ съ величайшею осторожностью возсѣлъ на это хилое сѣдалище и приступилъ къ предмету своего путешествія.

— Я забылъ спросить у тебя объ одномъ очень важномъ обстоятельстве. Ты, кажется, мнѣ сказывала, добрая Харитина Ивановна, что возбудивъ любовь этимъ наговоромъ, ничѣмъ уже нельзя потушить ея и отдѣлаться отъ любовницы?

— Да! батюшка! отвѣчала пнеія, чрезвычайно радуясь въ душѣ этому обороту суевѣрныхъ мыслей своего клиента: да! батюшка! ничѣмъ нельзя... ни водой, ни огнемъ, ни желѣзомъ не развяжешься!... это ужъ на всю жизнь!... повсюду пойдетъ за тобою!.... ни шагу не отступитъ!.... Это ужъ на всю жизнь, отецъ родной!

— Да это ужасно, Харитина Ивановна!

— Ужъ такъ составлеть наговоръ, мой свѣтлый соколъ. Переменить невозможно!

— А когда раба Надежда надоѣсть мнѣ?....

— Дѣлать нечего, батюшка, надо съ ней возиться до гробу.

— Это для меня совсѣмъ не сходно, любезнѣйшая Харитина Ивановна. Я не люблю быть влюбленнымъ долго. Подумай, пожалуйста, нѣтъ ли какого-нибудь средства...

— Трудненько, баринъ, исполнить твое желаніе, сказала колдунья и призадумалась. Но для тебя я все сдѣлаю. Если не пожалѣешь еще нѣсколько рублевиковъ, то я пошщу въ своей головѣ какого-нибудь средства....

Щелкачовъ далъ снова денегъ старухѣ, сказавъ:

— Вотъ тебѣ задатокъ, а остальное получишь послѣ.

— Вырѣзалъ ли ты имена въ наговорѣ?

— Нѣтъ еще.

— Хорошо, что не поторопился, а то ужъ ничѣмъ нельзя было бы помочь. Ну, такъ когда сожжешь имена, отсыпь въ ихъ золы нѣсколько щепотокъ и береги ихъ особо. Если почувствуешь отвращеніе отъ своей любезной, поди опять тайкомъ на берегъ Днѣпра, опусти сбереженные щепотки золы въ рѣку, вызови Водяного и, проговоривъ три раза имя опостылѣвшей тебѣ красавицы, вскричи громкимъ голосомъ: «Благодѣтель Водяной! отвяжи отъ меня несносную тварь!» Черезъ три дня любовь ея погаснетъ, и она оставитъ тебя сама.

— О, дражайшая, безцѣнная старушка, какія оказываешь ты мнѣ благодѣнія! воскликнулъ Щелкачовъ: я, по гробу, не забуду ихъ и всегда останусь благодарнымъ. Прощай, моя родная!

Онъ пожалъ морщиноватую руку старой мошенницы и разстался съ нею.

Евграфъ Софроновичъ, воротясь домой, нашель уже осиновыя дрова у каминна. Зачѣмъ откладывать такое важное дѣло.—«Тимошка! подай щипцы и кочергу, и не входи сюда, пока я не позову».—Онъ сѣлъ передъ каминномъ, развелъ самъ огонь и пристально смотрѣлъ на пылающее

пламя, ожидая, пока всё полѣнья превратится въ уголь. Когда дрова сгорѣли, онъ вырѣзалъ изъ наговору имена, положилъ ихъ на уголья и наблюдалъ прилѣжно, чтобы ни малѣйшая частица драгоценной золы не разлетѣлась отъ дуновения. Потомъ онъ собралъ эту золу, завернулъ въ чистенькую бумагу и положилъ въ портфель. Совершивъ чары, онъ началъ раскладывать грань-пасьянсъ. Грань-пасьянсъ не выходилъ. Онъ взялъ гадательную книгу и сталъ гадать по ней. На вопросъ — *Какъ расположена камья любимая имъ особа?* — вышелъ отвѣтъ: *Она тебя не любитъ, потому что ты дуракъ, но, при помощи нѣкоторыхъ вѣрныхъ средствъ, обстоятельства могутъ пережиться.* Послѣ этого изрѣченія «Оракула», не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнiя, что «вѣрное средство» — наговоръ Ивановны. Евграфъ Софроновичъ надѣлъ спортукъ, положилъ наговоръ въ карманъ и, накинувъ на себя шубу, вышелъ на улицу, сказавъ Тимошкѣ, что онъ угорѣлъ и пойдетъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ направилъ путь къ Дѣвировскимъ Воротамъ. Пришедши къ рѣкѣ, увидѣлъ онъ на берегу груды камней, взялъ одинъ изъ нихъ, завернулъ въ наговоръ, посмотрѣлъ на всѣ стороны, не идетъ ли кто-нибудь, и началъ провозносить громкимъ голосомъ предписанное воззванiе. Повторивъ три раза эти возгласенiя, онъ спустилъ съ прачечнаго плота въ прорубь наговоръ вмѣстѣ съ камнемъ, и опрометью побѣжалъ назадъ. Навстрѣчу попадались ему запыленные прохожіе, которые съ подозрительнымъ любопытствомъ посматривали на бѣгущаго сумазброда. Два мѣщанина сочли его за вора и, схвативъ за воротникъ, принялись допрашивать, что онъ за человекъ и куда бѣжитъ такъ проворно. Щелкачовъ отвѣчалъ, что онъ — купецъ и торопится позвать лекаря къ занемогшей вдругъ женѣ. Благополучно отдѣлавшись отъ нихъ этою сказкою, Евграфъ Софроновичъ пошелъ тише, и возвратился въ квартиру уже къ третьему часу ночи.

На другой день онъ постарался встрѣтиться съ Наденькою въ одномъ дворянскомъ домѣ, гдѣ была дружеская вечеринка. Сначала, она не обращала на него вниманiя, но къ концу вечера, дѣвицы вдругъ стали очень интересоваться

Евграфомъ Софроновичемъ: онѣ таинственно перешептывались между собою, и Щелкачовъ примѣтилъ, что Наденьки часто посматриваетъ на него съ особеннымъ любопытствомъ и улыбается.

— Браво, Ивановна! восклицалъ онъ про себя въ душесномъ восторгѣ: начинаетъ дѣйствовать!.... Айда, колдунья!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

МАСКАРАДЪ.

Щелкачовъ торжествовалъ. Все шло по его желанію. Дядя, при содѣйствіи Хватайки и Пустопольскаго надѣялся перебаллотировать своего сильнаго соперника. Признательность его къ искусному племяннику не знала предѣловъ. Графъ, по случаю прибытія въ Смоленскъ новаго намѣстника, давалъ блестящій балъ съ маскарадомъ, гдѣ Евграфъ Софроновичъ, по праву, долженъ былъ играть роль втораго хозяина и угощать всю губернію. И, въ-добавокъ, опытъ очарованія любезной казался совершенно удачнымъ: появленіе Щелкачова тотчасъ поселяло въ ней несказанную веселость.

Въ день назначенный для бала и маскарада, всѣ служители графа Зиговскаго заняты были приготовленіями къ предстоящему угощенію. Компаты вычищены, навощены, накурены, убраны великолѣпно; въ буфетѣ стоятъ на столѣхъ золотые и серебряные сервизы; официанты нарядились въ щегольскія платья. Графъ и его племянникъ одѣлись въ новые бархатные кафтаны: они плавали въ кружевахъ, сіяли алмазами, благоухали цѣлымъ Парижемъ. Щелкачовъ былъ великолѣпенъ. Около шести часовъ вечера начали съѣзжаться гости. Первые предстали закадышніе друзья графа, Хватайко и Пустопольскій, проинвитуемые къ нему чувствомъ живѣйшей признатель-

ности: онъ наканунѣ, возвратилъ росписки, выданныя ими Щелкачову въ полученныхъ на ломберномъ столѣ деньгахъ и поговаривалъ о доставленіи имъ выгодныхъ мѣстъ въ губерніи. За ними явились и другіе гости, болѣею частью съ дражайшими своими половинами. Потомъ пріѣхали губернаторъ, оберъ-комендантъ и множество другихъ почетныхъ чиновниковъ и дворянъ. Кайсановъ и Блюмъ вошли въ залу вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ. Александра Друкортъ и Надежда Кубышкина пріѣхали съ госпожею Дмуховскою позже всѣхъ, уже къ началу маскарада. Онѣ были въ маскахъ. Почти всѣ гости были въ домино или венеціанахъ.

Намѣстникъ, губернаторъ, оберъ-комендантъ и одинъ изъ предсѣдателей, составили партію въ вистъ. Другіе пожилые гости также сѣли за карточные столы, молодежь начала танцовать, и черезъ полчаса никто не оставался празднымъ.

Щелкачовъ безпрестанно подбѣгалъ къ дамамъ. Хотя Наденька была замаскирована, онъ однако жъ, посредствомъ какихъ-то новыхъ чаръ, тотчасъ узналъ ее и увивался какъ лукавый демонъ. Онъ выдумывалъ для дамъ разныя забавы, старался угодить красавицамъ, разсыпался любезностями передъ знакомыми и незнакомыми. Наконецъ Щелкачовъ, Фирюлькинъ и нѣкоторые ихъ пріатели переодѣвались въ разные костюмы, преимущественно въ женскія домино, и, надѣвъ маски, пропали въ собраніи, не бывъ ни кѣмъ узнаны.

Часы проходили непримѣтно. Стрѣлка подвигалась уже къ двѣнадцатой цифрѣ, но никто не заботился узнать время. Всѣ были упоены удовольствіемъ. Музыка, танцы, карты, фанты, мистификаціи и рассказы, доставляли всѣмъ безконечное наслажденіе.

Пробило двѣнадцать. Графъ Змѣевскій вышелъ въ буфетъ и приказалъ подавать ужинъ. Новъ это время пріѣхалъ плацъ-маіоръ и, съ великою торопливостью, по которой можно было заключить, что въ городѣ случилось что-то необыкновенное, вошелъ въ ту комнату, гдѣ генералы играли въ вистъ. Не выждавъ конца начатой игры, онъ подошелъ къ намѣстнику и скороговоркою отрапортовалъ,

что, четверть часа тому назадъ, получилъ онъ донесеніе отъ офицера, наблюдающаго за башнею Веселухой, о появленіи тамъ привидѣній, показавшихся въ такихъ же странныхъ видахъ какъ и прежде. «Я немедленно отправился къ башнѣ, прибавилъ плацъ-маіоръ, и видѣлъ собственными глазами, что точно толпа какихъ-то оборотней проказничаетъ на городской стѣнѣ, бѣгая съ зажженными факелами отъ одной башни къ другой и играя на гудкахъ, вольнкахъ и балалайкахъ. Продолжая смотрѣть на такое странное происхожденіе, приказалъ я нѣсколькимъ солдатамъ, изъ дозорнаго отряда, взойти на стѣну и поймать хоть одного изъ этихъ проказниковъ: но привидѣнія бросали въ солдатъ камнями и другими убійственными орудіями и потому никто изъ команды не отважился взобраться на городскую стѣну. А посему я счелъ обязанностью довести объ всемъ этомъ до свѣдѣнія вашего.» Намѣстникъ, хладнокровно выслушавъ плацъ-маіора, произнесъ:

— Неужели въ здѣшнемъ гарнизонѣ не нашлось ни одного смѣлаго и бойкаго солдата?

Кайсановъ и Блюмъ стояли позади плацъ-маіора и слышали его донесеніе. Послѣ замѣчанія, сдѣланнаго намѣстникомъ, Кайсановъ приблизился къ нему и сказалъ: — Не угодно ли вашему сіятельству приказать, чтобы я, съ моею командою, отправился на городскую стѣну для отысканія этихъ мнимыхъ привидѣній?

— Благодарю, отвѣчалъ намѣстникъ, что вы напомнили мнѣ въ эту минуту о своемъ присутствіи въ этомъ городѣ. Я охотно принимаю ваше предложеніе. Поспѣшите туда, постарайтесь поймать хоть одного чорта, и представьте ко мнѣ. Я самъ тотчасъ поѣду посмотрѣть этихъ комедіантовъ.

Онъ всталъ и приказалъ подать свою карету.

— А вы, продолжалъ намѣстникъ, обратясь къ плацъ-маіору: отправьтесь назадъ и соберите по-больше фонарей, чтобъ удобнѣе было полевой командѣ взойти на стѣпу.

Плацъ-маіоръ поскакалъ къ башнѣ, а Кайсановъ и Блюмъ—къ своей командѣ.

— Кому угодно сопутствовать мнѣ? спросилъ намѣстникъ гостей графа.

Оберъ-комендантъ отвѣчалъ, что онъ готовъ. Его примѣру послѣдовали губернаторъ и многіе изъ чиновниковъ. Карточная игра была оставлена, музыка умолкла, танцы прекратились.

По отъѣздѣ намѣстника и части общества, послѣдовавшей за нимъ, прочіе, съ необыкновенною торопливостью, стали выходить изъ комнатъ, приказывая подавать какъ-можно скорѣе къ крыльцу свои экипажи. По-храбрѣе ѣхали домой прямо, но большая часть гостей, трепеща отъ ужасу, запрещали кучерамъ своимъ приближаться къ проклятой башнѣ, и велѣли слѣдовать по такимъ улицамъ, откуда она не видна. Дамы особенно пришли въ великое смятеніе: старушки ахали и охали, молодыя дрожали въ молчаніи или плакали подъ масками. Ни одна не смѣла посмотреть на стекла кареты, опасаясь увидѣть передъ дверцами чорта.

Въ залѣ, въ комнатахъ и на лѣстницѣ дому графа Зиновьевскаго суматоха господствовала очень долго: всѣ толпились, всѣ спѣшили, всѣмъ хотѣлось прежде другихъ выйти изъ дверей. Въ прихожей сдѣлалась чрезвычайная давка. Одинокая лампа, висѣвшая всерединѣ этой комнатки, слабо освѣщала суетившуюся толпу; нельзя было, ни докликаться слугъ, ни отыскать своихъ шубъ и салоновъ. Многія дамы, въ-торопяхъ, надѣвали на себя чужіе и чужими платками укутывали головы. Въ этой кутерьмѣ Александра Сергѣевна Друкорть потеряла изъ виду свою крестную сестрицу, и Надинька долго отыскивала Александру Сергѣевну. Наконецъ, Саша Друкорть узнала ее по салону, схватила за руку, и, въ тѣснотѣ, приближались онѣ къ выходнымъ дверямъ. Въ снѣгахъ уже; Александра Сергѣевна увидала застѣдательшу Дмуховскую и ея тѣтушку, Татьяну Семеновну: онѣ ожидали, пока подѣдетъ экипажъ.

— Что вы такъ долго не выходили? спросила Дмуховская. Мы уже давно стоимъ здѣсь и ждемъ васъ. Вотъ и нашъ возокъ! Сядемте по-скорѣе и поѣдемъ домой.

Четыре пріятельницы вскочили въ экипажъ и лакей, захлопнувъ дверцы, закричалъ кучеру ѣхать къ Дмуховскимъ.

Госпожа Дмуховская, сидя въ возкѣ, храбро разсуждала о страшномъ происшествіи, которое къ общей досадѣ смоленской публики, преждевременно прекратило ея удовольствіе. Саша Друкорть старалась смѣяться о пустой, какъ она говорила, тревогѣ. Татьяна Семеновна ахала, крестилась и раскаявалась, что приѣхала въ Смоленскъ. Одна только Наденька не говорила ни слова. Саша Друкорть, которой наконецъ страннымъ показалось это молчаніе, спросила ее:

— Чтѣ ты, Наденька, такъ призадумалась? Неужели привидѣнія испугали тебя такъ сильно, что ты не можешь говорить съ нами?... Или ты не здорова?...

Но Наденька продолжала безмолвствовать, и казалась погруженною въ глубокой сонъ.

— Она спитъ, сказала Татьяна Семеновна.

— Ну, такъ не станемъ ея беспокоить, примолвила Александра Сергѣевна: пусть спитъ; она много танцевала и очень утомилась.

— А каковъ былъ Щелкачовъ сегодня! .. вы его примѣтили, Александра Сергѣевна? спросила Дмуховская, смѣясь.

— Какъ не примѣтить! весело отвѣчала Друкорть. Мы съ Наденькой ужасно дурачили его. Мы на него не можемъ взглянуть, чтобъ не рассмѣяться. Вобразите, чтѣ онъ сдѣлалъ! На одномъ вечерѣ, гдѣ были и мы, я примѣтила, что онъ всячески ищетъ стать позади Наденьки и, каждый разъ какъ ему уластся это, вынимаетъ чтѣ-то изъ бумаги съ таинственнымъ видомъ и держитъ надъ ея головою. Къ концу вечера, подходитъ ко мнѣ Наденька, — на ней было бѣлое платье, — и я вижу что она вся усыпана какимъ-то чернымъ порошкомъ и въ то же время Щелкачовъ посматривалъ на нее съ самодовольнымъ видомъ, который придавалъ лицу его такое глупое выраженіе, что нельзя было не расхохотаться. Очевидно было, что этотъ черный порошокъ — его издѣлья и что онъ имѣетъ у него какое-то значеніе, симпатическое, романическое, сомнамбулическое или тому подобное.... потому что онъ вѣрить во все это. Мы, для потѣхи, много разъ разсиранивали у него о таинственномъ смыслѣ этой сажки и объ ея

свойствахъ: онъ, то заирается, то отъчаетъ туманными двусмысленностями. Однако жъ, нѣсколько дней тому, онъ сказалъ Наденькѣ, что разгадка этой великой тайны восполздуеть на балѣ его дяди. Мы, признаться, только для этого и поѣхали къ нимъ на балъ сегодня: намъ такъ любопытно было узнать секретъ этой чудной глупости, что употребили всѣ средства, чтобы получить позволеніе родителей Наденьки, которые терпѣть не могутъ Змѣявскаго и не желали чтобы она ѣхала на балъ къ нему, несмотря на приглашенія и всѣ учтивости графа и его племянника.... Наденька! что же тебѣ сказалъ Щелкачовъ?... въ чемъ состоитъ разгадка?... Ты спишь?

— Она спитъ, сказала Татьяна Семеновна, сидѣвшая возлѣ Наденьки.

Намѣстникъ, и тѣ, которые его сопровождали, подѣхали между-тѣмъ къ башнѣ, но, ни въ ней ни около нея, не видно было ничего волшебнаго. Вскорѣ явился и Кайсановъ съ своею командой. Ему дали нѣсколько фонарей, и онъ, съ своими офицерами и солдатами пошелъ на городскую стѣну. Болѣе полу-часа обыскивали и обшаривали въ башнѣ всѣ углы, ходили нѣсколько разъ по стѣнѣ до другихъ башень, и также ничего не могли найти; не замѣтно даже было ни малѣйшаго признаку, чтобы тутъ скрывались шалости или плутни. Послѣ всѣхъ тщетныхъ поисковъ, намѣстникъ разспрашивалъ еще гарнизоннаго офицера, имѣвшаго надзоръ надъ башнею, но офицеръ не могъ сообщить другихъ подробностей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ докладывалъ плацъ-маіоръ. Офицеръ прибавилъ только, что, по отбитіи плацъ-маіора, страшилища начали гасить свои факелы и поспѣшно скрылись въ башню Веселуху, со стукомъ и шумомъ, послѣ чего все утихло. Часовой, который съ-вечера былъ поставленъ у башни Поздняковой, при допросѣ признался, что, послѣ-того какъ стемнѣло, онъ почувствовалъ ужасъ, сошелъ со стѣны и видѣлъ только то, что видѣли солдаты дозорнаго отряда. Такимъ образомъ намѣстникъ и всѣ пріѣхавшіе съ нимъ смотрѣть чудесное зрѣлище не видали ничего любопытнаго и не узнали ничего достовѣрнаго. Возвращаться къ графу Змѣявско-

му было поздно и бесполезно. Всѣ отправились по домамъ. Кайсановъ также повелъ назадъ свою команду.

Амуховская съ тремя пріятельницами около того времени была уже у подъѣзду своего дому. Возокъ остановился. Дамы вышли и побѣжали въ покой. Въ передней всѣ, кромѣ Наденьки, скинули свои салоны. Тутъ только Саша Друкортъ замѣтила, что на ней былъ чужой салонъ, но она не удивилась обмѣну: въ такомъ беспорядкѣ легко могла случиться ошибка. Салонъ, въ которомъ она пріѣхала теперь, былъ гораздо хуже ея собственнаго, но она не сомнѣвалась, что дама, похитившая въ-торопяхъ ея имущество, поспѣшитъ на другой день возвратить его по принадлежности. Вошедши въ комнаты, Саша Друкортъ, съ удивленіемъ увидѣла, что Наденька всё-еще не скидываетъ салопа и что на лицѣ ея та же маска, которую нѣла она въ маскарадѣ. Александра Сергѣевна начала смѣяться надъ ней.

— Что съ тобою сдѣлалось, Наденька? сказала она: въ возкѣ ты молчала или спала, а теперь стоишь какъ статуя и не хочешь даже снять салопа и маски: развѣ ты такъ испугалась привидѣній, что у тебя отняло языкъ и память?... Раздѣвайся, душа моя!

Наденька не отвѣчала. Она приблизилась къ креслу, которое стояло въ темномъ углу, и сѣла.

— Ахъ, какая же ты сегодня странная! продолжала Саша Друкортъ. Перестань, пожалуйста, играть комедию...

И съ этимъ словомъ она сдернула съ нея маску.

— Ахъ!.... вскричали всѣ три дамы вдругъ. Ахъ, Боже мой! что это значитъ?.... Это не она!... Это не Наденька!... Это какой-то мужчина!

— Кто вы? спросила храбрая засѣдательша у неизвѣстнаго. Говорите!... Зачѣмъ надѣли вы салонъ Надежды Алексѣевны?... Кто вы таковы?

Мужчина, игравшій роль Наденьки, всталъ съ кресла, скинулъ салонъ и произнесъ протяжно, густымъ басомъ:

— Я!.... старшій чортъ!!... изъ башни Веселухи!!!...

— Съ нами крестная сила! вскричали провзительнымъ дикантомъ дамы въ одно слово, и убѣжали въ спальню.

хозяйки, какъ бѣжитъ стадо пугливыхъ газель при появленіи свирѣпаго тигра.

Блѣдныя какъ смерть, и задыхаясь отъ страху, нѣсколько минутъ не смѣли онѣ, ни раскрыть рта, ни оглянуться на дверь, которую, спасаясь, захлопнули за собою. Къ-счастію, вошла горничная. Съ ея помощію скликали онѣ лакеевъ, кучеровъ, поваровъ, и послали ихъ въ гостиную посмотреть, что дѣлаетъ чортъ. Храбрый отрядъ, собравшись въ кучу, внезапно произвелъ генеральное вторженіе въ эту страшную комнату. Чорта на лицо не оказалось.

— Тутъ никого нѣтъ, сударыни!

— Какъ, нѣтъ! Тамъ..... чортъ!... Ищите хорошенько.

— Рѣшительно никого нѣтъ! Комната пуста!... Можетъ-быть вамъ только такъ показалось

— Вотъ новости! Какъ могло показаться, когда всѣ мы его видѣли. Чортъ пріѣхалъ съ нами въ возкѣ прямо съ бала. Объящите всѣ углы!

— Не угодно ли вамъ, сударыни, войти сюда самимъ и посмотреть лично?.. Не извольте бояться!... Ни живой души нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ! ... И слѣдъ простылъ..... Диво! Просто, диво!... Но чортъ былъ: въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вѣрно ушелъ.... Дамы желали, чтобы двери въ переднюю, въ сѣни, на дворъ, ворота и калитка, были тщательно осмотрѣны, для открытія обратнаго пути чорта, но кучеръ госпожи Дмуховской очень благо-разумно замѣтилъ, что это бесполезно, потому что чортъ всегда уходитъ въ ключевую дырку.

Нечего сказать—происшествіе!... Но какое ужасное происшествіе! Что же случилось съ Наденькою? Гдѣ она? Жива ли еще?...

Три пріятельницы находились въ страшномъ смущеніи. Несмотря на понятный каждому ужасъ, въ какой повергъ ихъ этотъ неожиданный и таинственный случай, несмотря на безпокойство о судьбѣ Наденьки. Дмуховская и Друкортъ замѣтили, почти въ одно слово, что, однако жъ, этотъ чортъ удивительно былъ похожъ на одного изъ моло-

дыхъ франтиковъ, увивавшихся около дамъ на балу у графа Змѣявскаго. Татьяна Семеновна не находила въ томъ ничего мудренаго, потому что черти съ необыкновенною ловкостью облакаются во всѣ возможные образы, отъ козла до самаго ловкаго и любезнаго кавалера. Спустя немного, Александра Сергѣевна вдругъ вспомнила даже и фампліюэтого франтика: одна изъ ея знакомокъ сказывала ей на балу, что его зовутъ.... кажется... Фирюлькинымъ?... Но, какъ изъ всѣхъ этихъ соображеній нельзя было вывести ничего положительнаго, то общимъ результатомъ совѣщанія трехъ подругъ было только то неизбѣжное умозаключеніе, что —или природный чортъ какъ двѣ капли воды похожъ на мосьё Фирюлькина, или мосьё Фирюлькинъ—вѣрный портретъ природнаго чорта.

Но Наденька всё-таки не являлась. Прошло полчаса, прошелъ часъ и болѣе, а ея не было. Александра Друкорть очень беспокоилась, и не знала что дѣлать. Она хотѣла отправиться домой, но боялась испугать Наденькиныхъ родителей. Какъ показаться къ нимъ безъ ихъ дочери? Какъ привезть имъ такое печальное извѣстіе? Потому думала она съѣздить въ домъ графа Змѣявскаго; но какъ всѣ его гости навѣрное уже разѣхались, то ей показалось неприличнымъ напасть въ почное время на домъ неженатаго и почти незнакомаго человѣка. Мужъ Дмуховской, около того времени воротился отъ башни Веселухи, и, съ удивленіемъ узнавъ, что чортъ, котораго они тамъ искали, между-тѣмъ хозяйничалъ въ его домѣ. Александра Сергѣевна, находясь въ жесточайшемъ недоумѣніи, просила господина Дмуховскаго послать кого-нибудь въ домъ графа, и узнать куда дѣвалась Наденька, если же она еще тамъ, то привезть ее сюда. Засѣдатель рѣшился поѣхать самъ съ однимъ своимъ родственникомъ: рассказы жены и ея подругъ, о сходствѣ чорта съ Фирюлькинымъ сильно встревожили его: онъ ничего не говорилъ дамамъ, но былъ увѣренъ, что тутъ кроется какой-то злодѣйскій умыселъ.

Госпожа Дмуховская, Друкорть и Татьяна Семеновна, во все отсутствіе хозяина, находились въ величайшемъ страхѣ и отчаяніи. Черезъ полчаса засѣдатель возвра-

тлся съ неприятнымъ извѣстіемъ, что Наденьки у графа нѣтъ и никто не могъ имъ сказать, что съ нею стало. Изъ гостей не оставалось тамъ уже никого, кромѣ Хватайки и Пустопольскаго, которыхъ засталъ онъ понтирующими въ банкъ противъ графа. Это донесеніе совершенно разстроило Александру Сергіевну: она плакала, терзалась, и не могла придумать, какія принять мѣры къ отысканію любимой подруги дѣтства и къ успокоенію ея родителей: они, только для нея, для Александры Сергіевны, и позволили ѣхать на этотъ несчастный балъ!

Что же, въ самомъ дѣлѣ, стало съ прекрасною Надеждою Алексѣевной?

Щелкачовъ исполнилъ въ этотъ вечеръ безчестное намѣреніе, которое онъ долго и тщательно пряталъ въ тайникахъ своей грязной души. Онъ подобралъ на-канунѣ, при помощи Ивановны, два салопа, совершенно похожіе на тѣ, въ какихъ обыкновенно выѣзжали Друкортъ и Кубышкина. Случившееся въ ту ночь на городской стѣнѣ странное явленіе кстати подоспѣло на помощь его дерзкому умыслу. Пока гости, при разъѣздѣ, выходили изъ комнатъ, онъ, съ Фирюлькинымъ подмѣнилъ салопы этихъ дѣвицъ, на себя надѣлъ салопа Александры Сергіевны, а въ Наденькинѣ нарядилъ своего друга. Укутавъ головы свои платками, также подобранными благовременно, два негодяя вмѣшались въ толпу испуганныхъ дамъ, торопившихся ѣхать, и, въ тѣснотѣ, имъ удалось разлучить двухъ пріятельницъ. Щелкачовъ подошелъ къ Наденькѣ, которая приняла его за Сашу Друкортъ, а Фирюлькинь, въ образѣ Наденьки, къ Сашѣ. При слабомъ освѣщеніи передней, которое нарочно уменьшилось по приказанію Щелкачова, не мудрено было обмануться. Такими судьбами москѣ Фирюлькинь благополучно попалъ въ возокъ госпожи Дмуховской и подъ видомъ Наденьки совершилъ съ этими дамами путешествіе до самаго дому засѣдателя. Щелкачовъ, между-тѣмъ, переодѣтый Сашею Друкортъ, взявъ Кубышкину за руку, съ умысломъ удерживалъ ее въ прихожей до-тѣхъ-поръ, пока Дмуховская не уѣхала съ Фирюлькинымъ. Тогда онъ вышелъ съ Наденькой на крыльцо: слуга его подалъ возокъ, похожій на возокъ засѣдательши и

также приготовленный завтрак; они съели въ него вдвоемъ, и дверцы быстро затворились. Входя въ экипажъ, Наденька спрашивала, гдѣ госпожа Дмуховская и Татьяна Семеновна, другая дама, прѣхавшая съ ними, но лакей отвѣчалъ, что онѣ уѣхали съ господиномъ Дмуховскимъ.

Щелкачовъ, разыгрывавшій роль Александры Сергѣевны, молчалъ такъ же прилежно какъ и Фирюлькинь, который отправился съ нею вмѣсто Кубышкиной. Кучеръ ударилъ по лошадямъ и возокъ помчался со двора прямо на столбовую дорогу. Ночная темнота и испугъ отъ извѣстiя о привидѣнiяхъ перенутали всѣ мысли Наденьки: она долго сидѣла въ молчанiи, но, наконецъ, рѣшилась спросить свою мнимую подругу, сказала ли ей Марья Никитична (Дмуховская), что уѣзжаетъ съ мужемъ и Татьяной Семеновной, и зачѣмъ она такъ скоропостижно отправилась домой. Не получивъ ни какого отвѣту, она удивилась, что Саша не хочетъ говорить съ нею, и не стала тревожить ея новыми вопросами. Но вскорѣ примѣтила она, что въ возкѣ сдѣлалось темно, что нигдѣ по сторонамъ нѣтъ огня, что они ѣдутъ какими-то странными мѣстами. Изъ любопытства, она опустила стекло, и, съ удивленiемъ увидѣла, что кругомъ—поле и возокъ мчится по пустой дорогѣ.

— Чтѣ это значить, Саша? вскричала она съ ужасомъ: видно, кучеръ нашъ пьянъ!.... онъ везетъ насъ, Богъ знаетъ куда!

Тутъ Щелкачовъ оставилъ притворство и сказалъ сладенькимъ голосомъ:

— Я не Саша, а вѣжливѣйшій, преданнѣйшій вашъ обожатель. Простите, дражайшая Надежда Алексѣевна, что я осмѣлился увезти васъ съ собою. Я люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ!... не могу жить безъ васъ!... и если вы удостоите меня прошенiя, или осчастливите вашей благоклонностью, какъ я въ томъ увѣренъ.... потому что такъ рѣшено судьбою.... то съ этой же минуты я считаю васъ, мой идолъ, владычицею души моей, обладательницею всего, чтѣ принадлежитъ мнѣ теперь и чтѣ получу послѣ аян!....

Онъ хотѣлъ поцѣловатьъ ея руку. Наденька не позво-

лила. Узнавъ Щелкачова по голосу, она пришла въ ужасъ. Несчастная!... она вдругъ увидѣла себя во власти отвратительнаго изверга.

— Прочь, подлый, гнусный человѣкъ! закричала она въ страшномъ отчаяніи и, опуская переднее стекло, сказала кучеру:

— Повороты назадъ!... поѣзжай въ домъ Марьи Никитичны Дмуховской... или остановись и выпусти меня изъ возка!

Кучерь, не отвѣчая, сталъ еще сильнѣе погонять лошадей.

— Зачѣмъ эти комедіи, милая Надежда Алексѣевна? вѣжно увѣщевалъ ее Щелкачовъ. Не кричите по-напрасну! Я знаю, что, въ душѣ, вы меня любите..... не можете не любить: это сильнѣе васъ... это не въ вашей волѣ, а не въ моей.... Мы ужъ должны вѣчно любить другъ друга.

Онъ снова хотѣлъ взять ея руку. Наденька, съ омерзѣніемъ оттолкнула его и, выгланувъ въ боковое окно, закричала лакею:

— Послушай!... если вѣруешь ты въ Бога, спаси меня отъ похитителя!... прикажи кучеру остановиться и отвори дверцы, чтобы я могла вытти!

Ни какого отвѣту.

«Какъ эти дѣвушки любятъ жеманиться! подумалъ Щелкачовъ, глупо улыбаясь. У нихъ страсть—чтобъ ихъ просили, умоляли. Такая ужъ натура! — Наденька!... другъ мой на всю жизнь!... мой ангелъ! началъ онъ вслухъ.

Наденька закрыла лицо руками.

— Милосердый Боже! защити и освободи меня отъ злодѣя! произнесла въ отвѣтъ несчастная отчаяннымъ голосомъ и залилась горячими слезами.

Она умоляла небо и заклинала людей о посланіи избавителя: моленія и вопли тщетно разносились по лѣсу. Никто не слыхалъ ихъ. Возокъ Щелкачова летѣлъ стрѣлою по рославльской дорогѣ.

ОБРАЩЕНИЕ

VIII
КЪ БРАТЬЯМЪ-ПОЭТАМЪ.

=

Други! братцы! Бога ради,
Бросьте грѣшныя стихи!
Что наполнивать тетради
Грузомъ скучной чепухи?
Безъ-числа вы натворили
Всякихъ пѣсень и балладъ,
Много времени убили;
Все не въ-прокъ и не въ-попадъ.
Посмотрите-ка, какія
Вышли новости у васъ?
Мысли жалкія, сухія.....
А разсказъ-то, а?.... разсказъ!
Ваши вычуры въ предметъ
Неуклюжи и смѣшны,
Участь горькая въ куплетѣ,
И сравненья всѣ темны.
О! не вамъ, не вамъ, конечно,
Ползти къ музамъ на Парнассъ!
Аполлонъ безчеловѣчный
Заперъ входъ туда для васъ.
Что сносить такое горе?
Лучше всплывайте назадъ!
Иль сидѣть у-синя-моря
Да погоды доброй ждать?
— «Ждать!» —

Нѣтъ, это очень строго!
 Намъ ли слушаться тебя?
 Мы и такъ ужъ ждали много,
 И выходимъ изъ себя.
 Мы скорѣй хотимъ покрыться
 Поэтическимъ вѣнцомъ,
 Съ Аполлономъ подружиться,
 Съ Фебомъ, дивнымъ мудрецомъ.
 Въ томъ лишь горе: дядя-Геній,
 Скрага, видишь ли, пустой,
 Много ставитъ преткновеній
 Намъ за каждой запятой,
 Самъ, съ провией ребячьей,
 Да въ педантскомъ колпакъ,
 Веселится неудачей,
 И.... сидитъ на чердакѣ!
 И сидитъ, распяля руки,
 Вѣчно съ лирой и дудой;
 По разрядамъ дѣлитъ звуки
 Межъ фамиліей своей,
 Межъ поэтовъ восприемныхъ
 Раздушенныхъ табакомъ,
 И насъ грѣшныхъ вдохновенныхъ
 Только дразнить языкомъ.»
 — А! теперь я понялъ ясно
 Въ чемъ скрывается бѣда:
 Геній правитъ самовластно.
 Но, постойте, господа,
 Такъ и быть, ужъ я возьмуся!
 Отплачу ему за насъ!
 Бокомъ, какъ-нибудь вотрუსя
 Въ область свѣту, на Парнассъ!
 Брошусь прямо къ Аполлону:
 Помогите!.... закричу,

 Созову ктому ихъ дворию
 И парнасскій весь народъ,
 Похваляю ихъ славу горню

И воскликну во весь ротъ:
«Ахъ, родные! въ жару, въ пѣпѣ
Къ вамъ съ прошеньемъ я иду!
Повелите Мельпоменѣ
Дать мнѣ дядьну дуду!
Дядя мой, великій Геній,
Мнѣ давно ее сулитъ,
Но изъ мелочныхъ забвеній
Завтра всё прійти велитъ;
Я жъ просиживаю ночи,
Днемъ не вижу ничего
И стараюсь что есть мочи
Услужиться у него.
О, родные! прикажите
Вѣдать публикѣ о томъ.
Циркуляры напишите,
Чтобы дядю бить кнутомъ!
Онъ услугъ не награждаетъ,
Трудъ ни сколь не цѣнитъ мой,
То-ш-дѣло утверждаетъ
Что-де я ему не свой.
Я, въ присутствіи васъ, смѣло,
Подъ присягою, скажу,
Что всегда на это дѣло
Не сквозь пальцы я гляжу.
Вы свидѣтелей хотите,
Доказательства, стиховъ?
Я—слуга вашъ; повелите, —
Все представить вамъ готовъ;
Только дайте изволенье
Чтобы старый нетопырь
Сосланъ былъ на поселенье
Въ мою жаркую Сибирь.
Я за этотъ судъ великій
Вамъ стократно отслужу,
И за приговоръ толикій
Васъ въ портретахъ распишу.
Если жъ на мое прошенье,
О, честные господа,

Не послѣдуетъ рѣшенья
 И правдиваго суда,
 То я штурмомъ и войною
 Нападу на вашъ Парнассъ;
 Вся компанія—со мною:
 Полонить всѣхъ будутъ васъ.
 О! какъ страшно разольется
 Эта бранная гроза!
 Твердь земная потрясется
 И померкнутъ небеса;
 Я въ свирѣпомъ разъяреннѣ
 Между васъ произведу
 Страхъ, насиліе, смятенье,
 Ужась, бурю и бѣду;
 Я надъ вашими челами
 Прилѣплю позоръ въ-стихахъ
 И поставлю вверхъ ногами
 Цѣлый вашъ ареопагъ;
 Никому не дамъ пощады,
 Никому пардону нѣтъ:
 Ваши дѣды, ваши чады
 Затанцуютъ менуютъ;
 А сороки Цереры
 Черезъ горы, чрезъ лѣса
 Прилетятъ и, за обиды,
 Музамъ выключаютъ глаза.
 Ихъ гудки, дуды и дудки
 Музыкантамъ раздадутъ,
 Ноты, пѣсни, прибаутки,
 На Толкучій продадутъ;
 Я жъ съ компаніей.....
уберуся,
 Въ удовольствіи такомъ
 До-зела вина напьюся
 И усну мертвецкиимъ сномъ.»

Вотъ, какъ этими словами,
 Лихой имъ загну ключокъ,
 Такъ, ихъ,—сказано межъ нами, —

Словно чортъ возьметъ за бокъ!
 До-упаду всѣ смутятся!
 Струсятъ!.... къ ихнему стыду.....
 И, какъ-разъ, засуетятся
 Отогнать скорѣй бѣду.
 Скрягу Генія съ куріеромъ
 Къ намъ въ неволю привезутъ,
 И дуду съ большимъ манеромъ
 На подносѣ поднесутъ.
 А въ рѣшительной надеждѣ
 Ужъ попишемъ мы тогда!....
 Все спалимъ что вралъ прежде.....
 Все!... не правда ль, господа? *

ПОЭТЪ.

Есть для всѣхъ на Божьемъ свѣтѣ
 Счастья мирный уголокъ,
 Всѣхъ ведетъ къ желанной мѣтѣ
 Своенравно грозный рокъ.
 Всѣ живутъ для наслажденья,
 Но межъ ними есть одинъ.
 Обреченный на мученья,
 Бѣдной доли бѣдный сынъ.
 И далекъ людей и свѣта,
 Чуждъ ничтожной суеты,
 Носить имя онъ поэта,

* Это стихотвореніе служитъ прологомъ къ комической повѣсти, подъ названіемъ «Даниліада». Читатели, конечно, вмѣстѣ съ нами прииѣтили въ немъ большія достоинства въ своемъ родѣ. Авторъ воины, какъ кажется, живетъ въ Ригѣ.

Знакъ духовной красоты.

Вѣчно мрачный, одинокій,
Безъ родныхъ и безъ друзей,
Скрылъ на сердцахъ онъ глубоко
Злую ненависть людей!

И отвергнутый толпою,
И непризнанный ни кѣмъ,
Часто гордою душою
Къ ней онъ холоденъ и нѣмъ.

Но порою вдохновенье
Съ небеси къ нему слетить—
И во взорахъ умиленья
Лучъ нежданный заблеститъ:

Онъ беретъ златую лиру
Въ руки мощныя свои —
И тогда поетъ онъ міру
Пѣсни дружбы и любви.

Засмѣется—всѣ смѣются;
Зарыдаетъ—у людей
Дыбомъ волосъ..... слезы льются
Противъ воли изъ очей!

Онъ идетъ — рукоплесканья
Всладъ путемъ за нимъ текутъ;
Но мгновенье—и страданья
Вновь къ себѣ его зовутъ:

И покорный, и послушный
Къ нимъ въ объятя онъ пришелъ,
Будто агнецъ равнодушный,
Будто раненый орелъ!

С. АСТРОЖНИКОВЪ.

РУСАЛКА.

Изъ синихъ волнъ Днѣпра, въ урочные часы
Выходятъ на берегъ русалка молодая,

Свѣжа, румяная, красой своей блистая,
 Руками бѣлыми роскошные власы
 По мраморнымъ плечамъ безпечно рассыпаетъ;
 То въ кольца ровныя играя завиваетъ,
 Или густой волной ихъ на руку кладетъ;
 И чистымъ голосомъ, окрестность оглашая,
 Какъ рѣзвое дитя, прелестница младая
 Свою пѣснь чудную тамъ весело поетъ!
 И часто юноши, внимая звукамъ тѣмъ,
 Въ очарованіи, забывъ себя совсѣмъ,
 На брегъ утесистый, влюбленные, приходятъ:
 Лукавица тогда, кивая головой,
 Къ себѣ манитъ ихъ бѣлою рукой
 И въ волны съ хохотомъ и пѣснями уходитъ.

С. АСТРОЖНИКОВЪ.

ДѢВУШКА.

(Изъ Анакреона.)

Дочь несчастная Тантала
 Много лѣтъ скалою стояла;
 Превратили въ образъ птицы
 Боги Пандіона дочь;
 Я жъ бы зеркаломъ дѣвицы
 Быть хотѣлъ и день и ночь,
 Чтобъ съ денницы до денницы
 Отъ меня нейти ей прочь,
 Иль бы въ пурпурѣ Хитона
 На ея прильнуть мнѣ лоно,
 Или струйкою потока
 Мнѣ на грудь плескаться къ ней,
 Или амброю востока
 Течь на мягкій шелкъ кудрей—
 Иль вокругъ шеи лебединой

Виться крупной жемчужиной,
Или лентой пояса
Жать ей станъ изолтишка,
Иль златымъ ремнемъ сапожекъ
У ея ласкаться ножекъ.

М. ЧИСТЯКОВЪ.

ЦВѢТОКЪ ВЪ ПОЛѢ.

Среди святыхъ красотъ творенья,
Румяный, свѣтлый какъ востокъ,
Земли печальной утѣшенье,
Цвѣтеть, краса полей, цвѣтокъ.
Какъ нѣженъ онъ, роскошенъ, строенъ.
Какъ легокъ, гибокъ и летучъ!
Какъ дивно онъ тобой устроенъ,
Могучій, пылкій жизни лучъ!
Онъ, то печаленъ, какъ разлука,
То рѣзвъ и веселъ, какъ волна,
То сердца пламеннаго мука,
То милый другъ младаго сна.....
И я на тотъ цвѣтокъ прелестный
Взиралъ, мечтами упоенъ:
И думалъ я, что, въ поднебесней,
Онъ ... гость мгновенный.... тоже—сонъ!

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ.

БАШНЯ ВЕСЕЛУХА.

ПОВѢСТЬ СМОЛЕНСКАГО СТАРОЖИЛА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мозга и толки. Допросы. Посылка съ почты. Новок злодѣяніи.

=

Смоленскъ, по великолѣпію и многолюдности — далеко не Петербургъ, и даже не Москва, но по сплетнямъ и пересудамъ стѣбитъ обѣихъ столицъ вмѣстѣ. На слѣдующее утро послѣ балу графа Змѣявскаго, городъ гремѣлъ самыми странными толками о чортѣ, котораго госпожа Дмуховская и Александра Друкортъ привезли съ собою съ балу, о похищеніи дочери Кубышкиныхъ, о Фирюлькинѣ, о Щелкачовѣ, и о прочемъ. По сходству чорта съ Фирюлькинымъ и подозрѣнію поданному о томъ засѣдателемъ Дмуховскимъ, этотъ почтеннѣйшій мужъ тотчасъ былъ арестованъ и съ перваго слова, показалъ, что его подговорилъ пріятель Щелкачовъ *свыграть съ дѣвцами штуку*, — какъ онъ говорилъ, — переодѣться замаскированной Наденькою и, *для смѣху*, уѣхать вмѣсто ея съ Дмуховскою в Друкортъ. Фирюлькинъ казался очень удивленнымъ,

когда ему сказали, что Наденька Кубышкина похищена: но тутъ же объявилъ, что, по его мнѣнію, никто болѣе кромѣ Щелкачова не могъ ея похитить. Онъ откровенно разсказалъ всѣ подробности вчерашняго переодѣванія и прежнихъ любовныхъ сумасбродствъ своего пріятеля: изъ всего было видно, что этотъ безправственный молодой человѣкъ и былъ способенъ совершить и, вѣроятно, совершилъ преступленіе, наполнившее горестью почтенное семейство Кубышкиныхъ и подругъ ихъ дочери. Послали въ домъ графа Змѣявскаго справиться, ночевалъ ли Щелкачовъ дома послѣ бала и гдѣ онъ теперь находится: тамъ отвѣчали, что его нѣтъ, что онъ пропалъ въ то же время какъ гости развѣзжались и что его дялюшка очень беспокоится о томъ, куда дѣвался Евграфъ Софроновичъ и что съ нимъ случилось. Кучера, камердинера и лошадей молодаго барина также пѣтъ: изъ чего домашніе графа заключали, что племянникъ его сіятельства куда-нибудь уѣхалъ. Графъ Змѣявскій, когда къ нему обратились официально, далъ такіе же отвѣты и казался очень сердитымъ на своего племянника за этотъ неожиданный отъѣздъ безъ видимои причины и безъ спросу.

Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что похищеніе Наденьки Кубышкиной было преступнымъ умысломъ Евграфа Софроновича Щелкачова. Мѣстное начальство немедленно разослало погоню по трактамъ, которыми, по сообщенію обстоятельствъ, могъ уѣхать похититель. Кайсановъ, котораго это извѣстіе поразило какъ кнѣзюмъ въ сердце, получивъ отъ намѣстника и родителей Наденьки позволеніе отправиться самъ лично съ Блюмомъ на поиски: они поскакали по дорогобужской дорогѣ.

Между-тѣмъ честное имя бѣдной Наденьки жестоко страдало. Дѣвщины, молодья и старья, которымъ красота ея была непріятна, рассказывали утвердительно, что она, кокетничая съ Кайсановымъ, тайно была влюблена въ Щелкачова, и какъ дядя его, графъ Змѣявскій, никогда не согласился бы на бракъ племянника съ купеческою дочерью, то она и бѣжала добровольно съ своимъ возлюбленнымъ. Показаніе Фирюлькина о сомнительномъ происхожденіи красавицы, которую Щелкачовъ не однажды

передъ ними и передъ Хлостиковымъ называлъ подвидан-
шемъ, разнеслось по городу: оно доставило новую пищу
пересудамъ; многіе вспомнили, что у Кубышкиныхъ въ
самомъ дѣлѣ долго дѣтой не было видно, и вдругъ явилась
дочь, которую покойная полковница Друкортъ, мать Са-
шеляки и мать прихлебница, тотчасъ свертала съ ними
безъ лишнихъ свидѣтелей и вскорѣ взяла къ себѣ: на э-
томъ основаніи присовокупляли, что Наденькѣ, хитрой и
вѣтреной дѣвушкѣ, узнавшей что Кубышкины—ей не ро-
дители и предугадывающей заранѣе, что они не завѣща-
ютъ ей своего имѣнія, ничего болѣе и не оставалось какъ
воспользоваться страстью Щелкачова и воступить къ не-
му въ любовницы. Нижняя душа страшилась только того,
чтобы эта коварная дѣвушка не ошутала совершенно Ес-
графа Софроню и чтобы онъ на ней не женился. Къ
вечеру бѣлая половина Смоленска душевно соболѣванова-
ла уже о Щелкачовѣ: бригадирша, въ общемъ совѣтѣ ста-
рухъ, рѣшила, что Наденька его похитила силою, и общее
собраніе всѣхъ чинскихъ департаментовъ приказали:
оную купеческую дочку безъ дальнѣйшаго слѣдствія и су-
да, колесовать немилосердно за дерзкую покражу у дворяномъ
законно принадлежащаго имъ молодого жениха, стоящаго
на спискѣ «хорошихъ партій» въ губерніи.

Вы знакомы съ смоленскимъ почтмейстеромъ. Въ тотъ
же вечеръ онъ и супруга его явились съ визитомъ къ Ку-
бышкинымъ, которые, среди своей глубокой печали, были
нѣсколько удивлены этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.
Почтмейстеръ былъ веселъ: онъ какъ-будто не зналъ и
не хотѣлъ вспомнить о несчастіи постигнувшемъ хозяевъ.
Почтмейстерша также обнаруживала восхитительное рас-
положеніе духа, которое приводило въ отчаяніе грустную
Аграфену Кузминичну.

— Вы не читали послѣднихъ газетъ, Алексѣй Харито-
новичъ? сказалъ почтмейстеръ: презабавныя вещи проис-
ходятъ во Франціи.

И онъ пустился разсказывать послѣднія событія фран-
цузской революціи, сопровождая каждую подробность
своими замѣчаніями и спрашивая всякій разъ мнѣнія не-

элина. Алексѣй Харитоновичъ отвѣчалъ ему только вздохами и восклицаніями:

— Не знаю, батюшка!.... Не могу вамъ ничего доложить!.... У меня на сердцѣ тяжкое горе.

Исчерпавъ эту матерію, почтмейстеръ приступилъ къ петербургскимъ новостямъ, которыя доставили ему обильный предметъ къ разсужденіямъ еще на полчаса времени.

— Mon ange! сказала почтмейстерша: что жъ ты не говоришь о посылкѣ.

— Нельзя вдругъ! отвѣчалъ ей ученый мужъ вполголоса: надо ихъ постепенно приготовить къ этому.

И онъ завелъ рѣчь о предстоявшихъ выборахъ, излагая Кубышкину свои глубокія соображенія о томъ, кто по всей вѣроятности будетъ избранъ въ губерскіе предводители, кто въ судьи, кто въ засѣдатели.

— Да говори же, топ анге, о посылкѣ! шепнула ему жена съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, душа моя, сказалъ почтмейстеръ: теперь ужъ можно приступить къ дѣлу; они достаточно приготовлены.— Алексѣй Харитоновичъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину: у насъ, по почтовому вѣдомству, есть для васъ въ полученіи посылочка.

— Какая батюшка! спросилъ Кубышкинъ: не прикажете ли завтра прислать?

— Какая посылочка? повторилъ почтмейстеръ. Посылка прекуріозная!... рѣдкая посылка!

— Вы не изволите знать, что такое въ ней заключается?

— Ну, какъ не знать! Въ посылкѣ заключается ваша почтенивѣйшая дочь, Надежда Алексѣевна.

— Наденька! вскричали Кубышкины, мужъ и жена вмѣстѣ. Она у васъ?... Вы получили ее по почтѣ?

— Да! важно отвѣчалъ почтмейстеръ: она спасена, состоитъ теперь въ моемъ вѣдомствѣ, и никто не можетъ тронуть ее безъ моего разрѣшенія.

Старые супруги залились слезами отъ радости. Они желали по-скорѣе узнать все, что касалось до дорогой дочери, но методическій почтмейстеръ началъ имъ сперва

разсказывать все, что онъ вчера дѣлалъ, послѣ балу, какъ веротаясь домой, отправилъ почту, какъ легъ спать, какъ на слѣдующее утро завтракалъ, потомъ обѣдалъ, потомъ опять легъ спать, потомъ наконецъ получилъ раппортъ отъ смотрителя послѣдней передъ Дорогобужемъ станціи, въ которомъ раппортъ значить: отправленная вчера послѣ полуночи почта изъ Смоленска обогнала, недалеко отъ станціи, какой-то возокъ, запряженный четверкою *партикулярныхъ* лошадей, измученныхъ и бѣжавшихъ очень тихо; изъ возка слышны были вопли женщины, которая какъ-будто съ кѣмъ-то боролась, и почталіонамъ показалось даже что она, увидѣвъ въ открытое окошко проѣзжающую тройку, призывала ихъ на помощь. По мнѣнію почталіоновъ, возокъ этотъ былъ подозрителенъ и означалъ или побѣгъ или насиліе. Изъ ихъ разсказовъ можно было заключить, что проѣзжіе, которыхъ лошади такъ устали, по-необходимости обратятся къ станціи для найма другихъ; но, на всякій случай, — для вѣрнѣйшей повѣрки любопытнаго казуса, если бы возокъ рѣшился проѣхать мимо — смѣтливый смотритель приказалъ вывести всѣ почтовые телѣги и загородить дорогу. Въ самомъ дѣлѣ, возокъ вскорѣ явился: лошади едва тащились, но онъ не показывалъ намѣренія остановиться. Кучеръ съ лакеемъ подняли шумъ, требуютъ отъ ямщиковъ, чтобы они раздвинули телѣги. Ямщики, притворяясь будто готовы повиноваться требованію проѣзжихъ, не очень сиѣшили уборкою повозокъ. Между-тѣмъ выпшелъ станціонный смотритель, и спросилъ, кто ѣдетъ и куда. Лакей и кучеръ не хотѣли сказать. Онъ обратился къ сѣдокамъ. Женскій крикъ былъ слышенъ въ возкѣ, но какъ-будто заглушаемый рукою, положенною на ротъ. Смотритель хотѣлъ отворить дверцы. Лакей, не допуская, толкнулъ его пзо всей силы. Тотъ велѣлъ ямщикамъ схватить паглеца и взять лошадей подъ уздцы. Содержаніе таинственнаго возка тотчасъ объяснилось. Выскочившій изъ него мужчина началъ бранить и стращать смотрителя, между-тѣмъ какъ оставшаяся внутри женщина кричала о помощи, и задержанія похитителя, объ освобожденіи ея. Смотритель, въ брагичивомъ господинѣ узналъ Щелкачова: онъ давно уже

былъ зомъ на этого буяна, который ссорится и шумитъ на всѣхъ станціяхъ, каждый разъ какъ ѣдетъ на почтовыхъ, и когда еще поощренная объявила свою фамилию, такъ хорошо известную всѣмъ въ Дорогобужѣ и до-сихъ-порѣ тамъ почитасую, станціонный повелитель, лично нѣкогда знавшій Кубышкина, счелъ нужнымъ задержать проезжаго. Онъ взялъ Надежду Алексѣевну въ свое семейство, Щелкачова заперъ въ чуланъ, людей его—въ сараи, и обо всемъ таковомъ экстраординарномъ происшествіи съ эстафетою донесъ главному своему начальнику, почтмейстеру.

— Я тотчасъ поѣхалъ доложить объ этомъ намѣстнику и губернатору, продолжалъ рассказчикъ: потомъ, воротясь домой, отправилъ одного изъ моихъ чиновниковъ съ порученіемъ привезти Надежду Алексѣевну, въ томъ же возкѣ на почтовыхъ, а его высокопревосходительство господинъ намѣстникъ послалъ въ то же время двухъ полиційскихъ офицеровъ, которые должны были отобрать всѣ нужныя показанія на мѣстѣ и представить арестантовъ въ Смоленскъ. Послѣ-того мы сочли нужнымъ, моя жена и я, сообщить вамъ лично это радостное извѣстіе, почтеннѣйшій Алексѣй Харитоновичъ и почтеннѣйшая Аграфена Кузминична.

Кубышкины не находили словъ чтобы выразить свою благодарность почтовой четѣ, которая вскорѣ послѣ-того и удаллась.

— Видишь, душенька, сказалъ почтмейстеръ своей супругѣ, садясь въ сани: видишь, какъ искусно приготовилъ я этихъ добрыхъ людей!

— Удивительно, mon ange! отвѣчала почтмейстерша.

Сорокъ часовъ спустя, почтмейстерша привезла Наденьку сама къ родителямъ. Радости Кубышкиныхъ и Саша Друкорть не нужно вамъ описывать. Но они еще за часъ до этого знали о пріѣздѣ Надежды Алексѣевны въ Смоленскъ черезъ влюбленнаго Кайсанова, который нашелъ ее на станціи и вмѣстѣ съ Блюмомъ и почтовымъ чиновникомъ провожалъ ее до дому почтмейстера. Можете вообразить, какъ любовники были счастливы въ этомъ путешествіи! Они прибыли въ городъ въ первомъ часу ночи

и, пробѣжавъ въ виду Башни Веседаки, нигдѣ случай не следится зрѣвающимъ странникамъ, которымъ Кайсановъ дотѣхъ-поръ не хотѣлъ вѣрять. Но теперь онъ, Надежня, Блонъ и чиновникъ почтмейстера, видѣли всѣмъ особенными глазами страшныхъ уродовъ, обтянутыхъ съ отвисли на городской стѣнѣ; слышали ихъ шумъ, музыку и дикіе крики; и недѣля было сомнѣваться долѣе въ истинѣ повѣсти смоленской черни. Путешественники хотѣли установиться, чтобы лучше разсмотрѣть адскую сцену; но ящички, везшіе ихъ, гнали лошадей безъ памяти, едва живые отъ страху на своихъ козлахъ и скамейкахъ. Городскіе жители, которымъ въ ту пору случилось быть на улицахъ или по близости стѣны, спасались бѣгствомъ и прятались. Сама Надежня, дрожа какъ осиповый листъ, жала къ Кайсанову и прятала головку за его плечомъ во время этого невѣроятнаго представленія.

Между-тѣмъ графъ Змѣевскій употреблялъ все средства богатства, чтобы отвратить бѣду отъ своего почтеннаго племянника. Онъ уже былъ нѣсколько разъ у намѣстника, чтобы изъявить ему глубокое сожалѣніе свое о томъ, что случилось, разражался негодованіемъ на Щелачева, и оправдывалъ его силою и безумствомъ незрѣлыхъ страстей. Какъ все мы были молоды — общее, но полезное правило — и какъ его сіятельство великодушно предлагалъ притомъ благовидное средство къ заглаженію честнымъ образомъ того, что онъ называлъ необдуманною «шалостью вѣтренной юности», ругаясь самъ своимъ словомъ, что при всемъ неравенствѣ знаній онъ готовъ согласиться на бракъ своего Еяграфа Софроневича съ Кудашкиной и считать ее своей дочерью, то новый намѣстникъ, весьма по рожденію и по характеру, воспитанный въ философическихъ понятіяхъ вѣка о добродѣтели и личной строгости нравовъ, но не знающій ни страстей людей ни мѣстныхъ обстоятельствъ, нашелъ воступокъ графа совершенно благороднымъ и былъ тронутъ его горемъ. Онъ говорилъ, публично, на своей аудіенціи, что, въ подобныхъ случаяхъ, репутація похищенной дѣвушки важнѣе всѣхъ другихъ уваженій, не исключая и наказанія, заслуженнаго похитителемъ. Впрочемъ, тутъ

нѣтъ выбору, присовокупляя онъ: ночная поѣздка вдвоемъ, какая бы ни была ея причина, можетъ, и должна кончиться въ образованномъ обществѣ однимъ только способомъ, именно законнымъ образомъ, и онъ, какъ главный начальникъ провинціи и блюститель чистой нравственности въ ея предѣлахъ, не потерпитъ, чтобы такая эскананда сопровождалась другою развязкою; онъ беретъ это дѣло на себя, и тѣмъ охотнѣе, что въ дялюшкѣ преступника, одномъ изъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ намѣстничества, счастье позволило ему встрѣтить человѣка съ истинно возвышеннымъ образомъ мыслей и вполне достойнаго уваженія.

Когда Алексѣй Харитоновичъ Кубышкинъ, и супруга его, засвидѣтельствовавъ свою безпредѣльную признательность почтмейстеру, и супругѣ его, явились къ намѣстнику чтобы покорнѣйше поблагодарить и его за то живое участіе, которое соизволил онъ принять въ отысканіи ихъ бѣдной дочери, благомыслящій вельможа, не давъ бѣднымъ родителямъ заключить своей рѣчи, ласково сказалъ имъ:

— Я знаю ваше несчастіе и душевно раздѣляю весьма естественно печаль вашу. Но, будьте спокойны!.. я—тутъ, и можете полагаться на мое слово, что все устроится прилично.... согласно съ нравственностью.... и съ вашимъ благомъ. Будьте спокойны!.... общественная нравственность для меня, выше всего. Полагайтесь на меня.

Кубышкины сначала не поняли мысли намѣстника. Но, когда сказавъ это, онъ отошелъ отъ нихъ къ другимъ поклонщикамъ и одинъ изъ чиновниковъ его канцеляріи объяснилъ обласканной четѣ благія намѣренія правителя, Алексѣй Харитоновичъ и Аграфена Кузьминшна, испуганные и приведенные въ замѣшательство, хотѣли представить ему свои возраженія. Они старались занять мѣсто на проходѣ намѣстника. Послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ удалось имъ приблизиться къ вельможѣ. Алексѣй Харитоновичъ открылъ рѣчь, которая по-необходимости должна была начинаться изъясненіемъ чувствительнѣйшей благодарности за новыя доказательства великодушной и незаслуженной заботливости, которой.....

— Не благодарите меня! милостиво перерывъ его намѣстникъ. Благодарить не за что. Это мой—долгъ. Я не вѣщу ничего противнаго чистымъ нравамъ. Репутація молодой дѣвушки — вещь священная.

— Мы желали только.... началъ смущенный Алексѣй Харитоновичъ, низко кланаясь.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, перебилъ вельможа: это ужъ—мое дѣло. Правственность выше всего....

— Мы не сомнѣваемся.... снова началъ Алексѣй Харитоновичъ, кланаясь еще ниже.

— Все будетъ сдѣлано, какъ требуютъ приличія, быстро сказалъ намѣстникъ. Будьте спокойны. Правственность выше всего.... Прощайте.

И отошелъ отъ Кубышквинныхъ. Черезъ горы великодушія и доли благоговѣнія передъ правственностью не было ни какой возможности объясниться съ благороднымъ вельможею. Бѣдные родители удалились съ разорваннымъ сердцемъ.

Между тѣмъ нарушитель общественной нравственности сидѣлъ въ тюрьмѣ и надъ нимъ паряла была намѣстникомъ слѣдственная коммиссія. Намѣстникъ не желалъ и самъ, чтобы она торопилась, имѣя въ виду имѣннѣ похитителю въ наказаніе продолжительное заключеніе его передъ принесеніемъ имъ очистительной жертвы богинѣ безнорочныхъ нравовъ, и коммиссія не заботилась отличиться необыкновенною дѣятельностью. Сколько разъ Кубышквинны ни пытались, черезъ своихъ покровителей, дать уразумѣть благородному вельможѣ, что ни они ни похищенная вовсе не желаютъ подобной развязки, намѣстникъ, въ своемъ великодушіи, никому не позволялъ докончить рѣчи, объявляя съ первыхъ словъ, что нравственность выше всего; что это иначе быть не можетъ — желаютъ ли они или не желаютъ, — что общественное достоинство не можетъ страдать отъ частныхъ желаній или нежеланій—а буде не желаютъ, тѣмъ хуже; тѣмъ жесточе обижены нравы: нежеланіе, въ такихъ случаяхъ, послѣ всего что происходило, означало бы только закоренѣлость въ развращеніи; словомъ, что онъ этого допустить не можетъ — они должны непремѣнно заглазить торжествен-

нимъ бракомъ оскорбленіе, нанесенное правды, — и онъ уже изволилъ взять это на себя.

Наденька и Кайсановъ приходили въ отчаяніе, но не было средства пособить несчастію. Пцсакачовъ, при допросахъ показывалъ, что она бѣжала съ нимъ добровольно и что онъ, Евграфъ Софроновичъ, увезилъ ее съ совершенно честнымъ намѣреніемъ, желая увѣичать почное путешествіе церковнымъ обрядомъ въ первомъ удобномъ мѣстѣ. Домашніе графа Змѣявскаго, призванные въ свидѣтели, такъ запутали дѣло условленными заранѣе показаніями, что неизбежно слѣдовало предполагать существованіе предварительныхъ сношеній между похитителемъ и похищенною и что комиссія не понимала каприза, который потомъ побудилъ похищенную кричать и требовать помощи. Надежда Алексѣевна казалась столько же виноватою какъ и Евграфъ Софроновичъ, и, не имѣя средствъ къ своему оправданію противъ общаго заговору свидѣтелей, чувствовала сама, что отказываться отъ брака при такихъ обстоятельствахъ значило бы подвергнуться вторично, и уже добровольно, сраму и безчестію.

Слезы и молитва были единственнымъ утѣшеніемъ несчастной. Друзья графа Змѣявскаго, особенно Хватайко и Пустопольскій, уговаривали между-тѣмъ родителей, представляя имъ разныя выгоды и обольщенія.

Но между-тѣмъ какъ въ слѣдственной комиссіи дѣло принимало оборотъ, неблагопріятный для Наденьки, въ публикѣ ненависть могущественной партіи къ графу Змѣявскому возстапавлявала общее мнѣніе противъ него. Недогованіе всѣхъ честныхъ людей было возбуждено пущенною въ ходъ молвою объ участіи самого графа въ гнусномъ поступкѣ племянника: въ городѣ утверждали единогласно, что похищеніе состоялось, не только съ вѣдома дядюшки, но даже и съ личною его помощію. По соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, комиссія также подозрѣвала дѣятельное прикосновеніе его сіятельства къ дѣлу, но никакъ не могла связать ихъ съ другими обстоятельствами, явствовавшими несомнѣнно изъ единодушныхъ показаній многочисленныхъ и, какъ казалось, заслуживающихъ вѣры свидѣтелей. Публика, напротивъ,

объясняла участіе графа Змѣявскаго предположеніями, которыя, имѣя весь наружный видъ истинны, представляли его коварный и злобный характеръ въ колоритѣ, внушавшемъ къ нему омерзѣніе. Подъ вліяніемъ этого общаго негодованія пребылъ часъ дворянскихъ выборовъ и притомъ еще, на-канунѣ роковаго дня, Хлыстиковъ, разлученный судьбою съ своими пріятелями, Щелкачовымъ и Фирюлькинымъ, которыхъ всё-еще тюрьма делѣла въ своихъ объятіяхъ, разболталъ въ одномъ обществѣ благородныхъ юношей, посвящавшихъ посильные труды свои картамъ и бутылкѣ, завѣтныя тайны знаменитаго вечера, когда сказанные два пріятеля обьиграли на-голову Хватайку и Пустопольскаго въ пользу сіятельнаго хозяина. Недобное открытіе было истинною находкою для партіи, противной графу. Самые горячіе изъ ея приверженцевъ въ ту же ночь довели обо всемъ до свѣдѣнія почтенныхъ жертвъ продѣлки. Разъяренные подъячіе взбунтовали на слѣдующее утро даже и тѣ голоса, которые отъ нихъ лично зависѣли, и паденіе графа Змѣявскаго было полное, востыдное, незабвенное. Онъ получилъ въ свою пользу только два избирательные шара.

За нѣсколько дней до этого великаго происшествія въ слѣдственной комиссіи, случайно, зашла рѣчь о колдунѣ Ивановѣ. Хотя изъ показаній Фирюлькина было извѣстно, что Щелкачовъ прибѣгалъ, въ своей страсти, къ пособіямъ ея искусства и получилъ отъ нея наговоръ, но этому сумасбродству слѣдователи не придавали ни какой важности и обстоятельство пришло въ совершенное забвеніе, когда одинъ изъ членовъ вдругъ изъявилъ желаніе посмотреть этотъ наговоръ, любопытства ради. Предсѣдатель замѣтилъ, что эти извѣстные вздоры не имѣютъ никакой связи съ преступленіемъ похищенія и терять на нихъ времени невозможно, по что, если кому угодно видѣть форму наговора, онъ, по окончаніи слѣдствія, прикажетъ потребовать Иванову въ присутствіе. Этотъ разговоръ покажется не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Участіе колдуньи въ заготовленіи салоповъ, похожихъ на солопы Надежды Кубышкиной и Александры Друкортъ, тщательно было скрыто участниками и свидѣтелями: всѣ

вообще показывали на неизвѣстнаго человѣка, принесшаго ихъ Щелкачову ночью отъ Кубышкиныхъ, такъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, похищенная могла сама поддѣлать салопы, послужившіе къ обману. Честность Александры Друкорть, какъ Наденькиной подруги и по-видимому со-общницы, подвергалась сильному подозрѣнію по этому таинственному обстоятельству. Но въ засѣданіе комиссіи, предшествовавшее дню открытія дворянскихъ выборовъ, родилось, изъ нѣкоторыхъ допросовъ, сомнѣніе касательно этого неизвѣстнаго человѣка. Положено было обратиться къ полиціи съ требованіемъ, чтобы приложенные къ дѣлу два салопа были показаны разнымъ портнымъ и швеямъ, съ тѣмъ, что можетъ-быть кто-нибудь изъ нихъ узнаеть свою работу и припомнить, по чьему заказу она была сдѣлана. Определеніе это еще не было исполнено, какъ на другой день послѣ паденія графа Змѣявскаго въ избирательномъ ящикѣ, городъ загремѣлъ вѣстью о страшномъ злодѣяніи.

Въ темномъ и грязномъ переулкѣ, близъ Молѳховскихъ Воротъ, жилъ въ ветхомъ домикѣ бѣдный мѣщанинъ. Рано утромъ того дня, живущій возлѣ этой лачуги другой мѣщанинъ послалъ свою работницу попросить у сосѣда на-время какую-то посуду. Подойдя къ воротамъ сосѣда, посланная удивилась, что ворота изнутри не заперты, а ставни всѣ заперты. Не воображая ничего худаго, она вошла на дворъ, потомъ въ сѣни и въ комнату. Какое ужасное зрѣлище представилось ся глазамъ! Сосѣдъ съ женою лежали на постели, служанка ихъ на печи и еще какая-то старуха, на лавкѣ, всѣ четверо мертвые. Посланная испугалась и, побѣжавъ тотчасъ назадъ, рассказала все хозяину. Тотъ пошелъ съ сыномъ и работникомъ удостовѣриться въ истинѣ, и въ жертвахъ изрубленныхъ топоромъ и обогранныхъ кровью, безъ труда узналъ своего сосѣда, его жену, ихъ работницу, и пзвѣстную гадалщицу Ивановну, которая наканунѣ пришла туда ночевать. Сундуки не были открыты, ящики небыли ни выдвинуты, ни опустошены. Осмотрѣвъ все, мѣщанинъ пошелъ въ сѣвзжій домъ и объявилъ обо всемъ, что видѣлъ. Черезъ четверть часа явилась полиція, освидѣтельствовали *corpora delicti*, разспра-

инвали всѣхъ жившихъ по-близости, не видалъ ли кто проходящихъ ночью въ этотъ домъ людей и не имѣютъ ли на кого-нибудь подозрѣнія. Всѣ отвѣчали отрицательно. Но какъ въ ту же ночь происходило новое чертовское представленіе около башни Веселухи, то большая часть жителей квартала была того мнѣнія, что это не злодѣяніе разбойниковъ, — разбойники ограбили бы домъ, — а проказы нечистой силы, которую колдунья привела съ собою: правда, что вѣдьма и сама лежитъ на лавкѣ съ разрубленною головою, но на это не должно полагаться; она только приняла такой видъ, и, какъ-скоро всѣ удалятся, встанетъ и уйдетъ хохоча, какъ-будто ни въ чемъ не бывала. Самые опытные совѣтовали пригвоздить ее тотчасъ къ землѣ основнымъ коломъ, такъ какъ это единственное средство воспрепятствовать проклятымъ мертвецамъ ходить по землѣ и исполнять порученія сатаны.

По докладу намѣстнику и по его личному приказанію, назначено строжайшее слѣдствіе, полиція засуетилась съ отлпчнымъ усердіемъ, съищики разсыпались по всему Смоленску, но — слѣдъ простылъ — всѣ концы въ воду — ничего не открыли!

Цѣлую недѣлю весь городъ съ ужасомъ разсуждалъ объ этомъ необъяснимомъ злодѣяніи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ЛЮБОпытная рукопись.

Тотчасъ послѣ плачевной неудачи на выборахъ, графъ Змѣявскій уѣхалъ въ деревню, чтобъ скрыть свой стыдъ и свою досаду.

Хватайко и Пустопольскій были въ бѣшенствѣ. Они ругали Змѣявскаго и грозили отмстить ему «по-свѣдому». Въ дружескомъ собраніи подъячихъ у Пустопольскаго, гдѣ былъ и Цапкинъ, среди обильныхъ изліяній ярости и пуншу, Хватайко вспомнилъ кстати, что когда онъ былъ:

еще прокурорскимъ секретаремъ, поступило отъ дорогобужскаго воеводы донесеніе, гдѣ между мѣстными происшествіями, упоминалось о подкинутой купеческому семейству Кубышкиныхъ дѣвочкѣ, которую это семейство простило какъ свою собственную дочь, не сдѣлавъ надлежащаго объявленія о принятіи ребенка въ законныя дочери. Въ послѣдствіи, когда Змѣявскій былъ въ силѣ и вѣнчалъ дѣлами губерніи, Хвайтако слышалъ отъ одного повѣтчика, по секрету, что графъ усердно отыскивалъ въ бумагахъ правленія это донесеніе, которое, какъ говорилъ ему пріятель-повѣтчикъ, было весьма важно для его сіятельства. По этой заботливости, казалось, какъ-будто Змѣявскій хотѣлъ истребить бумагу.

— Ну, это вы только предполагаете! замѣтилъ Пустопольскій своимъ тупымъ разумомъ. Съ какой стати ему истреблять бумагу, относящуюся къ Кубышкинымъ?

— Съ какой стати? подхватилъ тонкій Хватайко: да съ такой, что, вѣроятно, его сіятельство очень интересовался этимъ подкидышемъ. Почему знать, можетъ-быть Наденька Кубышкина—побочная дочь Змѣявскаго! Въ такомъ случаѣ, весьма естественно, что ему желательно было уничтожить всякій слѣдъ незаконности окрещенія Наденьки Кубышкиными подъ именемъ собственной ихъ дочери, для того чтобы она могла быть неоспоримою ихъ наследницею или чтобы отклонить всѣ могущія впоследствии подозрѣнія въ участіи его сіятельства въ ея существованіи.

— Это можно было бы привести въ ясность, сказалъ Цапкинъ: старинный и любимый камердинеръ графа, отказавшись отъ міреныхъ суевъ, живетъ въ Троицкомъ Монастырѣ послушникомъ и мнѣ онъ пріятель.

— Узнай, пожалуйста, какъ-нибудь отъ него, дружище, въ какомъ отношеніи состоитъ Наденька Кубышкина къ ея сіятельству, это очень интересно! вскричалъ Хватайко, подбѣгая къ Финогену Карповичу. Я знаю, ты мастеръ на всѣ такія продѣлки ты неважнѣе выспысывай эту тайну у своего пріятеля-послушника, если только захочешь.

Пустопольскій поднесъ Напѣнку новый стаканъ пуншу и примолнулъ своимъ важелымъ басомъ:

— Постарайся, сдѣлай милость!

— Если они украли донесеніе воеводы изъ архива правленія, продолжалъ Хватайко, глубокомысленно соображая въ своемъ крючкотомъ умѣ, то, во всякомъ случаѣ, раскрытіе этого обстоятельства можетъ послужить къ чему-нибудь, или къ окомпрометированію графа по дѣлу Щелкачова или, на худой конецъ, къ содранію взятки съ Кубышкинскихъ за молчаніе о незаконности рожденія ихъ дочери: если тамъ этой бумаги нѣтъ, то я знаю, что копія ея находится при прокурорскихъ дѣлахъ; она была сообщена намъ губернаторомъ, но брошена; прокуроръ, мой бывшій начальникъ, не считалъ приличнымъ входить въ семейныя тайны, на которыя никто не жаловался, и оставилъ это обстоятельство безъ вниманія. Я могу достать списокъ съ этой копіи; ты только, Финогенъ Карповичъ, употреби своей умъ, чтобы узнать какія-нибудь подробности. Можно было бы сдѣлать его сіятельству порядочную закладку, если бы оказалось, что Щелкачовъ, по наущенію дядушки, похитилъ его родную дочь, а свою двоюродную сестру, на которой Змѣевскій хочетъ теперь женить его. Изъ такой кучи подлоговъ его сіятельству не легко было бы вынутаться. Похлопочи, Финяга, старымъ другъ! Пожива тутъ есть и для тебя: мы тебя не обидимъ. Повидайся съ послушникомъ! Поговори!...

— Я готовъ, отвѣчалъ Цапкинъ: но едва-ли теперь услѣю въ этомъ. Послушникъ былъ очень болѣнъ, и я не знаю выдоровѣлъ ли онъ уже, или еще лежитъ въ постели. Я не видалъ его уже болѣе недѣли. Однако жъ завтра пойду.

Въ самомъ дѣлѣ, Цапкинъ, на слѣдующее утро, пошелъ въ Троицкій Монастырь.

— Каково здоровье послушника Іоанникія? спросилъ онъ у стоящаго при входѣ въ келлію монастырскаго служка.

— Сегодня ночью онъ скончался, отвѣчалъ служка.

— Ахти! вскричалъ Цапкинъ, пораженный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, и подумалъ: «Экое горе!... вслушалъ же умереть именно въ то время, когда въ немъ случилась нужда!» — Но на прошедшей недѣлѣ, продолжалъ подычій, ему было легче?

- Да! на прошедшей недѣлѣ онъ, казалось, собрался выздоровѣть, но потомъ сталъ хуже, а вчера вечеромъ сполчасу заснулъ, и, пробудясь ночью, часу въ третьемъ, потребовалъ духовника, который тотчасъ пришелъ, исповѣдалъ его и причастилъ. Послѣ-того онъ не могъ уже вымолвить ни одного слова.

Цапкинъ вошелъ въ келлію усопшаго и, несмотря на чугунное свое сердце, пролилъ нѣсколько слезъ; потомъ подошелъ онъ къ трупу и напечатлѣлъ на лбу покойника прощальный поцѣлуй. Исполнивъ этотъ дружескій долгъ, онъ примѣтилъ лежавшій у постели умершаго большой запечатанный пакетъ, на которомъ не было ни какого адреса.

— Это видно, бумаги покойника.... вѣрно, тутъ есть что-нибудь важное, подумалъ Цапкинъ, взявъ въ руки пакетъ и, потомъ, обратившись къ служкѣ, сказалъ:

— Жаль!... жаль, почтеннаго Іоанникія!... онъ былъ мнѣ лучшей другъ въ семь мірѣ!... я далъ ему въ сохраненіе мои семейныя бумаги.... не знаешь ли, почтеннѣйшій, гдѣ онѣ.... не въ этомъ ли пакетѣ?... Не приказалъ ли покойный отдать мнѣ его, когда я приѣду сегодня.

— Не могу знать, отвѣчалъ служка: покойникъ хранилъ этотъ пакетъ подъ подушкой, но я не былъ при его смерти.... меня посылали въ аптеку.... и я ничего не знаю.... Если ваши бумаги были у него, такъ вѣрно онѣ—въ этомъ пакетѣ, потому что другихъ бумагъ здѣсь не видно.

Цапкинъ, подстрекаемый сильнымъ любопытствомъ, которымъ въ избыткѣ надѣлила его подъяческая природа, ощупывалъ пакетъ, взвѣшивалъ на ладони, потомъ вынувъ изъ кармана перочинный ножикъ, приподнималъ запечатанные углы конверта и разными средствами испытывалъ, не удастся ему прочесть хотя нѣсколько словъ внутри.

Не получивъ ни какого успѣху, онъ поднесъ пакетъ къ носу, обнюхалъ его со всѣхъ сторонъ, надѣясь еще по запаху вывести какое-нибудь заключеніе о содержаніи запечатаннаго. Однако жъ всѣ его усилія были тщетны.

— Нельзя никакъ, рассуждалъ онъ мысленно самъ съ собою, но вслухъ сказалъ:—Да!... это мои бумаги!... слава Богу, что ихъ не выкинули, по неспанію кому онѣ при-

надлежать!—и положивъ пакетъ за пазуху, завелъ разговоръ со служкою о добродѣтеляхъ усопшаго и тѣсной дружбѣ, которая ихъ связывала. Служка, не спавшій всю ночь, уныло сидѣлъ на порогѣ и не обращалъ большаго вниманія ни на краснорѣчіе, ни на дѣйствія посѣтителя, котораго онъ впрочемъ зналъ въ лицо и нерѣдко видѣлъ въ келліи Іоанникія. Удостоверившись, что можно унести пакетъ безопасно, подъячій дружески простился со служкою, сказавъ, что прійдетъ на похороны, и побѣжалъ домой. Здѣсь распечаталъ онъ пакетъ: въ немъ заключалась тетрадь, писанная рукою покойнаго. Цапкинъ принялся читать, и въ глазахъ у него просвѣтлѣло, въ душѣ засіяло. Во время чтенія, которое продолжалось почти часъ, онъ нѣсколько разъ восклицалъ: — Ай-да, рукопись!.... просто, кладь!.... эдакіе куріозы!.... И, не имѣя даже терпѣнія окончить, помчался къ Хватайкѣ, у котораго къ счастью засталъ онъ и Пустопольскаго. Всѣ трое принялись читать рукопись изнова, заперши двери ключомъ. Разсужденія ихъ покрыты мракомъ неизвѣстности, но результатомъ было то, что около полудня Хватайко поѣхалъ къ губернатору и представилъ ему, *по секрету*, тетрадь, доставшуюся одному изъ друзей его, Хватайки, *по наслѣдству*.

Губернаторъ, узнавъ содержаніе рукописи, послалъ тотчасъ пригласить оберъ-коменданта, вице-губернатора, предсѣдателя уголовной палаты, всѣхъ совѣтниковъ намѣстническаго правленія и плацъ-маіора, для совѣщанія объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Намѣстника на то время не было въ городѣ.

Черезъ часъ всѣ явились, и губернаторъ, приказалъ не выпускать никого въ кабинетъ, пока онъ будетъ заниматься съ посѣтителями. Занявъ мѣста, онъ развернулъ представленную Хватайкой тетрадь и началъ читать вслухъ. Мы представляемъ эту любопытную рукопись вполнѣ, въ томъ же видѣ, какъ она досталась впоследствии автору повѣсти, который исправилъ здѣсь только старинный и довольно запутанный слогъ ея.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПОКАЯНИЕ

ВОСЛУШНИКА СМОЛЕНСКАГО ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ ІОАННИКІЯ.

«Чувствуя близкую кончину многогрѣшной и порочной жизни моей, и угрызанный совѣстью, которая тяжело гнететъ мою душу, считаю долгомъ, прежде, пока предстану на судъ Всевышняго, изложить здѣсь по всей справедливости преступныя дѣла, въ которыя былъ я вовлеченъ сообщниками.

«Хотя виную уже семь лѣтъ какъ я отказался отъ всѣхъ прельщеній міра и, стараясь сколько-нибудь загладить грѣшныя мои поступки, провелъ это время въ постѣ и молитвѣ, однако жъ, во слабости, свойственной человѣку, не осмѣлился открыть тайны души моей даже духовному отцу своему. Причиной тому была боязнь претерпѣть отъ людей заслуженную кару за мои преступныя дѣйствія или подвергнуться ищению изверга, уговорившаго меня къ нимъ. Но когда меня не станетъ, да прочтутъ всѣ люди въ этомъ писаніи, какъ Богъ прочелъ въ моей совѣсти, ужасную повѣсть моей несчастной жизни.

«Я родился въ крестьянскомъ быту и принадлежалъ богатому дорогобужскому помѣщику, господину Велеринскому. Еще мальчикомъ взятъ я въ господскій домъ и находился при малолѣтнемъ сынѣ моего барина, который былъ почти одинаковыхъ лѣтъ со мною и очень полюбилъ меня. Когда учли его грамотѣ, обучали и меня съ нимъ вмѣстѣ.

«Дѣтство мое прошло невинно, и если бъ я остался всегда такъ же непорочнымъ, то душа моя, отлетая въ горнія, не терзалась бы адскими мученіями, какія претерпѣваетъ она нынѣ!

«Когда молодой мой господинъ выросъ и вступилъ въ военную службу, онъ взялъ меня въ полкъ. Съ своими товарищами, баринъ мой забылъ наставленія родителя, впалъ въ соблазнъ и пошелъ по стезѣ моднаго разврату. Бывъ такъ же молодъ, какъ и онъ, я сталъ подражать ему въ пагубныхъ удовольствіяхъ и, вотъ первый шагъ, который совратилъ меня съ истиннаго пути.

«Проведя лѣтъ пять въ такомъ образѣ жизни, баринъ

ней почувствовали разстройство въ здоровьѣ, вышелъ въ отставку и вѣрнулся на свою родину. Спусти годъ, отецъ его скончался, и онъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ, катарымъ, съ давнихъ лѣтъ, управлялъ мѣстный крѣпостной человекъ, староста. У этого человека была дочь, оставшаяся послѣ смерти матери своей сироткою на седьмомъ году отъ-роду. Изъ сожалѣнія взята была и она въ домъ моего господина, выучена грамотѣ, шитью бѣлья и платьевъ и одѣвать барышень. Бывъ почти безотлучно при нихъ, она привыкла къ благопристойному обращенію и къ домашней эконومی. Когда всѣ барышни вышли замужъ и уѣхали съ своими мужьями въ разныя стороны, Мамельфа Ивановна (такъ звали дочь старосты) сдѣлалась почти полною хозяйкою въ домѣ моего барина, потому что кромѣ ея не на кого было возложить эту обязанность.

«Молодой мой господинъ сватался ко многимъ дворянкамъ, и послѣ многихъ неудачъ, женился на одной сосѣдкѣ, доброй и прекрасной дѣвицѣ. Я былъ камердинеромъ его. Алексѣй Егоровичъ Велеринскій любилъ меня по-прежнему, обращался со мною очень благосклонно и нерѣдко дарилъ мнѣ деньги и разныя вещи. Должно сказать истину, господина добрѣе и благороднѣе его я не могъ бы найти себѣ нигдѣ, но я, неблагодарный, не умѣлъ цѣнить его милостей и, вмѣсто признательности, отплатилъ ему злодѣніемъ. До этого довела меня преступная любовь моя къ Мамельфѣ Ивановнѣ.

«Мамельфа, родившаяся съ коварною и завистливою душою, внутренно досадовала, что не могла уже распоряжаться въ господскомъ домѣ какъ прежде, и замышляла разныя каверзы чтобъ возвратить себѣ потерянную власть. Молодая барыня была къ ней очень благосклонна и поручила ей даже часть надзору за домашними, но не представляла той полной власти въ хозяйствѣ, какую имѣла она прежде. Сколько ни старалась Мамельфа вкрасться въ милость новой госпожи, услужливость ея не произвела желаемого дѣйствія. Мамельфа рѣшилась достигнуть своей цѣли злобыми замыслами. Ей пришла въ голову адская мысль разстроить супружеское согласіе господъ и мало-по-

малу она успѣла въ этомъ. Она была тогда очень хороша собою, и соблазнила Алексѣя Егоровича своими сатанинскими прелестями. Алексѣй Егоровичъ началъ покровительствовать ея противъ собственной жены своей. Подозрѣнія, ревность, ссоры, отравили жизнь молодой барыни, и одна изъ подобныхъ сценъ, случившихся вскорѣ послѣ вторыхъ родовъ ея, была причиною ея смерти. Первый ребенокъ господъ моихъ былъ мальчикъ, но умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія. Во второй разъ, спустя три года, молодая барыня разрѣшилась отъ бремени дочерью, послѣ чего, черезъ нѣсколько недѣль, она скончалась.

«Злая Мамельфа торжествовала. Хозяйство и власть въ имѣнїи снова достались ей въ руки. Сверхъ-того она еще обладала благосклонностью Алексѣя Егоровича, которому между-тѣмъ эта недобрая женщина безпрестанно измѣняла. Теперь Мамельфа совершенно управляла нашимъ господиномъ, и слабость его къ ней простиралась до того, что на второй или третій мѣсяцъ своего вдовства онъ женился на этой женщинѣ.

«Вскорѣ послѣ-того объявлено было о продажѣ значительнаго имѣнїя, смежнаго съ нашимъ селомъ. Покупщикомъ явился недавній смоленскій дворянинъ, прешедшій въ нашу губернію изъ Бѣлоруссїи, которая тогда еще принадлежала къ Польшѣ. Онъ выдавалъ себя за чловѣка, гонимаго политическими партїями въ своемъ отечествѣ, много говорилъ о знатности своего роду и обширности помѣстьевъ, которыхъ лишили его враги, по преслѣдованїямъ, называлъ себя графомъ и казался богатымъ. Его звали Змѣявскимъ.

«Этотъ мнимый графъ купилъ продававшуюся деревню и сталъ очень часто ѣздить къ Алексѣю Егоровичу, подружился съ нимъ, предлагалъ всходатайствовать ему почетное мѣсто по статской службѣ и разными обольщенїями влекъ его къ себѣ. Мамельфа Иваповна, старавшаяся уже своими женскими уловками покорить себѣ сердце графа, очень нравилась ему. Алексѣй Егоровичъ ѣздилъ съ нею очень часто къ новому сосѣду, котораго дружба казалась ему драгоценнымъ приобрѣтенїемъ; они иногда гостили по недѣлѣ у гра-

ея, а впоследствии Мамельфа Ивановна, пользуясь отсутствием мужа, и одна навѣщала сѣятельнаго друга. Но дружба ихъ утверждалась на обоюдныхъ разчетахъ. Честолюбивой дочери старосты захотѣлось быть графиней, а безвѣстному выходцу—овладѣть прекраснымъ имѣніемъ Велеринскаго. Этого можно было достигнуть при помощи злодѣяній. Ни Змѣявскій, ни Мамельфа не остановились бы передъ преступленіемъ для достиженія своихъ цѣлей, но моя новая барыня была пыльче и простодушнѣе, а новый другъ ея руководствовался дальновидностью и умѣлъ заставлять другихъ дѣйствовать, оставаясь самъ всторонѣ.

«Змѣявскій пріѣхалъ въ Россію безъ состоянія. Какими средствами сдѣлался онъ такъ скоро однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ? Здѣсь я долженъ открыть тайну его богатства: она впоследствии сдѣлалась вполне извѣстною.

«По преданіямъ, сохранившимся у смоленскихъ старожиловъ, вскорѣ послѣ завладѣнія Смоленскомъ въ 1611 году Поляками, часто стали появляться ночью на городской стѣнѣ у башни Веселухи странныя привидѣнія, которыя въ разныхъ страшныхъ видахъ и необыкновенныхъ одеждахъ выбѣгали изъ башни на стѣну, пѣли, играли на волынкахъ и балалайкахъ и дѣлали разные проказы. Эти привидѣнія подобны были тѣмъ, какія и нынче показываются въ томъ же самомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ жителей, не вѣрятъ ихъ дѣйствительности, но они въ самомъ дѣлѣ показываются, и я самъ, когда принадлежалъ графу Змѣявскому, нѣсколько разъ бывалъ дѣйствующимъ съ ними лицомъ.

«Графъ открылъ въ старинныхъ бумагахъ начало и настоящую причину этихъ явленій. Когда Димитрій Самозванецъ погибъ въ Москвѣ, Поляки, во время осады Смоленска, прокопали во многихъ мѣстахъ мины, для взорванія башенъ и другихъ укрѣпленій. На восточной сторонѣ, за городской стѣной, близъ опушки небольшого лѣсу, въ двухъ стахъ сажняхъ отъ стѣны, былъ также прорытъ подземный ходъ, ведущій къ башнѣ Веселухѣ. Во взятіи Смоленска Поляками, многіе мошенники, поль-

зуюсь этии подземельяи, которыя вскорѣ были забыты, срываясь тамъ, проходили черезъ нихъ въ башню и, переодѣтые страшилицами, пугали со стѣны сусѣднихъ жителей, чтобы удобнѣе производить грабежи и сдѣлать убѣжище свое неприступнымъ, прославивъ его проклятымъ мѣстомъ.

«Графъ Змѣявскій хотѣлъ удостовѣриться въ истинѣ. Взявъ потайные фонари, онъ отправился съ преданными себѣ людьми ночью къ башнѣ Веселухѣ, освидѣтельствовалъ ее и нашелъ что въ ней былъ деревянный полъ, сдѣланный на винтахъ, посредствомъ которыхъ можно опустать и поднимать нѣсколько досокъ. Потомъ открылъ онъ, что, у фундамента этой башни, съ загородной стороны, въ десяти шагахъ отъ стѣны, находится засыпанная землею желѣзная дверь, которая прикрываетъ глубокое отверстіе, ведущее въ подземный ходъ и черезъ него въ башню. Отъ продолжительнаго времени, дверь эта заросла землею и сдѣлалась непримѣтна. Графскіе спутники съ великимъ трудомъ очистили ее и, поднявъ, увидѣли кирпичныя ступеньки, по которымъ можно спуститься въ подземелья. Графъ Змѣявскій приказалъ сдѣлать попытку и узнать, можно ли ходить по этимъ пещерамъ. Спутники боялись, но онъ обѣщалъ имъ значительную награду. Наконецъ они спустились и, возвратясь черезъ полчаса, донесли, что подземный ходъ выше человѣческаго росту, и что, идя по два въ рядъ, они доходили до другаго отверстія подобнаго первому, гдѣ увидѣли такія же ступеньки, ведущія къ выходу изъ подземелья, запертому такою же желѣзною дверью. Отобравъ эти свѣдѣнія, графъ велѣлъ своимъ клевретамъ въ другой разъ сойти въ подземелье и обратиться въ противоположную сторону, то есть, къ башнѣ. Они повиновались, и, возвратясь, доложили, что близъ башни есть еще третье отверстіе, изъ котораго, по лѣстницѣ можно подняться до полу башни.

«Черезъ нѣсколько дней графъ, купивъ у города все пустое поле, прилежащее къ башнѣ, приказалъ строить на томъ мѣстѣ, гдѣ было дальнѣйшее отъ стѣны отверстіе, огромный кирпичный сарай. Надъ всѣми подземельями разложили ряды и груды кирпичей и закрыли поверх-

печь вала. Подъ сараемъ сдѣланы подземныя комнаты, въспротивныя сваружи, и въ нихъ плазильныя печи. Но постройка сарая предпринята была не для того чтобы дѣлать въ печь кирпичъ, а совсѣмъ для другой дѣли. Правда, когда все было готово, въ этомъ сараѣ началась кирпичная работа и графъ принялся торговать кирпичомъ. Но въ подземныхъ комнатахъ производилась скрытно другая работа, гораздо важнѣйшая для графа: тамъ приготовляли золотую и серебряную монету, о чемъ будетъ дальѣе. Я долженъ сперва рассказать о томъ, какъ перешелъ я во владѣніе Змѣявскаго.

«Мамельфа Ивановна, которую онъ увѣрялъ, что женился бы на ней охотно, если бы она была свободна, начала думать о томъ какъ отдѣлаться отъ мужа, только что добытаго, но одряхлѣвашаго преждевременно вслѣдствіе распутной молодости. Алексѣй Егоровичъ, на другой же день послѣ свадьбы, пообѣщавъ составить духовное завѣщаніе, которымъ все свое имѣніе отказывалъ онъ малолѣтней дочери, а въ случаѣ ея смерти возлюбленной новой супругѣ, Мамельфѣ Ивановнѣ: сбывъ съ рукъ мужа, ей нужно было сбыть и надчерицу, потому что графъ, вѣроятно, не захотѣлъ бы жениться на женщинѣ безъ всякаго состоянія. Я увѣжденъ, что она дѣйствовала во всемъ этомъ по наущеніямъ и совѣтамъ Змѣявскаго, но я, несчастный, отъ нея одной получалъ преступныя приказанія и, околдованный страстью къ этой коварной женщинѣ, слѣпо исполнялъ ихъ, на пагубу души своей. Каюсь передъ Богомъ и людьми: я былъ увлеченъ также и корыстолюбіемъ. Она прельщала меня надеждою, что освободитъ меня, добудетъ для меня черезъ графа Змѣявскаго шляхетское званіе въ Польшѣ, выйдеть за меня за-мужъ и подѣлитса со мною имѣніемъ моихъ господъ.

«Въ Москвѣ умеръ одинъ изъ должниковъ Алексѣя Егоровича. Господину моему надобно было самому отправиться туда или поручить кому-нибудь възысканіе. Онъ нашель уже-было одного пріятеля, который съ удовольствіемъ брался исполнить порученіе, но Мамельфа Ивановна и графъ сильно совѣтовали мужу сѣздить самому

въ Москву. Алексѣй Егоровичъ убѣдился и хотѣлъ ѣхать на ночтовыхъ, но жена опять уговорила его отправиться на своихъ лошадахъ, потому что это будетъ и спокойнѣе и дешевле. Несчастный послушался ея, велѣлъ заложить въ дорожную повозку тройку лошадей и, взявъ съ собою жена и кучера, отправился въ путь.

«Мы могли бы тотчасъ выѣхать на столбовую дорогу, идущую отъ Смоленска черезъ Дорогобужъ въ Москву, но изъ нашего села была другая, проселочная, которая пятидесятью верстами ближе. Мамельфа Ивановна склонила своего мужа ѣхать по ближайшей дорогѣ. Это было въ концѣ августа 1767 года.

«Отъѣхавъ версть сорокъ, должно было проѣзжать черезъ длинный и дремучій лѣсъ. Дорога шла по корнямъ и песку; лошади едва могли идти шагомъ, и мы выбрались изъ лѣсу на столбовую дорогу на зарѣ, какъ вдругъ напали на насъ разбойники. Нападеніе это было условлено; но я одинъ зналъ объ немъ. Кучеръ первый былъ жертвою нашего заговора съ Мамельфой Ивановной: онъ получилъ такой сильный ударъ въ голову, что немедленно свалился съ кóзелъ на землю въ совершенномъ безчувствіи. Тогда удары посыпались на бѣднаго Алексѣя Егоровича: онъ тоже, казалось, выпустилъ духъ, но не было времени разсмотрѣть, потому что вдругъ на скакали на насъ двѣ тройки, и мы разбѣжались. По условію съ Мамельфой Ивановной, я бросился въ первую деревню, которую увидалъ всторонѣ отъ дороги и объявилъ сотскому, что мы ограблены шайкою воровъ, что баринъ мой и нашъ кучеръ убиты, что я одинъ спасся чудомъ изъ рукъ разбойниковъ, которыхъ разогнало появленіе многочисленныхъ путешественниковъ. Сотскій выслушалъ съ ужасомъ и тотчасъ отправился вмѣстѣ со мной въ Дорогобужъ для донесенія тамошнему воеводѣ о случившемся несчастіи. Воевода, взявъ съ собой меня, двухъ драгуновъ штатной команды и нѣсколько крестьянъ съ бердышами, поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по рассказамъ моимъ, случилось происшествіе. Но тамъ нашли мы только кучера, который былъ брошенъ между кустовъ и еще живъ: онъ могъ произнести только три или

четыре слова въ подтвержденіе моего разсказу и при насъ же скончался. Тѣла Алексѣя Егоровича нигдѣ не было видно. Я испугался отъ одной мысли, что эти двѣ тройки нашли его не убитымъ и что онъ спасенъ ими. Мѣстное начальство нарядило слѣдствіе, послало военныя команды на поиски, приняло всѣ законныя мѣры для открытія злоумышленниковъ, но они были уже за границей, въ Бѣлоруссіи, и рѣшительно всѣ слѣды исчезли. Меня отпустили въ наше село.

«Пропажа тѣла Алексѣя Егоровича чрезвычайно меня тревожила: похищеніе трупа вовсе не было въ планѣ нашего злодѣянія, и мы съ Мамельфой Ивановною ежедневно страшились услышать, что господинъ Велеринскій живъ и ѣдетъ въ свое село. Мамельфа Ивановна говорила мнѣ, что я не долженъ оставаться при ней, пока смерть господина Велеринскаго не подтвердится совершеннымъ недостаткомъ въ слухахъ объ немъ и совѣтовала отправиться въ Смоленскъ къ графу Змѣявскому, который хочетъ взять меня на-время въ свои камердинеры. Я поѣхалъ въ Смоленскъ съ письмомъ Мамельфы Ивановны къ графу, который въ ту минуту, за отлучкою губернатора, отправившагося въ Петербургъ, временно правилъ его должность.

— А! это ты! сказалъ онъ, прочитавъ письмо и мѣрля меня съ головы до ногъ. Поди ко мнѣ поближе.... Что вы это сдѣлали съ Алексѣемъ Егоровичемъ?... Ты погубилъ его, предалъ въ руки разбойниковъ, которыхъ вы заранѣе поставили у выѣзду изъ лѣсу на большую дорогу.

Я испугался, и началъ-было отфекаться.

— О! ты еще и не признаешься! продолжалъ онъ съ важною и строгою наружностью. А между-тѣмъ я знаю, что васъ, мошениковъ, разогнали двѣ вдругъ наскочившія тройки и что ты, бѣжавъ въ ближайшую деревню, объявилъ, будто васъ разбила вораы. Ты и не догадываешься, что эти тройки были посланы мною, чтобы спасти Алексѣя Егоровича отъ вашего злобнаго умыслу, о которомъ мнѣ заранѣе было извѣстно. Къ счастью, онъ опоздалъ: однако жъ успѣли захватить троихъ изъ вашихъ сообщниковъ, которые дали письменное показаніе, что

они дѣйствовали по порученію Мамельфы Ивановны и подъ твоимъ руководствомъ.

«Онъ отперъ ящикъ въ своемъ письменномъ столѣ и вынулъ бумагу, которую началъ читать мнѣ. Дѣйствительно, это было полное во всемъ признаніе людей употребленныхъ Мамельфой Ивановной на совершеніе злодѣянія. Я упалъ къ ногамъ графа и умолялъ о пощадѣ.

— Я могъ бы погубить васъ обоихъ, тебя и Мамельфу Ивановну, присокупилъ онъ тѣмъ же тономъ: и только дружба моя къ ней и мое собственное доброе сердце спасетъ васъ въ этомъ случаѣ. Хорошо, я беру тебя въ услуженіе ко мнѣ, и, чтобы тебя удостовѣрить въ моемъ совершенномъ прощеніи, вотъ тебѣ, любезный мой....

Онъ вынулъ свертокъ въ пятьдесятъ червонцевъ, развернулъ и отдалъ мнѣ.

— Будь же мнѣ вѣренъ и преданъ, заключилъ графъ: исполний усердно всѣ мои порученія, храни свято мои тайны, и помни, что какъ теперь дарю тебѣ жизнь, такъ же легко могу и отнять ее во всякое время за малѣйшую неблагодарность съ твоей стороны. Мнѣ стѣнитъ только показать эту бумагу и ты погибъ..... позорно погибъ!.... Но я знаю твою расторопность и смѣтливость, и надѣюсь, что мы всегда будемъ хорошими друзьями.

Видѣвши себя на краю страшнаго несчастія, и бывъ вдругъ прощенъ, обласканъ, одаренъ такимъ количествомъ золота, какого никогда не ввдывалъ въ своихъ рукахъ, я обливалъ ноги графа слезами глубокой признательности и поклонялся ему въ неизмѣнной вѣрности. Онъ очаровалъ меня своей любезностью и своимъ великодушіемъ, и я предался ему безусловно. Я считалъ его благороднѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, соображая защиту, которую онъ, человѣкъ посторонній, хотѣлъ оказать моему господину противъ вѣроломства жены и моей неблагодарной жестокости. Впоследствии уже проникъ я въ сущность этой мнимой защиты. Графъ Зиновскій зналъ благовременно отъ Мамельфы Ивановны о всѣхъ подробностяхъ нашего преступнаго намѣренія, и по-близости того мѣста, гдѣ было назначено произвестъ разбойничье нападеніе, поставилъ своихъ довѣренныхъ людей на двухъ

повозкахъ, запряженныхъ тройками, съ тѣмъ, чтобы они, какъ-скоро злодѣяніе будетъ совершено нами, напали на насъ въ свою очередь и, захвативъ всѣхъ на-мѣстѣ, отобрали письменное признаніе въ наставленіяхъ, полученныхъ отъ Мамельфы Ивановны. Съ этою бумагою въ рукахъ, съ этимъ доказательствомъ ея преступленія, онъ приобрѣталъ полную власть надъ ея судьбою и становился ея повелителемъ. Она дѣлалась безотвѣтнымъ орудіемъ и рабою его воли. Спустя пять лѣтъ, когда Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, я встрѣтился въ томъ краю, во время поѣздки графа въ Витебскъ, съ однимъ изъ моихъ сообщниковъ въ подложномъ разбоѣ, и тотъ рассказалъ мнѣ, что двѣ извѣстныя тройки, предводительствуемыя управляющимъ графа Змѣявскаго, главнымъ его сподвижникомъ во всѣхъ нечистыхъ дѣлахъ, предложили захваченнымъ на выборъ—или быть представленными въ судъ или подписать признаніе во всѣхъ поводахъ и обстоятельствахъ нападенія: въ послѣднемъ случаѣ они освободятся отъ отвѣтственности и имъ будетъ доставлена полная безопасность. Захваченные предпочли жизнь тайнѣ. Они согласились, и одна изъ троекъ отвезла ихъ благополучно до бѣлорусской границы, гдѣ, передъ ближайшимъ чиновникомъ польской юстиціи они, при свидѣтеляхъ, подписали бумагу, составленную по надлежащей судебной формѣ. Управитель графа Змѣявскаго заплатилъ имъ сполна награду, условленную съ Мамельфой Ивановной и мною за сообщество въ злодѣяніи, и отпустилъ ихъ на волю. Алексѣй Егоровичъ, такъ же какъ и кучеръ, еще былъ живъ, когда налетѣли на насъ тройки, и вторая тройка повезла его по направленію къ Смоленску. Я полагаю, что Алексѣй Егоровичъ Велеринскій живъ еще и донинѣ и содержится въ подземельяхъ подъ кирпичнымъ заводомъ. Всѣ люди, которые тамъ работаютъ, закабалены безусловной власти графа Змѣявскаго точно такимъ образомъ, какъ судьба закабалила ей и меня, и мною преступленіями, на которыя онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ неоспоримыя доказательства. Этотъ грозный мечъ, искусно повѣшенный надъ ихъ головами, всегда удерживаетъ ихъ въ повиновеніи и преданности страшному владѣльцу кирпичнаго са-

рая, который, чтобы оградить мѣсто отъ нескромнаго любопытства толпы, возобновилъ, также при помощи ихъ, представленіе игръ нечистой силы у башни Веселухи, какъ продолженіе того, что происходило здѣсь же въ прошломъ столѣтіи, въ подтвержденіе истины старинныхъ преданій въ глазахъ пугливаго суевѣрія. Отъ этихъ людей я знаю, что въ 1767 году, въ исходѣ лѣта, слѣдовательно, въ то самое время какъ мы безсовѣстно погубили добраго Алексѣя Егоровича, былъ привезенъ ночью въ подземелья человекъ весь израненный и въ безпамятствѣ и помѣщенъ въ одну изъ пещеръ этого вертепа. По всей вѣроятности, люди графа Змѣявскаго не поняли сущности его хитрыхъ желаній, и, найдя Велеринскаго не совершенно убитымъ на мѣстѣ нападенія, изъ сожалѣнія или по незнанію, что съ нимъ дѣлать, привезли его въ Смоленскъ къ своему повелителю. Тотъ, съ своей стороны, не зная куда дѣвать его, приказалъ запереть въ подземелья, надѣясь, что онъ вскорѣ скончается тамъ самъ собою отъ ранъ и недостатку въ попеченіи объ нихъ. Но кажется, что Богъ правосудный помиловалъ несчастнаго: израненный человекъ, котораго привезли въ 1767 году, выздоровѣлъ непонятнымъ и совершенно чудеснымъ образомъ. Его тогда приковали цѣпью къ полу подземелья, и каждый день приносили нѣсколько пищи и воды. Весьма немногіе и, именно, только самые довѣренныя изъ производителей подземныхъ работъ пользуются правомъ входить къ нему, и какъ это преимущество было мнѣ положительно запрещено самимъ графомъ, то я имѣю всѣ поводы думать, что этотъ несчастный узникъ — не кто иной, какъ Алексѣй Егоровичъ Велеринскій. Онъ, вѣроятно, и самъ не знаетъ, гдѣ находится и какъ попалъ туда. Да пошлетъ милосердый Творецъ бѣдному страдальцу душевныя и тѣлесныя силы, чтобы перенести это ужасное положеніе, пока отъ Его правосудія не явится избавитель невиннаго и каратель гнусныхъ его мучителей!

«Не болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ поступленія моего въ службу къ мнѣмому графу Змѣявскому, онъ, совершенно неожиданно для меня, женился на Мамсельфъ Ивановѣ. Не нужно и говорить, былъ ли я огорченъ этимъ!

Тутъ впервые я убѣдился, что эта ужасная женщина играла только моею довѣрчивостію и моимъ ослѣпленіемъ, назначивъ меня заранѣе въ жертвы своей хитрости, и я началъ раскаяваться. Не только погубилъ я для нея добраго Алексѣя Егоровича, но и совершилъ еще другое злодѣяніе передъ отъѣздомъ моимъ въ Смоленскъ къ графу. Какъ уже сказано было прежде, господинъ Велеринскій законнымъ завѣщаніемъ, правильно явленнымъ въ судѣ по нашимъ смоленскимъ законамъ, на случай своей смерти назначилъ опекунами малолѣтней дочери, до ея совершеннолѣтія, жену свою Мамельфу Ивановну, и друга своего графа Зиѣвскаго, съ тѣмъ, что, если бы дочь умерла до этого срока, все имѣніе должно перейти къ вдовѣ Алексѣя Егоровича, если она будетъ жива, а за смертью ея къ родному его брату. Надобно было ускорить вождельный срокъ. Въ ноябрѣ того же 1767 года появилась въ нашемъ селѣ скарлатина, отъ которой умерло много дѣтей. Маленькая наша барышня также занемогла этою болѣзнію, но не опасно. Хотя она лежала еще въ постели, однако жъ были уже признаки скорого выздоровленія. Мамельфа Ивановна, подъ предлогомъ заразительности болѣзни, никого рѣшительно къ ней не допускала: она укажила за ней сама, и, однажды, поутру, съ плачемъ и рыданіемъ объявила всѣмъ домашнимъ, что обожаемая ея падчерица умерла ночью. За сутки прежде, умеръ въ домѣ ребенокъ буфетчика Спиридона и тѣло этого младенца стояло въ пустой комнатѣ, въ заколоченномъ гробу, готовое къ выносу. Мы, съ Мамельфой Ивановной, тайно переложили это тѣло въ гробъ, приготовленный для маленькой моей барышни, а въ ящичекъ дочери буфетчика положили толстое польно, закутанное въ простыню, и заколотили крышку по-прежнему. Мамельфа приказала не хоронить дочки Спиридона отдѣльно: она сама желала отвезти ея тѣло въ церковь и на кладбище вмѣстѣ съ тѣломъ барышни. Буфетчикъ и его жена сочли это великою честью для себя. Погребеніе обоихъ гробиковъ, съ тѣломъ и польномъ, было совершено на третье утро съ подобающимъ приличіемъ. Мамельфа Ивановна представлялась безутѣшною. Никто въ домѣ не подозрѣвалъ подлогу.

Между-тѣмъ, тотчасъ же по перемѣщеніи тѣла маленькой Спиридоновны въ гробикъ мнимой сироты погибшаго господина, мы уложили барыню въ корытцо, и, снабдивъ ее занисочкою, что младенецъ этотъ окреститъ Надеждою и что ему уже второй годъ, я отвезъ все это ночью въ Дорогобужъ и, по совѣту самой матушки, подкинулъ подъ окно богатымъ тамошнимъ кунцамъ Кубышкинымъ, у которыхъ вовсе не было дѣтей. Это было 28 ноября. Темная и ненастная ночь позволила совершить грѣхъ безъ помѣхи и безъ опасности. Стукнувъ раза два въ ставни Кубышкиныхъ, я побѣжалъ оврометью на постоялый дворъ, переночевалъ тамъ, и на другой день услышалъ въ городѣ молву, что у кунца Кубышкина родилась дочь. Они очень рады были такому неожиданному дару и въ тотъ же день, пригласивъ священника, отслужили благодарственный молебенъ. Но ихъ усильной просьбѣ, священникъ обѣщалъ сказывать всякому, кто ни станетъ любопытствовать, что онъ крестилъ новорожденную дочь ихъ. Также упростили они и полковницу Друкортъ, которая въ тотъ день была у нихъ, чтобы она назвалась крестною матерью ихъ дочери. Госпожа Друкортъ до самой кончины своей сохранила эту тайну даже отъ родной своей дочери, и всегда выдавала Надежду Алексѣевну своею крестницею. Въ селѣ Алексѣя Егоровича всѣ твердо увѣрены, что дочери его давно уже не существуетъ какъ, напротивъ, она, благодаря Бога, выросла и здравствуетъ у кунца Кубышкина, который объявляетъ родною своей дочерью. Въ прошедшемъ году видѣлъ я ее, когда она, съ мнимой своею матерью, приходила въ нану церковь къ обѣднѣ: она, какъ двѣ капли, походить лицомъ на покойную свою родительницу.

«Мамельфа Ивановна принуждена была дорого заплатить за титулъ графини. Онъ не прежде женился на этой злой женщицѣ, какъ по совершеніи ею надлежащаго завѣщанія, которымъ, на случай своей смерти, онъ становился полезнымъ наследникомъ всего имѣнія, похищеннаго у Велеринскихъ. Вскорѣ потомъ, подъ предлогомъ какихъ-то выгодныхъ оборотовъ, онъ ее замѣнилъ завѣщаніе другимъ докумен-

тень и заставлялъ переводить и нѣже на его собственное имя посредствомъ купчей крѣпости.

«Завладѣвъ такими средствами богатымъ достояніемъ Волершицкихъ, зная притомъ всѣ преступленія своей жены, на которыя были у него нужныя доказательства, — кромѣ письменнаго признанія убійцъ Алексѣя Егоровича, по желанію Змѣявскаго дорогобужскій воевода донесъ губернскому начальству, что двадцать-осьмого ноября 1767 года, купцамъ Кубышкинымъ подкинута дѣвочка Надежда, и вскорѣ я самъ долженъ былъ собственноручно написать еще признаніе въ томъ, что именно въ этотъ день подкинулъ я Кубышкинымъ малолѣтнюю Надежду Велершицкую, — и сдѣлавшись, посредствомъ всѣхъ этихъ бумагъ и крѣпостей полнымъ властелиномъ судьбы, чести и жизни Мамельки Ивановны, онъ тотчасъ сталъ пренебрегать ею, бросилъ ее въ деревнѣ и сталъ жить въ Смоленскѣ или въ другихъ своихъ помѣстьяхъ. Въ потайныхъ комнатахъ его кирпичнаго сарая, дѣятельно производилась фабрикація иностранной золотой и серебряной монеты, преимущественно польской, въ которую, съ большою прибавкою лигатуры, перечеканилъ онъ русскіе рубли. Вреченія пятнадцатилѣтъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого преступнаго дѣла и, часто, дѣятельнымъ участникомъ въ немъ. Терзанія преступной души моей усиливались; я желалъ отказаться отъ свѣта и посвятить остальные дни мои Богу. Трудно было развязаться съ мнимымъ графомъ. Я притворился больнымъ, пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели и потомъ объявилъ, что у меня отнялись руки и ноги, что я не способенъ уже отправлять ни какихъ услугъ и потому желаю итти въ монастырь. Графъ сожалѣлъ о несчастномъ моемъ положеніи, уговаривалъ остаться у него, обѣщалъ награждать не требуя отъ меня никакихъ услугъ, но я умолялъ его такъ настоятельно, что наконецъ онъ согласился. Получивъ отъ него письменное дозволеніе, явился я къ игумену здѣшняго монастыря и просилъ принять меня на искусь. Съ того времени ежедневно проливалъ я горючія слезы о содѣянныхъ мною преступленіяхъ и молю Всевышняго простить тяжкія мои прегрѣшенія... Между-тѣмъ дѣла кирпичнаго сарая идутъ

и съ прежнимъ успѣхомъ. Ежегодно перечекаивалось тамъ до тысячи фунтовъ разной монеты, отчего графъ получаетъ огромныя выгоды. Передѣланную монету отвозятъ въ Бѣлоруссію и Литву, перемѣниваютъ тамъ на ассигнаціи, а эти опять на иностранную монету, которую привозятъ сюда и также переплавливаютъ, если курсъ этой монеты не представляетъ ни какой выгоды размѣнять ее на русскіе рубли, и ихъ уже бросаютъ въ тигли. Главныхъ сообщниковъ Змѣявскаго въ этомъ производствѣ—трое, первый и самый важный—управитель всѣхъ его имѣній, Нѣмецъ Шпиндлеръ, второй—Французъ Филлонъ, а третій—бѣлорусскій шляхтичъ панъ Кѣпскій. Тѣ, которые захотятъ убѣдиться въ справедливости моихъ показаній, пусть освидѣтельствуютъ кирпичный сарай и башню Веселуху, при фундаментѣ которой, съ загородной стороны, найдутъ они покрытое желѣзною дверью, отверстіе, ведущее въ подземный ходъ: полъ башни легко можно вырубить.

«Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о злоковарной Мамельфѣ Ивановнѣ. Она хотѣла чтобы графъ взял ее въ Смоленскъ, но онъ не могъ показать ей въ свѣтъ и не исполнилъ ея желанія. Оставленная въ селѣ, она предана была пьянству и другимъ порокамъ. Мнимый Графъ, однажды, неожиданно пріѣхалъ въ село. У нихъ завязалась страшная ссора, которая кончилась тѣмъ, что грозный мужъ приказалъ ее высѣчь и прогнать изъ села. Она угрожала ему жалобою и открытіемъ его тайнъ, которыхъ впрочемъ не знала, но Змѣявскій пренебрегъ эти страшанія, зная что онъ можетъ погубить ее, открывъ ее злодѣянія. Долго скиталась она нищею и чуть ли не сумасшедшею, въ смоленской губерніи и въ Бѣлоруссіи. Иногда выдавала она себя за простую женщину и бѣдную вдову, въ другой разъ чванилась званіемъ графини, а послѣ того притворялась Цыганкою и колдуньей; по-временамъ эта несчастная утверждала, что она—польская королева и что турецкій султанъ отнялъ у нея престолъ. Но дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ своего изгнанія она опредѣлилась въ услуженіе къ какой-то вдовѣ и вдругъ бѣжала отъ нея, укравъ пять тысячъ рублей, которые потомъ отняли у нея Цыгане, давшіе графинѣ Змѣявской убѣжи-

щѣ въ своемъ таборѣ. Цыгане, съ которыми она скиталась довольно долго, открыли ей приемы своего колдовства и сообщили какіе-то наговоры, которыми потомъ стала она промышлять. Однажды, въ Черниговѣ, встрѣтилась со мною какая-то нищая и стала просить милостыню: съ перваго взгляду на нее, она показалась мнѣ знакомою; я далъ ей мелкую монету и она приняла ее не показавъ никакого виду, что знаетъ меня. Впослѣдствіи узналъ я, что это была Мамельфа. *Мамельфа* не есть настоящее ея имя: этимъ именемъ прозвали ее, еще въ дѣтствѣ, наши барышни, сестры Алексѣя Егоровича, находя, что данное ей на крещеніи имя *Харитина* слишкомъ простонародно и неблагозвучно. Лишась богатства и знатности, она возвратилась къ своему подлинному и стала называться Харитивою Ивановною, между-тѣмъ какъ въ народѣ, который серьезно считаетъ ее колдуней, и весьма опасной, зовутъ ее просто—*Ивановна*. Съ нѣкотораго времени она стала появляться въ Смоленскѣ, каждый разъ какъ пріѣзжаетъ сюда графъ Змѣявскій: ея удовольствіе тогда—рассказывать передъ его окнами и просить подающія у него и у его домашнихъ. Она изобрѣла этотъ родъ преслѣдованія противъ бывшаго своего мужа, зная что одинъ видъ ея—уже наказаніе для его гордости. Впрочемъ *Ивановна* никогда не говоритъ никому, что она—*Змѣявская*. Я слышалъ, что она подвержена ужаснымъ видѣніямъ, и часто кажется этой *Фуріи*, что какой-то чело-вѣкъ, съ разбитою головою и весь обгаренный кровью, хочетъ задушить ее: тогда вдругъ дѣлаются съ нею страшныя судороги, все тѣло ее трепещетъ, и она падаетъ безъ чувствъ. Болѣе свѣдѣній объ ней не имѣю, а то, какими хитростями помогаетъ она здѣсь влюбленнымъ и какимъ образомъ узнаетъ всѣ семейныя тайны городскихъ жителей и пріѣзжихъ, не стоить упоминанія.

«Это, предсмертное мое покаяніе, писанное мною собственноручно, въ здоровомъ разсудкѣ и совершенной памяти, подписываю:

• Прежде бывшій камердинеръ Алексѣя Егоровича Велеринскаго, потомъ несправедливо доставшійся Змѣявскому, нынѣ послушникъ Смоленскаго Троицкаго монастыря: *Іоанничій Евстафьевъ*.

ГЛАВА ОДЕННАДЦАТАЯ.

ВАЗНЫЯ ОТКРЫТІЯ. — ПРАВОСУДІЕ БОЖІЕ.

Приглашенныя губернаторомъ особы, со вниманіемъ слушали что онъ читалъ имъ, и часто прерывали его изъясненіями удивленія, ужасу или негодованія. Почти всѣ сомнѣвались въ справедливости показаній и въ подлинности тетрадки. Но какъ дѣло было слишкомъ важное и удостоверить въ немъ—не трудно, то, послѣ обстоятельнаго совѣщанія, губернаторъ написалъ письмо къ полковнику недавно пришедшаго въ Смоленскъ ростовскаго полка, къ которому принадлежалъ и нашъ знакомецъ, Кайсановъ. Губернаторъ просилъ полковника, чтобъ онъ какъ-можно скорѣе откомандировалъ, подъ видомъ ученья, одинъ баталіонъ къ башнѣ Веселухъ, а самъ пожаловалъ бы къ нему.

Черезъ полчаса баталіонъ стоялъ уже въ окрестностяхъ башни, на томъ мѣстѣ, гдѣ назначаемые для слѣдующаго дня разводы обыкновенно упражнялись въ своихъ движеніяхъ, и командовавшій имъ маіоръ началъ, для виду, обучать солдатъ экзерциціи. Никто не подозрѣвалъ, что они собраны туда совсѣмъ для другой причины.

Между-тѣмъ, губернаторъ съ полковникомъ, оберъ-командантъ, множество полевыхъ и гарнизонныхъ офицеровъ, и нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ, отправился къ башнѣ. Въ то же самое время, командиръ баталіона отрядилъ одну роту, приказавъ ей оцѣпить кирпичный сарай.

Но-одѣланному въ рукописи описанію, дѣйствительно, нашли у башни Веселухи, съ загородной стороны, засыпанную землею и покрытую снѣгомъ желѣзную дверь, которая прикрывала ходъ, ведущій съ одной стороны къ башнѣ, а съ другой къ сараю. Приказано двѣнадцати гренадерамъ спуститься съ зажженными фонарями въ эту скрытую пропасть, а плацъ-маіору, съ нѣсколькими офицерами, слѣдовать за этими путеводителями.

Солдаты, плацъ-маіоръ и другіе офицеры спустились по ступенькамъ въ подземный ходъ и, безъ всякаго затрудненія, дошли до кирпичнаго сарая, который, между-тѣмъ, былъ уже окруженъ ротою гренадеровъ, подъ командою капитана Кайсанова.

Жившіе въ кирпичномъ сараѣ работники, чрезвычайно наумились, увидѣвъ пришедшую къ нимъ жилищу многочисленную команду полевыхъ солдатовъ. Нѣкоторые догадались, что прибытіе такихъ неожиданныхъ гостей не предвѣщаетъ имъ ничего добраго, и хотѣли спастись бѣгствомъ, но умныя распоряженія Кайсанова пресѣкли имъ всѣ пути къ побѣгу, а тѣ, которые прежде еще пустились бѣжать, тотчасъ были пойманы.

Дѣйствія разочтены были такъ вѣрно, что въ ту минуту, какъ рота пришла къ сараю, вошли подземнымъ путемъ въ потайныя комнаты солдаты, предшествовавшіе плацъ-маіору: тамъ захватили они человѣкъ двадцать работниковъ, столпившихся въ кучу оставя дѣло и трепещущихъ отъ страха. Въ особенной комнаткѣ, запертой крѣпкою дверью, открытъ въ углу, на деревянныхъ нарахъ, снящій старичокъ, одѣтый въ ветхое крестьянское рубище и закованный въ цѣпи. Плацъ-маіоръ разбудилъ ее и спросилъ:

— Кто ты таковъ?

Изнеможенный плѣнникъ устремилъ на него дикій взглядъ.

— Я Алексѣй Егоровъ..... фамилія моя Велеринскій, отвѣчалъ онъ. Я смоленскій дворянинъ.

— Извините!.... А я здѣшній плацъ-маіоръ. Я пришелъ взять васъ изъ этой ямы.

— Куда?

— На Божій свѣтъ.

— На который?

— Правда, что ихъ собственно два, замѣтилъ плацъ-маіоръ: я возьму васъ на *тотъ свѣтъ*, гдѣ мы сами находимся.

— На *тотъ свѣтъ*?... безсмысленно повторилъ узникъ да я, кажется, давно ужъ на *томъ свѣтъ*!

Несмотря на грустное зрѣлище человѣка, доведеннаго до этого состоянія, плацъ-маіоръ улыбулся.

— Вы еще помните, какъ сюда попали?

— Куда?

— Вотъ сюда! Подъ землю!

— Я былъ кѣмъ-то убитъ.... и меня погребли здѣсь....

— Можете ли вы сказать, какъ давно здѣсь находитесь.

— Не знаю. Вѣрно, лѣтъ сто будетъ, если не болѣе.

Плацъ-маіоръ тотчасъ приказалъ расковать его цѣпи и послалъ одного изъ офицеровъ, донести губернатору и оберъ-коменданту, что Велеринскій—здѣсь и еще живъ, что онъ - въ оковахъ, которыя тотчасъ будутъ сняты.

Освободивъ отъ узъ, Велеринскаго вынесли на рукахъ на поверхность земли, гдѣ свѣжій воздухъ и дѣйствіе дневнаго свѣту повергли его въ обморокъ. Губернаторъ приказалъ посадить его въ свою карету и осторожно отвезти въ губернаторскій домъ. Послѣ-того приступили къ освидѣтельствуванію другихъ подземныхъ комнатъ и къ обыску что въ нихъ окажется.

Въ одной изъ нихъ, очень длинной, хранились разные инструменты, необходимыя для расплавки металловъ и чеканы для разныхъ монетъ. За этой комнатой былъ огромный чуланъ, въ которомъ лежало множество мѣшковъ съ деньгами, золотыми и серебряными; большіе куски олова, композиція для лигатуры, и прочая, а въ углу стояли высокій шкафъ и большой сундукъ, со множествомъ страннаго покроя нарядовъ, уродливыхъ масокъ, лошадиныхъ хвостовъ, козлиныхъ и бараньихъ роговъ, и другихъ вещей, употреблявшихся въ комедіяхъ, которыя мнимыми привидѣніями представлялись на городской стѣнѣ.

Описавъ все найденное, къ чулану и комнатамъ представили часовыхъ и запечатали двери казенною печатью. Работниковъ, смотрителей и надзирателей, перевязавъ, отправили по разнымъ «кордегардіямъ».

Губернаторъ въ то же время приказалъ капитанъ-исправнику немедленно нарядить достаточное число обывательскихъ подводъ, для отправленія баталіона въ рославльскую округу. Какъ-скоро подводы были готовы, на нихъ

разсадили мнимый разводъ, который всё-еще стоялъ за Никольскими Воротами. Съ нимъ поѣхали командующій баталіономъ маіоръ, и знакомый нашимъ читателямъ поручикъ Блюмъ, со многими другими офицерами. Съ гражданской стороны, для произведенія слѣдствія, отправленъ засѣдатель Дмуховскій.

Въ инструкціи данной баталіонному командиру предписано было: не доѣзжая до помѣстья графа Змѣявскаго послать за рославльскимъ капитанъ-исправникомъ и, вмѣстѣ съ нимъ, двинуться въ село, и оцѣпить строенія неприимѣтнымъ образомъ; послѣ чего, явись къ графу, объявить ему ордеръ и, не принимая отъ него ни какихъ возраженій, заключить его и всѣхъ ближайшихъ къ нему служителей въ оковы, отправить ихъ за крѣпкимъ конвоемъ въ Смоленскъ, а въ селѣ оставить карауль.

Засѣдателю Дмуховскому поручено было сдѣлать опись всему движимому и недвижимому графскому имѣнію, письменнымъ документамъ и вещамъ, какія окажутся у него и управителя; запечатать все это казенною и своей собственной печатями, и, отобравъ допросы отъ служителей и крестьянъ, которые по чему-либо будутъ казаться подозрительными, препоручить домъ и село строгому надзору рославльскаго капитанъ-исправника.

Все было исполнено въ точности, и слѣдствіе подтвердило всѣ показанія рукописи. Преступники были преданы уголовному суду.

Дѣло Щелкачова присоединено къ общему дѣлу Змѣявскаго и его сообщниковъ, которое пошло весьма быстро. Возвратившійся въ Смоленскъ намѣстникъ самъ дѣятельно наблюдалъ за его производствомъ. Въ скоромъ времени всѣ преступники получили строгое, но вполне заслуженное наказаніе, а изъ столицы пришло повелѣніе кирпичный сарай сломать, и всѣ подземелья засыпать.

Хватайко выстроилъ себѣ, на мѣстѣ бывшаго кирпичнаго сарая, великолѣпный монументъ, въ память достославной побѣды, одержанной имъ надъ Змѣявскимъ.

Велеринскій мало-по-малу оправился. Когда онъ нѣсколько привыкъ къ своему новому положенію, губернаторъ и оберъ-комендантъ пришли въ его комнату, съ

однимъ изъ чиновниковъ канцеляріи, который, въ ихъ присутствіи, прочиталъ ему тетрадь покойнаго послушника Іоаннікія. Тогда только несчастный узникъ вполнѣ вспомнилъ прошедшую жизнь свою и понялъ, что такое происходило съ нимъ со времени злополучной поѣздки въ Москву. Онъ заплакалъ, упалъ на колѣни, и вознесъ теплую благодарственную молитву къ Богу. Первымъ его желаніемъ было отправиться къ Кубышкинымъ. Онъ вѣкогда былъ знакомъ съ ними. Губернаторъ приказалъ дать ему свой экипажъ.

Аграфена Козьминична приняла Алексѣя Егоровича радужно и просила по-скорѣе сѣсть на канапé.

— Могли ли мы вообразить, сказалъ Кубышкинъ: что увидимъ васъ еще въ этомъ мірѣ? Всѣ давно уже считаютъ васъ покойникомъ.

— Да! сказалъ Алексѣй Егоровичъ: мнѣ суждено два раза родиться на этотъ свѣтъ. Нынѣшнее мое освобожденіе считаю я, дѣйствительно, новымъ рожденіемъ.

— Какъ обрадуются ваши сестры, присовокупила Аграфена Козьминична, когда узнаютъ, что вы еще—живы!.. Да и вамъ, я думаю, очень пріятно будетъ прижать ихъ къ груди.

— Этой минуты ожидаю я съ нетерпѣніемъ, отвѣчалъ Велеринскій: но мнѣ еще пріятнѣе будетъ прижать къ сердцу одну особу, которая мнѣ гораздо ближе сестеръ.

— Кто жъ такая эта особа? спросила Аграфена Козьминична съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Кубышкинъ также съ любопытствомъ ожидалъ, кого назоветъ Алексѣй Егоровичъ.

— Эта особа..... дочь моя! отвѣчалъ Велеринскій: дочь, которой въ день несчастнаго со мною приключенія, не было еще и году отъ рожденія.

— Но мы слышали, возразила Аграфена Козьминична: что она скоро послѣ вашего несчастія, скончалась отъ скарлатины. Намъ сказывалъ это такой человекъ, который самъ былъ на ея похоронахъ.

— Такъ разглашали мои злодѣи, продолжалъ Алексѣй Егоровичъ: но теперь извѣстно, что вмѣсто дочери моей похоронена крестьянская дѣвочка, а она осталась жива и—

слава милосердому Богу!—находится у такихъ людей, которые великодушно пекались о сиротѣ какъ-будто настоящіе ея родители, взлелѣяли ее, образовали и любятъ какъ родную дочь.

При этихъ словахъ, Кубышкинъ нѣсколько разъ смутился и почти началъ догадываться; но Наденька, слушавшая со вниманіемъ что говорилъ почтенный старикъ, вовсе не воображала, что рѣчь идетъ объ ней.

— Гдѣ же теперь дочь ваша? спросила Аграфена Козьминична.

— Здѣсь, въ Смоленскѣ, отвѣчалъ Велеринскій.

— Для чего же вы не посѣщите къ ней?

— Ахъ! сказалъ Алексѣй Егоровичъ: всѣ желанія мои стремятся только къ этому сладкому свиданію!.... но.... я прихожусь въ великомъ затрудненіи.... она не знаетъ, что я отецъ ея!.... поставьте вы себя на мое мѣсто и скажите, что бы вы сдѣлали въ подобныхъ обстоятельствахъ?

— Я прямо сказала бы ей, что она дочь моя, отвѣчала Аграфена Козьминична.

— Но это извѣстіе будетъ ли ей такъ же пріятно, такъ же радостно, какъ мнѣ?... Она никогда меня не видала, привыкла считать родителями своихъ воспитателей.... любить ихъ.... Для нея тяжело и прискорбно будетъ узнать, что они ей чужіе и что она должна считать отцомъ такого человѣка, котораго вовсе не знаетъ.

— Правда, замѣтила Аграфена Козьминична: въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше очень затруднительно.

Алексѣй Егоровичъ устремилъ взоръ на Наденьку и продолжалъ говорить Аграфенѣ Козьминичнѣ:—И что бы вы сдѣлали, что бы вы сказали, если бѣ, напримѣръ, ваша милая, прекрасная дочь, которая, какъ я догадываюсь, должна быть вотъ эта дѣвица, имѣла бы равную участь съ моею дочерью? Не горько ли бы вамъ было, не называть ее болѣе этимъ нѣжнѣйшимъ именемъ.

— Боже сохрани, если бѣ это дѣйствительно такъ случилось! вскричала Аграфена Козьминична: разстаться съ моею Наденькой было бы мнѣ большѣе нежеланіе,

чувствовать ножъ въ сердцѣ! я бы не перенесла этого.... я умерла бы съ тоски!

— Позвольте спросить, продолжалъ бѣдный старикъ, едва удерживаясь отъ слезъ и не спуская глазъ съ Наденьки: какъ зовутъ прелестную вашу дочь?

— Надеждой, отвѣчала Кубышкина.

— Точно такъ зовутъ и мою.—Милая Надежда Алексѣевна!.... вѣдь васъ и по отчеству зовутъ точно такъ же какъ мою Наденьку?.... не правда ли? присовокупилъ онъ, обращаясь къ дѣвущкѣ: милая Надежда Алексѣевна! а вы какъ приняли бы такое извѣстiе и что бы сказали, если бы нечаянно открылось, что тѣ, которыхъ вы съ младенчества считали вашими родителями, совсѣмъ не родные и что у васъ есть другой, настоящій отецъ?

— Я, отвѣчала Наденька, не подозрѣвая еще ничего: поцѣловала бы руку моему новому отцу и просила бы его, чтобъ онъ не разлучалъ меня съ тѣми, которыхъ я всегда называла своими родителями, которыхъ привыкла обожать, которымъ вѣчно должна быть обязана за все, что они для меня сдѣлали, за ихъ любовь, нѣжность, попеченiя, наставленiя, образованiе.

— Благододѣ этого отвѣту никакой настоящiй отецъ не могъ бы ожидать отъ своей дочери, сказалъ глубоко вздыхая Алексѣй Егоровичъ и, вставъ, подошелъ къ Наденькѣ: — Не пугайтесь же, милая дитя, примолвилъ онъ, заключая ее въ свои объятiя: если я васъ поцѣлую какъ настоящiй отецъ.... ты—дочь моя!...

Наденька была такъ поражена этою нечаянностью, что заплакала отъ страху. Она не вѣрила, чтобъ это могла быть истина. Кубышкины глядѣли на нее и, утирая слезы, казалось, также не вѣрили этой печальной вѣсти. Кайсановъ, единственный постороннiй свидѣтель родственной встрѣчи, смотрѣлъ съ недоумѣнiемъ на человѣка, котораго самъ онъ вынесъ изъ пятнадцати-лѣтняго гробу, хотя и слышалъ давно, что Наденька—только воспитанница Кубышкиныхъ. Валеринскiй примѣтилъ, что поступокъ его требуетъ болѣе удовлетворительнаго объясненiя, безъ котораго эти люди могутъ принять явившагося отца за сумасшедшаго, за

бѣднѣжку, спятившаго съ ума въ подземельяхъ Змѣявскаго.

— Вы вправѣ не понимать меня, сказалъ онъ, умѣривъ взрывъ своей чувствительности: но вотъ эта рукопись, которую господинъ губернаторъ поручилъ мнѣ сообщить вамъ частнымъ образомъ, будетъ яснѣе меня.

Онъ вынулъ изъ кармана знаменитую тетрадь. Кубышкинъ началъ пробѣгать ее глазами пока не дошелъ до страницы, на которой увидѣлъ свое имя. Эту роковую страницу прочиталъ онъ со вниманіемъ, сперва про себя, а потомъ вслухъ.

— Только, воля ваша, Алексѣй Егоровичъ! съ жаромъ вскричала Аграфена Козьминична: дѣлайте что угодно, а мы не отдадимъ вамъ нашей дорогой Наденьки, которую вымолили мы у Всемогущаго Творца..... которая была намъ отрадою и утѣшеніемъ въ жизни..... которой я по смерти не перестану любить какъ истинную дочь мою!

— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ Алексѣй Егоровичъ: будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить нѣжныя чувства. Эта дѣвушка имѣетъ надо мною всѣ права дочери, но я..... я лишень судьбой правъ отца палъ нею. Я виноватъ во всемъ, а не вы. Любезная.... общая наша..... Наденька, останется у васъ, доколѣ не пошлетъ ей судьба супруга; позвольте только несчастному отцу навѣщать ее по-чаще и раздѣлять съ вами тѣ ласки, которыя она привыкла вамъ оказывать..... Я претерпѣлъ столько въ мою жизнь..... не лишайте меня послѣдняго счастья....

Кубышкины и Наденька, заливаясь слезами, кинулись цѣловать руки Велеринскаго, который не допустилъ ихъ и обнялъ ихъ съ глубокимъ изліяніемъ сердца. Кайсановъ, стоявшій всторонѣ, не могъ также удержаться отъ слезъ.

— Да что же тутъ ждать болѣе! вскричала Кубышкина, схватывая его за руку. Если рѣчь зашла о супругѣ, такъ вотъ онъ здѣсь—готовый... Въ одно время Богъ милостивый возвращаетъ вамъ дочь и даетъ еще достойнаго сына. Они давно любятъ другъ друга, и мы на-дняхъ порѣшили бы дѣло безъ васъ, Алексѣй Егоровичъ. Господинъ Кайсановъ.... Александръ Степановичъ.... вырвалъ Наденьку изъ когтей Змѣявскаго и первый возвратилъ васъ на днев-

ной свѣтъ изъ подземелій этого изверга. Присоедините ваше благословеніе къ нашему, и пусть это— будетъ самый радостный, самый незабвенный день въ жизни всѣхъ насъ, которые здѣсь находятся..... Будьте всѣ счастливы.....

Наденька и Кайсановъ упали на-колѣни передъ новымъ отцомъ. •

— Вы одни судьи въ этомъ дѣлѣ, сказалъ Велеринскій Кубышкинымъ, тронутый и вмѣстѣ смущенный этимъ неожиданнымъ оборотомъ игры судьбы. Я теперь только прихожу на свѣтъ..... долго мнѣ еще учиться познавать людей, и Наденькѣ нельзя ждать, пока я въ томъ успѣю. Будемте ужъ вполне счастливы..... Ставьте рядомъ со мною, добрые друзья мои, почтенные сородители.... а вы, дѣти, Наденька и Александръ Степановичъ, пріймите отъ всѣхъ насъ тронхъ родительское благословеніе..... Да будетъ восхваляенъ Господь зато, что дозволилъ мнѣ вернуться на землю къ первому дню вашего счастья.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЕРТРУДА ДЕ-БЕЛЬНОНСЬ.

(LES DRAMES INCONNUS, par M. Frédéric Soulié.)

Исторія, которую я вамъ расскажу, немножко невѣроятна, однако жъ совершенно истинна. Я въ жизнь мою много видѣлъ и даже много дѣлалъ невѣроятнаго, но никогда не лгалъ. Никогда. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Прикрашивать я также не намѣренъ: считаю это совершенно лишнимъ, потому что рассказъ мой и безъ того, по самой сущности содержанія, будетъ чудесенъ. А

Т. LXXI. — Отд. II.

какъ я играю въ этой исторіи довольно значительную роль и вамъ поэтому необходимо напередъ познакомиться со мною, то честь имѣю рекомендоваться. Я—графъ де-Фаврѣзъ, родился въ 1755 году, и, слѣдовательно, могъ видѣть конецъ царствованія Людовика Пятнадцатаго и оцѣнить, что было хорошаго въ образѣ жизни того времени.

Въ то время въ свѣтъ являлись очень рано. Миѣ было едва шестнадцать лѣтъ, когда я дебютировалъ въ гостиной. Воспитаніе мое окончено пожилою женщиной, которая сохранила именно столько миловидности и нравственныхъ красотъ, сколько было нужно, чтобы замѣнить увядшія прелести. Это была единственная истинная привязанность моя въ молодости. Она умерла скоропостижно въ тотъ самый день, когда ей стукнуло пятьдесятъ. Я плакалъ объ ней и не былъ смѣшонъ. Въ то время въ женщинѣ больше всего цѣнилось умѣнье жить, великолѣпно держаться, хорошо и умно говорить, то есть, все, что подлѣ сердца привлекаетъ и умъ, а женщина, о которой я вамъ говорю, обладала всѣми этими качествами въ самой высокой степени. На наше время, то есть на время моей юности, много и нещадно клеветали: его представляли какъ эпоху безстыднаго возраста. Что же касается до меня, то я могу васъ увѣрить, что никогда въ любви не было расточаемо столько ума и любезности, никогда столько не бесѣдовали и а нѣжныхъ свиданіяхъ какъ именно въ то время.

Лѣтъ десять я былъ въ порядочной модѣ. Но какъ я, въ качествѣ младшаго въ родѣ, не имѣлъ средствъ придавать блеску своимъ глупостямъ и утомился наконецъ въ изобрѣтенія оригинальныхъ и какъ съ другой стороны роту, которою я командовалъ, присоединили къ галкому гарнизону и какъ я не могъ извлечь никакой пользы изъ своего положенія въ свѣтѣ, то и рѣшился покинуть Францію. Это было около 1777 года. Миѣ тогда было двадцать два года. Въ то время молодежь французскаго дворянства сильно пристрастилась къ заморскимъ похождениямъ и было очень въ тонѣ подратъся въ Америкѣ. Я ни съ кѣмъ не спорю о вкусахъ, но къ благородному на-

роду американскому я всегда питалъ neodслимое отвращеніе. По-мѣому, это—самый жалкій сбродъ жадныхъ торгашей и чопорныхъ недотрогъ, которыхъ добродѣтель непоколебима только при дневномъ свѣтѣ; это—скопище всѣхъ пороковъ старой Европы, которое, за то что поселилось на новыхъ необработанныхъ поляхъ, подлѣ непробитыхъ дорогами лѣсовъ, хвастаетъ, что живетъ на дѣвственной землѣ, укрывается въ тѣни дѣвственныхъ рощъ и величаетъ себя дѣвственнымъ народомъ. Я не пошелъ смотрѣть, какъ Ламетъ и Лафайеттъ выдѣлываютъ энциклопедическій духъ сабельными ударами въ Новомъ Свѣтѣ. Я поворотилъ въ другую сторону. Въ Индіи тогда былъ истинно великій человекъ. Онъ, такъ же какъ и добродѣтельный Вашингтонъ, сражался съ Англичанами, однако не сражался съ людьми, которые были отцами, дядями, братьями и законными владѣльцами земли, гдѣ обитали: онъ сражался съ народомъ, который пришелъ селиться на родной землѣ его соотчичей, который истреблялъ и порабощалъ семью хозяина, отнималъ у него имущество, отбивалъ солнце и женъ. То, по-мѣому, была война истинно законная, справедливая, и я захотѣлъ принять въ ней участіе. Этого человека звали Гайдеръ-Али-Ханомъ.

Я прибылъ въ Индію и, признаюсь, совершенно новое существованіе, которое нашелъ тамъ, очень возбудило во мнѣ охоту жить. Надобно вамъ замѣтить, что я никогда не понималъ, какимъ образомъ нѣкоторые люди умудряются, чтобы скучать и зачѣмъ, для развлеченія, отправляются за границу, въ Италію, Германію или въ Англію. Это значитъ промѣнять хорошую, мягкую постель на затасканный тюфякъ.

Мнѣ не этого хотѣлось: мнѣ хотѣлось пожить иначе и пожить по-лучше; мнѣ хотѣлось новаго, совершенно новаго и я нашелъ новаго по горло, сколько душѣ угодно. Люди, которыхъ я нашелъ, были не то, что въ Версали; женщины не то, что наши волоокія кокетки; солнце не то, что въ Парижѣ; жизнь и кухня не то, что въ сенъ-жерменскомъ предмѣстіи. Но я желаю по-скорѣе добратся до дѣла и потому не стану вамъ рассказывать о жизни,

которую велъ въ этомъ восхитительномъ краѣ. Я расскажу вамъ только, что, когда Типпо-Саибъ наслѣдовалъ своему отцу, — черезъ нѣсколько времени послѣ триномалійскаго сраженія, когда Гайдерь-Али-Ханъ крѣпко побить былъ Англичанами, — мнѣ, въ награду за приведеніе въ порядокъ лучшей части кавалеріи хана, пожаловано три десятка слоновъ, двѣ сотни невольниковъ, коллекція невольницъ и небольшой округъ отлично обработанной земли, гдѣ я могъ съ жителей брать все нужное для прокормленія себя и своей дворни.

Тутъ, дѣйствуя совершенно полновластно, я научился презирать мелкія и пошлыя оргіи, о какихъ мы, бывало, столько шумѣли въ Версалѣ. Однако жъ я не могъ совершенно оставить европейскіе нравы и позволилъ себѣ влюбиться довольно исключительно въ Кашмирянку, которую отецъ продавая рекомендовалъ какъ самую страшную плутовку. Она была властолюбива, своенравна и заносчива до крайности. Она смѣялась мнѣ въ глаза надъ моею рыжею бородой, которой я, сколько ни отращивалъ, никогда не могъ придать прелести и изящества великолѣпныхъ индѣйскихъ бородъ, шелковистыми космами ниспадающихъ на грудь. У моей Кашмирянки, точно у знатной благовоспитанной дамы, были свои часы, когда она обожала меня, и другіе, когда находила несноснымъ. Имя ей было Ниджайра. Ума у нея хватало только на то, чтобы презирать все, что окружало ее, и меня во-первыхъ. Изъ этого послѣдовало то, что я отъ нея обезумѣлъ, покорялся всѣмъ ея прихотямъ, сдѣлалъ изъ нея родъ барыни, которая управляла и вертѣла всѣмъ домою такъ, что страшно было посмотреть. Она раздаривала моихъ невольниковъ моимъ же пріятелямъ, когда они оказывали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и никогда не отпускала гостей не надѣливъ чѣмъ-нибудь изъ моей домашней утвари, одежды или уборовъ. Благодаря такому хозяйству, я быстро подвигался къ конечному разоренію и вмѣстѣ съ тѣмъ стяжалъ славу самаго великодушнаго человѣка во всемъ краѣ, какъ-вдругъ мое домашнее счастье было разрушено маленькимъ происшествіемъ, которое имѣло весьма важныя послѣдствія. Однажды вечеромъ, когда моя Нид-

жайра повела себя особенно дерзко и своенравно, мнѣ пришло на мысль испытать, не такъ же ли и въ Индіи какъ въ Европѣ непостоянство составляетъ лучшее средство избавиться отъ владычества, которое становится слишкомъ тягостнымъ. Чтобы противоположностью лицъ усилить дѣйствіе средства, я избралъ изъ моихъ невольницъ самую молоденькую, самую простодушную и робкую дѣвушку, которая никогда не воображала что на нее можно обратить вниманіе. Прекрасная Ниджайра совершенно напрасно прогнѣвалась на эту фантазію. Ей бы подождать дня два или три и я сказалъ бы ей, что это маленькое, покорное и безотвѣтное существо цѣлкомъ не стѣнитъ сотой доли одного ся рѣсничнаго волоска даже тогда, когда изъ-подъ этихъ рѣсницъ сверкаетъ на меня молнія угрозы. Но терпѣніе не принадлежало къ числу добродѣтелей моей прекрасной Ниджайры: черезъ два дня я нашелъ мою молодую Индіянку заколотую. Признаться, это очень польстило моему самолюбію и, погорѣвавши объ участи несчастной, я сказалъ себѣ:

— Стало-быть, Ниджайра любитъ меня, когда ревнива до такой степени, что убиваетъ свою соперницу!

Но, увы! я разочаровался самымъ непріятнымъ образомъ. Вотъ какъ это было. Я не могъ спустить моей Ниджайрѣ эту шуточку безъ всякаго наказанія, хотя для формы, для примѣру. Я приказалъ ей литься передо мною, какъ передъ господиномъ, и сталъ укорять въ преступленіи какъ слѣдовало. А Ниджайра хоть бы слово сказала! Не только просила помилованія, даже смотрѣть не хотѣла! Мнѣ же только и нужно было чтобы она извинилась. Я сталъ уже самъ приступать къ отысканію обстоятельствъ въ защиту обвиненной и далъ ей замѣтить, что она можетъ получить прощеніе, если будетъ доказано, что къ преступленію ее побудила какая-нибудь неукротимая страсть или великое отчаяніе. Лучше подсказать отвѣтъ было невозможно и я уже приготовился разчувствоваться ровно въ ту минуту, когда Ниджайра скажетъ:

— Господинъ мой, пламенная любовь къ тебѣ ослѣпила меня; отчаяніе быть предпочтенною соперницѣ вооружило мою руку.

Но негодяйка упорствовала въ молчаніи. Какъ я, съ своей стороны упорствовалъ въ намѣреніи слышать, что она убила соперницу изъ ревности, то былъ столько смѣшонъ, что наконецъ самъ сказалъ такъ:

— О, Ниджайра, Ниджайра! какъ возможно, чтобы любовь ко мнѣ могла довести тебя до такого безразсудства, до убійства?

Никогда, право никогда я не видывалъ, чтобы женщина хотела такъ громко, такъ чистосердечно какъ моя прекрасная Ниджайра въ отвѣтъ на это сентиментальное воззваніе.

— Я? вскричала она съ трудомъ выговаривая слова при непомѣрномъ хохотѣ, котораго не могла побѣдять: я?... влюблена въ тебя?... ревную тебя?... ты съ ума сошелъ, раджа, ты съ ума сошелъ!

— Такъ зачѣмъ же ты убила эту несчастную? вскричалъ я съ бѣшенствомъ.

— Зато, отвѣчала она презрительно оборотившись ко мнѣ спиною, зато что я не хочу, чтобы ты служилъ рабомъ кому-нибудь другому, кромѣ меня.

Судъ этотъ я чинилъ за завтракомъ. Вина на столѣ стояло много и голова моя была болѣе нежели разгорячена. На дерзкій отвѣтъ Ниджайры и особенно взбѣшенный презрительнымъ ея движеніемъ, я выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и сильно метнулъ въ заносчивую невольницу, такъ, что онъ вонзился промежъ прекрасныхъ бѣлыхъ плечъ этой женщины, которую я такъ любилъ, и она упала мертвая не успѣвъ вздохнуть. вмѣстѣ съ паденіемъ ея всѣ окружавшіе меня рабы и невольницы упали на колѣни и вокругъ меня послышался шопотъ одобренія. Самые смѣлые вполголоса говорили:

— Вотъ добрый господинъ!

Потомъ, между-тѣмъ какъ я оставался погруженный въ ужасъ и стыдъ преступленія, всѣ женщины, одна за другою, приходили поздравлять меня, говоря:

— Ты поступилъ справедливо, раджа! Ты хорошій господинъ, ты добрый господинъ, ты твердый господинъ!

И онъ говорили это по чистой совѣсти, потому что тогда я въ ихъ глазахъ былъ просто глупцомъ, который заслуживалъ презрѣнія.

По части храбрости я былъ въ доброй школѣ. Типпо-Самбъ, побѣдивъ Англичанъ и принудивъ ихъ къ миру, который продолжался уже восемь лѣтъ, употребилъ это время на приготовленіе страшнаго нападенія на британское владычество, которое намѣревался совершенно изгнать изъ Индіи. Совершенно готовый бороться съ Англичанами, которые были у его воротъ, онъ пытался поднять на нихъ враговъ въ нѣсколькихъ тысячахъ миль отъ Индіи. Послы его были въ Версалѣ и воротились къ нему съ добрыми вѣстями и обѣщаніями. Но въ ту самую минуту, которую султанъ считалъ удобною къ исполненію своего намѣренія, острья словца мосьё де-Мираблѣ и планы мосьё Неккера начинали уже разстроивать дѣла во Франціи. Изъ этого вышло, что мой султанъ не получилъ ни подкрѣпленія войскомъ, ни денежнаго вспомошествованія, которыя были обѣщаны. Типпо-Самбъ прогнѣвался на всѣхъ Французовъ вообще, слѣдовательно и на тѣхъ, которые находились у него на службѣ, такъ, что собственноручно обрубилъ носъ и уши одному изъ своихъ пословъ, который не кстати вздумалъ выхвалять честность и величіе Франціи.

Въ это самое время случилась извѣстная вамъ исторія въ моемъ домѣ. Великому человѣку, который такъ коротко исправлялъ своихъ великихъ сановниковъ, очень не понравилось, что я безъ суда и слѣдствія сдѣлалъ расправу съ невольницею, виновною въ убійствѣ. Онъ сталъ придираться ко мнѣ изъ-за этого, наговорилъ мнѣ очень нелицезныхъ вещей касательно меня лично и касательно всѣхъ моихъ соотечественниковъ. Я лично же потребовалъ у него удовлетворенія какъ дворянинъ. Онъ осмѣялъ меня и обѣщалъ наплевать въ бороду. Я потребовалъ отвѣту отъ имени Франціи. Онъ послалъ къ чорту Францію и совѣтовалъ мнѣ отправиться туда же, а какъ я не скоро повиновался, то онъ выпроводилъ меня посредствомъ дюжисы сипаевъ и приказалъ сказать, по дружбѣ, что присутствіе мое въ его землѣ ему не нравится. Мнѣ ни-

чего болѣе не оставалось, какъ собрать на-скоро свои пожитки, обрѣчь въ-конецъ осмѣянную бороду и отправиться въ Европу.

Въ числѣ драгоценностей, которыя я вывезъ изъ Индіи, находился перстень съ чернымъ алмазомъ. Прощу замѣтить этотъ перстень; онъ роковой: его носила Ниджайра и я снялъ его уже у мертвой.

Въ Индіи мы довольно часто получали извѣстіе о Франціи, но позабывши о законахъ перспективы, по которымъ всѣ вещи на извѣстныхъ разстояніяхъ представляются глазу меньше своихъ нормальныхъ размѣровъ, я полагалъ, что Мирабо и всѣ тогдашнія происшествія въ моемъ любезномъ отечествѣ просто вздоръ, пустыки, въ родѣ парламента Моню. Корабль, на которомъ я плылъ, не видѣлъ береговъ Франціи уже девятнадцатый мѣсяць. Капитанъ его зналъ о современномъ состояніи дѣлъ почти столько же сколько и я, и такимъ образомъ я очутился въ Марсельѣ снова съ неба свалившійся, въ то самое время, когда подлѣ вывѣски одной мясной лавки развѣшивали на гвоздяхъ изрубленные члены какого-то бѣдняка офицера, подозрѣваемаго въ ношеніи бѣлой кокарды. У меня на шляпѣ была именно такая кокарда и мнѣ, быть-можетъ, тоже пришлось бы висѣть на нѣсколькихъ гвоздяхъ, если бы не нашелся добрый человекъ, который во-время вразумилъ. Какой-то старикъ, марсельскій купецъ, догадавшись, вѣроятно, по цвѣту моего загорѣлаго лица, что я прибылъ не изъ Тулона и не изъ Экса, далъ мнѣ замѣтить мою глупость. Я былъ нерасположенъ спорить о преимуществахъ цвѣтовъ и спряталъ свою кокарду въ карманъ. Черезъ сорокъ семь часовъ по прибытіи подъ благодатное небо Прованса, я имѣлъ удовольствіе слышать дикій ревъ пѣсни, глупѣе которой никогда еще не было изобрѣтено, и видѣлъ, какъ четырехъ несчастныхъ повѣсили за то что легкія у нихъ были слишкомъ слабы для выполненія такой музыкальной піесы наравнѣ съ хоромъ. Въ числѣ прочихъ повостей изъ Парижа я узналъ, что двѣ племянницы мои вышли за-мужъ и что почти вся моя родня въ эмигрантахъ. Я сталъ думать, что бы мнѣ сдѣлать изъ своей будущности и обратился за со-

вѣтомъ на первый случай къ половому въ томъ трактирѣ, гдѣ остановился. Половой по-дружески объяснилъ мнѣ, что если я стану продолжать размѣнивать мелкіе алмазы на двадцати-четырехъ франковики съ явнымъ презрѣніемъ къ ассигнаціямъ, то меня подмѣтятъ какъ подозрительнаго и укоротятъ цѣлою головой какъ заговорщика. Я только-что переплылъ океанъ, чтобы уйти изъ-подъ султанской сабли, и не чувствовалъ никакого расположенія къ знакомству съ знаменитою, но очень подлою механикою москѣ Гиліотена. Я рѣшился оставить превращенную въ бойню Францію и отправиться къ Нѣмцамъ.

Во время короткаго пребыванія въ Марсели я примѣтилъ одну черноглазую, беззубую и очень бойкую лавочницу, которой отъ нечего дѣлать принялся дѣлать глазки и повертывать передъ глазами чернымъ алмазомъ, что носилъ въ перстиѣ. Пламень ли моихъ взоровъ или лучи моего брилліанта проникли въ сердце странствующей лавочницы, не знаю навѣрное, но она очень охотно согласилась дать мнѣ мѣсто въ своей повозкѣ, въ которой располагала ѣхать, какъ она говорила, на цюрихскую ярмарку.

Мы назначили свиданіе въ вечеръ отъѣзда и я нарядился въ костюмъ извозчика, потому что прекрасная Провансалька объяснила мнѣ, что хитрость моя можетъ удалась только въ такомъ случаѣ, когда я назовусь ея работникомъ. Сама она была столько предусмотрительна, что уже имѣла наспортъ, въ которомъ былъ прописанъ будущій работникъ. Ну, работникъ такъ работникъ. Ёдемъ.

Необыкновенная легкость и сговорчивость, съ какою лавочница приняла мое предложеніе, заставили меня немножко призадуматься, когда я выѣхалъ съ нею на большую дорогу. Мнѣ вдругъ показалось, что она, пожалуй, сдастъ меня съ рукъ на руки какимъ-нибудь душегубцамъ, искателямъ подозрительныхъ людей и ненавистникамъ бѣлыхъ кокардъ. Вы скажете, что это было глупо съ моей стороны, потому что лавочница, если бы хотѣла, могла предать меня не выѣзжая изъ Марселя. Извините: опасеніе мое могло быть основательно какъ-нельзя болѣе. Въ Марсельѣ я былъ пріѣзжій съ другаго кон-

ца свѣта, человѣкъ совершенно новый, ничего не знающій; я ни съ кѣмъ не говорилъ и ни во что еще не успѣлъ вмѣшаться. Если бы меня схватили, я могъ бы доказать, что я невиненъ какъ новорожденный ребенокъ. Это, конечно, была одна изъ тысячи возможностей уклониться отъ адской головорѣзной машины, но все-таки это была возможность. Будучи же въ дорогѣ я совершалъ истинное и явное преступленіе: я пытался уйти отъ гилотины. Этому республика не терпѣла: она не хотѣла, чтобы кто-нибудь задумывалъ жить внѣ ея кроткаго владычества и человѣколюбивыхъ законовъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ я не зналъ, какъ избавиться отъ сомнѣній, и рѣшился заинтересовать мадамъ Жозетту Мализъ въ пользу своей личности. Женщину можно заинтересовать всего удобнѣе тогда, когда станешь находить ее достойною обожанія. Съ Жозеттой это, казалось, небольшого будетъ стоить труда и я принялся осыпать ее нѣжностями, такими, что танцовщица разчувствовалась бы. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда она, въ отвѣтъ на мои хвалы бѣлой эмали ея зубовъ и огненному блеску бархатныхъ глазъ, отвѣчала мнѣ почти съ неудовольствіемъ.

— Помилуйте, графъ, кстати ли вамъ думать объ этихъ вещахъ въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь?

Слово *графъ* испугало меня до-смерти. Я ни полслова не говорилъ Жозеттѣ о моемъ званіи и состояніи и вдругъ вижу, что я узнанъ; слышу, что меня величаютъ титуломъ, который за милою наклеиваетъ палача. Я притворился, будто не разслышалъ и возразилъ съ примѣрнымъ хладнокровіемъ:

— Я вамъ не лгу; я говорю сущую правду. Винавать ли я, что примѣчаю то, что въ глаза бросается?

Жозетта захохотала.

— Зорки же у васъ глаза! вскричала она: вѣдь теперь такъ темно, что едва руку подъ носомъ размотришь!

— Что жъ? Если я теперь не вижу, такъ видѣлъ крайней-мѣрѣ.

— А я опять-таки замѣчу вамъ, что въ вашемъ положеніи вамъ вовсе ничего не слѣдовало видѣть.

— Полноте, прекрасная Жозетта! Неужели вы думаете, что подвергаясь опасности быть повѣшену или оставить голову на проклятой машинѣ, я уже долженъ совершенно потерять способность смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ?

— По-тише, по-тише, говорятъ вамъ! возразила Жозетта: по-меньше говорите о висѣлицахъ, нето въ самомъ дѣлѣ попадетесь на веревку, хотя нынче мода на висѣлицы уже прошла. Впрочемъ, я уже давно знаю, что ни какой страхъ отъ топора и веревки не помѣшаетъ вамъ болтать вздоръ женщинѣ, съ которою вамъ случится быть наединѣ. Меня очень хорошо предостерегли на этотъ счетъ, однако жъ я не побоялась.

Я изъ удивленія впадалъ въ изумленіе, изъ изумленія въ удивленіе и, опасаясь сказать новую глупость, замолчалъ. Жозетта продолжала:

— Если я вамъ говорю, что въ вашемъ положеніи не слѣдуетъ примѣчать ни эмали зубовъ ни блеску глазъ извѣстныхъ особъ, это потому, что я сама очень обидѣлась бы, если бъ мой женихъ, человекъ, который ѣдетъ ко мнѣ, къ своей невѣстѣ, съ тѣмъ чтобы вѣнчаться, дорогою сталъ любезничать съ другими и думать о комъ-нибудь кромѣ меня. Я просто не вышла бы за такого человека!

Изумленіе мое возрастало, но въ то же время начинало проясняться. На горизонтѣ, сквозь окружающій мракъ, мнѣ просвѣчивались первые лучи недоразумѣнія, которому я обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Меня, очевидно, везли вмѣсто кого-нибудь другаго. Признаюсь, я ни на минуту не подумалъ, что этому другому могутъ обрубить голову вмѣсто меня. Единственнымъ желаніемъ моимъ было продлить недоразумѣніе столько, чтобы оно послужило мнѣ въ совершенную пользу. Я принялъ всѣ нужныя мѣры предосторожности, чтобы подладиться подъ неизвѣстную мнѣ роль.

— Такъ вамъ много насказали дурнаго обо мнѣ? спросилъ я.

— Дурнаго? возразила она: что жъ тутъ особенно дурнаго, когда рассказываютъ объ удачахъ счастливаго воякы?

Я узналъ, что я счастливый волокита, и принаровился къ роли.

— Я готовъ отдать всё свои удачи до одной за одинъ вашъ поцѣлуй, сказалъ я нѣжно взявши Жозетту за талию.

— Ни, ни, ни! вскричала моя покровительница оттолкнувъ меня: моего имени вы не внесете въ вашъ донъ-жуановскій списокъ. Вашъ братецъ, аббатъ, слишкомъ хорошо предупредилъ меня на вашъ счетъ.

Я узналъ, что у меня есть братецъ аббатъ. Это нѣсколько помогало мнѣ, въ довольно смутномъ еще познаніи себя. За десять лѣтъ назадъ слова моей покровительницы могли бы быть совершенно истинны: одинъ братъ аббатъ, другой повѣса и волокита,—это бывалое дѣло. Но въ настоящую минуту состояніе прелатуры, какъ мнѣ казалось, было уже порядочно измѣнено. Однако жъ я хотѣлъ воспользоваться указаніемъ и сказалъ:

— Когда же мой братецъ аббатъ говорилъ вамъ это?

— Бѣдняжка! сказала Жозетта со вздохомъ: онъ говорилъ мнѣ о взсѣ наканунѣ своей смерти, въ тѣмницѣ, гдѣ мнѣ позволили видѣться съ нимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ купить у меня платковъ. Онъ и купилъ дюжину, а на другой день, когда онъ всходилъ на гиліотину, я видѣла у него одинъ изъ мнѣ платковъ на шеѣ.

И такъ у меня не стало брата и я не былъ достаточно свѣдушъ въ дѣлахъ французской республики, чтобы составить себѣ вѣрный каталогъ всѣхъ обезглавленныхъ ею прелатовъ. Я рѣшился на отчаянную попытку: я непремѣнно хотѣлъ узнать, кто я. Вздохнувъ по-глубже въ память злодѣйски умерщвленнаго братца, я спросилъ прекрасную Жозетту:

— Скажите, какимъ же образомъ вы узнали меня?

— А по этому перстню, который подарила вамъ мамзель Лиденичъ!

— А! вамъ сказали объ этомъ? вскричалъ я мысленно повторяя нѣсколько разъ для памяти имя, которое назвала Жозетта.

— Сверхъ-того вы требовали, чтобы я васъ свезла на цюрихскую ярмарку.

— Да, да.

— И наконецъ, вы поцѣловали меня, прибавила она такимъ голосомъ, при которомъ обыкновенно краснѣють.

Покраснѣла она или нѣтъ, этого нельзя было примѣтить за темнотою.

— Такъ и это тоже было условлено?

— Безъ-сомнѣнiя.

— Это самый чудесный условный знакъ. Я готовъ повторить его тысячу разъ.

Я принялся повторять.

— Ахъ! ахъ!... графъ.... мосьё де-Бельмонсъ.... полно-те! Чтѣ скажетъ мамзель Лиденичъ?

Слава Богу! наконецъ-то я узналъ, кто я. Я — графъ де-Бельмонсъ и у меня есть невѣста, мамзель Лиденичъ.

Лавочница, которой стремительность моей атаки насчетъ поцѣлуевъ, вѣроятно, подала высокое мнѣнiе обо мнѣ, удивилась, что я вдругъ погрузился въ размышленiя, очень далекiя отъ начала моихъ предшествовавшихъ дѣйствiй. Она обратилась ко мнѣ съ тѣмъ злобно-насмѣшливымъ тономъ, черезъ который, какъ черезъ одно изъ слуховыхъ оконъ женскаго сердца, можно заглянуть въ адскiй вертепъ ихъ врожденнаго кокетства, и сказала:

— Вотъ такъ лучше. Будьте разсудительны, ваше сиятельство.

Она была раздосадована: я понялъ это. Притомъ, я занималъ мѣсто человѣка, который, сколько мнѣ было извѣстно, мастеръ по части волокитства, слѣдовательно, не честно было бы уронить его славу, даже передъ лавочницею. Я придвинулся къ Жозеттѣ и сталъ шептать такъ близко на-ухо, что она, я думаю, болѣе ощущала движенiе моихъ губъ чѣмъ слышала голосъ:

— Я разсудителенъ, оттого что вы злы; оттого что вы не хотите повѣрить любви, которую вы необходимо должны внушать всякому, кто васъ встрѣтитъ.

Жозетта весело захохотала.

— А! вотъ это иное дѣло! вскричала она: такъ вы мнѣ нравитесь гораздо лучше, потому что я люблю непритворную естественность; я люблю, чтобы человѣкъ всегда показывался такимъ, каковъ онъ есть. Ваша же натура заключается именно въ любовныхъ басняхъ: вы безъ этого жить не можете. Ну, рассказывайте, рассказывайте: я очень рада посмотрѣть, какъ за это принимаются знатные господа.

— Но, возразилъ я, знатные господа такъ же какъ и черный народъ, ничего не дѣлаютъ даромъ. Хотя, конечно, всѣ сказки, которыя бы я могъ рассказать вамъ, не стоятъ одного вашего поцѣлуя, однако жъ я не отважусь отдать ихъ совершенно даромъ, совершенно ни за что.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Жозетта съ выразительнымъ презрѣніемъ: стало-быть, черный народъ гораздо великодушнѣе вашего сіятельства. Я, наприимѣръ, спасаю васъ совершенно даромъ, совершенно ни за что, и сверхъ-того, въ придачу, еще рискую своею головой.

Эта женщина совершенно сбила меня съ-толку. Последнія слова ея такъ противорѣчили подстрекающему тону, съ какимъ она меня упрекнула въ молчаніи, что я рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Но она привела меня еще въ большее замѣшательство вдругъ вскричавъ:

— Странно! мнѣ сказали, что вы такъ занимательны.... что вы никогда не остаетесь въ долгу отвѣтомъ.

Я, конечно, былъ недостойнъ имени, которое незаконно похитилъ, и почувствовалъ такое угрызеніе совѣсти, что готовъ былъ тотчасъ же высказать всю правду, хотя бы то стоило мнѣ головы. Но рискъ всё-таки показался мнѣ слишкомъ опаснымъ и я на-удачу продолжалъ:

— Ужъ вѣрно, не епископъ, не братъ мой сказалъ вамъ это.

— Нѣтъ, это сказалъ мнѣ мужъ.

— Вашъ мужъ?... а! прошу покорно! Въ такомъ случаѣ однако жъ комплиментъ этотъ ничего не стоитъ: вашъ мужъ приписываетъ мнѣ качества въ которыя самъ очень мало вѣритъ, когда позволяетъ вамъ путешествовать ночью, одной, съ такимъ великимъ обольстителемъ.

— Что жъ? Это доказываетъ только его довѣріе ко мнѣ.

Впрочемъ, и довѣріе-то тутъ небольшое: два часа добродѣтели—это не много, не считая того, что онъ общалъ пойти намъ навстрѣчу и что я знала очень хорошо, что мы можемъ встрѣтить его даже за четверть мили отъ города.

При этомъ открытіи всѣ мои любезности на свой и на чужой счетъ полетѣли къ чорту. Я былъ совершенно опрокинутъ. Того и гляди, встрѣтишь этого мужа, который, конечно, знаетъ въ лицо подлиннаго графа де-Бельмонса, меня избобличать, покинуть, быть-можетъ продадутъ, погубятъ, осудятъ, повѣсятъ, колесуютъ, гилотинируютъ. Я сталъ повертываться въ повозкѣ, какъ будто бы меня прихватили страшныя колотья.

— Чтò съ вами сдѣлалось, графъ? спросила Жозетта: чтò вы, на булавку, чтò ли сѣли?

Я хотѣлъ отвѣчать, но тутъ вдругъ на дорогѣ раздался грубый голосъ, который окликнулъ насъ.

— Вотъ мой мужъ, сказала Жозетта.

Этотъ чортъ подошелъ къ повозкѣ и сказалъ:

— Выходите, графъ. Мы пойдемъ пѣшкомъ черезъ поле, потому что на поворотѣ дороги къ замку есть какіе-то люди, кажется, не очень добрые.

Не знаю, чтò сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ другой, болѣе рѣшительный, мужественный, ловкій или болѣе добродѣтельный. Я вовсе не сталъ разбирать, какъ должно поступить, а просто предоставилъ случаю быть за меня ловкимъ, умнымъ и добродѣтельнымъ.

Я выгѣзъ изъ повозки, чтобы послѣдовать за новымъ путеводителемъ. Хотя ночь была очень темна, однако жъ я разсмотрѣлъ, что имѣю дѣло съ дюжимъ мужчиной, котораго не легко было бы свалить съ ногъ. Стало-быть, надлежало уходить его ласками и угодливостью. Но, казалось, богиня Фортуна, которой я ввѣрился, усердно и предупредительно уравниваетъ передо мною всѣ затрудненія: едва я подошелъ къ мужу Жозетты, онъ сказалъ мнѣ:

— Молчите, потому что два голоса разговаривающіе ночью слышатся далѣе нежели двѣ пушки днемъ.

Лучше этого и я требовать не могъ. Я пошелъ подлѣ

своего жоатаго не промолвивъ ни одного слова и мнѣ казалось, что такимъ образомъ я по-крайней-мѣрѣ не скажу никакой глупости. Но вышло, что, не будучи въ-состояніи сказать, я сдѣлалъ большую глупость. Я шагаль очень бойко. Жоатый вдругъ остановилъ меня, схвативъ за плечо и тихонько сказаль фразу, которую я призналъ за самую чистую провансальскую, смыслу которой однако жъ не уразумѣлъ. Помня свое положеніе я полагаль, что мнѣ не могли присовѣтовать ничего лучшаго, кромѣ поспѣшности, и принялся шагать еще усерднѣе. Жоатый на четвертомъ шагу опять поймалъ меня и опять повторилъ свою проклятую провансальскую фразу. Я не безъ труда сохранилъ предписанное молчаніе и, утвердительно кивнувъ головой, продолжалъ итти. Опять провансальская фраза, опять молчаніе съ моей стороны. Но хозяинъ Мализъ былъ Провансалець самой чистой породы, то есть, вспылчивъ и грубъ до-нѣльзя.

— Да что жъ вы! вскричалъ онъ вдругъ ломаннымъ французскимъ языкомъ: оглохли что ли, или ужъ не понимаете роднаго языка?

— Вы запретили мнѣ говорить, отвѣчалъ я.

— О-го! какъ вы стали благоразумны! Стало-быть, эмиграція чертовски измѣнила васъ!

Стало-быть, я былъ эмигрантомъ, а злодѣйка Жозетта и не сказала мнѣ объ этомъ. Вооружившись этимъ новымъ открытіемъ, я полагаль, кстати будетъ отвѣтить какимъ-нибудь общимъ мѣстомъ объ эмиграціи вообще, и вздохнувъ сказаль:

— Да! если бы вы знали, что значитъ изгнаніе!...

— Милліонъ чертей! возразилъ Провансалець: развѣ мнѣ это хуже васъ извѣстно.

Я, какъ видно, былъ не очень счастливъ въ выборѣ фразъ и потому, промолчавъ, опять дѣлательно принялся шагать. Тутъ я узналъ, что это была мать той глупости, которую я сейчасъ сказаль.

— Боже мой! всаричалъ Мализъ съ нетерпѣніемъ: не спѣшите же такъ, вы повредите свою рану, а вамъ остается пройти еще по-крайней-мѣрѣ три мили.

Я былъ раненъ и мнѣ оставалось пройти еще три мили

въ обществѣ этого грубіяна. Такимъ шагомъ, какимъ онъ заставлялъ меня идти, мы, очевидно, не успѣли бы дойти до мѣста раньше чѣмъ розоперстая Аврора освѣтитъ мое лицо и мой обманъ. Это встревожило меня не на шутку. Несмотря на темноту ночи я примѣтилъ, что у моего хозяина за поясомъ торчали два огромные пистолета. Это доказывало, что онъ человѣкъ очень предусмотрительный. Легко могло случиться, что, узнавъ, что вовсе не знаетъ меня, онъ вспалъ бы на довольно справедливое подозрѣніе, не шпионъ ли я какой-нибудь, и, конечно, тутъ же застрѣлялъ бы какъ собаку. Разумѣется, это было бы менѣе неприятно нежели смерть на гильотинѣ, потому что я описать вамъ не могу отвращенія, какое мнѣ внушала эта подлая машина, которою замѣнили тогда веревку и топоръ. Изъ всѣхъ ужасовъ революціи это — самый ужасный: гильотина — самое постыдное клеймо, какое только можетъ запятнать нашу эпоху; она унизила даже ремесло палача; она доказываетъ, что было такое время, когда рукъ палачей уже не ставало на исполненіе приговоровъ судей.

Но дѣло шло собственно вовсе не о моей антипатіи или симпатіи и хотя смерть отъ пистолетнаго дула изъ рукъ хозяина Мализа, конечно лучше смерти на гильотинѣ, однако жъ и она тоже была не очень усладительна. Когда человѣкъ струснуть, то онъ походить на животное, которое изъ самаго миролюбиваго и безвреднаго въ минуту опасности превращается въ самое лютое. Провансалецъ мой не сдѣлалъ мнѣ никакого зла: напротивъ, я самъ обманывалъ его сколько могъ, а между-тѣмъ мнѣ пришло въ голову сожалѣніе, что мнѣ нечѣмъ предупредить его въ случаѣ, если онъ обнаружитъ недоброе намѣреніе. Въ воспоминанія моемъ вдругъ блеснулъ дамасскій ятаганъ который нѣкогда былъ подаренъ мнѣ Типпо-Санбомъ, и я украдкою сдѣлалъ маленькій жестъ, для удостовѣренія, что въ рукѣ у меня хватитъ столько силы, чтобы снести голову съ плечъ моего вожатаго такъ же ловко, какъ Типпо-Санбъ сшибалъ головы своимъ рабамъ. Но, увы! я былъ совершенно безоруженъ, а бороться съ Провансальцемъ было мнѣ не по плечу и тогда, когда бы онъ не за-

хотѣлъ употребить противъ меня свое оружіе. Я заключилъ, что благороднѣе будетъ не дожидаться, пока онъ откроетъ мой обманъ, и откровенно во всемъ признаться.

Я сейчасъ говорилъ вамъ, что богиня Фортуна, которой я слѣпо довѣрился, казалось, находила удовольствіе въ томъ, чтобы покровительствовать мнѣ. Въ ту минуту, когда я уже готовился зайти, вѣроятно, въ непроходимую чашу безразсудствъ и опасностей, послышался слабый, отдаленный окликъ и мой вожатый вздрогнулъ.

Онъ, казалось, смѣрилъ меня съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ и потомъ съ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы:

— Этакая безразсудная! Не могла удержаться, чтобы не выѣхать на встрѣчу!

Я не смѣлъ понять, хотя совершенно понималъ. Мнѣ страшно было повѣрить, что я сейчасъ встрѣчусь съ тою, которая ждетъ меня, которая обожаетъ меня, которая спасаетъ меня....

— Пойдемте же, сказалъ я вожатому.

— Да, это она, возразилъ онъ: нечего дѣлать, надобно повиноваться.

Онъ тотчасъ своротилъ всторону и повелъ меня черезъ небольшой перелѣсокъ, вдоль опушки котораго мы шли уже нѣсколько времени. Я послѣдовалъ какъ школьникъ, котораго учитель ведетъ подъ розги. Въ эту минуту хозяинъ Мализъ могъ бы приказать мнѣ растянуться на землѣ животомъ къ верху или книзу, какъ угодно, я повиновался бы безпрекословно. Я былъ совершенно уничтоженъ; мозгъ мой испарился. Между-тѣмъ прошу замѣтить, что я въ жизнь свою однажды встрѣтился носомъ къ носу съ тигромъ, — у него когти и зубы, а у меня кусочикъ дамасской стали, правда, очень острой, однако жъ такой, что четверолапый пріятель проглотилъ бы его какъ куричью косточку. Тогда я съ честью вышелъ изъ борьбы: на скаку тигра, когда онъ бросался на меня, я ловко отрубилъ ему одну переднюю лапу и бросился со всѣхъ ногъ бѣжать оставивъ злодѣю только свою чалму, которую тотъ принялся жевать съ такимъ чудовищнымъ ре-

вошь, что у меня кости хрустѣли, единственно оттого что слышалъ.

Правда и то, что въ ту ночь я возвращался съ султанскаго пиршества, а въ ту, о которой теперь идетъ рѣчь, я былъ совершенно тощъ. Если бы наука была немножко по-умнѣе, она давно постаралась бы опредѣлить, сколько мужества заключается въ хорошемъ ростбифѣ и сколько присутствія духа въ бутылкѣ мадеры.

И такъ я шелъ точно собака за своимъ хозяиномъ. Лѣсъ, черезъ который мы шли, производилъ на меня очень непріятное впечатлѣніе, потому что понятія лѣсъ и убійство какъ-то невольно одно за другое цѣпляется. Но скоро роща стала рѣдѣть. Мы вышли на большую дорогу и я въ нѣкоторомъ разстояніи разсмотрѣлъ что-то похожее на карету. Мализъ опередилъ меня, отперъ двери и доложилъ обо мнѣ, сказавъ:

— Вотъ онъ, сударыня; вотъ онъ.

Всѣ-еще увлекаемый безотчетною покорностью вслѣдъ вожатому, я подошелъ къ каретѣ и не успѣлъ оглянуться, какъ Мализъ уже вникнулъ меня и сказалъ:

— Ну, такъ поѣзжайте же скорѣе.

Я не сѣлъ, а упалъ на подушки. Лошади понесли во всю прыть. Конечно, положеніе мое было уже не столь опасно, потому что я находился наединѣ съ женщиною, однако жъ оно тѣмъ не менѣе было очень затруднительно: я находился наединѣ съ женщиною, которую, вѣроятно, любилъ очень страстно, на которой собирался жениться и которая, конечно, рисковала головой, а можетъ-быть и репутаціею своею, для того чтобы спасти меня.

Нѣсколько минутъ у меня не было ни какой собственной мысли. Незнакомка между-тѣмъ схватила мои руки. понимала ихъ и насакала мнѣ по-немѣцки множество вещей, безъ-сомнѣнія чрезвычайно нѣжныхъ. Догадавшись наконецъ, что и ничего не понимаю изъ того, что мнѣ говорятъ, я мысленно принялся отъ души проклинать ученость страшнаго волокиты де-Вельонса, который проглотилъ столько языковъ, что могъ бесѣдовать о дѣлахъ съ лавочникомъ по-провансальски и о любви съ невѣстою по-нѣмецки.

Не будучи въ-состояніи отвѣчать словесно на восторги моей невѣсты я, въ свою очередь, употребилъ тотъ же способъ выраженія, къ которому и она прибѣгала по преимуществу. Я страстно пожималъ и цѣловалъ ея руки. Ахъ! если бы вы знали, какой это былъ гладкій, мягкій, вѣжливый и теплый атласъ! Я никогда прежде не воображалъ, чтобы у Нѣмки могли быть такія ручки. Но нѣмецкій говоръ вдругъ затихъ и мнѣ показалось, что невѣста можетъ примѣтить во мнѣ слишкомъ большую холодность. Чтобы не возбудить такого подозрѣнія, я заключилъ ее въ объятія. Она съ восторгомъ прижалась къ моей груди и говоръ опять начался. Я вслушался съ напряженнымъ вниманіемъ и, наконецъ, въ нелѣпой смѣси варварскихъ слоговъ и звуковъ кое-какъ отличилъ одно слово, которое незнакомка безпрестанно повторяла: я ухватился за него и попалъ, что я—*Юлиусъ*, что меня зовутъ Юліемъ. При помощи двухъ притяжательныхъ мѣстоименій *meinъ*, *deinъ*, которыя я, не помню когда, какъ-то усвоилъ себѣ, и соображая тонъ неспостижимыхъ рѣчей моей собесѣдницы я даже попалъ какъ ее зовутъ, когда она однажды, между прочимъ, вопросительно произнесла *deinъ Гертрудаъ*. Кругъ познаній моихъ такъ значительно распространился, что не будь на свѣтѣ проклятаго нѣмецкаго языка, я сыгралъ бы свою роль, какъ-нельзя лучше, выдержалъ бы до конца и все обстояло бы благополучно, не случилось бы ни какой бѣды. Но..... вотъ, что значитъ варварскій языкъ!.... Я принужденъ былъ замѣнять слова пантомимами, знаками....

Потомъ была страшная сцена,—испугъ, гнѣвъ, ужасъ, отчаяніе, бредъ, безуміе, которые тигра заставили бы трепетать отъ состраданія. Гертруда знала по-французски. Я хотѣлъ извиниться, объяснитьсь... Не могу пересказать, что я говорилъ тогда: я не знаю; я и тогда не зналъ, что говорилъ. Я понималъ только, что въ замкѣ, куда мы ѣхали, насъ ждали отецъ и братъ Гертруды, люди, которые, судя по ея ужасу, были способны убить насъ обоихъ. Намъ оставалось еще довольно пути. Гертруда, нѣсколько опомнилась и я объяснилъ ей, что я свободенъ, что ношу имя, которое съ честію можетъ стоять подлѣ ея имени и что я

буду счастливъ, если получу ея руку. Она на это не отвѣчала ни слова. Я прочелъ свой смертный приговоръ. Можно было предвидѣть, что она выдастъ меня отцу и брату, и я не шута приготовился покончить расчетъ съ жизнью. Я могъ употреблять всевозможныя хитрости и усилія, чтобы спастись отъ сумасбродныхъ палачей и кровожадныхъ революціонныхъ судей, но бѣжать отъ справедливаго мнѣнія оскорбленнаго благороднаго семейства было бы, конечно, крайнею степенью низости. Я не хотѣлъ воспользоваться средствами, какія имѣлъ къ побѣгу на большой дорогѣ, насдивѣ съ слабою женщиной и однимъ кучеромъ.

Гертруда всё молчала и я тоже. Между-тѣмъ разсвѣло. Я могъ наконецъ разсмотрѣть женщину, которую обманулъ такимъ безсовѣстнымъ образомъ. Это была совершенно германская красавица, совершенная блондинка, бѣлая, нѣжная, розовая, полная, но стройная, съ большими голубыми глазами, съ выпуклымъ лбомъ и немножко вздернутымъ носикомъ. Она была восхитительна даже въ гнѣвъ. Глаза ея горѣли какимъ-то роковымъ огнемъ нетерпѣнія, которымъ она, казалось, обгоняла мчавшихся лошадей, чтобы скорѣе достигнуть цѣли.

Положеніе мое было слишкомъ невыгодное на то, чтобы я могъ надѣяться произвести впечатлѣніе или измѣнить что-нибудь въ свою пользу своею наружностью. Однако жъ черезъ нѣсколько времени мнѣ стало досадно, что она вовсе не удостоиваетъ меня взгляду. Я могъ принять ненависть и мщеніе, которыя силили мнѣ смерть, но такое пренебреженіе казалось слишкомъ унижительнымъ. Я не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Повторяю вамъ, сударыня, что вы можете располагать мною, какъ вамъ будетъ угодно, или пріймите мою руку и имя и позвольте мнѣ снискать вашу любовь, или предайте мою жизнь вашему отцу.

Она оборотилась и посмотрѣла на меня какъ-будто на каретный карманъ или подушку и спросила:

— А Юлій? что случилось съ нимъ?

Она не думала ни обо мнѣ, ни о себѣ, ни объ отцѣ: она

думала о своемъ женихѣ. Это подтверждало песомнѣнно, что она рѣшила смертный приговоръ и себя и мнѣ. Наша участь была рѣшена. Она заботилась только объ участи того, котораго хотѣла спасти и который черезъ мой подлогъ могъ погибнуть. Я, разумѣется, не могъ отвѣчать на ея вопросъ удовлетворительно, а на свой не получилъ ни какого отвѣту.

Наконецъ мы вѣхали черезъ какія-то ворота на обширный дворъ, принадлежавшій, вѣроятно, къ великолѣпному зданію превращенному въ развалины пожаромъ, какъ видно, не очень давно, потому что копать на одиноко торчавшихъ стѣнахъ была еще свѣжа и груды кирпичей только-что начинали обростать травой. Кое-гдѣ еще сохранились части нижняго этажа; кое-гдѣ валялись разбитыя мраморныя колонны и пьедесталы. Позади развалинъ виднѣлся разоренный садъ. Все это рука революціи разбила какъ тряпичникъ распарываетъ на тряпки великолѣпную барскую одежду, потому что въ цѣломъ не можетъ ни на чтѣ употребить.

Опустошеніе, посреди котораго мы шли, утратило меня: я понялъ,—и это чувство совершенно естественное, хотя и необъяснимое,—что мнѣ врагамъ ничего не будетъ стоить присовокупить къ этимъ развалинамъ мертвое тѣло человѣка. И я на этомъ остывшемъ пожарищѣ тоже сталъ искать глазами обитаемаго жилища какъ осужденный изъ-дали отыскиваетъ мѣсто казни. Мы проѣхали черезъ дворъ въ запущенный паркъ по широкой аллеѣ и остановились у небольшого домика, который прежде, вѣроятно, служилъ павильономъ. Сердце у меня сжалось. Мнѣ стало страшно и я самъ не зналъ, чего. Я уже рѣшилъ, что умиру, но всё-таки желалъ знать, какимъ образомъ. Тѣ, которые говорятъ, что это имъ совершенно всё-равно, лгутъ ужасно, точно такъ же какъ тѣ, которые увѣряютъ, что имъ дѣла нѣтъ чтѣ станется по смерти съ ихъ тѣломъ. Такимъ людямъ я не далъ бы двадцати-пяти копѣекъ въ долгъ. Надобно слѣшкомъ презирать все на свѣтѣ, не выключая своей чести, чтобы не уважать себя въ страхѣ, который носилъ наше имя. Мнѣ стало ужасно

страшно; холодная дрожь проявляла меня при мысли, что меня могут, напримѣръ, повѣсить.

Когда карета остановилась, дверцы отворились съ той стороны, гдѣ я сидѣлъ. Ихъ отворилъ молодой человекъ колоссальнаго роста, въ родѣ гренадеровъ Фридриха Великаго. Молодой Нѣмецъ былъ также совершенно бѣлокурый, плечистый, дюжій какъ Атласъ, который поддерживалъ земной шаръ, съ кулакомъ, которымъ могъ пришибить быка какъ Милонъ Кротонскій. Позади его, въ двухъ шагахъ, стоялъ человекъ лѣтъ пятидесяти, котораго бѣлокурые, перемѣшанные съ просѣдью, волосы представляли видъ провѣтрившейся пеньки. Впрочемъ, кромѣ волосъ, между этими двумя господами, которыхъ я припалъ за брата и отца Гертруды, не было ничего общаго. У молодаго лицо было благообразное, но глупое. Природа употребила ужасно много матеріалу на покрывку огромныхъ его костей приличнымъ количествомъ мяса, но поспупись при отпускѣ ума. Старый баронъ, — это дѣйствительно оказался онъ, — былъ очевидно умнѣе, по-крайней-мѣрѣ хитрѣе. Это былъ человекъ средняго роста, костлявый, сухой, сѣроглазый, горбоносый, съ впавшимъ ртомъ, острыми рѣзкими зубами и далеко выдавшимся подбородкомъ. Въ этомъ человекѣ было что-то лютое, жестокое, неумолимое. Однимъ словомъ, я попалъ въ когти къ старому тигру, у котораго на посылкахъ служилъ молодой полярный медвѣдь.

Появленіе мое произвело изумленіе, которое выразилось какимъ-то нелѣпымъ громовымъ восклицаніемъ молодаго медвѣдя и цѣлою рѣкою вопросовъ старика, излившихся на Гертруду. Я никогда не воображалъ, чтобы по-нѣмецки можно было говорить такъ быстро не переломивши языка. Самый бойкій Италіанецъ не въ-состояніи былъ бы слѣдовать за рѣчью стараго барона. Гертруда отвѣчала рѣзительно, но спокойно. Я не понималъ ни слова изъ всего ихъ бормотанья, но по лицу старика видѣлъ, какъ онъ переходилъ отъ удивленія къ изумленію, отъ изумленія къ остолебенію, отъ остолебенія къ испугу и любопытству, отъ испуга и любопытства къ гнѣву и бѣшен-

ству, а отъ бѣшенства къ пистолетному выстрѣлу, которыми съ-разу положилъ меня на-мѣстѣ.

Я не могъ сообразить, сколько дней прошло съ того времени, какъ я упалъ за-мертво, и до того, когда я пришелъ въ себя. Я не могъ понять, гдѣ нахожусь, и мнѣ казалось, что страшная стукотня въ головѣ, въ дребезги разобьетъ мнѣ черепъ. Боль отъ раны въ груди помогла мнѣ удостовѣриться, что я живъ; она же привела мнѣ на память обстоятельства, при которыхъ я получилъ ее, и мало-по-малу я разобралъ, что лежу въ каретѣ и что стукотня, которую я принялъ-было за произведеніе собственнаго мозга, происходила отъ колесъ, прыгавшихъ по неровной дорогѣ. Я лежалъ удобно, на мягкихъ подушкахъ, и былъ бережно укутанъ. Все это доказывало, что кто-то заботится о сохраненіи моихъ дней.

Поворотиться я не могъ, по слабости. Передъ глазами у меня былъ еще полумракъ. Я ничего не видѣлъ и не зналъ, есть ли кто подлѣ меня, сталъ шарить рукою.

— Гдѣ я? куда это меня везутъ? проговорилъ я съ величайшимъ трудомъ.

Кто-то взялъ меня за руку и пощупалъ пульсъ, а другою зажалъ мнѣ ротъ, чтобы я замолчалъ. Это могло быть необходимо мнѣ по слабости или для того, чтобы меня не открыли преслѣдователи. Я повиновался, и между-тѣмъ приводилъ себя на память всѣ подробности моего приключенія. Но мысли мои мало-по-малу опять смѣшались. Я заснулъ и пробудился уже тогда, когда карета съ громомъ промчалась по деревянному подъемному мосту и подъ темный сводъ воротъ укрѣпленнаго замка, на дворѣ котораго остановилась.

Тутъ я разсмотрѣлъ сидѣвшаго подлѣ меня, вѣроятно, во всю дорогу. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, весь въ черномъ, напудренный такъ изящно какъ только можно быть напудреннымъ въ дорогѣ. Онъ при помощи людей вынулъ меня изъ кареты съ заботливостью, свойственною только другу или доктору. Это въ самомъ дѣлѣ былъ докторъ.

При видѣ высокихъ черныхъ стѣнъ, посреди которыхъ очутился, я воображалъ, что попалъ въ руки респу-

бликанцевъ, и что меня заключаютъ въ крѣпость въ родѣ Бастиліи. Но окружавшіе меня были не Французы. Тотъ, котораго я принялъ за доктора, говорилъ съ людьми на языкѣ столько же для меня непонятномъ какъ и нѣмецкій. Хотя фізіономіи этихъ людей были очень мрачны и однообразный костюмъ много походилъ на мундиръ тюремной стражи, однако жъ я скоро убѣдился, что это была просто ливрея дворовыхъ людей какого-то барина, вѣроятно, барона Лиденича. Но гдѣ, въ какой землѣ находился его замокъ, этого я не могъ сообразить, потому что рѣшительно не зналъ, сколько дней могло быть употреблено на путешествіе.

Меня перенесли въ огромную комнату, освѣщенную двумя окнами, пробитыми въ стѣнѣ непомѣрной толщины, и положили на старинную массивную кровать, которая стояла въ углу, за огромною изразцовою печью съ колоннами и арабесками лѣпной работы. Старинная рѣзная и когда-то роскошная мебель хотя была очень массивна, однако жъ терлась въ пространномъ покоѣ, который безъ печи могъ бы показаться совершенно пустымъ.

Уложивъ въ постель, докторъ посадилъ подлѣ меня женщину, выстроилъ на столѣ баттарюю стеклянокъ и чашекъ съ макстурами и исчезъ прежде нежели я успѣлъ спросить его, гдѣ я и что со мною будетъ. Онъ, вѣроятно, торопился отдохнуть съ дороги.

И такъ подлѣ меня новое лицо, также незнакомое, женщина. Въ моемъ положеніи это требовало зрѣлаго размышленія. Я припомнилъ лучшія свои теоріи касательно обращенія съ женщинами во всякомъ положеніи. Настоящее мое было по-крайней-мѣрѣ очень сомнительно.

Если бы женщина, которая сидѣла подлѣ моего изголовья, была молоденькая или старуха, я легко могъ бы составить планъ дѣйствій. Но она, какъ мнѣ казалось, находилась именно въ той опасной серединѣ, когда съ одной стороны лезть, сказанная не впадать или несообразно съ расположеніемъ духа слушающей легко можетъ поджечь гнѣвъ, а съ другой неудовлетворительное, недовольно полное удивленіе такъ же легко оскорбляетъ самолюбіе. Положеніе мое было затруднительно. Будь я по-моложе, лѣтъ

осьмнадцати, напримѣръ, сидѣлка моя, по свойственному женщинамъ всѣхъ климатовъ и всѣхъ породъ такту сама указала бы мнѣ путь и опредѣлила бы взаимныя отношенія и, конечно, извинила бы и лишнюю горячность и слишкомъ большую холодность, поставила бы одно на счетъ молодости, другое на счетъ застычивости и неопытности. Но я, по зрѣлости своей, не могъ имѣть притязанія на такую снисходительность. Я принужденъ былъ самъ опредѣлить отношенія и, обдумавъ какъ слѣдовало, рѣшился подружиться съ этою женщиной во что бы то ни стало, потому что для меня дружба женщины, сравнительно съ дружбою мужчины, всегда имѣла цѣнность полуимперіала въ сравненіи съ четвертакомъ.

Чтобы не дать промаху, я предварительно съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ мою охранительницу. Меня поразила странность ея костюма, но еще больше ея лицо. Цвѣтъ кожи ея имѣлъ теплый оливковый оттѣнокъ, почти такой же какъ у маленькой Индіянки, которую убила ревнивая Ниджайра. Но живость ея движеній, тонкость и гибкость членовъ, изящныя контуры лица и угловатая сухость лба придавали ей какое-то могущество и энергію, которыя были совершенно противоположны лѣнливой нѣгѣ монхъ невольницъ. Въ глазахъ ея въ буквальномъ смыслѣ горѣлъ огонь. Даже каждый зубъ ея какъ-будто издавалъ по лучу чуднаго блеску, такъ, что перломутръ и жемчугъ были бы дрянными сравненіями. Черные какъ смоля и слегка выющіеся волосы, заплетенные въ широкія косы, виспадали далеко ниже поясицы. Нарядъ ея состоялъ изъ краснаго каззкина, застегнутаго на груди серебряными пуговицами и синей саржевой юбки, изъ-подъ которой выходилъ подолъ другой юбки, красной, узорчато вышитый чернымъ шелкомъ. Маленькая, удивительно изящная нога была обута въ остроконечныя желтыя полусапожки, задернутыя золотыми шурками и отороченныя узенькимъ бобромъ. Все это было довольно странно, однако живописно.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней я не видалъ никого кромѣ этой женщины и доктора, который каждое утро навѣщалъ меня на нѣсколько минутъ, но не говорилъ со

мною ни слова, а совѣщался только съ моею сидѣлкою на какомъ-то бѣсовскомъ языкѣ, который, кажется, еще хуже нѣмецкаго. Того я не понималъ, но могъ по-крайней-мѣрѣ опредѣлить: я зналъ, что онъ нѣмецкій, а этотъ былъ, просто, какой-то нечеловѣческій. Изъ всѣхъ этихъ непонятныхъ совѣщаній я понималъ только то, что мнѣ слѣдуетъ хранить молчаніе, а какъ при всякой попыткѣ произнести слово я чувствовалъ нестерпимую боль, то и разсудилъ, что молчаніе предписано мнѣ медициною.

Между-тѣмъ участь моя была мнѣ всё-еще совершенно неизвѣстна. У друзей ли я находился или у недруговъ? Никто не объяснялъ мнѣ этого. Враги, конечно, не берегутъ такъ осторожно жизнь человѣка, котораго хотятъ убить. Врагами моими могли быть только бароны Лиденичи: что они могли сдѣлать со мною, этого я не понималъ. Друзей же я не насчитывалъ тогда ровно никого на свѣтѣ. Притомъ, друзья обыкновенно имѣютъ привычку объяснять свои намѣренія. Такое сомнѣніе было довольно безпокойно, однако жъ не имѣя ни какой особенной цѣли въ жизни и уже рѣшившись однажды считать эту жизнь пропащею, я не очень тревожился, прозябалъ-себѣ довольно равнодушно и по-маленьку выздоравливалъ не зная самъ, что буду дѣлать съ совершеннымъ здоровьемъ.

Такъ прошла недѣля. Не будучи въ-состояніи говорить, я посматривалъ на мою хозяйку такъ пристально, что она не могла обратиться ко мнѣ безъ того, чтобы взоры наши не встрѣтились. Въ первое время этой игры глазами она воображала, что я желаю чего-нибудь, и то поправляла мнѣ изголовье, то подавала какое-нибудь питье, иногда даже призывала двухъ гадкихъ огромныхъ уродовъ, которые поднимали меня съ постели. Но я съ нетерпѣніемъ отвергалъ ихъ услуги и только тогда, когда она наединѣ отыскивала средства отвѣтить мнѣ, бралъ вмѣсто чашки съ питьемъ ее руку, которую нѣжно пожималъ и иногда подносилъ къ губамъ. Это могло пойти за выраженіе признательности и за любовь,—всѣ-равно. Но только я замѣтилъ, что хозяйка моя стала еще заботливѣе и предупредительнѣе прежняго. Когда же я сталъ обращаться къ ней съ вопросами, она знаками показала, что ничего не пони-

масть. Потомъ она сама указала мнѣ средство къ объясненію: она подала мнѣ клочокъ бумаги и карандашъ. Я написалъ эти слова:

«Гдѣ я? у кого я нахожусь!»

Она взяла бумажку, долго разсматривала и потомъ спрятала въ карманъ. Я заключилъ, что она хочетъ дать кому-нибудь перевести. Между-тѣмъ я успѣлъ кое-какъ объяснить ей, что желаю знать ея имя. На это она, также посредствомъ знаковъ, отвѣчала, что это ей запрещено, слѣдовательно я не могъ ожидать удовлетворительнаго отвѣту и на написанный вопросъ. Уединеніе мое даже вдвомя съ этой женщиной было дотога однообразно и безмолвно, что я лежалъ какъ-будто бы въ могилѣ: до меня не доходилъ ни одинъ звукъ извнѣ, ни человѣческіе шаги, ни лай собаки, ни топотъ лошади, ровно ничего кромѣ легкаго шороху платья моей хозяйки, раза два-три въ день осторожно отпираемой двери и каждое утро нѣсколько минутъ разговору доктора на неизвѣстномъ языкѣ. Этого часу, какъ единственнаго развлечения, я дождался каждое утро съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ-будто бы могъ понимать, что они говорятъ. Я слушалъ ихъ всегда съ безпокойствомъ и любопытствомъ человѣка, который подслушиваетъ рѣшеніе своей жизни, и мнѣ даже казалось иногда, что я угадываю смыслъ ихъ рѣчей.

Въ то утро, о которомъ я рассказываю, разговоръ этотъ былъ оживленнѣе обыкновеннаго. Разныя жесты и взгляды на меня повели меня къ заключенію, что въ замокъ пріѣхалъ кто-то, имѣющій отношеніе ко мнѣ. Я не обманулъ. Подъ вечеръ, когда моя хозяйка обыкновенно оставляла меня одного, я услышалъ шумъ,—звукъ тяжелыхъ цѣпей подъемнаго мосту, топотъ лошадей и стукъ экипажей на дворѣ замка. Въ нѣсколько минутъ нѣмыя стѣны оживились: слышно было, что въ нихъ поселились люди. Я затрепеталъ отъ удовольствія на моей постелѣ. Пріѣздъ этотъ, конечно, могъ быть и роковымъ для меня, но по-крайней-мѣрѣ я надѣялся, что увижу наконецъ кого-нибудь, съ кѣмъ могу слово сказать; узнаю, гдѣ я; зачѣмъ меня спасли и что намѣрены дѣлать со мной. Между-тѣмъ часы таялись, а никто не приходилъ ко мнѣ.

Жизни и движенія было много за мою дверь, но ко мнѣ они, казалось, не думали вернуться. Я начиналъ терять терпѣніе и наконецъ рѣшительно встревожился, когда прошло время возвращенія моей хозяйки. Она не приходила, чтобы, по обыкновенію, приготовить мнѣ питья на ночь и пойти спать за ширмы по другую сторону огромной печи. Нетерпѣніе мое превратилось въ тоску. Послѣ этого, я вѣрю, что бываютъ часы, когда заключенный въ темницу готовъ предпочесть своему уединенію даже приходъ палача. Безпокойство придало мнѣ силы, въ которыя я за минуту самъ не повѣрилъ бы. Я въ первый разъ въ продолженіи этой болѣзни всталъ съ постели безъ пособія и потащился сперва къ двери, которая была на-крѣпко заперта извнѣ, потомъ къ окну, откуда увидѣлъ обширный дворъ замка. Ночь была темная, но прямо противъ моихъ оконъ, на противоположномъ концѣ двора, нераздѣльно съ прочими флигелями стояло зданіе, похожее на церковь. Оно было великолѣпно освѣщено. Черезъ большую отворенную дверь лилось цѣлое море свѣту, раздѣленное на два потока: нижняя половина была яркая, бѣлая, огненная; верхняя сквозь разноцвѣтныя стекла большаго полукружія играла всѣми отливками радуги. Красота этого зрѣлища такъ поразила меня, что я долгое время любовался на него не думая ни о чемъ другомъ. Мало-по-малу предметы стали рисоваться опредѣленнѣе въ моихъ глазахъ: я примѣтилъ у входу въ церковь людей съ бердышами въ какихъ-то странныхъ костюмахъ. Они ходили взадъ и впередъ мимо сіяющей двери и какъ-будто чего ожидали. Потомъ они засуетились и смѣрно стали по мѣстамъ. Черезъ дворъ, по діагонали, изъ угла, котораго я не могъ видѣть, потянулась длинная цѣпь какой-то процессіи. Впереди шло человѣкъ двадцать ливрейныхъ слугъ съ факелами; за ними человѣкъ двѣнадцать мужчинъ и женщинъ, по-парно, съ важностью держась за руки. Всѣ были въ богатыхъ костюмахъ, блестящихъ золотомъ, серебромъ и камнями. По обѣимъ сторонамъ ихъ шли также лакеи въ пышныхъ княжескихъ ливреяхъ. Позади этихъ шести паръ шла пара особенно примѣтная: мужчина совершенно залитый въ золото и дама въ великолѣпномъ бѣломъ

шелковомъ платьѣ, съ короною изъ брилліантовъ, съ длиннымъ газовымъ покрываломъ на головѣ, какъ у невѣсты. Позади этой пары шло двое мужчинъ, одинъ средняго росту, одѣтый довольно скромно, а другой колоссальный, тоже очень пышно разряженный. Цѣпь заключала толпа, по-видимому, женской прислуги и пажи.

Видъ сіяющаго солнца и бѣлой дамы въ брилліантовой коронѣ породилъ во мнѣ догадку, которую появленіе столь же блестящаго гиганта превратило въ достовѣрность. Я находился во власти барона Лиденича и, вѣроятно, въ одномъ изъ его германскихъ замковъ. Стало-быть, бѣлая дама была Гертруда. Чтѣ же тогда значила эта церемонія? Конечно, это была ея свадьба, а товарищъ молодаго барона—ея женихъ. Мною овладѣли странныя противоположныя чувства: сперва какъ-будто изумленіе и досада, какъ-будто ревность; потомъ радость, потомъ сомнѣніе и страхъ. Чтѣ же послѣ этого будетъ со мною? подумалъ я. Но силы мои уже истощились: я чувствовалъ, что изнемогаю, и хотѣлъ отправиться назадъ въ постель. Въ трехъ шагахъ отъ окна я упалъ и лишился чувствъ.

Мнѣ уже на роду, вѣрно было написано совершать невѣдомыя безсознательныя путешествія. Очнувшись я нашелъ себя въ глубокомъ мракѣ, на постелѣ. Прежнее стѣсненіе въ раненой груди, столько затруднявшее мнѣ рѣчь, возвратилось. Я едва могъ вздыхать. Ктому еще прибавился родъ горячечнаго бреда, отъ котораго комната казалась мнѣ наполненною призраками: Гертруда представлялась плачущею, отчаянною; молодой Лиденичъ грозилъ мнѣ огромнымъ молотомъ или палицею, а почтенный отецъ его, сидя верхомъ на какомъ-то чудовищѣ, дѣлалъ мнѣ страшныя гримасы, и, посреди всего этого, мелькали то бородатый, грозный Типпо-Сабъ, то Ниджайра съ кипжаломъ въ спинѣ. Все это двигалось и плясало вокругъ меня подъ звуки музыки, которую я слышалъ совершенно явственно. Этотъ маскарадъ, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, окончился тяжелымъ усыпленіемъ, которое мнѣ казалось предвѣстникомъ смерти, такъ стѣснено было у меня сердце. Когда я проснулся вторично, вокругъ меня была та же темнота. Но тонкій лучъ свѣту.

пробивавші йся сквозь щель, показалъ мнѣ что единственное узе нѣкое окно, въ нѣсколькихъ футахъ отъ полу, было извнѣ заколочено досками. Я находился уже въ другой комнатѣ, на другой постелѣ. Вотъ, чего стоило мнѣ мое любопытство!

Я старался разсмотрѣть свое новое жилище, но бѣдная звѣздочка, оставленная въ стѣнѣ темницы, давала такъ мало свѣту, что я рѣшительно не могъ ничего разглядѣть. Я протянулъ руку и натолкнулся на огромную кружку. Жажда меня мучила. Я взялъ кружку и сталъ пить, что было запрещено мнѣ подь опасеніемъ смерти. Утоленіе жажды доставило мнѣ невыразимое наслажденіе. Я отдохнулъ и ждалъ, но напрасно: звѣзда моя мало-по-малу померкла; снова настала тьма. Я провелъ цѣлыя сутки и никто, никто не вспомнилъ обо мнѣ, съ тѣхъ-поръ какъ я былъ перенесенъ въ этотъ склепъ. Я напился еще воды и, чтобы утѣшиться, заснулъ такъ крѣпко, какъ-будто бы покоился на султанскомъ ложѣ Тишо-Саиба.

Я проснулся на разсвѣтѣ, и видѣлъ какъ звѣздочка моя просвѣтлялась мало-по-малу до яркаго блеску, потомъ опять такъ же постепенно меркла, и исчезла. Прошелъ второй день. Мнѣ стало страшно. Я съ трепетомъ и содроганіемъ понялъ, что меня заключили въ эту темницу на голодную смерть. Эта мысль была ужасна. Какъ стравенъ человекъ! Я уже давно рѣшился умереть, я ждалъ смерти терпѣливо, когда не зналъ, въ какомъ видѣ она предстанетъ. Теперь же, когда она была опредѣлена, я утѣшилъ себя и, вмѣсто-того чтобы оставаться въ безчувственномъ забытій изнуренія, которое, вѣроятно, привело бы меня въ объятія смерти нечувствительно, я хватался за свою кружку какъ за спасеніе и съ жадностью глоталъ воду для поддержанія слабѣющихъ силъ. И тутъ-то я основательно узналъ, какъ мало толку въ медицинѣ. Втеченіи цѣлаго мѣсяцу я былъ въ такомъ изнеможеніи, что едва дышалъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго возыву на нищу; одинъ глотокъ холодной, невареной воды, по словамъ доктора, убилъ бы меня съ-разу. А черезъ три дня совершенно своевольнаго леченья я сталъ дышать со-

вершено свободно, ходилъ изъ угла въ уголъ по своей темницѣ и чувствовалъ слабость только оттого, что былъ ужасно голоденъ.

Настала третья ночь. Я выпилъ послѣднюю каплю воды еще около полудня. Жажда меня мучила уже столько же какъ и голодъ. Я легъ на жесткую кровать и заплакалъ съ отчаянiя. Да, я заплакалъ. Это, конечно, большая слабость, постыдная слабость, но человѣкъ бываетъ твердъ только при людяхъ или тогда, когда готовится встрѣтиться въ борьбѣ съ людьми. Но одинъ на одинъ голодною смертию — другое дѣло. Кто умретъ такимъ образомъ не поморщившись, тотъ пусть и осудитъ меня. Другаго суда я не признаю. Смѣло повторяю, я плакалъ съ отчаянiя, потому что голодная смерть—ужасна. Потомъ я покаялся Богу въ грѣхахъ моихъ. Но какъ надежда даже въ самую очевидно неминуемую минуту смерти еще можетъ обитать въ сердцѣ человѣка, то къ раскаянiю моему я прибавилъ обѣтъ непремѣннаго и чистосердечнаго исправленiя, если какъ-нибудь избавлюсь отъ смерти. Чтобы лучше обезпечить и еще подкрѣпить этотъ обѣтъ, я самъ себя далъ честное слово благороднаго человѣка, что совершенно посвящу свою жизнь Гертрудѣ, чтобы спасти ее, служить ей, охранять ее и отомстить за нее, если это будетъ нужно.

Случай ли то былъ или предопредѣленiе, только едва я кончилъ свои обѣты, мнѣ послышался шумъ, стукъ желѣзныхъ затворовъ. Дверь отворилась, показался красноватый свѣтъ, вошелъ одинъ изъ уродовъ, которые помогали моей сидѣлкѣ услуживать мнѣ; потомъ вошелъ другой; вотомъ голосъ, ея голосъ, сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ. Однако она не вошла. Я притаялся и ждалъ. Одинъ уродъ поставилъ свѣчу на полъ и оба подошли ко мнѣ. Голосъ хозяйки повелительно кликнулъ ихъ; они вышли, опять воротились и поставили подлѣ моей кровати, на полу что-то длинное, узкое, бѣлое.... Это былъ гробъ. Я окаменѣлъ отъ ужасу. Я былъ еще живъ, а меня собирались уже хоронить. Я не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенiя, не по расчету, а просто потому что не могъ. Уроды опять подошли ко мнѣ. Одинъ взялъ меня

за ноги. Я не трогался. Но когда другой принаровился взять меня за голову, зубы у меня застучали, я однимъ напряженіемъ собралъ все, что было во мнѣ силы и такъ треснулъ мошонника по-уху, что онъ повалился въ гробъ и взвылъ, какъ полу-раздавленная собака.

Я не успѣлъ еще сказать слова, какъ оба уroda уже исчезли. Хозяйка моя, напротивъ, вошла. Я бросился къ ея ногамъ, обнялъ колѣни, просилъ, умолялъ, заклиналъ, чтобы она спасла меня. Если она не понимала словъ, такъ она понимала мысль мою. Но рѣчь человѣка въ моемъ положеніи понятна на всякомъ языкѣ. Она зажала мнѣ ротъ рукою и, оправившись отъ перваго изумленія и ужаса, взяла меня за руку, заставила встать и вывела изъ темницы. Потомъ она воротилась туда на минуту, опять вышла, заперла дверь на замокъ и мы остались въ глубокомъ мракѣ. Не могу опредѣлить, сколько корридоровъ и маленькихъ лѣстницъ мы прошли, но наконецъ извинительница ввела меня въ маленькую квартиру, очень удобную и почти роскошную.

Едва мы вошли, по замку поднялась тревога. Извинительница протолкала меня далѣе, въ какой-то кабинетъ и вскорѣ я услышалъ, что въ первую комнату вошли люди. Причину этой тревоги я узналъ уже долгое время спустя. Тѣта,—такъ звали женщину,—возвращалась въ мою темницу затѣмъ, чтобы подsunуть оставленную уродами свѣчу подъ мое соломенное ложе, которое благополучно и загорѣлось, дымъ распространился, люди засуетились и узнавъ о приключеніи съ мертвецомъ, бросились къ заколоченному окну, оторвали ставню, вышибли стекло и дали свободу огню. Ключъ отъ двери Тѣта долго искала и когда наконецъ нашла, когда желѣзную дверь чулана отворили, никто не рѣшался войти въ смрадный дымъ; гдѣ подъ крѣпкими каменными сводами совершенно безопасно долѣвала старая солома и нѣсколько источенныхъ червями досокъ. Изъ двухъ помощниковъ Тѣты, одинъ былъ совершенно глупъ и нѣтъ какъ рыба. Онъ не умѣлъ ничего разговаривать. Другой, получившій оплеуху, имѣлъ претензію на умъ и разболталъ тайну о томъ, какъ въ замкѣ содержался заключенный, какъ этотъ арестантъ умеръ и

мертвецомъ ходилъ по темницѣ и какъ его наконецъ вартъ унесъ черезъ окошко въ огненной колесницѣ. Но легенда эта не успѣла хорошенько обработаться, потому что рассказчикъ на другой же день пропалъ изъ замку безъ вѣсти. Тѣта, съ своей стороны, объяснила, кому слѣдовало, это происшествіе такимъ образомъ: два уреда безтолково испугали одинъ другаго, уронили свѣчу на солому, солома загорѣлась, и все сгорѣло, а она, Тѣта, и предоставила огню истребить слѣды преступленія, которыя поручено было ей похоронить въ землю.

Спустя нѣсколько часовъ избавительница моя воротилась ко мнѣ и принесла, чѣмъ подкрѣпить силы. Я былъ слишкомъ близокъ къ смерти, чтобы не чувствовать сильной охоты пожить. Впродолженіи трехъ или четырехъ дней послѣ столь продолжительнаго воздержанія, я сомнѣвался въ успѣхѣхъ моей новой методы леченія. Но наконецъ желудокъ взялъ верхъ и въ недѣлю я уже такъ оправился, что могъ свободно вставать и ходить.

Квартира, гдѣ я скрывался, принадлежала Тѣтѣ совершенно исключительно и была расположена и убрана очень удобно и даже роскошно. Въ ней можно было прожить цѣлую жизнь не выходя ни на шагъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ были проведены колокольчики для призыванія слугъ, которые ежедневно приносили хозяйкѣ завтракъ и обѣдъ, со всѣмъ приборомъ, въ закрытой корзинкѣ, такъ что, когда слуги уходили, мы могли кушать вдвоемъ безъ всякой помѣхи. Кабинетъ, который Тѣта отдала въ полное мое распоряженіе, по-видимому прежде служилъ ей уборною. Войти въ него надобно было черезъ большую комнату, которая служила Тѣтѣ спальнею, гостиной и столовою вмѣстѣ. Всторонѣ были еще двѣ какія-то комнаты, которыя однако жъ оставались безъ всякаго употребленія и куда мнѣ не позволено было заглядывать, потому что онѣ выходили окнами на дворъ. Единственное окно уборной выходило противъ какой-то высокой стѣны, такъ что даже неба не было видно. Тамъ Тѣта проводила большую часть времени; туда Тѣта заходила Ноня въ замкъ, когда сама уходила куда-нибудь.

Я ѣлъ, пилъ и спалъ очень хорошо, однако жъ нѣмало

доставало солнца и свѣжаго, вольнаго воздуху, которые также составляютъ необходимую пищу для всякаго живаго существа. Я, кажется, охотно отдалъ бы тогда какой угодно палець съ лѣвой или правой руки, чтобы мнѣ только позволили подойти и выглянуть за то окно въ спальной Тѣты, которое выходило въ поле.

По ночамъ только Тѣта позволяла мнѣ подышать у этого окна свѣжимъ воздухомъ и тогда я могъ разсмотрѣть, что нахожусь въ укрѣпленномъ замкѣ, посреди обширной и совершенно пустынной равнины. Никогда я не видывалъ въ глухой окрестности ни малѣйшаго признаку жизни, ни искры свѣту. Окно это было падъ рвомъ, въ осмидесяти или девяноста футахъ надъ поверхностью земли. Следовательно, о побѣгѣ черезъ это окно невозможно было и думать. Тѣта, вѣроятно, тоже не видѣла еще никакого средства выпроводить меня изъ замка: иначе она, конечно, не стала бы держать меня подъ явною опасностью для самой себя. Предать же меня она, разумѣется, не была намѣрена, хотя я и въ этомъ иногда сомнѣвался.

Между-тѣмъ мы старались, каждый съ своей стороны, понимать другъ друга, какъ могли. Чтò касается до предметовъ первой потребности въ домашней жизни, то это скоро уладилось. Тѣта называла мнѣ вещи по именамъ и я затверживалъ эти имена. Изъ этого часто выходили у насъ забавныя сцены и между прочимъ одна, которая началась смѣхомъ и кончилась сперва слезами, потомъ.... но вы увидите.

Въ день моихъ похоронъ я соскочилъ съ постели въ состояніи человѣка, который лежалъ въ постелѣ, стало-быть, пришедши къ Тѣтѣ я легъ на указанное мѣсто въ состояніи человѣка, который ложится спать. Вставая потомъ, я укутывался какъ могъ въ одѣяла и простыни. Этотъ костюмъ былъ довольно неудобенъ и я далъ Тѣтѣ уразумѣть, что мнѣ чрезвычайно лестно было бы нарядиться въ штаны. Я желалъ, чтобы она добыла мнѣ французскій костюмъ, подобный тому, какой у меня былъ, и для того объясняя жестами разныя принадлежности его, старался передъ нею въ позитурѣ въ своемъ старомъ, перепоясанномъ шелковымъ снуркомъ, босикомъ,

съ одичавшею бородою. Фигура моя, конечно, должна была показаться ей довольно уморительною. Тёта захохотала точно такимъ же хохотомъ, на какой я отвѣчалъ Ниджайрѣ кинжаломъ въ спину.

Другія времена, другіе нравы. Виѣсто-того чтобы метнуть ножомъ, я прибѣгнулъ къ мольбамъ и Тёта утѣшила меня обѣщаніемъ доставить все нужное. Она отперла шкафъ и вынула цѣлый костюмъ,—турецкіе шпирокіе шаровары, шелковые чулки, туфли и шелковый халатъ. Все это, конечно, было спрятано не для меня. Кому принадлежалъ костюмъ, этого я, разумѣется, не смѣлъ спросить, да и не думалъ. Прежде этого я уже нѣсколько разъ производилъ ния Лиденичъ, но Тёта всегда оставалась совершенно безстрастною при этомъ имени. Она, казалось, вовсе не знала его. Но теперь мнѣ было вовсе не до Лиденичей. Тёта вышла въ другую комнату и я съ радостью принялся наряжаться. Когда это было кончено, видъ мой такъ понравился Тётѣ, что она сама принялась доканчивать мой туалетъ, расчесала мнѣ волосы, подстригла бороду ножницами и потомъ подала маленькое зеркало, чтобы я тоже могъ полюбоваться на себя. Я два мѣсяца уже не видалъ себя. Когда я расстался съ моимъ лицомъ, въ Марселѣ, оно было оливковое, какъ у Индѣйца. Теперь оно было блѣдно какъ саванъ; я потерялъ себя изъ виду долгаго, румянаго, а встрѣтилъ исхудавшаго, тощаго какъ щепку. Носъ занималъ половину моего лица. Взявши зеркало въ руки, я приготовился было улыбнуться себѣ, а когда взглянулъ, сдѣлалъ рожу довольно постыную, должно-быть, потому что Тёта опять захохотала во все горло. Это раздосадовало меня. Я швырнулъ безсовѣстное зеркало объ стѣну, такъ, что оно разлетѣлось въ дребезги.

Метнувъ въ Ниджайру кинжаломъ я поступилъ, конечно, не хуже и не опаснѣе. Я вамъ выразить не могу бѣшенство Тёты при видѣ этого разбитаго зеркала? она взлила на меня цѣлыя рѣки криковъ, полъ которыми разумѣла, вѣроятно, порядочно крупную брань. Потому она со слезами отчаянія принялась подбирать осколки зеркала.

Я потому рассказываю объ этомъ, на-видъ, ничтожномъ, происшествіи, что оно было причиною весьма важныхъ событій впоследствии.

Однажды ночью, когда я спалъ сномъ безмятежнымъ, вдругъ пробуждаюсь отъ сильного стуку у вѣшнихъ дверей. Вообразивъ, что Тётъ угрожаетъ опасность, я вскочилъ и побѣжалъ на помощь къ ней. Но она протолкала меня назадъ въ мой кабинетъ, и заперла. Я еще не успѣлъ разобратъ, что бы это значило, какъ услышалъ голосъ мужчины, который говорилъ отрывисто, громко и повелительно. Отвѣты моей хозяйки казались мнѣ чрезвычайно нѣжными и перемѣшивались съ радостными восклицаніями.

Сколько я могъ догадываться по тону рѣчей, говорящей допрашивалъ Тёту, а по одному слову, которое означало по-венгерски арестанта, я понялъ, что дѣло идетъ обо мнѣ. Не знаю, какими чарами Тёта укротила этотъ бурный и грозный допросъ, но скоро за нимъ послѣдовалъ спокойный рассказъ Тёты, который заключился одобрительнымъ выраженіемъ слушателя. Я счелъ почтеннаго полуночнаго гостя совершенно убѣжденнымъ и обманутымъ какъ слѣдуетъ, и, не желая подслушивать, какими средствами Тёта утвердить за собою побѣду, отправился въ свой уголъ и осторожно легъ на диванъ.

Судите же о моемъ ужасѣ, когда дверь вдругъ отворилась и Тёта, продолжая весело и шутовски разговаривать, вошла въ мою комнату, взяла туфли, халатъ и турецкіе шаровары, въ которыхъ я щеголялъ нѣсколько дней и которые лежали подлѣ меня на стулѣ. При косвенно впадавшемъ тускломъ свѣтѣ отъ одной свѣчи я увидѣлъ въ рамѣ двери силуэтъ мужчины въ мѣховомъ венгерскомъ полукафтанѣ. Онъ также готовился войти, но Тёта съ притворствомъ кошки захватила принадлежности моего костюма и выбѣжавъ на встрѣчу увлекла нетерпѣливаго съ собою. Она хотѣла опять затворить дверь, но какое-то замѣчаніе гостя побудило ее оставить это.

Въ числѣ ливій силуэта я примѣтилъ между прочимъ луку-турецкой сабли. Это привело мнѣ на мысль Типпо-Сампа и множество различныхъ обстоятельствъ, которыя

могутъ повториться черезъ такое оружіе, когда оно очутится въ сильной рукѣ. Я дышалъ такъ тяжело, что, если бы Тѣта не говорила очень много и громко, полуночный гость могъ бы подумать, что находится въ сосѣдствѣ какого-нибудь тюлена.

Сколько я ни рассуждалъ объ опасности, но не могъ дышать по-легче. Посѣщеніе этого чорта возвратило мнѣ мою грудную болѣзнь. Вдругъ я услышалъ новый стукъ и потомъ опять наступила тишина. Я догадался что Тѣта вышла. Я остался одинъ, почти нагой, съ человѣкомъ, у котораго была въ распоряженіи, вѣроятно, очень хорошая дамасская сабля.

Чего не могла сдѣлать вся моя храбрость, то въ одинъ мигъ сдѣлано было приращеніемъ страху. Я пересталъ сопѣть. Я дышалъ трудно, открытымъ ртомъ, но безъ малѣйшаго шума.

Между-тѣмъ гость прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ и скоро я почувствовалъ чѣмъ онъ занимался: по всей квартирѣ распространился крѣпкій запахъ табаку. Надобно вамъ замѣтить, что табачнаго дыму я никогда не могъ выносить: онъ всегда возбуждалъ у меня страшный кашель. Гость довольно дѣлательно расхаживалъ. Вдругъ я кашлянулъ; онъ остановился. Я зажалъ ротъ обѣими руками; онъ опять сталъ ходить. Я задыхался..... я снова кашлянулъ. Онъ изумительно ругнулъ этотъ кашель и, не знаю, по какому чуду, вмѣсто-того чтобы идти въ мою комнату, пошелъ и отперъ другую дверь и почти въ то же мгновеніе я услышалъ другой мужской голосъ, который тотчасъ узналъ. Это былъ мой докторъ. Послѣ двухъ или трехъ словъ на мѣстномъ нарѣчій, я услышалъ слѣдующее:

— Будемъ говорить по-французски. Вы знаете Тѣту: у нея залъче ухо. Она можетъ подойти незамѣтно и подслушать.

— Гдѣ же она?

— Пошла за ужиномъ. Но говорите тише. Надобно, чтобы не только Тѣта не поняла, о чемъ мы говоримъ, но чтобы никто не зналъ о моемъ приѣздѣ.

Докторъ сивалъ что-то такъ тихо, что я не могъ слышать.

— Ну, что же, продолжалъ другой: были вы въ подвалѣ?

— Былъ.

— Разсматривали?

— Разсматривалъ, хотя, признаюсь, рыться въ золь и угольяхъ, чтобы открыть остатки сжареннаго трупа—занятіе очень не привлекательное.

— Я плачу вамъ за это. Но, наконецъ, что же вы нашли?

Отвѣтъ немножко промедлился. Будучи совершенно правдивъ, онъ могъ погубить меня. Но докторъ, по причинѣ, которую я тогда напрасно старался разгадать и которая, какъ я узналъ впоследствии, заключалась просто въ отвращеніи его къ новому разысканію, отвѣчалъ:

— Да, я нашелъ остатки трупа.

— Надобно истребить ихъ совершенно, замѣтилъ повелитель: я плюю на то, что въ окрестныхъ деревняхъ станутъ рассказывать, будто чортъ унесъ мертваго арестанта изъ моего замку. Но я не хочу, чтобы слухъ объ этомъ сгорѣніи дошелъ какъ-нибудь до М....., который такъ золь на меня, что повѣрить всему на свѣтѣ, что невыгодно для меня. Я не хочу, чтобы въ случаѣ, если меня удостоятъ дружескаго посѣщенія, въ подвалахъ моихъ отыскались обгорѣвшія человѣческія кости.

— Это уже мы очистимъ.

Собесѣдники замолчали на нѣсколько времени и я могъ пораздумать.

Я находился у знатнаго барина. Докторъ величалъ его княземъ. Но кто этотъ князь? Любопытство мое было до такой степени возбуждено, что я уже безъ кашлю вдыхалъ табачный дымъ.

— Что отвѣчала вамъ моя дочь? вдругъ спросилъ курьеръ.

— Я приказалъ гайдуку передать ваше письмо горничной дѣвушкѣ, такъ, чтобы графиня тотчасъ же получила его, и мнѣ черезъ нѣсколько минутъ отвѣчали, что она прійметъ меня завтра утромъ.

— Застрафъ вскричалъ князь: но мнѣ до разсвѣту непремѣнно нужно уѣхать!

— Нельзя же мнѣ было насильно ворваться.

— Но письмо было ясное, отчетливое: я приказывалъ ей принять васъ тотчасъ же, въ ту же минуту. Что же вы сказали?

— Я пришелъ спросить, что вы прикажете.

— И вы уже полчаса здѣсь, а не сказали мнѣ ни слова!

— Вы сами изволили заговорить о другомъ, ваше сіятельство.

Его сіятельство ругнулъ на своемъ отечественномъ языкѣ, такъ, что окна задрожали. Я сто разъ имѣлъ случай примѣтить, что человѣкъ, разсердившись, на какомъ бы языкѣ ни говорилъ, всегда для брани прибѣгаетъ къ помощи своего отечественнаго. Это дѣлаетъ честь общей филологіи языковъ.

— Идите сейчасъ, продолжалъ князь, идите къ моей дочери, требуйте свиданія сію же минуту, настаивайте, грозите; отдайте второе мое письмо, если будетъ нужно, но добейтесь свиданія: это необходимо.... я такъ хочу. Вы понимаете, что я не могу уѣхать отсюда не разрешивъ этого сомнѣнія.

— Попытаюсь, отвѣчалъ докторъ и вышелъ.

Вслѣдъ за тѣмъ воротилась Тѣта. Я всё лежалъ пританцовывая на моемъ диванѣ. Застучали тарелки и ножи, разговоръ снова завязался, но по-венгерски. Я уже не трудился подслушивать. Черезъ часъ времени, подъ конецъ котораго по нетерпѣливымъ восклицаніямъ и брани князя я догадывался, что онъ досадуетъ на промедленіе доктора.

Наконецъ тотъ пришелъ. Тѣта опять вышла.

— Ну, что? спросилъ князь по-французски: видѣли вы ее?

Судя по нерѣшительнымъ отвѣтамъ и неровности голоса, докторъ находился подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго волненія.

— Да, отвѣчалъ онъ: я видѣлъ ее.

— Что же, замѣтили вы какіе-нибудь признаки?...

— На это не нужно было большой пронацательности и

медицинскихъ вѣдѣній: по первому моему вопросу о здоровьѣ она угадала мою мысль и призналась, что подозрѣнія ваши основательны.

Князь ударилъ кулакомъ по столу, такъ, что тарелки и стаканы со звономъ зашлепали. Венгерская рѣчь поднялась потокомъ. Князь ругался какъ пьяный навозчикъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Стало-быть, вы останетесь здѣсь, докторъ.

— Но....

— Это необходимо.... я такъ хочу. Я, въ письмѣ, доказалъ ей необходимость вашего присутствія, для того чтобы вы могли помочь ей скрыть свое состоянiе.... и, вы поняли меня.... у васъ на это должны быть средства.... питье какое-нибудь.... что хотите. Надобно, чтобы слѣды этого несчастія были уничтожены такъ же совершенно, какъ я уничтожилъ виновника. Полноте, докторъ; не смотрите на меня такимъ испуганнымъ теленкомъ. Вы вѣдь знали, зачѣмъ ѣхали сюда.

Докторъ не отвѣчалъ, но въ свою очередь сталъ играть роль тюленя: онъ сопѣлъ какъ кузнечный мѣхъ. А я утонулъ въ цѣломъ морѣ предположеній. Смыслъ рѣчей, испугавшихъ доктора, мало-по-малу показался мнѣ совершенно яснымъ. Я, очевидно, находился въ домѣ у того, котораго узналъ впервые подъ именемъ барона Лиденича, который однако жъ, вѣроятно, носилъ еще другое, по-знатчье.

— Полно же, докторъ, продолжалъ баронъ или князь, — Богъ его знаетъ: поужинаемъ и развеселимся. Нечего дѣлать, надобно рѣшиться. Вотъ и Тѣта идетъ. Не показывайте ей такой разстроенной, кислой физиономіи.

Тѣта пришла и разговоръ опять пошелъ по-венгерски о вещахъ, вѣроятно, очень забавныхъ, потому что князь много хохоталъ и Тѣта тоже. Мало-по-малу и докторъ развеселился, до того что сталъ хохотать. Я примѣтилъ, что онъ пьянъ. Князь всё болѣе и болѣе понуждалъ его пить. Наконецъ они встали изъ-за стола и докторъ, шатаясь, показался въ дверяхъ моей комнаты. Князь тоже подошелъ и втолкнувъ его, затворилъ дверь. Докторъ, спотыкаясь и толкаясь о стѣны, направился ко мнѣ. Я проворно

сидеть, чтобы дать ему мѣсто на диванѣ, но по дорогѣ они зацѣпились за мою ногу и, заверкаясь, стали шарить руками. Я притаялся въ углу за большимъ стуломъ.

— Какой чортъ!... здѣсь собака есть! вскричалъ докторъ.

Князь опять отворилъ дверь и сказалъ:

— Ну, что вы шумите, докторъ? Ложитесь, ложитесь здѣсь. Вамъ теперь не добратся до своей комнаты.

— Да здѣсь собака есть.... большая.... чуть не събила меня съ ногъ!

— Какая собака?... Съ ногъ-то ты и самъ свалишься. Тебѣ померещилась собака. Ложись, ложись; полно разговаривать.

Князь опять затворилъ дверь. Докторъ развалился на диванѣ ворча:

— Тубо, Касторъ.... тубо!

Я сидѣлъ въ углу и спрашивалъ себя, чѣмъ все это кончится. Кончилось такъ, какъ я могъ бы заранѣе предвидѣть. Князь и Тѣта съ полчаса еще разговаривали по-тише прежняго. Я не любопытствовалъ и не подслушивалъ.

Наконецъ они совершенно замолчали и въ безмолвіи ночи слышалось только тяжелое сопѣнье доктора и храпѣнье князя, который тоже заснулъ богатырскимъ сномъ.

Я всталъ. Часа четыре времени проведеннаго на иглокахъ, утомили меня, но я чувствовалъ, что величайшая опасность еще вовсе не миновала. Еще предстояло время пробужденія и отправленія: тогда я не укрылся бы отъ проспаивагося доктора. Нужно было рѣшиться на что-нибудь. Я тихонько отворилъ дверь, которая не скрипѣла вовсе и, по ковру, безъ всякаго шороху вышелъ въ комнату Тѣты. Свѣча, догорѣвшая вмѣстѣ съ бумагою, въ которую была вставлена въ подсвѣчникѣ, то вспыхивала большимъ мелькающимъ пламенемъ, то опять потухала. Не знаю, эта ли игра неопредѣленнаго свѣту обманула меня или воображеніе ужъ такъ было настроено, но картина, которую я увидѣлъ, изумила и ужаснула меня. Тѣта полулежа, спиною ко мнѣ, сидѣла на краю постели опершись локтемъ на изголовье и, казалось, пристально смотрѣла на спящаго, а въ спущенной съ постели правой рукѣ бле-

стѣлъ кивнокъ кивжала. Вдругъ она услышала меня и обернулась. Глаза ея сверкнули молніей. Кивкалъ исчезъ. Я сталъ выглядывать въ снѣгаго, чтобы узнать, точно ли это баронъ Лвденичъ. Я подошелъ по-ближе. Это точно былъ мой палачъ. Онъ спалъ крѣпко, но лицо его было искажено, въ углахъ рта пробивалась тѣва. Ему, вѣроятно, грезились убійства. Я взглянулъ на Тѣту. Она пожирала меня глазами: она какъ-будто спрашивала моего совѣту. Я дѣлалъ знаки, что мнѣ нужно укрыться. Въ отвѣтъ она продолжала пристально смотрѣть на меня. Я затрепеталъ при мысли, что могу понять ее, и отворотился. Потомъ, опять взглянувъ на нее, я примѣтилъ что страшное выраженіе ея лица мало-по-малу исчезаетъ. Изъ глазъ ея, постоянно устремленныхъ на меня, выкатились двѣ слезы; глубокій вздохъ вырвался изъ груди. Она въ свою очередь отвернулась.

Я стоялъ неподвижно какъ статуя. Черезъ минуту она тихонько встала, кивнула мнѣ, проводила въ одну изъ боковыхъ комнатъ и, наказавъ знаками не подходить къ окну, заперла меня на замѣкъ.

Я былъ въ безопасности и уже не думалъ о мгновенной печали моей покровительницы: не дотога было. Я думалъ, что-то будетъ со мною, если князь проснется и примѣтитъ, что около него не все въ такомъ порядкѣ, какъ онъ думаетъ, и если онъ вздумаетъ сдѣлать повальный обыскъ. Однако жъ и отъ этихъ мыслей меня мало-по-малу отвлекъ свѣтъ огня, который я примѣтилъ въ противоположномъ флигелѣ, черезъ широкій дворъ. Тамъ стало-быть, тоже кто-то проводилъ ночь безъ сна. Наконецъ стало свѣтать. Свѣчи погасли. Потомъ окно отворилось и въ немъ показалась фигура женщины. Я притаился за простѣнокъ окна и сталъ всматриваться. Разстояніе было довольно большое, окно—въ тѣни, однако жъ я разсмотрѣлъ, что женщина эта блондинка и, по прекраснымъ рукамъ, по стройному росту, по прекраснымъ глазамъ нельзя было не узнать Гертруды. Я заглядѣлся такъ, что совсѣмъ забылся о запрещеніи подходить къ окну и чуть-было не отворилъ окна въ свою очередь, какъ-вдругъ опамятовался услышавъ сардоническій отрывистый хо-

зотъ. Я оглянулся, передо мной стояла Тѣта. Она указала мнѣ Гертруду и проговорила нѣсколько словъ, которыя, по выраженію лица и по тону, понялъ такъ хорошо, какъ-будто бы они были сказаны на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Она хороша, не правда ли? спросила Тѣта.

И мнѣ показалось, что я понялъ отчего Тѣта такъ спросила. Она ревновала. Я хотѣлъ объяснить ей, что нахожу ее во сто разъ прекраснѣе той блондинки, но она съ холодною, презрительною улыбкой отвернулась и знакомъ велѣла мнѣ слѣдовать за собою. Я хотѣлъ-было, по обычаю, при встрѣчѣ съ нею, поцѣловать ея руку. Она сурово оттолкнула меня. Мы воротились въ ея комнату. Всѣ слѣды пребыванія доктора и князя исчезли. Тѣта не глядя на меня указала мнѣ цѣлый довольно опрятный нарядъ венгерскаго мужика. На столѣ стоялъ бритвенный приборъ, посредствомъ котораго я могъ довершить свой туалетъ. Все это доказывало заботливую предусмотрительность моей хозяйки, но поблагодарить ее я никакъ не могъ, потому что она рѣшительно не хотѣла взглянуть на меня. Я взялъ платье, ушелъ въ свою комнату и, одѣвшись, опять воротился за бритвеннымъ приборомъ.

Взглянувъ на крышку сундучка, въ которомъ приборъ укладывался, я примѣтилъ серебряный гербъ владѣльца и, разсмотрѣвъ съ ужасомъ отступилъ. Я узналъ гербъ князя Мордена и глядя на Тѣту произнесъ это имя. Она утвердительно кивнула головой.

Теперь надобно вамъ замѣтить, что князь Морденъ славился по всей Европѣ своею жестокостію и кровожадностію. Объ немъ рассказывали самыя цѣвѣроятныя вещи и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ однажды дѣлалъ облаву съ травлею на таборъ кочующихъ Цыганъ, который какъ-то расположился на одной изъ его лѣсныхъ дачъ. Князь Морденъ со своими егерями и собаками затравилъ и перестрѣлалъ всѣхъ Цыганъ какъ дикихъ кабановъ; за исключеніемъ двухъ или трехъ дѣтей, которые какъ-то спаслись. Эта исторія надѣлала тогда много шуму и во Франціи, гдѣ энциклопедисты воспользовались ею, чтобы оцѣлветать все дворянство вообще. Обо всемъ

этомъ я вспомнилъ, когда узналъ, что нахожусь у князя Мордена, и, взглянувши потомъ на Тёту, я сообразилъ по ея физиономіи, что она должна быть одна изъ тѣхъ, которыя избавились отъ ужасной травли. Эта догадка впоследствии подтвердилась.

На ту пору Тёта ушла, а я принялся за обдѣлку своей личности съ намѣреніемъ украсить себя сколько возможно, чтобы легче умиловить очевидно прогнѣванную хозяйку. Но и тутъ я встрѣтилъ важное затрудненіе. Въ бритвенномъ приборѣ не доставало зеркала. Припомнивъ форму того, которое разбилъ, я догадался, что оно принадлежало пиенно къ этому прибору. Тутъ я понялъ и непомѣрный гнѣвъ моей покровительницы. Оно могло навлечь ей гнѣвъ князя. Но для меня бѣда была еще впереди.

Чтобы какъ-нибудь помочь затрудненію, я вздумалъ вынуть изъ свинцовой рамы окна одно изъ маленькихъ стеклышекъ и, положивъ клочокъ сѣрой бумаги, устроить себѣ зеркало. При этой операціи, когда я выковыривалъ стекло изъ рамы, и случилось несчастіе, которое сначала огорчало меня, но котораго важности я всё-еще не понималъ въ ту минуту. Тотъ самый перстень съ чернымъ алмазомъ, который нѣкогда носила Инджайра и который ввелъ въ заблужденіе Жозетту, и былъ, слѣдовательно, причиною всѣхъ моихъ несчастій, — тотъ самый перстень печально соскользнулъ у меня съ исхудавшаго пальца и упалъ за окно, въ обводный ровъ замка. Мнѣ не столько было жаль перстня, сколько я опасался возможнаго пробужденія черезъ него воспоминаній обо мнѣ, если кто-нибудь найдетъ его въ сухомъ рвѣ и представить князю Мордену. Но потомъ я сообразилъ, что предупредивъ Тёту можно будетъ даже воротить эту потерю и успокоился.

Я занялся туалетомъ какъ могъ передъ импровизированнымъ зеркаломъ и, окончивъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Тёты. Она воротилась часа черезъ два и принесла обыкновенный завтракъ, который поставила передо мною не сказавъ ни слова, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Я приглашалъ ее кушать со мною, какъ

она обыкновенно дѣлывала, но на этотъ разъ она не хотѣла, отошла и сѣла въ уголь. Я подошелъ къ ней, умолялъ, все было напрасно. Въ ея сердца была для меня открытая дверь, въ которую я не умѣлъ пройти и которую она уже затворила навсегда. Я однако жъ принялъ это за простой минутный капризъ, который пройдетъ самъ собою, и принялся завтракать съ большимъ аппетитомъ. Потомъ она, также молча, собрала посуду, уложила въ корзину и вышла. Я ждалъ что она скоро придетъ, но прошелъ весь день, насталъ вечеръ, а Тѣта всё-еще не возвращалась. Настала ночь, ея всё-еще не было. Судя по всему, что она для меня сдѣлала, я не могъ полагать, чтобы ей пришла охота выдать меня князю Мордену. Напротивъ, казалось, она намѣрена переменить мое положеніе, быть можетъ даже выпроводить изъ страшнаго замку, когда снабдила новымъ нарядомъ. Между-тѣмъ часъ за часомъ проходилъ, а я томился въ уединеніи.

Было около полуночи, когда Тѣта наконецъ воротилась. Кромѣ корзины съ ужиномъ и фонаря со свѣчкой, она принесла еще венгерскую мѣховую шапку, чтобы дополнить мой костюмъ, небольшой узелокъ съ бѣльемъ и широкій плащъ. Бросивъ все это на стулъ и указавъ мнѣ, она вынула изъ кармана довольно полновѣсный кошелекъ съ деньгами и также положила передо мною на столъ.

Я не могъ уже сомнѣваться, что она хочетъ выпроводить изъ замку. Но.... странное дѣло!... Въ ту минуту, когда я достигалъ давно желанной свободы; когда видѣлъ, что могу уйти отъ человѣка, который искалъ моей смерти и не страшился для этого прибѣгнуть къ самому ужасному преступленію, въ ту минуту я почувствовалъ сожалѣніе, почти тоску.

Я видѣлъ Гертруду, я зналъ, въ какой опасности она находится, и принужденъ былъ оставить мѣсто, гдѣ она обитала. Кромѣ-того, мнѣ было истинно трудно разстаться съ женщиною, которая спасла меня и которая оказала мнѣ такъ много благодѣяній. Я хотѣлъ объясниться съ нею, но она сурово указала мнѣ на принесенную одежду и на кошелекъ и приказывала поспѣшить.

У меня не было ни какого средства отблагодарить

хоть чѣмъ-нибудь за оказанныя услуги. Это заставило меня вспомнить о перстнѣ. Я объяснилъ, что случилось и на этотъ разъ былъ довольно краснорѣчивъ на жестахъ, чтобы передать свою мысль.

Тѣта слушала и всматривалась въ мои жесты со вниманіемъ и когда я взялъ ея руку, чтобы положить себѣ на сердце, мнѣ показалось, что она затрепетала. Глаза ея увлажнились, но слеза не успѣла навернуться. Она отвернулась и хотѣла пожать плечами, потомъ взяла фонарь и поспѣшно пошла указывая мнѣ дорогу. Я послѣдовалъ и старался запомнить мѣста по которымъ шелъ, потому что, хотя не зналъ какимъ образомъ, однако жъ намѣренъ былъ воротиться въ замокъ. Я хотѣлъ увидѣться съ Гертрудой; хотѣлъ увѣдомить ее объ опасности, которая ей угрожала; хотѣлъ наконецъ сколько-нибудь искупить несчастіе, котораго былъ причиною.

Но какъ ни тщательны были мои наблюденія, они ни къ чему не служили: Тѣта шла такъ поспѣшно, фонарь ея свѣтилъ такъ слабо, что я почти ничего не могъ примѣнить. Я зналъ только, что прошедши длинный корридоръ мы спустились по спиральной лѣстницѣ въ другой длинный и темный корридоръ со сводами и множествомъ дверей за большими занками. Одна изъ этихъ дверей, въ концѣ корридора, была отворена. Туда Тѣта вошла. Мнѣ показалось, что это тотъ самый подвалъ, въ которомъ я былъ заключенъ на голодную смерть. Невольная дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ. Я останоился. Примѣтивъ мою нерѣшимость, Тѣта оглянулась. По ея печальной и презрительной улыбкѣ и по укоризненному взгляду я видѣлъ, какъ это сомнѣніе оскорбило ее. Но она тотчасъ же опять пошла, и мы вступили въ длинный и узкій подземный ходъ. Я услышалъ глубокій вздохъ. Тѣта водила руку къ лицу и я догадался, что она отираетъ слезу.

Эти слезы лились за меня. Могъ ли я сомнѣваться въ этомъ? Но какія же надежды она питала? Чтѣ она чувствовала ко мнѣ? Чего она ждала отъ моеи признательности и въ ея глазахъ я показался ей неслагодарнымъ и вмѣстѣ достойнымъ сожалѣнія?

Не была ли и она тоже узницей въ этомъ дикомъ, пустынномъ замкѣ, въ которомъ, казалось, повегввала какъ госпожа? Не надѣялась ли она, что за жизнь и свободу, которыя она мнѣ сохранила, я въ свою очередь помогу ей освободиться отъ тирана?

Съ другой стороны я старался постигнуть, отчего же она не можетъ сдѣлать для себя того, что дѣлаетъ для меня, и спрашивалъ себя, неужели она надѣялась и желала, чтобы я вмѣсто предлагаемой свободы добровольно избралъ противное и раздѣлялъ бы всегда странное заключеніе съ нею? Между-тѣмъ она, какъ мнѣ казалось, продолжала плакать. Я вслушался въ ея дыханіе. Оно было тяжело. Совѣсть укорила меня. Я сознавалъ, что я безчувственъ и неблагодаренъ; если не нахожу даже слова для этой женщины въ тотъ часъ, когда она меня спасаетъ и когда она несчастна. Я схватилъ ее за руку, остановилъ и знаками скоро далъ ей уразумѣть вопросъ, не хочетъ ли она бѣжать со мною. Сначала она чрезвычайно изумилась, потомъ на лицѣ ея отразилась радость, и она быстро что-то проговорила. Но скоро эта мгновенная радость исчезла. Тѣта съ живостью указала на мое и на свое сердце и, сдѣлавъ отрицательный знакъ, дала уразумѣть, что между нами не можетъ быть ничего общаго. Мы опять пошли. Она спѣшила ужасно и все что-то съ живостью ворчала про себя, какъ-бы желая разогнать мысли, которыя породило у нея мое предложеніе.

Наконецъ мы пришли къ лѣстницѣ, которая опускалась еще глубже въ землю. Это, признаюсь, немножко встревожило меня. Я не понималъ скорби Тѣты, но скорбь могла быть растолкована двояко, — сожалѣніемъ женщины, которая приноситъ жертву необходимости, или угрызеніемъ совѣсти невольницы, которая по приказу совершаетъ преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, намѣреніе возвратить мнѣ свободу именно вслѣдъ за пріѣздомъ Мордена могло скрывать подъ собою исполненіе какого-нибудь приказу кровожаднаго властелина. На это я возражалъ себѣ, что, для того чтобы умертвить безоружнаго плѣнника, не нужно снабжать его вооруженіемъ и деньгами. Но у меня на все находилось объ-

сненіе: я говорилъ себѣ: если Тѣта больше нежели повѣр-ренная преступленій Мордена и если она должна одна совершить это тайное убійство, то, конечно, нельзя было придумать ничего лучше какъ дать мнѣ несомнѣнную надежду на спасеніе и такимъ образомъ безпрепятственно завлечь въ эти ужасныя подземелья, гдѣ я могу ввалиться мгновенно въ какую-нибудь пропасть, совершенно безвѣстную и недоступную даже воздуху, не только свѣту Божьему.

Подъ вліяніемъ этого страха я опять остановился надъ лѣстницей. Тѣта опять оглянулась и такъ хорошо прочитала мои опасенія на лицѣ, что и не думала скрывать чувство, которое оно внушало ей. Никогда выраженіе презрѣнія не бывало сильнѣе того, какое она выказала мнѣ въ эту минуту. Потомъ она сѣла на ступени и пригласила меня сѣсть указывая на конвульсивное дрожаніе моихъ колѣнъ.

Я нисколько не имѣю намѣренія выказать себя лучше нежели былъ на самомъ дѣлѣ, однако жъ не хочу выказать и хуже. Страхъ, конечно, имѣлъ свою долю въ дрожаніи моихъ колѣнъ, но надобно замѣтить такъ же, что я два мѣсяца боролся со смертію во всевозможныхъ видахъ и оправляясь отъ болѣзни имѣлъ лишь нѣсколько квадратныхъ шаговъ пространства для упражненія въ ходьбѣ. Я былъ очень утомленъ продолжительнымъ переходомъ по корридорамъ, лѣстницамъ и подземельямъ, но презрѣніе Тѣты оживило мои силы лучше всякихъ медицинскихъ средствъ, какія бы могъ прописать цѣлый ученый факультетъ. Я бросился внизъ по ступенямъ высокой и крутой лѣстницы, такъ, что не спустился, а скатился до низу кубаремъ. Тѣта вскрикнула и поспѣшила вслѣдъ. Усердствуя доказать свою храбрость, я нечаянно спихъ ногою фонарь, который она поставила подлѣ себя, и мы остались въ глубокой темнотѣ.

Однако жъ Тѣта хорошо была знакома съ мѣстностью, такъ, что темнота не затруднила ея. Она взяла меня за руку и повела: Рука ея задрожала пуще моихъ колѣнъ и мнѣ показалось, что она опять заплакала. Мы шли во мракѣ, о которомъ на поверхности земли нельзя составить

себѣ ни какого понятія. Но Тѣта шла всё такъ же поспѣшно. Она, казалось, еще ускорила шагъ по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Наконецъ она остановилась, опустила мою руку и отошла. Я остался одинъ въ этомъ непроницаемомъ мракѣ. Наступила минута безмолвія, которое утратило бы самого храброго. Я едва дышалъ и оставивъ глаза въ черную темень, и напрягая слухъ, стоялъ неподвижно какъ-бы врытый въ землю. Брякнули ключи и я услышалъ какъ Тѣта отъискивала замочную скважину. Наконецъ ключъ скрыпнѣя поворотился, потожь опять все стихло. Вдругъ Тѣта очутилась подлѣ меня, какъ-будто бы она прошла по воздуху. Она взяла меня за руку и подвела къ двери, которую отомкнула. Я чувствовалъ какъ Тѣта трепетала; прерывистое дыханіе ея обнаруживало сильное волненіе. Это, конечно, была торжественная минута. Въ пронасть она толкнетъ для вышустить на свѣтъ Божій? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ для меня и вопросъ, какъ кажется, довольно важный. Вдругъ меня сильно обхватываютъ поперегъ груди двѣ руки, я вскрикиваю, хочу защищаться, но чувствую только прикосновеніе жаркихъ губъ къ моему лбу и паденіе нѣсколькихъ горячихъ слезъ на лицо, потомъ отворяется дверь, сильная рука выталкиваетъ меня, дверь опять затворяется и я остаюсь лицомъ къ лицу съ небомъ и свободой.

Я, едва оправившійся отъ тяжкой болѣзни, выдержавшій столько жестокихъ испытаній, столько страху и сомнѣній даже въ послѣдніе часы и утомленный предожительною поспѣшною ходьбой по мрачнымъ подземельямъ, — я пустился бѣжать какъ рыскастый конь. Я даже не видѣлъ, куда бѣжалъ, такъ я обрадовался своей свободѣ. Къ-счастію еще я поскользнулся на сырой глинѣ и очень чувствительно сѣлъ. Иначе я со всего размаху разбѣжался бы въ рѣчку съ высокаго, крутаго, обрывистаго берега и непременно сломилъ бы шею или по-крайней-мѣрѣ руки и ноги на большихъ камняхъ, между которыми струилась мелкая вода. Я сѣлъ очень кстати, почти на самомъ краю берега. Это образумило меня и я разсудилъ, что для спасенія теперь мнѣ вовсе не нужно итаться какъ

угорьлому, напротивъ, нужно продолжать путь «спѣша медленно», чтобы не возбудить подозрѣнія.

— И такъ я свободенъ. Но я одинъ и притомъ въ землѣ совершенно мнѣ незнакомой и, какъ казалось, необитаемой. Не будучи ученымъ географомъ и не обладая даже инстинктомъ дикаря, инстинктъ который часто бываетъ лучше и полезнѣе учености, я однако жъ сказалъ себѣ, что лучшимъ средствомъ найти какое-нибудь человѣческое жилье будетъ — идти вдоль берега рѣчки.

Начинало свѣтать. Я всталъ, оглянулся еще разъ на замокъ, котораго черныя, зубчатые стѣны и башни еще тонули въ туманѣ, и, вспомнивъ еще разъ о Гертрудѣ и о Тетѣ, скорымъ шагомъ пошелъ на удачу по берегу въ противоположную сторону.

Она квартиры моей извѣстельницы, откуда я не могъ примѣтить въ пустынной окрестности ни какого человѣческаго жилища, вѣроятно, были обращены въ другую сторону, потому что менѣе нежеди черезъ полчаса ходьбы по берегу рѣчки я увидѣлъ за рощею на низменномъ холмѣ десятка два беспорядочно расположенныхъ деревянныхъ крышъ. Я рѣшился войти въ эту деревню и подошелъ въ то самое время, когда въ нѣсколькихъ дверяхъ показались мужики. За ними раздавалось хрюканье и несло гадкою вонью. Видно было, что одна и та же дверь служила входомъ въ жилище хозяина и въ свиной хлѣвъ.

Я тотчасъ воспользовался случаемъ употребить свои познанія въ венгерскомъ языкѣ и обратившись къ одному мужику спросилъ, кажется, тарелки вмѣсто хлѣба и стакана вмѣсто вина. Подошли еще другіе мужики и высыпали нѣсколько грязныхъ, гадкихъ бабъ. Я не безъ труда объяснилъ имъ наконецъ, что мнѣ хочется поѣсть. Началось большое совѣщаніе, вслѣдствіе котораго рѣшили, что мнѣ ничего не дадутъ, а отведутъ къ старостѣ.

На свѣтѣ нѣтъ собранія четырехъ домовъ, нѣтъ общества двадцати человѣкъ, которыя бы не имѣли своей полиціи и своихъ судей для изловленія и наказанія воровъ и мошенниковъ и наблюденія за чистотою нравственности. Это доказываетъ, что человѣчество само по себѣ чрезвычайно добродѣтельно.

Черезъ нѣсколько минутъ я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужиковъ, очутился передъ домомъ очень порядочнаго виду, въ сравненіи съ другими, потому что въ этомъ не слышно было ни малѣйшаго хрюканья свиней. На стукъ въ дверь вышла женщина, по которой было видно, что этотъ домъ и внутри почище другихъ. Она спросила, чего намъ нужно. Ей отвѣчали, указали на меня и она пошла увѣдомить, кого слѣдовало.

Судья, онъ же и староста, вышелъ встрѣтить меня на порогѣ. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, сухой, желтый, очень бородатый, въ долгополомъ кафтанѣ и въ остроконечной черной бараньей шапкѣ. Онъ пристально осматривалъ меня съ головы до ногъ и заговорилъ со мною по-венгерски. Пятнадцать человекъ хоромъ отвѣчали за меня, что я ничего не смыслю. Я вспомнилъ, что Венгрія славится своимъ почитаніемъ классическаго языка Римлянъ, и, собравши всѣ ветхія свои воспоминанія по этой части, кое-какъ объяснилъ блюстителю порядка и закона, что я заблудившійся путешественникъ и иностранецъ. Едва я проговорилъ первое латинское слово, старикъ радушно протянувъ ко мнѣ руку увлекъ меня въ свой домъ.

Не стану вамъ описывать чудовищнаго самодѣльнаго нарѣчія, на которомъ мы бесѣдовали: довольно того, что промежъ двухъ свинныхъ котлетъ и тарелки каши я общилъ моему хозяину, что я Французъ и эмигрантъ. Онъ, съ своей стороны, объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ я долженъ былъ заблудиться отправляясь изъ Кечкемета въ Пештъ, гдѣ находилось довольно много моихъ соотечественниковъ, такихъ же эмигрантовъ. Онъ мнѣ указалъ на картѣ даже мѣсто, гдѣ я своротилъ съ большой дороги и попалъ на проселочную. Я изъ призывательности подтверждалъ все, что ему угодно было рассказывать на мой счетъ и въ полчаса мы сдѣлались такими пріятелями, какъ-будто бы всю жизнь провели вмѣстѣ.

Все это повело наконецъ къ весьма естественному вопросу о томъ, какъ меня зовутъ. На такомъ близкомъ разстояніи отъ замку Морденъ я не считалъ удобнымъ говорить о графѣ де-Фаврѣзѣ и свалилъ всѣ изобрѣтенія словоохотнаго Моргосъ-Козса на нѣкоего барона де-Вилата,

бывшаго офицеромъ въ службѣ Типпо-Салба. Этотъ добрый де-Вилать, у котораго крокодилъ отгрызъ одну ногу, былъ потомъ законченъ тигромъ по близости моего дому въ Индiи и, слѣдовательно, никакъ не могъ бы изобличить меня во лжи въ Венгрии. Наконецъ нужно было найти причину, почему я шелъ въ Пештъ, а не въ другое мѣсто. И это услужливый хозяинъ рѣшилъ какъ-нельзя лучше. Онъ разсудилъ, что будучи боленъ, какъ видно по лицу, я изъ Пешта намѣренъ былъ отправиться въ Гранъ, лечиться водами. Я согласился, потому что и въ самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ пошелъ бы водою, которая, какъ я узналъ на опытѣ, гораздо дѣйствительнѣе аптекарскихъ микстуръ.

Вдругъ Моргосъ-Коэсъ посмотрѣлъ на меня съ торжествующею улыбкою и, по-видимому, тая блистательную мысль, облокотился обѣими руками на столъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ходить въ Гранъ? Останься здѣсь. Воздухъ здѣсь прекрасный. Мой домъ будетъ твоимъ домомъ.

Это было мнѣ кстати. Въ цѣломъ мірѣ только одна Тѣта знала о моемъ существованіи и та, ради собственной своей пользы, не узнала бы меня, если предположить даже, что мы встрѣтимся. Предложеніе Моргоса благопріятствовало моему намѣренію узнать что-нибудь касательно Гертруды и я принялъ его съ признательностью, протягивая къ хозяину руку и показывая кошелекъ съ деньгами, которыми снабдила меня Тѣта. Деньги Моргосъ отвергъ рѣшительно и продолжая свое гостепріимное предложеніе, замѣтилъ, что въ случаѣ нужды къ моимъ услугамъ найдется и докторъ, знаменитый и искусный докторъ, который почти постоянно живетъ въ замкѣ князя Мордена.

Это, конечно, былъ тотъ самый негодяй, который вывезъ меня изъ Франціи, который потомъ нашелъ остатки моихъ сгорѣвшихъ костей въ проклятомъ подвалѣ и который взялся исполнить звѣрское порученіе Мордена у Гертруды. Встрѣча съ нимъ могла быть гибельна для меня. Отъ первой мысли объ этомъ меня провела дрожь. Хозяинъ мой, конечно, примѣтилъ бы это, если бъ угощая меня завтракомъ не угостился и самъ виномъ, которое

называлъ Меррѣсомъ и ставилъ на ряду съ токайскимъ, хотя оно довольно походило на укусъ.

Но если хозяинъ уже не наблюдалъ, такъ зато наблюда-ла хозяйка, которую я сначала принялъ-было за служанку, потому что она прислуживала намъ. Нагича была женщ-ина и женщина хорошенькая, слѣдовательно, она должна была видѣть яснѣе своего мужа. Она примѣтила мой ис-вугъ и посмотрѣла на меня очень коварно, но не злобно. Однако жъ она не сообщила своего подозрѣнія мужу, оста-вила эту тайну про себя и налила Моргосу еще большую чарку, которая совершенно доканала его.

Изложеніе хозяина успокоило меня только на настоя-щую минуту. Я сталъ обдумывать, какъ бы избавиться отъ обѣщанныхъ благодѣяній знаменитаго, искуснаго и добраго доктора. Но Нагича имѣла другіе виды. Когда мужъ ея принялся храпѣть, она подошла и шепнула мнѣ:
— Останься и спи.

Нагича тоже знала малую-толику латыни, которой, для своего домашняго обиходу, хваталась она по крохѣ, по-мимо супруга. Онъ говорилъ мнѣ, что жена ничего не по-нимаетъ.

Я сталъ объяснять ей, что опасаясь обезпечить, быть въ тягость радушнымъ хозяевамъ, но она поняла меня по-своему и возразила:

— Не бойся, останься. Докторъ добрый человѣкъ: онъ не выдастъ тебя.

Это было сказано съ такимъ видомъ увѣренности, изъ котораго слѣдовало, что мадамъ Моргосъ-Козъ знаетъ знаменитаго доктора очень подробно. Я сообразилъ и ска-залъ себѣ: передо мною шестидесятилѣтній старикъ, очень грязный и пьяный. что, вѣроятно, случается съ нимъ довольно часто, и тридцатилѣтняя женщина, красивая и опрятная въ землѣ, гдѣ никто не умываетъ рукъ: эта жен-щина умывается и одѣвается или для своего мужа или для кого-нибудь другаго. А такъ какъ, за исключеніемъ собственнаго ея дому, всѣ остальные въ деревнѣ—не что иное какъ свинные хлѣвы и люди въ нихъ живущіе ничѣмъ не лучше своихъ хрюкающихъ сожительницъ, то этотъ кто-нибудь другой долженъ быть знаменитый докторъ.

Между-тѣмъ однако жъ я еще не рѣшился формально вывести слѣдствіе изъ этихъ посылокъ, покуда не вспомнилъ, что Моргосъ говорилъ мнѣ о докторѣ какъ о лучшемъ своемъ другѣ. Это послѣднее обстоятельство представляло доводъ достаточно основательный. Ктому жъ, мнѣ въ ту минуту ужасно не хотѣлось идти далѣе: завтракъ Моргоса послѣ такого продолжительнаго воздержанія подѣйствовалъ на меня удивительно сильно. Я безпрѣкословно позволилъ протолкать себя на великолѣпную груду новой соломы и заснулъ своимъ добродѣтельнаго.

Не знаю, сколько именно времени я пробылъ въ этомъ блаженномъ состояніи. Проснулся же я отъ чего-то горячаго и немножко вонючаго, упавшаго мнѣ прямо на кончикъ носу. Это была капля растопленнаго сала, со свѣчи, которую Нагича поднесла слишкомъ близко къ моему лицу, чтобы показать меня какому-то любопытному господину. Господинъ этотъ былъ мой докторъ Магнусъ. Я съ перваго взгляду узналъ его и тутъ же примѣтилъ, что онъ смотритъ на меня не только съ любопытствомъ, но и съ ужасомъ; что онъ испугался меня еще больше нежели я его.

— Ну, что вы, докторъ, разумѣется, не имѣете намѣренія продать меня? вскричалъ я по-французски.

— Не понимаю, отвѣчалъ онъ по-венгерски.

Это слово я слышалъ такъ часто, что не могъ не знать его. Зная однако жъ такъ же хорошо, что докторъ отлично говорить по-французски, я настаивалъ. Онъ продолжалъ заператься. Я уже разгорячился-было, какъ-вдругъ мы услышали голосъ Моргоса, который спрашивалъ полатынѣ, съ кѣмъ и за что я бранюсь. Нагича пошла останавливать мужа, чтобы онъ не вошелъ. Докторъ воспользовался этою минутой и поспѣшно сказалъ мнѣ по-французски.

— Молчите же! что вы подымаете тревогу?

И вотъ я попалъ между двухъ сообщниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою тайну другъ отъ друга и которыхъ общая тайна нечаянно досталась мнѣ. Нагича знала, что я трушу доктора Магнуса, а докторъ Магнусъ вѣроятно струсилъ Нагичи, когда не хотѣлъ, чтобы она знала,

что онъ говорить по-французски. Оба же струсили меня, какъ-скоро догадались, что я за каплю горячаго сала могу выдать ихъ Моргосу.

Между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ завязался споръ по-венгерски между супругами Моргосами, то есть, изъ рукъ мужа отпущено нѣсколько ударовъ камышевою тростью. Докторъ воспользовался и этимъ случаемъ, чтобы сказать мнѣ:

— Я не могу прийти сюда раньше трехъ дней. Дотолѣ не выходите днемъ и ничего не рассказывайте Моргосу. Я прииду вечеромъ около этого же времени.

Докторъ посиѣшно ушелъ.

Черезъ минуту потомъ явился Моргосъ, съ улыбкою на лицѣ и съ камышомъ въ рукахъ. Онъ былъ такъ веселъ какъ мужъ, которому удалось прибить свою жену. Мы снова принялись за нашу кухонную латынь. Вскорѣ пришла и мадамъ Моргосъ, тоже съ улыбкою на лицѣ. Она была весела какъ жена, которую мужъ прибилъ не даромъ.

Я оставилъ это замѣчаніе про себя, и мы принялись ужинать.

Какъ втеченіи трехъ дней, до втораго свиданія моего съ докторомъ, не случилось ничего особенно примѣчательнаго, то я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы рассказать, что за человекъ былъ мой хозяинъ.

Моргосъ-Ковсъ, судя по его словамъ, былъ честный Венгерецъ, а физіономія его говорила ясно, что онъ чистый Цыганъ. Называя себя Венгерцемъ онъ, вѣроятно, надѣялся имѣть потомковъ Венгерцевъ и длятого женился на Словачкѣ. Вотъ, что самъ онъ рассказывалъ мнѣ о своей жизни. На тридцатомъ году онъ, по милости одного знатнаго барина учился химіи, физикѣ и математикѣ въ Пресбургѣ. Но за одинъ проступокъ, о которомъ старикъ упоминалъ очень слегка, вѣроятно, потому что онъ былъ не очень похваленъ, его изъ этого университета исключили, то есть, выгнали. Вынужденный нищетою, какъ самъ говорилъ, — но по правдѣ-то, вѣроятно, по приговору суда, — онъ работалъ нѣсколько лѣтъ въ порфировой ломкѣ, въ Карпатахъ. За услуги, оказанныя при помощи

познаній въ физико-математическихъ наукахъ; владѣлецъ той лонки, князь Морденъ, облегчилъ его участь перемѣстивъ въ свою деревню подлѣ замка, въ качествѣ старосты и судьи. Во всемъ этомъ было много темнаго, а объ эпохѣ до-университетской Моргосъ не говорилъ ни слова. Онъ любилъ рассказывать только о настоящемъ, о томъ, какъ онъ занялъ дѣлами и наукой, минералогическими и астрономическими изысканіями, и о томъ, какъ онъ велъ ученія бесѣды съ разными европейскими учеными, которыхъ имена коверкалъ и ученые труды смѣшивалъ самымъ безбожнымъ образомъ. Впрочемъ, Моргосъ-Коасъ всѣхъ ихъ гуртомъ презиралъ: по-крайней мѣрѣ мнѣ онъ такъ давалъ замѣтить, чтобы тѣмъ дать знать о своемъ несомнѣнномъ превосходствѣ. Это онъ и доказывалъ мнѣ очень убѣдительно объясняя, что онъ, Моргосъ, смотритъ на науку не такъ, какъ они, бесполезные умозрители и теоретики, а съ чисто практической стороны: минералогіей онъ занимается для того, чтобы открыть начала элексиру для упроченія за человѣкомъ мафусайловской долговѣчности и Соломоновой мудрости, а астрономіей для того, чтобы читать въ звѣздахъ судьбы людей и народовъ и способствовать ближнему къ достиженію счастья. Однимъ словомъ, Моргосъ-Коасъ былъ алхимикъ и астрологъ, итого—шарлатанъ, который набравшись кое-какихъ поверхностныхъ познаній въ физикѣ и химіи и прибавивъ все это къ наслѣдственной своей цыганской кабалистикѣ, умѣлъ искусно пользоваться суевѣріемъ народа, посреди котораго жилъ.

Докторъ, какъ обѣщалъ, такъ и пришелъ; на четвертый день. Передъ Моргосомъ и Нагичей онъ притворялся совершенно незнающимъ французскаго языка. Между-тѣмъ я горѣлъ нетерпѣніемъ поговорить съ нимъ, а Нагича наблюдала за малѣйшими нашими движеніями. Моргосъ напился, говорилъ очень много по-латынѣ и нисколько не мѣшалъ. Докторъ былъ безпокоенъ и, по-видимому, прискивалъ средство поговорить со мною наединѣ. Вдругъ онъ сказалъ Моргосу...

(Чтобы не задерживать разсказу посторонними вставками, я не стану упоминать, кто на какомъ языкѣ говорилъ

и предоставляю читателю догадаться, какимъ образомъ я добылъ надлежащія объясненія этихъ подробностей.)

Докторъ сказалъ Моргосу:

— Ну, теперь, чтобы довершить лихое твое угощенье, хозяинъ, дай же намъ попробовать чудной пища, которую тайно приготавлиаешь въ своей лабораторіи.

— Эта пища, возразилъ Моргосъ: не должна быть подаваема невѣрующимъ.

— Но развѣ ты не знаешь, продолжалъ докторъ, что глазамъ трудно смотрѣть съ-разу на свѣтъ, когда они долго облечены мракомъ, и что нужно болѣе нежели одно доказательство, чтобы убѣдить въ вещахъ такихъ необычайныхъ, какія ты показывалъ мнѣ однажды? Притомъ, я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ опытъ и надъ этимъ иностранцемъ: вдвоемъ мы бы скорѣй повѣрили. Исполни мою просьбу, я заплачу тебѣ за это исполненіемъ твоего желанія: ты увидишь Тету.

Это обѣщаніе, вѣрно, было очень важно для Моргоса: онъ поспѣшно вскочилъ и сказалъ:

— Положи руку на голову моего гостя и, какъ особа гостя священна, то поклянись мнѣ, что ты сдержишь свое слово, тогда я дамъ вамъ прикоснуться къ таинственной нищѣ.

Докторъ исполнилъ требованіе и Моргосъ ушелъ въ лабораторію. Нагича съ жаромъ бросилась упрашивать Магнуса, чтобы онъ и ей тоже далъ вкуспть давно желаннаго и еще невѣдомаго наслажденія. Онъ обѣщалъ. Нагича отъ радости запрыгала и захопала въ ладоши. Тѣмъ временемъ Магнусъ поспѣшно шепнулъ мнѣ:

— Не берите въ ротъ этого страшнаго яду.

Моргосъ воротился съ небольшимъ ящичкомъ украшеннымъ кабалистическими фигурами, торжественно поставилъ его на столъ, поклонился ему нѣсколько разъ и, трижды поцѣловавъ замѣкъ, открылъ. Вынувъ оттуда три маленькихъ шарика, онъ отдалъ одинъ мнѣ, другой доктору, а третій оставилъ себѣ, потомъ указалъ намъ, какъ употреблять, — приложилъ шарикъ сначала къ животу, потомъ ко лбу, потомъ быстро повертѣлъ около рта описывая спиральную линію и проглотилъ. Мы съ докторомъ

повторили маневръ съ тою разницею, что я опустил свой шарикъ въ рукавъ, а докторъ искусно передалъ свой Нагичъ, которая проглотила просто, безъ церемоніи.

По предварительному предписанію Моргоса, проглотивъ шарикъ должно было сидѣть смирно и погрузиться въ безмолвное созерцаніе. Мы такъ и сдѣлали. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, что лица Моргоса и Нагичи оживились необыкновеннымъ выраженіемъ восхищенія. Улыбка ихъ показывала, что передъ ними раскрывается зрѣлище, которое превосходитъ все, что дѣйствительный міръ можетъ представить очаровательнаго.

— Это опиумъ? спросилъ я доктора передавая ему пилюлю.

— Нѣтъ, тутъ опиуму нисколько нѣтъ, кажется, сказалъ докторъ завертывая шарикъ въ бумажку: дѣйствія опиуму почти ничтожны въ сравненіи съ пилюлями этого стараго Цыгана, который, кажется, одинъ обладаетъ секретомъ. Теперь онъ и жена парятъ въ иномъ мірѣ, въ такомъ, о которомъ вы не можете составить себѣ понятія, хоть бы выкурили цѣлый годичный сборъ опиуму со всего Индостана. Я самъ однажды пробовалъ: онъ мнѣ давалъ.

— О! это однако жъ должно быть очень пріятно. Я тоже желалъ бы попробовать.

— Не совѣтую. Послѣ наступаетъ очень непріятное состояніе, въ десять разъ хуже нежели послѣ опиума. Четыре часа вы проведете, такъ же какъ теперь они, въ бреду наслажденія, потомъ наступитъ тупоуміе и совершенное изнеможеніе, которое продолжается нѣсколько дней. Лучше уступите мнѣ вашу пилюлю, для изслѣдованій. Я хочу разложить ее. А теперь воспользуемся временемъ, покуда намъ не могутъ помѣшать.

Послѣ этого мы объяснили другъ другу обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ встрѣтились. Докторъ Магнусъ спрашивалъ меня, очевидно не изъ простаго любопытства, а изъ участія. Притомъ, мнѣ нужна была его откровенность и для того я началъ съ своей. Я чистосердечно рассказывалъ ему всѣ свои похождения, а отъ него узналъ слѣдующее.

Князь Морденъ провелъ молодость очень разгульную. Описаніемъ всѣхъ сумасбродствъ и нелѣпыхъ поступковъ, въ которыхъ его обвиняли, можно бы наполнить цѣлые томы. Наконецъ, будучи однимъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Венгріи, онъ женился на наслѣдницѣ князя Молдавскаго, знатнаго и богатаго помѣщика галиційскаго. Отъ этой жены родился у него сынъ Христофоръ, — гигантъ, о которомъ я говорилъ, — и дочь, Гертруда. Послѣ всѣхъ молодецкихъ подвиговъ холостой жизни, Мордену очень естественно скоро наскучила жена. Но вмѣсто того чтобы предоставить ей свободу искать утѣшенія по собственному усмотрѣнію, раззолоченный Татаринъ держалъ бѣдняжку подъ карауломъ какъ арестантку, въ своемъ дикомъ дѣдовскомъ замкѣ. Кроткая княгиня, вѣроятно, перенесла бы и это безъ ропоту, но варваръ нашелъ средство и тамъ ежедневно терзать ее невыносимою пыткой.

Онъ за какое-то похождение подвергся опалѣ и былъ сосланъ на житье въ тотъ же замокъ, куда самъ онъ за полгода сослалъ жену. Тутъ Морденъ, отъ нечего дѣлать, взялъ себѣ въ любимицы дѣву, Цыганку, которая за нѣсколько лѣтъ до того, будучи ребенкомъ, избавилась отъ облавы, гдѣ былъ затравленъ родной ея таборъ. Дѣва эта была Тѣта. Она сдѣлалась настоящею хозяйкою и властительницей замку, между-тѣмъ какъ та, которая носила имя и титулъ княгини Морденъ, едва смѣла распорядиться одною горничной. Это продолжалось много лѣтъ сряду. Княгиня напрасно ссылалась на свои права супруги и, еще болѣе священныя, права матери. Морденъ не обращалъ ни какого вниманія, ни на ея мольбы, ни на слезы, ни на видимое разрушеніе здоровья. Черезъ десять лѣтъ страданій она умерла, въ отчаяніи, что оставляетъ свою дочь на рукахъ такого отца, а его сіятельство объяснилъ присутствовавшимъ на погребеніи, что женѣ его холодный климатъ повредилъ грудь и что всему этому причиною строгость тѣхъ, которые немилосердо сослали его въ этотъ замокъ и, слѣдовательно, лишили нѣжно любимой супруги.

Доктору Магнусу всѣ эти вещи были очень хорошо из-

вѣстны, потому что онъ былъ сынъ крестьянина изъ другаго Морденава помѣстья и воспитывался въ Будѣ на счетъ князя, который приготовилъ себѣ въ немъ домашняго врача, какъ другіе готовятъ домашнихъ портныхъ или сапожниковъ. Магнусъ былъ свидѣтелемъ смерти княгини. Она повѣряла ему всѣ свои несчастія и страданія и завѣщала беречь ея дочь, сколько ему будетъ возможно, и въ-особенности охранять отъ ненавистнаго подчиненія Цыганкѣ. Это однако жъ вскорѣ измѣнилось само собою, безъ участія доктора, который во всякомъ случаѣ ничего не могъ бы сдѣлать.

Императорскій скипетръ перешелъ отъ Юсіфа Втораго къ Леопольду, а потомъ къ Франциску. Вслѣдствіе этихъ переменъ и разныхъ другихъ политическихъ обстоятельствъ, князь Морденъ былъ снова призванъ ко двору и получилъ начальство надъ дивизіею императорской гвардіи. Это случилось черезъ годъ послѣ смерти княгини. Гертрудѣ было тогда лѣтъ двадцать. Къ несчастію она надъ матерью видѣла и узнала чего стоилъ ея отецъ. Она презирала его и страшилась. Но этотъ страхъ жилъ въ душѣ самой благородной и нѣжной. Гертруда страшилась не за себя, а за честь своего отца: если она не сопротивлялась ему, то не затѣмъ чтобы не подвергнуться насиліямъ и жестокостямъ, но затѣмъ чтобы избавить отца отъ стыда, который бы онъ навлекъ себѣ прибѣгнувъ къ жестокостямъ.

Въ Вѣнѣ Морденъ нашелъ и своего сына, который былъ пансіонеромъ въ дворянскомъ училищѣ и восхитилъ батюшку прекрасными надеждами, какія подавалъ. Христофоръ былъ парень очень грубый и дерзкій, но очень вкорный отцу и могъ служить превосходнымъ орудіемъ его злобному духу. Князь отправился въ италіанскій походъ и поручилъ Гертруду попеченіямъ тѣтки, княгини Гацфельдъ-Флембургъ, приставивъ также доктора Магнуса.

Несмотря на любовь свою къ Тѣтѣ, Морденъ никогда не вынуждалъ изъ рукъ правъ владѣльца и не разъ господ-

ская плеть стегала рабу, наряженную въ шелкъ и бархатъ. Увѣзая онъ рассудилъ, что прекрасная Цыганка такая игрушка, которую нужно украшать только тогда, когда самъ владѣлецъ можетъ наслаждаться ею, и потому лишилъ Тѣту всего ея полу-княжескаго блеску, обобралъ совершенно и заключивъ въ маленькую квартиру, въ которой я впоследствии гостилъ у нея, отдалъ ей въ распоряженіе двухъ или трехъ слугъ, а остальнымъ приказалъ ее же стеречь и не выпускать ни на шагъ изъ замку. Въ случаѣ попытки бѣжать приказано было заковать ее въ цѣпи, а мало этого, такъ застрѣлать какъ собаку. И Тѣта знала объ этомъ. Чтобы утѣшить свою возлюбленную въ уединеніи, Морденъ придумалъ возвратить ей отца. Отецъ этотъ былъ Моргосъ-Ковъсъ, истинный Цыганъ, который притомъ сохранилъ только всѣ пороки своего табора, продалъ всѣхъ своихъ товарищей кровожадному князю Мордену за нѣсколько рейхсталеровъ, а дочь чтобы спасти, отдалъ ему же.

Въ дѣйствіяхъ иныхъ людей бываютъ противорѣчія, которыя толпа считаетъ странностями и которыя, если разсмотрѣть хорошенько, почти всегда суть слѣдствія очень искуснаго расчета. Также странно казалось, что князь Морденъ вздумалъ сдѣлать ученаго изъ гадкаго Цыгана; который пошелъ къ нему въ кабалу. Но это было сдѣлано не даромъ. Моргоса, какъ сказано, отправили въ пресбургскую архигимназію или университетъ. Тамъ молодой человекъ работалъ сообразно съ своею благородною натурою; такъ, что года черезъ четыре его за ученые труды рѣшились повѣсить и повѣсили бы, если бъ князь Морденъ не выручилъ. Молодчикъ, подъ-конецъ ученаго поприща, обобралъ архидиректора пресбургской архигимназіи. Надобно вамъ замѣтить, что въ этомъ краю ко всему прилагается *архи*,—на каковомъ основаніи и Моргосъ, по справедливости, могъ бы получить титулъ архимонашника. Князь Морденъ, взявши висѣлицы, выхлопоталъ ему двѣнадцати-лѣтнюю каторжную работу на собственной своей каменоломнѣ и такимъ образомъ старался выручить изъ покровительстваемаго надержки на данное ему воспитаніе. Тамъ же Моргосу, посредствомъ знаній своихъ, удалось принести покров-

ителю еще особенную пользу въ счетъ будущаго благодѣянія. Наконецъ, чтобы потѣшить покинутую и заключенную Тѣту, князь перемѣстивъ Моргоса въ деревню и позволилъ изрѣдка навѣщать дочь.

Больше, конечно, невозможно выгадать на одной шкурѣ негоднаго Цыгана. Сперва Моргосъ за нѣсколько серебряныхъ монетъ доставилъ Мордену удовольствіе поохотиться за человѣческими существами, какъ за красными зѣбремъ; потомъ, будучи посланъ въ архигимназію, послужилъ средствомъ составить репутацію благодѣтеля; потомъ заработалъ это благодѣяніе въ Карпатскихъ Горахъ, и наконецъ составилъ утѣшеніе оставленной любимицы, которая должна была принять это за величайшее изъ благодѣяній. Самый ловкій ростовщикъ едва-ли выручаетъ столько процентовъ на одинъ рубль.

Тѣта дѣйствительно считала свиданіе съ отцомъ великимъ благодѣяніемъ и Моргосъ тоже. Это совершенно справедливо. Тѣта, которой природа въ рабствѣ дала самыя властолюбивыя склонности, и Моргосъ, надѣленный самыя низкими страстями, — эти два совершенно различныя существа любили другъ друга самую пламенною, самую восторженною отеческою и дѣтскою любовью. Ни время, ни разлука, ни разность привычекъ и чувствованій, — ни что не измѣнило этой любви. Цыганская кровь, которая въ продолженіи многихъ столѣтій съ такимъ трудомъ мѣшается въ кровь другихъ племенъ, текла во всей своей первобытной чистотѣ въ жилахъ отца и дочери и между ними непрерывно существовали тѣ непостижимыя могущественныя узы, которыя такъ прочно связываютъ всѣхъ членовъ этого разсѣяннаго семейства, отверженнаго другими людьми. Морденъ понималъ это и умѣлъ употребить въ свою пользу.

Князь Морденъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ усердно разбиваемъ непріятельскими арміями и не добывалъ себѣ большой славы, между-тѣмъ какъ дочь его съ каждымъ днемъ болѣе прославлялась красотою въ вѣнскихъ гостиныхъ. Тамъ Гертруда встрѣтила одного французскаго эмигранта, нѣкоего графа де-Бельмонса, молодаго человѣка очень пріятной наружности и какъ-нельзя болѣе интерес-

наго. Онъ былъ красивъ какъ Нарциссъ, печаленъ какъ романъ, бѣденъ какъ скоморохъ, хвастливъ, вѣроятно, какъ его отецъ, которому исторія не представляетъ другихъ примѣровъ. Своею печалью и тоской по родинѣ въ качествѣ эмигранта, онъ заинтересовалъ все, что имѣло претензію на чувствительное сердце. Сверхъ преимуществъ чело-вѣка, лично присутствовавшего при казни отца, матери, дяди-аббата и толпы двоюродныхъ братьевъ, онъ обладалъ неопѣненной способностью плакать во всякое время, когда вздумается. Я впоследствии зналъ его коротко. Это былъ самый дерзкій лгуны, безстыдный комедіантъ, ка-кого я гдѣ-либо видѣлъ, и сверхъ-того трусь, хотя онъ нѣсколько разъ дрался на дуэляхъ. Ну и это не рѣдкость. Есть много людей, которые до того трусливы, что непременно ищутъ случаю подраться одинъ разъ, что-бы потомъ уже имѣть право поставить себѣ за правило никогда не драться. Они-то и изобрѣли дерзкую фразу *j'ai fait mes preuves*, «я доказалъ свою храбрость», и повто-ряютъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ-будто, однажды доказавъ храбрость, можно тѣмъ избавиться отъ труда носить ее при себѣ.

Однимъ словомъ, графъ де-Бельнонсъ, по-видимому, обладалъ всѣмъ, что, также по-видимому, любятъ меч-тательныя Нѣмки. Гертруда была тоже склонна къ мечтательности и, по обстоятельствамъ своего воспитанія, вообще сочувствовала всякому, кто казался сколько-нибудь страждущимъ. Она видѣла, какъ мать ея умерла съ горя; она видѣла какъ отецъ ея попиравъ ногами уваженіе, ко-торымъ былъ обязанъ своей женѣ и дочери. Судите же, какъ она должна была смотрѣть на чело-вѣка, для котора-го подобныя обязанности были столь священны, что онъ безпрестанно плакалъ отъ невозможности исполнять ихъ! Съ какимъ вниманіемъ и участіемъ она должна была слу-шать его, когда онъ описывалъ свою мать, украшенную всѣми добродѣтелями ея матери; въ какой энтузіазмъ должны были приводить ее рассказы, о томъ какъ онъ, несчастный, по ночамъ бродилъ около темницы своей ма-тери переряженный то солдатомъ, то матросомъ, то му-жикомъ, и о томъ какъ онъ подкупилъ тюремнаго сторо-

жа, какъ лѣзъ на высокую стѣну, какъ порвалась веревка, какъ онъ упалъ съ высоты на мостовую и какъ лишился чувствъ!... хотя во всемъ этомъ не было ни слова правды. Мосьё де-Бельнонсъ, повергнувъ въ отчаяніе Марсель и Эзъ своими низкими «шалостями», прятался гдѣ-то въ подвалѣ въ тотъ день, когда была взята подъ стражу его родня; потомъ бѣжалъ въ Германію крича во всю дорогу «Да здравствуетъ республика!» покуда не добѣжалъ до Страсбурга, гдѣ началъ кричать «Да здравствуетъ король!» Съ-тѣхъ-поръ, странствуя изъ города въ городъ, изъ княжества въ княжество, всюду проливая слезы, всюду распѣвая нѣжные романсы сладенькими своимъ голосомъ, Бельнонсъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ былъ въ первомъ цвѣтѣ моды въ то время, когда Гертруда начала появляться въ гостиницахъ. Гертруда приглянулась шарлатану и онъ овладѣлъ ея умомъ и сердцемъ плн, лучше сказать, ея состраданіемъ, и повелъ дѣла такъ искусно, что въ короткое время добрая дѣвушка, поставившая себя въ священную обязанность защитити, утѣшить и осчастливити страдальца изгнанника, была ужаснымъ образомъ компрометирована. Страсть ея къ эмигранту сдѣлалась баснею города. Когда же она послѣ этого вздумала остеречься, де-Бельнонсъ съ неподражаемымъ отчаяніемъ грозилъ самоубійствомъ, катался въ трагическихъ конвульсіяхъ и побудилъ мамзель Морденъ къ еще болѣе безразсуднымъ поступкамъ, которые положительно свидѣтельствовали о совершенномъ покореніи ея сердца и подавали поводъ даже къ такимъ толкамъ, которые могли совершенно погубить невинную и благородную дѣвушку въ мнѣніи свѣта.

Слухъ объ этой романтической страсти, напрасно отражаемый тѣтушкою Гацфельдъ дошелъ до князя. Въ-мѣсто грознаго и бесполезнаго письма къ дочери, Морденъ взялъ отпускъ и почтовыхъ лошадей и прискакалъ въ Вѣну вмѣстѣ съ сыномъ. Тутъ онъ распорядился тоже очень благо-разумно: не дожидаясь объясненій, не давъ дочери времени оправдаться и разяѣжить отцовское сердце, онъ отправилъ своего молодого гиганта къ де-Бельнонсу съ инструкцію немедленно надавать оному надлежащее число оплеухъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣть случай убить его, а самъ при-

готовился на другой день утромъ посадить дочь въ свою карету и увезть въ Ломбардію.

Къ собственному своему несчастію Морденъ не выдержалъ, открылъ дочери свою тайну въ первую же минуту свиданія, и къ несчастію для Гертруды, она, кромѣ страху, питала къ отцу недовѣрчивость и презрѣніе довольно справедливыя. Добродѣтель, проповѣдусмая порокомъ, бессильна, и человѣкъ, уморившій свою жену на глазахъ дочери, плохо могъ убѣдить сердце той же самой дочери. Таковъ всегда будетъ наказанъ непокорностью дѣтей.

Молодой Морденъ, по сказанному какъ по писанному, отыскалъ де-Бельнонса, надавалъ ему оплеухъ и назначили стрѣляться на другой же день утромъ. Дѣло очень простое и очень естественное. Но злобный духъ Мордена не могъ отказать себѣ въ маленькомъ наслажденіи помучить дочь разговоромъ объ этомъ и потерзать сладкою своею надеждой, что де-Бельнонсъ будетъ убитъ. Тогда голова Гертруды и безъ того уже вскруженная, совершенно потерялась. Вечеромъ тайно она побѣжала изъ дому тѣтки прямо къ де-Бельнонсу, увѣрять малодушнаго хвастуна, что верхомъ храбрости будетъ стерпѣть оплеухи и не драться. Услышавъ эту пѣсню; псхудавшій уже отъ страху страдалецъ-изгнанникъ такъ разъярился, что все хотѣлъ разстрѣлять и изрубить, и брата и отца и самого себя.

Гертруда упала къ ногамъ этого человѣка, обнимала его колѣни и умоляла пощадить жизнь отца и всего семейства; потомъ, чтобы укротить грознаго льва, который дрожалъ какъ осиновый листъ, обѣщала любить его всегда, если будетъ нужно, даже бѣжать съ нимъ. Де-Бельнонсъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ подобнаго предложенія.

Въ шесть часовъ утра назначена была дуэль. Черезъ часъ потомъ Гертрудѣ предстояло ѣхать съ отцомъ, а за часъ до всего этого она и де-Бельнонсъ разными дорогами выѣхали изъ Вѣны, съ тѣмъ чтобы встрѣтиться на границѣ Франціи. Этой разлуки въ побѣгъ требовалъ де-Бельнонсъ: онъ не хотѣлъ похищать дочери князя Мордена: онъ хотѣлъ, чтобы она сама бѣжала за нимъ. Молодому Мордену онъ оставилъ записку, въ которой объявлялъ,

что не хочет поднять руки на брата той, которую любить, а восторженную дѣвушку заставилъ написать, что, услышавъ объ отъѣздѣ милаго, она не захотѣла остаться тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Они уѣхали. Черезъ два часа послѣ нихъ, съ такою же скоростью и также по разнымъ дорогамъ, мчалась погоня. Болѣе всѣхъ догоняющихъ тревожился докторъ Магнусъ.

Онъ желалъ первый догнать Гертруду, съ одной стороны, длительно чтобы стать между ею и разгнѣваннымъ отцомъ, съ другой, чтобы, если возможно, предупредить ея встрѣчу съ де-Бельнонсомъ. Магнусъ былъ счастливѣе всѣхъ въ выборѣ дороги: онъ прискакалъ въ Туринъ въ ту самую минуту, когда любовники только-что стали продолжать путь вмѣстѣ. Гертруда не отказалась дожидаться отца, хотя бы это стоило ей жизни, но де-Бельнонсу не нравилась такая встрѣча. Послѣ долгаго спору съ докторомъ онъ предпочелъ бѣжать въ одиночку, написавъ къ Гертрудѣ письмо, въ которомъ между-прочимъ сказалъ: «Я встрѣтилъ васъ чистую и чистую же опять возвращаю вашему семейству».

Замѣйте, пожалуйста, эти слова: они-то именно и погубили Гертруду.

Трусость придала де-Бельнонсу неслыханную храбрость: чтобы избѣжать встрѣчи съ Морденами, онъ не побоялся воротиться во Францію, въ самую середину ужасовъ.

Черезъ полдня по отъѣздѣ де-Бельнонса прибылъ князь Морденъ. Удивило ли тигровую душу этого стараго Татарина мужество дочери, и покорность ея, и восторженная любовь ея, или въ немъ заговорило отеческое чувство?... или онъ устранился уморить дочь, послѣ того какъ уморилъ жену?... но только онъ отложилъ наказаніе ея до отмщенія похитителю. Этого онъ непремѣнно хотѣлъ наказать. Сопровождаемый своими дѣтьми и докторомъ, онъ продолжалъ преслѣдовать де-Бельнонса. На границѣ Франціи онъ не побоялся открыть комиссару конвенціи цѣль своего путешествія и безъ труда получилъ правильный паспортъ подъ именемъ барона Лиденича.

Морденъ потерялъ слѣдъ бѣглеца, но самое простое разсужденіе должно было повести къ тому, что де-Бель-

нонса надобно искать тамъ, гдѣ у него могли оставаться друзья, то есть, въ Провансѣ и въ Дофинѣ. Черезъ три мѣсяца поисковъ узнали, что онъ скрывается въ Марсельѣ.

Но съ-тѣхъ-поръ какъ князь Морденъ находился подъ вліяніемъ присутствія дочери, прекрасной, благородной Гертруды, даже безумная восторженность которой заслуживала уваженія, съ-тѣхъ-поръ жажда мщенія мало-помалу потухла у него и онъ понялъ, что убивъ де-Бельнонса онъ въ то же время убьетъ и дочь свою. Разсудивъ это, онъ по-немногу давалъ замѣтить, что даже дастъ свое согласіе на бракъ, чтобы выручить добрую славу своего имени, если только де-Бельнонсъ стѣнитъ половины того, что объ немъ говорить Гертруда.

Около того времени, когда это намѣреніе было принято, докторъ нашель де-Бельнонса. Онъ же устроилъ и назначилъ мѣсто свиданія въ томъ разоренномъ и опустѣломъ загородномъ домѣ, о которомъ я уже рассказывалъ.

Не должно забывать, что въ то время, когда случились всѣ эти происшествія, путешествовали не такъ удобно, какъ нынче, особенно если кто имѣлъ честь быть эмигрантомъ. Докторъ оставилъ де-Бельнонса въ Манокѣ, откуда тотъ долженъ былъ отправиться или въ Тулонъ или въ Марсель, черезъ двѣ недѣли, когда Магнусъ извѣститъ его о мирномъ расположеніи князя. Но чтобы проводить де-Бельнонса на свиданіе и обезопасить его путешествіе, нужно было послать за нимъ кого-нибудь, съ кѣмъ бы онъ могъ ѣхать переодѣтый въ видѣ слуги, а какъ было опредѣлено два мѣста встрѣчи, то нужно было назначить двоихъ вожатыхъ. Докторъ, повидавшись и условившись съ княземъ, отправился въ Тулонъ, а въ Марсельѣ обязанности вожатой приняла на себя Жозетта Малізъ.

Нѣтъ никакой надобности рассказывать, какимъ образомъ докторъ Магнусъ встрѣтилъ эту женщину и ея мужа на ярмаркѣ въ Бокерѣ; какъ узналъ о ихъ преданности къ семейству де-Бельнонсъ, у котораго нѣкогда оба служили въ домѣ. Малізъ, узнавъ, что докторъ отъискиваетъ молодого де-Бельнонса вовсе не съ враждебною цѣлью, охотно вызвался доставить его на мѣсто свиданія, но будучи

самъ подозрѣваемъ въ роялизмъ, не смѣлъ ѣхать съ эмигрантомъ прямо изъ Марсея, а поручилъ это, какъ известно, своей жейбѣ, которая не знала де-Бельнонса лично.

Если бы случаи не такъ часто входили въ дѣла людей, если бы многія событія въ исторіи, измѣнившія весь видъ этой исторіи, не зависѣли отъ совершенно ничтожныхъ, на-видъ, обстоятельствъ, то, конечно, обстоятельства, въ которыхъ я неожиданно запутался, могли бы показаться даже и мнѣ самому нелѣпымъ изобрѣтспіемъ какого-нибудь коварнаго романиста. Но я не обязанъ рассказывать вещи, которыя были бы вѣроятнѣе истины, а вы знаете, что самъ Буалдъ сказалъ:

« Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable. »

« Истина иногда можетъ быть невѣроятна. »

Признакомъ, по которому Жозетта Мализъ должна была узнать графа де-Бельнонса, былъ назначенъ именно золотой перстень съ чернымъ алмазомъ. Черный алмазъ — вещь довольно рѣдкая, для того чтобы найти ее въ перстнѣ, на указательномъ пальцѣ у двоихъ молодыхъ людей пріятной наружности, которые оба эмигранты и оба спасаются отъ механическаго топора мосьё Гиліотена. Это одинъ случай, а вотъ и другой, отъ котораго пошло несчастье.

Князь Морденъ, отбиваясь отъ отчаянія дочери и отъ увѣщаній доктора, чтобы опереть на что-нибудь свой отказъ въ согласіи на бракъ, раза два или три между прочимъ сказалъ:

— Но по собственному увѣренію этого человѣка, дочь моя невинна, слѣдовательно мнѣ нѣтъ ни какой прямой надобности прикрывать дѣло бракомъ. Я убью мерзавца, и дѣло съ концомъ.

Изъ этого Гертруда вывела заключеніе, что скорѣе получила бы прощеніе и согласіе, если бѣ была въ самомъ дѣлѣ преступна. Послѣ этого понятно, сколько такая идея въ невинной головѣ должна была облегчить мое безумное и дерзкое предпріятіе.

Если кто-нибудь вздумаетъ на это возразить, зачѣмъ я

предпринималъ то, что самъ называю безумнымъ и дерзкимъ, тому я замѣчу просто, что справедливо можно судить о поступкахъ другаго человѣка тогда только, когда не только поставишь себя на его мѣсто, но усвоишь и тотъ самый образъ мыслей, какого онъ необходимо долженъ былъ держаться при данныхъ обстоятельствахъ. Это — во-первыхъ, а во-вторыхъ, не только я, который никогда не хвасталъ своею твердостью, но и самый твердый изъ твердыхъ иногда бываетъ слабъ. Это такъ же истинно какъ то, что трусы—храбрецы.

Вамъ уже извѣстно, что потомъ происходило. Теперь остается только объяснить, почему послѣ пистолетнаго выстрѣла, изъ собственныхъ рукъ князя Мордена,—онъ же баронъ Лиденичъ,—меня не добили, а напротивъ, бережно повезли и стали сперва заботливо лечить, а потомъ опять разсудили уморить съ-голоду, какъ собаку.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего прибытія съ Гертрудою въ павильонъ разоренной дачи, пріѣхалъ докторъ Магнусъ съ графомъ де-Бельнономъ.

Де-Бельнонъ ѣхалъ жениться. Судите же изумленіе его, когда онъ узналъ, что сама Гертруда противится этому браку. Морденъ, какъ человѣкъ благоразумный, растолковалъ ему, что Гертруда противится отчаяннаго негодованія на то, зачѣмъ женихъ оставилъ ее въ Туринѣ одну, на произволъ отцовскому гнѣву. Видѣться имъ не позволили.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда старому Татарину пришло въ голову слѣдующее великолѣпное разсужденіе:

— Дочь моя жестоко компрометирована побѣгомъ, сказалъ онъ себѣ; и для кого компрометирована? Для москѣ де-Бельнонса. Первое средство исправить это оскорбленіе чести моего имени — выдать дочь за де-Бельнонса. Но по излишней щекотливости и восторженной своей любви къ этому дураку она не соглашается. Это значитъ, мамзель Морденъ или погибла или ее нужно выдать за того, кто причиною ея несчастія.

Разсужденіе это, какъ видите, было довольно замысловато. Морденъ освѣдомился о преступникѣ. Допрошенная

Гертруда сказала ему, что я свободенъ; по бумагамъ мнѣ можно было видѣть, что я ношу имя, которое стоить имени всѣхъ де-Бельнонсовъ, гуртомъ взятыхъ. Морденъ рѣшилъ, что я способенъ исправить дѣло его дочери передъ глазами всего нѣмецкаго дворянства, въ случаѣ, если этого нельзя будетъ сдѣлать посредствомъ де-Бельнонса. Объ этомъ было продолжительное совѣщаніе съ докторомъ и съ молодымъ гигантомъ, который въ видѣ примѣчанія безпрестанно прибавлялъ: «А я убью того, который останется». Потомъ снарядили въ дорогу три кареты. Въ одной поѣхалъ князь Морденъ съ дочерью; въ другой я, безъ чувствъ, съ докторомъ; въ третьей Христофоръ съ де-Бельнонсомъ, за котораго отвѣчалъ своей головой. Это было не трудно, потому что де-Бельнонсъ, вовсе не зная что случилось, ѣхалъ жениться очень охотно.

Онъ и женился, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть изъ окна своего лазарета въ замкѣ Морденъ. Гертруда согласилась наконецъ исполнить требованія отца на условіяхъ, которыя мы увидимъ послѣ.

Послѣ вѣнчанія, прямо изъ церкви, де-Бельнонсъ отправился въ Ломбардію. Это было публично объявлено, какъ искупленіе и очищеніе отъ грѣховъ, предписанное ему строгимъ отцомъ невѣсты. Присутствовавшимъ при церемоніи было извѣстно, что черезъ годъ молодымъ будетъ позволено свидѣться и жить вмѣстѣ; но князь Морденъ надѣялся, что втеченіи этого времени успѣетъ какъ-нибудь подвести любезнаго зятя подъ непріятельскую пулю, что и казалось довольно вѣроятнымъ, потому что герръ Бонапартъ уже начиналъ довольно изрядно трепать австрійскіе полки.

Когда дѣло по браку было кончено, меня рѣшили предоставить на произволъ болѣзни и смерти, какъ вещь уже совершенно не нужную. Остальное извѣстно.

Когда человѣкъ рассказываетъ о какомъ-нибудь происшествіи, въ которомъ принималъ участіе, то всегда удѣляетъ себѣ благовѣдную роль. Пояспля мнѣ всѣ эти подробности, докторъ Магнусъ поступилъ точно такъ же. Роль его была преисполнена честности, человѣколюбія и состра-

данія къ Гертрудѣ. И впоследствии я узналъ, что почтенный докторъ Магнусъ въ самомъ дѣлѣ велъ себя такъ неукоризненно какъ говорилъ: его невозможно было обвинить ни въ чемъ кромѣ, развѣ, одного маленькаго чувства, но этого маленькаго чувства было достаточно, на то чтобы опрокинуть вверхъ ногами всѣ прочія его добродѣтели. Это была невыразимая трусость передъ княземъ Морденемъ. Мысль этого человѣка парила надъ головою честнаго Магнуса, какъ коршунъ надъ перелеткой, которая уже чувствуетъ себя съѣденною. Съ самыми превосходными и благородными намереніями своими и съ отчаяніемъ въ душѣ, съ угрызеніями совѣсти добродѣтельнаго сердца, докторъ Магнусъ помогалъ и еще-готовился помочь князю Мордену совершить предположенное преступленіе.

Отдавъ приказанія по этой статьѣ, князь Морденъ, который тайно пріѣзжалъ въ свой замокъ, чтобы удостовѣриться въ подозрѣніи, опять уѣхалъ воевать въ Италію. Тѣмъ не менѣе однако жъ Гертруда была въ опасности. Не разбирая и не объясняя себѣ чувствованій, которыя побуждали меня, я послѣ бесѣды съ докторомъ еще тверже рѣшился непремѣнно остаться у Моргосъ-Козса и употребить всѣ силы, чтобы спасти несчастную отъ злодѣйскихъ замысловъ ея отца, на что соглашался и Магнусъ, который однако жъ ни какой не видѣлъ возможности, потому что былъ слишкомъ ослабленъ страхомъ. Въ намереніи моемъ меня подкрѣпило еще одно обстоятельство, объясненіе котораго я однако жъ долженъ отложить, чтобы рассказать сперва о предшествовавшихъ событіяхъ.

Несмотря на тайну, въ которой князь Морденъ содержалъ причину моего помѣщенія въ замокъ, Тѣта поняла, что эта причина имѣетъ отношеніе къ Гертрудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мое заточеніе въ подвалъ совпадало съ бракосочетаніемъ мамзель Морденъ и всякому уму, который хоть немного потрудился бы сообразить, показало бы что мѣра эта была слѣдствіемъ перемѣны обстоятельствъ Гертруды. Тѣта, конечно, спросила себя, за что могли покушаться на истребленіе молодаго человѣка именно въ день свадьбы молоденькой дѣвушки, если не для того чтобы этого молодой человѣкъ не посрамилъ ее передъ мужемъ.

Хотя романтическая исторія Гертруды не дошла до пустынного Кешкемета, однако жъ особенность способу бракосочетанія и послѣдовавшая за тѣмъ разлука новобрачныхъ возбудили любопытство и подозрѣнїе Цыганки, которая ненавидѣла Гертруду, такъ же какъ и покойную ея мать, всѣми силами огненной души своей. Она отдала бы цѣлую руку за то, чтобы имѣть право отплатить гордой дочери князя Мордена тѣмъ же презрѣнїемъ, какое знала за нею, и рада бы была открыть что-нибудь оскорбительное и унижительное для Гертруды. Поэтому, заставъ меня, когда я стоялъ у окна и всматривался черезъ дворъ замка въ черты Гертруды, Цыганка вмигъ прочитала въ моихъ глазахъ, что я вижу эту женщину не въ первый разъ. Подозрѣнїе ея подтвердилось убѣдительнымъ доказательствомъ. И вотъ что она сдѣлала.

На другой день послѣ моего освобожденія, въ передней графини де-Бельмонсъ явился посланный отъ Тѣты съ порученїемъ, которое, какъ онъ говорилъ, приказано было исполнить не иначе какъ лично передъ ея сіятельствомъ. Объ этомъ доложили. Гертруда сначала вовсе не хотѣла принять посланнаго, потому что не желала имѣть ни какихъ сношеній съ презрѣнною и ненавидною Цыганкой, но потомъ, разсудивъ, что увидитъ не ее самую, а своего же собственнаго человѣка, приказала впустить.

Гертруда сядъла на возвышенїи, въ великолѣпныхъ княжескихъ креслахъ, окруженная своими женщинами какъ дворомъ, посреди котораго докторъ Магнусъ представлялъ перваго министра. Посоль Тѣты, не дошедши нѣсколькихъ шаговъ до возвышенїя, преклонилъ колѣно и подавая сложенную бумажку сказалъ:

— Милостивая графиня, вотъ письмо, которое твоя раба Тѣта приказала отдать твоей милости.

Записка, принятая одною изъ горничныхъ, перелетѣла черезъ нѣсколько рукъ и дошла до доктора Магнуса, который прочиталъ вслухъ слѣдующее:

«Тѣта, дочь Моргосъ-Коаса, вольная дѣвушка, благородной графини де-Бельмонсъ.

«Въ замкѣ Морденъ случилось происшествїе, о которомъ нужно вамъ знать. У стѣнъ этого замка найденъ до-

«рогѣй перстень, который долженъ принадлежать къ сокровищамъ княжеской фамилии Морденъ и потому нашедшая, не желая присвоивать себѣ ничего чужаго, посылаетъ эту вещь благородной дочери князя. Если же перстень принадлежит кому-нибудь иному, то пусть онъ будетъ переданъ потерявшему, чтобы не сказали, будто Тѣта Моргосъ-Козъ виновна въ покражѣ.»

Гертруда не понимала, что это значить.

— Ступай, сказала она съ досадой, скажи той, которая прислала тебя, чтобы она сама берегла, что нашла, и возвратила бы тому, кто потерялъ.

Но слуга вынулъ изъ маленькаго бархатнаго мѣшечка перстень и, положивъ на коверъ, сказалъ:

— Пославшая меня приказала оставить эту вещицу здѣсь, если ваша милость не изволить принять.

Перстень этотъ былъ тотъ-самый, который я обронилъ за окно и который Тѣта, вѣроятно, отыскала въ то же утро. При первомъ взглядѣ на него Гертруда и докторъ изумились, такъ, что не могли скрыть волненія. Оба узнали его: и Гертрудѣ онъ доказывалъ, что я или былъ или еще въ ту минуту находился въ замкѣ, между-тѣмъ какъ докторъ спрашивалъ себя, съ какою цѣлью Тѣта могла прислать Гертрудѣ, объ отношеніяхъ которой не знала, такую вещь, которую сняла съ руки арестанта или во время болѣзни или по смерти.

— Пойди, скажи пославшей тебя, что она скоро получить мой отвѣтъ, промолвила Гертруда.

Слуга ушелъ.

Изумленіе графини и доктора было такъ явно, что окружающимъ нельзя было не примѣтить этого. Гертруда выслала всѣхъ и осталась одна съ докторомъ, который поднялъ перстень съ полу.

— Такъ онъ былъ здѣсь? спросила Гертруда пристально глядя на доктора.

Магнусъ не могъ выдержать ни этого взгляду, ни ужасу, въ который приводила его эта присылка. Онъ отвѣчалъ:

— Его привезли сюда.

— Онъ и теперь здѣсь?

— Я думаю, что онъ умеръ, нерѣшительно проговорилъ Магнусъ.

— Умеръ? Какимъ же образомъ?

— Не знаю..... я не.....

— Какъ! вы, докторъ моего отца, вы не знаете какимъ образомъ умеръ раненый, оставленный на вашихъ рукахъ?

— Онъ впоследствии былъ порученъ не мнѣ.

— Кому же?

— Тѣтъ.

— А! вскричала Гертруда: это значитъ, что онъ отравленъ или иначе какъ-нибудь убитъ!

Магнусъ молчалъ. Гертруда скорыми шагами ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ она остановилась и вскричала:

— О! теперь я понимаю сказку объ узникѣ, котораго нечистая сила унесла изъ замка.... теперь я понимаю, за что перваго изобрѣтателя этой сказки въ ту же минуту усадили, когда онъ рассказывалъ ее и когда въ подвалѣ случился пожаръ!

— Но, быть-можетъ, этотъ узникъ и не умеръ, возразилъ Магнусъ.

Это было важное слово. Сказавъ его, надлежало представить доводы и Магнусъ объяснилъ, что не нашелъ въ залѣ ни какихъ остатковъ моего тѣла.

— Стало-быть Тѣта спасла его противъ воли князя. Но если онъ живъ, такъ зачѣмъ же она посылаетъ мнѣ этотъ перстень? Стало-быть она знаетъ объ нашихъ отношеніяхъ?.... Эта женщина пишетъ ко мнѣ..... эта женщина смѣетъ насмѣхаться надо мной!... Но какимъ же образомъ она узнала мою тайну? Стало-быть отецъ мой сказалъ ей?

— Нѣтъ, возразилъ Магнусъ: князь не дойдетъ до такой слабости.

— Ну, такъ, стало-быть, самъ опъ! вскричала Гертруда.

На это Магнусъ не могъ ничего возразить. Про себя онъ вывелъ заключеніе, что если Тѣта спасла узника, то объ этомъ, конечно, можетъ знать и отецъ ея, Моргосъ. Это, какъ мы видѣли, довольно приблизило его къ истинѣ, хотя и другимъ путемъ. Въ тотъ же вечеръ опъ отправился въ домъ старосты и Нагича свела насъ обливъ

миѣ носъ горячимъ саломъ, какъ я также уже имѣлъ честь докладывать.

Разставшись тогда со мною, Магнусъ велѣлъ миѣ три дня дожидаться новаго свиданія не потому, что ему нужно было столько времени для справокъ и объясненій, а потому что дни и часы, въ которые ему позволялось выходить изъ замку были впередъ строго опредѣлены княземъ. Когда Магнусъ разсказалъ обо миѣ Гертрудѣ, она сильно встревожилась и просила, чтобы онъ узналъ отъ меня, что я намѣренъ дѣлать.

До этой точки дошли наши объясненія съ докторомъ, когда вдругъ кто-то постучался въ дверь. Магнусъ поблѣднѣлъ какъ полотно и вытаращилъ на меня испуганные глаза. Моргосъ-Ковсъ и Нагича всё-еще блаженствовали въ чаду восхитительныхъ видѣній отъ «лица боговъ». Было около полуночи.

— Кто можетъ стучаться сюда теперь? спросилъ Магнусъ шопотомъ: изъ деревни никто не пойдетъ къ дому Моргоса въ такую пору. Всѣ они знаютъ, что колдунъ по ночамъ бесѣдуетъ съ духами тьмы.

Къ ужасу доктора стукъ повторился сильнѣе прежняго.

— Надобно отворить, сказалъ я.

— Но кому же отворить?

— Спросите сперва, кто тамъ.

— Но я не хочу никому говорить, что я здѣсь.

— Развѣ вы не имѣете права? спросилъ я: вѣдь сегодня вашъ день.

— Да, день, но не ночь, возразилъ онъ съ безпокойствомъ: я уже слишкомъ много просрочилъ.

— Что жъ дѣлать. Теперь въ замкѣ объ этомъ, конечно, ужъ знаютъ.

— Нѣтъ, знаетъ только гайдукъ, который стережетъ одну вылазную дверь. Онъ согласился впустить меня на разсвѣтѣ съ тѣмъ, чтобы объ этомъ однако жъ никто не зналъ. У этого гайдука сынъ при смерти и я сказалъ, что не иначе могу вылечить его, какъ набравши въ полѣ цѣлебныхъ травъ въ полуночное время. За это онъ далъ миѣ сроку и, будуче увѣрены, онъ скорѣе далъ бы умереть

сыну, чѣмъ выпустилъ бы меня безъ торжественной клятвы, что я ворочусь во-время.

— Возможно ли? вскричалъ я: отецъ дастъ умереть сыну.....

— Да, отецъ, перебилъ докторъ: отецъ, который отдаетъ свою жизнь за жизнь сына и который не осмѣлится преступить воли своего господина.....

Въ эту минуту стукъ еще разъ повторился, но уже не въ дверь, а позади насъ, въ ставню окна, и вслѣдъ затѣмъ раздался голосъ:

— Отопри же, батюшка!..... Это—я..... Тѣта!

— Тѣта! повторилъ докторъ шопотомъ и посмотрѣлъ на меня въ остолбенѣннн: какъ же она вышла изъ замку?

— Если она могла выпустить меня, такъ отчего же ей не выйти самой. Надобно впустить ее.

Магнусъ присовѣтовалъ мнѣ уйти въ ту комнату, которую мнѣ отвели для спальни, и затворивъ за мною дверь, пошелъ впустить Цыганку.

Тѣта поспѣшно вошла и съ изумленіемъ остановилась передъ отцомъ и мачихой.

— Чтò у тебя за тайныя дѣла здѣсь въ домѣ, что ты погрузилъ ихъ въ этотъ гибельный сонъ, въ которомъ человекъ научается презирать жизнь?

Магнусъ рассказалъ ей о травахъ, которыхъ будто бы искалъ для больного ребенка. Тѣта пожирала его глазами.

— Ты лжешь! вскричала она прерывая его: ты пришелъ сюда видѣться съ узникомъ.

— Съ какимъ узникомъ?

— Съ тѣмъ, которому принадлежитъ перстень, чтò я прислала дочери князя.

— Такъ онъ не умеръ? спросилъ Магнусъ.

— Полно. Какъ ни тихо вы шептались и притомъ на языкѣ, котораго я не понимаю, однако жъ я слышала, что онъ здѣсь: я узнала его голосъ.

— Ты ошиблась, Тѣта.

— О! герръ Магнусъ! продолжала Тѣта съ томнымъ отчаяніемъ: кто живетъ въ такомъ уединеннн какъ я, тотъ научается слышать многое, чтò недоступно слуху другихъ людей. Чтò для тебя—совершенное безмолвіе ночи, то для

меня наполнено звуками и голосами, которые я могу объяснить тебѣ, если хочешь. Магнусь, я провела столько часовъ дней моихъ годовъ, столько лѣтъ моей жизни въ ожиданіи звуку, котораго не дождалась, въ подслушиваніи оклику, который бы извѣстилъ меня о сосѣдствѣ чего-нибудь роднаго, о приближеніи какого-нибудь соплеменнаго табору; я столько напрягала слухъ, что подмѣтила всѣ тайны, всѣ звуки и малѣйшій шорохъ окрестной пустыни. Я тебѣ скажу часть, когда лисица выходитъ изъ своей норы за добычей; я тебѣ назову того, кто спитъ спокойно въ этой деревнѣ, и тѣго, кого тревожатъ страшныя грезы. Я слышу голосъ ребенка, который плачетъ, и голосъ матери, которая молится, и когда вѣтеръ подуеъ къ намъ черезъ большой Кешкеметъ и пройдетъ для тебя по роцѣ какъ простой шелестъ въ листьяхъ, я разберу тебѣ всѣ звуки, всѣ вѣсти, которыя онъ принесетъ издалека. Въ этомъ вѣтрѣ я слышу, какъ поютъ молодые дѣвушки, какъ скачутъ добрые всадники; слышу, какъ колоколъ гудитъ на похоронахъ и на свадьбѣ; слышу веселую, шумную пляску и говоръ, и звонъ серебряныхъ шпоръ; слышу, какъ толпа торгуется на рынкахъ, какъ полки идутъ мѣрнымъ шагомъ подъ звуки трубъ и литавровъ, и слышу, какъ поздною ночью шепчетъ любовь. О, Магнусь! тонокъ у меня слухъ! Ты не обманешь меня. Я слышала и его голосъ: онъ здѣсь.

Говоря это Цыганка была блѣдна; глаза ея, уже покраснѣвшіе отъ слезъ, снова увлажнились; голосъ звучалъ уныло. Магнусь смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Кликни его, гдѣ онъ? сказала вдругъ Тѣта повелительно.

Магнусь позвалъ меня. Я вышелъ. Тѣта пристально посмотрѣла на меня, но не отвѣчала на мой поклонъ, потомъ сдѣлала знакъ, чтобы мы слѣдовали за нею.

Она повела насъ въ спальню Моргоса, отворила тамъ дверь, скрытую за большимъ чернымъ занавѣсомъ и вошла въ лабораторію алхимика-астролога, куда пригласила и меня съ докторомъ.

— Хорошо, если Моргосъ не очнется какъ-нибудь раньше обыкновеннаго, сказалъ мнѣ докторъ приостановившись:

иначе худо намъ будетъ. Онъ не-разъ говорилъ мнѣ: «Если кто-нибудь проникнетъ въ мое святилище, будь это хоть дочь моя, то это всё-равно, что переступить черезъ порогъ гроба, откуда нѣтъ возврата.» Зачѣмъ она ведетъ насъ туда?

Тѣта нетерпѣливо повторила приглашеніе и мы вошли. Въ этой странной комнатѣ не было оконъ: она освѣщалась висѣвшею на потолкѣ лампою. На полкахъ и по угламъ стояли чучелы разныхъ птицъ и пресмыкающихся, инструменты, химическая посуда, стеклянки съ разноцвѣтными жидкостями и пучки травъ. Въ одномъ углу находилась небольшой очагъ съ таганомъ и разными принадлежностями, въ другомъ стоялъ небольшой столъ. На немъ и подлѣ него на полу стояли небесные глобусы, сферы и валялись развернутыя старыя книги. Посреди комнаты, подъ лампою, другой столъ и на немъ лежала какая-то грязная овчина. Намъ съ докторомъ уже пришла-было охота позабавиться надъ страшнымъ убѣжищемъ колдуна, какъ-вдругъ овчина на столѣ зашевелилась и мы содрогнулись. Изъ нея поднялось чтѣ-то, чего мы сначала не могли разглядѣть по причинѣ тусклага свѣту. Мы подошли ближе и, признаюсь, я никогда въ жизнь свою не ужасался такъ какъ тутъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ огромною гремучею змѣей. Медленно вытягиваясь изъ-подъ овчины и выпрямляясь вертикально, она уставила на меня свои ужасные огненные глаза, наполненные тою волшебною магнитическою силой, которая такъ неодолимо влечетъ обреченную жертву въ отверзтую пасть этого чудовища.

Если бъ я былъ одинъ, проклятая змѣя непременно обвинила бы меня своими кольцами и сдѣлала бы изъ меня новаго Лаокоона прежде нежели я успѣлъ бы подумать о спасеніи. Тѣта схватила и отдернула меня. Змѣя оборотилась къ ней и, раздраженная тѣмъ, что у нея отняли добычу, испустила страшный свистъ. Мы съ докторомъ схватились за руки и чуть дыша ждали, чтѣ будетъ. Тѣта подошла прямо къ столу и вдругъ положила руку на голову змѣѣ и стала ее гладить по шѣѣ, какъ хозяинъ свою заворчавшую собаку, которую хочетъ укротить, и въ то

время, наклонившись къ чудовищу, заплѣла какую-то дикую пѣсню. Змѣя начала медленно кивать головой, надувать шею, покачиваться со стороны на сторону, раздѣвая и опять закрывая пасть и поводя сверкающими глазами, какъ-будто злилась на то, что не можетъ устоять противъ могущественныхъ чаръ заклинательницы.

Мало-по-малу голова змѣи опустилась на столъ, глаза закрылись и она совсѣмъ втянулась подъ овчину. Тѣта во все это время не переставала пѣть. Когда чудовище совершенно погрузилось въ оцѣпенѣніе, Магнусъ сказалъ:

— Да, да! должно признаться, этотъ народъ обладаетъ тайнами, которыя превосходятъ всѣ наши науки.

— Ну, это-то я видѣлъ и у самыхъ пошлыхъ индѣйскихъ скомороховъ. Если только въ этомъ состоитъ колдовство Моргоса и его дочери, то тайное искусство ихъ еще не велико.

Я еще не кончилъ, какъ вдругъ Тѣта обернулась къ намъ и сказала Магнусу:

— Хотя вы говорите на языкѣ, котораго я не понимаю, однако жъ я вижу, что вы оба презираете мое знаніе. Берегитесь! вы здѣсь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я легко могу дать вамъ почувствовать все мое могущество.

— Вѣримъ, вѣримъ, отвѣчалъ докторъ: мы и не презираемъ твоего знанія. Но объяснись же, зачѣмъ ты призвала насъ сюда?

— За тѣмъ, чтобы ты, понимающій его языкъ, объяснилъ ему что я хочу сказать.

— Что же ты хочешь сказать?

Вмѣсто отвѣту Цыганка взяла ключъ, спрятанный подъ кольцами свернувшейся змѣи, отперла обитый желѣзомъ ларчикъ и сдѣлала знакъ, чтобы мы подошли. Ларчикъ этотъ былъ наполненъ золотыми и серебряными монетами всѣхъ странъ, жемчугомъ, яхонтами и брилліантами. Она указала ихъ мнѣ и сказала Магнусу:

— Тутъ больше нежели княжеское богатство! Спроси его, хочетъ ли онъ обладать имъ и хочетъ ли за это взять меня съ собою въ свою землю и жениться на мнѣ?

Предложеніе это было не шуточное и отвѣчать на него было не легко. Къ счастью, Магнусъ, переводя слова Цы-

ганки по-французски догадался предварить меня слѣдующими словами:

— Остерегитесь. Отъ виду, какой вы покажете на предложеніе, можетъ зависѣть ваша жизнь и смерть.

Я сталъ слушать это предложеніе съ твердымъ намѣреніемъ не понять, что будетъ сказано. Когда онъ кончилъ, я въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что не понимаю, и просилъ повторить. Магнусъ передалъ слова мои Тетѣ и она повторила объясненіе. Это дало мнѣ подумать, но по устремленному на насъ подозрительному взгляду Теты было видно, что она видитъ нашу хитрость. Я видѣлъ также, что рѣшительный отказъ подыметъ страшную грозу, которая уже была на-готовѣ, и не зная, что сказать, я началъ съ вопросомъ:

— Но развѣ Тета не знаетъ, говорилъ я Магнусу, что сочетаться бракомъ можно только съ тѣмъ, кого любишь? Могу ли я повѣрить, чтобы она предпочла любовь бѣднаго изгнанника любви могущественнаго и богатаго князя Мордена?

При этомъ вопросѣ Цыганка поблѣднѣла, но не отъ гнѣву. На глазахъ у нея навернулись слезы и она отвѣчала почти дрожащимъ голосомъ:

— Если изгнанникъ полюбитъ меня, я предпочту его любовь любви всѣхъ великихъ міра. Но я вижу, что онъ меня не любитъ.

— Почему ты это видишь? спросилъ Магнусъ.

— О, я вижу! продолжала она съ грустью: покуда онъ былъ боленъ и слабъ, онъ любилъ меня. Онъ любилъ меня и тогда, когда жилъ со мною въ моемъ уединеніи и не зналъ о моей жизни ничего кромѣ-того что я спасла его. Но съ-тѣхъ-поръ какъ онъ видѣлъ меня подлѣ князя, подлѣ того, который посягалъ на его жизнь; подлѣ того, который низвергъ меня въ величайшее униженіе рабства..... съ-тѣхъ-поръ я узнала свою ошибку: онъ не любитъ меня; онъ требовалъ только, чтобы я спасла его; онъ думалъ только о себѣ.

Она остановилась и, съ задержанною яростью посмотрѣвъ въ лицо Магнусу прибавила:

— Онъ думалъ только о себѣ.... а быть-можетъ и о другой!

— Зачѣмъ же.... если онъ не любитъ тебя.... зачѣмъ же ты пришла къ нему сюда?

— Спроси его, любитъ ли онъ меня? вскричала Тѣта съ живостью.

Магнусъ хотѣлъ сдѣлать еще замѣчаніе, но Тѣта прервала его съ новымъ порывомъ.

— Спроси его, любитъ ли онъ меня?

Магнусъ предложилъ мнѣ этотъ вопросъ воспаленной Цыганки и совѣтовалъ, ради общей нашей безопасности, отвѣчать утвердительно, что я и сдѣлалъ, но только не словами, а знаками. Я взялъ руки у Тѣты, покрылъ поцѣлуями и прижалъ къ своей груди.

Но Тѣту не легко было обмануть.

— Это говоритъ признательность освобожденнаго узника, проворчала она и потомъ, помолчавъ, прибавила: спроси его, хочетъ ли онъ уѣхать со мной, взять меня съ собой въ свою землю?

Магнусъ опять совѣтовалъ мнѣ принять предложеніе, но несмотря на опасность, какая могла угрожать намъ, я рѣшительно отказалъ.

За этимъ отказомъ послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, въ которомъ заключалась цѣлая исторія. Тѣта не произнесла ни слова, но взглядъ разгорѣвшихся глазъ ея устремлялся то на меня, то на Магнуса и выражалъ какъ-бы долгое и краснорѣчивое проклятiе и судилъ обоимъ намъ миценіе и нещерблемы бѣдствiя.

Кончивъ эту безмолвную грозную рѣчь, она сдѣлала знакъ, чтобы мы вышли. Мы поупрямились.

Никогда, никогда я не видывалъ улыбки, великолѣпнѣе той съ какою она тутъ взглянула на насъ и указала на дверь. Герой повелѣвающій своимъ тяжелымъ полкомъ, Нептунъ произносящій *Virgиліево quos ego* не болѣе увѣрены въ своихъ силахъ, не болѣе презирають тѣхъ, кому изъясняютъ свою волю. Въ ту минуту мнѣ показалось, что Тѣта имѣетъ полное право требовать любви.

Магнусъ хотѣлъ-было заговорить, но Тѣта слегка свистнула. Огромная змѣя, внезапно пробужденная быстро

приподняла голову и отвѣчала страшными свѣтосъ и шипѣніемъ. Магнусъ исчезъ, какъ-будто бы дыханіе чудовища выкинуло его. Я остался. Миѣ досадно стало познаться такой угрозѣ. Змѣя устремила на меня свои свѣтящіеся глаза и магнитическая сила ихъ опять неодолимо повлекла меня къ разинутой кровавой пасти. Я не бессознательно чувствовалъ на себѣ это адское вліяніе. Я рассуждалъ, какъ это глупо почти добровольно поддаваться какой-нибудь гадинѣ и не принять ни какихъ мѣръ къ оборонѣ, но ужасъ оковалъ всѣ мои члены, такъ, что казалось, они были способны только къ одному движенію, впередъ, къ змѣиной пасти, къ страшно очаровательнымъ глазамъ. Я затрепеталъ, голова у меня закружилась. Но Тѣта опять воспышало наложила руку на голову чудовища и вскричала. Змѣя съ шипѣніемъ оборотилась въ ней и глаза ихъ встрѣтились. Началось какъ-бы сестязаніе могущества демона съ могуществомъ женщины. Едва забывшись отъ невыразимаго ужаса, я съ жаднымъ любопытствомъ и трепетомъ наслажденія смотрѣлъ на эту борьбу. Не знаю, долго ли она продолжалась, но чудовище снова побѣждено. Снова страшная пасть сомкнулась, взоръ потухъ, голова склонилась, и змѣя, свернувшись, погрузилась въ оцѣпенѣніе. Тогда Тѣта, блѣдая какъ саважъ, обратила ко миѣ глаза, горѣвшіе какъ раскаленные угли вставленные въ голову мраморной статуи, и повторила безмолвное приказаніе выйти.

Я выпнелъ и дверь за мною затворилась.

Въ большой комнатѣ я нашелъ Магнуса, который большими глотками вина подкрѣплялъ потраченные силы. Увидѣвъ меня онъ вынулъ изъ кармана книгу и подавая сказалъ:

— Вотъ венгерскій словарь. Возьмите. Онъ пригодится вамъ на то, чтобы узнавать, что вокругъ васъ говорится. Скройте это однако жъ отъ Моргоса и въ-особенности отъ Нагичи. Эта женщина — воплощенное любопытство.

Между-тѣмъ, въ ночное время, похаживайте около замку. Я постараюсь увидѣться съ вами, какъ-скоро только возможно будетъ.

— Но что я скажу Тётѣ, если она захочетъ, чтобы я уѣхалъ?

Въ лабораторіи послышался сильный стукъ и Магнусъ скрылся прежде нежели я успѣлъ добиться отвѣту. Продолжать еще съ часъ, я отправился въ свою комнату и не слышалъ, выходила ли Тёта.

Раздумывая о своемъ положеніи, я спрашивалъ себя, не благоразумнѣе ли будетъ съ моей стороны оставить этотъ домъ и деревню, отправиться въ какой-нибудь городъ и объявить настоящее имя, чтобы поставить себя подъ покровительство имперскихъ властей. Но съ нѣкотораго времени я жилъ внѣ всякаго соприкосновенія съ гражданскими обществами и не имѣлъ ни какого понятія о правительствѣ, подъ вліяніемъ котораго нахожусь. То, что я видѣлъ въ своемъ отечествѣ, ни мало не успокоивало меня насчетъ порядка въ другихъ частяхъ Европы и я наконецъ разсудилъ, что лучшимъ моимъ покровительствомъ противъ князя Мордена во всякомъ случаѣ останется его убѣжденіе въ моей смерти, тогда какъ открытое объявленіе противнаго могло навлечь мнѣ множество неприятностей.

Однако жъ я всё-таки склонился къ тому, чтобы уйти изъ дому колдуна—Цыгана и изъ окрестностей замка. Разбирая способы побѣга, я хватился кошелька подареннаго мнѣ Тётой. Я выворотилъ карманы, выворотилъ соломенную свою постель: нѣтъ кошелька.

Была часъ четвертый утра. Моргосъ начиналъ пошевеливаться отъ своего оцѣпенѣнія; Нагича посматривала вокругъ такими глазами, какъ-будто удивлялась, какъ можно видѣть такія гадкія вещи, послѣ того, что она видѣла. Я, въ гнѣвѣ на пропажу, хотѣлъ спросить ее, гдѣ мой кошелекъ, и для этого сталъ искать въ словарѣ необходимыхъ словъ. Едва я развернулъ словарь, изъ него выпала записка, написанная очень четко по-французски:

«Вы погубили меня: неужели вы дадите погибнуть и еще существу, оставивъ его на произволь подлому замышлу?»

Я покраснѣлъ за свою мысль о побѣгѣ. Я рѣшился ос-

таться и тогда лучше понялъ послѣднія слова Магнуса. Онъ совѣтовалъ мнѣ подслушивать, что говорится вокругъ меня, вѣроятно, за тѣмъ чтобы я могъ подслушанное пересказать кому-нибудь. Онъ велѣлъ мнѣ ходить по ночамъ къ замку, конечно, для того чтобы увидѣться съ кѣмъ-нибудь. На меня надѣялись, на меня рассчитывали. Послѣ этого бѣжать было бы постыдно.

Магнусъ правду говорилъ мнѣ о дѣйствіяхъ наркотическихкихъ пилюль. Моргосъ и Нагича послѣ наслажденій сонными видѣніями впади въ какую-то полу-дремоту и ходили совершенно одурѣлые, ничего не понимали и ничего не видѣли. Это состояніе продолжалось у нихъ нѣсколько дней. Меня между-тѣмъ беспокоили тысячи различныхъ предположеній и опасеній. Въ первый день я, не видя выходила ли Тѣта, думалъ, что она ждетъ пробужденія отца, чтобы рассказать ему, кто я, и побудить къ мщенію. Послѣ этого мнѣ страшно стало подумать объ обѣдѣ и ужинѣ въ домѣ моего почтеннаго хозяина. Потомъ я думалъ даже, что она, быть-можетъ, съ отчаянія сама лишила себя жизни въ лабораторіи, гдѣ на это, конечно, нашлось бы множество средствъ, и мнѣ стало жаль ея. Но въ тотъ же вечеръ это опасеніе уничтожилось.

Лишь-только стемнѣло, я пошелъ бродить около замку; никого не встрѣтилъ, но услышалъ нѣчто,—звуки музыки, похожей на звукъ гитары, и женскій голосъ. По моему соображенію въ замкѣ были только двѣ женщины, которыя могли пѣть такимъ образомъ, — Гертруда и Тѣта. Въ нѣсколько минутъ я узналъ голосъ Цыганки.

Въ безмолвнй ноци, въ обширной пустынѣ, этотъ голосъ, необыкновенно звонкій, разносился по воздуху какъ будто голосъ феи, издалека призывающей своихъ блуждающихъ сестеръ. Въ немъ было что-то пронизательное, крѣпкое, какъ въ стеклянныхъ звукахъ гармоникки. У меня на умѣ, конечно, были не серенады и посередѣ совершенно романческаго похождения я былъ настроенъ вовсе не романически, однако жъ я мало-по-малу увлекся очарованіемъ этой странной музыки. Я сѣлъ на бугорокъ и сталъ вслушиваться въ заунывную и вмѣстѣ звонкую пѣсню и звуки эти дѣйствовали на мой слухъ какъ алкоголь на

шоры поднебья. Они казались мнѣ дикими, а между-тѣмъ возбуждали жажду слушать богѣе и богѣе. Я впалъ въ какое-то ошьяненіе. Такимъ образомъ прошла почти вся ночь. Тогда только, когда пѣніе прекратилось, я почувствовалъ величественное Тѣтннхъ заклинаній надъ змѣю.

На другой день утромъ Моргосъ на-время очнулся отъ оцѣпенѣнія, узналъ меня и сказалъ по-латыни:

— Не знаю, каковы были твои видѣнія, но я былъ счастливъ. Я видѣлъ Тѣту, блистательную отъ счастья, увѣнчанную звѣздами, улетающую на небо, чтобы подать руку царю, у котораго подъ ногами былъ цѣлый міръ, а на головѣ корона изъ множества солнць. Ты тоже видѣлъ Тѣту?

При этомъ вопросѣ я кстатн вспомнилъ, что я—баронъ де-Вилать, и что я вовсе не знаю, кто такова Тѣта.

— Не знаю, о чемъ ты говоришь, отвѣчалъ я: Тѣты я не знаю.... Я видѣлъ только свое отечество, куда возвратился свободнымъ и богатымъ.

— Э! стало-быть, ты вовсе не былъ въ небѣ! возразилъ Моргосъ съ презрительною усмѣшкой: стало-быть, ты вовсе не достоинъ пищи боговъ!

Сказавъ это, Моргосъ опять впалъ въ оцѣпенѣніе. Нагича, оттого ли, что была моложе и здоровѣе сложеніемъ, или оттого, что употребила пилюли впервые, совершенно почувствовала себя гораздо скорѣе своего мужа. Первымъ дѣломъ ея было попросить меня очень убѣдительно, чтобы я не сказывалъ Моргосу объ ея участіи въ волшебномъ пиршествѣ. Если не по венгерской ея латыни, такъ по жестамъ и пантомимамъ я понялъ, что въ противномъ случаѣ ее ожидала по-крайней-мѣрѣ веревка, въ видѣ петли на шеѣ и гвоздь подъ потолкомъ. На дальнѣйшіе мои разспросы она объяснила, что, однажды уже, едва-едва избавилась отъ подобной участи, за то что хотѣла проникнуть въ лабораторію супруга. Это открытіе немножко встревожило меня. Моргосъ могъ узнать, что я былъ въ его тайникѣ, и если не повѣситъ, то накажетъ мое любопытство другимъ образомъ. Опасеніе возрасло до ужаса, когда Моргосъ послѣ продолжительнаго уединенія вдругъ вышелъ ко мнѣ однажды съ необыкновенными привѣтствіями и

стала увѣрять, будто наука открыла ему, что я предназначенъ быть владыкою его сокровища, господиномъ и повелителемъ рожденной отъ него дарицы.

Я не понималъ и половины этого водору, но утѣвистн его вугали меня гораздо болѣе угрозы. Я рѣшился быть осторожнѣе. Судя потому, что слышалъ отъ Нагичи, я могъ подозревать, что Моргосъ не затруднится воспользоваться своимъ невнншнго, чтобы отправить въ царство небесное, и потому нѣсколько измѣнилъ образъ жизни, сталъ спать около волудня, а по ночамъ бродилъ около замка.

Но казалось, эта каменная масса, откуда исходили для меня всѣ дивныя приключенія, уже затворилась какъ безотвѣтный гробъ. Я не получалъ никакой вѣсти, ни отъ Гертруды, ни отъ Тѣты. Нерѣдка только выдавались ночи, когда заунывная, дикая и чарующая пѣсня Цыганки оглашала дикую пустыню и оживляла мертвый мракъ. Я ждалъ этихъ ночей какъ отрады, какъ величайшаго наслажденія и скучалъ, когда надежды мои не сбывались. Звукн эти привлекали меня почти съ такою же неодолимою силой, какъ огненный, магнитическій взоръ Моргосовой змѣи.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Ничего въ положеніи моемъ не измѣнилось, и никто въ замкѣ, казалось, не заботился о моемъ существованіи. Моргосъ продолжалъ оказывать мнѣ глубокое уваженіе. Я, съ своей стороны, тоже нашелъ средство доставлять ему удовольствіе: я игралъ съ нимъ въ шашки, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Это могло обезопасить меня на долгое время. Между-тѣмъ время проходило, а я всё-таки не видѣлъ, на что можетъ пригодиться моя жизнь, мнѣ или кому бы то ни было, если я останусь всё въ томъ же положеніи, въ непрерывной опасности быть узнаннымъ и, на-придачу, въ постоянной тревогѣ еще отъ другаго маленькаго обстоятельства, о которомъ до-сихъ-поръ умалчивалъ, потому что, право, совѣстно: боюсь, чтобы меня не стали подозревать въ тщеславіи и кокетствѣ пошло-подслащеннаго любезнннн, считающаго себя неодолимо очаровательнымъ. Я уже сказывалъ, какъ долго не понималъ любви Цыганки Тѣты; но любви Нагичи нельзя было не понять. Да! Нагича тоже любила меня. Она пожирала глазами, она

преслѣдовала меня какъ моя тѣнь. Не-разъ я видѣлъ, какъ она подносила къ губамъ вещи, до которыхъ я дотрогивался; не-разъ заставаъ ее въ слезахъ, и ужъ безпрестанно встрѣчалъ нѣжную улыбку, томные взгляды. Это было ужасно; не потому чтобы Нагича не стояла вниманія: конечно! бѣлокурая, и очень загорѣлая толстуха, и съ бѣло-сѣрыми глазками, и маленькимъ вздернутымъ носомъ и съ довольно большимъ ртомъ: все это правда, но зубы, зубы за этими полными и большими, сочными губами, были такъ блестящи, что въ нихъ, буде угодно, глядись какъ въ зеркалахъ; въ бѣло-сѣрыхъ глазкахъ горѣлъ огонь страсти; подъ загорѣлою, но гладкою, кожей, переливалась и кипѣла прегорячая кровь. Сверхъ-того, пословица вездѣ права, и любовь Нагичи ко мнѣ, какъ и мое расположеніе къ ней, очень легко объясняется тѣмъ, что «въ землѣ слѣпыхъ, кривые — богатыри». Я, безъ хвастовства сказать, въ самомъ дѣлѣ былъ богатыремъ въ сравненіи съ окружающими Нагичу молодцами. Тѣмъ болѣе еще она имѣла право на званіе богатыриши среди тѣхъ женщинъ, которыя окружали ее, если только можно назвать женщинами какихъ-то двуногихъ фіолетовыхъ чучелъ, съ косматыми рыжими гривами, одѣтыхъ въ грязныя пестрыя тряпки.

Я, конечно, не безъ удовольствія поддался бы чарамъ этихъ бѣло-сѣрыхъ глазокъ: они были гораздо безопаснѣе и нѣжнѣе страшныхъ, огненныхъ, черно-черныхъ глазъ Цыганки. Но меня останавливали двѣ причины: во-первыхъ, я примѣтилъ дружескія отношенія доктора Магнуса къ дому Моргоса и совѣстился перебивать дорогу челоуѣку, который, казалось, принималъ участіе во мнѣ; во-вторыхъ, я боялся Моргоса... да! именно боялся. Я увѣренъ, что очень мало на свѣтѣ любезниковъ, которые бы стали продолжать ухаживать за чужими женами, если бы мужья этихъ женъ походили на почтеннаго Моргоса. Навлочь себѣ дуэль готовы многіе; это ничего не значить. Что такое дуэль, и много ли отъ нея нищии самолюбію женщины, когда ея любезный тому же самому ежечасно можетъ подвергнуться наступивъ на ногу какому-нибудь пьяному бумну? Я былъ въ вномъ положеніи: я могъ испытать удовольствіе умереть совершенно нечаянно, отъ рѣзи въ

животъ, или быть легонько задушеннымъ во снѣ. Съ этимъ сравнится развѣ только гиліотина.

Поэтому постоянныя прельщенія Нагичи тревожили меня тѣмъ болѣе, что, благодаря словарю, который изучалъ въ всѣхъ силъ, я начиналъ понимать по-венгерски уже довольно хорошо и довольно часто слышалъ очень обольстительныя выраженія. Между-тѣмъ, по совѣту Магнуса, я скрывалъ свои филологическіе успѣхи, чтобы имѣть возможность подслушивать. Однако жъ Моргосъ съ женою говорилъ вообще о вещахъ весьма ничтожныхъ. Только одно показалось мнѣ нѣсколько достойнымъ вниманія. Это былъ вопросъ, который Нагича повторяла почти каждую недѣлю разъ.

— Что, ты пойдешь сегодня въ замокъ? спрашивала она: вѣдь сегодня твой день.

На что Моргосъ каждый разъ отвѣчалъ угрюмо:—Нѣтъ. Еще другой вопросъ былъ произнесенъ только однажды.

— Развѣ доктора уже нѣтъ въ замкѣ? Отчего онъ не приходитъ къ намъ?

На это Моргосъ отвѣчалъ еще сердитѣе и запальчивѣе:

— Магнусъ мошенникъ, взмѣнникъ.... и....

Онъ остановился. Взглядъ договорилъ остальное, то есть, что новый вопросъ по этому предмету будетъ наказанъ.

Все это доказывало мнѣ, что въ замкѣ должно было случиться нѣчто необыкновенное, и я опять сталъ подумывать, какъ-бы оставить этотъ проклятый край, какъ-вдругъ новое происшествіе опять подтвердило мое прежнее намѣреніе остаться.

Однажды, ночью, когда я сидѣлъ подлѣ стѣны замку и слушалъ пѣсню Тѣты, мнѣ вдругъ показалось, что кто-то идетъ ко мнѣ. Тѣта всё продолжала пѣть сидя въ окнѣ своей башни, а между-тѣмъ приближавшесся ко мнѣ существо удивительно походило на нее: та же одежда, тотъ же ростъ, тотъ же головной уборъ. Это поразило меня. Я находился уже столько времени въ какомъ-то волшебномъ мірѣ, былъ окруженъ колдовствами и страшными воспоминаніями, такъ, что и невозможное казалось мнѣ возможнымъ. Въ эту минуту я былъ такъ убѣжденъ, что

въ одно время слышу и вижу Тѣту, что окликнула ее по имени. Въ тотъ же мигъ гѣсня на башнѣ съюкла и проходившая мимо меня женщина исчезла, бросивъ мнѣ какую-то бумажку. Я содрогнулся, однако жъ поднялъ бумажку. Это была записка. Прочсть — невозможно, за темнотою ночи. Я подождалъ, не' будетъ ли еще чего-нибудь; но все — тихо, безмолвно вокругъ меня. Мнѣ, конечно, очень хотѣлось узнать по-скорѣе, что заключаетъ въ посланіи; но для этого требовалось воротиться домой и засвѣтить огня, а двери моей комнаты были не такъ плотны, чтобы любопытный глазъ Нагичи не могъ проникнуть въ щелочку. Для избѣжанія неудобствъ, я рѣшился подождать разсвѣту, въ одной пещерѣ, по дорогѣ отъ замку въ деревню. Въ этой пещерѣ я очень часто проводилъ по нѣскольку часовъ, сидя на камнѣ и прислонясь спиною къ стѣнѣ. Но никогда ночь не казалась мнѣ такою безкомочною, какъ въ тотъ день, и никогда не грезилось столько страшныхъ и кровавыхъ сценъ, хотъ я вовсе не спалъ, и только чуть-чуть дремалъ. Однажды мнѣ очень явственно показалось, будто передъ входомъ въ пещеру стоитъ человекъ, съ кинжаломъ въ десницѣ. Потомъ я услышалъ какой-то отдаленный крикъ, на который отозвался другой крикъ, по-ближе. Я вышелъ изъ пещеры. На дорогѣ и въ окрестности все было пусто и тихо. Я опять воротился. Наконецъ заря начала занимать, и я только-что развернулъ записку, чтобъ прочитатъ, какъ-вдругъ прямо передо мною кто-то стоитъ и, поспѣшно толкая, шепчетъ, чтобы я скрылся далѣе въ пещеру. Это была Нагича. Она увлекла меня въ самый темный уголь, и сама со мною притаилась. Я хотѣлъ разспрашивать, но она зажала мнѣ ротъ. Черезъ минуту потомъ въ пещеру вошелъ Моргось. Онъ, казалось, удивился, что никого нѣтъ: кликнулъ меня по имени, но такимъ голосомъ, какъ-будто опасался, чтобы его не услышалъ кто-нибудь другой. Я не отвѣчалъ, и, онъ, не продолжая розысковъ въ пещерѣ, вышелъ. Нагича долго еще не позволяла мнѣ трогаться. Она стояла у входу и съ напряженіемъ прислушивалась. Потомъ мы услышали стукъ подъемнаго моста въ

занимъ, и тогда Нагича, схвативъ меня за руку, быстро побѣжала со мною въ деревню.

Дорогою она, торопливо объясняла мнѣ, что Моргосъ замышляетъ противъ меня что-то недоброе, что она вродержала меня въ пещерѣ длатаго чтобы онъ, оглянувшись на дорогѣ, не увидалъ меня. Мы были въ безопасности тогда уже, когда стукъ подъемнаго моста удостовѣрилъ, что Моргосъ вошелъ въ замокъ.

Мнѣ очень хотѣлось показать свое знаніе венгерскаго языка доброй Нагичѣ, которая свасала меня отъ Моргоса, какъ Тѣта спасла отъ князя Мордена, но я во-время вспомнилъ, что я могу достаточно объясниться и знаками при помощи латыни.

— Зачѣмъ же ты ведешь меня въ домъ твоего мужа, спросилъ я, когда онъ въ самомъ дѣлѣ умышляетъ зло противъ меня.

Тутъ она объяснила мнѣ иѣчто такое, что совершенно измѣнило видъ моего положенія: по ея мнѣнію, Моргосъ ни за что въ свѣтѣ, ни за величайшую обиду, не поднималъ бы на меня руки въ собственномъ своемъ домѣ. Этотъ разбойникъ, который за десятковъ серебряныхъ монетъ зарѣзалъ бы меня на перекресткѣ большой дороги, никогда не рѣшился бы осквернить убійствомъ домъ, гдѣ оказалъ чужому человѣку гостепримство. Это у эксстудента-алхимика былъ еще остатокъ дикихъ нравовъ. Вотъ что значитъ поторопиться на заключеніе о-человѣкѣ! Считаю Моргоса уже достаточно цивилизованнымъ, я каждую ночь уходилъ изъ его дому, чтобы не пасть жертвою тайной мнѣиы, и тѣмъ самымъ подтверждаю опасности быть убитымъ изъ-за угла, тогда какъ именно въ одной комнатѣ съ нимъ я могъ бы спать спокойное чѣмъ гдѣ-либо.

Это извѣстіе было мнѣ чрезвычайно пріятно. Но въ награду за сообщеніе его Нагича непременно требовала, чтобы я сказалъ ей, какое письмо читалъ, когда она вошла ко мнѣ въ пещеру. Я отвѣчалъ, что самъ не знаю, и это была правда. Нагича однако жъ усомнилась, и, совершенно забывъ обыкновенную свою кротость, повторила мнѣ нѣсколько разъ имя Тѣты съ такою запальчивостью, изъ которой я увидѣлъ ясно, что между ею и до-

черью Моргоса существует подобная же ненависть какъ и между Тётой и Гертрудой. Будучи поставленъ такимъ образомъ между этихъ трехъ женщинъ, я ни минуты не колебался въ выборѣ пути, которому слѣдовать: я былъ увѣренъ, что найду въ Нагичѣ, не только не врага, но даже вѣрную и надежную союзницу. Я увѣрилъ ее, что сообщу содержаніе письма, какъ-скоро прочту. Она сѣла противъ меня, чтобы наблюдать по лицу, какое впечатлѣніе произведетъ во мнѣ это содержаніе во время чтенія.

По первой строкѣ я тотчасъ узналъ тотъ самый почеркъ, которымъ была писана записка, вложенная въ словарь. Гертруда увѣдомляла меня, что Магнусъ отозванъ изъ замка и что, слѣдовательно, она оставлена совершенно одна на произволь влостныхъ покушеній, которыя уже начали обнаруживаться черезъ Цыганку. Наконецъ она сама въ назначенный часъ хотѣла выйти ко мнѣ на то самое мѣсто, гдѣ я получалъ записку.

Посвятить Нагичу въ такую тайну было, конечно, довольно опасно. Но Нагича ненавидѣла Тёту, слѣдовательно, должна была принять участіе въ Гертрудѣ, а мнѣ надобно было довѣриться кому-нибудь, чтобы не вооружить всѣхъ безъ исключенія, и я къ немалому изумленію моей хозяйки заговорилъ по-венгерски. Я объяснилъ ей, что Тёта и Моргосъ покушаются на жизнь графини де-Бельмонсъ, что она проситъ моей защиты и для этого назначаетъ мнѣ свиданіе. Нагича выслушала спокойно и даже, на просьбу мою, обѣщала намъ свое покровительство, но вслѣдъ за тѣмъ родились и сомнѣнія. Отчего же Моргосъ и Тёта такіе враги графини де-Бельмонсъ? спрашивала она. На это я отвѣчалъ, что князь Морденъ, конечно, очень способенъ пожертвовать дочерью для своей Цыганки. Тогда Нагича возразила, отчего же графиня де-Бельмонсъ не обращается за помощью къ своему мужу. Довольно плохіе доводы, которыми я отвѣчалъ на это замѣчаніе, породили у Нагичи новыя сомнѣнія. Она снова принялась утверждать, что писала ко мнѣ не графиня, а Тёта, что Тёта назначила мнѣ свиданіе, что Тёта бесѣдуетъ со мною посредствомъ пѣсенъ, которыя я хожу слушать подъ стѣнами замка. Наконецъ вѣжная Нагича такъ убѣдилась въ

вѣрности того, что забрала себя въ голову, что вскрикнула съ злобною радостью:

— Теперь! теперь я отомщу этой Цыганкѣ! Теперь я могу доказать князю, что она обманываетъ его!

Гнѣвъ Нагичи могъ погубить все, и меня и Гертруду. Я рѣшился поставить все на одну карту и предложилъ Нагичѣ итти вмѣстѣ со мною на назначенное свиданіе, чтобы удостовѣриться въ истинности моихъ словъ. Это смѣло укротило ея гнѣвъ и мы условились о времени выхода изъ дому, когда Моргосъ будетъ спать. Но для этого нужно еще было подождать его возвращенія.

Вечеръ насталъ, а его всё не было. Это однако жъ ни сколько не измѣнило моего намѣренія итти на свиданіе и Нагича тоже не хотѣла отстать.

Ночь настала и мы отправились. Нагича хотѣла только удостовѣриться, что ко мнѣ выйдетъ не Тѣта, и я легко уговорилъ ее спрятаться на ту минуту, когда ожидаемая будетъ подходить, чтобы не испугать Гертруду. Подслушивать я предоставлялъ ей сколько угодно, потому что она не поняла бы ни слова изъ французскаго разговора моего съ графиней, и такимъ образомъ все улаживалось, какъ-нельзя лучше.

Послѣ полчасаго ожиданія мы услышали наконецъ приближающіеся шаги. Нагича, по условію, спряталась за кустъ. Я на всякій случай предупредилъ ее, что графиня вѣроятно будетъ одѣта точно такъ же какъ одѣвалась Тѣта. Судите же о моемъ положеніи, когда я въ подошедшей женщинѣ дѣйствительно узналъ Тѣту!

— Она не прійдетъ на свиданіе, сказала Цыганка по-венгерски: не притворяйся не понимающимъ. Ты понимаешь меня. Я знаю, что ты учишься нашему языку изъ книги, которую она прислала тебѣ. Я знаю и то, что она писала тебѣ вчера.

— Что же? отвѣчалъ я: стало-быть ты не удивишься, если я скажу, что знаю о твоёмъ покушеніи вмѣстѣ съ отцомъ на жизнь графини?

— Ты ошибаешься, возразила она рѣшительно: графиня въ совершенной безопасности. Я и отецъ мой—самые вѣрные слуги ея. Мы не принимаемъ участія въ замы-

слахъ князя Мордена. Напретивъ, мы хотимъ пожать ее отъ нихъ.

— Возможно ли? вскричалъ я.

— Для сердца рѣшительныхъ и мужественныхъ нѣтъ ничего невозможнаго. Но графиня еще не совсѣмъ дозрѣетъ намъ. Ты долженъ помочь намъ убѣдить ее.

— Какъ же я сдѣлаю это?

— Ты увидишь ее. Приходи завтра сюда, въ эту же пору. Тебя проведутъ къ ней.

— Но.... если тебѣ извѣстно все, что я знаю.... какъ же ты хочешь, чтобы я повѣрилъ твоимъ добрымъ намѣреніямъ въ-отношеніи къ графинѣ?

— Какое мнѣ дѣло вѣришь ты или нѣтъ? возразила Тета отрывисто: если хочешь исполнить желаніе графини, приходи завтра и увидишь.

Сказавъ это, она ушла. Я остался на мѣстѣ какъ влюбленный. Черезъ нѣсколько минутъ, когда Тета совершенно исчезла изъ виду, Нагича вдругъ подошла ко мнѣ и сказала:

— Пойдемъ.

Мы пошли. Нагича была сильно взволнована.

— Ты видишь, что не Тетѣ надобно было прийти, сказалъ я: ты сама слышала, что я не ее ожидалъ.

— Да, отвѣчала она: я вижу, что ты не ее любишь.... не ты любишь другую!

— Я?

— Да, да! Не думай обмануть меня. Ты любишь графиню. Но графиня добра и несчастна.... Люби ее: я прошу тебѣ это. Но не вѣрайся Тетѣ: она лжетъ.

— Почему же ты такъ думаешь.

— Я знаю ее.

— Ты ненавидишь ее и оттого обвиняешь.

— Можетъ-быть. Но я никогда въ жизнь свою не цѣврю ей.... не повѣрю, чтобы она намѣрена была сдѣлать что-нибудь доброе для той, которую ненавидитъ больше нежели я ненавижу ее. Ты принимаешь участіе въ графинѣ, ты любишь ее.... этого довольно, чтобы Тета возненавидѣла и тебя. Ты далъ слово опять прийти завтра на свиданіе. Берегись: и тебѣ худо будетъ.

— Что же она может мнѣ сдѣлать?

— Все, что захочетъ. Она колдунья. Она околдовала князя, она околдуетъ и тебя. Берегись ея словъ и ея прѣсень..... берегись питья, которое она подаетъ тебѣ: все это чары и отравы.

Последнее замѣчаніе показалось мнѣ всего достойнѣе вниманія. Я уже довольно хорошо былъ знакомъ съ искусствомъ Моргоса и мысль объ этомъ встревожила меня. Видя мою задумчивость, Нагича стала убѣждать меня, чтобы я не ходилъ на назначенное свиданіе, но я возражалъ, что не могу нарушить даннаго слова и не могу оставить Гертруду, когда она нуждается въ моей помощи. Разсуждая объ этомъ мы были уже дома.

— Ну, такъ если тебя уже ничѣмъ нельзя остановить, вскричала Нагича, если ты непремѣнно хочешь испытать злобу Цыганки, которая ненавидитъ тебя....

— За что же она можетъ ненавидѣть меня? спросилъ я не давъ ей кончить?

— За то, что ты любишь женщину, которую она желаетъ погубить и съ которою между-тѣмъ хотѣла бы поровняться, дерзкая!... Она погубить и тебя за эту любовь, потому что она любитъ тебя, я это чувствую.... она ненавидитъ тебя за твою любовь къ графинѣ точно такъ же, какъ я возненавидѣла бы если бы ты полюбилъ ее, Цыганку.

Это чувство показалось мнѣ такимъ страннымъ, что я захотѣлъ добиться объясненія.

— Но какъ же ты извиняешь мою предполагаемую любовь къ графинѣ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— О! это другое дѣло! возразила Нагича: я очень хорошо знаю, что не могу быть соперницею графини. Ты посмѣялся бы надо мною, если бы такая мысль пришла мнѣ въ голову. Но я, конечно, стою Тѣты, Цыганки, рабы... О, нѣтъ, ты не любишь ея! неправда ли? ты не любишь ея!

— Нѣтъ, будь увѣрена, что нѣтъ, отвѣчалъ я съ живостью.

И я говорилъ совершенную правду, потому что въ эту минуту мнѣ показалось даже, что я люблю Нагичу, такъ

меня поразило и увлекло ее великодушное отречение отъ состязанія съ Гертрудой.

— Ты добра, Нагича, сказалъ я: у тебя прекрасное сердце. Это такое могущество, которое превосходитъ всѣ силы чародѣевъ и колдуновъ.

— Нѣтъ, возразила она печально: доброта бессильна. Доброта годится только на то, чтобы страдать. Но и отъ страданій у меня есть спасеніе: я надѣюсь, что скоро умру.

— Отчего такая мрачная мысль?

— О!... отчего!... Но что тебѣ до этого?... Выслушай лучше, что я скажу тебѣ. Было время, когда Моргосъ любилъ меня.... Я тогда, быть-можетъ, была краше чѣмъ теперь.... Да, онъ любилъ меня.... Однажды, когда онъ изъ ревности погрозилъ мнѣ и когда я ласками укротила его, онъ сказалъ мнѣ: «Ты видишь, Нагича, я ревнивъ и горячъ. Можетъ случиться, что когда-нибудь въ гнѣвѣ я накличу на тебя духа тьмы и, если ужъ однажды дамъ ему повелѣніе наказать тебя, такъ и не въ-состояніи буду остановитъ. Потомъ, видя, какъ ты будешь умирать, какъ будешь крутиться подъ острыми когтями демона раздирающаго твои внутренности, я захочу спасти тебя, но уже будетъ поздно. Для этого я хочу напередъ предохранить тебя отъ собственнаго моего гнѣву. Выслушай же меня. Если я когда-нибудь произнесу надъ тобою проклетіе смерти и если ты по шуму въ ушахъ, по головокруженію и стѣсненію сердца почувствуешь приближеніе демона, то прійми глотокъ изъ этой стеклянки и демонъ отстанетъ, сила его уничтожится.»

— Онъ самъ сказалъ тебѣ это? спросилъ я съ улыбкою.

— Да. Что жъ ты смѣешься? Развѣ ты не знаешь, что духи подвластны ему?

Я не считалъ нужнымъ разувѣрять се и объяснять это сверхъестественное могущество. Моргосу, безъ-сомнѣнія, были извѣстны и средства противъ тѣхъ ядовъ, которые онъ приготовлялъ.

— Онъ самъ далъ тебѣ эту стеклянку? спросилъ я.

— Да. И я два раза спасалась ею отъ демоновъ. Теперь

она мнѣ не нужна болѣе. Возьми ее, и если ты почувствуешь то, о чемъ говорить Моргось, если голова у тебя закружится и сердце стѣснится какъ-будто отъ тоски, выпей это и ты избавишься отъ смерти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу. Какъ можно! Кто же защитить и спасетъ тебя отъ злости Моргоса?

— Мнѣ не нужно спасенія, мнѣ не нужно никакой защиты.

— Отчего такъ, Нагича?

— Оттого что Богъ отдалъ меня во власть духу болѣе убійственному нежели тѣ, какихъ можетъ наклепать Моргось. Этотъ духъ убьетъ меня: я это чувствую.... и ничто не спасетъ меня.

— Но отчего же ты хочешь умереть?

— Я не хочу умереть, отвѣчала она: я только не хочу жить.

Этотъ отвѣтъ навсегда врѣзался въ моей памяти. Лучшее невозможно было выразить отчаянія, которое происходитъ отъ пустоты жизни и возбуждаетъ отвращеніе къ ней, а между-тѣмъ не имѣетъ столько силы, чтобы увлечь къ смерти.

— Успокойся, Нагича, сказалъ я: ободрись и береги подарокъ мужа про себя. Онъ пригодится тебѣ самой.

— О! вскричала она съ глубокою скорбію: ты ничего не хочешь принять отъ меня!.... Я такъ бѣдна, продолжала она озираясь вокругъ: я такъ бѣдна, я ничего не могу предложить тебѣ..... я отдаю тебѣ все, что имѣю и что можетъ принести тебѣ пользу..... и ты не хочешь принять, потому что это я предлагаю, а не другая....

Бѣдная! Она въ самомъ дѣлѣ предлагала мнѣ все, что имѣла: она предлагала мнѣ свою жизнь, потому что въ этой стеклянкѣ заключалась ея жизнь. Я увѣрялъ, упрашивалъ, успокаивалъ ее и не хотѣлъ взять стеклянки.

— Возьми! вскричала она наконецъ: возьми, если правда, что ты не презираешь меня и моего подарка. Возьми, иначе я разобью эту стеклянку.... Возьми, умоляю тебя, возьми!.... Я хочу чтобы ты вспомнилъ обо мнѣ.

Я побоялся долѣе противиться и взялъ стеклянку. Нагича была въ восторгѣ.

— Теперь ты смѣло можешь идти въ замокъ, говорила она: теперь тебѣ ничего бояться чаръ и зельевъ Цыганки, ни всѣхъ ея злыхъ духовъ.

— Что же я дамъ тебѣ на память обо мнѣ, сказалъ я: у меня ровно ничего нѣтъ.

— О! мнѣ ничего не нужно! вскричала Нагича: я не забуду тебя.

Сказавъ это она ушла и во весь слѣдующій день не показывалась, такъ, что я даже не зналъ, дома ли она. Когда наступила ночь, я опять отправился на назначенное свиданіе.

Ночь была темная. Я, хотя пришелъ первый, ждалъ не долго. Скоро увидѣлъ я женщину, похожую на Тѣту. Она знаками приглашала меня слѣдовать за нею и я пошелъ. Прошедши нѣсколько десятковъ шаговъ вдоль стѣны, мы очутились подлѣ искусно скрытой вылазной двери, которой я прежде не примѣчалъ, вѣроятно и потому, что бродилъ вокругъ этихъ стѣнъ только по ночамъ. Дверь безъ малѣйшаго скрипу отворилась и первое, что представилось моимъ глазамъ, было гадкое лицо одного изъ тѣхъ уродовъ, которые намѣревались похоронить меня заживо. Эта встрѣча показала худымъ предзнаменованіемъ. Но нельзя же было воротиться. Я пошелъ далѣе за проводницей, хотя сердце у меня застучало такъ, что чуть не толкалось о стѣну узкаго прохода, по которому мы пробирались. Выходя изъ этого проклятаго замку я составилъ себѣ объ немъ такое понятіе, что всѣ переходы въ немъ непремѣнно должны совершаться по безкопечнымъ крутымъ лѣствицамъ, длиннымъ темнымъ корридорамъ и подземельямъ. Это подавало мнѣ надежду, что я успѣю оправиться отъ своего смущенія, прежде нежели явлюсь на мѣсто назначенія. Но я ошибся. Прошедши нѣсколько шаговъ по темному ходу, проводница сворнула всторону, на очень невысокую лѣстницу, потѣмъ, шаговъ черезъ пятнадцать по корридору, отворила одну дверь и другую и ввела меня въ обширную комнату, очень блистательно освѣщенную.

Подлѣ затопленного каміна, на роскошномъ диванѣ, сидѣла графиня де-Бельионсъ. Проводница моя тотчасъ же

вышла и затворила дверь. Я остался одинъ съ Гертрудой.

Никогда, нѣтъ, никогда дотоле я не воображалъ, чтобы можно было такъ смутиться, такъ оробѣть, такъ струсить передъ женщиною, какъ я смутился и оробѣлъ въ ту минуту передъ пристальнымъ взглядомъ Гертруды. Я готовъ былъ упасть на колѣни, но графиня де-Бельмонсь смотрѣла такую знатною свѣтскою дамой, что я побоялся насмѣшить ее. Я чувствовалъ, что нужно что-нибудь сдѣлать, что-нибудь сказать, но самъ всё болѣе и болѣе приходилъ въ замѣшательство: я оглуи́лъ совершенно.

— Я уже думала, что вы не прійдете, сказала она наконецъ.

Это слово развязало мнѣ языкъ.

— Неужели вы могли сомнѣваться, графиня! вскричалъ я: вѣдь я сказалъ вамъ, что моя жизнь и мое имя ваши. Я пришелъ доказать это.

— Ваше имя мнѣ не нужно, возразила она съ горькою улыбкой: вашу жизнь, я быть-можетъ, подвергаю теперь опасности, но быть-можетъ тѣмъ же самымъ и спасу.

— Чѣмъ бы вы ни рѣшили, я жду вашихъ приказаній.

— Я прошу и жду отъ васъ только одной услуги. Вотъ она. Черезъ нѣсколько минутъ вы оставите этотъ замокъ..... Женщина, съ которою вы пришли сюда, проводить васъ на дорогу къ Кешкемету. При нѣкоторой поспѣшности вы можете достигнуть этого городу до зари, а тамъ съ деньгами найдете средства продолжать путешествіе. Денегъ я вамъ дамъ, сколько будетъ нужно. Поѣзжайте немедленно въ Вѣну, отыщите тамъ княгиню Гацфельдъ, и отдайте ей это письмо.

— Будетъ исполнено.

— Благодарю васъ.

Графиня подала мнѣ письмо в большой кошелекъ съ золотомъ. Большому униженію невозможно подвергнуться. Однако жъ я не возразилъ. Я придумывалъ, что бы сказать и сказалъ:

— А если княгиня Гацфельдъ спроситъ о цѣли моей поѣздки; о томъ, кто я; о вашемъ состояніи....

— Княгиня не станетъ спрашивать.

— А что мнѣ дѣлать съ отвѣтомъ, который получу.

— Она не станетъ отвѣчать.

— Куда же мнѣ самому идти окончивъ ваше порученіе?

— Куда вамъ угодно. Вы будете совершенно свободны.

— Такъ я уже никогда болѣе не увижу васъ.... я никогда не получу вашего прощенія?

Графиня встала и, съ величественнымъ жестомъ указавъ мнѣ на дверь, кликнула:

— Ланиска!

Я ожидалъ увидѣть мою проводницу и графиня, вѣроятно, тоже, потому что помолчавъ она повторила кличъ. Но никто не явился и не отвѣчалъ. Графиня побѣднѣла и посмотрѣла на меня съ ужасомъ.

— Гдѣ же Ланиска? спросила она меня.

— Не знаю, графиня.

Она схватила свѣчу, побѣжала въ переднюю и опять стала кликать. Я пошелъ слѣдомъ. Въ передней никого не было. Графиня подошла къ двери въ корридоръ, черезъ который я пришелъ. Дверь была заперта.

— Говорите, гдѣ Ланиска? вскричала графиня вдругъ оборотившись ко мнѣ съ такимъ взглядомъ, какъ-будто увѣрена, что я знаю о причинѣ этого отсутствія.

— Право, не знаю, графиня; увѣрю васъ.

При видѣ ея замѣшательства и мнѣ стало страшно.

— Неужели мнѣ измѣнили? вскричала она.

Она побѣжала назадъ изъ комнаты въ комнату, по довольно большой квартирѣ, и вездѣ звала Ланиску. Никто не отвѣчалъ. Тогда она побѣжала къ столу, на которомъ въ видѣ щита стоялъ металлическій бубенъ, и схватила серебряный молотокъ.

— Чтобы всё сбѣжались?.... сказала она вдругъ остановивъ занесенную руку: чтобы нашли васъ здѣсь.... чтобы....

Она въ изнеможеніи отшатнулась и опустилась на диванъ.

Въ этой измѣнѣ я узналъ руку Тѣты, однако жъ не смѣлъ высказать моихъ подозрѣній. Вдругъ графиня рѣшительно сказала:

— Нѣтъ, это невозможно. Нѣтъ, Ланиска не измѣнитъ мнѣ. Она прійдетъ. Подождите.

— Я подожду, графиня. Но кто эта женщина, которой вы довѣрились?

— Эта женщина моя сестра: она дочь моей кормилицы... она.... Нѣтъ, это невозможно!.... Ланиска не измѣнитъ мнѣ, не продастъ меня.

Я не посмѣлъ выказывать моихъ сомнѣній и молчалъ. Потомъ Гертруда пристально посмотрѣла на меня и сказала:

— А вы?.... вы никому не говорили о томъ, что идете сюда?

Я не могъ не покраснѣть отъ этого вопросу. Я конечно не былъ виновенъ, однако жъ не смѣлъ сказать, что Тѣта знаетъ объ этомъ свиданіи; не смѣлъ также признаться, что вынужденъ былъ довѣриться Нагпчѣ. Я совершенно смутился и опустилъ глаза въ землю. Вдругъ графиня подскочила и вырвала у меня изъ рукъ письмо и кошелекъ, вскричавъ:

— О, низость! о, низость!.... благородный человекъ!.... дворянинъ!

— Я пришелъ сюда, графиня, съ тѣмъ чтобы умереть, если это нужно вамъ.

— Да, да! прекрасныя, звонкія фразы! вскричала она.

— Пусть тѣ, которые преслѣдуютъ васъ, здѣсь, на вашихъ глазахъ, растерзаютъ меня! вскричалъ я, глубоко уязвленный этимъ презрѣніемъ: пусть меня убьютъ на этомъ мѣстѣ! Тогда я докажу вамъ, что не лгу.

— Да, вы правы, сказала она помолчавъ: этого было бы ужъ слишкомъ много... слишкомъ много преступленій противъ женщины, которую вы погубили.... Нѣтъ, это невозможно.... И Ланиска сейчасъ прійдетъ.... не правда ли?

— А если она не можетъ прійти? сказалъ я, чтобы заставить Гертруду поискать другаго средства.

— Если она не можетъ прійти, тогда.... тогда.... да! тогда....

Мысль которая тутъ представилась ей, была такъ ужасна, что она опять отвергла ее и вскричала:

— Нѣтъ, это не возможно! Она придетъ. Ланиска!....
Ланиска!

— Вы видите, что кличете напрасно. Развѣ нѣтъ средства обойтись безъ нея. Развѣ я безъ нея не могу выйти изъ замку.

— Ни какого средства. Я хуже плѣнницы здѣсь. Если бы вы знали, сколько мнѣ стоило труда, терпѣнія, хитрости, чтобы переслать къ вамъ записку!....

— А Магнусъ.

— Магнусъ?... этотъ предатель?... Онъ оставилъ меня. Я не видала его съ-тѣхъ-поръ какъ онъ пошелъ передать вамъ первую мою записку.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Вы не видали его съ-тѣхъ-поръ.... О! тогда не обвиняйте его въ измѣнѣ.... тогда, значитъ, онъ палъ жертвою преданности къ вамъ.

— Да! и это можетъ быть, сказала она начавъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ: и это можетъ быть!.... Мы погибли!... Ланиска не придетъ. Замыселъ переиѣнился теперь, я вижу: они уже не того преступленія хотятъ.... они...

Гертруда вдругъ остановилась и устремила на меня жгучій взглядъ.

— Знаете вы Тѣту? спросила она: а?... вы знаете ее!... вы знаете ее, потому что вы блѣднѣете при ея имени!

Я вспыхнулъ отъ стыда за свою блѣдность.

— Она знаетъ, что вы здѣсь? продолжала графиня.

— Можетъ-быть.... но, клянусь вамъ....

— Она знаетъ.... о! теперь я понимаю.... теперь я понимаю!

Я вспомнилъ, что Тѣта требовала, чтобы я представилъ ее графинѣ какъ самую преданную и вѣрную слугу, и подумалъ, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ-быть необходимо для спасенія Гертруды.

— Можетъ-быть она и знаетъ, графиня. Но, можетъ-быть также, вы ошибаетесь насчетъ ея намѣреній и чувствованій въ-отношеніи къ вамъ....

Гертруда посмотрѣла на меня, какъ смотреть на съумасшедшаго.

— Чувствованія и намѣренія Тѣты?... Но знаете ли вы, что она убила мою мать.... знаете ли вы....

Она опять остановилась и потомъ съ величайшимъ презрѣніемъ прибавила:

— Вы сообщникъ этой женщины.

— Графиня!

— Вы сообщникъ и рабъ ея, говорю я вамъ. Она знаетъ, что вы здѣсь; она приказала вамъ молчать объ этомъ и вы молчите; она позволила вамъ прійти и вы пришли. Я вамъ говорю, что она убила мать мою.... она убила все вокругъ меня.... она убила сердце моего отца; она убила сердце моей бѣдной Ланиски, которая одна оставалась у меня на свѣтѣ; она убила и вашу честность и ваше мужество.... а вы еще дворянинъ!.... О, неужели на свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы уничтожилъ эту женщину?

Положеніе графини было такъ ужасно, что выходы противъ меня вовсе не казались мнѣ оскорбительными. Но все-это не вело насъ ни къ какому средству избавиться отъ затрудненія. Гертруда сидѣла въ мрачномъ оцѣненіи и по лицу ея быстро проносились тѣни отчаянныхъ мыслей. Изъ глазъ медленно катились слезы, руки судорожно сжатые опущены въ колѣни. Я страдалъ отъ ея отчаянія, а еще болѣе отъ своего безсилія, отъ безсилія ужаснаго, потому что не имѣлъ даже права подать совѣтъ: я чувствовалъ, что она каждое слово мое можетъ принять за новую измѣну и предательство. Въ эту минуту я дорого бы далъ, чтобы увидѣть хоть кого-нибудь третьяго, будь это хоть коварная Цыганка, которой бы я могъ выказать все мое презрѣніе и негодованіе, чтобы оправдаться передъ Гертрудой; будь это хоть самъ князь Морденъ со своими рабами, которые бы на мѣстѣ зарѣзали меня. Но все вокругъ было тихо.... страшно тихо! Ни одной угрозы, на которую бы можно было отвѣчать; ни одного убійцы, съ которымъ бы можно было схватиться; ни одного звука, въ которомъ бы можно было отыскать надежду или новое опасеніе! Ничего кромѣ безмолвія и пустоты. Да, это было ужасно!

Я взялъ свѣчу и еще разъ обошелъ всѣ комнаты, чтобы поискать выхода. Все было заперто.

— Неужели нѣтъ никакого средства? вскричалъ я, воротившись, почти съ гнѣвомъ: о, негодайка, изиѣнница!

— О комъ вы говорите? спросила графиня.

— О вашей Ланискѣ, которая завлекла меня сюда! отвѣчалъ я съ досадой.

— А! вы бонтесъ?

Я подбѣжалъ къ окну.

— Мое присутствіе можетъ погубить васъ, вскричалъ я: я это вижу. Прощайте, графиня. Завтра подъ этимъ окномъ найдутъ мертвое тѣло неизвѣстнаго, но по-крайней-мѣрѣ не найдутъ чужаго человѣка въ вашихъ комнатахъ.

Я хотѣлъ отворить окно и твердо намѣренъ былъ выброситься головою впередъ, потому что я ненавижу калѣкъ. Гертруда пожала плечами и сказала:

— Развѣ вы не знаете, что окна съ рѣшетками?

На этотъ разъ мнѣ понадобилась большая власть надъ самимъ собою, чтобы не послать графиню Гертруду де-Бельнонсъ къ чорту. Я едва-едва удержался и остался неподвиженъ на мѣстѣ. Гертруда внимательно посмотрѣла на меня, потомъ подошла и отворивъ окно сказала:

— Посмотрите туда, вверхъ: тамъ небо, тамъ Богъ, тамъ вѣчное правосудіе. Они слышатъ насъ. Отвѣчайте мнѣ: вы пришли, чтобы погубить меня?

— Я пришелъ чтобы спасти васъ, если можно! отвѣчалъ я поднимая руку къ небу.

— Хорошо; я вѣрю вамъ.... я хочу вѣрить. Говорите же, что вы намѣрены были дѣлать, когда шли сюда?

— Я намѣренъ былъ только повиноваться вамъ. То же самое думаю и теперь.

Она молчала. Я счелъ себя въ правѣ и съ своей стороны предложить вопросъ.

— Но скажите мнѣ, что вы сами намѣрены дѣлать?

— Ничего кромѣ того, что я уже сказала вамъ.

— А это письмо?... Что въ немъ такое?

— Прочтите.

Я сломилъ печать. Тамъ были только слѣдующія слова:

«Пріѣзжайте. Дѣло идетъ о моей жизни и моей чести. Не спрашивайте ничего у того, кто отдастъ вамъ эту за-

«нишу. Опъ ничего не знаетъ. Не говорите ему ничего: конь не долженъ ничего знать».

— Но.... наконецъ.... что же намъ теперь дѣлать?... Нельзя ли сломать рѣшетку въ окнѣ, чтобы спуститься въ ровъ?

— Если знаютъ, что вы здѣсь, такъ, конечно, стерегутъ.

Это было какъ-нельзя болѣе справедливо и я уже рѣшился-было рассказать Гертрудѣ все, какъ было на свиданіи съ Тетой, но меня, во-первыхъ, еще останавливала слабая надежда, что Цыганка говорила правду о своемъ благорасположеніи; во-вторыхъ, я не смѣлъ признаться въ своей вынужденной довѣренности къ Нагичѣ: я боялся показаться смѣшнымъ.

— Теперь нечего дѣлать, продолжала графиня почти равнодушно: подождемъ что будетъ.

Дѣлать дѣйствительно было нечего и мы рѣшились ждать. Гертруда отвела и заперла меня въ свой кабинетъ, который выходилъ окнами на большой дворъ. Тутъ я впервые могъ разсмотрѣть расположеніе замка. Прямо противъ меня находились главные ворота съ подъемнымъ мостомъ. Направо были конюшни и службы, налѣво тянулись жилые покои князя. Недалеко отъ моего окна я примѣтилъ кровлю большого подѣзда и соображалъ, гдѣ должна быть лѣстница, чтобы не заблудиться, въ случаѣ, если откроется возможность къ побѣгу.

Прошла вся ночь, прошелъ и день, а я ничего не слышалъ даже, что дѣлается въ покояхъ. Меня не мало тревожила мысль, что я быть-можетъ снова начинаю такую же затворническую жизнь, какую провелъ у Тѣты. Но Моргосова дочь по-крайней-мѣрѣ заботилась о моемъ желудкѣ, а тутъ я впродолженіи двадцати часовъ былъ еще совершенно тощъ. Я уже начиналъ приходить въ отчаяніе, какъ-вдругъ дверь открылась и вошла Гертруда. Она была блѣдна и едва тащилась. Я поспѣшилъ поддержать ее и, усадивъ на стулъ, спросилъ, что съ нею сдѣлалось. Она черезъ отворенную дверь указала мнѣ на крытый столъ и сказала:

— Я приказала людямъ оставить столъ на ночь, какъ есть, и уснула ихъ, чтобы дать вамъ поѣсть. Я сама не хочу. Я едва попробовала. И лишь-только люди ушли, я почувствовала сильную головную боль, холодъ во всѣхъ членахъ, какую-то тоску и шумъ въ ушахъ....

Это были признаки, которые описывала мнѣ Нагича. Я поспѣшно схватилъ стклянку съ противоядіемъ и далъ графинѣ принять нѣсколько капель. Всѣ болѣзненные припадки тотчасъ же исчезли. Гертруда успокоилась и скоро погрузилась въ глубокой сонъ. Между-тѣмъ я успѣлъ узнать отъ нея, что она спрашивала слугъ и вмѣстѣ сторожей своихъ о Ланискѣ. Ей отвѣчали, что Ланиска преступила приказъ господина и что госпожа уже не увидитъ ея.

Я былъ ужасно голоденъ, и мнѣ очень хотѣлось кушаньевъ, которые стояли передо мной, но я боялся, что не успѣю прогнать Моргосовыхъ демоновъ тѣми каплями, которыхъ дѣйствіе испыталъ надъ графиней. Я рѣшился взяться за одинъ хлѣбъ и съѣлъ его безнаказанно. На столѣ было и вино и вода, но которая изъ этихъ жидкостей безъ отравы? Примѣтивъ по остатку въ стаканѣ Гертруды, что она пила одну воду, я обратился къ вину и остался въ добромъ здоровьѣ. Вскорѣ потомъ я услышалъ шаги и, схвативъ со стола большой ножъ, поспѣшно скрылся за занавѣсомъ окна.

Вошли двѣ женщины. Одна была Тѣта. Въ другой я узналъ Ланиску, — ту женщину, которая привела меня къ Гертрудѣ. Взглянувъ на графиню, Тѣта улыбнулась и сказала:

— Онъ, конечно, тоже спитъ. Отецъ правъ. Нагича отдала иностранцу свою стклянку. Боль, которую они почувствовали, обманула ихъ. Они подумали, что ихъ отравили и вотъ теперь проспать до полудня... Но гдѣ же иностранецъ?

— Вѣроятно, въ другой комнатѣ, сказала Ланиска.

Онѣ обѣ ушли искать меня. Мнѣ хотѣлось знать, что онѣ затѣваютъ, и, будучи увѣренъ, что меня непременно найдутъ, я тихонько спустился на полъ и притворился

связицѣмъ. Онѣ скоро воротились обѣискивая всё углы, поднимая всё драпировки и добрались до меня.

— Вотъ онѣ! вскричала Ланиска: но какъ же онѣ здѣсь очутились?

— Почувствовавъ неодолимую склонность ко сну, онѣ, широкно, хотѣлъ отворить окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и упалъ.

Тѣта смотрѣла на меня нѣсколько времени, потомъ опустила драпировку и сказала:

— Начнемъ съ нея.

Я осторожно открылъ глаза и сквозь длинную бахрामу занавѣса могъ подсмотрѣть, что дѣлается. Въ случаѣ опасности я предположилъ броситься на Тѣту съ ножомъ, который спряталъ за пазуху. Но къ этому средству мнѣ не хотѣлось прибѣгать безъ самой крайней нужды: мысль о крови женщины приводила меня въ ужасъ: я уже пролилъ кровь Ниджайры и въ другой разъ не желалъ убить даже ту, которая бы вздумала отравить меня.

Тѣта подошла къ Гертрудѣ, устремила на нее такой же пристальный взоръ и на лицѣ ея отразилась злобная радость. Ланиску это, по-видимому, встревожило.

— Что ты намѣрена дѣлать съ нею? спросила она боязливо.

— Глупая! развѣ я не дала тебѣ слова, что жизнь ея совершенно въ безопасности.

— Да! жизнь!..... Но развѣ иначе нельзя причинить вредъ?.....

— И вреда ни какого не будетъ. Ну, скорѣе!.... принимайся!

И онѣ принялись раздѣвать графиню. Раздѣвши, уложили въ постель.

— Теперь уложимъ и его, сказала Тѣта подходя ко мнѣ.

Въ эту минуту я въ Тѣтѣ видѣлъ уже не женщину, а дьявола, и приготовился всадить ей острый ножъ мой прямо въ горло, лишь-только она наклонится ко мнѣ. Замысль ея была, какъ видно, удивительно искусно обдуманъ: она дала глупой Ланискѣ слово, что пощадитъ жизнь гра-

фини, а между-тѣмъ готовила мщеніе гораздо ужаснѣе. Она, конечно, хотѣла, чтобы всѣ слуги князя Мордена увидѣла меня спящаго подлѣ постели Гертруды и тогда жизнь и честь несчастной погибли бы невозвратно.

Тѣта уже наклонилась надъ моею головою; я уже сжалъ за пазухою рукоять ножа, какъ-вдругъ послышался отдаленный ревъ, вой, дикій, невообразимый, ужасный. Тѣта вздрогнула и выпрямилась какъ лань, которая только-что убѣжавъ одной травли опять слышитъ лай собакъ. Ланиска смотрѣла на нее съ ужасомъ и изумленіемъ. Адскій вой возобновился сильнѣе прежняго. Тѣта подбѣжала къ окну. Я на противоположной стѣнѣ увидѣлъ багровый свѣтъ. Это было зарево пожара. Вой опять повторился. Тѣта отвѣчала на него такимъ же дьявольскимъ изступленнымъ ревомъ, поспѣшно подбѣжала къ постелѣ Гертруды и въ рукахъ ея блеснулъ кинжалъ. Ланиска съ ужасомъ вскрикнула и бросилась туда же.

— Вѣдь ты поклялась мнѣ!....

Она не успѣла кончить. Кинжалъ вонзился въ грудь ея и несчастная Ланиска въ крови упала на свою спящую госпожу. Ошиблась ли Тѣта или у нея не стало силъ повторить такой ударъ, но она убѣжала и оставила всѣ двери настежь.

Я подошелъ и снялъ тѣло Ланиски, чтобы удостовѣриться, что Гертруда не ранена. Ланиска еще дышала. Она открыла глаза и узнала меня:

— Колдунья обманула меня, сказала она: спаси мою госпожу..... она убьетъ ее.....

— Чтò дѣлать? за чтò приняться? Я рѣшился на-удачу послѣдовать за Тѣтой и вышелъ на дворъ, который разсмотрѣлъ поутру. Весь замокъ былъ въ тревогѣ, подъемный мостъ опущенъ, ворота отворены. Люди поспѣшно тѣснились вонъ. Тѣта погоняла ихъ спасать домъ ея отца. Скоро она исчезла и вся толпа за нею.

Великія опасности придають великую рѣшимость. Я вошелъ въ конюшню, которая, къ счастью, содержалась въ отличномъ порядкѣ: подлѣ каждой лошади находилась вся принадлежащая ей сбруя. Я выбралъ доброго коня, осѣдлалъ

какъ слѣдуетъ, приготовилъ все въ дорогу, и воротился къ Гертрудѣ, которая всё-еще спала. Тамъ я взялъ кошелекъ съ деньгами, который всё-еще лежалъ на столѣ; захватилъ нѣсколько платьевъ, связалъ въ узелокъ и закинулъ себѣ черезъ плечо посредствомъ шарфа. Потомъ поднялъ самую Гертруду, закуталъ въ простыни и унесъ приготовивъ другой длинный шарфъ, чтобы привязать ее къ себѣ, когда сяду на лошадь. Съѣсть было трудно съ такою ношей. Напрасно попытавшись я наконецъ принужденъ былъ положить ее сперва поперегъ лошади, какъ мѣшокъ съ овсомъ, потомъ сѣлъ самъ, приподнял ее и привязалъ къ себѣ, такъ, чтобы она не могла свалиться и чтобы руки мои были свободны. Все это сдѣлано было въ конюшнѣ. Выѣхавши тихонько на дворъ, я увидѣлъ у воротъ человѣка, который, какъ мнѣ казалось, собирается затворить ихъ. Это была рѣшительная минута. Изъ всей силы ударилъ я лошадь каблуками, и вихремъ пронесся мимо привратника, прежде нежели тотъ успѣлъ сообразить, чортъ я или человѣкъ. Онъ, кажется, опрокинулся навзничь и что-то закричалъ мнѣ вслѣдъ. Но я уже былъ въ чистомъ полѣ.

Тутъ я испыталъ, что вой заразителенъ. Цѣлый часъ вокругъ меня раздавались дикіе крики и вопли. Это, вѣроятно, соблазнило и меня. Я помню, что я тоже принялся дико и испово кричать погоняя своего коня, такъ, что всякій встрѣчный, увидѣвъ меня на быстромъ скакунѣ съ тѣломъ завернутымъ въ развѣвавшіяся простыни какъ въ саванъ, непременно принялъ бы меня за демона, который уноситъ мертвеца.

Дорога, по которой мнѣ надлежало ѣхать въ Кешкетъ, пролегла подлѣ самой деревни, близъ Моргосова дому, со всѣхъ сторонъ охваченнаго огнемъ и окруженнаго толпой народу. Проѣхать тутъ непримѣченнымъ было трудно, но я надѣялся на быстроту моего коня столько же сколько и на самую странность моего появленія. Я былъ увѣренъ, что никто изъ толпы суевѣрныхъ мужиковъ и слугъ Мордена не посмѣетъ остановить меня. Я продолжалъ путь. Лошадь моя неслась съ быстротою вѣтру, по вдругъ, поровнявшись съ пожарищемъ, остано-

вылась какъ вкованная и захватывала. Я самъ былъ такъ пораженъ, что позабылъ воспротивиться этому. Причиною общаго нашего оцѣпенѣнiя былъ, во-первыхъ, ужасный, дикiй крикъ, во-вторыхъ необычайная сцена, которая вдругъ представилась нашимъ глазамъ.

Въ тридцати шагахъ передо мною, на порогѣ широкой двери, окруженной густою черною толпою народу, какъ-будто въ рамѣ, на огненномъ грунтѣ рисовались двѣ женщины, которыя боролись, — одна, чтобы войти, другая, чтобы не пустить. Это были Тѣта и Нагича. Тѣта была вооружена кинжаломъ, которымъ только-что заколола горничную Гертруды. Нагича сильною рукою держала вооруженную руку соперницы; у обѣихъ волосы были растрепаны; обѣ испускали вопли какъ двѣ гienы, оспаривающiя другъ у друга добычу; обѣ крутились, гнулись, напирали, и ни одна не могла побѣдить. А между-тѣмъ позади ихъ раздавался отчаянный, дикiй крикъ Моргоса, который призывалъ свою дочь.

— Тѣта!... Тѣта! кричалъ Моргосъ.

Ужаснѣе этой борьбы, ужаснѣе этихъ криковъ невозможно себѣ представить. Толпа стояла въ пѣномъ оцѣпенѣнiи. Вдругъ всѣ вздрогнули. Пылающая загородка обрушилась и посреди наполненной дымомъ лабораторiи явился Моргосъ. Онъ одною рукою прижималъ къ груди ларчикъ съ золотомъ и драгоценностями, который предлагала мнѣ его дочь, а другую съ отчаянiемъ простирая вверхъ кричалъ еще ужаснѣе и громче прежняго. Я удивился-было, отчего онъ не бѣжитъ изъ огня, когда ему остается лишь нѣсколько шаговъ, но вдругъ надъ головою его показалась гибкая шея и голова шипящей змѣи, которая уже обвила снизу его туловище своими кольцами.

Еще мгновение.... ларчикъ на груди Моргоса раскололся въ щепы, золото съ звономъ разсыпалось. Вслѣдъ за-тѣмъ и самъ Моргосъ съ раздирающимъ пчеловѣческимъ воплемъ рухнулъ. Раздался свистъ и шипѣнье змѣи и все исчезло въ дымѣ. Съ этимъ виѣстѣмъ и Нагича вскрикнула, почти такъ же пронзительно, только торжественно и опустила руку Цыганки, сказавъ:

— Поди теперь, спасай своего отца!

Но вмѣсто-того чтобы втти, Тѣта вонзла ей въ грудь кинжалъ. Несчастная опрокинулась и послѣдній взглядъ ея упалъ на меня. Она узнала меня и сдѣлавъ послѣднее усміе, протянула ко мнѣ руки. Всѣ, и Тѣта тоже, оборотились въ мою сторону. Это образумило меня. Я ударилъ по лошади и усккалъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если послѣ этого мужики и бабы, видѣвшіе меня на лошади съ ношею, очень похожею на закутаннаго въ саванъ мертвеца, рассказывали какъ чортъ унесъ душу задавленнаго змѣемъ колдуна Моргосъ-Козса.

Во время нашего путешествія никакого происшествія не случилось. Въ Кешкеметѣ Гертруда пришла въ себя и мы продолжали путь до Вѣны въ каретѣ. Отношенія наши остались тѣ же. Гертруда принимала мои услуги какъ должное, какъ ожиданное, но меня собственно, казалось, вовсе не примѣчала. Она постоянно была погружена въ мрачную задумчивость, которая не разсѣивалась и тогда, когда она говорила о чемъ-нибудь совершенно постороннемъ.

Говорятъ, состраданіе поражаетъ любовь. Я нашель, что и раскаяніе можетъ произвести то же самое. Я узналъ, что сдѣлалъ Гертруду гораздо болѣе несчастною чѣмъ полагалъ сначала, потому что гоненіе отъ отца ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что она чувствовала лишившись своей любви: она любила де-Бельмонса восторженно, пламенно, и отказалась отъ этой любви, потому что считала себя уже недостойною. Понявъ это, я уже не смѣлъ просить прощенія, не смѣлъ надѣяться на совершенное примиреніе. Я былъ радъ, что она не отвергаетъ моей помощи и не гонитъ меня; я былъ радъ что могу служить ей такъ, какъ служить человѣкъ, тайно питающій глубокую, пламенную привязанность. Да, я любилъ ее, и если повторялъ про себя то, что сказалъ ей на свиданіи въ замкѣ Морденъ, если говорилъ: «Я посвящу ей всю мою жизнь; умру за нее, когда будетъ нужно», то говорилъ правду по совѣсти.

У воротъ Вѣны мы разстались. Я взялъ съ Гертруды только слово, что она впередъ не отвергнетъ моихъ услугъ

и моей преданности, и получилъ позволеніе искать случая войти въ домъ ея тѣтки, графини Гацфельдъ.

Когда князь Морденъ, въ Италиі, узналъ о прїѣздѣ своей дочери въ Вѣну, случилось, къ-счастию, такъ, что ни онъ, ни сынъ его, ни зять не могли оставить своихъ мѣстъ, потому что имѣли дѣло съ Бонапартомъ. Графиня де-Бельнонсъ поселилась у своей тѣтки и вела жизнь очень уединенную, такъ, что въ обществѣ, кромѣ посѣщавшихъ домъ княгини Гацфельдъ, почти никто не зналъ объ ней.

Магнусъ тоже прїѣхалъ изъ Мордена, гдѣ содержался въ заточеніи по распоряженію Тѣты. Я очень обрадовался этому, потому что считалъ несчастнаго доктора уже погибшимъ. Сама Тѣта, по убіеніи Нагичи, воротилась въ замокъ, приказала освободить доктора и пропала безъ вѣсти, но не навсегда. Мы, къ несчастію, слишкомъ скоро встрѣтили ее.

Я въ Вѣнѣ принялъ настоящее свое имя, подъ которымъ уже не опасался встрѣчи съ княземъ Морденомъ, однако жъ жилъ тоже очень уединенно и кромѣ гостиниою княгини Гацфельдъ, которой меня представилъ одинъ старинный знакомецъ, почти вовсе не бывалъ въ обществѣ.

Княгиня была женщина непостижимая. Видитъ она или не видитъ? думаетъ или не думаетъ? Этого я никогда не могъ рѣшить. Читать на лицѣ ея было тѣмъ болѣе трудно, что на немъ, кажется, никогда не бывало ни какой буквы. Впрочемъ ея гостиница была въ Вѣнѣ одна изъ самыхъ посѣщаемыхъ, оттого что въ нее трудно было попасть. Съ графинею де-Бельнонсъ я встрѣтился тамъ какъ-будто въ первый разъ въ жизни, и занимался сю такъ мало, что меня считали неспособнымъ оцѣнить ее.

Наконецъ насталъ роковой день. Докторъ Магнусъ былъ, конечно, необходимымъ повѣреннымъ и помощникомъ. Гертруда рѣшилась передать мнѣ существо, которому надлежало при самомъ рожденіи скрыться отъ свѣта. Однажды, вечеромъ, графиня повѣхала кататься въ легкомъ кабриолетѣ, которымъ управлялъ докторъ. Я выѣхалъ въ

наемномъ экипажѣ и дожидался ихъ за городомъ, неподалеку отъ хижины, въ которой все нужное было заранѣе приготовлено. Увидѣвъ подъѣзжающихъ, я оставилъ свой экипажъ и пошелъ пѣшкомъ, а докторъ поѣхалъ тише и мы такимъ образомъ въ одно время прибыли на назначенное мѣсто. Какая-то старуха отворила намъ дверь. Докторъ изумился.

— Гдѣ же Вильгельмина? спросилъ онъ.

— Ея дочь умираетъ, отвѣчала старуха: я ее двоюродная сестра. Она просила меня принять васъ.

Доктору это было очень неприятно, и на меня тоже голосъ старухи произвелъ странное впечатлѣніе. Я почти испугался ея. Но искать другаго пріюта уже было нѣкогда. Графиня чувствовала себя очень слабою. Я ушелъ и оставилъ ее на рукахъ доктора и старухи. Часа два я бродилъ по лѣсу въ страшномъ безпокойствѣ. Потомъ воротившись и подошедъ къ двери, услышалъ дѣтскій крикъ и шумный разговоръ, какъ-будто споръ. Я вошелъ. Въ эту самую минуту докторъ вырвалъ плачущее дитя изъ рукъ старухи, которая злобно хохотала, между-тѣмъ какъ Гертруда, блѣдная, изнеможенная, смотрѣла на нее съ неописаннымъ ужасомъ.

— Убейте теперь вашу тайну, если хотите сохранить ее! говорила старуха: я поставила на ней такой знакъ, что съ одного взгляду выберу изъ тысячи.... я найду ее вездѣ.

Съ этимъ словомъ она сорвала съ головы повязку, отерла лицо и мы узнали Цыганку Тѣту. Насладившись нашимъ изумленіемъ и испугомъ, она скрылась. Потомъ мы нашли Вильгельмину въ самомъ темномъ углу двора, куда Тѣта затащила ее, напоявъ сперва сонными каплями.

Это приключеніе разстроило весь прежній нашъ планъ. Докторъ уже выбралъ-было кормилицу, которая жила тутъ же по-близости. Но Тѣта, вѣроятно, знала и ее. Я рѣшился самъ взять дитя съ собою и поручить его кому-нибудь на воспитаніе въ городѣ. На первый случай я поручилъ его ховянкѣ того дому, гдѣ нанималъ скромную квартиру. Я сказалъ, что я на улицѣ нашелъ эту дѣвочку,

— это была дѣвочка, — и нажилъ собѣ еще больше хлопотъ и безпокойства чѣмъ могъ бы имѣть тогда, когда бы откровенно признался, что она моя родная дочь, потому что хозяйка ни какъ не могла удержаться, чтобы не рассказывать своимъ сосѣдкамъ, какой сострадательный и благодѣтельный человекъ ея жилецъ. Чѣмъ больше я просилъ ее молчать, тѣмъ выше въ ея глазахъ росла моя добродѣтель и тѣмъ усерднѣе она рассказывала. Чтобы избавить-ся какъ-нибудь отъ знаменитости, надобно было отдать ребенка въ деревню. Я такъ и сдѣлалъ. Первый годъ прошелъ довольно спокойно.

Съ Гертрудою я продолжалъ видѣться по-прежнему, съ тою равницею, что она нѣрѣдка, подъ видомъ обыкновеннаго свѣтскаго разговору, приближалась ко мнѣ чтобы шепотомъ освѣдомиться о дочери. Я чувствовалъ, что этимъ самымъ и сердце матери приближается къ моему. Наконецъ, однажды она сказала, что очень желаетъ видѣть свое дитя, и просила устроить это какъ-нибудь. Просьба эта истинно осчастливила меня, потому что въ ней я видѣлъ будущую возможность совершеннаго примиренія. Черезъ это свиданіе я надѣялся получить прощеніе, котораго желалъ такъ пламенно, за которое отдалъ бы пол-жизни. Въ назначенный день я нарядился мужикомъ, взялъ дитя на руки и, пришедши къ дому княгини Гацфельдъ, сѣлъ противъ оконъ Гертруды, какъ-будто съ тѣмъ чтобы отдохнуть отъ усталости. Гертруда явилась у окна и долго смотрѣла на свою дочь. Не берусь описать, что тогда происходило на лицѣ матери, какая въ немъ выражалась радость и скорбь, какой восторгъ, какое отчаяніе, какая любовь или какое сожалѣніе. Она, казалось, не могла насытиться зрѣлищемъ: смотрѣла, смотрѣла..... вдругъ исчезла и черезъ минуту опять явилась съ маленькимъ зеркаломъ, которое навела на дочь такимъ образомъ, чтобы въ немъ отразилось ея личико и чтобы тѣмъ какъ-бы взять въ руки ея портретъ. Долго она смотрѣла и въ это зеркало, потомъ, осторожно наклонившись, поцѣловала мимолетное отраженіе и посиѣшно ушла. Въ эту минуту я отдалъ бы Гертрудѣ двѣ жизни, если бы у меня были три.

Прошло еще полгода и я сталъ думать о томъ, какъ бы взять маленькую Марію опять въ городъ, чтобы поручить кому-нибудь на воспитаніе. Я съ нѣкотораго времени познакомился съ однимъ Англичаниномъ, мистеръ Смитомъ, или, лучше сказать, съ его женою, потому что самъ мистеръ Смитъ, служившій при посольствѣ, безпрестанно находился въ разѣздахъ по особымъ порученіямъ полномочнаго посла. Мистриссъ Смитъ была Француженка, но чувствительна и мечтательна какъ Нѣмка и чадолюбива какъ Англичанка. У нея вовсе не имѣлось дѣтокъ, но она чрезвычайно много занималась теоріею воспитанія и первою книгою въ мирѣ считала Жакъ-Жакова «Эмиля». Ей ничего въ жизни такъ не хотѣлось какъ ребеночка, если не собственнаго, такъ хоть подкидыша, котораго бы она могла усыновить и воспитывать. Я слышалъ объ этомъ уже нѣсколько разъ отъ нея самой и это подало мнѣ мысль. Я рѣшился доставить мистриссъ Смитъ удовольствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно хорошо пристроить свою дочь. Въ одинъ прекрасный вечеръ, передъ тѣмъ какъ отправиться къ мистриссъ Смитъ на партію виста, я взялъ свою милую Марію отъ кормилицы, уложилъ въ корзинку и поставилъ на подвѣздѣ, а самъ тотчасъ же пошелъ и подвѣзъ тревогу очень удачно. Малютку *кошки*, приняли и мистриссъ Смитъ была въ неописанномъ восторгѣ. Она почти влюбилась въ жену за то только, что я первый принесъ извѣстіе. Такимъ образомъ дѣло это удалось какъ-нельзя лучше. Даже насчетъ Тѣты всѣ опасенія мои уничтожились, потому что Цыганка уже не могла найти моей Маріи у жены по-сельскаго секретаря. Я ходилъ туда, по обыкновенію, два раза въ недѣлю и имѣлъ даже нѣкоторое право освидѣлаться о маленькой вѣтомницѣ. Тайна моя была въ безопасности.

По пятницамъ я обыкновенно бывалъ у княгини Гацфельдъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, входя въ гостиную и примѣтивъ необыкновенную говорливость и живость, а ступивъ еще нѣсколько шаговъ рассмотрѣлъ у одного окна, въ группѣ мужчинъ, молодого гиганта Мордена. Подальше, подлѣ хозяйки дому, стоялъ старый князь. Это, конечно, была для меня встрѣча не радостная, но и не

ожиданная. Я былъ готовъ на все. Книгиня приняла меня какъ всегда, и представила храброму моему истребителю, который одинъ разъ далъ моей груди лишняго свищу, а въ другой отказалъ желудку въ необходимомъ хлѣбѣ. Потомъ дошла очередь до представленія какому-то господину, котораго я не зналъ и котораго мнѣ назвали графомъ де-Бельнонсомъ. Этотъ съ перваго разу развернулся весь. Выслушивая мое имя онъ принялъ важный видъ и, едва кивнувъ головой, отвернулся. Я принялъ смѣлость спросить, не болитъ ли у него шея и, на вопросъ его—почему, объяснилъ, что всякій поклонъ требуетъ въ отвѣтъ такого же. Онъ поблѣднѣлъ и поклонился. Онъ былъ жалокъ. Молодой Морденъ, напротивъ, отрекомендовался какъ-нельзя лучше.

— Чрезвычайно радъ познакомиться по-короче, сказалъ онъ сжавъ мнѣ руку такъ, что кости захрустѣли.

— О-го! вскричалъ я, отряхивъ раздавленную руку: неужели вы хотите сдѣлать меня неспособнымъ владѣть шпагою?

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и извинился. Въ храбрости его невозможно было усомниться.

Гертруда сидѣла въ углу и была окружена женщинами, которыя осыпали ее поздравленіями. Она сіяла, она никогда не была такъ прекрасна. Обыкновенную блѣдность лица, спокойную задумчивость взору и грустную небрежность движеній замѣнили свѣжій, розовый колоритъ, лучистый, огненный блескъ глазъ, чрезвычайная говорливость и живость во всемъ. Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе: я почувствовалъ ревность и досаду на этого де-Бельнонса, который однимъ своимъ появленіемъ могъ заставить Гертруду позабыть обо всемъ на свѣтѣ. Однако жъ я счелъ неприличнымъ не подойти къ ней, какъ подходилъ всегда. Она и мнѣ на привѣтствіе отвѣчала ласково и живо обыкновеннаго. Я вглядѣлся въ нее пристальнѣе: она была нарумянена. Она умирала подъ маскою счастья; подъ привѣтливою улыбкой скрывалось отчаяніе; въ веселомъ говорѣ она заглушала болѣзненные крики растерзаннаго сердца.

Вечеръ прошелъ какъ обыкновенно и никто изъ посто-

ровнихъ не догадался бы, что тутъ были четыре человекъ, у которыхъ сердца сильно бились въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго и важнаго.

На-утро я всталъ гораздо ранѣе обыкновеннаго. Я былъ увѣренъ, что увижу или молодаго Мордена или его отца и ждалъ ихъ, какъ неотвратимаго несчастія. Я предчувствовалъ, что не миную этого свиданія, и зналъ напередъ, чѣмъ оно кончится. Они умышленно нанесутъ мнѣ оскорбленіе, за которое я принужденъ буду употребить всѣ усилія, чтобы которому-нибудь изъ этихъ господъ всадить въ грудь свою шпагу и послѣ этого, конечно, не могъ надѣяться болѣе видѣть Гертруду. Видѣть же ее мнѣ уже было необходимо: я любилъ ее, любилъ всѣми силами души, со всѣмъ пыломъ первой юношеской страсти. И мнѣ предстояло непременно лишиться ея навсегда.

Я былъ погруженъ въ самыя мрачныя мысли объ этомъ, когда женщина, которая прислуживала мнѣ, вошла и съ таинственнымъ видомъ сказала, что нѣкто желаетъ видѣть меня. Я подумалъ, что этотъ нѣкто — одинъ изъ моихъ противниковъ, и безъ дальнихъ разспросовъ приказалъ просить.

Вслѣдъ за тѣмъ вошла Гертруда. Я остолебенѣлъ. Воаль ея была опущена, но я узналъ ее съ перваго взгляду и напрасно старался не вѣрять своимъ глазамъ. Гертруда торопливо сказала мнѣ, чтобы я велѣлъ принимать всѣхъ, кто придетъ. Я былъ въ такомъ замѣшательствѣ, что приказалъ совершенно противное, но Гертруда перебила мою рѣчь и твердо, рѣшительно сказала служанкѣ:

— Къ графу де-Фаврѣзу придутъ двое или трое мужчинъ. Просите ихъ прямо сюда и скажите, что графъ у себя одинъ.

Она бросила ей золотую монету и служанка вышла. Потомъ Гертруда окинула взглядомъ мою комнату и спросила:

— Есть здѣсь мѣсто, куда бы вы могли спрятать меня.

Я указалъ ей другую комнату, которая отдѣлялась стеклянною дверью съ занавѣской. Гертруда, не обращая вниманія на мое удивленіе, тотчасъ пошла, чтобы удостовѣ-

рится, все ли ей будетъ видно и слышно, и сейчасъ же вышла сказать:

— Прекрасно. Это удобно, какъ-нельзя лучше.

Тутъ она откинула вошь. Она была блѣдна, но прекрасна: глаза горѣли, каждый мускулъ на лицѣ трепеталъ отъ душевнаго волненія, грудь вздымалась высоко.

— Графъ, сказала она, вы говорили мнѣ, что вы готовы пожертвовать для меня жизнью и честью. Я пришла испытать васъ.

— Говорите; я принадлежу вамъ совершенно.

— Такъ вы все сдѣлаете, что я потребую?

— Все, что бы то ни было.

— Если мукъ мой вызоветъ васъ, вы откажетесь драться съ нимъ?

— Общаю.

— Какую бы грубость онъ ни сказалъ вамъ?

— Готова снести.

— Какое бы оскорбленіе онъ ни нанесъ?

Я колебался. Она посмотрѣла на меня и я сказалъ:

— Извольте. Я дамъ слово сдѣлать все.

Она глубоко вздохнула, какъ-будто свалила тяжелый камень съ груди, и подала мнѣ руку какъ мужчина мужчине.

— Благодарю васъ, сказала она.

Я молчалъ. Я не могъ предвидѣть, до чего дойдетъ и до чего не дойдетъ дерзость де-Бальмонса въ отношеніи ко мнѣ, а все принять, все снести не говоря ни слова.... это было тяжело.

— О чемъ вы задумались? вдругъ спросила Гертруда.

— Я думалъ, что, исполнивъ ваше требованіе, я искуплю свой проступокъ. Я заплачю своею честью за вашу: это и справедливо.

Гертруда посмотрѣла на меня пристально и хотѣла что-то сказать, но удержалась. Сердце у меня болѣзненно сжималось: въ немъ мгновенно закипѣлъ гнѣвъ при мысли, что графиня де-Бальмонсъ требуетъ моего униженія въ любви къ мужу. Я не выдержалъ и ударивъ себя нѣсколько разъ кулакомъ по лбу застоналъ такъ, что если

Бы меня усаживала покойница Вилкайра, она сечла бы себя въ сосѣдствѣ очень порядочнаго тигра.

— Что съ вами? спросила Гертруда.

— О! вскричалъ я съ бѣшенствомъ: не безпокойтеся обо мнѣ! Я исполню ваше требованіе: я все снесу, все вытерплю. Я не убью его за величайшее оскорбленіе.... я не убью его, потому что онъ вашъ мужъ.... потому что вы любите его!

Гертруда обратила глаза къ небу и на блѣдныхъ губахъ ея появилась улыбка отчаянія. Я успѣлъ побѣдить въ душѣ своей бурю, которая увлекла меня за предѣлы.

— Извините, сказалъ я, извините послѣдній крикъ осужденнаго, котораго терзають водъ пыткой до-смерти.

Гертруда смутилась.

— Я не желала бы, чтобы это было такъ, сказала она; я не желала бы требовать отъ васъ такой жертвы, но.... я не могу.... это необходимо..... и не я виновата! прибавила она вдругъ вставая.

— Правда, отвѣчалъ я: я не имѣю ни какого права жаловаться.

— Графъ, сказала она: одному изъ насъ необходимо погибнуть. А я женщина..... я боюсь смерти.

— О! умереть я сумѣлъ бы! вскричалъ я: умереть не трудно. Я, право, не понимаю, длячего человѣкъ часто съ такимъ отчаяніемъ ототавиваетъ свою жизнь..... не понимаю, длячего я самъ цѣлялся за нее какъ безумный. Не лучше ли было предоставить заботу объ ней палачамъ, или вашему отцу, или Моргосу, или Тѣтъ?... О, я глупецъ! я могъ умереть безъ позору и не умѣлъ воспользоваться случаемъ!

— Графъ, вы забыли, что вы спасли меня? сказала Гертруда.

Этимъ словомъ она заплатила мнѣ за честь, которой я готовился лишиться для нея. Я схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями.

— И я вамъ нуженъ еще? вскричалъ я.

— Да, отвѣчала она, да. И можетъ-быть даже, что жертва ваша вовсе не будетъ такъ велика.

Я стоялъ передъ нею на колѣняхъ и всё-еще цѣловалъ

ей руки. И она не отнимала ихъ. Вдругъ на лестницѣ слышались шаги и голоса.

— Вотъ они! вскричала Гертруда и исчезла за занавѣской стеклянной двери.

Я всталъ и ждалъ своей судьбы, которая вошла въ тройномъ образѣ князя Мордена, его колоссальнаго сына и графа де-Бельнонса. Они вошли съ торжественною важностью и слегка поклонились. Я предложилъ стулья, но они изъявили желаніе постоять.

— Милостивый государь, началъ графъ де-Бельнонсъ, если я вчера вечеромъ не считалъ нужнымъ распространяться насчетъ вашего дерзкаго замѣчанія, то это потому, что я не хотѣлъ, въ первый день пріѣзду и притомъ въ чужомъ домѣ, нарушить семейную нашу радость скандальною сценой. Но что вчера было бы неприлично сдѣлать, то сегодня благородному человѣку неприлично оставить. Я пришелъ потребовать объясненія вашихъ оскорбительныхъ словъ.

Больно и горько, разумѣется, снести личную обиду отъ всякаго, отъ самаго сильнаго точно такъ же какъ и отъ самаго храбраго. Но каково же снести ее, когда видишь, какъ подъ дерзости бездѣльника, который наноситъ оскорбленіе, всякая жилка трепещетъ отъ страху? Но намѣреніе мое было непреложно, и я рѣшился исполнить его какъ-можно менѣе глупо. Я далъ клятву не драться, но не обѣщалъ увертываться извиненіями и отвѣчалъ Бельнонсу очень сухо:

— Я не стану драться съ вами, по причинамъ, которыхъ не считаю нужнымъ объяснять. Удержитесь отъ напрасныхъ оскорбленій: они васъ ни къ чему не поведутъ.

Морденъ переглянулся, но въ этихъ взглядахъ не было ничего оскорбительнаго для меня. Они, казалось, говорили одинъ другому: «Мы угадали, что такъ будетъ.»

— Вамъ, конечно, извѣстно, милостивый государь, что есть средства заставить человѣка драться, продолжалъ Бельнонсъ, нахмуривъ брови, чтобы испугать меня: есть оскорбленія, которыхъ не возможно вынести не будучи послѣднимъ изъ трусовъ и бездѣльниковъ.

— Это мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я: и извѣстно еще

то, чего вы, быть-можетъ, не знаете и что я вамъ сейчасъ скажу, то есть: когда благородный человѣкъ, — я говорю о себѣ, — когда благородный человѣкъ скажетъ кому-нибудь, что не можетъ принять вызову, и когда этотъ кто-нибудь, будучи увѣренъ въ своей безопасности, всё-таки нанесетъ такое оскорбленіе, то онъ-то, сей послѣдній, и будетъ послѣднимъ изъ трусовъ и бездѣльниковъ.

— На этомъ основаніи вы всегда можете поступать такъ дерзко, какъ въ эту минуту, и вамъ достаточно будетъ сказать, что вы не можете драться? Это удивительно какъ удобно!

— Точно такъ.

— Но что же вы послѣ этого? вскричалъ Бельмонсъ съ такимъ гнѣвомъ, что я на мгновенье подумалъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ искренно желаетъ рѣзаться со мною: вы — жалкій трусъ!

Слово мое было найдено: я оборотился спиной и отвѣчалъ:

— Точно такъ.

— Да вы негодай!

— Точно такъ, отвѣчалъ я, прохаживаясь по комнатѣ.

Бельмонсъ пошелъ ходить за мною слѣдомъ и вскричалъ:

— Да вы бездѣльникъ!

— Точно такъ.

— Но я вамъ покажу.....

Онъ поднялъ руку. Я остановился и посмотрѣлъ на него. Рука осталась въ воздухѣ. Я захохоталъ.

Хуже оскорбить его, конечно, было невозможно. Слѣвой гнѣвъ увлекъ Бельмонса. Онъ далъ мнѣ пощечину.

Ну, да! я получилъ пощечину и... не убилъ этого мерзавца. Въ первую минуту голова у меня пошла кругомъ, я съ яростью бросился-было на поблѣдившаго, но въ-время вспомнилъ данное слово и остановился, повелительно указавъ гостямъ на дверь и, задыхаясь, проговорилъ:

— Я не стану драться.

Они вышли. Я упалъ на диванъ, но въ ту же минуту опять вскочилъ и схвативъ шпагу хотѣлъ заколоться. Гер-

труда бросилась почти въ мои объятія, чтобы остано-
вить меня. Я оттолкнулъ ее и бросивъ шпагу сказалъ:

— Теперь мы разчитались, графиня; прощайте.

— Вы не должны умереть! вскричала она: я не хочу
чтобы вы умерли.

— Довольно.....

— Я не хочу! говорить вамъ.... я не позволяю!

— Это до васъ не касется. Я даю вамъ слово и сдер-
жалъ его. Мы квиты.

Она съ уноляющимъ видомъ сложила руки.

— Вотъ, взгляните сюда? вскричалъ я указывая на ще-
ку: ударивъ въ сердце остреемъ шпаги онъ не могъ бы
убить меня върибе и совершеннѣе. Этого перенести я не
могу..... не могу.....

Я былъ внѣ себя: я ногтями вцѣпился въ ледо и хо-
тѣлъ содрать кровавую обиду. Гертруда схватила мои ру-
ки, оторвала отъ лица и поцѣловала опозоренную щеку.

— Неужели и теперь еще вы чувствуете эту обиду?
спросила она.

Я не успѣлъ образумиться, какъ Гертруда уже исчезла.
У меня закружилась голова отъ тысячи противополож-
ныхъ мыслей, отъ неизобразимаго горячечнаго бреда. Я
былъ оскорбленъ, обезчещенъ, прибилъ мерзавцемъ Бель-
нонсомъ; любимъ и почти очищенъ отъ стыда Гертрудой.
Цѣлый часъ я былъ съумасшедшимъ; четыре часа ходилъ
какъ въ угарѣ и весь остатокъ дня находился въ страш-
номъ смущеніи.

Наконецъ оставалось сдѣлать еще одинъ трудный шагъ,
— первый шагъ со-двора. Куда идти? Къ мистриссъ Смитъ?
Встрѣтить тамъ человѣкъ десять, которыхъ дерзкое хва-
ство Бельнонса уже предупредило? Или идти прямо въ
гостиную княгини Гацфельдъ и встрѣтиться съ самимъ
Бельнонсомъ? Трудно было только идти. Но будучи тамъ,
я уже зналъ бы какъ повести себя. Миѣ стоило только
передать понесенное оскорбленіе перьому, кто косо поемо-
трить на меня, и повторять расчетъ до-тѣхъ-поръ пока
кто-нибудь убьетъ меня или пока всякій, кому слѣдуетъ,
пойметъ, что не здорово тереться о конецъ моей шпаги.

Я отправился прямо къ княгинѣ. Было уже темно на

улицѣ. У подъѣзду меня встрѣтила горничная Гертруда и, не спросивъ слѣдовать за нею, провела другою лѣстницей въ будуаръ, куда скоро пришла и графиня де-Вальмонсъ.

— Я ждала васъ, сказала она.

— Благодарю васъ. Я вижу, что вы кѣните меня, когда понимаете, что я долженъ былъ прійти.

— Да; но вы пришли съ намѣреніями, которыхъ я не могу одобрить и которыя совершенно бесполезны.

— Какія же намѣренія вы предполагаете у меня?

— Вы хотите вызвать перваго, чье лицо вамъ не понравится. Но вы подвергаетесь опасности ошибиться. Тайна сегодняшней страшной сцены не будетъ разглашена.

— Почему вы знаете?

— Графъ, вы знаете уже столько, что должны узнать все остальное.

Въ быстротѣ этого перваго обмѣну словъ я сначала не примѣтилъ рѣшительнаго тону Гертруды.

— Вы не опасаетесь, что въ гостиной примѣтятъ ваше отсутствіе? спросилъ я.

— Нѣтъ. Тетушка не причиняетъ сегодня. Отца, брата и Бельмонса нѣтъ дома. Мы можемъ поговорить на свободѣ.

— Вы ошибаетесь, сударыня! сказалъ входя Бельмонсъ: вы уже довольно пользовались свободою съ этимъ бездѣльникомъ.

Вслѣдъ за Бельмонсомъ вошли Морденъ. Несожданное появленіе всѣхъ этихъ господъ такъ озадачило меня, что я въ первое мгновеніе пропустилъ безъ вниманія дерзкую брань наглеца.

— Ну, что? не говорилъ ли я вамъ? продолжалъ Бельмонсъ обращаясь къ Морденамъ: неужели вы и теперь думаете, что я болѣе стану сносить такой позоръ?

Князь Морденъ раздумывалъ, и я увѣренъ, что о томъ, какъ лучше убить меня. Молодой Геркулесъ смотрѣлъ на отца, и ждалъ только знака чтобы кинуться и раздробить мнѣ голову или препоротъ грудь, какъ прикажутъ.

— Неужели вы хотите, чтобы я еще сталъ жить съ та-

ною женщиной? Неужели вы не понимаете, что я сто разъ лучше согласнусь воротиться во Францію, подъ опасеніемъ смерти, чѣмъ остаться здѣсь и сносить стыдъ, котораго невозможно отомстить такому негодяю? Чтѣ жъ касается до вашей дочери, князь..... ей нечего опасаться: человекъ уважающій себя можетъ мстить женщинѣ только тѣмъ что покинетъ ее.

— Теперь моя очередь говорить, вскричала Гертруда, которая все время сидѣла неподвижно и съ негодованіемъ и презрѣніемъ слушала выходки мужа.

— Молчать! вскричалъ князь: недостойная дочь!... Не старайся спасти этого человека: онъ умретъ. Онъ уже теперь валялся бы трупомъ, если бы мнѣ не нужно было напередъ узнать отъ него тайну. И я узнаю эту тайну, хоть бы тутъ нужно было перебрать всѣ орудія и степени пытки..... хотя бы.....

— Пожалуйста, не увѣряйте, перебилъ я: мнѣ очень хорошо извѣстно, что вашему сіятельству не учитья стать этому ремеслу.

— Ты еще смѣешься, мелкій, ничтожный трусихка! вскричалъ молодой гигантъ.

— А! вскричалъ я съ истинною радостью: я, конечно, могъ дать клятву не драться съ этимъ хвастуномъ Бельнопсомъ, но я ничего не обѣщалъ въ-отношеніи къ вамъ, мой рыцарь. Мы съ вами посчитаемся, если это вамъ будетъ не противно.

Удивленіе, съ которымъ Морденъ переглянулись при этихъ словахъ моихъ, доказывало, что они поутру повѣрили моей трусости.

— Клянусь честью! вскричалъ молодой Морденъ: если такъ, графъ, то, увѣряю васъ, мнѣ гораздо пріятнѣе отправить васъ на тотъ свѣтъ по способу благородныхъ людей, чѣмъ черезъ какого-нибудь наемнаго душителя.

— Погодите, господа! вскричала Гертруда вставъ и величественно выпрямившись: не теряйте лишнихъ словъ. Выслушайте сперва меня. Сядьте, батюшка..... сядьте всѣ, господа. Будьте судьи мои и, за мою жизнь, которую вы общими силами сгубили, удѣлите мнѣ часть терпѣнія и вниманія.

Отецъ и мужъ хотѣли-было возражать, но во всей осанкѣ Гертруды было нѣчто такое рѣшительное и повелительное, что оставалось только покориться. Мы сѣли.

— Говорите, сестрица, сказалъ геркулесъ: да поспѣшите. Этотъ господинъ (онъ указалъ на меня) долженъ уметь.

— И не одинъ, прибавилъ съ мрачнымъ видомъ князь.

Невозможно описать, какою презрительною улыбкой Гертруда отвѣчала на эту угрозу.

— Это будетъ зависѣть отъ моего рѣшенія, судьи мои, сказала она: потому что вы сейчасъ услышите вашу приговоръ.

Отецъ, братъ и мужъ вскочили. Но Гертруда играя шелковою лентой отъ колокольчика улыбнулась и продолжала:

— Нужно убить меня здѣсь, на этомъ мѣстѣ, или рѣшиться выслушать.

— Мы можемъ просто оставить васъ теперь и уйти, замѣтилъ де-Бельнонсъ.

— Въ такомъ случаѣ всѣ тайны замка Морденъ скоро будутъ извѣстны выше.

— Ты осмѣлишься? вскричалъ князь.

— Я уже сказала вамъ, что за мою погубленную жизнь требую только одного часу вниманія. Неужели это, вамъ кажется, дорого?

— Ну, выслушаемъ ее, сказалъ братъ.

Въ этомъ молодомъ человѣкѣ можно еще было найти, если не много больше, такъ по-крайней-мѣрѣ нѣсколько молодой и чистой крови, тогда какъ другіе двое безъ сомнѣнія составляли образцы испорченности и порочности. Гертруда начала говорить. Я желалъ бы быть живописцемъ, чтобы изобразить эту картину, — надменный и грозный видъ князя, нетерпѣливое и гордое положеніе его сына и безстыдную дерзость де-Бельнонса. Себя я поставилъ бы въ углу этой картины, скромно прислоненнаго къ стѣнкѣ и съ любопытствомъ наблюдающаго физиономіи другіхъ и въ-особенности прекрасной графини, которая сидѣла передъ нами блѣдная, съ нѣсколько разстро-

синими блондурыми волосами, съ освѣщенными голубымъ огнемъ глазами, съ трепещущими губами, со всѣмъ ея выраженіемъ и съ дивнымъ ея голосомъ. Потому я желала бы показать вамъ, какъ по-мѣрѣ-того что говорила Гертруда, послѣдовательно измѣнялись въ лицѣ ея слушатели; какъ они выбивались изъ-подъ обвиненій и уликъ, которыми она нещадно поражала ихъ; какъ отецъ, братъ и мужъ вздрагивали подъ этими ударами и именами, которыя она бросала имъ въ лицо до-тѣхъ-поръ пока они наконецъ, съ бессильною яростью въ сердцахъ, блѣдные и задыхающіеся, склонили голову подъ ноги своей торжествующей жертвы.

— Батюшка, говорила Гертруда обращаясь къ князю: когда вы захотѣли, чтобы я, несмотря на постыдное покушеніе, котораго сдѣлалась жертвою, всё-таки вышла за графа де-Бельнонса и чтобы человекъ, котораго имя мнѣ приходилось носить, не зналъ о моемъ несчастіи, тогда я отказывалась исполнить вашу волю. Угрозами и насиліями вы принудили меня. Вы приняли свои мѣры, чтобы я не могла говорить съ графомъ, но я приняла мои и въ письмѣ сказала ему все. Да, я мечтала, что можетъ существовать любовь довольно возвышенная на то, чтобы простить мнѣ мое несчастіе, и когда потомъ Бельнонсъ, по полученіи моего письма, подалъ мнѣ руку, чтобы идти къ алтарю, я чувствовала, что признательность моя никогда не сравнится съ великодушіемъ и благородствомъ такого поступка. Черезъ два часа послѣ церковнаго обряда я разочаровалась: изъ тѣхъ же рукъ, которымъ довѣрила мое письмо, я получила отвѣтное. Человекъ, давшій мнѣ свое имя, безстыдно объявилъ мнѣ, что уже получилъ отъ меня все, чего желала.... мое приданое и необходимое положеніе въ свѣтѣ.

— Покажите это письмо! вскричалъ де-Бельнонсъ.

— Вы очень хорошо знаете, что у меня его нѣтъ. Вы мастерски разсчитали свой маневръ. Вы были увѣрены, что при чтеніи вашей записки я потеряю память, разсудокъ, чувство, и что подателю не трудно будетъ тотчасъ же воротиться и взять прочитанное назадъ. Вы были раз-

считавше меня: сохраняли у себя мое письмо, какъ и слѣдовало такому ничкому человѣку какъ вы.

Графъ вскочилъ, но молодой Морденъ схватилъ его за грудь и швырнулъ назадъ на кресло. Гертруда продолжала.

— Тогда вы, отецъ мой, заключили меня въ вапгъ замокъ какъ арестантку и отдали подъ надзоръ и въ распоряженіе негодной твари, которая погубила мою мать.

Тутъ старый князь хотѣлъ вскочить, но Гертруда оставила его.

— Не горячитесь! вскричала она: худо будетъ, я думаю, если напомнить объ этомъ высшей власти и всему дворянству. На такія вещи нѣтъ десятилѣтней давности. Худо будетъ, если я открою передъ лицомъ всего свѣта все, что знаю, заставлю Магнуса подтвердить мои показанія..... Вы сами хотѣли, вы принудили меня..... хорошо же я скажу вамъ все, все!..... Мы здѣсь не въ Морденѣ: вы здѣсь не можете уморить человѣка въ потаенномъ подвалѣ; не можете предать меня въ руки медика; у васъ здѣсь нѣтъ ни мерзкой вашей сообщницы, Цыганки, ни отравителя Моргоса..... Вы должны будете убить меня здѣсь, въ этомъ домѣ княгини Гацфельдъ, и подвергнуться суду какъ убійца, или должны выслушать меня.

Говоря такимъ образомъ она была великолѣпна. Передавая каждое слово, которое она сказала, невозможно однако жъ передать могущественнаго краснорѣчія ея взгляду, ея движеній и звуковъ ея дивнаго голоса, въ которомъ при изложеніи этихъ преступленій и низостей тонъ доходилъ до такого сардоническаго хохоту, что приводилъ въ содроганіе.

— Храбрые дворяне! продолжала она: вы пришли убить человѣка, который погубилъ меня, и вотъ вашъ расчетъ: вы примѣтили, что онъ неучтиво обошелся съ графомъ де-Бельнонсомъ, а какъ графъ де-Бельнонсъ надоѣлъ вамъ столько же какъ графъ де-Фаврѣзъ, то вы и рѣшили истребить одного посредствомъ другаго. Кто бы ни остался побѣдителемъ, думали вы, изъ побѣжденнаго станетъ однимъ врагомъ меньше. Но мосье де-Бельнонсъ вовсе не

желалъ умереть: на это онъ уже сыгралъ слишкомъ выгодную партію. Оттого, знаете ли, что онъ сдѣлалъ, когда вы доказали ему, что онъ долженъ драться съ де-Фаврѣзомъ за свою оскорбленную честь?

Гертруда съ невыразимымъ презрѣніемъ захохотала и продолжала:

— О! вы сдѣлали мнѣ много зла, отецъ мой, и вы тоже, братецъ, но я не оскорблю васъ сравненіемъ съ этимъ человѣкомъ. Онъ сперва разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ вы требовали, чтобы онъ наказалъ графа де-Фаврѣза за грубое слово, потомъ прибавилъ: «Я знаю, чего они хотятъ, чтобы я отомстилъ за ихъ оскорбленіе подъ видомъ моего. Но я не желаю, чтобы какой-нибудь индѣйскій солдатъ сдѣлалъ меня калѣкой или убилъ. Вы, какъ мнѣ кажется, имѣете довольно сильное вліяніе на де-Фаврѣза. Скажите ему, чтобы онъ не обижался тѣмъ, что меня принудятъ сказать ему: иначе будьте увѣрены, что я прежде нежели пойду рѣзаться съ нимъ, распубликую прекрасное письмо, которое получилъ отъ васъ.»

Морденсы посмотрѣли на де-Бельнонса, какъ-будто ожидая взрыву негодованія. Но негодай не шевельнулся.

Гертруда продолжала.

— Я, съ своей стороны, видѣла, на какія преступленія покушался мой отецъ, чтобы обезопасить такъ называемую честь своего имени, что рѣшилась принять это удивительное условіе. Я пошла и потребовала отъ де-Фаврѣза, чтобы онъ за мое похищенное спокойствіе и счастье принялъ оскорбленіе. Онъ далъ мнѣ слово и сдержалъ. И этого человѣка я уважаю съ той минуты какъ вы ударили его, вы, графъ де-Бельнонсъ, въ увѣренности вашей, что дѣлаете это безнаказанно. И послѣ этой крайней низости вы ведете сюда моего отца и брата, чтобы показать имъ свиданіе мое съ тѣмъ, кого называете моимъ любовникомъ! Вотъ, какъ вы промышляете мою честью!... Сколько онъ потребовалъ у васъ, зато чтобы уѣхать во Францію и избавить васъ отъ позору? спросила она вдругъ обращаясь къ отцу: онъ требовалъ у васъ денегъ, я увѣрена.... я теперь знаю его. Но погодите. Никто изъ васъ не достигнетъ своей цѣли. Моссье де-Бель-

нонсъ, извольте на колѣняхъ просить у графа де-Фаврѣза прощенія за нанесенное оскорбленіе, или я позволю ему повсюду возвратить вамъ эту обиду и тогда вы можете хоть напечатать мое письмо, если хотите.

— Никогда! вскричалъ князь Морденъ: впрочемъ, мо-сѣ де-Бельнонсъ забываетъ, что это письмо осрамить его самого еще больше нежели насъ, потому что отдавая свою руку невѣстѣ онъ зналъ все.....

— Лжетъ она! вскричалъ де-Бельнонсъ: я получилъ ея письмо послѣ вѣнчанія.

— Дерзните повторить это! вскричала Гертруда: дерзните посмотрѣть мнѣ въ глаза и повторите это! Надобно же мнѣ узнать, до какой степени можетъ дойти низость и безстыдство жи.

Де-Бельнонсъ опустилъ глаза въ землю.

— Что? не смѣешь?... На колѣни! Проси прощенія у того, кого я заставила стерпѣть отъ тебя оскорбленіе.

— Да! прибавилъ молодой Морденъ: извольте просить прощенія, и я надѣюсь, что графъ де-Фаврѣзъ не отъ васъ потребуеть удовлетворенія за нанесенную обиду....

— Я не хочу извиненій этого человѣка, возразилъ я: они были бы для меня новымъ оскорбленіемъ. Драться съ вами, продолжалъ я обращаясь сперва къ молодому, потомъ къ старому Мордену: драться съ вами я также не хочу: люди стали бы отыскивать причины и, быть-можетъ, нашли бы ее. Вы, князь, въ моей смерти хотѣли скрыть тайну вашей дочери. Увѣрю васъ, что подъ словомъ благороднаго человѣка она сохранится лучше чѣмъ подъ ключомъ отъ склена или подъ гробовымъ камнемъ. Теперь, когда мы всѣ видѣли другъ друга прямо въ лицо, надѣнемъ снова наши маски передъ свѣтомъ: Вы, графъ де-Бельнонсъ, будьте, когда ужъ такъ должно быть, супругомъ женщины, которой, конечно, не стѣдите. А вы, князь, и вы, молодой человѣкъ, постарайтесь заставить свѣтъ позабыть ваши дѣянія и ваши покушенія на мою жизнь. Я же по-прежнему останусь иностранцемъ, на котораго никто не обращаетъ вниманія. Такъ жить велятъ благородному и справедливому въ-отношеніи къ вашей дочери.

— Да.... но еще одно условіе, возразилъ де-Бельнонсъ.

— Ни какихъ условій отъ васъ! вскричалъ я: вы исполните то, что будетъ рѣшено и опредѣлено. О! между мной и вами, графъ, есть узлы, которыя сковываютъ насъ навѣкъ: это пощечина которую вы мнѣ дали!.. Я съ сего дня становлюсь самымъ задушевнымъ вашимъ другомъ; я уже не разстанусь съ вами; и если вы когда-нибудь измѣните слову, которое здѣсь дадите, если вздумаете бѣжать или промолвить хоть слово, то, клянусь моимъ именемъ, которое уважаю, я убью васъ какъ вредное животное. Ну, такъ молчите и слушайте.... Князь, вы согласны?

— Пожалуй. Но я, съ моей стороны, предложу условіе, безъ котораго ничего не можетъ быть принято.

Князь Морденъ сталъ мрачнѣе обыкновеннаго и я, признаюсь, еще не зная, къ чему онъ клонитъ, уже страшился его условія. Помолчавъ и опустивъ глаза въ землю, какъ-будто самъ пугался своего требованія, онъ наконецъ рѣшился заговорить.

— Я готовъ вѣрить, что тайна будетъ сохранена всѣми, кто дастъ здѣсь клятву.... Но, быть-можетъ, существуютъ еще другіе, знающіе объ ней.

— Кто же? спросилъ я.

— А Магнусъ, напримѣръ.

— За Магнуса я поручусь! вскричалъ я.

— Конечно, можно, потому что даже въ такомъ случаѣ, когда бы онъ и вздумалъ говорить, ему никто не повѣрилъ бы, если бы не существовало живаго доказательства.

— Какого доказательства?

Князь устремилъ свои волчьи глаза на дочь и сухо, отрывисто сказалъ:

— Существуетъ живое доказательство вашей слабости. Нужно, чтобы это доказательство исчезло.

Гертруда поблѣднѣла. Я почувствовалъ смертную охоту задушить этого стараго тигра. Князь Морденъ былъ изъ лютыхъ животныхъ.. Я хотѣлъ отклонить его отъ Гертруды и сказалъ:

— Вы ошибаетесь: оно не существуетъ.

— Вы забыли, что Тѣта была съ вами? спросилъ онъ, оставивъ на меня пронизательный взглядъ.

— Но она не знаетъ, гдѣ моя дочь! вскричала Гертруда.

— Она знала вчера, сказалъ князь и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ: и будетъ знать завтра, какъ бы осторожно вы ни скрыли.

— Еще насиліе! вскричала Гертруда, которая уже знала, какъ должно понимать мысль отца: и вы говорите это при мнѣ... при матери!

Я, конечно, раздѣлялъ все негодованіе Гертруды; но, подобно тому какъ есть вещи, о которыхъ совершенно бесполезно толковать съ упрямыми спорщиками, есть также и чувства, которыя недоступны извѣстнымъ сердцамъ. Князь могъ бы видѣть у ногъ своихъ дочь, умирающую отъ отчаянія и ужаса, и это столько же тронуло бы его, сколько трогаетъ глухаго крикъ утопающаго за спиной. Поэтому я повелъ нападеніе съ такой стороны, на которой онъ былъ чувствительнѣе.

— Это дитя, сказалъ я, въ такихъ рукахъ, которыя не позволяютъ похитить его безнаказанно. Пропажа его будетъ отыскиваема усерднѣ тайны рожденія, въ этомъ будьте увѣрены.

— Ну, преслѣдованія-то я ужъ берусь отклонить, замѣтилъ князь.

— А я берусь навести прямо на слѣдъ, возразилъ я.

— Что это значитъ? вскричалъ князь съ такимъ тономъ, какой я рѣдко видывалъ даже въ обращенія Типпо-Сайба съ индѣйскими рабами.

— Это значитъ, что я не хочу и не потерплю исполненія настоящаго вашего намѣренія, возразилъ я.

— Вы? вскричалъ молодой гигантъ съ высоты своихъ шести футовъ.

— Я, сударь; я, графъ де-Фаврѣзъ. Я обращаюсь съ вами вѣжливо: такъ вы уже думаете, что смѣете дѣло съ какимъ-нибудь Бельнонсомъ? Довольно, говорю я вамъ! довольно этихъ мерзостей! Пора кончить исторію: иначе

худо будетъ. Вы знаете, что истребить меня и графиню Гертруду теперь уже не возможно. Такъ ужъ лучше кончимте миромъ.

Молодой Морденъ сдѣлалъ такіе глаза, какъ—будто хотѣлъ задушить меня на мѣстѣ. Но старикъ былъ храбръ, вѣрно, только въ такихъ случаяхъ, когда не боялся суда и слѣдствія. Онъ знакомъ велѣлъ сыну замолчать и сказалъ:

— Кончимте, кончимте. Довольно. Вы, графъ де-Фаврѣзъ, обязываетесь скрыть это дитя отъ глазъ всего свѣта.

— Такъ вы, батюшка, отказываетесь....

— Поговорите объ этомъ съ нимъ, перебилъ князь свою дочь, указывая на меня.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ, чтобъ идти. Сынъ последовалъ его примѣру, де-Бельнонсъ тоже. Но этого онъ остановилъ.

— Я думаю, что мы съ вами не пойдѣмъ въ одну сторону, сказалъ онъ ему очень сухо.

Де-Бельнонсъ остался.

Одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ въ мірѣ—искусство входитъ и выходитъ, особенно выходить. Встарину оно составляло особенный предметъ ученія, и не безъ основанія. Но я сомнѣваюсь, чтобы величайшій мастеръ своего дѣла по этой части превзошелъ де-Бельнонса въ ту минуту, когда онъ вышелъ отъ насъ. Онъ обратился къ намъ, очень вѣжливо поклонился мнѣ и Гертрудѣ, и сказалъ:

— Я прикажу людямъ, чтобы они не приходили, покуда не позвонятъ.

Едва онъ вышелъ, Гертруда залилась слезами.

— О, Боже мой! вскричала она: и такого человѣка я могла любить!

Она имѣла полное право плакать. Въ жизни нѣтъ несчастія, которое бы могло сравниться съ тѣмъ, когда человѣкъ отдастъ цвѣтъ своей души и молодости чему-нибудь низкому и грязному.

Я презираю пустыя слова, и бесполезныя утѣшенія, и потому не сказалъ Гертрудѣ ничего. Я былъ совершенно согласенъ съ нею. Когда она заплакалась, и успокоилась сама, я спросилъ, чтó она хочетъ чтобы я сдѣлалъ съ ея дочерью. Рѣшили оставить ее у мистриссъ Смитъ. Мнѣ еще много хотѣлось спросить у Гертруды, но не легко было найти слово. Наконецъ я нашелъ и сказалъ:

— Какимъ же образомъ я буду сообщать вамъ извѣстiя о Марiи?

Она молчала. Она поняла меня. Я повторилъ вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала она: мы не должны видѣться. Я хотѣлъ настоять.

— Нѣтъ, никогда!... я не должна... я не могу видѣться съ вами.

— Но отчего же?

— Я слишкомъ несчастна, отвѣчала она, отворотившись.

— Но это самое служить однимъ поводомъ больше къ тому, чтобы я никогда не оставлялъ васъ.

Я долго еще говорилъ, но Гертруда была непреклонна. Напрасно говорилъ я ей и о дочери....

— Для меня довольно знать, гдѣ она, отвѣчала Гертруда.

Мы разстались.

Нѣсколько разъ потомъ мы еще встрѣчались въ гостиныхъ, по-прежнему; но Гертруда уже никогда не говорила со мною ни слова безъ того, чтобы не присутствовалъ кто-нибудь третiй. Здоровье ея день-о-дня становилось слабѣе. Она видимо чахла. Докторъ Магнусъ постоянно находился при ней и добросовѣстно, но напрасно употреблялъ все свое знанiе и всѣ усилiя. Черезъ годъ она умерла. Во все это время мы были прiятелями съ де-Бельмонсомъ и, встрѣчаясь почти ежедневно, очень дружески пожимали руки, а съ молодымъ гигантомъ Мордемомъ я почти вправду подружился; въ основанiи, онъ былъ очень добрый малой. Старый князь, послѣ сцены въ будоарѣ, отлучился на нѣсколько недѣль и потомъ постоянно жилъ въ Вѣнѣ, но съ нимъ я встрѣчался рѣдко и мы

вели только шляпное знакомство. Цыганка Тэта не дѣла
ла ни какихъ покушеній на мою Марію, что, послѣ при-
ключенія въ хижинѣ, казалось невѣроятнымъ и изъ чего
я заключилъ, что самой ея уже не существуетъ. Князь
Морденъ, вѣроятно, удалилъ ее за три-девять земель для
сохраненія тайны.

=

НОЧИ

НА КЛАДБИЩЪ ЛАШЕЗА.

=

РОМАНЪ ЛЕОНА ГОЗЛАНА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

ПРОЛОГЪ.

—

— Сдѣлайте милость, не торопитесь, господа! Теперь еще день. Вся ночь будетъ наша. Ктому же, хозяйка здѣсь —мы: огонь въ кухнѣ разведется не иначе какъ съ нашего соизволенія. Такъ! будемте же дѣйствовать «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», а главное—въ правильномъ порядкѣ: безъ порядку мы не сдѣлаемъ ничего хорошаго: помните, что насъ здѣсь полтораста человѣкъ. Пусть каждый въ свою очередь назоветъ блюда, которыя предпочитаетъ. Я запишу..... Но, пожалуйста, безъ шума.

Сказавшій это обмакнулъ перо въ чернильницу, занесъ

на большой листъ бумаги и ждалъ слѣдствій своего воззванія. Но толпа всё-еще шумѣла. Ораторъ еще разъ возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Вы знаете, господа, что мы остановились на отдѣленіи суповъ. Ты, Бергамоть, какого хочешь супу, *пюре* или *а-ла-тортию*?

— Вполовину одного, вполовину другого.

— Хорошо. А ты, Фошѣ?

— Съ макаронами и съ чеснокомъ.

— Хорошо. А ты, Лаполонъ?

— По-турецки, съ кассонадомъ.

— А ты, Муфлетонъ?

— Съ водкой.

— Какъ съ водкой? Дѣло идетъ не о пуншѣ какомъ-нибудь, а о супѣ..... Если мы все перемѣшаемъ, выйдетъ чортъ знаетъ что..... Полно о супахъ: довольно. Перейдемъ къ закускамъ.

— Идетъ! Давай закуски.

— Напримѣръ: устрицы, морскіе раки, свѣжее масло, соленая ветчина, кислая капуста, сосиски, огурчики, сухія фиги, маринованные утри..... Выбирайте.

— Начтѣ выбрать! возьмемъ все. Оно питательнѣе.

— Такъ всѣ закуски, господа?

— Да, да, да! Всѣ! всѣ! всѣ!

Подъ этотъ одобрителный громъ Жанъ Пуль торжественно написалъ подъ статью *закуски* «всѣ закуски, какія есть.»

— Ну, теперь къ вступительнымъ блюдамъ..... Здѣсь, на картѣ ресторатѣра, я вижу двадцать пять вступительныхъ, раздѣленныхъ на различные роды *бистексовъ* и *филѣ*. Я буду называть, по порядку, одинъ за другимъ. Кому что понравится, тотъ поднимай руку. Слушайте..... Говядина *о-натюрель*!

Всѣ руки поднимаются.

— Всѣ? Такъ я записываю..... Полтора ста.... порцій.... говядины.... *о-натюрель*. Далѣе. Говядина съ капустой.

Опять всѣ руки поднимаются.

— Записываю..... Полтора ста порцій говядины съ ка-

пустой. Но... .. если все такъ пойдетъ, такъ ужъ не лучше ли потребовать всѣ двадцать пять сортовъ?

— Нѣтъ, возразилъ одинъ голосъ, потребуемъ половинны: довольно будетъ.

— Согласны, господа?

— Согласны, согласны.

— Правда, что довольно будетъ двѣнадцати родовъ. Въдь еще будетъ потомъ жаркое.

Записавъ двѣнадцать родовъ вступительныхъ мясныхъ блюдъ по полтора ста порцій, Жанъ Пульи снова обратился къ товарищамъ.

— Господа, любите вы рубцы? ❖

— Какой вопросъ!

— Я бы желалъ съ водкой, если возможно.

— Ну, такъ! Муфлетонъ опять съ своею водкой! Водка своимъ чередомъ. Теперь—о рубцахъ. Положимъ, что мы будемъ есть рубцы *а-ла-Лионнѣзъ*.

— И *а-ла-казнь*.

— И *а-ла-пулетъ*.

— Такъ ужъ лучше просто сказать всѣ. Быть посему!... Всѣ рубцы. Теперь предлагается телятина.

— А! телятина! закричало все собраніе: телятина! о, телятина! Да это прекрасно!... Телятина!... это превосходно!

— Однако жъ, господа, продолжалъ Жанъ Пульи, такъ какъ намъ надобно поѣсть и дичи, то, я полагаю, нужно будетъ по-умѣреннѣе поступить касательно телятины!... У Бергамота вкусъ тонкій и душа чувствительная. Пусть онъ отъ имени всего общества скажетъ, какія части телятины слѣдуетъ избрать.

Бергамотъ торжественно выступилъ впередъ и провозгласилъ:

— Отъ имени всего общества я требую для общества телячьей головы, телячьихъ пожекъ, телячьихъ потрохъ, телячьихъ языковъ, телячьихъ котлетъ, телячьихъ мозговъ..... телячьихъ.....

— Ну, однимъ словомъ, всѣхъ частей телятины, перебилъ кто-то въ толпѣ.

— Всѣхъ, всѣхъ! подхватили другіе.

Жанъ Пульи съ выраженіемъ смиренной покорности судьбѣ записалъ и продолжалъ:

— И такъ переходимъ къ дичи. На картѣ я вижу, во-первыхъ, золотистыя ржанки.....

— Э! вздоръ, вздоръ! Что за золотистыя!

— Пяголицы.....

— Нѣтъ, нѣтъ; не станемъ вдаваться въ неизвѣстное!

— Бекасы.....

— Нѣтъ, и этого не нужно.

— Сѣрыя куропатки.....

— А кто ихъ узнаеть, сѣрыя они или бѣлыя? Не нужно.

— Такъ какой же вы хотите дичи?

Жанъ Пульи трижды повторилъ вопросъ прежде чѣмъ получилъ отвѣтъ. Наконецъ, сто сорокъ девять голосовъ отвѣчали:

— Гуся съ начинкой!

— Я только-что самъ хотѣлъ вамъ предложить, сказалъ съ важностью Жанъ Пульи: и такъ, подъ заглавіемъ *дичина*,—пишу «гуся съ начинкой.» Остается опредѣлить, сколько потребовать. По цѣлому гусю будетъ слишкомъ много: по четверти—недостаточно. По полу-гусю на брата, мнѣ кажется довольно. Такъ я предлагаю семьдесятъ пять гусей.

— Этого мало! проворчали нѣкоторые.

— Мало! мало!

— Такъ поставимъ осемьдесятъ пять, возразилъ Жанъ Пульи: тѣмъ хуже, если останется.

Эта цифра успокоила недовольныхъ. Секретарь-гастрономъ воспользовался благопріятною минутой, чтобы приступить къ вопросу о *рыбномъ*, какъ вошли два мальчика; одинъ отъ виноторговца, а другой, по-чище одѣтый, съ салфеткою въ правой рукѣ. Они пришли узнать, сочинена ли обѣденная карта.

— Развѣ мы здѣсь по часамъ, что ли? отвѣчали имъ.

Мальчики поклонились и ушли.

— Какой же рыбы прикажете, господа? продолжалъ Жанъ Пульи: Фосѣ, тебѣ говорить.

— Я уступаю рѣчь Петрокѣну, скромно отвѣчалъ Фосѣ:

онъ лучше знаетъ. Петрокѣнъ, покажи намъ свой вкусъ.

— Вы хотите знать мой вкусъ? возразилъ Петрокѣнъ: я полагаю, что самая лучшая рыба, то есть, рыба возбуждательная, способствующая пищеваренію, вкусная, пропитательная, однимъ словомъ, первостатейная рыба—сельдка съ уксусомъ и съ перцомъ.

— Bravo, Петрокѣнъ, bravo! закричала вся толпа: сельдка съ уксусомъ и съ перцомъ принимается единогласно!

И полтора ста сельдей потребовано.

— Господа! сказалъ потомъ предсѣдатель Жанъ Пульи: приступимъ къ пирожному. Во-первыхъ, здѣсь есть три рода яичницъ,—яичница съ сахаромъ, яичница съ яблоками, яичница съ ромомъ.

— Не потребовать ли лучше съ ветчиной, сказалъ Фошѣ.

— Нѣтъ, съ почками?

— Нѣтъ, лучше съ копченою ветчиной.

— Но, позвольте господа, замѣтилъ Жанъ Пульи: такимъ образомъ мы выйдемъ изъ предѣловъ пирожного и воротимся опять къ похлебкамъ.

— По-идему, когда не воленъ выбирать себѣ, чего желаешь, такъ ужъ лучше идти домой, проворчалъ Фошѣ.

— Вы хотите вмѣсто пирожного ѣсть яичницу съ ветчиной и съ почками, я не сопротивляюсь, возразилъ предсѣдатель пира: у всякаго свой вкусъ. Но позвольте же и мнѣ послѣдовать моему. Я потребую себѣ бѣлыхъ бобовъ.

— А я всё-еще не вижу ни вина ни водки, проворчалъ Муфлетонъ.

— Молчи, Муфлетонъ, будетъ водка.

— Я тебѣ говорю, Жанъ Пульи, что я лопаюсь отъ жажды съ-тѣхъ-поръ какъ ты проводишь столько блюдъ мимо моего носу.

— Я продолжаю собирать голоса на десертъ. Кто хочетъ фруктовъ?

— Никто. Долой фрукты!

— Смерть фруктамъ!

— Перейдемъ лучше къ винамъ, откликнулся кто-то на голосъ Муфлетона.

— Господа! сказалъ тогда съ важностью Жанъ Пульи: честь мнѣю доложить, что погребъ представляетъ намъ около двадцати сортовъ винъ, бѣлыхъ и красныхъ.

— Нечего выбирать! давай бѣлыхъ и красныхъ и водки, да по-больше! вскричалъ Муфлетонъ съ жаромъ.

— И стараго макону!

— И сотерну!

— И бургонскаго!

— И шаблѣ!

— И бордоскаго!

Отъ одного наименованія различныхъ винъ головы собранія уже вскружились. Поднялся страшный крикъ.

— Предложеніе! предложеніе! закричалъ Бергамотъ стараясь своимъ голосомъ покрыть всѣ другіе.

— Шш..... шш..... шш! Что такое? Давай сюда предложеніе, да по-скорѣе, чтобы кончить. Довольно писать. Отъ этихъ чернилъ уже глазамъ стало больно.

— Я предлагаю, продолжалъ Бергамотъ, вмѣсто-того чтобы долго спорить и разсуждать о выборѣ винъ, покончимъ однимъ словомъ, потребуемъ весь погребъ, и красныя и бѣлыя, и хорошія и дрянныя пойдутъ въ дѣло.

Предложеніе изумило, однако жъ было принято. Муфлетонъ бросился въ объятія Бергамота. Жанъ Пульи подъ статью *вина* написалъ «весь погребъ».

Позвонили. Вошли мальчики и содрогнулись взглянувъ на смѣлое сочиненіе.

Какой же это праздникъ былъ въ Парижѣ, что эти полтораста человѣкъ одного званія, почти одного ремесла, почти одинаково одѣтые и лицами почти похожіе другъ на друга какъ братья, соединились такъ единодушно поѣсть, попить и попировать въ такихъ сверхъ-человѣческихъ размѣрахъ? Спросимъ у толпы, которая отъ десяти часовъ утра цѣлый день валитъ по улицамъ Парижа со всѣхъ сторонъ въ одно мѣсто. Этотъ праздникъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые въ Парижѣ никогда не забываются, хотя онъ не представляетъ ни фейерверковъ ни случаевъ къ разстрѣливанью. Это—праздникъ покойниковъ, это—«Родительская Суббота».

Въ Парижѣ въ этотъ день, втораго ноября 1834, было

холодно и сыро, какъ обыкновенно въ это время года. Можно было сказать, что небо за-одно съ людьми согласилось справить этотъ праздникъ печалью. Наканунъ выпалъ небольшой снѣгъ; воздухъ сталъ острѣе; тонкій, сѣроватый туманъ скрывалъ отдаленія; свѣтъ былъ ни дневной ни вечерній, а какъ-будто ночной въ полярномъ краѣ. Колокола гудѣли глухо. Толпы, шумныя, но безъ веселья, поспѣшныя и осторожно шли по мокрой, скользкой мостовой къ кладбищу Отца-Лангеса. Туда отправлялось почти все населеніе Париза и предмѣстій. Ъхали и экипажи, которые ежеминутно разсѣкали компактную массу пѣшеходовъ, однако жъ не производили ни какого безпорядку. По обѣимъ сторонамъ послѣдней улицы, ведущей на гору, гдѣ лежитъ кладбище, открытыя лавки представляли прохожимъ неустойчивыя коллекціи намогильныхъ камней по всякимъ цѣнамъ, на всевозможныя степени скорби,—плиты, мавзолеи, урны, разбитыя колонны, кресты, плачущіе мраморные и гранитные ангелы, мраморные и гранитные гробы, съ эмблемами и на-половину готовыми надписями, къ которымъ остается только прибавить имя и число любого покойника. Умирая мы всѣ бываемъ очень добродѣтельны, а тѣ, кого мы оставляемъ, натурально, неутѣшны и поэтому утѣшаютъ насъ отдавая намъ справедливость, исчисляя на надгробномъ камнѣ всѣ наши похвальныя качества и человѣколюбивыя поступки.

Передъ воротами кладбища стояло множество богатыхъ экипажей, въ числѣ которыхъ особенно примѣтенъ былъ экипажъ маркиза де-Сенъ-Люка, и примѣтенъ не даромъ, потому что молодой маркизъ никогда не слылъ слишкомъ большимъ меланхоликомъ. Онъ даже не лыпсала ни кого изъ родственниковъ столь близкихъ, чтобы ему необходимо было принять участіе въ празднованіи поминанія.

Толпа, зашедшая въ ворота кладбища, раздѣлялась на большія или менѣе значительныя группы и расходилась во всѣ стороны отыскивая своихъ въ безчисленномъ множествѣ могилъ, чтобы отдать усопшимъ ежегодную дань воспоминанія. Здѣсь одна семья сидѣла на могилѣ и внолголоса бесѣдуетъ о прошломъ, тамъ одинокій посѣтитель

стоитъ въ раздумьѣ и безмолвно смотритъ въ землю; тамъ дѣти съ поспѣлыми отъ холоду рученками поднимаютъ и подвязываютъ цвѣты, побитые осенними дождями, между тѣмъ какъ мать, бѣдная вдова, со слезами на глазахъ тихо молится. Говору много, а крику нѣтъ, и весь этотъ говоръ сливается съ заунывнымъ звономъ колоколовъ. Разности въ пестрой толпѣ много, а различія ни какого: равенство, котораго люди добиваются жертвуя кровью и жизнью, уже существуетъ безъ условія и безъ исключенія посреди мраморныхъ плитъ и зеленыхъ кипарисовъ, какъ между мертвыми такъ и между живыми.

Промежъ молящихся, бесѣдующихъ и размышляющихъ, несмотря на тѣсноту, какой-то человекъ ходитъ, проскользаетъ и бѣгаетъ съ электрической быстротой. Иногда онъ останавливается и говоритъ съ посѣтителями могилъ, какъ-будто внимательный хозяинъ заботится о приѣмѣ всѣхъ и cadaго. Здѣсь онъ услужливо подавалъ руку дамамъ, чтобы помочь имъ взобраться на мшистыя ступени, которыхъ такъ много на кладбищѣ Отца-Ланева; тамъ онъ, взглянувъ въ лица по-видимому очень благочестивыхъ молельщиковъ и молещицъ, насмѣшливо улыбается и ханжи, потупивъ взоръ, спѣшатъ со своимъ лицемѣриемъ по-далѣе; въ иномъ мѣстѣ онъ стоитъ долго, разговариваетъ дружески и съ важностью и его слушаютъ съ уваженіемъ, близкимъ къ страху.

— Сударыня, говорилъ онъ одной молодой дамѣ: вы забываете бѣднаго старика. Изгородь вокругъ его памятника до-сихъ-поръ стоитъ деревянная, а вы вѣдь обѣщали поставить желѣзную. Согласитесь, что оставленное покойникомъ наслѣдство, стоитъ такой жертвы. Но живой молодой заставилъ забыть стараго покойника. Это въ порядкѣ. Прощайте, сударыня; до свиданія, до будущаго году.

И молодая дама не нашла ни слова въ отвѣтъ тому, который, казалось, такъ хорошо зналъ подробности ея жизни. Она подобрала полъ своей мнимой печали и исчезла.

— Вы, сударь, слишкомъ много плачете, сказалъ онъ господину, который проливалъ обильныя слезы въ желтый фуларовый платокъ: въ прошедшемъ году вы меньше

плакали. Это, оттого, что нынче вамъ удалось здѣсь, въ толпѣ, украсть только двое часовъ, тогда какъ въ прошломъ году....

Воръ не дослушалъ и ускользнулъ.

Всезнающій незнакомецъ подошелъ къ другому господину, который укрѣплялъ на памятникѣ жены огромный цвѣточный вѣнокъ.

— Вы слишкомъ много дали ей мышьяку: вы могли попасть въ бѣду такимъ образомъ..... О! не запирайтесь. Вотъ, сколько я собралъ около ея могилы. А она была прекрасная женщина.

Толпа была такая многочисленная, такая подвижная, такая шумная, что еще не многіе замѣчали таинственного незнакомца. Наконецъ одинъ изъ тысячи случаевъ привлекъ къ нему общее вниманіе.

Молодая женщина, очень взволнованная, говорила съ приставленнымъ для надзору за могильными камнями:

— Повторяю вамъ, что могила моего мужа была здѣсь, на этомъ мѣстѣ..... Неужели я не знаю? Она была здѣсь и теперь ея нѣтъ! Отчего же это?...

— Нѣтъ, вѣрно, никогда не была, возразилъ смотритель: иначе куда же ей дѣваться?

— Какъ, куда? Вы, конечно, срыли ее, чтобы очистить мѣсто. Я четыре года хожу сюда: неужели я не знаю, что могила была именно здѣсь?... Но я буду жаловаться..... я буду просить суда.....

— Вы ходите сюда пять лѣтъ, а не четыре года, сказалъ тотъ, который, по-видимому, былъ хозяиномъ кладбища.

Молодая женщина съ изумленіемъ взглянула на него и, ведрогнувъ, отскочила шага на два.

— Но вы правы, продолжалъ хозяинъ: могила точно была на этомъ мѣстѣ. Полгода тому назадъ она еще была здѣсь. Но съ-тѣхъ-поръ.....

Всѣ разслышавшіе начало этого разговору приблизились.

— Чтò же съ-тѣхъ-поръ стало съ нею? съ живостью перорбала женщина.

— Вашъ мужъ, сударыня, былъ поручикомъ въ дорканской арміи, продолжалъ незнакомецъ.

— Да. Почему вы это знаете?....

— Онъ опасно раненъ при осадѣ Константины.....

— Да. Но какимъ образомъ.....

— Принужденъ былъ оставить службу и пріѣхать въ Парижъ, лечиться.....

— Да, да....

— И умеръ черезъ шесть мѣсяцевъ.

— Все это правда..... Но.....

— Вы похоронили его въ могилу, которой теперь не находите..... гроба этого уже нѣтъ во Франціи.

— Что вы говорите?... какъ возможно!....

— Я вамъ говорю, что его нѣтъ во Франціи. Вы сами знаете, что мужъ вашъ, до вступленія въ бракъ съ вами, любилъ молодую Американку, на которой обѣщалъ жениться. Семейныя обстоятельства заставили его измѣнить этому слову. Вы обладали имъ вживѣ.....

— О, Боже мой!....

— Она завладѣла мертвымъ. Помощію денегъ она увезла своего возлюбленнаго изъ могилы и похоронила въ Америкѣ.

Женщина закрылась волею и исчезла.

Толпа, съ минуты на минуту нарастающая вокругъ этой группы, съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣла на того, который на обширномъ и тѣсномъ кладбищѣ тотчасъ могъ рассказать подробную исторію каждой могилы. И чѣмъ болѣе вглядывались люди въ физиономію незнакомца, тѣмъ болѣе возрастала ихъ тайный страхъ.

Красота его лица и благородство осанки далеко превосходили предѣлы всякаго идеала. Первый въ мірѣ англійскій рѣзецъ никогда не чертилъ на стали таквкъ контуровъ. Въ этомъ лицѣ соединялись олимпійскій лобъ Байрона, глубоко наблюдательный взглядъ Молиера и страдальчески насмѣшливая улыбка Стерна, и все это было подчеркнуто выраженіемъ печали, какъ-будто полупрозрачною дымкой. Матовый, блѣдный, холодный цвѣтъ лица занималъ середину между бѣлымъ тѣломъ и мраморомъ. Густые черные волосы, отъ природы вьющіеся, вьющемоу-

вдвигали голову какъ у Аполлона. Это быть значить грусти и смерти. Необыкновенная красота смягчала виденную его холодность. Онъ былъ высокъ ростомъ, очень сиренъ и тонекъ, хотя казалось имѣлъ отъ-роду лѣтъ тридцать шесть. Трудно было опредѣлять, къ какой наци онъ принадлежалъ: всякій народъ имѣющій притязаніа на красоту, благородство и осанность, могъ бы гордиться имъ какъ образцовымъ своимъ представителемъ и ни одинъ не нашелъ бы у себя другаго, равнаго ему. Черная одежда возвышала изящество его формы и бѣлову лица и рукъ, какъ темный бархатъ возвышаетъ блескъ алмазовъ. Эта одежда, впрочемъ очень изящная, также увеличивала странность явленія, потому что напоминала моды прошедшаго вѣка, придавала незнакомцу особенный неопредѣленный характеръ старины и усиливала впечатлѣніе.

Вечеръ склонялся. Солнце, какъ-бы желая проститься съ землею на минуту пронизало туманъ послѣдними своими лучами и мѣстами озолотило влажные могильные камни. Незнакомецъ оборотился къ этой минутной картинѣ заката, сѣлъ и уже не перемѣнялъ положенія. Потомъ начало быстро темнѣть. Наступала ночь. Толпы съ говоромъ начали медленно стекаться къ воротамъ кладбища и опускались съ горы промежду могилъ подобно множеству ручьевъ. Долго они шли и часто, перешептываясь, оглаживались на незнакомца, который всё сидѣлъ неподвижно устремивъ глаза въ ту сторону, гдѣ скрылось на минуту блеснувшее солнце.

Когда кладбище совершенно опустѣло, молодой маркизъ де-Сенъ-Люкъ котораго экипажъ стоялъ за воротами, подошелъ къ незнакомцу и сказалъ:

— Когда же мы увидимся?

— Если хотите, сегодня возражалъ тотъ улыбаясь: въ полночь, у винопродавца. Тамъ они будутъ всѣ.

— Такъ я подожду васъ тамъ.

— Ступайте. Но берегитесь, чтобы васъ не узнали.

Неподалеку отъ кладбища Отца-Лашева находится ресторанція подъ фирмою Дужиллы, одна изъ тысячи ресторанцій, которыя тянутся рядами за всѣми заставами Пари-

же, для того чтобы Парижанамъ недалеко было ходить, когда имъ вздумается поѣсть телятины нѣсколькими копейками по-дешевле чѣмъ въ городѣ и попить вина не обложеннаго пошлиной. Всеозлащающее лѣто придаетъ этой пыльной опушкѣ солицы физиономію полу-городскую, полу-деревенскую чрезвычайно разнообразную, особенно по воскресеньямъ. Это непрерывная цѣпь кухонь и баловъ. Въ каждомъ звенѣ, то есть, въ каждой рестораціи видишь три слоя людей: одинъ—лежащіе подъ столами, другой—пирующие за столами, третій—пляшущіе на столахъ; чувствуешь запахъ копченыхъ сельдей, жареныхъ зайцевъ, телятины съ огурцами, горячаго хлѣба и горячаго вина; слышишь флейту, рожокъ и трубу подъ звуки которыхъ пляшутъ кухарки и мастеровые. Зрѣлище очень замѣнительное и увеселительное.

Въ числѣ ресторацій, уклоняющихся отъ казенныхъ пошлявъ подъ самую саблей досмотрщиковъ, ресторація *Кутиллы*—одна изъ самыхъ знаменитыхъ. Въ ней-то задавался колоссальный пиръ, на приготовленіи котораго мы присутствовали.

Когда наступила ночь, полтораста ярыхъ гастрономовъ успѣлись обѣдать съ аппетитомъ, возбужденнымъ до невѣроятной степени. Они дожидались довольно долго, потому что такой обѣдъ, какъ они сочинили, изготовить не легко. Для пирующихъ было накрыто двѣнадцать столовъ. Жанъ Пульи, какъ предсѣдатель, занималъ мѣсто на верхнемъ концѣ средняго стола и наблюдалъ за другими. Къ великому удовольствію Муфлетона, предсѣдатель началъ пиръ съ подачи порядочнаго количества бѣлаго вина, которое вмѣсто госта сопровождалось желаніемъ *добраго аппетита*. Это была команда: *пви!* И баталія началась.

Виродолженіи чѣлаго часу промежь зубовъ, занятыхъ жеваньемъ, не было мѣста ни одному слову. Отъ двойныхъ горъ говядины *о-натюрель* и говядины съ капустой не осталось ничего, ровно ничего. Тигры не пожираютъ лучше и чище.

Бергамотъ первый глубоко вдохнулъ и тѣмъ прервалъ торжественное молчаніе. На это Петрокѣвъ покусился сказать первое слово.

— Бергамоть этимъ вздохомъ, вѣроятно, хочетъ сказать, что годъ былъ не хорошъ.

— Совсѣмъ нѣтъ; я этого не говорю.

— А что, Бергамоть, сколько ты отложилъ къ сторонкѣ?

— Тысячу франковъ отложилъ.

— Лжешь, Бергамоть.

— Ну, двѣ тысячи. А ты, Петрокѣнъ?

— Я пустилъ въ обороть.

— Черезъ кого?

— Черезъ нотариуса.

— Напрасно. Берегись, Петрокѣнъ: ты знаешь, что бываетъ съ нотариусами.

— Вотъ я такъ лучше люблю недвижимое, замѣтилъ Фошѣ: купилъ землю, такъ по-крайней-мѣрѣ знаешь, что имѣешь: ходишь по тому, что имѣешь; спишь на томъ, что имѣешь. Я купилъ себѣ маленькую ферму въ Бри.

— О! маленькую! Да тамъ нѣтъ маленькихъ!

— Держу пари, что у Муфлетона есть золото, замѣтилъ другой.

— Да! у меня миллионъ.... въ масляномъ горшкѣ, отвѣчалъ Муфлетонъ съ ироніей.

— Нѣтъ, вотъ, кто всѣхъ насъ купить! тихомолка Жанъ Пульи.

— Кто? я? возразилъ Жанъ Пульи: я совершенно разорился. Я взялъ акціи на асфальтъ и на ниво и....

— И асфальтъ утонулъ въ пивѣ, замѣтилъ кто-то.

Вся компанія покатила со смѣху отъ замысловатой остроты.

— Заработалъ на могилахъ, а утопилъ въ пивѣ и схоронилъ въ асфальтѣ! подхватилъ другой.

— Этакой чудакъ! прибавилъ третій: ужъ лучше бы самъ учредилъ какую-нибудь медицинскую академію на акціяхъ.

И гомерическій хохоть пуще прежняго потрясъ своды ресторацин.

Чтобы понять, отчего преимущественно послѣдняя выходка возбуждала такую радость и отчего почтенному собравшію учрежденіе медицинской академіи казалось лучше

видѣли асфальту и пива, надобно знать, что все собраніе состояло изъ гробовщиковъ, могильщиковъ и камнетесовъ, торгующихъ надгробными памятниками. Все это сословіе каждаго втораго ноября, въ день Родительской Субботы, справляло свой первый годовоіи праздникъ и пировало вскладчину. Все оно жило насчетъ жертвыхъ и потому, натурально, по чувству признательности, избрало этотъ день, день своихъ благодѣтелей, преимущественно передъ прочими, на то чтобы пожить весело.

— Наступающій годъ, кажется, будетъ лучше, продолжалъ Жанъ Пульи.

— Да, для богатыхъ, замѣтилъ Муфлетонъ: мнѣ достаются всѣ большіе похороны перваго разряду, а нашему брату всѣ бѣдняки, голь....

— Да, я то же думаю, что будущій годъ будетъ лучше, перебилъ Петрокенъ: говорить, что будетъ холера.... кака-то новая зараза.

— Хорошо, когда бы правда, проворчалъ Муфлетонъ: а то ремесло портится, никуда уже не годно стало.

— Что жъ, оставь. Не кто тебя приневоливаетъ!

— А куда жъ мнѣ итти прикажешь? Въ странчіе что ли итти?

— Ты не любишь своего ремесла, кажется....

— Да нельзя сказать, чтобы очень.

— Кто жъ тебѣ велѣлъ?....

— Какъ кто? Отецъ. Онъ мнѣ ввернулъ заступъ въ руки.

— А я-такъ вступилъ въ могильщики рѣшительно по призванію, сказалъ Петрокенъ: я пошелъ за тѣмъ, чтобы слушать надгробныя рѣчи. Это страсть моя: смерть-люблю рѣчи и выслушиваю иногда по три въ день.

Чтобы показать, что слушаетъ рѣчи не даромъ, Петрокенъ выпрямился, приосанился и, торжественно протянувъ руку, продолжалъ:—«Господа! сія разверзающаяся передъ очами нашими могила прійметъ въ нѣдра свои и скроетъ бранные останки одного изъ добродѣтельныхъ нашихъ согражданъ!»

— Bravo! bravo!

— Да, эти вещи трогаютъ меня до крайности. Я такъ

привыкъ къ рѣчамъ, что жить безъ нихъ не могу. А ты, Бергамотъ.... скажи же намъ, что тебя приохотило къ ремеслу.

— Мщеніе, отвѣчалъ Бергамотъ.

— Ого! это становится потѣшно! вскричалъ Фомѣ: разскажи-ка, разскажи, какъ же это?

— Я предлагаю выпить по невинной чарочкѣ коньяку прежде нежели станемъ слушать исторію мстительнаго мѣгиляка Бергамота, сказалъ Муфлетонъ.

— Держу пари, что въ этой исторіи есть любовь! вскричалъ Петрокенъ: точно такъ же, говорятъ, и кавалеръ де-Профундисъ....

— Молчать!

Двадцать вилокъ упало подъ столъ.

— Кто говоритъ объ немъ?...

— Кто произнесъ его имя?....

— Мы видѣли его сегодня на кладбищѣ, проговорили шепотомъ испуганные.

При одномъ имени кавалера де-Профундиса всѣми пирующими овладѣли безпокойство и страхъ. Налитыя коньякомъ рюмки остановились на полпути отъ стола къ губамъ. Муфлетонъ проглотилъ стаканъ воды, что служило лучшимъ доказательствомъ ненормальности его состоянія. Потребовалось нѣсколько залповъ коньяку, чтобы возвести бесѣдующихъ опять на ту степень жару, съ которой ихъ сбросило неосторожное слово Петрокена. Бергамотъ съ безпокойствомъ окинулъ взглядомъ всю комнату, чтобы удостовѣриться, что никто чужой не подслушиваетъ. Прислуга была слишкомъ занята, такъ, что ей слушать было некогда. Одинъ молодой человекъ однако жъ вслушивался очень внимательно. Онъ былъ одѣтъ хотя не лучше другихъ, однако жъ отличался своими манерами и еще тѣмъ, что уже разбилъ двѣ или три тарелки.

Бергамотъ началъ разсказывать.

— Родителей своихъ я не знаю: они, а можетъ-быть и не они, отдали меня въ воспитательный домъ....

— Какъ не они? замѣтилъ Фомѣ: повтому, можетъ-быть, тебя и не мать родила?

Компанія захохотала и впечатлѣніе, произведенное именемъ кавалера де-Профундуса, изгладилось.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Бергамоть: но дѣло не въ томъ. Однажды,—въ то время мнѣ минуло лѣтъ шестнадцать,—нѣкто Клейнбергъ, столяръ, пришелъ въ воспитательный домъ, чтобы выбрать себѣ ученика. Ему отдали меня. Семья столяра состояла изъ жены и двѣнадцати-лѣтней дочери, Баптистины. Баптистина была дѣвушка хорошенькая, кроткая и работающая....

Бергамоть остановился и вынулъ изъ карману синій клѣтчатый платокъ.

— Что съ тобой, Бергамоть?

— Ничего. Неужели же не позволятся и носъ утереть?

— Мнѣ пить хочется, вскричалъ Муфлетонъ.

— Клейнбергъ былъ для меня не хозяиномъ, а вторымъ отцомъ или, лучше сказать, первымъ отцомъ, потому что я другаго не видывалъ. Онъ любилъ меня, быть-можетъ, потому что самъ происходилъ оттуда же, откуда я.

— Онъ любилъ тебя, а ты за это любилъ его дочь, замѣтилъ Петрокѣнъ: такъ и слѣдовало. И дочь его, конечно, заслуживала любви. «Ахъ, милостивые государи! вы не знаете, какая это была дѣвушка! Это былъ одинъ изъ тѣхъ ангеловъ, которыхъ небо отъ времени до времени посылаетъ на землю для утѣшенія смертныхъ въ сей долина плача».

— Я ни слова не скажу болѣе, вскричалъ Бергамоть съ досадой: я не хочу, чтобы смѣялись надъ женщиною, которую я любилъ.

— Кто же смѣется? я говорю рѣчь, вотъ и всё-тутъ! возразилъ Петрокѣнъ.

— Продолжай, продолжай, Бергамоть; не слушай его, вскричалъ Жанъ Пульи.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ я однако жъ замѣтилъ, что не одинъ люблю ее. Одинъ изъ подмастерьевъ Клейнберга, — богатый столько же, сколько я былъ бѣденъ, — посватался на Баптистинѣ, но отецъ ему отказалъ.

— Позвольте мнѣ попросить еще говядины съ капустой! вскричалъ одинъ изъ пирующихъ.

— Нѣтъ больше, отвѣчалъ мальчикъ.

— Такъ сдѣлать!

— Я забылъ вамъ сказать, какъ звали подмастерью, продолжалъ Бергамоть: имя ему было Шмитъ.... имя чисто-нѣмецкое, настоящее картофельное. Шмитъ все держалъ мысль себѣ на умѣ, но Баптистина его не любила и я съ этой стороны былъ спокоенъ....

— Мнѣ пить хочется! вскричалъ неутомимый Муфлетонъ.

— Чего вамъ угодно пить? спросилъ мальчикъ: бордоскаго или бургонскаго?

— Не хочу ни бордоскаго, ни бургонскаго! Это все бурда, вода. Ничего ни въ горлѣ ни въ головѣ не слышать. Давай коньяку.

— Извольте, вотъ коньякъ.

— Ну, вотъ, продолжалъ Бергамоть, такимъ образомъ пришла мнѣ очередь въ военную службу вѣтти. Клейнбергъ могъ бы поставить вмѣсто меня другаго и, ради дочери, готовъ былъ, однако жъ передумалъ и не безъ основанія сказалъ мнѣ тогда, что молодому человѣку пужво понюхать пороху, чтобы современемъ быть совершеннымъ человѣкомъ. Ступай служить, мой другъ, сказалъ онъ: а воротисься, такъ я тебя сыномъ назову. Я отправился....

— Ну, и кончено! вскричалъ Муфлетонъ: будемте пить.

Бергамоть, оскорбленный какъ рассказчикъ, послѣ того что былъ оскорбленъ какъ любовникъ, съ достоинствомъ хранилъ молчаніе.

— «Ахъ! милостивые государи! съ чувствомъ воскликнулъ Петрокенъ: не станемъ покушаться поднять завѣсу, за которою скрываются наши судьбы. Никто же не повѣдаетъ сегодня, что съ нами будетъ завтра!» Изъ этого я заключаю, что никто не можетъ знать, что случилось съ Бергамотомъ по разлукѣ съ милою.

Жанъ Пульи опять принужденъ былъ употребить свою предѣдательскую власть, чтобы усмирить беспокойныхъ и заставить Бергамета рассказывать.

— Если меня еще разъ остановить....

— Не останавливать. Продолжай.

— Я отправился въ Африку, продолжалъ Бергамоть, и три года келотилъ константинскихъ и маскарскихъ бедукъ.

новъ, такъ, что, наконецъ выколотилъ себя шестимѣсячный отпускъ. Можете себя представить, спѣшилъ ли я въ Парижъ. Прїѣзжаю; бѣгу въ Сенъ-Антуанское Предмѣстье; хочу идти въ лавку Клейнберга.... нѣтъ лавки. Я протираю глаза.... улица—та же; домъ тотъ же самый и номеръ. Только вмѣсто столяра въ лавкѣ живетъ парикмахеръ. Я разспрашивать въ лавочкѣ насупротивъ.... — Откуда вы? спрашиваютъ меня. — Изъ Африки—моль. — А! ну, то-то! — Что же? — Да Клейнберги всѣ вымерли.

— Всѣ вымерли? повторили нѣкоторые слушатели и председатель Жанъ Пульи.

Бергамотъ отеръ лобъ пестрымъ клѣтчатымъ платкомъ и продолжалъ.

— Всѣ. И какимъ образомъ! Шмитъ, съ помощью нѣсколькихъ мошенниковъ, такихъ же какъ онъ, однажды вечеромъ, въ отсутствіе отца и матери, силою увезъ Баптистину въ деревню, за нѣсколько льѣ отъ Парижа, и оттуда написалъ къ отцу, чтобы отдалъ ему дочь. Разбойникъ!... Но я на двѣ трети уже отомстилъ!... И послѣднюю треть я уже держу за затылокъ.

Бергамотъ поднялъ обѣ руки потрясая и скорчивъ желтые пальцы какъ когти: онъ какъ-будто поднималъ животное, которому хотѣлъ разорвать хребетъ.

— Вы спросите, за что я иду? продолжалъ онъ дивнымъ голосомъ: зато что мать, узнавъ о похищеніи дочери выбросилась изъ окна третьяго этажа и убилась на мѣстѣ; за то что отецъ, въ отчаяніи, обезумѣвъ, побѣжалъ въ деревню, надавалъ Шмиту оплеухъ, и ударилъ его шпагой, а тотъ прибитый и оплеванный разбойникъ, выхватилъ шпагу и всадилъ ее старику въ грудь во есесь.

— Тоже убитъ!

— Тоже. И судъ призналъ Шмита правымъ: онъ, вѣнчавъ, защищался отъ нападенія! Баптистина только двумя мѣсяцами пережила родителей. Она сошла съ ума и умерла въ госпиталѣ. Насталъ мой чередъ.... Шмитъ... а, кажется, говорилъ вамъ, что онъ тоже былъ столяромъ.... Шмитъ, черезъ мѣсяцъ потомъ, женился на дочери другого столяра, который сдалъ ему свое заведеніе и отправился на житье въ деревню. Онъ уже съ годъ былъ женатъ: я

имѣлъ ребенка, когда я въ первый разъ явился къ нему, воротавшись изъ Алжира. Послѣ нѣсколькихъ дружескихъ словъ я ему сказалъ: Шмитъ, ты похоронилъ всѣхъ моихъ; я похороню твоихъ. Онъ захохоталъ. «Скоро?» говорить. Увидишь, говорю я. Онъ опять захохоталъ. Я ушелъ, да прямо въ правленіе похоронныхъ процессій и записался въ гробовщики. Планъ мой былъ готовъ...

— Пью въ воспоминаніе почетнаго приему Бергамота въ наше достопочтенное общество! вскричалъ Фомѣ.

Тостъ былъ принятъ достойно торжественнаго провозглашенія и черезъ нѣсколько минутъ Бергамотъ опять продолжалъ, но уже внимательныхъ слушателей стало гораздо менѣе, за неспособностью держать въ равновѣсіи силы, нужныя для такого напряженія. Самъ предсѣдатель повалился подъ столъ и мѣсто его заступалъ парикъ на тарелкѣ.

Во время отсутствія Шмита, я испугалъ его жену. Только лишь оправившуюся послѣ родовъ. Она умерла, за нею вскорѣ я спряталъ въ землю и сына ея..... Я ихъ похоронилъ. Потомъ на кладбищѣ подстерегъ друга и говорю: ну, любезный, ты одинъ остался... Дайте-ка, братцы, вина.

— Вина! вина! закричали пьяные слушатели: мальчикъ! вина!

— Вина нѣтъ больше, отвѣчалъ тотъ изъ прислужниковъ, который отличался своею недовкостью.

— Такъ водки давай!

— И водки нѣтъ: вы все выпили.

— Какъ нѣтъ? какъ все выпили?

— Вы потребовали весь погребъ и выпили весь.

— Лжешь ты, мошенникъ! вскричалъ одинъ дюжій могильщикъ, кидаясь на молодаго человѣка: если ты не подашь намъ водки сейчасъ же, я задушу тебя!

Молодой маркизъ де-Сенъ-Люкъ вскрикнулъ отъ ужасу и боли, когда его схватили за горло. Маркизъ де-Сенъ-Люкъ нарядился трактирнымъ слугою, чтобы подождать въ этомъ странномъ обществѣ свиданія съ тѣмъ, который пригласилъ его.

Въ то же самое время отворилась дверь и всѣ полтора-ста гостей вскочили съ ужасомъ и сматеніемъ тѣсняясь по угламъ. Хмѣль у всѣхъ пропалъ. Послышался робкій шопотъ: «Кавалеръ де-Профундись! кавалеръ де-Профундись!»

Вошедшій въ самомъ дѣлѣ былъ онъ.

Онъ прошелъ прямо къ окну и отворилъ его. Окна *Кутимы* выходили на кладбище Отца-Лашеза.

Луна свѣтила ярко. Было около часу по полуночи. Городъ гробовъ простирался во всемъ своемъ великолѣпнн передъ глазами кавалера де-Профундиса и молодого маркиза де-Сенъ-Люка, котораго тотъ принялъ подъ свое покровительство. Фигуры ихъ рисовались черными силуэтами въ рамѣ окна, на свѣтломъ дымчатомъ грунтѣ. Они молча разсматривали мертвый городъ и тысячи его улицъ, площадей, садовъ, зданій, укрѣпленій, составленныхъ изъ могилъ и слегка запорошенныхъ снѣгомъ. Все было тихо, все мертво: только одна одинокая птица, нечаянно пробужденная, уныло и боязно чиркала, перелетая съ одного обнаженного дерева на другое. Свѣжій сыроватый воздухъ медленными волнами набѣгалъ по временамъ въ окно и трепалъ кудри смотрявшихъ.

Когда тотъ, котораго звали кавалеромъ де-Профундисомъ, оборотился, чтобы посмотреть на магильщиковъ, ихъ уже не было: всѣ тихонько одинъ за другимъ вышли.

— И они тоже боятся меня. Это они прозвали меня кавалеромъ де-Профундисомъ. Они считаютъ меня существомъ мрачнымъ, сверхъестественнымъ. И вы тоже, быть-можетъ?

— Да, немножко, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Лестно же, нечего сказать!

— Однажды, вечеромъ, въ собраніи, какая-то пожилая дама сказала.... Но я не хочу повторять вамъ этого.

— Отчего же? говорите.

— Нѣтъ, это слишкомъ смѣшно.

— Тѣмъ менѣе вы можете опасаться оскорбить меня. Что же такое сказала пожилая дама?... что я дикій звѣрь?

— Да, нѣчто въ родѣ.

— Что же?

— Вампиръ.

— Ваша дама ошиблась. Я не вампиръ, хотя я вѣрю въ существованіе вампировъ.

— Вы вѣрите?

— Я зналъ двухъ. Да, теперь я догадываюсь, отчего эта дама называла меня вампиромъ.... Она иностранка?

— Да, Англичанка.

— Мадамъ Клефенъ?

— Точно такъ.

— Она, вѣроятно, вспомнила исторію, въ которую я былъ нѣсколько замѣшанъ, лѣтъ пятнадцать или шестнадцать назадъ..... Что она, называла одну Италянку, баронессу Романеллу?

— Именно, баронесса Романелла.

— Да, обвиненіе имѣетъ видъ основательнаго, хотя я былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ происшествіи. Я зналъ баронессу Романеллу и часто бывалъ у нея, но я никогда не былъ соучастникомъ ужасныхъ преступленій, которыя ей приписываютъ, которыя однако жъ не доказаны передъ судомъ.

— А передъ вами?

— На моихъ глазахъ они дѣйствительны, потому что у меня есть доказательства.

— Такъ правда, что она убивала всѣхъ, кто имѣлъ вѣсчаствіе влюбиться въ нее?

— Правда.

— Отчего же и за что?

— Это была ея тайна. Теперь и я знаю эту тайну и вы узнаете. Баронессы Романеллы уже нѣтъ въ Европѣ. Притомъ, будучи предупреждены, вы можете остеречься, хотя бы и встрѣтились съ нею.

— Какая женщина! Да это—вторая Маргарита Бургонская!

— Лучше этого. Я вамъ покажу на кладбищѣ нѣсколько могильныхъ плитъ безъ надписей, только отмѣченныхъ даряпинами въ извѣстныхъ мѣстахъ.

— Что же это значитъ?

— Много, маркизь. Царапины сдѣланы маркизом Романелла.

— Кто же похорошенъ подъ этими плитами безъ надписей?

— Люди, которые любили ее.

— И всѣхъ она убила?

— Всѣхъ. Но пойдите по-скорѣе, чтобы дѣнь не засталъ насъ. Поидемте въ мой домъ, въ мой городъ, прибавилъ онъ улыбаясь и выскочилъ за окно.

Маркизь де-Сенъ-Люкъ послѣдовалъ примѣру и оба очутились на кладбищѣ.

— Прежде всего, сказалъ маркизь, я долженъ поблагодарить васъ, кавалеръ, за то что вы согласились повидаться со мною здѣсь, гдѣ вамъ всего труднѣе будетъ убѣдить меня въ вашемъ.....

— Сумасшествіи?... Договаривайте же. Я знаю, что мой взглядъ на вещи называютъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ сумасшествіемъ.

— Я не назову этого сумасшествіемъ, однако жъ по-крайней-мѣрѣ странностью, оригинальностью.

— Ну, пусть. По-крайней-мѣрѣ.... и я скажу.... по-крайней-мѣрѣ никто не скажетъ, что я своею оригинальностью хочу составить себѣ состояніе. Идея, подобная моей, не приноситъ доходу.

— Люди знаютъ, что вы слишкомъ богаты, нѣтъ чтобы извлекать прямую пользу изъ своей фантазіи.

— Это не фантазія, повторяю вамъ, маркизь. Неужели вы думаете, что я захотѣлъ бы впрямъ свою жизнь въ эту опасную колесницу, затѣмъ только чтобы блестятъ въ обществѣ? Царствованіе мое было бы непродолжительное: оно было бы уже давно кончено. Если мною еще занимаются..... вотъ, уже пятнадцать лѣтъ.... если меня желаютъ слушать, выслушиваютъ, возражаютъ, спорятъ со мною, если я возбуждаю участіе въ юношествѣ, таинственный страхъ въ душахъ поэтическихъ и любопытство въ свѣтскихъ, подобныхъ вамъ, то это потому именно, что мое убѣжденіе имѣетъ неложное основаніе. Неужели же вы думаете, что можно увлечь массы такъ, ничѣмъ, помощью одной случайности? Всякая побѣдительная идея,

всёное торжествующее шествіе, великое дѣло падающее отголосокъ въ сердца, отголосокъ, который такъ трудно найти, заключаетъ въ себя искру истины.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что люди не умираютъ? вскричалъ де-Сенъ-Люкъ.

— Убѣжденъ.

Маркизь съ нетерпѣніемъ тоннулъ.

— Какъ! здѣсь, гдѣ мы дышимъ смертью, гдѣ мы ходимъ по смерти, гдѣ похоронено нѣсколько поколѣній жителей Парижа, здѣсь вы утверждаете, что смерть не существуетъ? Ну, правду сказать, кавалеръ....

Кавалеръ де-Профундись улыбнулся.

— Но вы, продолжалъ маркизь, вы сами, вы такой опасный, такой страшный со шнагой и со всякимъ оружіемъ... развѣ вы никогда никого не убивали?

Лицо кавалера де-Профундиса, и безъ того блѣдное, вдругъ побѣлѣло какъ мраморныя плиты, посреди которыхъ они шли.

— Въ моей исторіи нѣтъ ничего общаго съ моими убѣжденіями, продолжалъ онъ: если вамъ рассказывали что-нибудь о моихъ юношескихъ страстяхъ..... но не станемъ уклоняться отъ нашего предмета.... Ктому жъ, если я стану рассказывать вамъ мою исторію, мы оба можемъ упасть жертвы....

— Такъ мы можемъ же умереть? торжествуя вскричалъ де-Сенъ-Люкъ: вы сами же говорите, что я могу умереть слушая васъ, а вы рассказываете. Какъ же послѣ этого.....

— Когда я говорю, что люди не умираютъ, продолжалъ кавалеръ де-Профундись, то этимъ еще не сказано, что они не перестаютъ жить. Я говорю только, что немногіе люди.... и то мы не знаемъ которые именно.... умираютъ естественно, угасаютъ за недостаткомъ масла въ лампѣ и потому что жизнь уже совершенно у нихъ израсходована. Я утверждалъ только это и считаю это уже довольно важнымъ открытіемъ въ психологическомъ мірѣ.

— Такъ вы полагаете....

— Что безъ болѣзней, которыя всѣ—наши произведе-нія, всѣ, и безъ страстей, безъ бѣдъ и пороковъ, которые терзаютъ тѣло человѣка острыми своими когтями и

зубами, мы не знали бы, гдѣ окончивается жизнь и гдѣ начинается смерть.

— Это, конечно, болѣе или менѣе справедливо. Но въ подтвержденіе вашей системы нужно.....

— Не системы, а истины, перебилъ навалеръ де-Профундись.

— Нужны доказательства.....

— Вотъ ихъ сто тысячъ вокругъ насъ. Одни были прославлены, другіе безвѣстны; одни молоды, другіе стары; одни родились въ дворцахъ, другіе на улицѣ; одни жили въ роскоши, другіе въ нищетѣ; одни были велики дарованіями и искусствомъ, другіе знамениты преступленіями... нищете еще, помогите мнѣ, нищете еще! Поставьте надписи, назовите одну какую-нибудь добродѣтель, одну страсть, одинъ порокъ, которые были свойственны каждому изъ лежащихъ здѣсь, и я вамъ смѣло, отчетливо и достоверно скажу, когда и отчего они умерли. Короче, здѣсь почти нѣтъ умершихъ: здѣсь все убитые.

Маркизь де-Сенъ-Люкъ невольно содрогнулся.

— Да, убитые, слышите ли? убитые. Неужели вы думаете, что жизнь, эта нѣжная ткань Божія, будучи разминаема и растираема въ вашихъ рукахъ, выдержитъ, уцѣлѣетъ, какъ-будто бы была сдѣлана вѣчною подобно душѣ? Неужели вы думаете, что эту слабую, хотя и дивную оболочку, вы можете безнаказанно пытатъ ежеминутно вашимъ желѣзомъ, огнемъ и ядами?

— Такъ вы полагаются, что большая часть лежащихъ здѣсь могли бы и не лежать, если бы не жили въ убійственномъ обществѣ, которое истребило ихъ, кого сразу, кого мало-по-малу?

— Я не полагаю, я убѣжденъ, говорятъ вамъ. Для меня это уже не предположеніе, это—яркая истина. Я открылъ эту истину, когда старался узнать, что было причиною юсмерти тѣхъ, которые покоятся здѣсь. Вывѣдывая по одиночкѣ всѣ происшествія, которыя отравили жизнь каждаго, и страсти, которыя терзали и, наконецъ, уничтожили ихъ, я съ любопытствомъ наклонялся къ каждой могилѣ, какъ наклоняются къ колодезю, чтобы увидѣть дно, и всякій разъ поднималъ голову.....

— Съ ужасомъ? замѣтилъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ.

— Нѣтъ, не всегда съ ужасомъ: очень часто съ хохотомъ. Жизнь—вещь такая нѣжная, что все, что прикоснется, нанеситъ ей рану, и почти всякая рана становится смертельною. Посудите же сколько тутъ должно быть причинъ странныхъ, смѣшныхъ, нелѣпныхъ, невѣроятныхъ; сколько тутъ убитыхъ преувеличивающимъ воображеніемъ, тщеславіемъ и ревностью. Вотъ, подъ этимъ великолѣпнымъ гранитнымъ памятникомъ, на примѣръ, покоится дама, иностранка, которая умерла, оттого что дурно произнесла въ полной гостиной названіе одного цвѣтка. Ея ошибка возбудила смѣхъ, потому что дурно произнесенное слово, къ-несчастію, получило двусмысленное значеніе. Стыдъ произвелъ у дамы глубокое огорченіе, глубокое огорченіе превратилось въ горячку, горячка кончилась смертію. Теперь дама здѣсь.

— Но кто же извѣщаетъ васъ съ такою подробностью о бытѣ и жизни похороненныхъ здѣсь?

— Вы сами сказали, что я богатъ. Это правда. И я, вмѣсто-того чтобы тратить доходы на странствованія по свѣту для узнаванія, какъ кланяются въ Китаѣ и какъ готовится рисъ у Татаръ, предпочелъ изслѣдованіе того, что происходитъ въ чуждой, мало извѣстной и недоступной странѣ называемой человѣческимъ сердцемъ. Чтобы узнать сердце человѣческое, нужно судить по его дѣйствіямъ, точно такъ какъ о машинѣ нельзя судить не издавши ея на ходу. Кто же мнѣ расскажетъ о дѣйствіяхъ человѣческаго сердца? спросилъ я себя. Могила! отвѣчалъ я, потому что могила представляетъ вмѣстѣ и причину и слѣдствіе дѣйствій: отъ жертвы можно удобно дойти по существующимъ ступенямъ до убійцы. Нужно только найти эти ступени.

— Это-то, кажется, и трудно, замѣтилъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ.

— Согласенъ. Но правительство находитъ же убійцу по слѣдамъ и ступенямъ отъ жертвы, отчего жъ и мнѣ не найти? Какимъ образомъ правительство достигаетъ такого познанія? Посредствомъ своей полиціи. Ну, и у меня будетъ своя полиція, и была, и есть. Вся разница въ томъ,

что правительство болѣе заботится о томъ, что дѣлаютъ живые, нежели о томъ, чѣмъ были мертвые, а я наоборотъ: для меня живые заѣсъ. Вы не повѣрите, какая тѣсная связь существуетъ между этимъ безмозглымъ мертвымъ городомъ и тѣмъ, который черезъ нѣсколько часовъ проснется и зашумитъ тамъ, подъ горою, въ Парижѣ! Но вы спросите, какая же это у меня полиція? Вы видите часть ея въ тѣхъ людяхъ, которые пировали эту ночь подъ сводами «Кутиллы». Безъ нихъ не совершается ни какое погребеніе, а они не совершаютъ ни одного, безъ того чтобы не сообщить мнѣ нѣсколькихъ свѣдѣній о новомъ жильцѣ Лашеза и объ его домашнихъ обстоятельствахъ. Это—моя исходная точка. Она незначительна, зато вѣрна. Отсюда я пускаюсь по всѣмъ слѣдамъ, какіе оставилъ воюющій, и переходя отъ открытія къ открытію, почти всегда достигаю леваго убѣжденія, что онъ убитъ или честолюбиемъ, или завистью, или гордостью, или тѣлою, или неправосудіемъ, или эгоизмомъ, и что стубнившій его ладъ налить или его женой или наслѣдникомъ. Наконецъ, я всегда неизмѣнно дохожу до того неоспоримаго, страшнаго, роковаго заключенія, что очень мало, до крайности мало людей умираетъ въ срокъ, опредѣленный самою природой, въ срокъ, котораго никто не знаетъ.

— Да, прощенталь маркизь де-Сенъ-Люкъ, теперь я понимаю ужасъ, который вы наводите на окружающихъ, и понимаю также вашу блѣдность. Сколько ужасныхъ вещей вы должны знать! Если бы вы написали ваши замѣчанія.....

— Имъ не повѣрили бы.

— Притомъ вы, конечно, опасаетесь, что можно будетъ всегда угадать конецъ вашихъ повѣстей: конецъ одинъ, — смерть и могила.

— Нѣтъ, напротивъ: принесенное сюда тѣло хотя составляетъ жертву, однако жъ рѣдко бывастъ главнымъ и самымъ интереснымъ дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи, въ которой участвуетъ. Оно, конечно, было замѣшано въ дѣю, пало на полѣ сраженія, но не всегда какъ полководецъ и начальникъ, а болѣею частію какъ простой вострѣльщикъ, какъ солдатъ безъ рангу. Я отъ него пере-

хожу къ главному штабу, къ центру арміи. Часто скончавшійся открываетъ дѣйствіе, начинаетъ величественную драму, всѣ актеры которой живы и которой бы я не нашелъ безъ этого мертвеца, потому что она утопаетъ въ обширномъ океанѣ жизни.

— Поэтому вы можете мнѣ рассказать исторію каждаго, кто здѣсь покоится?

— Почти каждаго. Но я расскажу вамъ только нѣсколько и вы сами увидите.....

— Кавалеръ! вскричалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: позвольте мнѣ еще одно сомнѣніе.

— Не то ли, что, вы думаете, не всѣ покоящіеся здѣсь сошли въ землю насильственно?

— Нѣтъ, хотя я и съ этимъ не совершенно согласенъ.

— Такъ что же? въ чемъ же вы сомнѣваетесь?

— Простите мнѣ это сомнѣніе впередъ.

Кавалеръ де-Профундисъ дружески подалъ маркизу руку.

— Я сомнѣваюсь, чтобы вы могли рассказать мнѣ тайны всякой могилы, какую я вамъ укажу на выдержку. Вы понимаете, конечно, что не можете убѣдить меня, какъ скоро вы сами станете выбирать.

— Конечно, конечно, мой другъ, отвѣчалъ кавалеръ де-Профундисъ: вы сами назначьте мнѣ любую могилу и я докажу вамъ, что вы напрасно сомнѣваетесь.

Маркизъ взялъ кавалера де-Профундиса подъ руку и прошедши нѣсколько дорожекъ, въ самое тѣнистое мѣсто кладбища, вступилъ въ закрытую бесѣдку, въ которой стоялъ великолѣпный памятникъ, окруженный цвѣтниками и, вѣроятно, очень усердно украшаемый ими въ лѣтнюю пору.

— Расскажите мнѣ исторію этой могилы, сказалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ, отвѣда вѣтви кедровъ, которые застилали входъ въ бесѣдку.

На мраморной урнѣ находилась слѣдующая надпись:

«Здѣсь похонется тѣло

ЛЕДИ ФЛАВІИ ГЛЕНМОРЪ,

ГРАФИННИ УНСБИ, ПЕНМОРЪ И ГЛЕНДАЛУ.

Какъ дѣвушка, она была прекрасна и добродѣтельна; какъ женщина, она была достойна имени своего мужа, лорда Гленмора.

Если прелесть ея красоты была несравненна на землѣ, если по-други прозвали ее Жемчужиною Озера и если эти преходящія достоинства исчезли какъ утренній туманъ передъ лучами солнца, то ея кротость, ея челоуѣколюбіе и доброта не исчезнутъ, доколѣ въ мірѣ существуетъ уваженіе къ благороднымъ и прекраснымъ душамъ.

Скончалась осьмнадцати лѣтъ! Господи, помилуй!

Флавія! Флавія! половина твоего сердца, твой мужъ, говоритъ тебѣ прости на землѣ, до свиданія въ вѣчности.

Прости! Прости! Прости!

— Прежде нежели я стану рассказывать вамъ исторію этой могилы, сказалъ кавалеръ де-Профундись, позвольте мнѣ указать вамъ двѣ другія могилы по сторонамъ этой. Вотъ, посмотрите сюда.... подъ травкою, едва примѣтно.... вотъ одна гранитная плита, а вотъ другая. Здѣсь лежитъ молодой челоуѣкъ, а здѣсь дѣвушка.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ маркизъ наклонившись и устраняя траву: тутъ еще двѣ могилы. Зачѣмъ же онѣ такъ скрыты?

— Эти три могилы—одна исторія. Чтò жъ касается до этой, продолжалъ кавалеръ де-Профундись вынувъ изъ кармана ключъ и постучавъ по мраморному пьедесталу: въ ней никого нѣтъ.

— Какъ никого! Неужели эта могила пуста?

— И всегда была.

— Но гдѣ же леди Гленморъ, графиня Унсби?

— Ея здѣсь нѣтъ.

— Развѣ ее не похоронили въ эту могилу?

— Похоронили, но она провела здѣсь только одну ночь.

— Одну ночь! Такъ она была жива?

— Жива.

— Я содрогаюсь....

— Слушайте.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Кавалеръ де-Профундисъ началъ рассказывать.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ осенній день послѣ обѣда, прохожіе въ прекрасной рощѣ виль-д'аврейской могли слышать женскій голосъ, который кликалъ за стѣною парка.

— Танкредъ! сойдите! Танкредъ! сойдите же, я васъ пропну? Вы упадете.

Видѣтъ съ этимъ непрерывно повторяемымъ приказаніемъ слышался мужественный громкій смѣхъ.

Передъ стѣною парка стояла толпа деревенскихъ мальчишекъ и съ любопытствомъ ждала окончанія происшествія, очень простаго, которое однако жъ могло сдѣлаться трагическимъ. У владѣльца парка ушла большая обезьяна и, перебираясь съ дерева на дерево, засѣла на вѣсокомъ каштанѣ, за оградой. Молодой человѣкъ, котораго звали Танкредомъ, влѣзъ на стѣну, потомъ на дерево и преслѣдовалъ коварное бѣглое животное, которое забиралось всё выше и выше къ макушкѣ дерева. Кличъ звонкаго серебристаго голосу повторялся съ нетерпѣніемъ и досадою, но Танкредъ всё лѣзъ далѣе за орангъ-утангомъ, а тотъ какъ нарочно дразнилъ преслѣдователя быстрыми прыжками то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ. Вдругъ кому-то изъ зѣвавшихъ деревенскихъ мальчишекъ вздумалось швырнуть въ обезьяну камнемъ. Маракаибъ, — такъ звали орангъ-утанга, — оскалилъ зубы и принялся швырять каштанами, которые у него были подъ руками. Тутъ камни и крупный песокъ полетѣли градомъ, такъ, что Танкредъ, не успѣвъ унять осаждавшихъ крикомъ, разсердился и тоже сталъ метать каштанами, сколько хватало силъ. Завязалось настоящее сраженіе: каштаны и камни летали тучами. Между-тѣмъ Танкредъ, не переставая отбиваться, спускался всё ниже и ниже и за цѣнь тащилъ съ собою орангъ-утанга. Добравшись до стѣны, онъ, конечно, могъ бы разомъ избавиться отъ нападевіи дерзкихъ мальчишекъ: ему стоило только соскочить въ садъ. Но это гордый молодой человѣкъ счелъ бы постыд-

нымъ бѣгствомъ и трусостью. Хотя руки его уже были окровавлены, лицо оцарапано и платье разорвано, однако жъ онъ смѣло сѣлъ на гребнѣ стѣны, не выпуская цѣпи орангъ-утанга, и сталъ отвѣчать осаждавшимъ тоже камнями, известью и обломками кирпичей. Мальчишки, между которыми были довольно большіе, бросали пескомъ, палками, — чѣмъ попало и нѣсколько разъ ушибли молодого человѣка очень больно. Танкредъ былъ страшенъ отъ гнѣву. Мокрые отъ поту бѣлокурые волосы его стояли копною, какъ львиная грива; большіе голубые глаза сверкали, горѣли огнемъ; налитыя алая губы дрожали; воротникъ его промокшей рубашки былъ оборванъ и висѣлъ съ плеча: грудь сильно вздымалась и опускалась; руки работали, разбирали старую стѣну по горстамъ и метали въ мальчишекъ. Ни рыцарь Баяръ, ни поэтъ Байронъ никогда не выказывали въ юности столько запальчивости, нестойчивости и храбрости. Это продолжалось нѣсколько минутъ. Кликовъ за стѣною уже не было слышно. Камня летѣли все крупнѣе и крупнѣе и Танкредъ былъ бы убитъ на мѣстѣ, если бы въ нѣкоторомъ отдаленіи не отворилась калитка, и не вышла молодая дама, которая тотчасъ приближала на поле сраженія.

— Чтò вы, негодяи! вѣдь вы убьете его! вскричала она.

Пальба прекратилась.

— Я уже говорила вамъ ; сойдите! строго продолжала дама обращаясь къ Танкреду.

— Нельзя же было, отвѣчалъ тотъ и, не докончивъ рѣчи, соскочилъ со стѣны вмѣстѣ съ обезьяной, но не въ садъ, а на дорогу, и очутился посреди толпы мальчишекъ.

Тутъ началась новая потѣха. Мараканбъ чмокая, щелкая и фыркая бросился на враговъ и съ быстротою молніи принялся хлестать ихъ по щекамъ и по ушамъ, царапать носы и рвать шанки, такъ, что они, уже не смѣя при барьерѣ приблизиться къ помощи камней и палокъ, принуждены были обратиться въ бѣгство. Къ этому времени подошелъ и мужчина, котораго смѣхъ слышался за стѣною парка. Онъ звалъ Танкреда за плечо и воевалъ съ

лою увелъ въ паркъ черезъ калитку, которую и заперъ за собой.

Танкредъ торжествовалъ какъ побѣдитель и вмѣстѣ стыдился какъ побѣжденный.

— Слыла вы сошли? говорила леди Гленморъ Танкреду, когда они вошли въ садъ: вѣдь такимъ образомъ вы, изъ-за обезьяны, могли лишиться глаза, руки или ноги и даже жизни.

— Миледи, отвѣчалъ Танкредъ, обезьяна принадлежитъ вамъ, а все, что ваше, то я считаю долгомъ защищать.

— Что же вы сдѣлаете, когда дѣло пойдетъ о защитѣ англійскаго флага.... когда вы будете капитаномъ?

— Я отстою англійскій флагъ какъ отстаю этого орангъ-утанга. Я здѣсь сдѣлалъ все, что могъ, и такъ сдѣлаю все, что могу.

— Танкредъ, вы ребенокъ. Ступайте въ вашу комнату и попросите доктора Патрика, чтобы онъ осмотрѣлъ ваши раны. Надѣюсь, что онѣ не опасны.

— Нѣтъ, миледи, позвольте мнѣ не просить доктора Патрика. Я самъ умоюсь водой съ уксусомъ и съ порошкомъ.

— Дѣло, дѣло! Ступайте же по-скорѣй: вашъ какъ оборвался! сказалъ со смѣхомъ лордъ Гленморъ подавая жемъ руку.

Танкредъ побѣжалъ въ одну сторону, сунруги пошли въ другую.

Предшествовавшая сцена, очевидно, сильно подѣйствовала на нѣжные нервы леди Гленморъ: войдя въ залу она въ изнеможеніи ушла въ кресла и потребовала воздуха. Мужъ поспѣшно подкатилъ ее на тѣхъ же креслахъ къ окну и открылъ окно.

— Лучше вамъ теперь, миледи? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: посмотрите, какъ хорошъ паркъ сегодня! какой прекрасный вечеръ! У насъ давно не было такого.

— Да.... хорошъ, отвѣчала леди Гленморъ едва приподнимая томный вѣки: и паркъ хорошъ.... Но Ривингдъ! но Виндзоръ!.... О! простите, милордъ....

— Вы всё-еще на можете забвѣть!....

— Я забуду, если вы хотите.

— Я хочу только, чтобы вы были счастливы, миледи. Желаю, чтобы у меня стало и силъ на осуществленіе этой мысли, но предвижу, что это будетъ трудно.

— Отчего же, милордъ? спросила леди Гленморъ маня кончикомъ перчатки свою болонку, которая тотчасъ выльзала изъ атласной корзиночки и подбѣжала къ госпожѣ.

— Какимъ образомъ доставить вамъ царственныя развлеченія, которыми вы пользовались при королевѣ? Средства самаго счастливаго супруга слишкомъ ограничены, для того чтобы доставить графинѣ Унсби, первой фрейлинѣ ея величества, все то, чѣмъ она могла пользоваться въ такомъ блестящемъ положеніи.

Нельзя было не почувствовать ироніи подъ бархатомъ этой рѣчи.

— И отъ чего отказываешься безъ сожалѣнія, милордъ, когда имѣешь честь сдѣлаться вашею супругой, сказала леди Гленморъ.

Болонка вскочила на колѣни къ своей госпожѣ.

— Вы слишкомъ снисходительны, миледи, но я надѣюсь, что эта снисходительность черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ немножко больше походить на истину. Шестъ мѣсяцевъ супружества — только болѣе или менѣе счастливый опытъ того, что можетъ сдѣлать мужъ, ревностно желающій занимать вполне сердце своей жены.

— Этому опыту совершенно достаточно, милордъ, повѣрьте мнѣ.

— Если вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ, сказалъ лордъ Гленморъ, почтительно взявъ руку жены, то не повторяйте этой похвалы: я чувствую, что я слишкомъ мало достоинъ ея.

Миледи улыбнулась, но такъ двусмысленно, что трудно было бы рѣшить, согласна она съ мнѣніемъ мужа или нѣтъ. Лордъ Гленморъ всталъ и, подобравъ занавѣсъ, отвернулъ другое угловое окно, которое выходило на большой вудъ.

— Посмотрите, миледи.

Леди Гленморъ слегка акнула отъ удивленія.

— Яхта королевы!

— Не та самая, однако совершенно похожая на все, отвѣчалъ мужъ указывая на прелестную паровую яхту, великолѣпно украшенную рѣзной работой и золотомъ и вооруженную шестью бронзовыми пушками.

Онъ махнулъ платкомъ и въ ту же минуту колеса зашумѣли, изъ трубы пошелъ дымъ, яхта пошла ходить по всѣмъ направленіямъ пруда, салютуя изъ маленькихъ орудій. Проходя близко подъ окнами, экипажъ кричалъ: «Вивать, леди Гленморъ, графиня Уисби!» Командовалъ судномъ молодой Танкредъ, который уже не помнилъ о своихъ ранахъ, особенно, когда махалъ шляпою въ привѣтъ своей обожаемой повелительницѣ.

— Очень мило? вскричала Леди Гленморъ: очень мило!

Она отвернулась и приняла прежнее свое томно-равнодушное положеніе.

— Это, конечно, только подарокъ капитана Фрегата, сказалъ Гленморъ: но онъ во время моего отсутствія по крайней-мѣрѣ поможетъ вамъ думать о томъ, кто подарилъ. Вы иногда можете покататься....

— Такъ вы всё-еще намѣрены ѣхать?

— Да, миледи. Моему отпуску скоро вѣйдеть срокъ. Чтобы получить отсрочку, я непременно долженъ ѣхать въ Лондонъ и явиться въ адмиралтейство лично. Я нынче ночью ѣду....

— Вы, конечно, будете и при дворѣ?

— Безъ-сомнѣнія... чтобы засвидѣтельствовать ваше почтеніе и мое и чтобы передать ваши письма добрымъ пріятельницамъ. Вѣдь вы не желаете ѣхать?

— Я знаю, что вы не позволите.

— Не позволите!

— Я не хочу просить напрасно.

— Просить!... Вы здѣсь приказываете.

— Да, лишь бы я не приказала, что желаю уѣхать изъ этого дому въ которомъ содержусь какъ въ тюрьмѣ.

Лордъ Гленморъ притворился что не разслышалъ.

— Чтò вы станете дѣлать во время моего отсутствія, миледи?

— Буду думать о вашемъ возвращеніи, сухо отвѣчала леди Гленморъ.

— Я надѣюсь скоро воротиться.

— Желаю. Но вы не сказали мнѣ, милордъ, отчего вы не хотите взять меня съ собою въ Лондонъ?

Лордъ Гленморъ не ожидалъ возвращенія этого вопросу.

— Но ваше здоровье, миледи....

— Мое здоровье!... Кто же вамъ сказалъ, что я такъ больна?.... Притомъ, развѣ воздухъ родины можетъ быть вреденъ заболѣвшему на чужбинѣ?

— Путешествіе....

— Тридцатипяти-часовое путешествіе... для жены морскаго капитана!... Въ самомъ дѣлѣ, ваши предлоги...

— Медовый мѣсяцъ, который, по обычаю, должно провести за границей....

— Помилуйте, милордъ! сколько же четвертей у вашего мѣсяца? Вотъ уже полгода какъ мы въ супружествѣ....

— Но, миледи.... ваши сомнѣнія....

— Конечно, странны, милордъ, да! точно, странны тогда какъ я вѣдь похитила же васъ, чтобы сдѣлаться вашею женой.... похитила на дорогѣ въ Брайтонъ и увезла во Францію, гдѣ вы были такъ честны, что женились на мнѣ!

Слова эти были сказаны съ насмѣшливою улыбкой.

Лордъ Гленморъ вскочилъ.

— Миледи! эта шутка....

— Это вовсе не шутка, милордъ.

Лордъ Гленморъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ стараясь скрыть свое смущеніе.

— Чтò вы хотите сказать, миледи? Я не понимаю вашихъ загадокъ....

— Боже мой! это не загадка: это газетная статья.

— Газетная статья!...

— Да, и совершенно официальная.... Вотъ она, прочитайте, милордъ.... вотъ здѣсь, сказала леди Гленморъ вставая и подавая мужу взятую со стола газету.

Лордъ Гленморъ съ насильственно вынужденнымъ спокойствіемъ сталъ читать указанное мѣсто. Миледи между

тѣмъ смотрѣла въ зеркалѣ, не разстроилась ли ея вечерняя прическа.

Леди Флавія Гленморъ была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Англіи и этому легко повѣрить всякій, кто вспомнить, что англійскія королевы, по обычаю, окружаютъ себя дѣвицами, самыми замѣчательными въ королевствѣ, какъ по знатности роду такъ и по красотѣ. Это—выборъ изъ выбору. У леди Гленморъ, брUNETки подобно Венеціянкѣ временъ Веронеза, черные какъ смоль и мягкіе, волнистые, волосы увѣнчивали княжескій лобъ и гроздьями ниспадали на розовыя оснадцати-лѣтнія щеки. Продолжительный и гордый взглядъ ея терялся иногда въ великолѣпномъ равнодушіи. Превосходство крови, которое неоспоримо, такъ же какъ и совѣсть и честь въ душѣ, вполне отражалось въ совершенствѣ ея профиля. Въ этомъ профиль сосредоточивалось и, такъ сказать, сокращенно выражалось все благородство ея предковъ. Глаза, обращая свой лучъ на ея алыя, жаркія и воздушныя губы, казалось, заимствовались чувствомъ у осязанія. Гибкая шея, круглыя плечи и пѣщныя руки были такъ тверды, такъ гладки и полны молодости, что касавшіеся къ нимъ шелкъ и кружева, какъ-будто одушевленные, съ наслажденіемъ ласкали ихъ своими складками и отливками. Леди Гленморъ была высока и полна, но безъ того избытку величія, которое убиваетъ желаніе и впускаетъ столько уваженія, что не можетъ не повредить прелести. Бѣлая, полузакрытая грудь ея производила такде же чарующее, восхитительное, но чистое впечатлѣніе какъ корзинка только-что собранныхъ плодовъ и цвѣтовъ. Всѣмъ этимъ прелестямъ еще могла бы придать неисчислимую цѣпу молнія страсти, если бы она пробѣжала по тонкимъ жиламъ подъ атласною розовою кожей щеки, загорѣлась на губахъ, блеснула въ глазахъ и привела бы въ волненіе сердце. Но, къ несчастію или, быть-можетъ, къ-счастію, леди Гленморъ была доселѣ прекрасною бѣлою и розовою статуей, которую Пигмалионъ любитъ, но которой позабылъ начертать на лбу таинственный поцѣлуй. Англійская Галатѣя ходила, дышала, говорила, но не жила: она еще не любила.

Это отсутствіе страсти быть-можетъ и придавало ей тѣлу томность, которая походила почти на болѣзнь. При всемъ избыткѣ молодости и здоровья леди Гленморъ почти не двигалась: если она ходила пѣшкомъ по парку, то не болѣе какъ на двѣсти или на триста шаговъ отъ дому. Дни, когда не принимала, она проводила болѣею частью за чтеніемъ, сидя въ креслахъ, или за флигелемъ. Ея удовольствія.... у нея, казалось, не было удовольствій: она не находила его даже въ сознаніи своей красоты, въ томъ, что составляетъ великое преимущество женщинъ передъ мужчинами, которые не женоподобны.

Газетная статья была такого содержанія:

«Одинъ членъ знаменитаго Общества Опасныхъ похищенъ по дорогѣ изъ Лондона въ Брайтонъ прекрасною графиней Уисби, что нынче леди Гленморъ. Такое происшествіе могло бы показаться невѣроятнымъ, если бы изумительныя удачи этихъ господъ не были извѣстны. Впрочемъ, законный бракъ, совершенный въ Калѣ, въ протестантской церквѣ, исправилъ и загладилъ это романическое безразсудство одной изъ знатнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ фрейлинъ королевы.»

— Нельзя же запретить газетчикамъ болтать вздоръ, сказалъ лордъ Гленморъ, прочитавъ и положивъ газету на столъ.

— Дѣло идетъ не о газетчикахъ, а обо мнѣ, милордъ, возразила Фавія: скажите, похитила я васъ? Мнѣ очень хочется знать....

— Конечно, нѣтъ, миледи.... вы это знаете сами....

— Но въ такомъ случаѣ....

— Помилуйте! Кто жъ станетъ возражать на такую нелѣпность?...

— Однако жъ, милордъ, въ этой статьѣ не все нелѣпость....

— Какъ не все?

— Не все, милордъ. Развѣ вы не принадлежите къ этому обществу?

— Къ какому обществу?

— Къ тому, о которомъ говоритъ газета, къ знаменитому Обществу Опасныхъ.

— Я?

— Да, вы.

— Потому развѣ, что газета такъ говоритъ.

— Газета говоритъ и я утверждаю.

— Вы?... Кто же могъ сказать вамъ.....

— Выслушайте, милордъ. Однажды, на маломъ вечерѣ у королевы, вы были представлсны черезъ вашего адмирала. Мы танцовали. Вы два раза были моимъ кавалеромъ. Воротившись на мѣсто я увидѣла на моемъ опахалѣ надпись карандашомъ: «Берегитесь! человекъ, съ которымъ вы танцуете, — опасный».

— Какіе пустяки! сказалъ лордъ Гленморъ съ равнодушною улыбкой и съ тайнымъ бѣшенствомъ ломая между тѣмъ въ дарманѣ золотую цѣпочку, которую хотѣлъ подарить женѣ.

— Такъ меня обманули? Ваше честное слово моряка, милордъ?

— Нѣтъ.... миледи!... Но какая же связь между теперешнею поѣздкой въ Лондонъ и бывшими отношеніями къ обществу людей, ищущихъ удовольствій, изящнаго и роскоши?...

— И любовныхъ интригъ, прибавила Флавія: но выслушайте же меня, милордъ. На другой день мнѣ захотѣлось узнать, что это за общество такое....

— И вамъ объяснили? спросилъ лордъ Гленморъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Объяснили. Вы составляете собраніе тридцати членовъ. Чтобы быть приняту въ это общество, если откроется вакансія, нужно доказать по-крайней-мѣрѣ двухсотлѣтнее потомственное дворянство. Такъ ли, милордъ?

— Точно такъ, миледи....

— Нужно имѣть двѣсти тысячъ доходу и быть не моложе осьмнадцати и не старше тридцати лѣтъ. Правда ли?

— Правда.... Ну, и все тутъ....

— Нѣтъ, еще не все. Нужно имѣть еще два дугля, быть храбрымъ и слѣть въ общемъ мнѣніи за человека любезнаго и привлекательнаго.

— Это послѣднее условіе не строго соблюдается, какъ

видите, когда вамъ угодно утверждать, что я принадлежалъ къ этому обществу....

— И принадлежите теперь.

— Нѣтъ, миледи, оттого что....

— Позвольте мнѣ сперва кончить. Цѣль этого общества....

— А! вамъ извѣстна и цѣль! вскричалъ лордъ Гленморъ судорожно ломая въ карманѣ золотую цѣпь на мелкіе кусочки: вамъ, значитъ, объяснили очень подробно.

— Какъ-нельзя лучше. Цѣль этого общества состоитъ въ слѣдующемъ: каждый членъ обязывается до такой степени увлекать сердца женщинъ, чтобы онѣ сами первыя признавались въ своей страсти. Иначе торжествовать запрещается. Онъ никогда не долженъ говорить, что любить, а долженъ только быть до такой степени любезенъ и привлекателенъ по уму, красотѣ, талантамъ, краснорѣчію или по тонкости знанія женскаго сердца, чтобы ни одна женщина не могла не покориться ему. Кто нарушитъ эти условія и успѣетъ другими средствами, тотъ объявляется измѣнникомъ обществу и подвергается мщенію своихъ собратьевъ, которые, конечно, всѣ очень могущественны, потому что принадлежать къ высшему классу англійскаго общества.

— Вы видите, миледи, что исчисленные вами условія успѣху также свидѣтельствуютъ, что я уже не принадлежу къ обществу: вамъ извѣстно, что не вы, а я первый формально объявилъ, что люблю васъ.

— О, конечно, милордъ! вы изъ снисхожденія ко мнѣ рѣшились нажить себѣ смертельныхъ враговъ въ вашемъ клубѣ.

— Это было сказано такимъ холоднымъ, язвительнымъ тономъ, что лордъ Гленморъ не нашелся отвѣчать.

— Вотъ духъ и цѣль Общества Опасныхъ, продолжала Флавія: скажите, много оно насчитываетъ побѣдъ, исключая вашей?

— Много, миледи, отвѣчалъ лордъ еще разъ переломивъ цѣпочку.

— Говорятъ, что особенно славится молодой Диксомъ.

— Говорятъ, миледи.

— И маркизъ Уэльсъ....

— Тоже.

— И графъ Мёдокъ....

— Тоже.... это самый страшный изъ всѣхъ.

— Самый привлекательный, хотите вы сказать.

— Такъ я разумѣю, миледи.

— Чтò же онъ сдѣлалъ такого чрезвычайнаго? Скажите мнѣ, пожалуйста, въ какомъ же родѣ его побѣды и его средства?

— Онъ дѣлалъ все, чтò хотѣлъ, увѣряю васъ.

— Такъ вы думаете, что ему стоило только захотѣть и онъ увлекъ бы прекрасную и строгую леди Брей?

— Конечно, миледи, отвѣчалъ лордъ Гленморъ съ трудомъ скрывая свою досаду на продолжительный допросъ.

— И что онъ побѣдилъ бы также надмѣнную леди Галлей?

— Я увѣренъ.

— Стало-быть, это — Адонисъ, Ришльё и Ловласъ въ одномъ лицѣ, этотъ графъ Мёдокъ? Обрисуйте же мнѣ его, пожалуйста.

— У меня вовсе нѣтъ таланту живописца, миледи....

— По-крайней-мѣрѣ вы можете сказать мнѣ чтò-нибудь объ его характерѣ.

— Онъ очень кротокъ, скромень и важенъ; это душа воспримчивая, но спокойная, холодная....

— Неужели? Въ такомъ случаѣ вѣдь онъ очень похожъ на васъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ лордъ Гленморъ судорожно перетирая въ рукѣ обломки цѣпочки.

— Онъ веселъ?

— Напротивъ, очень серіозенъ.

— Умно говорить?

— Очень, но только очень мало.

— Такъ какъ же онъ увлекаетъ?

— Это его тайна, миледи.... не моя.

— А, скажите, много ли членовъ вы исключили доселѣ изъ вашего общества?

— Ни одного.

— Вы меня ужасаете!

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что.... кто мнѣ поручится, что вы не станете продолжать пользоваться вашимъ всепобѣждающимъ могуществомъ!

— Я вамъ еще давеча хотѣлъ сказать, но вы меня перебили....

— Что такое?

— Что всякій членъ, который женится до тридцати лѣтъ....

— Подвергается смерти?

— Нѣтъ, перестаетъ быть членомъ Общества Опасныхъ. Такимъ образомъ я естественно исключенъ теперь....

— А! понимаю.... Теперь я понимаю и странное ваше сопротивленіе взять меня съ собою въ Лондонъ. Вы....

Леди Гленморъ не успѣла договорить: отворилась дверь и вошла Пакеретта, которая, по обыкновенію, принесла мороженое.

Пакеретта, очень миленькая и очень образованная горничная леди Гленморъ, была очень печальна съ нѣкоторыхъ поръ, а въ этотъ вечеръ волненіе ея доходило до того, что она не примѣтила какъ одинъ хрустальный сосудъ съ мороженымъ упалъ на подносъ, когда она подносила его лорду Гленмору.

— Что съ вами, Пакеретта? спросилъ лордъ.

— Со мной, милордъ?...

— Да. Вы не видите, что мороженое свалилось на подносъ?

— Ахъ!... извините, милордъ.

Пакеретта вспыхнула и выбѣжала. За дверью она проворно спрятала въ карманъ письмо, которое держала подъ подносомъ и отъ котораго происходило все ея замѣшательство.

— Нѣтъ! у меня не станетъ духу отдать ему! говорила она: между-тѣмъ... Боже мой! что мнѣ дѣлать?...

Пакеретта побѣжала съ лѣстницы, которая велѣ въ кухню и на дворъ.

— Я вамъ сказала, милордъ, что нашла ключъ къ вашему отказу везти меня въ Лондонъ, настойчиво продолжала леди Гленморъ: да, вы увѣрили членовъ вашего клу-

ба, что я похитила васъ на дорогѣ изъ Лондона въ Брайтонъ, и теперь натурально опасаетесь, что я какъ-нибудь изоблечу ваше изобрѣтеніе.... Будьте спокойны, милордъ: я спасу ваше драгоценное самолюбіе.... даже въ ущербъ моему.... Пусть такъ! Пусть думаютъ, что я похитила васъ. Но за это везите меня теперь въ Лондонъ.

— Миледи, отвѣчалъ съ усиленіемъ лордъ Гленморъ, васъ извѣстили очень подробно, я не спорю. Дворъ имѣетъ очень исправную полицію. Только, клянусь вамъ, я ничего не знаю о лживой статьѣ въ газетѣ.... не знаю, какимъ образомъ и кому вздумалось сыграть со мною такую дерзкую шутку....

— Вѣрю вамъ, милордъ.... Но я ѣду въ Лондонъ.

— Это невозможно.... Я ѣду только затѣмъ чтобы взять отсрочку, и скоро возвращусь....

— Вы не хотите взять меня съ собой, я это вижу.... Ну, хорошо, я останусь. Когда же вы воротитесь? спросила она равнодушно.

— Не знаю: это будетъ зависѣть отъ адмиралтейства, отвѣчалъ лордъ Гленморъ такъ же холодно.

Онъ вѣжливо поклонился и пошелъ въ свой кабинетъ.

— Не забудьте, милордъ, что сегодня мой пріемный вечеръ.... субботѣ.

— Не забуду, миледи, отвѣчалъ онъ и поклонился еще холоднѣе.

Дверь затворилась.

Леди Гленморъ положила руку на сердце и съ выраженіемъ ужаснаго разочарованія сказала:

— Боже мой!... о, Боже мой! Такъ вотъ супружество!...

На этомъ мѣстѣ своего разсказу кавалеръ де-Профундись остановился: онъ примѣтилъ, что вниманіе маркиза де-Сенъ-Люка было раздѣлено съ нѣкоторыхъ-поръ между нимъ и огонькомъ, который свѣтлится вдали въ маленькой часовнѣ, надъ могилой.

— Вамъ хочется узнать, что это за огодѣкъ? спросилъ онъ.

— Да, этотъ свѣтъ въ самомъ дѣлѣ развлекаетъ меня, но я не хотѣлъ прерывать вашего разсказа.... Какая это доб-

рая душа такъ строго чтить покрѣвку?... Это такъ дѣше и трогательно....

— Да, очень трогательно и очень уморительно.

— Уморительно? Какъ такъ?

— Нужно знать, кто лежитъ въ этой великолѣпной гробницѣ и кто воздвигъ ее.

— Воздвигла гробницу и поддерживасть огонь въ лампадѣ, конечно, женщина.

— Вы угадали.

— Но чѣмъ же это смѣшно?

— Увидите, если позволите мнѣ продолжать первый мой рассказъ. Исторія этой могилы нѣсколько связана съ тою, о которой я началъ вамъ говорить, и случаю этому не должно удивляться, особенно здѣсь, гдѣ все встрѣчается и все смѣшивается какъ-нельзя естественнѣе.

— Такъ продолжайте, пожалуйста. Я горю отъ любопытства.

Кавалеръ де-Профундисъ улыбнулся и продолжалъ:

Вошедши въ свой кабинетъ, населенный античными бронзами и мраморами и украшенный всѣми лучшими произведеніями искусства и роскоши, лордъ Гленморъ схватилъ первый попавшійся стулъ и такъ махнулъ надъ головой, что задѣтая хрустальная грозды люстры разлетѣлись въ дребезги, люстра закачалась и нѣсколько свѣтъ упало на полъ. Онъ выпустилъ свой гнѣвъ на все, что случилось подъ руками, — комкалъ бумаги, разбивалъ мраморъ и топталъ подушки великолѣпнаго персидскаго дивана. Изящный свѣтскій молодой человекъ, скромный и совершенно благопристойный, вдругъ превратился въ настоящую олицетворенную бурю. Онъ даже ругался: что случилось съ нимъ только въ морѣ, на кораблѣ, между матросами, которымъ часто бываетъ нуженъ языкъ сильно вразумительный.

— Возможно ли сдѣлать больше для женщины! говорилъ онъ съ бѣшенствомъ потирая руки: и возможно ли получать въ отвѣтъ менѣе доказательствъ дружбы и признательности?... Какое убійственное равнодушіе!... Вотъ женщина! Истинно китайская кукла! Сверху лакъ, яркія краски, золото.... а подъ ними холодный, сухой фарфоръ.

Много говорятъ дурнаго о женщинахъ, особенно о нашихъ свѣтскихъ, но истина еще далеко не достигнута. Въ головѣ у Флавіи—одна скука; въ сердцѣ—пустота: ничего нѣтъ, ни любви, ни ненависти, ни вѣжности, ни состраданія.... ничего! Я на минуту думалъ—было, что меня полюбятъ, когда я измѣню свой мѣдный характеръ, когда я сломаю его, разрушу какъ завоеванную крѣпость.... Что же я выигралъ? Впродолженіи шести мѣсяцевъ она все такова же была какъ и сегодня.... прекрасна.... о! очень прекрасна, но холодна какъ сталь, отъ которой заимствовала блескъ и твердость. Улыбнулась ли она хоть на мой подарокъ? А между-тѣмъ чего онъ стоилъ мнѣ!... О, какъ могла бы принять это другая женщина! А она... ничего. Она играла своимъ опахаломъ и трепала болонку. Ни даже сухаго спасибо!.... И что она нашла сказать мнѣ на прощанье?... Она ждала этой минуты, чтобы заговорить о глупой статьѣ, которую берегла столько времени.... объ этой статьѣ, которую напечаталъ графъ Мѣддокъ.... нѣтъ ни какого сомнѣнія.... Она разложила меня на жаровнѣ и поворачивала на горящихъ угольяхъ кончикомъ опахала.... Да! конечно, статью напечаталъ Мѣддокъ. Я ожидалъ какой-нибудь выходки отъ него, только не этой: это слишкомъ. Какъ бы то ни было, я найду сочинителя.... Но все это было бы ничтожно, я забылъ бы и Мѣддока и его выходки, если бы Флавія полюбила меня.... Полюбила! Развѣ она любить что-нибудь?... Если бы она по-крайней-мѣрѣ ненавидѣла меня.... я могъ бы выразить гнѣвъ, напасть на нее, сломить... да, сломить, уничтожить, какъ уничтожилъ это! вскричалъ онъ бросивъ обломки золотой цѣпочки въ каминъ: но нѣтъ! она даже не ненавидитъ меня.... Начто она такъ много говорила о Мѣддокѣ? Неужели для того чтобы возбудить мою ревность.... нѣтъ.... не зачѣмъ. Или неужели и въ самомъ дѣлѣ.... нѣтъ, это невозможно: она вовсе не видывала его.... Притомъ Мѣддокъ теперь въ Венеціи съ Дымкой. Но я ему отплачу за статейку, непременно отплачу.

Прошедшись нѣсколько разъ по комнатѣ, лордъ Гленморъ позвонилъ и сказалъ вошедшему слугѣ:

— Попросить сюда мистеръ Танкреда.

— Извините, если я прерву васъ, кавалеръ, сказалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: вы назвали женщину, которую я очень хорошо знаю, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ.

— Дыжку?

— Да. Она очень любила моего пріятеля, маіора Моргена, —если только такія женщины могутъ любить.

— Конечно такъ, она любила маіора Моргена, и маіоръ сперва любилъ другаго на дуэли за нея, потомъ и самъ убитъ въ слѣдствіе того же.

— Прекрасный былъ человекъ.

— Вы хорошо знали его?

— Не такъ чтобы очень.... Я видѣлся съ нимъ только за картами. Въ послѣдній годъ его жизни, между прочимъ, я выигралъ у него двѣсти тысячъ франковъ.

— Да, выиграла!

— Что вы хотите этимъ сказать? Я думаю, что я выигралъ честнымъ образомъ....

— Да, но только потому, что маіоръ захотѣлъ чтобы вы выиграла.

— Вы шутите?

— Нѣтъ, не шучу.

— Но это требуетъ объясненія. Здѣлайте одолженіе, кавалеръ....

— Послѣ, послѣ. Узнаете и объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Маркизъ де-Сенъ-Люкъ, который считалъ себя просто слушателемъ воспоминаній кавалера де-Профундуса, вдругъ призадумался и сталъ безпокоенъ. Черезъ знакомство и игру съ маіоромъ Моргеномъ онъ вдругъ и самъ оказался замѣшаннымъ въ исторію, которая передъ нимъ развивалась. Онъ началъ чувствовать справедливость словъ кавалера де-Профундуса, когда тотъ говорилъ ему о тѣсной связи живыхъ съ мертвыми. Маркизъ сталъ слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ. Кавалеръ де-Профундусъ продолжалъ:

Когда Танкредъ вошелъ, въ фізіономіи лорда Гленнора уже не было слѣда предшествовавшаго волненія и гнѣву. Силою воли онъ остановилъ, осадилъ бурныя волны страстей и онъ мало-по-малу улеглись въ самую глубь сердца. Онъ опять сталъ, чѣмъ былъ, —двадцати-четырехъ-лѣт-

нимъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, важнымъ и изящнымъ, гордымъ и вѣжливымъ. У темнорусаго капитана были смѣлаго синяго цвѣту глаза, свѣтившіеся изъ-за подвижной рѣшетки длинныхъ рѣсницъ, которыя утравляли ихъ игру и могущество. Увлекательное роковое господство этихъ глазъ и доставило лорду Гленмору право стать наряду съ первыми членами знаменитаго клуба, наряду съ Гудсонами, Пажѣ, Уэльсами, Диксонами и Мѣдлоками. При изящно тонкихъ, совершенно аристократическихъ очертавіяхъ лица, рукъ и ногъ, высокомъ стройномъ ростѣ и безпогрѣшныхъ размѣрахъ, онъ одѣвался очаровательно, граціозно, то есть, безъ всякихъ претензій, по теоріи знаменитаго Броммеля, такъ, что могъ въ полномъ нарядѣ пройти пѣшкомъ весь Лондонъ и остаться непримѣченнымъ. Онъ носилъ свое платье такъ свободно и непринужденно какъ растеніе свой цвѣтокъ, какъ алмазь свой блескъ, какъ солнце свои лучи. Все въ немъ было искусство, но искусство, которое сдѣлалось второю натурой. Однимъ словомъ, онъ вполне заслуживалъ той славы, которою пользовался наравнѣ съ графомъ Мѣддокомъ въ Обществѣ Онасныхъ.

— Танкредъ, я уѣзжаю нынче ночью, сказалъ онъ вошедшему.

— И мѣся берете, милордъ!

— Нѣтъ. Я ѣду въ Лондонъ за новымъ отпускомъ. Вы останетесь здѣсь до моего возвращенія. Но, вѣроятно, черезъ три или четыре мѣсяца отправитесь въ море.

— Съ вами, милордъ?

— Нѣтъ, не со мною, а съ капитаномъ Гоггомъ.

— Съ Гоггомъ?... съ этимъ суровымъ, злымъ, ужаснымъ человѣкомъ?

— Таково наше состояніе, мой другъ: это страданіе въ страданіи. Дурная погода, дурные капитаны.

— Однако жъ это къ вамъ не относится. А этотъ Гоггъ— настоящій тигръ.

— Онъ хорошій капитанъ.

— Онъ обращается съ матросами, какъ съ рабами.

— Чтò жъ? вѣдь вы не матросъ: вы офицеръ.

— Конечно.... нечего дѣлать, ѣду съ капитаномъ Гоггомъ. Но куда же?

— Вокругъ свѣта, для открытій.

— Вокругъ свѣта.... для открытій!... Но вѣдь это — по-крайней-мѣрѣ года на два!

— На шесть.

— На шесть!

У Танкреда на сердцѣ огненными буквами врѣзалось: «Шесть лѣтъ я не увижу ея!»

— Милордъ, сказалъ онъ, вы знаете, что изъ этихъ экспедицій часто вовсе не возвращаются.

— Знаю. Но такова наша служба. Мы не имѣемъ права умирать тамъ, гдѣ захочемъ, а должны умереть тамъ гдѣ придется.... Но что съ вами, Танкредъ? Вы поблѣднѣли!

— Милордъ....

— Вы струсили?

— Я струсилъ, милордъ?... я струсилъ? вскричалъ Танкредъ съ отчаяніемъ озираясь кругомъ, нѣтъ ли какой-нибудь самой ужасной опасности, въ которую бы можно было тотчасъ броситься на глазахъ лорда.

— Дитя! полно! сказалъ лордъ Гленморъ взявъ его за плечи и поправивъ волоса на лбу: развѣ ты не видишь, что я шучу. Вѣдь я знаю, что ты не можешь струсить. Развѣ я не видѣлъ, какъ ты велъ себя, когда мы въ Индіи встрѣтились съ Малайцами и потомъ, когда насъ застала буря? Оставимъ это. Черезъ четыре мѣсяца вы ѣдете, а до-тѣхъ-поръ занимайтесь прилежнѣе вашею математикой, да берегите здоровье.

Лордъ Гленморъ вынулъ изъ бюро и подаль Танкреду великолѣпную шпагу, оправленную въ перломутръ съ бриллиантами, и сказалъ:

— Вы будете носить ее современемъ.

— Контръ-адмиральскую шпагу?

— Конечно.

— О, да! конечно, буду носить! вскричалъ молодой человекъ въ восторгѣ обнаживъ шпагу.

Вдругъ онъ съ почтеніемъ опустилъ ее передъ большимъ портретомъ, въ ростъ, что висѣлъ противъ окна.

— Вы съ ума сошли, Танкредъ! вскричалъ лордъ Гленморъ захохотавъ: что вы отдаете честь? Вѣдь это не королева: это, просто, портретъ моей жены.

— Я вижу, милордъ.

И Танкредъ опустился на колѣно передъ портретомъ.

— Чудо мальчикъ! подумалъ лордъ положивъ руку ему на плечо.

— Танкредъ!

— Милордъ!...

— Я сказалъ, что оставляю васъ здѣсь, но вы останетесь только въ такомъ случаѣ, если позволить леди Гленморъ: она здѣсь хозяйка.

Танкредъ смутился и всталъ. На лицѣ его отразилось то же безпокойство, какъ и при первомъ извѣстии о продолжительномъ путешествіи.

— Что, если она не позволитъ? подумалъ онъ.

— Вы сами пойдите, спросите у миледи, желаетъ ли она, чтобы вы остались при ней кавалеромъ.

— Сейчасъ, милордъ.... я бѣгу.... я....

— Погодите. Если миледи позволитъ вамъ остаться, на васъ ляжетъ много важныхъ и трудныхъ обязанностей...

Танкредъ слушалъ всею душой.

— Вы должны сопровождать миледи, когда она захочетъ гулять....

— Да, милордъ....

— Вы сами должны править лошадьми.

— Безъ-сомнѣнія, милордъ....

— Когда она поѣдетъ верхомъ, вы должны находиться подлѣ нея.

— Непремѣнно!...

— Если ей вздумается прокатиться на яхтѣ, вы не должны отходить отъ руля.

— Разумѣется!...

— Хотя Франція земля не варварская, не дикая, однако жъ, если случится, что какой-нибудь грубіянь осмѣлится сказать непристойное слово при миледи....

— Милордъ, вѣдь я долженъ заслужить эту шпагу!

— Хорошо: вы понимаете меня.

— Будьте спокойны, милордъ.

— Вотъ ключъ отъ денегъ. Берите, сколько вамъ нужно, сколько хотите.

— Слушаю, милордъ, спокойно отвѣчалъ Танкредъ взявъ ключъ и положивъ въ карманъ.

Онъ былъ уже привыченъ къ этой безусловной довѣренности лорда.

— Ступайте же теперь, просить позволенія леди Гленморъ.

Танкредъ стрѣлой вылетѣлъ изъ кабинета и, не помня что дѣлаетъ, побѣжалъ къ леди Гленморъ съ обнаженною шпагой. Покровитель его смотрѣлъ ему вслѣдъ съ улыбкой, подъ которою исчезли послѣдніе слѣды предшествовавшей досады. Онъ любилъ Танкрета какъ сына, а между-тѣмъ не разъ желалъ его смерти....

— Отчего же такъ? вскричалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: какъ можно согласить такія противорѣчія?

— А вотъ увидите, отвѣчалъ кавалеръ де-Профуидисъ.

Хотя лордъ Гленморъ былъ богатъ, однако, шесть лѣтъ назадъ, у него не ставало столько, сколько было нужно для роли, которую онъ хотѣлъ разыгрывать въ Лондонѣ возвращаясь изъ лѣтнихъ морскихъ походовъ. У него было всего пять сотъ тысячъ франковъ доходу. Поэтому, проведя зиму въ столицѣ, въ горниль игры, баловъ, празднествъ и щегольства, онъ принужденъ былъ на лѣто уходить въ море, «чинить корабль», какъ онъ говорилъ.

При этомъ родѣ жизни онъ, подобно многимъ другимъ молодымъ баричамъ, легко могъ современемъ ошибкою принять капиталъ за доходъ и разориться въ-конецъ. Онъ былъ уже на пути къ этому крушенію, когда познакомился съ однимъ богатымъ шотландскимъ герцогомъ и подружился такъ, что скоро у нихъ не было ни горя ни удовольствія, которое бы не было раздѣлено. Осталось только одно различіе богатства: шотландскій герцогъ имѣлъ осемь милліоновъ доходу. Гленморъ въ сравненіи съ нимъ былъ почти нищій. Но это неравенство состояній не мѣшало ихъ дружбѣ: оно было тягостно для обоихъ только въ томъ отношеніи, что многіе планы для удовольствій оставались неисполненными, потому что оба не

могли принимать въ нихъ равнаго участія. Между-тѣмъ, герцогъ не смѣлъ предложить, а Гленморъ ни за что не захотѣлъ бы прибѣгнуть къ пособию кошелька своего богатаго друга. Но случай помогъ имъ и уравниалъ хотя нѣсколько ихъ средства. Однажды герцогъ, у себя въ замкѣ, сказалъ лорду Гленмору, что собирается жениться, не по своему желанію, а по понужденіямъ отца. Будучи старшимъ сыномъ,—онъ былъ десятью годами старше Гленмора,—ему нужно было позаботиться о продолженіи своего рода. Невѣста и свадьба, все уже было назначено. Поэтому самому поводу герцогъ сталъ просить друга, чтобы оказалъ ему услугу, очень важную, такую, какую только искренній другъ можетъ оказать. Лордъ Гленморъ былъ готовъ на все и, при существовавшей уже между ними откровенности, имъ не трудно было объясниться.

У герцога отъ любви одной хорошенькой дѣвушки въ Бервикѣ былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти, который оставался все время при матери, но мать умерла и герцогъ не зналъ, что дѣлать съ сыномъ: онъ становился ему въ тягость, особенно наканунѣ вступленія въ бракъ съ одною изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ наслѣдницъ въ Англіи. Герцогъ откровенно сознавался, что никогда не видалъ этого дитя, никогда не хотѣлъ видѣть и поэтому не любилъ. Опасаясь, чтобы мальчикъ этотъ, узнавъ о своемъ происхожденіи, современемъ не надѣлалъ ему большихъ хлопотъ и неудовольствій, герцогъ намѣревался пустить его въ свѣтъ по самой опасной дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ или погибъ, что казалось очень вѣроятнымъ, или самъ собою составилъ себѣ и имя и состояніе. Значитъ, онъ желалъ отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ: онъ назначилъ его въ морскую службу съ низшихъ степеней, безъ всякаго предварительнаго образованія и помощи, для того чтобы не возбудить никакихъ догадокъ насчетъ покровителей. Между-тѣмъ покровитель или исполнитель плана былъ нуженъ и герцогъ избралъ лорда Гленмора. Ему онъ предлагалъ желѣзное опекунство, за которое назначалъ опекуну пятьсотъ тысячъ пожизненнаго дохода въ личную его пользу. Дѣлая это, герцогъ не видѣлъ ничего предосудительнаго: онъ только хо-

гдѣ чуждаго обонимъ мальчика подвергнуть неизвѣстнымъ опасностямъ, какимъ ежедневно подвергаются тысячи другихъ, а Гленморъ понималъ затрудненія своего друга и не видѣлъ никакой жестокости въ томъ, что мальчикъ будетъ служить во флотѣ, гдѣ самъ онъ служитъ. Онъ хотѣлъ услужить другу, а можетъ-быть думалъ и объ удвоеніи своихъ доходовъ. Предложеніе было принято и герцогъ сжимая Гленмора въ своихъ объятіяхъ, называлъ его своимъ братомъ, своимъ избавителемъ и благодѣтелемъ.

Черезъ нѣсколько дней, десятилѣтняго Танкреда посадили на корабль, въ качествѣ юнги, и отправили къ Зондскимъ Островамъ, за четыре тысячи миль отъ Европы. Черезъ два года онъ воротился, дюжій и выбронзировавшій, какъ настоящій плаймоутскій матросъ. Тогда ему было двѣнадцать лѣтъ. Четырнадцать лѣтъ онъ опять отправился на жемчужную ловлю въ Бенгальскій Заливъ, гдѣ подвергался пулямъ Маратовъ и холерѣ. Шестнадцать лѣтъ онъ воротился домой еще дюжѣе и здоровѣе перваго разу. Предположенія герцога не сбывались. Третій походъ былъ однако жъ опаснѣе. Шквалъ между Асорскими Островами сбросилъ Танкреда съ борту. Его уже считали погибшимъ, но въ ту же минуту огромная волна опять выбросила его на палубу, разбитаго, оглушеннаго, безчувственнаго, однако живаго. Чтобы дать ему оправиться отъ слѣдствій этого приключенія, лордъ Гленморъ взялъ его съ собою во Францію.

Доселѣ лордъ Гленморъ вѣрно исполнялъ намѣренія своего друга, но съ каждымъ возвращеніемъ Танкреда, съ каждою побѣдою надъ новыми опасностями, онъ привязывался къ нему болѣе и болѣе. Онъ уже сталъ считать его какъ-бы завѣтнымъ, неприкосновеннымъ для смерти и потому, посылая въ продолжительную и опасную экспедицію съ капитаномъ Гоггомъ, только испытывалъ судьбу, чтобы убѣдиться въ истинѣ своего вѣрованія.

Отчего Танкредъ поблѣднѣлъ при извѣщеніи объ этомъ путешествіи, мы знаемъ: онъ любилъ леди Гленморъ со всею поэтическою преданностью шестнадцатилѣтняго юноши, онъ любилъ ее, хотя самъ себѣ не умѣлъ отдать отчета въ этомъ. Въ любви къ ней онъ сосредоточивалъ все

тѣ чувства, которыхъ былъ лишень при самомъ рожденіи: словомъ онъ любилъ беззавѣтно, съ преданностію первой пылкой молодости.

— Миледи! миледи!

— Что съ вами, Танкредъ?

— Я....

У Танкреда занялся духъ, такъ стремительно онъ бѣжалъ.

— Боже мой! что значить эта шпага? Вы хотите убить меня, что ли?

— Ахъ!.... извините, миледи, я забылъ оставить эту шпагу въ кабинетъ.... Извините мою разсѣянность...

— Отчего же вы такъ разсѣянны и почему бѣжите ко мнѣ съ такимъ крикомъ?

— Сейчасъ, миледи.... потому что....

— Несчастіе какое-нибудь?

— О!.... нѣтъ.

— Что жъ такое? Говорите.

— Вы знаете, что лошади ваши очень горячи и что я умѣю править....

— Только довольно плохо. Что жъ изъ этого?

— Долго ли до бѣды.... Я былъ бы счастливъ, если бы съ вами случилась бѣда.....

— Вы съума сошли!

— То есть, бѣда, несчастіе, которое я могъ бы предвидѣть или устранить.

— Наконецъ, что же это значить? Вы говорите о лошадяхъ, о несчастіи....

— Судно, яхта, лодка еще легче могутъ опрокинуться или разбиться, если будутъ дурно управляемы.

— Не спорю. Но какая же надобность до этого....

— Какъ какая надобность? А если вы будете кататься на яхтѣ по озеру?.... Не будьте увѣрены, что яхта не опрокинется и не потонетъ куда я буду на рулѣ.

— Я не понимаю васъ, Танкредъ, и вы серьезно начинаете безпокоить меня насчетъ состоянія вашего разсудка.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что милордъ поручилъ мнѣ убить всякаго, кто осмѣлится явиться сюда.....

— Убить!.... Ахъ, Боже мой! вы въ самомъ дѣлѣ съ ума сошли!

— То есть, въ такомъ случаѣ, если кто-нибудь осмѣлился не соблюсти передъ вами правилъ строжайшаго приличія и должнаго къ вамъ уваженія. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился!

— Да что съ вами, Танкредъ?... вѣдь это ужасъ!...

— Ахъ, Боже мой! что жъ такое?.... Тогда я могъ бы по-крайней-мѣрѣ доказать вамъ мою преданность.

— Танкредъ; сдѣлайте одолженіе, выпейте этотъ стаканъ воды съ мороженымъ: это немножко освѣжить вашу голову. Потомъ скажите мнѣ ясно, просто, по какому поводу вы пришли наказать мнѣ всѣхъ этихъ милыхъ вещей?

Проглотивъ залпомъ стаканъ воды, Танкредъ топнулъ, ударилъ себя ладонью по лбу и вскричалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, миледи, я, кажется, немножко помѣшался. Я сказалъ вамъ все, кромѣ главнаго.

— Кажется. Въ чемъ же заключается это главное? говорите, да только не торопитесь.

— Милордъ нынче ночью ѣдетъ въ Лондонъ и пробудетъ тамъ нѣсколько недѣль. На это время милордъ назначаетъ меня вашимъ кавалеромъ, вашимъ защитникомъ, миледи... если только это будетъ угодно вамъ.... если вы позволите мнѣ остаться при васъ.

Нѣсколько секундъ Танкредъ съ тайнымъ страхомъ ждалъ отвѣту.

— Оставайтесь, если это угодно милорду, сказала наконецъ леди Гленморъ: я противиться не стану.

— О! благодарю васъ, миледи! благодарю! вскричалъ Танкредъ въ восторгѣ.

Онъ отъискивалъ средства выразить свою радость поощрительнѣе и наконецъ бросился на болонку, которая лежала у ногъ Флавіи, схватилъ ее и началъ цѣловать. Собаченка, испугавшись съ просонья, стала огрызаться и укусила восторженному руку до крови.

— Съумасшедшій!... вѣдь она могла укусить васъ въ лицо? вскричала леди Гленморъ и поспѣшно обернула укушенную руку своимъ батистовымъ платкомъ: скоро ли вы

перестанете такъ шалить? Вамъ пора ужъ, кажется, выйти изъ дѣтей.

Танкредъ былъ слишкомъ счастливъ, нато чтобы отвѣчать.

Когда крошечныя раны были достаточно хорошо перевязаны, леди Гленморъ приказала Танкреду позвонить, потому что была пора готовиться принимать гостей. Потомъ Танкредъ побѣжалъ къ лорду Гленмору, увѣдомить о согласіи его супруги.

— Послушайте! шепнулъ вдругъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ кавалеру де-Профундису: кажется, какъ-будто кто заступомъ роетъ землю.

— Да, и мнѣ тоже кажется....

— Что жъ это такое?.... Молчите....

— Въ той сторонѣ....

— Да.... именно.

— Это, кажется, по-близости могилы мамзель Клеронъ. Пойдемте, посмотримъ.... только осторожнѣе, чтобы насъ не примѣтили. Видите, какъ луна ярко свѣтитъ. Пойдемте вотъ этою аллеей. Тутъ, въ тѣни, насъ не видно будетъ.

Они пошли.

— Кстати, храбры вы, маркизъ? спросилъ вдругъ кавалеръ де-Профундись прошедши нѣсколько шаговъ молча.

— Что это за вопросъ?....

— Не обижайтесь, маркизъ. Я не сомнѣваюсь, что вы можете очень хладнокровно стрѣляться, драться на сабляхъ и подвергаться всякой тому подобной опасности. Но можете ли вы съ тѣмъ же хладнокровіемъ проникнуть во всѣ таинства смерти?.... Это не такіе ужасы, съ какими можно встрѣтиться при солнечномъ свѣтѣ.

— До-сихъ-поръ я полагаю, что только дѣти могутъ бояться привидѣній...

— Не смѣйтесь надъ дѣтьми, маркизъ: они гораздо ближе насъ къ истинѣ. Когда имъ страшно, то они знаютъ причину своего страха, тогда какъ мы очень рѣдко знаемъ причину своего мужества. Но ... тише... вотъ мы близко. Остановимся здѣсь.

— Мраморная плита снята съ могилы?

— По-тише.... вотъ кто-то поднялъ голову, чтобы по-смотреть не видятъ ли его.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Воруетъ, быть-можетъ.

— Вы думаете?

— Здѣсь очень часто воруютъ, несмотря на строгій надзоръ.

— Но что же они воруютъ?

— А вотъ увидимъ. Нужно стать еще по-ближе. Прополземте промежъ этихъ двухъ могилъ, такъ мы будемъ имѣть вора прямо подъ глазами.

Они подползли и встали за однимъ высокимъ памятникомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, такъ, что могли видѣть все, что дѣлалось въ разрытой могилѣ. Какой-то человѣкъ, приподнявъ одною рукой голову покойника, другою сился отворить ему ротъ. Онъ утомлялся надъ этою святотатственною работою и, по-видимому, никакъ не могъ достигнуть своей цѣли. Онъ потѣлъ, пыхтѣлъ, напригаль всѣ силы, все напрасно: челюсти, сомкнутыя смертью, не растворялись.

— Что же онъ дѣлаетъ? чего онъ хочетъ? шопотомъ спросилъ маркизь.

— Не знаю еще.... Но тише! Видите, онъ опять приподнялъ голову. Вѣрно, слышалъ наши голоса.

Человѣкъ въ самомъ дѣлѣ выглянулъ изъ могилы, прислушался и опять принялся за работу.

— Я знаю этого человѣка, сказалъ кавалеръ де-Профундись на-ухо маркизу: это бывший кучеръ одной старой графини.....

— Вы и ее знаете?

— Это ея могила. Человѣка, который старается около нея, зовутъ Лобѣ.... Посмотрите; видите вы... во рту у покойницы что-то блеститъ?

— Вижу.... какъ-будто металлъ..... золото.....

— Да, золото. У бѣдной графини оба ряда зубовъ были вставные, на золотѣ. Ее такъ и похоронили, съ зубами. Вотъ кучеру и задумалось вынуть ихъ.

— Какая мерзость!....

— Ст! тише!...

Вдругъ изъ могилы раздался крикъ, пронзительный, ужасный, такой, что маркизъ и кавалеръ вдрогнувъ, столкнулись. Наклонясь ближе они увидѣли странное зрѣлище: челюсти покойницы раскрылись отъ усилій грабителя, вдругъ опять замкнулись и защемили святотатственную руку. Ужась такъ поразила негодяя, что у него не стало силъ вырвать руку. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; зубы его стучали; волосы поднялись дыбомъ.

— Это, вѣроятно, пружина затворилась, сказалъ кавалеръ де-Профундись: попался, молодецъ.

— Какой ужасный случай! вскричалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: и вы знаете этого человѣка, говорите вы?

— Да. Его госпожа, которую онъ намѣренъ былъ обокрасть въ могилѣ, умерла три мѣсяца тому назадъ. Я встрѣчалъ ее у леди Гленморъ. Объ ней еще будетъ рѣчь въ исторіи, которую я вамъ рассказываю.... Но пора избавить этого несчастнаго отъ ужаснаго состоянія, въ которомъ онъ находится....

— Вы хотите показаться?

— Нѣтъ, достаточно будетъ подать голосъ. Ему теперь можетъ помочь только новый испугъ. Я прикиркну на него.

Предваривъ такимъ образомъ маркиза, кавалеръ де-Профундись принялся громко кричать и голосъ его громомъ прокатился по пустынному кладбищу:

— Лобѣ! Лобѣ живѣй погоняй! Геи! геи! Лобѣ! держи правѣ!... *Padu! padu!*... Геи! геи!

Кавалеръ де-Профундись рассчиталъ вѣрно: Лобѣ, пораженный новымъ ужасомъ, избавился отъ перваго, вырвалъ руку изъ защементированныхъ челюстей трупа, выскочилъ изъ могилы и стремяглавъ пустился бѣжать поперекъ могилъ какъ безумный. Черезъ минуту маркизъ и его товарищъ видѣли, какъ онъ влѣзъ на каменную ограду. Потомъ раздался глухой шумъ паденія. Лобѣ упалъ въ вѣчную грязь улицы, которая проходила подъ стѣною, и, вѣроятно, направилъ бѣгъ къ предмѣстіямъ.

— Признаюсь! сказалъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ: я не воображалъ быть здѣсь свидѣтелемъ такого промшества.

— Это у насъ—бездѣлица! возразилъ кавалеръ де-Про-

Фундись: это ничего; вы сами увидите, когда ближе познакомитесь съ этими мѣстами. Будьте увѣрены, что здѣсь гораздо больше таинственнаго, и, по-вашему, необыкновеннаго чѣмъ въ писаніяхъ вашихъ поэтовъ и романистовъ. Вотъ, напримѣръ, прислушайтесь.... слышите вы звонъ?

— Слышу уже нѣсколько минутъ.... какъ-будто вдали медленно звенитъ малевкій колокольчикъ.

— Вслушайтесь хорошенько.

— Слышу. Что же это такое?

— Это звонокъ поставленный на могилѣ маіора Моргена.

— На что же, съ какою цѣлью онъ поставленъ на могилѣ? Развѣ мертвымъ надо призывать кого-нибудь?

— Иногда бываетъ нужно, съ важностью отвѣчалъ кавалеръ де-Профундись.

— Иногда, вы говорите, иногда!... Право, если бы я не зналъ какъ здоровъ вашъ умъ.... Но вы обѣщали мнѣ объяснить ваше замѣчаніе насчетъ выигрыша у маіора Моргена.

— И исполню. Подождите. Вашъ огромный выигрышъ у маіора Моргена, Дымка и звонокъ, который мы слышимъ теперь, тѣсно связаны между собою и съ исторіею леди Гленморъ.

— Такъ продолжайте же. Я васъ слушаю.

И кавалеръ де-Профундись продолжалъ:

Причина неудовольствія и безнокойства лорда Гленмора при произнесеніи имени графа Мѣддока такъ важна, что объ ней нельзя умолчать. Эти молодые люди встрѣтились въ жизни по одному весьма странному случаю. Въ самую блестящую минуту ихъ успѣховъ въ свѣтѣ, когда она она были предметами общаго вниманія, когда оставалось только рѣшить, которому изъ двухъ отдать палму первенства, на горизонтѣ высшаго и изящнѣйшаго ихъ кругу явилась необыкновенная красавица, графиня Флавія Уисби, новая фрейлина королевы. Появленіе ея произвело въ высшемъ англійскомъ обществѣ такой восторгъ удивленія, который заслуживалъ быть внесеннымъ въ современныя лѣтописи,

какъ необычайное происшествіе. Но прекрасная графиня очень рѣдко бывала въ гостиныхъ. Въ первый разъ она появилась подлѣ королевы во время праздника въ вестминстерскомъ аббатствѣ. Одинъ искусный художникъ, написалъ тогда картину, изображавшую этотъ праздникъ и вскорѣ лицо графини Уисби сдѣлалось знаменитымъ въ Англии: на слѣдующей же выставкѣ художественныхъ произведеній посѣтители нашли множество копій съ картины и еще больше портретовъ графини, взятыхъ оттуда же, такъ, что портретъ Флавіи Уисби сталъ столько же знакомъ всѣмъ, какъ сама она была незнакома. Эта скрытность съ одной и знаменитость съ другой стороны, въ высокой степени возбудили интересъ въ Обществѣ Опасныхъ. Но могуществу всеобѣждающихъ героевъ грозило паденіе у ногъ этой красавицы. Какъ было увлечь и очаровать ее, когда къ ней невозможно подойти? Какъ было понравиться ей, когда не оказывалось средствъ развить передъ нею свою любезность и таланты? Особенно двоимъ изъ членовъ этого клуба было очень обидно, что они не могли выказать себя при этомъ особенно важномъ случаѣ. Лордъ Гленморъ и графъ Мѣддокъ были одинаково сильно поражены красотою графини Уисби, однако оба показывали видъ совершеннаго равнодушія. Будучи гениями въ своемъ родѣ, они понимали всю опасность безуспѣшной попытки и предоставили другимъ покушенія, которыхъ неминуемымъ слѣдствіемъ должно было быть посмѣяніе. Они доводили стоицизмъ свой дотога, что даже между собою никогда не говорили о графинѣ Уисби, хотя были такъ дружны, какъ только могутъ быть соперники, которые имѣютъ въ виду одну цѣль. Встрѣчаясь они разговаривали объ охотѣ, о лошадяхъ, объ обѣдахъ и концертахъ, но никогда о томъ, чѣмъ была полна душа. Они взаимно старались обмануть другъ друга, но ни тотъ ни другой не вдавался въ обманъ. Однажды, лордъ Гленморъ, встрѣтивъ графа Мѣддока въ клубѣ, сказалъ съ превосходнымъ равнодушіемъ:

— Я не могу долѣе жить въ Лондонѣ: скука убиваетъ. Хочу, черезъ недѣлю, ѣхать въ Италію.

— Странно! отвѣчалъ Мѣддокъ: я только хотѣлъ вамъ

сказать, что отравляюсь на будущей недѣлѣ во Францію, оттого что боюсь нажать спяницъ.

Черезъ двѣ недѣли оба еще были при дворѣ, на большомъ выходѣ у королевы, и изъ-дали любовались на графиню Уисби.

Въ это время случалось въ Лондонѣ очень странное по своимъ обстоятельствамъ происшествіе, которое имѣло большое вліяніе на соперниковъ.

Наступило время французскихъ спектаклей. Нѣсколько извѣстныхъ артистовъ уже дебютировали передъ избранною публикою, которая аплодировала имъ болѣе по принятому обычаю нежели по строгой справедливости эстетическаго суда. Но театральнѣй годъ еще не отличался ничѣмъ особеннымъ противъ предшествовавшихъ. Вдругъ въ «Ученыхъ Женщинахъ», въ роли Генриетты, явилась актриса, которая приняла на афишѣ имя мамзель Сень-Грасиенъ. Она произвела необычайный эффектъ, особенно на первыя ложи у авансцены, гдѣ засѣдали Опасные, но не дикцією своею, не игрою, а поразительнымъ сходствомъ съ графиней Уисби: тѣ же черты лица, тотъ же ростъ, тѣ же волосы, тѣ же глаза вводили въ совершенное заблужденіе. Только голосъ оставался еще подъ сомнѣніемъ и то потому только, что очень немногіе имѣли случай слышать голосъ графини Уисби. Мамзель Сень-Грасиенъ осыпала рукоплесканіями и цвѣтами. Восторгъ былъ чудовищный. Нѣсколько дней только и рѣчей было, что объ этомъ удивительномъ сходствѣ. Впрочемъ мамзель Грасиенъ была актриса какъ и всѣ, или по крайней-мѣрѣ какъ большая часть красавицъ-актрисъ. Она могла жить въ великолѣпной квартирѣ, ѣздить въ блестящемъ экипажѣ, имѣть грума и повара и жить весело безъ заботъ о доходахъ. Въ Парижѣ, который всѣмъ и всему даетъ прозванія, мамзель Сень-Грасиенъ прозвали «Дымкой», хотя достоверно не извѣстно, за что именно: за воздушную ли талию и удивительно легкую походку или за то что она очень любила одѣваться въ тонкія, прозрачныя, эфирныя ткани. Какъ бы то ни было, прозваніе всѣми было принято, следовательно, оно соответствовало предмету.

Воротившись въ свою квартиру въ отелѣ, гдѣ остановилась, Дымка нашла двѣ записочки на раздушенныхъ бумажкахъ съ гербами и девизами. Въ одной лордъ Гленморъ просилъ позволенія лично засвидѣтельствовать даровитой красавицѣ свое удивленіе, въ другой графъ Мэддокъ искалъ той же милости.

— Котораго же принять? спросила себя Дымка.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, она позвонила трактирной служанкѣ.

— Знаешь ты это нмѣ?

— О! миледи..... отвѣчала служанка съ интонаціею, въ которой выражалась вся глубина уваженія англійской служанки къ богатству и знатности.

— А это?

— О! миледи..... опять отвѣчала служанка нѣсколько не перемѣнивъ голосу.

Этихъ двухъ «О!» для Дымки было совершенно достаточно: на нихъ она основала свое мнѣніе о явившихся кандидатахъ въ поклонники.

Когда трактирная служанка ушла, Дымка призвала своихъ людей, повара, горничную и грума, которыхъ привезла съ собою изъ Парижа.

— У меня будутъ гости, сказала она съ важностью: нужно показать домъ мой въ выгодномъ свѣтѣ..... Вы понимаете меня? Нужно привлечь, очаровать, ослѣпить островитянъ. Я полагаюсь на ваше усердное содѣйствіе..... Эвридика, продолжала она обращаясь къ горничной, которая провожала ее въ театръ, одѣвала, украшала и убирала голову: ты должна.....

— Ты сама, матушка должна мнѣ за три мѣсяца, отвѣчала горничная.

— Что жъ? Изъ этого еще не слѣдуетъ, что тебѣ приходится говорить мнѣ *ты*.

— Ты должна мнѣ за три мѣсяца или, если тебѣ такъ лучше нравится, вы мнѣ должны за три мѣсяца жалованья.

— Я дамъ тебѣ, прибавлю, я дамъ шестьдесятъ франковъ въ мѣсяць.

— Да! на словахъ! А когда я увижу деньги?

— Отдамъ: погоди.

— Сегодня погоди, да завтра погоди.....

— Погоди, когда она мнѣ заплатитъ за шесть мѣсяцевъ, перебилъ поваръ.

— Не бойся, старый медвѣдь: отдамъ, когда получу сама.

— Незачто, кажется называть дядю старымъ медвѣдемъ.

— Какъ же его называть, когда онъ ворчитъ?

— Надо заплатить, чтобы не ворчалъ.

— Потерпи, потерпи, дялюшка. Сочтемся.

— Да, хорошо! Небойсь, навляла бы чужаго повара, не заставила бы такъ долго терпѣть.....

— Да, попробуй-ка нанять чужаго грума! увидишь...

— И ты? тоже, чертѣшокъ, вздумалъ разговаривать? вскричала Дымка, наградивъ брата-грума такую оплеуху, что тотъ три раза перевернулся: вотъ тебѣ! Давно ли я одѣла тебя нарядила, какъ куклу?

— Конечно, давно!.... Пунцовые бархатные штаны ужъ рвутся, трещать на колѣнкахъ.

— Лжешь!

— Посмотри сама..... видишь.

— Лжешь!

Еще оплеуха.

— Полно же! что ты, въ самомъ дѣлѣ? Хочешь убить всю свою семью, что ли? вскричалъ отецъ-поваръ.

— Моя семья до-смерти надоѣдаетъ мнѣ, хотя безъ меня она умерла бы съ-голоду. Вы забыли, милый дялюшка, что вы съ четырехъ часовъ утра разносили газеты и афиши по улицамъ Парижа? а ты, Эвридика, чинила старые башмаки? а ты, Феликсъ, торговалъ на перекресткахъ спичками?.... Вы забыли, что я вытащила васъ изъ грязи?....

— И сдѣлала поваромъ!....

— И горничною!....

— И лакеемъ!....

— Что жъ? если вамъ это не нравится, въ вашей волѣ сейчасъ же воротиться въ блаженное ваше состояніе. Начнемъ считаться.

— Начнемъ.

— Миѣ слѣдуетъ шесть сотъ франковъ, сказалъ отецъ Трабукъ.

— Миѣ сто двадцать франковъ, прибавилъ Феликсъ.

— Миѣ полтора ста, прибавила Эвридика.

— И изъ-за дрянныхъ осьми сотъ семидесяти франковъ вы отказываетесь отъ состоянія, которое можете нажить, неблагодарные?... Но вы хотите..... Быть по-вашему.

Дымка пошла къ бюро.

— Вы рѣшительно не хотите дождаться двухъ миллордовъ? спросила она обернувшись какъ-бы въ послѣдній разъ.

— Англичанъ? вскричали всѣ родные слуги разомъ.

— Развѣ я приняла бы ихъ, если бы они были не Англичане?... Но вы хотите уйти отъ меня. Ступайте: я васъ не держу насильно....

— Когда эти толстые Англичане пріѣдутъ?

— Завтра вечеромъ. Оставайтесь, такъ увидите. Я не сержусь за вашъ отказъ.

— Этакая добрая душа! вскричалъ Трабукъ: точь-въ-точь покойница мать!

— Я вамъ выглажу тюлевое платье, сказала въ то же время Эвридика.

— А я такъ ничего не сдѣлаю, я не встану на запятки, куда не получу все, что слѣдуетъ:

— Ты забылъ уваженіе къ старшей сестрѣ, Феликсъ! строго замѣтилъ Трабукъ.

— Посоли ты свое уваженіе въ прокъ, если хочешь!... Стану я уважать....

— Ахъ, ты каналья!...

И старикъ Трабукъ далъ груму пинка по пунцовымъ бархатнымъ штанамъ.

— Вотъ! доканчиваетъ бархатные штаны!... Ну, что миѣ за дѣло... пусты!

— Вотъ тебѣ другіе, сказала Дымка бросивъ ему на голову черную бархатную юбку.

— Вотъ спасибо, сестрица! Это слишкомъ хорошо на штаны. Я лучше продамъ. Пунцовые штаны еще хороши.

— Каковъ чертенокъ? вскричала Дымка: того и смо-

трить, какъ бы сорвать что-нибудь. Ну, теперь согласились, что ли? продолжала она обращаясь къ отцу и сестрѣ.

— Совершенно согласились, отвѣчали родные слуги и посиѣшили къ своимъ должностямъ.

Судите сами, рады ли были лордъ Гленморъ и графъ Мѣддокъ исправить хоть часть тайной неудачи у графини Уисби побѣдою надъ мамзель Сенъ-Грасиѣнъ. Дымка была, правда, не Флавія Уисби, однако жъ она была самый очаровательный ея портретъ. Притомъ опасные изъ Опасныхъ предвидѣли, что Дымка скоро будетъ въ большой модѣ и потому спѣшили занять первыя мѣста. Они оба чувствовали и знали, что будутъ тутъ точно такъ же соперниками, какъ и у графини Уисби, и оба рѣшились бороться до конца.

На другой вечеръ, послѣ спектакля, лордъ Гленморъ явился къ Дымкѣ, пославъ напередъ лучшіе цвѣты, какіе возможно было найти въ теплицахъ Лондона. Войдя въ гостиную онъ имѣлъ удовольствіе видѣть свой подарокъ на каминѣ, въ консоляхъ и въ богатыхъ японскихъ вазахъ.

Гостя приняли съ естественною и легкою, истинно французскою пріятностію, которая такъ искусно избавляетъ отъ пытки первыхъ объясненій. Черезъ нѣсколько минутъ Дымка замѣтила, что лордъ Гленморъ со вниманіемъ смотритъ на японскія вазы.

— Какъ вы находите эти цвѣты? спросила она.

— Въ нихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, по времени, отвѣчалъ лордъ.

— Они великолѣпны, милордъ. У насъ, во Франціи, теперь такихъ не достанешь. Вы, Англичане, удивительный народъ: чего и вѣтъ, такъ у васъ найдется: изъ коксу и угольевъ у васъ дѣлается все на свѣтѣ, даже цвѣты и ананасы.

— Да; только хорошенькихъ женщинъ мы выписываемъ изъ Парижа.

— Милордъ, вы разсѣяны, кажется....: судя по вашему отвѣту.

— Я разсѣянъ?... когда я говорю правду?

— Этм вазы, кажется, очень занимаютъ васъ.

— Я разсматриваю ихъ форму.... немножко обветшавшая.... давшишней моды.

— Неужели онѣ вамъ не нравятся? спросила Дымка съ трудомъ снявъ одну вазу съ каминна и подавая лорду Гленмору.

— Я еще не видывалъ такнхъ безвкусныхъ, отвѣчалъ онѣ взявъ и осматривая се съ пренебреженіемъ.

— Но посмотрите только на эти рисунки, на краски, на золото....

— Во-первыхъ, эти вазы — не настоящія японскія, а этого для знатока уже достаточно.

— Будьте снисходительны, милордъ! Это подарокъ. Я сейчасъ только получила.

— Отъ Мѣддока, подумалъ Гленморъ. Возможно ли? продолжалъ онѣ: но, чтобы подарить такую вещь, надобно не бывать никогда въ залахъ Уортона, которыя богаты саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, ни даже въ магазинѣ Больдена. Какой выборъ! Какъ можно купить и подарить такую безвкусную вещь!

И говоря это лордъ Гленморъ уронилъ великолѣпную японскую вазу на коверъ. Она разбилась на двадцать черепковъ.

— Чудовище! вскричала Дымка отпустивъ милорду пощечину, вовсе не дымчатую.

— Мерси! сказалъ лордъ: завтра я надѣюсь показать, каковы должны быть вазы, достойныя поднесенія вамъ.

— Тѣмъ не менѣе вы чудовище, возразила Дымка и позвонила.

— Убери эти черепки, сказала она горничной: и вынеси всѣ цѣфты. Все убери, и эту вазу тоже.

— Понимаю, подумалъ Гленморъ: Мѣддокъ скоро будетъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь, есть у васъ какое-нибудь рѣшело? спросила петомъ Дымка.

— Я морякъ, капитанъ фрегата, мизеди.

— А я думала, что вы торгуете фарфоромъ и разбиваете мои вазы, затѣмъ чтобы замѣнить ихъ своими.

Въ передней сильно задрожалъ звонокъ. Вошелъ грумъ и доложилъ:

— Графъ Мэддокъ.

— Проси, сказала Дымка.

Лордъ Гленморъ всталъ, чтобы привѣтствовать своего соперника. Столовые часы пробили одиннадцать.

Соперники очень хорошо знали, что встрѣтятся, однако жъ изъявили свое удивленіе и въ-особенности неожиданное удовольствіе. Когда необходимыя привѣтственные фразы были размѣнены какъ слѣдуетъ, графъ Мэддокъ съ медлительностью, совершенно противоположно пылкой торопливости лорда Гленмора, насказалъ Дымкѣ милыхъ вещей о ея нарядѣ.

Нарядъ актрисы въ самомъ дѣлѣ былъ прелестенъ. Главную роль въ немъ играла нѣжная ткань, отъ которой она сама получила прозваніе. Она утопала въ волнахъ и складкахъ тонкой бѣлой кисеи какъ роза во мху. И изъ этого нѣжнаго, мягкаго гнѣзда рѣзко выглядывали только черные огненные глаза. Она походила на древнюю Наяду, которая, выкупавшись въ ручьѣ, всходила по легкимъ облакамъ: она напоминала самыя эфирныя созданія мифологіи. Это была камеллія вдругъ, волшебствомъ, превращенная въ женщину.

— Милорды и господа, сказала Дымка, благодарю васъ за вниманіе. Я не безъ намѣренія принимаю васъ въ этомъ бѣлоснѣжномъ костюмѣ.

— Съ какимъ же намѣреніемъ? Вы хотѣли показаться сегодня прелестнѣе чѣмъ были вчера? Но это невозможно! Вы съ каждымъ часомъ становитесь прекраснѣе, правда, но всё-таки никогда не измѣняетесь.

— Предупреждаю васъ, миледи, сказалъ лордъ Гленморъ: что графъ Мэддокъ бываетъ иногда туманенъ въ своихъ комплиментахъ.

— О! не беспокойтесь, милордъ: я очень хорошо поняла. Во Франціи всегда понимаютъ комплиментъ. Такъ, сказать вамъ, зачѣмъ я нарядилась бѣлою горлицей?... Я хочу испытать надъ вами дѣйствіе, какое произведетъ послѣ завтра въ «Валеріи».

— Вы будете удивительны, восхитительны! вскричалъ лордъ Гленморъ.

— Вы будете имѣть успѣхъ, такой же какъ вчера въ «Ученыхъ Женщинахъ», прибавилъ графъ Мэддокъ.

— Вы избалуете меня, милорды.

— Мнѣ пришла странная мысль, продолжалъ Мэддокъ: послѣ завтра у васъ будетъ великолѣпная публика....

— Всѣ билеты уже взяты, перебилъ Гленморъ.

— Всѣ билеты взяты?... Исключая мовхъ, я надѣюсь? возразилъ Мэддокъ.

— Вы ошибочно надѣтесь, графъ, потому что на послѣ-завтра уже нѣтъ ни одного билета. Я зналъ, что несравнен-ная Сенъ-Грасиенъ будетъ играть Валерію, и сегодня ут-ромъ взялъ изъ кассы всѣ билеты до одного.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, сказалъ Мэддокъ ста-раясь скрыть свою досаду: я попрошу васъ уступить мнѣ два билета.... Это удовольствіе.... эту услугу....

— Пожалуй, я уступлю вамъ два билета и, конечно, считаю это услугой.

Гленморъ съ гордостью вынулъ два билета и отдалъ Мэддоку, который тщательно положилъ ихъ въ бумаж-никъ.

— Какая же это странная мысль вамъ пришла? спроси-ла Дымка: вы говорите, что у меня будетъ великолѣп-ная публика....

— Вся знать, лорды и перы, все богатое купечество и мѣщанство и народъ ... двѣ тысячи человекъ будутъ съ нетерпѣніемъ ожидать минуты, чтобы привѣтствовать васъ рукоплесканіями....

— Доселѣ я не вижу ничего страннаго въ вашей мысли, графъ, замѣтилъ Гленморъ.

— Капитанъ! вы стрѣляете прежде объявленія войны. Это — чистое корсарство. Погодите немножко.

— Подождите, прибавила Дымка: продолжайте, графъ.

— Вы между-тѣмъ будете находиться за кулисами и ска-жете: какое счастье быть тѣмъ, что я! Я молода, я пре-красна, я знаменита, я окружена поклонниками; черезъ минуту я выступлю на сцену и меня осыплютъ рукопле-сканіями и цвѣтами. Какое владычество красоты и талан-

те!... И въ эту самую минуту, человекъ, котораго вы любите....

— Графъ, это предположеніе....

— Что жъ въ этомъ необыкновеннаго, милордъ? Развѣ мнѣди не можетъ любить?

— Безъ-сомнѣнія, можетъ! вскричала Дымка: этому бывали примѣры.

— Видите, что мнѣди сама соглашается! сказалъ Мэддокъ съ важностью, которая подавила Гленмора.

— Когда такъ, возразилъ онъ, то не будетъ, я думаю, нескромно и спросить, кого мнѣди любить?

— Если бы не было здѣсь графа Мэддока, я сказала бы вамъ, кого я люблю.... Но продолжайте, графъ.

Никогда отвѣтъ сивиллы не бывалъ двусмысленнѣе этого. Кому тутъ доставалось больше надежды, Гленмору или Мэддоку?

— И такъ, продолжалъ Мэддокъ: въ самую торжественную минуту, передъ выходомъ на сцену, человекъ, котораго вы любите, прійдетъ и скажетъ: «Сударыня, если вы любите, меня, такъ представьте мнѣ доказательство поразительное, блестящее, единственное, безпримѣрное: не выходите на сцену, не являйтесь публикѣ; оставьте театръ сію-же-минуту. — А публика?—Какое дѣло до нея?—А дирекція?—Что за надобность?... Если вы любите меня, говорю я вамъ, оставьте, бросьте, все; садитесь, какъ вы есть, въ мою карету и ѣдьте. Низвергнитесь для меня съ вершины вашей славы въ бездну неизвѣстности.

— Ого! вскричала Дымка: это довольно романтическая идея!

— Ип какая женщина не способна на такое пожертвованіе, замѣтилъ Гленморъ: ваша идея никого не соблазнить.

— Я и самъ думаю, продолжалъ Мэддокъ.

— Меня она пугаетъ, сказала Дымка.

— Однако жъ, если бы я любилъ, мнѣ, продолжалъ Опасный поправившись, лучше сказать, если бы меня любила актриса, я неизрѣнно подвергнулъ бы ее этому испытанію.

— Это исполненіе опасное и было бы напрасно. Никакая женщина не сдѣлаетъ этого, графъ.... полноте!

— Милорды и господа, сказала Дымка садясь за фортепіано: скоро полночь. Будемте злословить женщинъ. Я буду аккомпанировать вамъ:

— Я вовсе не злословлю, возразилъ Гленморъ: я только говорю, что женщины не способны принести такую жертву, какой требуетъ графъ Мэддокъ. Онѣ не могутъ сдѣлать этого потому что не найдутъ мужчины, который бы былъ достоинъ такой жертвы.

— Милордъ, замѣтилъ Мэддокъ, вы очень искусно вывернулись.

— Очень обязанъ за поощреніе, графъ. Но воротитесь къ вашей идеѣ. Я желалъ бы, чтобъ миледи,—лучшій судья въ этомъ дѣлѣ,—сама рѣшила, осуществима ли, возможна ли она. Я самъ готовъ признать ее возможною тогда только, когда мнѣ укажутъ хоть одинъ примѣръ.

— Будь моя идея возможна или нѣтъ, и бывали ли не бывало примѣровъ, всё-равно. Но увѣряю васъ, милордъ, что будь у меня соперникъ въ любви къ актрисѣ, я, право, потребовалъ бы отъ нея такого доказательства.

— Силюю, графъ?

— Да, силюю любви.

— Сомнѣваюсь, чтобъ вы успѣли.

— Сомнѣніе позволительно, милордъ. Но, наконецъ, почему же я не успѣю.... если вы уже превращаете вопросъ въ личный?

— Потому, графъ, что вамъ соперникъ точно такъ же можетъ потребовать, чтобы актриса играла, вышла и осталась на сценѣ.

— Это ужъ ея дѣло. Она должна избрать.

— Вы, милорды и господа, толкуете, я вижу, только о своихъ интересахъ, замѣтила Дымка: вы и не думаете объ актрисѣ, объ ея затрудненіяхъ. Скажите, что ей будетъ дѣлать, когда она любитъ обоихъ?

— Вотъ объ этомъ мы въ самомъ дѣлѣ не подумали! вскричали соперники съ изумленіемъ, которое кончилось всеобщимъ хохотомъ.

Лордъ Гленморъ и графъ Мэддокъ слишкомъ хорошо

знали свѣтскіе обычаи, чтобы не понять, что значило, когда Дымка напомнила имъ, что была уже полночь. Это ясно значило: ужъ поздно, прощайте, господа. Но тутъ начался новый эпизодъ великой драмы для двухъ опасныхъ соперниковъ. На минуту, когда Гленморъ всталъ, можно было подумать, что Мѣддокъ послѣдуетъ примѣру и оба уйдутъ. Но Мѣддокъ не думалъ вставать. Гленморъ опять сѣлъ. Пробыло часъ, милорды и господа всё-еще не собирались уходить. Видя это Дымка заперла инструментъ, сняла цвѣты съ головы и положила на каминъ; сняла легкую свою мантилію; медленно стянула перчатки и ждала, не уйдутъ ли наконецъ.

— Я первый не уйду, подумалъ Мѣддокъ.

— Я первый не выйду, подумалъ Гленморъ.

— Это оригинально, думала Дымка, поглядывая на часовую стрѣлку, которая подползла уже къ цифрѣ два: если они не понимаютъ, надобно выразиться яснѣе.

Она распустила кушакъ, сняла ожерелье, браслеты, серьги и положила на столъ.

— Милордъ, сказалъ Мѣддокъ, вамъ кажется, далеко отсюда?

— Не дальше вашего, я думаю. Но почему вамъ вздумалось спросить?

— Такъ. Я полагаю, что очень поздно.... опасно отъ воровъ....

— Ничего. И въ каретѣ.... Впрочемъ, я карету отошлю.

— Вы хотите отослать карету?.... Такъ вы располагаете....

— Итти домой пѣшкомъ, графъ.

— О, вы подаете мнѣ прекрасную мысль: я тоже отошлю карету.

— А вы не бовтесь пѣшкомъ итти домой?

— Нѣтъ. Впрочемъ, я попрошу миледи сберечь у себя мой бумажникъ.

— Въ моемъ тоже есть значительная сумма, которая можетъ прельстить воровъ, съ живостью подхватилъ Гленморъ: я тоже попрошу миледи спрятать мой бумажникъ.

Дымка приняла оба бумажника, которые ей подали, но

притворилась, будто не понимаетъ къ чему. Она позвонила и сказала вошедшей Эвридикѣ.

— Запри эти бумажники въ мою шкатулку и отдай ключъ кому-нибудь изъ этихъ господъ.

Эвридика вмигъ исполнила порученіе и, воротившись, подала ключъ Гленмору, который его не принялъ, такъ же какъ и Мёдокъ. Дымка принуждена была сама взять ключъ.

— Не уходятъ: думала она: что жъ они, объ закладъ что ли побились?

Настойчивость соперниковъ начинала беспокоить ее. Она кивнула Эвридикѣ и та принесла ей ночной чепчикъ и туфли.

— Вы восхитительны въ этомъ неглижѣ! вскричалъ Гленморъ.

— Очаровательны! подхватилъ Мёдокъ.

— Хорошо же, думала Дымка: если они и теперь не понимаютъ, такъ я имъ еще яснѣе покажу, что они меня немножко беспокоятъ....

Она прошлаъ раза два по комнатѣ и ускользнула въ свой будоаръ.

— Вы не слышали, графъ, фонды повысились сегодня на биржѣ? спросилъ Гленморъ.

— Нѣтъ, милордъ, понизились.

— На сколько, вы не знаете?

— Навѣрное не знаю, но, кажется, много.

За дверью раздался голосъ:

— Я легла спать! Спокойной ночи, милорды и господа!

— Спокойной ночи, миледи!

— Спокойной ночи, миледи!

Ударило два часа.

— Милордъ, сказалъ Мёдокъ помолчавъ: расскажите мнѣ о вашихъ кораблекрушеніяхъ.

— Я никогда не терпѣлъ кораблекрушеній, графъ. Безъ этого маленькаго затрудненія я рассказалъ бы вамъ съ удовольствіемъ.

Потомъ настала глубокая тишина. Соперники, помѣстившись по-удобнѣе въ креслахъ, стали по-немногу уступать влеченію сна. Часу въ осьмомъ утра Мёдокъ всталъ и,

вѣроятно, хотѣлъ пройтись, чтобы прямиль ноги. Когда онъ приблизился къ двери въ комнату хозяйки, Гленморъ вдругъ схватилъ его за руку и спросилъ:

- Вы страдаете лунатизмомъ, графъ?
 - Нѣтъ, не думаю.
 - Если вамъ угодно чтѣ-нибудь, вотъ звонокъ.
 - Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ угодно.... позавтракать.
- Гленморъ дернулъ за шнурокъ. Слуга явился.
- Угодно кофе, милордъ?
 - Безъ-сомнѣнiя. Принеси и газеты.
 - Какъ вы провели ночь, милордъ?
 - Очень хорошо. А вы, графъ?
 - Превосходно.

Напившись кофе соперники принялись читать газеты. Около одиннадцати часовъ вышла Дымка. Она изумилась, нашедши своихъ гостей на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставила накануне.

- Вы уже здѣсь, господа?
- Какъ, уже здѣсь? Мы не уходили, спокойно отвѣчалъ Гленморъ: вы извините.....

— Помилуйте, это очень естественно! Вы сдѣлали мнѣ удовольствiе и будете со мною завтракать.

— Въ такомъ случаѣ это у насъ будетъ второй завтракъ, замѣтилъ Мэддокъ.

- Такъ вы уже завтракали?
- Да.
- Здѣсь, у меня?
- Конечно: вѣдь мы не выходили изъ вашей квартиры.
- Это мило!

Завтракъ былъ очень веселый. Въ три часа, когда Дымка довольно основательно полагала, что гости уйдутъ наконецъ, они потребовали шахматы, чтобы чѣмъ-нибудь заполнить время до обѣда. Дымка не сдѣлала ни какого замѣчанiя. Она только вышла на вѣсколько минутъ. Потомъ пришелъ ея метръ-д'отель, старый Трабукъ, и очень вѣжливо спросилъ у лорда Гленмора и графа Мэддока, что имъ угодно будетъ кушать за обѣдомъ втеченіи недѣли, потому что, говорилъ онъ, у мадамъзель Сенъ-Грасiенъ

такой заведенъ порядокъ: съ новодѣльницы назначаются обѣды на всю недѣлю.

Соперники съ отличными хладнокровіемъ продиктовали каждый свой гастрономическій списокъ на недѣлю и снова принялись за шахматы. Дымка, испуганная этою непоколебимостью, ушла подумать о средствахъ къ избавленію и придумала самое дѣйствительное. Въ шесть часовъ вечера Опасные получили слѣдующую записку:

«Милорды и господа! видя, какое удовольствіе вамъ доставляетъ житье въ моей квартирѣ, и не желая тревожить васъ, я рѣшилась принести вамъ эту маленькую жертву. Я уже два часа живу рядомъ, въ другой улицѣ, въ гостинницѣ Джерси, гдѣ оба вы будете приняты съ удовольствіемъ, если вамъ угодно будетъ навѣстить меня.

«Ваша преданная Дымка.»

Послѣ этого нѣзачѣмъ было оставаться. Они взяли за шляпы.

— Вотъ счетъ на мамзель Сенъ-Грасіенъ за время, которое она прожила въ гостинницѣ, сказалъ грумъ Феляксъ.

— Пять тысячъ франковъ! прочелъ Мэддокъ.

Онъ и Гленморъ развернули возвращенные имъ бумажки, хладнокровно отсчитали по двѣ тысячи по пяти сотъ и отдали груму.

Въ тотъ же вечеръ и на другой день въ гостинныхъ и въ клубахъ Лондона разсказывали о забавномъ состязаніи двухъ соперниковъ у французской актрисы, мамзель Дымки, и держали пари, кто изъ двухъ Опасныхъ, лордъ Гленморъ или графъ Мэддокъ одержитъ побѣду. Для нихъ же самихъ въ этомъ вопросѣ въ ту минуту заключалась вся ихъ судьба, вся будущность: на кому стояла ихъ репутація въ обществѣ вообще и въ Обществѣ Опасныхъ въ-особенности. Сраженіе было генеральное: проиграть сего значило погибнуть навсегда.

Насталъ часъ спектакля, на который лордъ Гленморъ забралъ всѣ билеты и роздалъ всѣмъ знатымъ своимъ друзьямъ и знакомцамъ. передъ которыми хотѣлъ, чтобы приобрѣла усилъхъ Дымка. На сторонѣ сего былъ уже рѣши-

тельный перевѣсъ противъ графа Мэддока, а слава Дымки росла съ каждою минутой. Нѣсколько подаренныхъ билетовъ было продано по баснословнымъ цѣнамъ. Театръ былъ наполненъ съ верху до низу всѣмъ, что есть въ Лондонѣ блестящаго. Гленморъ и Мэддокъ сидѣли на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, подлѣ самой авансцены. Напередѣ съиграна была маленькая ничтожная пьеска, продолженіе которой наполнялись ложи и кресла. Дошла очередь до «Валеріи». Сколько букетовъ дрожало въ нетерпѣливыхъ рукахъ, которыя желали по-скорѣй метнуть ихъ на сцену! Сколько «браво» висѣло на губахъ! Между-тѣмъ режиссеръ не стучалъ палочкой, занавѣсъ не поднимался. Оркестръ давно уже съигралъ увертюру. Публика начала приходить въ нетерпѣніе и бить тревогу. Лордъ Гленморъ не зналъ, чему приписать это необыкновенное промедленіе. Онъ не хотѣлъ оставить своего мѣста именно потому, что Мэддокъ уже оставилъ свое: намѣреніе подражать ему или состязаться съ нимъ обнаружилось бы слишкомъ явно въ виду всего общества. Мэддокъ былъ за кулисами, въ этомъ Гленморъ не сомнѣвался. Но онъ далъ бы тысячу гинеи, чтобы знать, отчего занавѣсъ не поднимается и сама ли Дымка была причиною промедленія, столь невыгоднаго для нея. Антрактъ продлился полчаса, три четверти и, наконецъ, цѣлый страшный часъ. Въ залѣ поднялся шумъ; зрители съ крикомъ требовали объясненія этого безсовѣстнаго антракту. Занавѣсъ поднялся. Утихли. Думали, что начнется представленіе. Но вышелъ режиссеръ и, низко поклонившись, сказалъ:

— Милорды! ваше негодованіе можетъ сравниться только съ нашимъ отчаяніемъ. Мамзель Сень-Грасіенъ сейчасъ сѣла въ почтовую карету и уѣхала изъ Лондона съ молодымъ человѣкомъ, имени котораго я достоверно не знаю. Дирекція отъ этого въ самомъ неприятномъ замѣшательствѣ. Она поручила мнѣ испросить вашего великодушнаго спускожденія. Мы еще надѣялись, что неблаго-разумная актриса одумается и воротится къ чувству своего долга и уваженія относительно благороднаго здѣсь присутствующаго собранія, какъ-вдругъ, теперь, получаемъ отъ нея записку, которую я принужденъ сообщить

ванъ во всей ея лаковической дерзости. Вотъ она: «Скажите вашимъ толстымъ Англичанамъ, что я навсегда оставляю театр.»

Въ Парижѣ, послѣ такого объясненія, шумъ увеличился быдесятеро. Англійская публика молча поднялась и вышла изъ театра, бросивъ только на Гленмора насмѣшливый и почти презрительный взглядъ, такой, что тотъ вскрикнулъ отъ бѣшенства и отчаянiя. Мѣддокъ разбилъ его на-голову передъ лицомъ всей публики, на глазахъ всего общества и торжествуя предалъ его, еще живаго, самому унизительному стыду, какому когда-либо подвергался свѣтскій человѣкъ. Гленморъ — *Опасный!*... У него въ подъ носу увезли актрису, на представленіе которой онъ забралъ всѣ билеты! Въ этомъ было смѣху на осемь поколѣній.

Но зато Гленморъ и самъ не замедлилъ мщеніемъ. Онъ ударилъ съ быстротою молніи. На другой же день онъ послалъ своего начальника, адмирала, и своего друга, шотландскаго герцога, — Танкредова отца, — къ родителямъ графини Уисби, просить ея руки. Онъ пожертвовалъ своимъ образомъ жизни, своими привычками и превозмогъ нерасположеніе къ браку. Онъ подвергался даже самой страшной изъ опасностей: онъ рисковалъ получить отказъ на неожиданное предложеніе. Но сама королева приняла участіе въ этомъ сватовствѣ, потому что цѣнила заслуги лорда Гленмора во флотѣ. Для родственниковъ графини Уисби онъ былъ довольно богатъ и довольно знатенъ. Предложеніе принято безпрекословно. Черезъ мѣсяць графиня Флавія Уисби вступила въ бракъ съ лордомъ Гленморомъ. Эта удача вмгъ возвысила лорда Гленмора въ общемъ мнѣніи гораздо больше прежняго. Онъ самъ позаботился о распространеніи извѣстности своего соперничества въ разсужденіи графини Уисби и Дымки. Всѣ увидѣли, что конецъ увѣнчалъ дѣло: Гленморъ былъ немножко пораженъ сначала, но зато одержалъ самую рѣшительную побѣду. Онъ завладѣлъ оригиналомъ, тогда какъ Мѣддоку досталась только жалкая копія, лишенная лучшихъ достоинствъ женщины. И Мѣддокъ въ свою очередь сдѣлался баснею города, такъ, что при-

нужденъ былъ уѣхать за границу, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ.

Между-тѣмъ однако жъ Общество Овасныхъ не раздѣляло общаго мнѣнія насчетъ лорда Гленмора, потому что онъ, во-первыхъ, женился раньше тридцати лѣтъ, а во-вторыхъ, предложеніемъ брака жестоко преступилъ уваженія Общества и оказался первымъ и безпримѣрнымъ измѣнникомъ. Чтобы загладить это воспрямленіе, этотъ ударъ нанесенный всему Обществу, смѣить пятно и поддержать свой кредитъ, собраніе рѣшило напечатать въ гасетахъ извѣстную статью о похищеніи.

Гленморъ, быть-можетъ, и не позаботился бы объ этомъ, если бы менѣе любилъ свою жену. Но онъ не предвидѣлъ, что женившись болѣе длатаго, чтобы отомстить сопернику, онъ влюбится въ жену и не найдетъ взаимности. Онъ полюбилъ пламенно, глубоко, тревожно, и потому именно все искусство, которымъ составилъ себѣ славу всеобщающаго, осталось тщетнымъ и безсиленнымъ передъ Флавіей: она была и осталась холодна.

Главною цѣлью его пѣзденъ въ Лондонъ было отыскать виновника дерзкой статьи, которая по странному случаю попала къ нему на глаза не далѣе какъ за день до описанной сцены съ женою. Онъ отправился въ полночь, когда у Флавіи кончался вечеръ.

Когда леди Гленморъ осталась одна, когда кончилась ея роль любезной хозяйки, необходимо внимательной къ обществу, которое съѣзжалось къ ней каждую среду и субботу потанцовать, поѣсть мороженого и посылетничать, она вдругъ стала совсѣмъ другою женщиной: лицо ея поблѣднѣло и опало, какъ-будто цвѣтокъ, который зовутъ красавицей дня и который блѣднѣетъ и свертывается съ закатомъ солнца. Она сидѣла въ раздумьѣ; по щекамъ катились слезы. Кромѣ обыкновенной болѣзни, скуки отъ бездѣйствія и тоски по родинѣ, у леди Гленморъ было еще другое страданіе, тайное глубокое горе отъ убѣжденія, что человекъ, за котораго она вышла, не любитъ ея.

Впродолженіи полугода она воображала каждый день видѣть новыя доказательства, что внушаетъ лорду Гленмору не болѣе того чувства, какого требуютъ обязанности

и деликатность. Богатые подарки только утверждали ее въ этомъ мнѣніи. Онъ подъ этою вещественною пышностью только скрываетъ бѣдность чувствъ, толковала она: онъ угождаетъ мнѣ какъ благовоспитанный свѣтскій гость хозяйкѣ гостиниой,—очень любезно на видъ, но съ холодою въ сердцѣ. Забравъ себѣ въ голову эту мысль, она уже не могла съ нею разстаться и день-отъ-дня становилась несчастнѣе. А между-тѣмъ мужъ, съ своей стороны, убѣжденный въ холодности жены, терзался тѣмъ же самымъ и при всемъ своемъ искусствѣ, при всей опытности, ошибался въ средствахъ къ пріобрѣтенію взаимности. Такъ и передъ отъѣздомъ онъ за великолѣпный подарокъ свой не получалъ ни малѣйшаго знака признательности. Только тогда, когда почтовые лошади помчали его по буленской дорогѣ, Флавія развязала свое сердце и дала свободу слезамъ. Она плакала долго и горько. Потомъ она встала, чтобы отправиться въ свои покои, и, противъ обыкновенія, зашла въ кабинетъ мужа.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила она съ изумленіемъ, встрѣтивъ тамъ Пакеретту.

— Я... убирала, миледи, отвѣчала она съ смущеніемъ.

— Убирала?... Мнѣ кажется, это—обязанность камердинера!

— Конечно.... но я волгала, что нужно будетъ при-смотреть, потому что камердинеръ уѣхалъ съ миссродомъ.

— Но ты была здѣсь безъ огня!

— Свѣчу задуло, когда вы изволили отворить дверь.

— Ступай въ будоаръ. Я сейчасъ прійду, раздѣваться.

Горничная ушла. Леди Гленморъ поставила на столъ свѣчу, съ которою пришла изъ гостиниой, и осмотрѣла кабинетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь ужасный безпорядокъ, сказала она: что это значитъ?... полъ усяпанъ разбитымъ хрусталемъ.... люстра разбита.... сломанное кресло.... на столѣ все перерыто.... что это значитъ?

Леди Гленморъ позвонила. Пакеретта веротилась.

— Кто это произвелъ такой безпорядокъ? Послѣ чего ты здѣсь убирала?

Пакеретта изумилась не меньше своей хозяйки: она те-

перь только увидѣла, что убрать въ самомъ дѣлѣ было нужно.

— Не знаю, миледи, сказала она.

— Кто же разбилъ люстру и эти фарфоровыя вазы?... кто сломалъ стулъ?

— Милордъ, быть-можетъ....

— Милордъ! повторила леди Гленморъ.

И глаза ея сверкнули, въ голосѣ выразилась какъ-будто мгновенная радость сердца.

— Быть-можетъ, милордъ былъ разгнѣванъ....

— Разгнѣванъ.... но чѣмъ же, на что?... съ живостью спросила леди Гленморъ.

— Извините, миледи.... я ошиблась. Милордъ не могъ этого сдѣлать. Вѣдь онъ такой добрый и кроткій!

Флавія молча подавила вздохъ.

— Ахъ? теперь я догадываюсь! продолжала горничная: окно отворено. Вѣроятно, Мараканъ вскопчилъ и напалъ здѣсь.

— Возьми эту свѣчу; пойдѣмъ, раздѣнь меня, съ неудовольствіемъ сказала леди Гленморъ.

Онѣ вышли.

Уложивъ барыню спать, Пакеретта тотчасъ воротилась въ кабинетъ лорда Гленмора и положила на столъ письмо, котораго не осмѣлилась отдать своему барину въ руки. Она облокотилась надъ этимъ письмомъ и долго сидѣла неподвижно. Сердце ея билось такъ, что можно было бы слышать.

— Я думала, что на этотъ разъ буду смѣлѣе, шептала она: однако нѣтъ! Между-тѣмъ онъ собирался ѣхать.... время было самое удобное.... Теперь опять въ нерѣшимости.... и Богъ знаетъ, когда это кончится!....

Пакеретта опять замолчала и задумалась. Ночной вѣтерокъ, вливаясь волнами черезъ отворенное окно, колебалъ пламя свѣчи и обдувалъ дѣвущіе разгорѣвшееся лицо. Она медленно вытащила гребенку изъ бѣлбурныхъ волосъ и распустила ихъ по плечамъ, потомъ, не оставя своего разсѣяннаго положенія, разстегнула воротничокъ платья.

Пакеретта имѣла хорошенькое личико, большіе голу-

бые глаза и семнадцать лѣтъ отъ-роду. Она была седьмая дочь бѣднаго англійскаго деревенскаго пастора, у котораго семья возрастала несоразмѣрно съ скромнымъ доходомъ и который, не будучи въ-состояніи надѣлать приданымъ, далъ ей однако жъ хорошее воспитаніе и отпустилъ съ родительскимъ благословеніемъ, искать счастья въ-людяхъ. Воспитаніе ея было даже слишкомъ хорошо для горничной, потому что, съ одной стороны, доставляя ей больше уваженія отъ остальной прислуги, больше вниманія отъ господъ, съ другой давало сильнѣе чувствовать зависимость положенія и нищету. Поэтому она вездѣ чувствовала себя не на своемъ мѣстѣ, я въ-особенности съ-тѣхъ-поръ-какъ, по несчастію, сознала въ своемъ сердцѣ роковую рабу, любовь къ лорду Гленмору, любовь, на которую не имѣла ни какого права. Съ этой минуты Пакеретта стала истинно несчастна. До этого еще она, разумѣется, прошла весь длинный рядъ разсужденій, которыя предшествуютъ собственному сознанію опасной любви и въ особенности намѣренію признаться передъ вторымъ лицомъ, передъ тѣмъ, кто внушилъ ее. Дни и ночи наполнялись этою борьбой. Пакеретта оказалась побѣжденною. Она негодовала на себя, презирала, непавидѣла себя, но не переставала любить лорда Гленмора. Надобно было бѣжать отъ него, но она не могла. Каждую минуту она видѣла его лицо, слышала его голосъ, повиновалась его приказаніямъ и съ каждою минутой страсть ея возрастала. Она жила посреди пламени, которое пожирало ее. Лордъ Гленморъ властвовалъ надъ нею какъ магнетизеръ надъ ясновидящею. Она, его раба, его тѣнь, прежде всѣхъ слышала, когда онъ идетъ; она угадывала его мысль, его желаніе, прежде нежели успѣвалъ приказать языку. А лордъ Гленморъ, быть-можетъ, никогда не примѣчалъ, какого цвѣту хорошенькіе глаза у Пакеретты!

Наконецъ эта страсть, всегда дѣятельная, всегда уединенная, всегда питающаяся сама собою, превратилась въ родъ мечтательнаго помѣшательства, въ тайную болѣзнь.

Однажды дрожащая рука ея схватила перо и написала:

«Милордъ! я прошу у васъ милости и надѣюсь, что вы, по добротѣ своей, не откажете. Я была счастлива у васъ:

вы всегда оказывали мнѣ столько благосклонности, сколько я, ваша служанка, ваша наемная раба, не могла требовать. Вы, милордъ, осуществили для меня отцовское благословеніе, въ которомъ онъ, отпуская меня, сказалъ: Богъ не оставитъ тебя, если ты Его не оставишь. Я пришла въ вашемъ домѣ все, что можно найти у добрыхъ людей, — ласковое обращеніе и спокойный сонъ. Всѣ въ вашемъ домѣ добры ко мнѣ, всѣ любятъ меня, а мажлутѣмъ я прошу у васъ какъ милости, умоляю, ради Бога, отпустите меня, возьмите на мое мѣсто другую. Я не могу долѣе служить у васъ, не могу оставаться въ вашемъ домѣ. Простите. Позвольте мнѣ уѣхать.... куда-нибудь, но лишь бы только уѣхать. *Пакеретта.*»

Написавъ это письмо, быть-можетъ, съ тайнымъ, даже себѣ самой невысказаннымъ желаніемъ подробнѣйшаго объясненія, Пакеретта искала случая подать его лорду Гленмору. Случай въ тотъ же день представился. Они встрѣтились на лѣстницѣ. Онъ шелъ въ паркъ, а она наверхъ. Она остановилась передъ нимъ, однако жъ не какъ не могла собрать столько силъ, чтобы вынуть письмо изъ карману.

— А! Пакеретта. Скажите, пожалуйста, Тому, чтобы онъ по-лучше чистилъ сапоги и перемѣнялъ бы ваксу. Это ни на что не похоже! Точно недѣлю не чистены. Скажите ей.

— Слушаю, милордъ.

Пакеретта бросила свое письмо въ огонь и десять дней не поднимала глазъ на лорда Гленмора. Но это средство было не хорошо: Пакеретта во все это время почти не ѣла и не спала. Потомъ она рѣшилась написать другое письмо и непременно отдать. Она написала почти то же самое, только въ заключеніи еще немножко яснѣе было видно, что ей трудно будетъ уйти изъ дому, изъ котораго она просится. Она продержала это письмо цѣлый день въ карманѣ, а вечеромъ сожгла. Въ день отъѣзду лорда ею овладѣло отчаяніе и совершенное номѣшательство: она написала третье письмо, въ которой также отказывалась отъ должности и прямо объявляла причину, — свою несчастную любовь. Это письмо было у нея подъ подносомъ, когда лордъ Гленморъ замѣ-

тиль только, что мороженое опрокинулось; надъ этимъ письмомъ она сидѣла въ его кабинетѣ и плакала.

Танкредъ, по отъѣздѣ лорда Гленмора, принявъ начальство надъ замкомъ съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ полнымъ сознаниемъ важности возложенной на него обязанности. Онъ исполнялъ эту обязанность съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, что слуги поспѣивались въподъ-тишка, а докторъ Патрикъ просто хохоталъ безъ утайки. Поутру Танкредъ ходилъ посмотреть, такъ ли, какъ должно, приготовленъ завтракъ для леди Гленморъ; потомъ ходилъ въ садъ, удостовѣриться, выметены ли дорожки, гдѣ она пойдетъ гулять; вечеромъ ходилъ осмотрѣть всѣ ворота, калитки и двери, хорошо ли заперты, потомъ, ночью, съ ружьемъ на плечѣ обходилъ дозоромъ вокругъ вѣшнихъ стѣнъ парка, чтобы убѣдиться, что доверенное ему сокровище не подвергается ни какой опасности.

— Берегитесь! сказалъ ему однажды докторъ Патрикъ: берегитесь, Танкреды! Я видѣлъ сегодня очень подозрительнаго человѣка около стѣнъ парка. Онъ что-то всё ходилъ и поглядывалъ.... очевидно, не съ добрымъ памѣреніемъ.

— Кто же это былъ, докторъ?... Каковъ этотъ человѣкъ съ-виду.... опишите мнѣ его.

— Странный, съ небритою бородой, съ краснымъ платкомъ на шеѣ.

— Разбойникъ!... Всѣ разбойники носятъ красные платки....

— Съ безпокойными, воровскими глазами....

— И онъ ходилъ около парка?...

— Да. Съ саблей.

— Съ саблей!

— Съ ружьемъ на плечѣ.

— И вы не остановили его, докторъ?

— Онъ всё притаялся въ кустарникахъ и уходилъ дальше....

— Но надобно было остановить его, докторъ!... Такие люди....

— Я спрашивалъ его, что онъ и зачѣмъ тутъ ходитъ.

- Что жъ онъ вамъ отвѣчалъ?
- Онъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ.
- Да! но до чего?...

— Помилуйте, Танкредъ! вскричала леди Гленморъ: неужели вы не примѣчаете, что докторъ шутитъ надъ вами? Какъ же онъ могъ видѣть человѣка съ краснымъ галстукомъ, съ саблей и съ ружьемъ, когда онъ васъ не видитъ?

Дѣло въ томъ, что докторъ Патрикъ былъ слѣпъ.

Танкредъ съ смущеніемъ опустилъ голову, но тотчасъ же опять съ гордостью поднялъ ее и сказалъ:

— Миледи! развѣ человѣкъ можетъ быть смѣшонъ, когда строго исполняетъ свой долгъ?

Въ другой разъ Танкредъ чуть-чуть не убилъ одного молодого человѣка, котораго засталъ у ногъ леди Гленморъ. Оказалось, что это былъ башмачникъ, который снималъ мѣрку. Смѣху въ домѣ было на двадцать четыре часа.

Однажды вечеромъ Танкредъ игралъ съ докторомъ Патрикомъ въ шахматы. Это не удивить тѣхъ, кто знаетъ, до какой степени слухъ, осязаніе и память способны замѣнить потерянное зрѣніе. Докторъ Патрикъ, потерявъ глаза во время ученой экспедиціи въ Индіи, достигъ удивительной нравственной проникательности, такъ, что могъ продолжать заниматься медициною съ тѣмъ же искусствомъ и знаніемъ дѣла какъ и прежде. Онъ такъ усовершенствовалъ свой слухъ, что могъ почти всегда по звуку голоса узнавать тайныя мысли, которыя укрывались у людей подъ ложными словами. Удалившись съ потерею зрѣнія отъ дѣйствительности, онъ, можно сказать, на столько же приблизился къ душѣ.

Было поздно, вечеромъ, когда докторъ и Танкредъ, въ гостиной, оканчивали игру въ шахматы, а леди Гленморъ положила книгу и выжидала, кто останется побѣдителемъ.

Вдругъ сильно загремѣлъ звонокъ у воротъ. Леди Гленморъ вздрогнула и вскрикнула.

- Кто это такъ поздно? вскричалъ Танкредъ.
- Она вскрикнула, какъ будто предчувствуетъ въ этомъ

посѣщеніи что-нибудь необыкновенное, роковое, подумалъ докторъ про себя.

Танкредъ посмотрѣлъ на повелительницу, какъ-бы спрашивая, шти ли отворять?

— Докторъ, какъ вы думаете? спросила леди Гленморъ.

— Конечно, надобно отворить, миледи. Развѣ мы въ непріятельской землѣ? Впрочемъ, можно сперва спросить, кто тамъ. Это дѣло мистеръ Танкреда. Благородный рыцарь, отправляйтесь снимать затворы и опускать подъемный мостъ.

— Миледи?...

— Ступайте, отойдите, Танкредъ, сказала миледи.

Танкредъ пошелъ отворять, но сперва спросилъ:

— Кто тамъ?

— Сэръ Френсисъ Архибальдъ Каскилъ отвѣчалъ веселый голосъ.

— Кто же вы? Я васъ не знаю.

— Познакомимся. Отворите только.

— Какъ же я отворю, когда васъ никто не знаетъ здѣсь?...

Кто вы и зачѣмъ пожаловали?

— Вамъ хочется знать подробности? Я Англичанинъ; я тридцатью двумя годами моложе моего отца; я брюнетъ и мнѣ очень пить хочется.

— Кого же вамъ нужно здѣсь въ домъ?

— Моего лучшаго друга, лорда Гленмора. Я приѣхалъ съ Мыса Доброй-Надежды, чтобы поѣсть, попить и поспать у него мѣсяца три. Отворяйте по-скорѣй, мистеръ Танкредъ, нето я и самъ отворю.

— Какъ же это?

— А вотъ какъ.

— Онъ просунулъ руку въ рѣшетчатую калитку, вырвалъ у Танкреда ключъ и, прежде нежели тотъ успѣлъ опомниться, отперъ, вошелъ, опять заперъ; потомъ, со смѣхомъ, схвативъ молодаго человѣка въ охапку, бѣгомъ побѣжалъ къ дому. Руководствуясь свѣтомъ, онъ прибѣжалъ такимъ образомъ прямо въ гостиную.

— Вотъ вашъ прекрасный пажъ, миледи! вскричалъ онъ: я принесъ вамъ его, чтобы онъ не усталъ бѣгая.

— Это что значитъ?... Кто вы? вскричала леди Гленморъ съ изумленіемъ и испугомъ.

Танкредъ, поставленный на ноги послѣ танго триумфальнаго въѣзду, тоже съ изумленіемъ, съ гнѣвомъ и стыдомъ смотрѣлъ на бойкаго весельчака, который былъ силенъ какъ левъ и ловокъ какъ кошка.

— Теперь, сказалъ сэръ Френсисъ Архибальдъ Каскиль, позвольте васъ поцѣловать какъ жену лучшаго моего руга, лорда Гленмора.

— Меня поцѣловать!...

Она не успѣла выговорить, какъ уже получила по звучному поцѣлюю въ обѣ щеки.

— Милостивый государь! вскричалъ докторъ Патрикъ: какъ вы можете себѣ позволить....

— Докторъ Патрикъ, будьте спокойны. Я — Каскиль. Вашу руку.

— Архибальдъ Каскиль?

— Онъ самый.

— Богатый негоціантъ съ Мыса-Доброй-Надежды?... милліонеръ Каскиль?

— Онъ самый. И что лучше этого, искренній другъ и избавитель Гленмора; тотъ, у котораго онъ лечился, когда опасно захворалъ у насъ на Мысѣ. Вы видите, миледи, что меня знаютъ въ вашемъ домѣ. Позвольте же мнѣ еще разъ поцѣловать васъ.... Это у насъ такъ водится на Мысѣ-Доброй-Надежды.

Онъ договорилъ уже тогда, когда исполнилъ обычай, какъ водится на Мысѣ-Доброй-Надежды. Леди Гленморъ не знала какъ избавиться отъ этой неслыханной фамильярности. Она хотѣла сердиться и не могла, покуда глядѣла на счастливое и веселое лицо сэръ Френсиса Архибальда Каскиля. Впрочемъ, тотъ и не далъ ей долго раздумывать. Онъ быстро перебрасывалъ ее изъ одного изумленія въ другое.

— Вы, кажется, до моего приходу играли въ шахматы, докторъ? сказалъ онъ обращаясь къ Патрику.

— Да, сэръ.

— Хотите, я вамъ покажу, какъ опрокинуть противника съ одного удару?

— Завтра, если вамъ угодно будетъ показать....

— Нѣтъ, сейчасъ, докторъ.

И не дожидаясь отвѣту онъ такъ ударилъ кулакомъ во шпикатную доску, что она раскололась на-двое. Пышки разлетѣлись по угламъ.

— Не правда ли, что это мастерской ударъ, докторъ?

— Милостивѣй государь, вы съума сошли! вскричалъ Танкредъ.

— Если бы вы были не въ полномъ умѣ, такъ я послалъ бы васъ выснаться, отвѣчалъ сэръ Каскиль.

Танкредъ хотѣлъ отвѣчать, конечно, еще горячее, но вспомнилъ что тутъ есть дама и что этотъ буянь — другъ лорда Гленмора. Онъ только приподнял стулъ и стукнулъ по ковру.

Леди Гленморъ въ жизнь свою не видывала ничего подобнаго.

— Это ничего, миледи, продолжалъ сэръ Каскиль: шпикатную доску мы замѣнимъ другою. А вы, докторъ, сегодня, я думаю, уже наигрались. Кстати, о чемъ вы разговаривали, когда я помѣшалъ вамъ, если позволите спросить?.... Извините за дерзость....

— Да, пора начать остерегаться, проворчалъ Танкредъ.

Отъ изумленія и гнѣву, леди Гленморъ перешла къ нѣкотораго роду полу-веселости, глядя на веселаго чудака-буяна, который такъ неожиданно и смѣло оживилъ царствовавшее вокругъ нея монастырское безмолвіе.

— Продолжайте, пожалуйста, вашу бесѣду, прелестная подруга моего лучшаго друга, прибавилъ сэръ Каскиль взявъ леди Гленморъ за обѣ руки.

У Танкреда вырвался глухой стонъ.

— Что съ вами? тихо спросилъ докторъ.

— Я.... я.... мнѣ хочется выкинуть этого господина за окно.

— Удержитесь, Танкредъ. Вспомните, что этотъ господинъ другъ Гленмора.

Танкредъ стиснулъ зубы.

— Что жъ, миледи, о чемъ же вы разговаривали?

— Мы не разговаривали, сэръ.

— Молодой человекъ, вы, кажется, слишкомъ любезны!

на то, чтобы сидѣть молча подлѣ такой прекрасной дамы.

— Последній нашъ разговоръ былъ, кажется, о сельскихъ красотахъ Индіи, продолжала леди Гленморъ, которая не желала, чтобы другъ лорда Гленмора могъ пожаловаться на неучтивый пріемъ.

— Вы разговаривали о сельскихъ красотахъ Индіи! вскричалъ сэръ Каскиль: какой же это писарь насаждалъ вамъ о существованіи этихъ красотъ?

— Это я, сэръ, съ гордостью сказала Танкредъ: и я не писарь, а морской офицеръ.

— А, это вы! Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, мой другъ, морской офицеръ; подите, посмотрите на Индію.

— Я видѣлъ ее, сэръ.

— Не вѣрьте, миледи, Танкредъ ошибся.

— Мистеръ Танкредъ, сэръ.

— Другу не говорятъ мистеръ, а я хочу, чтобы Танкредъ былъ моимъ другомъ.... Вашу руку.

Леди Гленморъ посмотрѣла на Танкреда и тотъ холодно подалъ руку сэръ Каскилью.

— Сельская природа въ Индіи, миледи, такъ хороша, что по ней нельзя прогуливаться иначе какъ въ травѣ въ два человѣческихъ роста вышиною. Задыхаешься, на каждомъ шагу спотыкаешься. Пойдете днемъ, неумолимое солнце нажметъ вамъ голову до съумасшествія. Удалитесь немножко отъ городу, чтобы полюбоваться на сельскія красоты, тотчасъ со всѣхъ сторонъ на васъ бросаются тигры. Если утомитесь и ляжете отдохнуть въ тѣни дерева, тотчасъ змѣи обовьютъ васъ, какъ Эскулаповъ жезлъ, и задушатъ. И это еще не все. Милліоны насѣкомыхъ, красныхъ, зеленыхъ, черныхъ, вооруженныхъ жалами, иглами, плами, забираются вамъ подъ одежду, раздражаютъ кожу и сосутъ кровь. На всей землѣ нѣтъ квадратной видени пространства, которое бы не было населено тысячами животныхъ, ярыхъ враговъ спокойствія и жизни человѣческой. Повѣрьте, миледи, въ цѣломъ мірѣ есть только двѣ хорошія сельскія природы, Италия и Франція. Но теперь я предпочитаю Францію, потому что мнѣ посчастливилось найти здѣсь жену моего лучшаго друга, лорда Гленмора, которая въ тысячу разъ лучше всѣхъ вмѣстѣ

валтыхъ желтыхъ, топазовыхъ, кофейныхъ, шоколадныхъ и черныхъ красавицъ Индiи. Вотъ мое мнѣнiе объ индiйской природѣ. Докторъ, я на васъ соплюсь. Что вы думаете?

— Мнѣнiе ваше довольно справедливо, сэръ, отвѣчалъ Патрикъ, который не могъ любить страны, гдѣ потерялъ зрѣнiе: однако жъ поэзія....

— Поэзія!... Что это такое?... Поэзія, это—слово, звукъ, фраза.... Тѣ, которые не говорятъ объ ней, бываютъ поэтами въ тысячу разъ больше всѣхъ этихъ болтуновъ.....

— Сэръ! вскричалъ Танкредъ: вы ужъ слишкомъ...

— А! такъ вы поэтъ?... Дайте-ка ваши стихи.

Танкредъ замолчалъ.

Леда Гленморъ не могла не улыбнуться на выходки Каскиля противъ Индiи и поэзіи.

— Я не могу совершенно согласиться, что кромѣ Италiи и Францiи нѣтъ красотъ природы, продолжалъ Патрикъ: Швейцарiя, напримѣръ....

— Швейцарiя? вскричалъ сэръ Каскиль: Швейцарiя!... Да, безъ сомнѣнiя, на Швейцарiю можно смотрѣть, но жить въ ней невозможно. Швейцарiя, къ-несчастiю, населена трактирщиками, которые самымъ поэтическимъ образомъ грабятъ путешественниковъ. Тамъ васъ заставляютъ платитъ не только за квартиру и столъ, но и за свѣтъ и воздухъ. Шесть лѣтъ тому назадъ, я былъ въ Швейцарiи и какъ теперь помню счетъ, который мнѣ подали за день, проведенный въ гостинницѣ, на берегу Женевскаго Озера. Вотъ онъ:

Жареный пыленокъ.....	10 франковъ.
Восходъ солнца.....	5.
Ферель.....	12.
Въ полдень, буря на озерѣ..	3,50.
Шампиньоны.....	8.
Закатъ солнца.....	15.
Кремъ.....	6.
Луна за легкими облаками.....	40.

Итого 79 фр. 50 сантимовъ.

— Превосходно! вскричалъ Патрикъ, покотившись со снѣгу.

Леди Гленморъ тоже захотала.

— Впрочемъ, продолжалъ сэръ Каскиль: хотя мнѣ всего тридцать два года отъ-роду, однако жъ я на своемъ вѣку много путешествовалъ, такъ же какъ и мой другъ ледяной Гленморъ.... Кстати, гдѣ онъ?

— Пора спросить, подумала леди Гленморъ.

— Въ Лондонѣ, сэръ.

— На долго?

— Еще недѣли двѣ пробудеть.

— Ну, я подожду его. Когда вы будете писать, скажите, что Каскиль прѣехалъ. Этого довольно. Но до его счастливаго возвращенія мнѣ, признаться, хотѣлось бы вкусить чего-нибудь.

— Ахъ, Боже мой! вскричала леди Гленморъ: я и забыла предложить вамъ ужинать.... Но какъ это сдѣлать?... теперь уже всѣ люди спятъ.

— Я вовсе не хочу ужинать, отвѣчалъ сэръ Каскиль: я обыкновенно, около полуночи, пью пуншъ.

— Такъ вамъ угодно пуншу?...

— Да. И если люди спятъ, такъ пусть-себѣ спятъ. Мы сами сдѣлаемъ пуншъ. Танкредъ, въ столовой есть буфетъ, а въ буфетѣ, всеконечно, есть все, что нужно для пуншу, ромъ, сахаръ, и такъ далѣе. Принесите. Докторъ, вы натрете лимону.....

— Мнѣ итти въ буфетъ!.... но.... въ самомъ дѣлѣ....

— Вы не хотите? Хорошо, я самъ найду. Зато вамъ и пуншу не будетъ. Мы одни выпьемъ, съ докторомъ и съ миледи.

— Мнѣ пить пуншъ!

— Отчего же? Будете пить. Пуншъ — душа ночи.

— Но я никогда не пила...

— Такъ тѣмъ больше будете пить. Будете пить за прошедшее. Мы выпьемъ за здоровье нашей царицы, а наша царица — вы. Потомъ за здоровье любезнаго Гленмора; по-

речь за здоровье доброго доктора. Ну же, Танкредъ! принесите рому и сахару. Если пуншъ будетъ хорошъ... если еще поглядеть немножко въ голову, мы попоемъ, попляшемъ. Я знаю, что вы пляшете, докторъ. Руки дамамъ Рондъ!

И, схвативъ доктора Патрика за руки, сэръ Каскиль пустился кружиться по всей залѣ. Леди Гленморъ упала въ кресла и хохотала надъ неукротимую живостью и оригинальною веселостью сэръ Френсиса Архибальда Каскиля.

Легко себѣ представитъ, что съ такимъ человѣкомъ пуншъ скоро изготовился. Всякій, волей не волей, приложилъ руку: даже леди Гленморъ помогла и скоро въ хрустальной мискѣ запылало синее огненное море. Всѣ сидѣли вокругъ стола. Сэръ Каскиль со вниманіемъ смотрѣлъ, какъ ромъ разгорается. Это была первая минута тишины со времени шумнаго появленія гостя съ Мыса Доброй Надежды.

Тутъ леди Гленморъ могла рассмотреть лицо сэръ Каскиля, котораго мужественный, стройный и гибкій станъ и широкія плечи уже примѣтила. Голова его была правильна и прекрасна. На высококомъ лбѣ, освѣненномъ густыми, черными, волнистыми волосами, лежала печать силы и смѣлости. Черты лица не были такъ изящны и пріятны какъ у лорда Гленмора. Ноздри немножко вздернутато носу растворялись шире нежели нужно, ротъ такъ же былъ широкъ, зато эти недостатки выкупались истинно военскими жемчужными зубами и чрезвычайно выразительными, пронзательными глазами, въ которыхъ было что-то магнитическое, притягательное, жгучее, когда онъ долго останавливалъ ихъ на одномъ предметѣ. Рукъ его были также прекрасны, чрезвычайно бѣлы и прикасались ко всему какъ-то сладострастно, если можно такъ выразиться.

Сэръ Каскиль налилъ леди Гленморъ, доктору и Танкреду по стакану пылающаго пуншу, потомъ разорвалъ листъ бумаги, надѣлалъ крошечныхъ лодочекъ и опустил въ мяску, которая посрединѣ еще пылала.

— Это чтó значитъ? спросила леди Гленморъ.

— А вотъ что, миледи. Эти лодочки — человѣческія страсти. Однѣ, какъ видите, очень хорошо плаваютъ по вѣтру, который отдѣляется отъ пламени; другія, болѣе осторожныя, держатся смиренно у края; третьи, безразсудныя, бросаются прямо въ поломя и сгораютъ. А самыя сильныя.... миледи, знаете вы, которыя самыя сильныя?

Леди Гленморъ не переставала смотрѣть на веселое, привлекательное лицо и слушать звучный голосъ сэръ Каскиля.

— Сильнѣе всѣхъ тотъ, продолжалъ сэръ Каскиль, поднося миску съ пылающимъ пуншемъ къ губамъ: сильнѣе всѣхъ тотъ, кто пожираетъ страсти, вмѣсто-того чтобы поддаться имъ на пожраніе.

И сэръ Каскиль не переводя духу проглотилъ десять или двѣнадцать стакановъ пуншу, — сколько заключалось въ хрустальной мискѣ, — и спокойно поставилъ пустую на столъ. Леди Гленморъ съ ужасомъ ждала, что сэръ Френсисъ Архибальдъ Каскиль опрокинется подъ столъ. Но ничего не бывало. Напротивъ, онъ былъ только спокойнѣе прежняго, говорилъ и улыбался такъ же пріятно и весело. Это страшное безъ всякихъ усилій и спокойное могущество организма произвело на нее сильное впечатлѣніе смѣшанное съ невольнымъ уваженіемъ.

Потомъ леди Гленморъ встала, чтобы отправиться въ свои покои.

— Спокойной ночи, господа, сказала она подавая руку Танкреду, доктору и сэръ Каскилю.

Сэръ Френсисъ Архибальдъ Каскиль очень спокойно и вмѣстѣ неожиданно, съ быстротою молніи, опять поцѣловалъ ее, какъ водится на Мысѣ-Доброй-Надежды.

— Что станешь дѣлать съ такимъ оригиналомъ! думала леди Гленморъ поспѣшно уходя въ свою спальню.

Сэръ Каскилю отвели кабинетъ лорда Гленмора.

— Эта веселость, говорилъ Танкредъ доктору, всходя наверхъ, въ свою комнату: эта веселость нашего гостя, не нравится мнѣ: она надоѣдаетъ мнѣ и я не понимаю, какъ леди Гленморъ....

— Могла принять друга своего мужа? прибавил докторъ.

— Нѣтъ, не то....

— Такъ чего же вы хотите?

— Я хотѣлъ бы, чтобы онъ не изволилъ прїѣзжать.

— Отчего же?

— Есть антипатїи, докторъ, которыя не объясняются.

— Не должно слушать ихъ.

— Не одолѣешь.

— Ужъ не врага ли вы видите въ немъ?

— Да, если бы это.... такъ я не долго ненавидѣлъ бы его!

— Чтò вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что или онъ или я оставилъ бы этотъ домъ.

— Такъ-то вы исполняете долгъ гостепрїимства, Танкредъ?

— Я не знаю этого человѣка и ничѣмъ ему не обязанъ.....

— Да онъ вѣдь не къ вамъ и пришелъ!

— Правда.

— Неужели вы хотите, чтобы леди Гленморъ выгнала человѣка, который друженъ съ ея мужемъ, и выгнала потому только, что онъ вамъ не нравится?

— Правда, правда.... Это не мое дѣло.... Мнѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться.... Спокойной ночи, докторъ.

Вошедши въ свою комнату, докторъ Патрикъ сказалъ себѣ:

— Танкредъ ошибается; леди Гленморъ тоже ошибается: этотъ человѣкъ вовсе не веселъ. Нѣтъ, сэръ Каскиль, вы не веселы: вы были слишкомъ веселы сегодня.

Между-тѣмъ сэръ Френсисъ Архибальдъ Каскиль ходилъ по кабинету лорда Гленмора. Онъ бросилъ свою шляпу въ уголъ и снялъ галстухъ. Лицо его вдругъ приняло выраженіе холодное и твердое какъ сталь.

— И такъ, я у васъ, лордъ Гленморъ! вскричалъ онъ съ адскимъ смѣхомъ: я въ вашемъ домѣ, въ вашемъ каби-

нетъ..... я, графъ Мэддокъ, въ нашемъ домѣ, милордъ Гленморъ! Вы меня осмѣяли въ Обществѣ Опасныхъ, въ Лондонѣ, во всей Англїи?... Хорошо, Великому свой чередъ. Я осмѣю васъ въ Парижѣ и въ цѣломъ мірѣ. И, клянусь моими предками, милордъ, что я все употреблю чтобы отомстить вамъ.

— Такъ это былъ графъ Мэддокъ, соперникъ лорда Гленмора? спросилъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ.

— Да! отвѣчалъ кавалеръ де-Профундись.

Поселившись у своего лучшаго друга, лорда Гленмора, мнимый сэръ Френсисъ Архібальдъ Каскиль принялся снискивать благорасположеніе всѣхъ обитателей замка. Сколько гордость мелкихъ людей оскорбляетъ служащій народъ, столько же ласка и простота въ обращеніи знатныхъ нравится ему и побуждаетъ къ усердію. Чтобы прїобрѣсти любовь и преданность черни, нужно умѣть склоняться и ниспускаться къ ней. Эту истину во всѣ времена хорошо знали всѣ великіе политики. Графъ Мэддокъ тоже былъ хорошій политикъ. Къ нему всякій ходилъ безъ спросу и безъ доклада; чемоданы его были всегда открыты; ключъ отъ шкатулки всегда торчалъ въ замкѣ; деньги кучами валялись на столѣ. Онъ, казалось, презиралъ всѣ средства людей аккуратныхъ, не желающихъ быть обокраденными, и какъ-будто нарочно подстрекалъ дерзость слугъ и подстрекалъ не безуспѣшно: его тонкое бѣлье, части одежды, золотыя вещи, сигары и деньги исчезали какъ-нельзя лучше.

— Чудо, какой прекрасный человѣкъ! говорили объ немъ слуги лорда Гленмора: ему и безъ жалованья съ радостью можно служить.

Кромѣ очаровательной щедрости и ласковой простоты, сэръ Френсисъ Архібальдъ Каскиль еще удивлялъ дворню необычайною физическою силой и въ-особенности бойкимъ обращеніемъ съ мпледн, передъ которою, бывало, и самъ лордъ Гленморъ всегда стоялъ почтительно, какъ передъ королевой, и говорилъ не иначе какъ вполголоса. Однимъ словомъ, сэръ Френсисъ Архібальдъ Каскиль былъ чудо-человѣкъ.

Въ одинъ прекрасный осенній день сэръ Френсисъ Ар-

хавельдъ Каскиль уговорилъ леди Гленморъ устроить прогулку на пароходѣ, по озеру, съ музикою, съ застраховкѣю на палубѣ и со всѣми возможными увеселеніями.

— Вѣдь я пріѣхалъ къ лучшему моему другу, говорилъ онъ, не вѣтъмъ чтобы похоронить себя за-живо и смотрѣть, какъ другіе умираютъ со скуки!

Аргументъ былъ, убѣдительный. Леди Гленморъ рѣшилась прокататься и, кстати, посмотреть на мужнинъ подарокъ, который еще не удостоивала вниманія. Пригласили нѣсколькихъ сосѣдей и сѣли на пароходъ. Будущій адмиралъ, Танкредъ, разумѣется, командовалъ судномъ. Въ ту минуту, когда леди Гленморъ ступила на бортъ, на мачтѣ выжили англійскій флагъ и салютовали тремя выстрѣлами изъ маленькихъ мѣдныхъ пушекъ.

— Капитанъ! сказалъ сэръ Каскиль: мы поручаемъ вашему покровительству одну изъ самыхъ любезныхъ дамъ Англій.

— Ваша рекомендація заслуживаетъ приему, сэръ, отвѣчалъ Танкредъ: но она нѣсколько не увеличитъ моей преданности къ леди Гленморъ.

— Вишь, какой гордый морякъ!

— Совсѣмъ нѣтъ: я только вѣрный слуга.

— Довольно комплиментовъ на мой счетъ, господа! перебила леди Гленморъ: пойдете лучше, покажите мнѣ внутренность парохода. Я еще не успѣла осмотрѣть прекраснѣйшій подарокъ лорда Гленмора. Дайте мнѣ вашу руку, докторъ.

— Съ условіемъ, миледи, что вы мнѣ одолжите вашихъ глазъ и расскажете, что увидите любопытнаго.

— Разумѣется. А вы, Танкредъ, указывайте намъ дорогу.

— Нѣтъ, миледи, я долженъ остаться при рулѣ, на палубѣ. Обстоятельства сдѣлали меня капитаномъ, а экипажъ мой мало опытенъ. Я за все отвѣчаю самъ.

— Я за хозяйна! вскричалъ сэръ Каскиль: я буду показывать. Пожалуйте за мной.

И онъ подошелъ къ лѣстницѣ, чтобы спуститься въ каюту.

— Ну, смотрите же, Танкредъ, берегите насъ! продол-

жала леди Гленморъ: да не увезите насъ въ Индію, гдѣ сами два раза чуть не умерли.

— Нѣтъ, миледи, такъ далеко не поѣдемъ. Развѣ только сэръ Каскилю дорогѣй вздумается сойти на берегъ на Мысль-Доброй-Надежды.

— О, нѣтъ, мой другъ! я еще не такъ скоро разстанусь съ вами! вскричалъ сэръ Каскиль.

— И жаль было бы, подхватила леди Гленморъ: Тацкредъ первый пожалѣеть, будьте увѣрены, сэръ Каскиль.

Они сошли въ каюту. Тацкредъ приказалъ пустить въ ходъ колеса и пароходъ-игрушка поплылъ разсѣкая и волнуя гладкую поверхность озера.

Облака скуки и тоски видимо начали сходить съ лица леди Гленморъ; мало-по-малу стали просвѣчиваться давно прикрытыя розы. Легкій вѣтерокъ, заимствуя свѣжесть у воды, оживлялъ лицо красавицы, прояснялъ взоръ и лаская трепала кудри на лбу. Она удивлялась изящному кокетству, съ какимъ была убрана яхта. Будоаръ не могъ быть прелестнѣе. Леди Гленморъ почувствовала нѣчто въ родѣ укору совѣсти, смѣшанной съ признательностью и грустью, при мысли о томъ, кому была обязана этою великолѣпною игрушкой. Но шумливый сэръ Каскиль скоро навлекъ ее изъ этого состоянія.

— Миледи! вскричалъ онъ: вы обѣщали доктору разсказывать о красотахъ, которыя найдете здѣсь, а сами, вотъ уже нѣсколько минутъ, погрузились въ раздумье.....

— Ахъ, докторъ..... простите.

— Ничего, миледи. Я избавляю васъ отъ этого труда и, если хотите, докажу, что онъ даже не нуженъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто, потому что я уже все видѣлъ.

— Вы все видѣли?

— Не угодно ли провѣрить. Но я не хочу, чтобы вы сочли меня за колдуна и потому предваряю васъ, что я все, такъ сказать, видѣлъ посредствомъ слуху, осязанія и обонянія. Во-первыхъ, каюта имѣетъ футовъ двѣнадцать длины и осемь ширины.

— Вѣрно, замѣтилъ сэръ Каскиль.

— Плафонъ бѣлый, съ вызолочеными рельефными ром-

бани. Онъ поддерживается четырьмя чугуными столбами въ видѣ пальмъ.

— Совершенно такъ!

— Вокругъ, по стѣнамъ, тянется диванъ, обитый желтою камкой. Надъ спинкою его, въ небольшихъ разстоянiяхъ, расположены овалныя зеркала. Посрединѣ диванъ раздѣляется: тамъ большое овальное зеркало, обращаясь на продольной осп, образуетъ дверь въ другую каюту, обитую розовымъ бархатомъ съ бѣлыми мушками, а оттуда лѣстница ведетъ на чугунный балконъ, который принимаетъ форму кормы и, слѣдовательно, изъ-дали имѣетъ видъ лебединой шеи.

— До невѣроятности вѣрно! Не правда ли, миледи?

— Полъ на которомъ мы стоимъ, устланъ индiйскимъ ковромъ. Вы, миледи, теперь сидите на складномъ стулѣ, а вы, сэръ Каскиль, стоите у лѣстницы, по которой мы сошли.

— Ни одной ошибки! вскричала леди Гленморъ, пожавъ руку Патрика съ нѣжностью дочери.

— Клянусь моею душой! вскричалъ мнимый сэръ Каскиль: я отдалъ бы оба свои зрячіе глаза, за ваше увѣще, докторъ!

— Да, вспомогательныя органы мои съ каждымъ днемъ совершенствуются, отвѣчалъ Патрикъ смѣясь: теперь, нѣтъ кажется, я даже не зналъ бы, что мнѣ дѣлать съ глазами.

Это неважное обстоятельство заставило сэръ Каскиля призадуматься. Онъ разсудилъ, что слѣпой докторъ можетъ сдѣлаться для него соглядатаемъ, гораздо болѣе опаснымъ нежели огненные глаза рыцаря Танкреда.

Звонокъ призвалъ всѣхъ на палубу, гдѣ былъ накрытъ завтракъ. Кушанья, общество могло любоваться на проходившіе передъ глазами мысы, бухты, островки и части великолѣпнаго парка, вокругъ котораго озеро извивалось блестящею, то узкою то широкою лентою, на протяженiи цѣлой мили. Каждую минуту представлялась новая очаровательная картина. Всѣ были веселы, кромѣ Танкреда, которому хотѣлось выкинуть всѣхъ за бортъ, чтобы остаться одному съ леди Гленморъ и заѣхать или въ самыя темныя

тѣнистые проливы озера или выѣхать на пустынную средину океана. Картины осенней природы были такъ хороши, что мало-по-малу всѣ притихли. Леди Гленморъ облокотилась на бортъ нормы и смотрѣла въ исчезающую даль. Даже сэръ Каскиль, противъ обыкновенія, сталъ молчаливъ. Безмолвіе это длилось съ полчаса. Вдругъ сэръ Каскиль вскричалъ, такъ, чтобы всѣ слышали:

— Ахъ, если бы меня хоть на одинъ часъ сдѣлали капитаномъ!....

— Что же бы вы сдѣлали? спросилъ Танкредъ.

— Я?... я сдѣлалъ бы не лучше васъ, конечно, однако сдѣлалъ бы что-нибудь другое.

— Что же такое?

— Это моя тайна, пока я не проведень въ канцеляры.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Будьте капитаномъ. Увидимъ, чѣмъ вы насъ удивите, такимъ особеннымъ.

— Вотъ, увидите.

Этотъ вызовъ, разумѣется, привлекъ общее вниманіе. Минимый сэръ Каскиль началъ команду съ того, что приказалъ машинисту сильнѣе разогрѣть котель и прибавить ходу, а самъ всталъ на руль. Пароходъ помчался гораздо скорѣе. Все на немъ задрожало какъ въ бурю на морѣ; палуба, казалось уходила изъ-подъ ногъ пассажировъ; виды береговъ замелькали; пѣна подъ кормой свивалась большими клубами и вода въ оверѣ какъ-будто прибывала и заливала берега. Всѣ пассажиры пришли въ волненіе; леди Гленморъ была счастлива отъ упительной быстроты движенія и отъ сладостнаго тремету нервовъ. Глаза ея засверкали; она улыбалась какъ наяда плывущая на своей раковинѣ. Только Танкредъ былъ недоволенъ и озирался съ безпокойнымъ вниманіемъ. Онъ посматривалъ то на сэръ Каскиля, то на леди Гленморъ, то на берега, то на машину.

— Сэръ Каскиль, мы идемъ слышномъ скоро! сказали они наконецъ нетвердымъ голосомъ.

— Какъ вы осторожны, мистеръ Танкредъ! насмѣшливо отвѣчалъ левый капитанъ.

— Я вамъ говорю, сэръ Каскиль, мы идемъ слишкомъ скоро.

— Вамъ страшно, mesdames? спросилъ иинимый сэръ Каскиль.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вскричали дамы: такъ хорошо! такъ очень хорошо!

Танкредъ не хотѣлъ казаться трусливѣе дамъ и замолчалъ.

— Помчимся еще шибче! вскричалъ сэръ Каскиль.

— Ахъ, какъ это хорошо! чудо! чудо! прелесты!

Новый капитанъ приказалъ машинисту увеличить скорость еще на нѣсколько градусовъ. Въ ту же минуту пароходъ дрогнулъ какъ конь, который почувствовалъ ударъ шпоръ, и помчался съ немовѣрною быстротой промежь узкихъ проливовъ, взрывая зеленый илъ и смѣшивая колесами пѣну съ пескомъ. Танкредъ блѣднѣлъ отъ гнѣву. Но шпоръ ускоренія ходу судна и въ душѣ его усиливалась буря. Но онъ молчалъ. Леди Гленморъ утопала въ позѣмъ быстроты. Вѣтеръ сорвалъ съ нея шляпку, раздувалъ пузыремъ бѣлый бурнусъ и растрепалъ волосы.

— Ура! ура! кричалъ сэръ Каскиль: мы глотаемъ, мы пожираемъ пространство! Ура! ура!

Танкредъ подошелъ къ леди Гленморъ, которая держалась за бортъ въ двухъ шагахъ отъ сэръ Каскиля.

— Мой долгъ, миледи, велитъ мнѣ замѣтить сэръ Каскилю, что онъ подвергаетъ судно большой опасности..... большой опасности, увѣрю васъ!.... Машину каждую минуту можетъ взорвать.....

— Не вѣрьте! не вѣрьте! вскричалъ сэръ Каскиль.

— Я морякъ, сэръ Каскиль, а вы.....

— Вы морякъ?.... Какой вы морякъ! Я уже говорилъ вамъ, что вы очень осторожный молодой человекъ, и только!

— Вы хотите сказать трусь? Хорошо же!.... Машинистъ! навалитъ углю! Раскалитъ котелъ до-бѣла! Прибавитъ ходу, сколько есть силъ! Долой градусникъ! Грѣй не глядя.....

Танкредъ еще не кончилъ убійственной команды, какъ пароходъ налетѣлъ на мель и, дрогнувъ, такъ покачнулся

на бокъ, что чуть не зачерпнулъ воды. Пассажиры вскрикнули отъ ужасу.

— Видите! вскричалъ Танкредъ.

Но пароходъ сидѣлъ не глубоко въ водѣ и, задѣвъ только однимъ колесомъ за отведь, тотчасъ же помчался далѣе. Сэръ Каскиль захохоталъ, леди Гленморъ тоже, Восхищеніе ея съ каждою минутой возрастало: она пѣла, она смѣялась, она была въ себя. Вдругъ отъ другаго толчка, раздался страшный трескъ. Пароходъ наскочилъ на другую мель и опрокинулся на бокъ. Большая часть пассажировъ съ крикомъ полетѣла въ воду. Изъ машины съ свистомъ и ревомъ пошли столбами дымъ и паръ. Безпорядокъ былъ ужасный. Покуда Танкредъ выпрался изъ тины, сэръ Каскиль успѣлъ схватить леди Гленморъ въ охапку и соскочить съ кормы на берегъ, отъ котораго корма отстояла только на нѣсколько футовъ. Въ нѣсколько минутъ каждый убѣдился, что остался живъ и невредимъ. Всѣ отдѣлялись однимъ страхомъ. Докторъ Патрикъ и тѣ пассажиры, которые удержались на палубѣ, вовсе ничего не потерпѣли. Тѣ которые упали въ воду, только промокли платье. Одинъ Танкредъ былъ несчастливѣе всѣхъ, потому что попалъ въ зеленую тину и вылѣзъ къ еостоянн болѣе забавномъ нежели достойномъ сожалѣнн. Къ довершенію его досады сэръ Каскиль вскричалъ:

— Вы были правы, любезный Танкредъ! Я поступилъ неосторожно. Простите.

А самъ онъ между-тѣмъ сидѣлъ какъ аркадскій пастухъ на мягкой травѣ, у ногъ прекрасной леди Гленморъ, которая уже оправилась отъ легкаго обмороку и отъ души хохотала надъ своимъ приключеніемъ. Она была въ восторгѣ, что наконецъ испытала сильное ощущеніе, и очень мило благодарила сэръ Каскиля, за то что онъ спасъ ее отъ потопленія.

Танкредъ поспѣшилъ домой, чтобы по-скорѣе скрыть свою досаду и невыгодный нарядъ тритона. Но дорогѣй коварный демонъ дернулъ его оглянуться и еще болѣе увеличилъ озлобленіе ревниваго сердца. Мокрый, зеленый рыцарь увидѣлъ сцену очень естественную, которая однако сводила его съ ума. Леди Гленморъ, будучи спасаема,

завуталася волосами въ пуговицахъ на груди сэръ Каскиля и оба въ эту минуту занимались отцѣпленіемъ. Этой работы нельзя было кончить скоро и безъ боли. Леди Гленморъ принуждена была новорачивать голову въ самыя трудныя и всё-таки прелестныя положенія, а сэръ Каскиль можетъ-быть даже увеличивалъ затрудненія. Танкреду это показалось нестерпимымъ. Онъ жалѣлъ, что не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ леди Гленморъ. Влюбленные бываютъ очень великодушны.

Оправившись отъ перваго испугу, общество, окруженное прибѣжавшими слугами и садовниками, пошло пѣшкомъ къ замку, до котораго, къ счастью, было не далеко. Леди Гленморъ, еще блѣдная и слабая, но всё-таки восхищенная, шла впередъ опираясь на руку сэръ Каскиля. Докторъ Патрикъ принялъ руку Пакеретты, которой тоже несчастливо удалось удержаться на палубѣ.

— Испугъ на васъ мало подѣйствовалъ, Пакеретта, говорилъ докторъ: однако вы нездоровы: я это слышу по вашему голосу. Принимали вы сиропъ, который я прописалъ вамъ?

— Покорно васъ благодарю, докторъ, за вашу заботливость.....

— Не въ томъ дѣло. Я спрашиваю, принимали ли вы сиропъ?... Да ужъ я знаю, что нѣтъ. Болѣзнь ваша опасна, мой другъ: она у васъ въ сердцѣ.

— Да, докторъ, въ сердцѣ.

— И вы не хотите лечиться?

— Не стѣитъ, докторъ.

— Какъ не стѣитъ? Какъ можно! что это такое? Молоденькая дѣвушка не хочетъ лечиться отъ какой-нибудь ничтожной болѣзни!

— Ужъ поздно, докторъ.

— Вотъ вздоръ! Я вамъ говорю.....

— Хорошо, хорошо; не сердитесь, добрый докторъ. Я буду лечиться, буду исполнять всё ваши предписанія.

— Ну, вотъ это дѣло, Пакеретта.

Къ выраженію этой фразы докторъ Патрикъ прибавилъ сильное пожатіе руки.

— Зайдите петомъ ко мнѣ въ комнату, Пакеретта, ко-

гда вы будете свободны, продолжалъ докторъ: и попрошу васъ написать письмо къ лорду Гленмору. Такредъ те- перь писать не можетъ: онъ слишкомъ долго пребылъ въ холодной водѣ.....

— Очень хорошо, докторъ. Вы итѣ продиктуете. Всё равно.....

Дома леди Гленморъ распорядилась, чтобы потерпѣвшимъ кораблекрушеніе дали сухія платья, чаю, теплаго вина и всего, что было нужно въ ихъ положеніи. Обсужившись, отдохнули и прѣключеніе показалось забавнымъ даже тѣмъ, которые всѣхъ больше пострадали.

Между-тѣмъ докторъ Патрикъ сядѣлъ въ своей комнатѣ, у окна, а Пакеретта подлѣ него, за письменнымъ столомъ, на которомъ у нея была приготовлена бумага для двухъ писемъ. Докторъ началъ диктовать.

«Любезный Гленморъ, вы не рѣшаетесь писать къ намъ, такъ ужъ мы сами принуждены начать. Зѣмокъ вашъ, слава Богу, не сгорѣлъ; паркъ не вырубленъ и не разрушенъ ураганомъ. Вся недвижимость цѣла. Живые и «движимые тоже, слава Богу, всѣ живы. Леди Гленморъ наслаждается исправнымъ здоровьемъ, которое не подвергалось ни какой опасности, кромѣ маленькаго приключенія, отъ котораго мы сейчасъ только отдыхаемъ. Я «расскажу вамъ объ этомъ приключеніи только для того, чтобы найти какой-нибудь поводъ по-скорѣе спросить, что за человекъ — сэръ Френсисъ Архивальдъ Каскиль, «который хвалится тѣсною, закадычною дружбой съ вами и знакомствомъ со времени вашего пребыванія на «Мысѣ Доброй-Надежды.»

Тутъ докторъ Патрикъ остановился, чтобы собраться съ мыслями о томъ, что считалъ нужнымъ сообщить своему другу, не возбуждая слишкомъ его подозрѣній. Пакеретта между-тѣмъ проворно перенесла мягкое перо на другой листъ и безъ малѣйшаго скрипу написала нѣсколько строкъ, которыя остались неконченными, потому что докторъ сталъ продолжать диктовку:

«Я въ жизнь свою еще не видывалъ такого тропическаго характера какъ этотъ сэръ Френсисъ Архивальдъ «Каскиль. Онъ прѣлетѣлъ къ намъ съ Мыса-Доброй-На-

«дежды какъ вихрь, со смѣхомъ, съ шумомъ, съ крикомъ. «Въ часъ привидѣній, въ полночь, онъ чуть не выломалъ скамеечку, вбѣжалъ, опрокинулъ въ гостиной два кресла, «разбилъ мою шахматную доску и со втораго слова потребовалъ пуншу; расцѣловалъ леди Гленморъ, заставилъ меня преплестать галонъ, раздражилъ Мараканба, «растрепалъ болонку и взбѣсилъ Танкредъ. На другой «день сэръ Каскиль уже окончательно жилъ въ замкѣ. «Онъ говоритъ, дѣйствуетъ и приказываетъ какъ хозяинъ, «и, надобно замѣтить притомъ, какъ хозяинъ, котораго «слуги обожаютъ. Они готовы броситься за него въ «огонь. Не знаю, сдѣлаемъ ли мы то же, но покуда онъ «всѣхъ насъ бросилъ въ воду, вслѣдствіе безумной, бѣ- «шечной прогулки по озеру. Къ-счастію, никто не постра- «далъ. Леди Гленморъ уже оправилась отъ этого приклю- «ченія, которое сильно пугнуло, но за то, кажется, много «и потѣшило ее. Она, по-видимому находитъ большее «удовольствіе въ шутовской, часто грубой, но всегда увле- «кательной бесѣдѣ и въ простомъ обращеніи этого человѣ- «ка, который немножко морякъ, много купецъ, немножко «колонистъ, милліонеръ до крайности, нѣтъ исправно, «болтаетъ безъ умолку и веселъ съ утра до ночи. Быть- «можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что этотъ сэръ «Френсисъ Архивальдъ Каскиль очень похожъ на одного «господина, съ которымъ мы съ вами давно знакомы. «Это — та же откровенность, то же веселье, та же отвѣт- «ственность, бойкость и быстрота въ рѣчахъ и поступкахъ. «Сравненіе это вспало мнѣ на мысль само собою и я самъ «удивляюсь вѣрности многихъ подробностей. Но есть «впрочемъ и множество различій. А главное: сэръ Ка- «скиль — порохъ въ чугунной, необточенной пушкѣ, тогда «какъ тотъ, съ кѣмъ я его сравнилъ, — порохъ въ изящ- «номъ ленажевскомъ вистолетѣ.»

Докторъ опять остановился, чтобы обдумать продолженіе. Пакеретта опять воспользовалась нѣсколькими минутами для своей корреспонденціи, покуда не была принуждена продолжать писать подъ диктовку. Докторъ Патрикъ продолжалъ:

«Вы, мой другъ, пожалуйста, можете обвинять меня въ

«излишней провинительности и подозрительности, — въ чемъ хотите, — но я долженъ вамъ сказать мое мнѣніе о сэрѣ Каскилѣ. Мнѣ кажется, что онъ не совсѣмъ то, чѣмъ хочетъ казаться. Извините мое сомнѣніе, если онъ авъ самомъ дѣлѣ вашъ другъ. Мы живемъ въ вѣкѣ столь «обильномъ остроумными плутами и тонкими интригантами, что я безъ вашего согласія не могу спокойно подать руку нашему неожиданому гостю. Впрочемъ, замѣьте, что я не имѣю еще ни какого основательнаго повода недовѣрять ему. Разъясните по-скорѣе мои сомнѣнія и извините ихъ, потому что мнѣ страшно за мой страхъ.

«Леди Гленморъ здорова, какъ я уже говорилъ вамъ въ началѣ письма. Сквозь ея облака пробиваются лучи золотого солнца, какъ сказалъ бы Мильтоуъ. Дай Богъ, чтобы вы оба наконецъ нашли счастье, котораго вполне заслуживаете. Ваше домашнее несогласіе тревожитъ меня не меньше чѣмъ васъ самихъ. Я часто спрашиваю себя, чего же вамъ еще нужно, чтобы быть счастливыми? Несчастія что ли? Оба вы молоды, оба прекрасны, оба богаты и, право, только несчастье, кажется, можетъ снаучить васъ и доказать вамъ, какъ необходимы вы другъ другу для счастья.

«Прощайте, мой другъ. Отвѣчайте по-скорѣе на мое письмо. Мнѣ нужно ваше мнѣніе. Танкредъ ребенокъ: онъ отъ души служить вамъ, но онъ — пламя, которое снаклоняется туда, куда подуетъ вѣтеръ, а я — бѣдный «свѣнецъ, которому за непимѣніемъ зрѣнія физическаго необходимо тѣмъ болѣе ясное зрѣніе нравственное.

«Вы помните нашъ разговоръ на крыльцѣ, въ ночь вашаго отъѣзду, любезный Гленморъ? Доселѣ все осталось, какъ было. Жена ваша не знаетъ васъ. Сбросьте же маску, которую такъ долго носили; явитесь тѣмъ, что вы есть на самомъ дѣлѣ. Вы играете опасную игру, мой другъ! Вы мнѣ возразите, что вы знаете женщинъ. Вотъ это-то самое и мѣшаетъ вамъ узнать свою жену. Право, такъ. Прощайте. Пишите скорѣе. *Дж. мсь Патрикъ.*»

— Теперь, душа моя, сказалъ докторъ Патрикъ, возьмите, въ среднемъ ящикѣ есть конверты, и запечатайте.

Пакеретта взяла конвертъ, вложила въ него два письма

вмѣсто одного, написала адресъ и стала искать сургучу, какъ-вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, который призывалъ ее къ леди Гленморъ. Пакеретта бросила письмо и побѣжала.

— Я послѣ приѣду, запечатаю, сказала она.

— Хорошо, мой другъ, отвѣчалъ докторъ: успѣетъ еще. Вѣдь на почту завтра пойдетъ.

Пакеретта ушла съ мыслью тотчасъ же воротиться и кончить начатое непременно и невозвратно. Самый страшный шагъ былъ уже сдѣланъ: письмо вложено въ конвертъ доктора Патрика. Оставалось запечатать и отдать на почту и тогда уже никто въ мѣрѣ не властенъ будетъ недопустить его до мѣста назначенія.

Докторъ Патрикъ еще сидѣлъ и думалъ о своемъ письмѣ къ лорду Гленмору, когда дверь съ трескомъ отворилась и вбѣжалъ Танкредъ.

— Докторъ, подайте мнѣ совѣтъ! вскричалъ онъ задыхаясь.

— Это вы, Танкредъ?

— Я, докторъ. Я пришелъ носовѣтоваться съ вами.

— Чѣмъ вы нездоровы?

— Не о моемъ здоровьѣ рѣчь, докторъ.

— Такъ о чемъ же?

— О сегодняшнемъ происшествіи.

— Чтò жъ тутъ совѣтовать? Я не понимаю.

— Какъ, докторъ! вы... вы не понимаете, что лордъ Гленморъ, который поручилъ мнѣ надворъ за замкомъ, за безопасностью всѣхъ живущихъ въ немъ и въ-особенности за спокойствіемъ инледи... вы не понимаете, что лордъ Гленморъ потребуетъ у меня отчету въ происшествіи, которое могло бы кончиться очень пагубно! Чтò онъ скажетъ, если я ему отвѣчу: сэръ Каскиль виноватъ? Не скажетъ ли онъ: Чтò мнѣ сэръ Каскиль? Кто таковъ сэръ Каскиль? Развѣ я сэръ Каскиля поставилъ управляющимъ и отвѣтчикомъ? Какое вамъ дѣло до сэръ Каскиля, до этого сорванца.... этого съумасброда.... этого безстыдника....

— Остановитесь, Танкредъ. Ваши выраженія становятся слишкомъ сильными и оскорбительными....

— Я отвѣчаю за нихъ, докторъ. Я отвѣчаю за нихъ со шлагою въ рукѣ.

— Нѣтъ, вы не можете отвѣчать, потому что съума-сбродъ-то въ этомъ дѣлѣ вы.

— Я, докторъ?

— Безъ-сомнѣнія. Зачѣмъ вы передали команду пароходомъ сэръ Каскилю?

— Конечно, не слѣдовало. Но изъ этого не слѣдуетъ же что должно было растапливать машину до взрыву на воздухъ. Ее только оттого не взорвало, что дно судна разбилось о сваю и затонуло.

— А кто же въ этомъ виноватъ, если не вы? Не вы ли сами кричали машинисту, чтобы раскалить котель до-бѣда и прибавлять ходу до-нельзя?

— Да, но это ужъ было сказано съ досады.... съ бѣшенства....

— Прекрасная отговорка!

— Такъ, стало-быть, во всемъ виноватъ я одинъ, докторъ?

— Разумѣется, мой другъ. Отъ излишняго усердія, отъ неосторожности, отъ досады или отъ чего хотите, только виноваты вы, а не сэръ Каскиль. Вы ни въ чемъ не можете упрекнуть его: напротивъ, должны благодарить, что онъ спасъ миледи по-крайней-мѣрѣ отъ болѣзни, если не отъ смерти.

— Я стану благодарить его?.... когда я намѣревался.....

— Его услуга, кажется, стоитъ благодарности.

— Я и самъ сдѣлалъ бы это, безъ него.

— Правда; но всё-таки услугу оказалъ онъ и за это сердиться на него нельзя.

— Послушайте, докторъ, вскричалъ Танкредъ съ лихорадочнымъ трепетомъ: присутствіе этого человѣка въ замкѣ наскучивало мнѣ до-смерти. Такъ какъ я не имѣю права выгнать его, то по-крайней-мѣрѣ хочу уведомить объ немъ лорда Гленмора. Я напишу ему все. Пусть онъ потомъ распорядится, какъ знаетъ. Но мой долгъ велить....

— Долгъ этотъ уже исполненъ.

— Вы написали къ лорду Гленмору?

— Написалъ.

— Безъ меня?

— Я зналъ, что вы въ дурномъ расположеніи духа, которе и теперь еще не прошло. Пакеретта за васъ писала съ моихъ словъ. Письмо тутъ на столѣ, должно-быть. Посмотрите.

Между-тѣмъ какъ Танкредъ искалъ письма, докторъ думалъ про себя: «Что значить эта безпрерывно возрастающая ненависть Танкреда къ сэръ Каскино? Неужели это живое, страстное усердіе къ пользамъ лорда Гленмора происходитъ.... Но нѣтъ, это негнѣность!....»

— Развѣ леди Гленморъ тоже написала письмо? спросилъ Танкредъ.

— Нѣтъ. Почему вы такъ спрашиваете?

— Потому что въ вашемъ конвертѣ два письма.

— Какъ два? Не можетъ быть.

— Посунайте сами.

Танкредъ подалъ Патрику оба письма.

— Одно, скавалъ онъ, начинается словами: «Вы не рѣшаетесь писать къ намъ, такъ ужъ мы сами принуждены писать».

— Это мое. Какое же другое-то?

Танкредъ развернулъ другое письмо.

— Посмотрите подпись.

— Подписи нѣтъ ни какой.

— Забыта, вѣрно. Чей же почеркъ?

— Да кажется, тотъ же.

— Почеркъ Пакеретты? Полноте!....

— По-крайней-мѣрѣ чрезвычайно похожъ. Только не такъ твердъ....

— Безъименное письмо къ лорду Гленмору, тайно вложенное въ мой конвертъ! Это слишкомъ выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго и потому нескромность не только позволительна, но даже необходима.... Прочтите, Танкредъ, что это такое....

Танкредъ сталъ читать.

«Милордъ! я уже говорила вамъ о моей любви въ нѣсколькихъ письмахъ, но эти письма сожжены. Теперь я хочу только сказать вамъ о послѣднемъ моемъ намѣреніи. Я хорошо сдѣлала, что уничтожила всѣ письма: вы

«не поняли бы меня. Вы отвѣтили бы, можетъ-быть, на-
«сѣвничкой, а насѣвшка—лѣдъ, когда она падетъ на недугъ,
«которымъ я страдаю, милордъ. Ахъ, я очень страдаю! Я
«скоро испытала, что любовь состоитъ изъ двухъ чувство-
«ваній,—изъ счастья и отчаянiя. На мою долю досталось
«одно отчаянiе. И могло ли быть иначе, когда я въ безум-
«номъ ослѣпленiи избирала васъ предметомъ безпредѣльна-
«го обожанiя? Но я не избрала васъ. Это еще нѣсколько
«оправдываетъ меня. Всему виною—моя судьба, предопре-
«дѣленiе. Теперь дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы жить
«взавлужденiемъ, а чтобы умереть за него, и я умру, ми-
«лордъ, если только не случится какое-нибудь чудо. Но
«чудеса не случаются съ тѣми, кто ждетъ ихъ....»

Докторъ Патрикъ съ горестью понималъ несчастную, ро-
ковую страсть Пакеретты. Она любила лорда Гленмора!
Онъ понималъ ея болѣзнь и понималъ также, что спасти ее
нѣтъ никакой возможности. Раскрыть ея тайну—значило
убить съ-разу; оставить—значило позволить умирать мед-
ленно отъ ядовитой тайны и ни чѣмъ неизмѣнимой мы-
сли. «Вотъ еще жертва преувеличенной, отравляющей об-
разованности, несообразной съ состоянiемъ! думалъ док-
торъ: если бы Пакеретта не читала всѣхъ англiйскихъ,
французскихъ, латинскихъ и греческихъ поэтовъ, а зани-
малась бы пряжей нитокъ и тканьемъ холста, молодость
ея была бы безмятежна, а впоследствии она вышла бы
за-мужъ за какого-нибудь честнаго фермера и была бы
счастлива.

— «Я вамъ скоро скажу, продолжалъ читать Танкредъ,
который тоже на минуту остановился и задумался, потому
что слова Пакеретты огнемъ вливались ему въ мозгъ ко-
стей: «я вамъ скажу, что разумѣю подъ чудомъ въ мо-
«емъ положенiи. Дайте мнѣ сказать вамъ напередъ, чѣмъ
«я обязана этой любви, открытiе которой, безъ-сомнѣнiя,
«поражаетъ и изумляетъ васъ. Я обязана этой любви, а
«слѣдовательно и вамъ, неизмѣримымъ блаженствомъ
«безусловнаго и смиреннаго вѣрованiя въ жизнь лучшую.
«Доселѣ я любила и землю и жизнь. Теперь я не узнаю
«счастья на землѣ, не узнаю и разочарованiя. Я не жалѣю
«объ утраченной жизни: меня ждетъ блаженство тамъ. Уме-

«реть съ этою мыслию — значить прожить счастливо. И «этими я обязана любви и вамъ, потому что черезъ васъ я «поняла любовь....»

Танкредъ остановился и въ раздумьѣ смялъ письмо.

— Чтò вы не читаете? Продолжайте, Танкредъ, сказала докторъ.

Танкредъ встрепенулся и продолжалъ:

«Теперь я скажу вамъ, какое чудо, по-моему, могло бы «спасти меня отъ смерти. Я думала, что занявъ свое сердце кѣмъ-нибудь другимъ, я забуду или ослаблю любовь «свою къ вамъ. Я стала озираться вокругъ и искать предмета, достойнаго привязанности. Но я видѣла только людей, «мужчинъ, а вы не мужчина, вы не человекъ, милордъ! «вы тотъ, кого я люблю. Потомъ я обратила взоръ на «сэръ Каскиля, потому что онъ надѣлалъ столько шуму въ «нашемъ домѣ. Но мнѣ невозможно любить этого человекъ- «ска. Какъ полюбить это надоѣдательное буянство; эту пло- «щадную простоту; эту нестошщиму фамиллярность, ко- «торой можно предпочесть пренебреженіе; эту вольность, «которая доходитъ до безстыдства?...»

— Bravo, Пакеретта! вскричалъ Танкредъ въ восторгѣ: вотъ портретъ съ натуры! Bravo, bravo, Пакеретта!...

— Пакеретта? Почему вы вспомнили теперь о Пакереттѣ? спросилъ докторъ съ превосходно стьиграннымъ изумленіемъ.

— Почему?... Но мнѣ кажется.... вѣдь это письмо Пакеретта писала....

— Чтò съ вами сегодня, Танкредъ? У васъ сегодня, кажется назначенный день для всевозможныхъ заблужденій.

— Такъ чье же это письмо?... Скажите, докторъ.... потому что.... признаюсь....

— Сейчасъ, сейчасъ.

Докторъ Патрикъ пошелъ и заперъ дверь на задвижку.

— Это письмо, конечно, не можетъ компрометировать той, которая написала его, продолжалъ докторъ, воротившись на мѣсто: но всё-таки нужно уважить тайну, болѣе нежели тайну, — довѣренность, которая до насъ не касается.

— Но, наконецъ, чье же это письмо? съ интереснѣе спросилъ Танкредъ.

— Неужели вы не догадываетесь? Разумѣется, отъ леди Гленморъ.

— Отъ леди Гленморъ!... это письмо — отъ леди Гленморъ!... Но.... подумайте, докторъ!... она.... неужели она жалуется, что не можетъ сказать своему мужу о любви?... неужели она тайно любила своего мужа?

— Подумайте сами. Чтѣ жъ тутъ невозможнаго? Развѣ обстоятельства этого дому мало извѣстны вамъ?

— Правда.

— Стѣсненіе и принужденіе обнаруживаются во всѣхъ отношеніяхъ лорда Гленмора къ женѣ. Развѣ подъ этимъ мало можетъ скрываться тайныхъ страданій?...

— Правда, докторъ, отвѣчалъ Танкредъ, который съ большимъ трудомъ старался понять, чтѣ говорилъ ему почтенный Патрикъ: правда, но неужели леди Гленморъ до того несчастна, что въ самомъ дѣлѣ хочетъ умереть?

— Развѣ вы забыли глубокую задумчивость и тоску, которыя такъ часто пугали васъ столько же сколько и меня?...

— Нѣтъ! нѣтъ, докторъ! я не забылъ! вскричалъ Танкредъ внѣ себя: но она не умретъ!... неправда ли, докторъ? она не умретъ?... Душенька, докторъ! скажите, что она не умретъ!... Вѣдь это ужасно!... Я съ ума сойду!... Ради Бога, скажите мнѣ, что она не умретъ.... мы не дадимъ ей умереть....

— Ну, такъ и есть, подумалъ докторъ Патрикъ: Танкредъ тоже влюбленъ. Два открытія вмѣсто одного. Бѣдныя дѣти! — О, конечно не умретъ, продолжалъ онъ вслухъ: и вы видите, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что леди Гленморъ писала это письмо, въ которомъ выражается немножко жестоко и несправедливо насчетъ сэръ-Каскиля.

— Какъ! съ живостью подхватилъ Танкредъ: но это-то самое и заставляетъ меня думать, что леди Гленморъ писала это письмо. Теперь-то я и вѣрю, что это ее письмо!

— Однако жъ, продолжалъ докторъ съ притворнымъ

сомнѣніемъ, для того чтобы Танкредъ сталъ рѣшительнѣе утверждать: однако жъ....

— Что вы хотите сказать?

— Этотъ вчеркъ Пакеретты....

— Дѣло очень простое, докторъ!

— Ну, не такъ чтобы просто!

— Помилуйте! Развѣ вы не знаете, что Пакеретта пользуется полною довѣренностью леди Гленморъ, и развѣ это первый примѣръ, что госпожа въ перепискѣ прибѣгаетъ къ помощи своей довѣренной горничной? Пакеретта, вѣроятно, сказала ей, что будетъ писать для васъ письмо къ лорду Гленмору, и тогда миледи, изнуренная, утомленная приключеніемъ на озерѣ, вѣроятно, продиктовала ей это письмо и велѣла вложить въ вашъ конвертъ.

— Да, конечно, должно-быть такъ, сказалъ докторъ: вы убѣдили меня.

— И если ужъ миледи сама такъ рѣшительно презираетъ сэръ Касквля, то я-послѣдую вашему совѣту, докторъ, и ничего не стану предпринимать противъ этого заморскаго выходца. Онъ самъ собою довольно старается надоѣсть и наскучить. Мнѣ стыдно, когда я вспомню, что могъ хоть на минуту усомниться насчетъ образа мыслей великолѣпной леди Гленморъ въ отношеніи къ сэръ Архибальду Касквлю. Побѣгу посмотрѣть, въ какомъ она состояніи послѣ нашего кораблекрушенія. Конечно, въ неприятомъ, если судить по этому письму.... О, нѣтъ! она не умретъ!...

— Одно слово, Танкредъ. Прошу сохранить это письмо въ тайнѣ.

— Клянусь вамъ, докторъ.

— Хорошо. Ступайте, мой другъ.

Танкредъ ушелъ.

Докторъ искусно разыгралъ сцену: честь Пакеретты была спасена. Въствѣ съ тѣмъ онъ узналъ и то, чего никогда не предполагалъ, о чемъ никогда не вздумалъ бы догадываться: страсть Танкреда къ леди Гленморъ, страсть пылкую, необдуманную, неосторожную, которая даже не беретъ на себя труда скрываться. Но по самой этой откровенности она казалась ему не опасною: примѣтивъ ее, ле-

ди Гленморъ не можетъ встревожиться: она всегда будетъ видѣть въ любви Танкреда только энтузіазмъ, вѣтеръ, поэзію шестнадцатилѣтняго мальчика. Ктому же докторъ Патрикъ готовъ былъ положить руку въ огонь и голову подъ топоръ на томъ, что лордъ Гленморъ и Флавія наконецъ непременно полюбятъ другъ друга.

Вводя Танкреда въ заблужденіе насчетъ письма Пакеретты, докторъ надѣялся также пѣсколько укротить его ненависть къ сэръ Каскляю, въ которомъ молодой человекъ видѣлъ непримиримаго, кроваваго врага. Но къ чему служатъ самыя искусныя разсчеты благоразумныхъ людей? Если бы Танкредъ, взволнованный и утѣшенный мыслию о презрѣніи леди Гленморъ къ сэръ Каскляю, не бросилъ письма, а дочиталъ бы до конца, то уже ни Макиавель ни Ришліе не провели бы его. Письмо оканчивалось такъ:

«Еще одна просьба, милордъ.... только одна. Больше вы уже не услышите отъ меня ни слова, не увидите ни строки. Когда меня не станетъ, не давайте моимъ родителямъ знать о моей судьбѣ. Пусть они останутся въ вѣчномъ невѣдѣніи. Они сначала будутъ обвинять меня въ равнодушіи, въ неблагодарности.... Пусть. Потомъ они, быть-можетъ, станутъ писать къ вамъ. Не отвѣчайте. Чтò вы можете отвѣчать?... О, не отвѣчайте, что бѣдная ихъ Пакеретта умерла отъ любви!... Пусть они думаютъ, что я уѣхала. Пройдутъ годы. Меня сочтутъ уѣхавшею въ Америку. Пусть думаютъ все, чтò хотятъ, лишь бы не знали о моей любви.»

— Бѣдная Пакеретта! думалъ докторъ Патрикъ: вотъ болѣзнь, противъ которой ничтожно всякое врачеваніе. Люди смѣются надъ страданіями любви, говорятъ, что отъ любви не умираютъ.... Какое странное, какое варварское заблужденіе! Гордые моралисты опираются для доказательства только на тѣхъ, которые переживаютъ. Но они вовсе не знаютъ тѣхъ, которые гибнутъ. И какъ знать объ нихъ? Они тайно роютъ себѣ могилу въ холодномъ лоуѣ рѣки или смѣшиваютъ душу свою съ убійственнымъ угаромъ.... и кромѣ-того, сколько молодыхъ и нѣжныхъ существъ, подобныхъ Пакереттѣ, безмолвно гаснутъ и

исчезаютъ какъ падучія звѣзды, на небѣ! У нихъ нужно бы спросить, умираютъ ли отъ любви.

Докторъ Патрикъ разорвалъ Пакереттино письмо, а на мѣсто его положилъ бѣлый листъ бумаги, чтобы Пакеретта не примѣтила утайки, когда будетъ запечатывать. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ Пакеретта пришла, запечатала конвертъ и ничего не примѣтила. Она была увѣрена, что запечатываетъ свое письмо. И сколько тутъ было опасеній! сколько надеждъ! А между-тѣмъ лордъ Гленморъ при письмѣ отъ доктора Патрика получитъ бѣлый листъ бумаги и подумаетъ, что это случилось по ошибкѣ.

— Таковы всѣ наши надежды! печально прошептала докторъ Патрикъ, когда Пакеретта ушла: почти каждая изъ нихъ превращается наконецъ..... въ бѣлый листъ бумаги!

Со времени кораблекрушенія на озерѣ, леди Гленморъ, казалось, постепенно теряла свое аристократическое дѣкарство. Она часто смѣялась надъ этимъ приключеніемъ, потому что находила въ немъ поводъ пошутить надъ Танкредомъ и похвалить расторопность сэръ Каскиля. Это разумѣется, разжигало войну, которая давно уже была ливною и прекращалась, для виду, тогда только, когда леди Гленморъ примѣчала и начинала шутить и надъ нею тоже.

Облетающіе желтые листья начали предсказывать скорое приближеніе зимы. Леди Гленморъ не располагала оставаться за городомъ и потому стала думать о меблировкѣ квартиры, которую лордъ Гленморъ, передъ отъѣздомъ, нанялъ въ улицѣ Риволи. Надобности ей не было принимать на себя эту заботу, но она чувствовала потребность въ движеніи и дѣятельности. Въ ней пробудилось новое желаніе и она не подавляла его, какъ безъ-сомнѣнія подавила бы въ другое время. Впрочемъ, ей нужно было также заказать себѣ нарядовъ на зиму и сдѣлать нѣсколько необходимыхъ визитовъ. Поэтому она стала часто ѣздить въ Парижъ, въ сопровожденіи своего почетнаго кавалера, Танкрета. Иногда брала съ собой и Пакеретту, особенно, когда нужно было закупать наряды. Они разъѣзжали по магазинамъ и лавкамъ, бывали у мебельщиковъ и обойщи-

ковъ, и возвращались домой съ цѣлыми грузами обновокъ. По вечерамъ обновки раскладывались на столахъ и подвергались осмотру и оцѣнкѣ. И тутъ нинимый сэръ Архивальдъ Каскиль часто изумлялъ тонкостью вкуса, великолѣпиемъ и изяществомъ своихъ совѣтовъ касательно нарядовъ и убранства комнатъ, но вслѣдъ за тѣмъ обыкновенно отпускалъ какую-нибудь нелѣпую пошлость, которая возбуждала всеобщій хохотъ и заставляла Танкреда мысленно, а иногда и вслухъ заключать такъ:

— Тотчасъ видно, что сэръ Архивальдъ Каскиль прѣхалъ съ Мыса-Доброй-Надежды.

Эти почти ежедневныя поѣздки съ леди Гленморъ въ Парижъ дѣлали Танкреда счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Убѣжденный въ ея равнодушіи къ сэръ Каскилю и въ желаніи полюбить кого-нибудь, чтобы забыть холодность мужа, онъ предавался самымъ сладостнымъ мечтамъ. Онъ, Танкредъ, такъ любилъ ее! Отчего же ему не быть любимымъ взаимно? но быть любимымъ безукоризненно, безстыда; пламенно, но благородно; тайною и чистою любовью, въ которой очень молодые люди не отдають себя отчету и которая между-тѣмъ столь же истинна сколько неопредѣлима. Танкредъ обладалъ тайною этой женщины, онъ обладалъ ея жизнію, какъ онъ думалъ, и если бы ему удалось увидѣть возрожденіе улыбки, которая нѣкогда очаровывала весь лондонскій дворъ, онъ былъ бы доволенъ: онъ счелъ бы это своимъ произведеніемъ и не сталъ бы желать ничего больше. Онъ шелъ къ этой прекрасной цѣли ступая по коврау изъ розъ и поднявъ голову за облака. Прекрасный, счастливый возрастъ! дивныя заблужденія!

Танкредъ гордился и былъ счастливъ еще и тѣмъ, что, безсмысленно сопровождая леди Гленморъ, одерживалъ рѣшительную побѣду и преимущество надъ сэръ Каскилемъ. Однажды вечеромъ, по возвращеніи изъ Парижа, когда покупки были разложены на столѣ, онъ спросилъ его довольно смѣло и насмѣшливо:

— Въ чемъ же вы, сэръ Каскиль, проводите время нашего отсутствія, куда мы покупаемъ всѣ эти прекрасныя вещи?

— Это вы, любезный другъ, угадаете сами. Я провожу время въ сожалѣніи о вашемъ отсутствіи и въ ожиданіи возвращенія.

— Это очень учтиво съ вашей стороны. Но чѣмъ вы именно занимаетесь? читаете, пишете?

— Нѣтъ; мои познанія не довольно обширны для продолжительнаго занятія такими вещами.

— Но что же вы дѣлаете?

— Занимаюсь садоводствомъ, обрѣзываю сухіе сучья въ паркѣ, подстригаю акаціи....

— О! вскричала леди, примѣривая новый головной уборъ: значить я обязана вамъ благодарностью за попеченія о моемъ имѣніи?

— Надѣюсь заслужить, миледи.

— Да, подхватила Пакеретта, сэръ Каскля видѣли даже на скотномъ дворѣ.

— Такъ вы и въ скотоводствѣ знаете толкъ, сэръ Каскель?

— Конечно, миледи. На Мысѣ-Доброй-Надежды всѣ немножко занимаются скотоводствомъ. Я посѣщаю также ваши конюшни и въ этомъ отношеніи осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя улучшенія, когда лордъ Гленморъ воротится.

— Для этого не нужно дожидаться возвращенія лорда, съ важностью возразилъ Танкредъ: я могу выслушать ваши предложенія, потому что я теперь всѣмъ завѣдываю. Если ваши улучшенія въ самомъ дѣлѣ полезны и необходимы, то вы можете сообщить ихъ мнѣ. Это будетъ ближе къ цѣли и, слѣдовательно, лучше.

— Справедливо, мой любезный другъ. Такъ я вамъ советую поднять полъ въ конюшнѣ футовъ на полтора. Отъ этого и полъ будетъ суше и потолокъ по-ниже. И то и другое улучшеніе чрезвычайно полезно для здоровья лошадей.

— Это улучшеніе уже было сдѣлано, небрежно сказалъ Танкредъ.

— Но недостаточно, любезный другъ.

— Можетъ-быть....

— Совершенно недостаточно, увѣряю васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ докторъ Патрикъ, я тоже думаю, что предлагаемое сэръ Каскилемъ улучшение можетъ предупредить нѣкоторыя болѣзни лошадей.

— А я думаю, что это очень мало поможетъ.

— Какъ вы упрямы сегодня, Танкредъ! замѣтила леди Гленморъ продолжая поправлять на головѣ вѣтку маргаритокъ.

— Это оттого что, я думаю, я знаю толкъ въ лошадяхъ не меньше чѣмъ сэръ Каскиль въ коровахъ. Всякому свое ремесло.

— Я коровами не торгую, возразилъ сэръ Каскиль смѣясь: это не мое ремесло, точно такъ же какъ и вамъ, въ качествѣ моряка, простиительно не знать толку въ лошадяхъ.

— Вы ошибаетесь, сэръ Каскиль: я очень люблю лошадей и очень много ѣзжу верхомъ.

— Верховая ѣзда и коноводство—это двѣ вещи совершенно разныя, вскричалъ сэръ Каскиль: въ верховой ѣздѣ я не запинаясь торжественно признаю васъ моимъ масте-ромъ.

— Развѣ вы не ѣздите верхомъ? спросила леди Гленморъ.

— Ёзжу, миледи, но довольно плохо, довольно мѣшк-вато.

Танкредъ съ жадностью воспользовался случаемъ.

— Ахъ, какъ жаль! вскричалъ онъ: а я именно завтра хотѣлъ предложить миледи устроить кавалькаду въ паркѣ. И вы поѣхали бы съ нами, если бы....

— Чтò жъ? я поѣду, если вамъ угодно.

— Но вѣдь миледи и я, мы мчимся какъ буря, какъ ураганъ!

— Я не обѣщаю вамъ такой же быстроты. Я просто поѣду какъ хорошая погода.

— Такъ вы поѣдете по нашимъ слѣдамъ?

— Да... Чтò жъ? вѣдь это уже довольно почетно.

— Однако жъ это всё-таки не помѣшаетъ вамъ свалиться на извѣстномъ мѣстѣ, которое я вижу отсюда.

— Вы уже отсюда видите мѣсто, гдѣ я свалюсь? Какъ вы ободряете меня.

— Ваше воображеніе, Танкредъ, мчится, кажется, еще скорѣе нашихъ лошадей.

— Что жъ, миледи? Сэръ Каскиль, на прошедшей недѣлѣ опрокинулъ меня въ воду, такъ я не вижу причины, почему бы ему не свалиться немножко на землю для вашего удовольствія.

— Вы посмѣялись бы?

— Конечно, сэръ Каскиль.

— Ну, пожалуй: я человѣкъ не щекотливый. Я не только желаю доставить вамъ пріятное зрѣлище моего паденія, но готовъ даже упасть при многихъ свидѣтеляхъ.

— Не хотите ли устроить скачку, на лугу, передъ террасой?

— Нѣтъ, объ этомъ я не думалъ. Вы подали мнѣ мысль.... Но, я думаю, это слишкомъ публично будетъ.... я могу черезъ-чуръ осрамиться....

— И, полноте! вскричалъ Танкредъ, съ наслажденіемъ воображая, какую блистательную можетъ одержать побѣду: вы не упадете! А если и упадете, такъ что жъ? На травѣ — ничего.... Вы согласны, миледи?... Скажите — да!... Ура! у насъ будетъ скачка!... это рѣшено.... на лугу.... Мы пригласимъ сосѣдей. Въ окрестности есть около десятка наѣздниковъ. Они будутъ рады. Мы будемъ держать заклады. Побѣдитель получитъ серебряный кубокъ изъ рукъ леди Гленморъ: это будетъ прелесть!

— Если миледи согласится, замѣтилъ сэръ Каскиль.

— Миледи согласна! подхватилъ Танкредъ.

— Пожалуй, сказала леди Гленморъ: но какова будетъ погода.

— О! погода прекрасна. Сегодня четвергъ. Скакать будемъ въ воскресенье. Въ два дни можно подготовиться.

— Ну, такъ въ воскресенье, сказалъ сэръ Каскиль.

— Рѣшено. Лошадей у лорда Гленмора довольно. Вы выберете по-себѣ, а я по-себѣ.

— Но, конечно, никто не выберетъ Неджи, замѣтилъ докторъ.

Всѣ захохотали.

— Конечно, нѣтъ, сказалъ Танкредъ: выбрать Неджи — то же, что выбрать самого чорта!

Неджи была молодая арабская лошадь, привезенная въ числѣ подаренныхъ турецкимъ султаномъ английской королевѣ и купленная лордомъ Гленморомъ за большія деньги, только ддятого чтобы полюбоваться на нее, потому что сѣтъ никто не могъ: она была неукротима какъ левъ и неприкосновенна какъ огонь. Самые отважные ѣздоки блѣднѣли при мысли о скачкѣ на этомъ арабскомъ вихрѣ.

Танкредъ, предчувствуя близкое торжество, великодушно подалъ сэръ Каскилю руку, которую тотъ дружески пожалъ, и дѣло было кончено. Въ воскресенье имъ назначено скакать въ-запуски, въ присутствіи леди Гленморъ.

— Посмотримъ, какъ-то ты поскачешь! думалъ про себя Танкредъ.

— Увидимъ, кто надъ кѣмъ посмѣется! думалъ графъ Мэддокъ.

Докторъ Патрикъ тоже что-то обдумывалъ. Ему казалось, что предложилъ состязаніе на скачкѣ вовсе не Танкредъ, а сэръ Каскиль. Это возбуждало подозрѣнія, которыхъ однако жъ не начемъ было основать.

Было уже поздно. Всѣ разошлись. Пакеретта осталась одна въ залѣ и доканчивала укладку обновокъ.

— Странно! думала она: вотъ уже нѣсколько дней все то же повторяется.... Не сказать ли леди Гленморъ?.... Каждый разъ, когда мы входимъ въ какой-нибудь магазинъ и покупаемъ платья, матеріи, шляпки или что бы то ни было, вслѣдъ за нами входитъ или дама или молодой человекъ и покупаетъ точно то же самое. Что бы это значило?... И сегодня утромъ тоже: миссиди купила кружевную мантилю, а на другомъ концѣ магазина дама подъ воалемъ стала разсматривать и торговать точно такую же. Потомъ, когда миссиди заѣхала къ брильянщику и купила жемчужное ожерелье, которое стоило пять тысячъ франковъ, вошедшій послѣ насъ молодой человекъ заказалъ совершенно такое же. Неужели это все случайности?... Странно!... Но, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ только случай.... К чему же поднимать тревогу изъ-за пустяковъ? Что мнѣ за дѣло?...

Пакеретта рѣшила, что не нужно сказывать леди Гленморъ о замѣченной странности.

На другой день разослали къ сосѣдямъ приглашенія и начали приготовленія къ скачкѣ. Устроили мѣсто для зрителей и огородили бѣгъ. Танкредъ выбралъ себѣ прекрасную сѣрую лошадь; сэръ Каскиль — кобылу шоколаднаго цвѣту, хотя хорошей породы, однако неуклюжую и тяжелую на подъемъ. Въ-особенности же Танкреда смѣшивалъ несчастный цвѣтъ: шоколадный! Одно это безвкусіе уже ручалось за совершенное изложеніе сэръ Каскиля.

Къ зрѣлищу скачки невозможно приготовляться хладнокровно. Души самыя грубыя, самыя чуждыя этому благородному удовольствію, ощущаютъ нервическій трепетъ при мысли о сопряженной съ нимъ борьбѣ. Въ замкѣ поднималась страшная тревога. Сама леди Гленморъ очень хлопотала, чтобы праздникъ былъ какъ-можно великолѣпнѣе и чтобы многочисленныя гости не замѣтили ни какого недостатку. Танкредъ не выходилъ изъ конюшни: онъ проводилъ все время подлѣ своей лошади, жилъ только съ нею и для нея, самъ кормилъ и поилъ, самъ чистилъ и холитъ ее по всѣмъ правиламъ искусства жокеевъ. Сэръ Каскиль или графъ Мэддокъ, напротивъ, занимался своею шоколадною кобылою столько же сколько кобылицей рыцаря Роланда.

Одна только туча на минуту затмила шумныя приготовленія. Вечеромъ, наканунѣ скачки, сэръ Каскилемъ вдругъ овладѣло позднее раскаяніе.

— Нельзя ли избавить меня отъ этой скачки и особенно отъ состязанія? сказалъ онъ Танкреду въ присутствіи леди Гленморъ и доктора Патрика: я отдумалъ. Оно немножко неловко будетъ....

— Вы отказываетесь? вскричалъ Танкредъ.

Лишить его удовольствія скакать съ сэръ Каскилемъ, значило лишить Наполеона ваграмской или аустерлицкой побѣды.

— Да.... мнѣ не хочется.

— Но отчего же?

— Оттого что опасаясь состязанія съ вами.

— О, эта скромность черезъ-чуръ преувеличена!
 — Она лучше тщеславія.
 — Но ваша философія уже опоздала.
 — Такъ вы не разрѣшаете меня отъ даннаго слова?
 — Нѣтъ, сэръ Каскиль; вы должны скакать.
 — Будьте же свидѣтелями, миледи, и вы, докторъ Патрикъ: меня принуждаютъ скакать, меня насильво заставляютъ скакать.

— Да, но согласитесь, что вы поздно вздумали отказываться, зашѣтила леди Гленморъ.

— Конечно. Ну, нечего дѣлать, будемъ скакать.

Докторъ Патрикъ ничего не отвѣчалъ. Онъ еще легче видѣлъ, что сэръ Каскиль хитритъ, только не понималъ, къ чему.

Наконецъ великій часъ насталъ. Приглашенные и неприглашенные зрители собрались и заняли свои мѣста, кто на подмосткахъ и въ ложахъ, кто въ своихъ экипажахъ, или верхомъ на лошадяхъ вокругъ барріера. Толпы незваныхъ тѣснились въ промежуткахъ и лѣзли на всякое возвышеніе, даже на деревья аллен, которою ограничивался лугъ. Собраніе было великолѣпно, погода прекрасна, такъ, что лица дамъ могли показаться въ самомъ пріятномъ, свѣжемъ и тепломъ колоритѣ. Только одна дама не открывала своего лица. Она была вся въ черномъ и сидѣла одна въ красной коляскѣ, насупротивъ главной ложи, гдѣ находилась леди Гленморъ съ самыми короткими своими знакомками. Черная дама, очевидно, хотѣла сохранить инкогнито, хотя такая предосторожность при большомъ стеченіи народу была совершенно не нужна.

Равдался звонокъ. Лица оживились, платки завѣяли и скачка началась. Было много неудачъ, много и блистательныхъ побѣдъ. Вообще все шло хорошо, въ обыкновенномъ порядкѣ, какъ-вдругъ случился эпизодъ, къ которому зрители вовсе не были приготовлены.

Съ четверть часа уже старая толстая графиня де-Булакъ твердила своему кавалеру, тощему бронуэту:

— Нѣтъ, мосьё Боремі, нѣтъ! я не хочу, чтобы вы скакали. Я не позволяю.

— Но я позволяю же мосьё Зефирину проскакать! зашѣ-

твля другая старая графиня, черная и сухопарая какъ скелеть, указывая на одутловатаго блондина: пусть про- скачуть. Чтѣ жъ за бѣда?

Одутловатый блондинъ взглянулъ на тощаго брюнета и оба смиренно ждали рѣшенія своей судьбы.

— Вы можете дѣлать, чтѣ вамъ угодно, любезная графиня, продолжала графиня де-Булакъ: но если мосьѣ Боремй сломаеть себѣ ногу, то вы, конечно, не замѣните ее цѣльною.

— Однако жъ, милая мадамъ де-Булакъ, возразила графиня де-Мартиниѣ: вы обѣщали позволить мосьѣ Боремй проскакать одинъ разъ.

— Правда.... я обѣщала. Но я теперь вижу, какой можно подвергнуться опасности и ни за чтѣ не соглашусь.

Уже около десяти минутъ очередь была за мосьѣ Боремй и мосьѣ Зефириномъ. Зрители терли терпѣннѣе. Поднялся гѣворъ.

— Поскачуть они или не поскачуть?

— Поскачуть!

— Нѣтъ, не поскачуть!

— Ну, ужъ если вы непремѣнно хотите, чтобы и вашъ мосьѣ Зефиринъ сломилъ себѣ шею, такъ пусть ихъ скачуть, вскричала наконецъ графиня де-Булакъ: я позволяю вамъ, мосьѣ Боремй: скачите, только смотрите, осторожнѣе!

— Да, да, ради Бога, осторожнѣе! прибавила графиня де-Мартиниѣ: по-тише, не съумасбродствуйте и черезъ барьеръ не скакать. Только съ этимъ условіемъ я васъ отпускаю. Ну, съ Богомъ.

Мосьѣ Боремй и мосьѣ Зефиринъ сѣли на лошадей.

Тутъ началась истинная потѣха. На скачкахъ, сколько извѣстно, со времянь олимпійскихъ, наѣздники и лошади всегда состязались въ быстротѣ, а мосьѣ Боремй и мосьѣ Зефиринъ, въ угоду своимъ покровительницамъ, очевидно, хотѣли побѣдить одинъ другаго медленностью. Каждый боялся обогнать другаго, чтобы не быть первою причиною свихнутой шеи или переломленной ноги. Эта пародія на скачку, разумѣется, имѣла успѣхъ и заслужила рукоплесканія. Зрители очень развеселились. Леди Гленморъ

сѣясь вмѣстѣ съ другими, печально уронила свой букетъ. Насмѣшники увидѣли въ этомъ остроу, намѣреніе уличить страныхъ побѣдителей. Загремѣлъ хохотъ, рукоплесканія; поднялся крикъ; вѣдоновъ осыпала букетами. Графиня де-Булакъ и графиня де-Мартиніе позеленѣли отъ бѣшенства.

— Хорошо же, голубушка! сказала графиня де-Булакъ задыхаясь и бросивъ на леди Гленморъ ядовитый взглядъ: хорошо! Я отплачу тебѣ.

Она съ гнѣвомъ вырвала изъ своего бумажника листокъ и послала съ лакеемъ къ черной дамѣ, которая сидѣла одна въ коляскѣ, противъ ложи леди Гленморъ. На листкѣ было написано карандашомъ: «Я согласна на вчерашнее ваше предложеніе».

— Кто же эта старая графиня или эти старыя графини? спросилъ маркизъ де-Сенъ-Люкъ, перебивъ рассказъ кавалера де-Профундуса.

— Это вдовы и короткія между собою пріятельницы. Онѣ живутъ дружно какъ сестры, потому что пользуются совершенно одинаковыми удобствами жизни, имѣютъ совершенно одинаковыя наклонности и отличаются только вкусомъ, какъ вы могли замѣтить изъ того что одна любитъ толстаго брюнета, а другая толстаго блондина. Онѣ также пріятельницы съ леди Гленморъ и бывають у нея правильно каждую недѣлю разъ, вмѣстѣ съ своими кавалерами и болонками и мопсами. Онѣ только озлоблены на леди Гленморъ, зато что она принимаетъ ихъ не по субботамъ когда танцуютъ, а по середамъ, когда играютъ въ карты и когда у нея собирается второклассное общество разныхъ старушекъ и всесвѣтныхъ кумушекъ, которыхъ нельзя не приглашать и которыхъ она однако жъ не желаетъ смѣшивать съ блестящими и избранными своими пріятельницами. Этому графиня де-Булакъ и графиня де-Мартиніе не могли простить ей и, разумѣется, отводили душу сколько могли сплетнями и злословіемъ. Имъ, напримеръ, давно было извѣстно, что леди Гленморъ любитъ Танкреда. Ея насмѣшка, — какъ онѣ рѣшили, — надъ мосеѣ Борсми и мосеѣ Зефирномъ вмигъ довела эту тайную вражду до яростнаго, непримиримаго озлобленія. Особенно

графиня де-Булакъ готова была тотчасъ же броситься и растерзать ненавистную.

Между-тѣмъ раздался еще звонокъ и на арену выгъхалъ Танкредъ, на прекрасной сѣрой лошади, въ легкомъ костюмѣ, съ голубымъ шелковымъ п, какъ казалось, женскимъ платочкомъ на шеѣ. Дамы съ удовольствіемъ встрѣтили молодаго красиваго всадника и не одни уста тайно шептали желаніе ему побѣды. Леди Гленморъ привѣтливо поклонилась, а онъ слегка обернулъ свой шейный платокъ. На лицѣ его было написано, что съ этимъ платкомъ онъ побѣдитъ. Леди Гленморъ узнала свою косынку, которую въ четвергъ вечеромъ сняла въ залѣ и потомъ не могла найти.

Танкредъ ждалъ только сэръ Каскиля, чтобы пуститься къ давно желанной цѣли. Сэръ Каскиль медлилъ. Но вотъ въ концѣ арены поднялась тревога. Всѣ глаза оборотились въ ту сторону. Толпа разступилась и пропустила конюха, который велъ или, лучше сказать, висѣлъ на уздѣ лихаго арабскаго коня и конь этотъ храпя и роя землю бросалъ своего жохатаго со стороны на сторону, какъ кошка бросаетъ мышъ. Конь этотъ былъ Неджи, страшный, огненный, неукротимый Неджи. Онъ храпѣлъ, извивался змѣей, пѣнился. Всякій спрашивалъ, что будетъ съ этимъ коземъ и длячего его привелъ? Явился сэръ Каскиль. Простотою и изяществомъ своего наряда, такъ же какъ и стройностью, красотою сложенія и ловкостью въ движеніяхъ онъ произвелъ на всѣхъ женщинъ и на леди Гленморъ такое впечатлѣніе, какого она вовсе не ожидала. Танкредъ въ сравненіи съ нимъ былъ только хорошенькій мальчикъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ Танкреду: я долженъ сообщить вамъ печальную новость.

— Какую, сэръ Каскиль?

— Моя шоколадная кобыла издохла.

— Издохла!... такъ на какой же вы поскачете?

— На Неджи.

— На Неджи?

— Да. Я пришелъ васъ просить, чтобы вы позволили.

Это требованіе такъ озадачило Танкреда, что съ минутою онъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: я не могу позволить невозможное.

— Возможно или не возможно, это мое дѣло.

— Нѣтъ, послушайте, сэръ Каскиль, я думаю, вы потому только настаиваете, что навѣрное знаете, я не соглашусь.

— Только трусъ отважится сдѣлать слишкомъ смѣлое предложеніе, такое, которое не можетъ быть принято. Рѣшайте, трусъ я или нѣтъ.

Леди Гленморъ не проронила ни одного слова изъ этого разговору и уже хотѣла-было выйтаться, но сэръ Каскиль помѣшалъ.

— Вы уже слишкомъ медлите отвѣтомъ, сказалъ онъ Танкреду: вы сами трусите.

— Я трушу?

— Вѣроятно, отвѣчалъ сэръ Каскиль.

Онъ занесъ ногу въ стремя и ловко вскочилъ въ сѣдло. Въ первый разъ въ жизни хребетъ Неджи согнулся подъ сѣдокомъ. Разгнѣванный, взбѣшенный такою дерзостью, африканскій конь дотянулся ноздрями до земли, опустилъ гриву въ пыль, облилъ се пѣной, захрапѣлъ и заржалъ, потомъ вдругъ страшно вскочилъ на дыбы совершенно горизонтально. Зрители вскрикнули отъ ужасу. Каждая жила степнаго коня, каждый нервъ, каждый волосъ гривы трепеталъ отъ ярости. Онъ всячески старался отомстить дерзкому сѣдоку за оскорбительное униженіе; онъ вытягивался, сокращался, извивался змѣей, становился львомъ, тигромъ, пантерой. По дикому ржанію его можно было подумать, что онъ раненъ на-смерть.

Сэръ Каскиль приросъ къ коню: онъ былъ спокоенъ, внимателенъ и могучъ.

Онъ обернулся, чтобы отдать честь леди Гленморъ, потомъ сказалъ:

— Я готовъ, мистеръ Танкредъ.

— Сэръ Каскиль, возразилъ Танкредъ, загородивъ ему дорогу, вы не поскачете на этой лошади, или мы оба поскачемъ.

— Выѣстъ?

— Нѣтъ, не мѣстъ, а одинъ послѣ другаго. Вы видите барріеръ, который тамъ ставить по моему приказанію?

— Вижу. Фута четыре будетъ, кажется.

— Шесть, сэръ Каскиль.

— Ну, что жъ?

— Тотъ вѣзъ насъ, кто перескочитъ черезъ него на Неджи, тотъ и побѣдилъ.

— А тотъ, кто не перескочитъ? спросилъ сэръ Каскиль.

— Будетъ убитъ, отвѣчалъ Танкредъ.

— Хорошо, будемъ скакать. Только я думаю, что мы оба будемъ убиты. Но всё-равно, поскачемъ.....

— Видите, какъ мнѣли блѣдна? сказала графиня де-Булакъ обращаясь къ графинѣ де-Мартиниѣ.

— Да, блѣднѣе своего букета камеллій. Что же тамъ происходитъ?

— Развѣ вы не видите, что ея любезный Танкредъ готовится скакать и еще черезъ барріеръ.

— Да, да; это опасно: можно всё пости переломать.

— Вы уступите мнѣ честь скакать первому? спросилъ сэръ Каскиль: такъ какъ я уже на лошади.....

— Извольте, сказалъ Танкредъ: скачите.

Звонокъ раздался.

Графъ Мѣддокъ тронулъ уздечку и Неджи понесся съ страшною быстротою къ барріеру, до котораго не доскакалъ двадцати шаговъ и вытаращилъ кровавые глаза.

Только одна черная закрытая дама не послѣдовала глазами за этою ужасающею отважностью. Она не упускала изъ виду ни одного движенія, ни одного выраженія, ни одного взгляду леди Гленморъ. Она ее только и видѣла.

— Но кто же эта черная дама? спросилъ маркизъ де-Сень-Люкъ.

— Это была Дымка, отвѣчалъ кавалеръ де-Профундись и сталъ продолжать разсказъ.

Остановившись, Неджи попытался такъ упорно, что скоро очутился опять на томъ же мѣстѣ, откуда поскакалъ. Тутъ графъ Мѣддокъ услышалъ задыхающійся въ платкѣ голосъ, который говорилъ: «Довольно! Боже мой, довольно!» Неджи во второй разъ понесся вихремъ, выткнулся

въ струну, перемахнулъ черезъ барриеръ и сталъ вонзавшись ногами въ землю. Благородное животное трепетало и озиралось во всѣ стороны, какъ-будто гордилося и вмѣстѣ стыдилось того, что спасло врага, но врага храброго и достойнаго. Зрители рукоплескали. Сэръ Каскиль взявъ Неджи за шею и поцѣловалъ въ голову, потомъ тихонько объѣхалъ арену кланяясь дамамъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо черной дамы она сказала ему:

— Все ѣсть, что нужно.

— Хорошо, сказалъ графъ Мѣддокъ.

— Еще добродѣтель въ мѣшкѣ, прибавила Дымка.

Вы послѣ узнаете, что Дымка хотѣла сказать этимъ выраженіемъ.

Давъ Неджи отдохнуть нѣсколько минутъ, Танкредъ въ свою очередь приготовился къ испытанію, которое его соперникъ выдержалъ такъ счастливо. Онъ положилъ руку на горячую еще гриву и вскочилъ въ сѣдло съ ловкостью, которая могла служить добрымъ знакомъ. Но оттого ли, что Танкредъ былъ слишкомъ самонадѣянъ послѣ торжества своего соперника, или Неджи чувствовалъ, что это уже не тотъ, который покорилъ его, — между всадникомъ и конемъ возникло несогласіе. Двѣ сильныя воли стали страшно тягаться и Танкредъ, въ полчаса усилій, не подвинулся и на десять шаговъ въ прямомъ направленіи къ цѣли. Измученный до крайности и стыдась своей неудачи, онъ прибѣгъ къ послѣднему и чрезвычайно опасному съ такими лошадьми средству, къ помощи шпоръ, которыхъ не употреблялъ сэръ Каскиль. И вмѣсто-того чтобы употребить ихъ осторожно, едва пощекотать кожу животнаго, онъ глубоко вонзилъ ихъ въ спотѣвшіе бока. Тогда-то зрѣлище стало ужасно. Неджи, впервые испытывъ позорное наказаніе, пустился во всю прыть, какъ-будто бы ему впрыснули купороснаго масла въ жилы. Онъ долетѣлъ до барриера и, вмѣсто-того чтобы подняться, наклонилъ голову и со всего размаху ударился въ толстыя перекладины. Конь упалъ въ одну сторону, мертвый; всадникъ въ другую.

Леди Гленморъ первая прибѣжала къ Танкреду, который

уже не подавалъ ни какого знака жизни. Она приподняла его и положила его голову къ себѣ на колѣни.

— Боже мой, онъ умеръ! вскричала она: помогите! быть-можетъ, еще не поздно.... помогите! докторъ Патрикъ!... гдѣ докторъ Патрикъ?

Между-тѣмъ толпа расходилась. Праздникъ былъ конченъ. Наконецъ Пакеретта привела доктора Патрика.

— Подите, подите скорѣе, докторъ! вскричала леди Гленморъ: посмотрите! Танкредъ убится!

— Вы ошибаетесь, миледи, сказалъ докторъ Патрикъ опускаясь на колѣни чтобы освидѣтельствовать тѣло Танкреда: онъ не убится: его убили!

Онъ поспѣшно пощупалъ у Танкреда голову, грудь и пульсъ, потомъ сказалъ.... нѣтъ, онъ ничего не сказалъ.

.....

Въ началѣ этого разсказа, сказалъ кавалеръ де-Профундистъ, я останавливался, чтобы обратитъ ваше вниманіе на огонекъ, который теплится тамъ надъ могилою, и замѣтилъ вамъ, что это усердіе оплакивающей — очень печально и очень уморительно. Судите, правъ ли я. Подъ этимъ великолѣпнымъ мраморомъ похороненъ несчастный мосьё Боремі, котораго такъ жестоко осмѣяли по поводу его состязанія на скачкѣ съ мосьё Зефириномъ. Отчего умеръ мосьё Боремі? какъ онъ умеръ? спросите вы съ удивленіемъ. Онъ умеръ отъ скуки, отъ пресыщенія, отъ тоски, отъ бѣшенства и стыда: скука и пресыщеніе одолѣли его, потому что блаженство его въ любви графини де-Булакъ было слишкомъ полно. Будучи еще очень молодымъ человекомъ, онъ, подобно мосьё Зефирину и многимъ другимъ, мечталъ о счастіи быть любимцемъ старой графини, хорошо обѣдать, хорошо одѣваться, ѣздить въ каретѣ и ни о чемъ не заботиться, а достигъ и увидѣлъ, что и это счастіе достается не даромъ. Тоска изгрызла его, потому что онъ уже нѣсколько лѣтъ водилъ подъ руку старую графиню де-Булакъ, носилъ на рукахъ ея толстаго криваго мопса и держалъ въ рукѣ ея полинялый вѣеръ и исправлялъ всѣ трудныя обязанности любимца старухи. Бѣшенство и стыдъ отравили его кровь, повредили мозгъ и до конца убили несчастнаго, когда его осыпали цвѣтами и

рукожестами въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ зрителей на рингѣ съ мосье Зесирингомъ, котораго, конечно, ждетъ подобная же участь. Возвратясь домой, мосье Боремъ слегъ въ постель съ горячкою и уже не вставалъ. Зато онъ имѣлъ наслажденіе умереть закутанный въ батистъ и тонкое голландское полотно и быть похороненнымъ въ великолѣпной гробницѣ, надъ которою неутомимая его покровительница дено и ночью поддерживаетъ теплющуюся лампаду.

=

258

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВЕНЕЦІЯ

въ 1843 году *.

Tibi rident aequora ponti.....
Lucret.

Оставляя Римъ, уносите съ собой впечатлѣніе, какъ-будто великая книга Италіи для васъ закрылась: все, что прельщало при первомъ обозрѣніи, блѣднѣетъ на обратномъ пути. Даже самая Флоренція, городъ-прелесть, не избѣгаетъ разочарованія, которое преслѣдуетъ путешественника; чудеса палаца Питти и Трибуны слабо будятъ любопытство; Ниобѣ получаетъ только давъ размышленія, и тутъ еще воображеніе переноситъ ее въ Ватиканъ, въ отечество всѣхъ великихъ пластическихъ твореній; тѣ, которыя встрѣчаются въ иныхъ мѣстахъ, кажутся изгнанниками изъ родной земли.

* Мы полагаемъ доставить удовольствіе русскимъ читателямъ, помѣщая здѣсь переводъ мастерски написанной статьи, которая недавно явилась въ Петербургъ, въ видѣ небольшой брошюры подъ заглавіемъ: «Venise. 1843». Имя автора не выставлено, но прелесть слога и высокое искусство описательной живописи ясно указываютъ на то же самое изящное перо, которому принадлежала и чудесная картина Рима, приведенная недавно въ «Смѣси» отрывками. Къ сожалѣнію, и въ этотъ разъ, блескъ и нѣжность красокъ должны потерять многое при переводѣ, но по-крайней-мѣрѣ картина сохранить свою художественную полноту, потому что мѣсто позволяетъ представить ее безъ сокращеній и пропусковъ.

Послѣ Рима и Флоренціи, все становится блѣдно, и холодно. За Аппенинами уже нѣтъ Италіи; напрасно Болонья отпираетъ передъ вами свой восхитительный музей, Феррара раскрываетъ воспоминанія объ Аріостѣ и Тассѣ: вамъ кажется, будто вы достигли послѣдняго рубежа страны; вамъ грустно видѣть небо уже не такое синее, дышать воздухомъ уже менѣе чистымъ. Воображеніе, взволнованное и утомленное, мало-по-малу складываетъ крылья и рѣшается на прискорбіе—сказать землѣ итальянской послѣднее прости.

Потомъ, — случится, — въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда чувствуешь себя подъ гнетомъ сожалѣнія, которое со всѣхъ сторонъ давитъ разумъ, въ день сѣрый и пасмурный, въ часъ раздумья и томленія, вдругъ вынырнетъ изъ моря что-то похожее издали на городъ; что-то растущее по-мѣрѣ приближенія; что-то такое, сначала васъ изумляющее, потомъ манящее къ себѣ, — словомъ Венеція; нѣкогда Венеція прекрасная, Венеція богатая, могучая, жестокая, теперь Венеція страждущая и обобранная, которой время нанесло обиды тяжче ярма побѣдителей.

Ничего въ свѣтѣ—печальнѣе перваго виду этой новѣйшей Помпеи, которую зовутъ Венеціей. Вообразите городъ, постигнутый недавнимъ бѣдствіемъ, которое бы пощадило стѣны и избило жителей, и вы поймете то сотрясеніе, которымъ поражается сердце; не то живительное сотрясеніе, что производятъ римскія развалины, но то неясное уныніе, ту глубокую тоску, которая овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ великолѣпныхъ и пустыхъ палатъ, гдѣ люди только-что были, или полу-освѣщеннаго театра безъ зрителей, или залы на другой день послѣ бала.

Венеція въ самомъ дѣлѣ носитъ на себѣ всѣ эти различные отпечатки: могущество ея было огромно, но поддѣльно какъ почва, сколоченная изъ свай, на которой она возвышается; она была подозрительна и жестока, но была тоже весела и великолѣпна. Мостъ Вздоховъ находился возлѣ картинъ Павла Веронскаго; между колодцами дворца дожей и свинцовою кровлей, гдѣ стонали государственные узники, толпились всѣ чудеса искусствъ и всѣ отрады жизни. Уживали безъ огласки, но жили съ большимъ шу-

мень. Половина Европы была данницей города, родившаго изъ чрева лагуны; ничѣмъ не останавливалось колоссальное честолюбіе горсти людей, которые трепетали сами подъ избыткомъ своей власти; но когда издали являлся большой левантскій флотъ, нагруженный сокровищами всего міра, жители забывали о жертвахъ потаеннаго и непреклоннаго тиранства: вся Венеція увѣшивалась флагами при клякахъ толпы, упоенной радостью и располагающей по своему произволу всѣми богатствами и всѣми наслажденіями земли.

Берега Большаго Канала убраны рядами дворцовъ, одинъ другаго прекраснѣе, но безмолвныхъ и почти опустѣвшихъ. Изрѣдка гондола, черная какъ гробъ, быстро скользитъ по струямъ. Отъ времени до времени поднимается рѣшетчатый ставень, и краденый взглядъ упадетъ на иностранца, взглядъ простаго любопытства, безъ участія и безъ жизни; иногда прелестная ножка, въ венеціанскомъ сандамі, приподнимаетъ занавѣсъ балкона, нависшаго надъ каналомъ; но безмолвіе ни чѣмъ не нарушается, развѣ только однообразнымъ крикомъ перекликающихся гондольщиковъ. Эти огромныя жилища, эти пышныя зданія, полу-италіянскія полу-мавританскія, просятъ подать ихъ воспоминаніемъ. Нынѣшняя Венеція сводится вся въ австрійскаго часоваго, который медленно расхаживаетъ у подножія палаца Пизани или палаца Фоскари и, съ ружьемъ на караулъ, ждетъ, кажется, послѣдняго дыханія умирающаго града.

Таково первое впечатлѣніе, производимое Венеціею: но берегитесь на немъ остановиться! Садитесь по-скорѣе въ гондолу, которая повезетъ васъ на набережную degli Schiavoni: по-мѣрѣ движенія лодки, все принимаетъ новый видъ. Если лучъ вѣснаго италіянскаго солнца оаряетъ фасадъ святаго Георгія-Большаго и островъ Джудекку съ великолѣпною церковью, чудомъ Палладіева мастерства, самая восхитительная картина раскроется передъ вами, и, едва вступите ногой на Пиацетту, теска, сжимавшая сердце, разсѣется: будете поражены шумнымъ и восхищеніемъ: направо—дворецъ дождей, огромный чертогъ среднихъ вѣковъ, любопытный обра

зецъ венеціанской архитектуры, непохожей ни на какую другую; навѣво — продолженіе аркадъ Прокураціи; въ глубинѣ — боковой видъ Базилики, которой эффектъ полонъ только въ то время, когда на нее смотрите съ середины площади Святаго-Марка. Надо сказать правду: послѣ всего, видѣннаго въ Италіи, послѣ миланскаго собора и павійской церкви картгейзеровъ, послѣ Святаго-Петра въ Римѣ и всѣхъ церквей, составляющихъ его причетъ, Святой-Маркъ ослѣпляетъ васъ какъ созданіе самотворное, какъ созданіе фантастическое, задуманное подъ двойнымъ вліяніемъ стила византійскаго и стила арабскаго, чудно сочетанныхъ италіанскимъ вкусомъ, подобно восточной поэмѣ, которую искусная рука переложила бы на европейскій языкъ. Если бы годилось прибѣгнуть къ старинной антиitezъ слововъ классическаго и романтическаго, антиitezъ истертой и которая ничего не объясняетъ, я сказалъ бы, что Святой-Маркъ въ сравненіи съ Святымъ-Петромъ то же, что пѣснь Перса Фирдоуси въ сравненіи съ поэмою Тасса; но и это обветшалое сближеніе не выразило бы относительнаго достоинства двухъ произведеній, одинаково огромныхъ, одинаково удивительныхъ.

Базилика числится въ быту съ десятаго столѣтія. Она, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, не принадлежитъ ни къ какому стилю: никогда мысль не покушалась на болѣе смѣлос, болѣе странное смѣшеніе всѣхъ стилей. Святой-Маркъ — зданіе виѣстѣ греческое, римское, готическое, преимущественно же мавританское и византійское, но арабскій родъ преобладаетъ въ наружности, а царградскій видимо во внутреннемъ расположеніи. Нѣтъ ничего живописнѣе этой амальгамы Рима, Каира, Константинополя и Аахена. Богатство матеріаловъ неоцѣнимо: всё порфиръ, яспись, мозаика, бронза, драгоценный мраморъ всѣхъ цвѣтовъ: теплота, эффектъ цѣлаго, ни съ чемъ сравниться не могутъ.

Повторяли до надобданія, будто внутренность Святаго-Марка низка, темна, сдавлена; это совершенно ложно: пропорціи отлично соблюдены; церковь кажется даже гораздо больше и мѣсто просторнѣе, нежели какъ вообще полагають. Каналетто, живописецъ Венеціи по-превосходству,

далеко не даетъ полнаго понятія о величавости цѣлаго; бесспорно, площадь Святаго-Марка, освѣщенная живымъ италянскимъ солнцемъ, представляетъ такую величественную картину, которая выше всякаго ожиданія и восхищаетъ до восторга даже послѣ памятниковъ Рима, именно потому что Святой-Маркъ стоитъ на другомъ полюсѣ искусства и что всякое сравненіе было бы совершенно нелѣпо.

Всѣ неугасшіе остатки жизни Венеціи притекли къ площади Святаго-Марка и ея окрестностямъ. Тутъ сердце еще, какъ-будто, бьется, тогда какъ по-дальше все мертво или умираетъ. Вышедши изъ тѣснаго пространства, гдѣ заключаются столько драгоценныхъ памятниковъ, вы поражены пустынною, тяготящей другія части города; кажется, будто солнце съ умысломъ сосредоточиваетъ свои лучи на этомъ живомъ и одушевленномъ участкѣ; а когда нѣтъ солнца, то волшебство продолжается еще въ газовомъ освѣщеніи подлинно à giorno. Когда для Венеціи ударить роковой часъ, послѣдній умретъ храмъ Святаго-Марка: съ нимъ рушатся трофеи ея минувшаго величія, дивныя творенія ея художниковъ, отъ изумительнаго усилія человѣческой воли, создавшей и поддерживавшей могучую республику, не останется ничего кромѣ нѣсколькихъ свай, которыя жадное торгашество пойдетъ выдергивать изъ dna морскаго.

Дворецъ дожей составляетъ, съ площадью Святаго-Марка, эмблему этого могущества. Нельзя вступить во дворецъ, нельзя идти вверхъ по лѣстницѣ великановъ, не волнуясь сильно воспоминаніями, которыя порождаютъ въ васъ это огромное зданіе. Слава, такъ же какъ и тиранство, оставили здѣсь глубокіе слѣды; въ художественномъ отношеніи, дворецъ повсюду являетъ роскошь картинъ, позолоты, блестящихъ украшеній: здѣсь-то столпились главы венеціанской школы и несмѣтное поколѣніе ихъ учениковъ; здѣсь, въ первомъ ряду, сіяютъ Павелъ Веронскій, Тинторетто и оба Пальмы, всѣ—родившіеся колористами, колористы мощные и неподражаемые; здѣсь только и научась оцѣнивать ихъ. Изъ всѣхъ вѣдѣстныхъ картинъ Павла Веронскаго, самая прекрасная, похищеніе Европы, находится въ одной изъ залъ дворца.

Потомъ, когда вы уже утомлены осмотромъ этой ослѣ-

питательной груди сокровищъ искусства, вамъ предлагать полюбопытствовать въ чердаки, навываемые *Семницами*, и сводить васъ въ ужасныя темницы, лишеныя воздуха и свѣту, которыя зовутъ *Холодцами*. Тутъ-то передъ вами ображеніе предстають великіе художники, создающіе свои мастерскія творенія въ то самое время, какъ въ нѣсколькихъ аршинахъ надъ или подъ ними жертвы венеціанской политики гибнутъ задушаемыя или потопленныя водою, такъ, что ни малѣйшаго крику не слышно и внѣшній порядокъ жизни и удовольствій искусныхъ и жестокихъ олигарховъ вовсе не нарушается. Теперь принявъ трудъ вырасить *Свинцы*, что прѣдаетъ имъ видъ почти щеголеватый; мысль о государственной темницѣ приходитъ тогда только, когда путешественнику показываютъ окно, въ которое спасся Казанова. Видя высоту зданія и расположеніе кровель, этотъ побѣгъ можно бы почесть за невозможный, если бы онъ не составлялъ досто-вѣрнаго факта въ венеціанской исторіи.

Въ одной изъ залъ дворца находятся портреты всѣхъ дожей: посреди этихъ блестящихъ и богато оправленныхъ картинъ, васъ живо поражаетъ одна пустая рама, съ чернымъ покрываломъ, на которомъ написано имя дожа Марино Фалиери, обезглавленнаго за измѣну республикѣ. Видъ этого страннаго символа невольно приводитъ васъ въ задумчивость: въ самомъ дѣлѣ, есть ли такой человекъ, чья тайная мысль, углубившись въ себя, не встрѣтила бы также, въ ряду картинъ прошедшаго, пустой рамы, черного покрывала, и имени?

Едва-ли что можетъ внушить живѣйшее понятіе о величавой роскоши венеціанскаго правительства при самомъ высокомъ стояніи его славы, какъ два пышные бронзовые водоема на дворѣ дожскаго дворца. Въ Европѣ нѣтъ ни одного государя, который бы охотно не украсилъ своего музея этими двумя удивительными произведеніями, а въ Венеціи они принадлежали къ дворцовымъ кухнямъ и прачешнымъ. Они и донынѣ стоятъ тамъ, какъ-бы для того чтобъ свидѣтельствовать о колоссальной роскоши и державности образа дѣлъ, невозвратно уничтоженнаго.

Академія художествъ содержитъ въ себѣ богатое со-

Браніо картингъ; но праву, школа венеціанская здѣсь торжествуетъ. Ничего не представлялось мнѣ равнаго «Введенію Богородицы во храмъ», мастерскому произведенію Тициана, которое превосходитъ даже его знаменитаго «Успенія», очень попорченнаго въ верхней части. Изъ Тинтореттовыхъ работъ, первое мѣсто занимаетъ «Чудо Святаго Марка»; изъ твореній Паоло Веронезе — «Трапеза Спасителя у Левы», огромная картина, но пострадавшая во Франціи. Непосредственно за этими великими произведеніями слѣдуетъ восхитительная картина Париса Бордоне, «Рыбакъ, приносящій дожу перотень его, найденный въ желудкѣ рыбы». Волшебствъ колорита, сладкаго, блистательнаго, легкаго, совершенно венеціанскаго, далѣе простереть не возможно.

Не исчисляя всѣхъ превосходныхъ картинъ, которыя можно еще видѣть въ разныхъ мѣстахъ, по церквамъ и во дворцахъ, нельзя удержаться отъ сожалѣнія при мысли о безчисленномъ множествѣ произведеній, въ равное время похищенныхъ у Венеціи. Вывезли бы и самые дворцы по кусочкамъ, если бы не воспрепятствовало правительство; даже свая составляютъ предметъ спекуляціи: все это — кедръ, дубъ, или кипарисъ, все привезено изъ Леванта или съ острововъ Морей, и извлеченіе ихъ изъ моря представляетъ огромный барышъ. Современный духъ промышленности упражняетъ свою смѣтливость на трупъ Венеціи, какъ возлѣ одра умирающаго богача жадный наслѣдникъ рассчитываетъ про себя свою долю ожидаемыхъ благъ.

Изумительныя сооруженія, истинно римскія, вскорѣ должны соединить Венецію съ твердою землею: стараются звести городъ въ систему коммерческихъ и промышленныхъ путей сообщенія съ сѣверомъ Италіи; но Триестъ — возлѣ, и помѣшаетъ полному успѣху плана. Триестъ — соперникъ Венеціи, и тѣмъ кончится, что юный торговый городъ поглотитъ старыи городъ аристократическій.

Въ видописномъ отношеніи, Венеціи угрожаетъ опасность лишиться всей своей оригинальности: когда рельсы желѣзной дороги станутъ доставлять путешественниковъ къ крыльцу таможи, тѣмъ стараго Даноло не будеть же носиться надъ Венеціей и льву Святаго-Марка оста-

вется только слѣзть съ колонны. Флоріановскій кофейный домъ вступитъ въ сообщеніе съ кофейнями Милана, Лондона и Парижа, и дѣло всеобщаго совершенія совершится. Странное и пагубное свойство новѣйшаго духа — стирать всѣ различія, сближать нравы и разстоянія, подводить подъ одинъ уровень людей и дѣла и начинать съ начала исторію Европы, дочисленную до простѣйшаго своего знаменателя. Желѣзныя дороги и паровая машина докончатъ затѣянное идеями и, будучи сильнѣе идей, прогонятъ и самое просвѣщеніе сквозь каудинскія фурукулы матеріальнаго прогресса.

Но оставимъ этотъ важный вопросъ мужамъ политики и мужамъ науки. Я спѣшу надѣть снова блузу художника и сѣсть въ гондолу, которая повезетъ насъ вокругъ островъ. Самый увлекательный изъ этихъ поисковъ имѣетъ цѣлью армянскій монастырь Святаго-Лазаря. Полу-лежа въ открытой гондолѣ, вы видите, какъ передъ вами развертываются тысяча восхитительныхъ видовъ. Спокойствіе водъ, блескъ солнца, ловкость гондольщика, все располагаетъ васъ къ безотчетной думѣ ни о чемъ, которой прелесть извѣстна только на югѣ. Когда мы вышли на землю, монахи приняли насъ радушно. Одинъ изъ нихъ, отецъ Гавріиль, показалъ намъ монастырскую бібліотеку, типографію, церковь и садъ. Эти монахи признаютъ власть папы, но не зависятъ отъ чина его духовнаго правленія. Служба совершается на армянскомъ языкѣ и внутренность цѣркви отличается отъ римской завѣсою, которая по обычаю Восточно-каатолической Церкви отдѣляетъ алтарь отъ храма. Въ монастырѣ, двадцать пять молодыхъ Армянъ обучаются восточнымъ и западнымъ словесностямъ, и монахи продолжаютъ печатать изданія по части высшей литературы, справедливо уважаемыя въ ученomъ свѣтѣ. Удивительный видъ съ террасы, спокойствіе окрестности, здоровый воздухъ и свѣжесть моря, гладкаго какъ зеркало, сообщаютъ этой пустынѣ нѣчто сладостное и увеселительное. Уставъ монастырскій не строгъ и жизнь ученаго, которому наскучилъ свѣтъ, могла бы протекать здѣсь удобно и легко. Въ этомъ-то самомъ монастырѣ лордъ Байронъ нѣсколько выучился восточнымъ языкамъ.

Физиономія венеціанскаго народа представляетъ мало отличительныхъ чертъ: она здѣсь кажется менѣе италіанскою чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ по причинѣ смѣшенія съ иностранцами, которыхъ здѣсь множество, такъ и по природной гибкости мѣстнаго характера. Эта туземная мягкость замѣтна и въ венеціанскомъ нарѣчій, діалектъ нѣжномъ до прелести, но женообразномъ отъ излишняго смягченія. Одни гондольщики сохраняютъ въ себѣ нѣчто особенное, состоящее въ большой ловкости, въ нѣкоторомъ удалствѣ движеній и въ скромности на тайны, вошедшей въ пословицу; хотя они и многое утратили изъ прежней своей важности въ общественной жизни Венеціи, однако жъ еще составляютъ отдѣльное братство; но число ихъ видимо убываетъ.

Скоро венеціанскій гондольщикъ пойдетъ туда же, куда ушли венеціанская прелестница, неаполитанскій ладзароне, бандитъ Понтинскихъ Болотъ, сиротка, содержимая подъ замкомъ за рѣшетчатымъ окномъ, у опекуна, тиранъ-духовникъ, неумолимый ревнивецъ, закутанный по носъ въ плащъ и съ наточеннымъ стилетомъ въ рукѣ, всѣ эти исчезнувшіе типы, неууществующія фигуры, которыя теперь встрѣчаются только въ твореніяхъ романистовъ и въ скидцахъ Пинелли.

Въ Венеціи, какъ и повсюду въ Италіи, нужно умѣть жить съ самимъ собою. Какъ ни сильны впечатлѣнія извнѣ, всѣ они болѣе или менѣе—грустные вызыванія благо; нужно нѣкоторое напряженное совокупленіе ума тому, кто хочетъ наслаждаться окружающими его чудесами и понимать ихъ языкъ. Италія даетъ мысли обширное поле, но предоставляетъ вамъ разработывать его по своему усмотрѣнію. Она не требуетъ отъ наблюдателя ни пощады ни милосердія: что ей до вашего суда, ей, которая столько разъ была побѣждаема, столько времени попираема, и никогда непонята? Въ этомъ презрѣніи къ мнѣнію иностранцевъ—болѣе гордости чѣмъ безвѣрности: молчаніе побѣжденнаго народа краснорѣчиво, и, въ самомъ дѣлѣ, что можно прибавить съ одной стороны къ похваламъ, которыми вѣка осыпали Италію, съ другой къ оскорбленіямъ, которыхъ была она жертвою? Какое величіе въ прошедшемъ можетъ

сравниться съ ея величіемъ и какого горя, какого униженія не испытала она еще?

Въ такомъ положеніи дѣла, иностранецъ, посѣщающій Италію, долженъ искать себѣ точки опоры въ ясности собственнаго своего сужденія, точно такъ же какъ долженъ искать внутри себя и дополненій къ удовольствіямъ, которыя эта прекрасная земля предлагаетъ умѣющимъ добросовѣстно оцѣнить ее. Венеція особенно—въ тысячѣ отношеній пріятное убѣжище, но, чтобы въ ней жить, иностранцу нужно носить въ себѣ или важную мысль ученую или глубокую привязанность: зрѣлище Италіи, показывая разуму и чувству мѣру ихъ собственныхъ силъ, располагаетъ къ изліянію на внѣшнее, гдѣ руины всѣхъ вѣковъ окружаютъ и бременятъ васъ отовсюду. Въ виду ихъ, становисься смиреннымъ, и сознаніе личной слабости раздражается потребностью совокупиться, болѣе нежели гдѣ-либо, или въ глубокомъ и издавна задуманномъ изученіи или въ краткихъ привязанностяхъ домашняго быту. Послѣ восхитительнаго дня, проведеннаго среди Рима, или на берегахъ неаполитанскаго залива, или на дремлющихъ лагунахъ Венеціи, когда глубокій мракъ италіанской ночи покрываетъ горизонтъ и толпа бродитъ туда и сюда на поискахъ какихъ-нибудь пошлыхъ развлеченій, духъ самый независимый испытываетъ безотчетное чувство тоски и одиночества, которое приноситъ съ собою образы отсутствующаго отечества и далеко оставшихся друзей. Если нѣтъ милой руки, чтобы поддержать поникающую голову, самыя тонкія наслажденія смѣняются часами унынія и слабости. Когда, потомъ, блистательное солнце опять введетъ васъ въ магическій кругъ природы и искусства, вы едва помните эти мимолетныя волненія, и, черезъ нѣсколько часовъ вчерашній мечтатель опять на слѣдующее утро становится космополитомъ.

Такія мысли занимали меня, когда, выходя изъ гондолы, я нашелъ въ Местрѣ свою карету и четыре почтовые лошади бѣстро помчали меня къ Тревизѣ по прелестной дорогѣ, окаймленной веселыми усадьбами, въ ту уже пору какъ первые желтые листья осени устилали эту дорогу, которая упирается въ послѣдніе предѣлы прекрасной Италіи.

==

ПОЪЗДКА

ИЗЪ ЮЖНОЙ РОССІИ ПО БЕРЕГАМЪ КРЫМА.

=

I.

«Растолкуй мнѣ теперь, писалъ Пушкинъ, почему полу-денный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую». Но это не требуетъ растолкованія. Отвѣтъ — потому что сами они заключаютъ въ себѣ прелесть неизъяснимую. Эту прелесть неизъяснимую люди замѣтили въ полуденномъ берегу Тавриды уже три тысячи лѣтъ тому. Родной братъ цареградскаго Босфора, онъ всегда, съ самой глубокой древности, привлекалъ къ себѣ восторгъ человѣка.

Два года сряду провелъ я вѣкогда на этомъ благородномъ взморьѣ, но какъ прикованный къ мѣсту волшебствомъ великолѣпной природы. Я забылъ, что на полуостровѣ есть еще другія примѣчательныя мѣста. Теперь, отправляясь на южный берегъ Крыма, я хотѣлъ посѣтить Феодосію, Керчь, Бердянскъ и, непременно, Таганрогъ. Таганрогъ! Какъ много заключается въ этомъ одномъ словѣ! Ратникамъ Отечественной Войны непростительно, когда обстоятельства позволяютъ, не посѣтить того мѣста, гдѣ по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, отлетѣла въ вѣчное жилище кроткая душа Александра Благословеннаго, славы Русскихъ, благодѣтеля народовъ.

Два пути предстояли изъ Харькова: ѣхать прямо въ Та-

ганрогъ, прозанически състь тамъ на пароходъ «Наслѣдникъ», который на третій день привезеть меня въ Керчь, и тутъ ожидать прибытія «Петра Великаго» изъ Одессы, который, черезъ однѣ сутки плаванія, приходитъ въ Ялту и доставляетъ случай полюбоваться на Феодосію; или ѣхать болѣе поэтическимъ путемъ черезъ Екатеринославль, Никополь, Береславль, Перекопъ и Симферополь. Я избралъ послѣдній, тѣмъ болѣе занимательный, что въ сорока верстахъ отъ Харькова, по тракту на Екатеринославль, были имянины. Такого важнаго элемента поэзіи русской сельской природы путешественнику пропускать невозможно. Именины праздновались въ селеніи Водолагахъ, въ честь хозяйкѣ этого имѣнія. Только въ Россіи можно еще встрѣтить такой патріархальный видъ домашней жизни. Это многочисленное семейство, состоящее изъ шестидесяти лицъ, живетъ въ согласіи и тѣсной связи, оттого что на каждого изливается по-ровну попечительная любовь главы семейства. Каждый годъ, въ большіе праздники, въ дни ангеловъ и рожденія, стекаются съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, въ село. Водолаги, дочери, зятья, внуки, правнуки, для одного изъявленія чувствъ признательности, почтенія и любви. Только въ особенной сторонѣ первозданныхъ нравовъ можно насладиться такимъ утѣшительнымъ зрѣлищемъ. Въ другихъ земляхъ, «цивилизация», не только уничтожила имянины, но даже насмѣхается надъ семейными привязанностями. Виконтъ d'Argincourt увѣрялъ меня, что, у нихъ во Франціи, не хотятъ уже и жениться. Съ этимъ оригиналомъ привелось мнѣ совершить, въ 1842 году путешествіе отъ Петербурга до Москвы*. Основатель французской романтической школы, усердный легитимистъ, онъ смотритъ впрочемъ на все въ своемъ отечествѣ сквозь саваны кладбищъ и призмы гробовыхъ камней. Находясь у одной изъ лю-

* Въ своей «Etoile polaire» онъ благосклонно выставляетъ меня разказчикомъ разныхъ безтолковыхъ анекдотовъ. Не нужно и говорить, что я узналъ объ нихъ только изъ его книги. Той же судьбѣ подверглись и многія другія жертвы знакомства съ любезнымъ «Солитеромъ».

безнѣвншихъ дамъ московскаго общества, онъ, по обыкновенію своему, бранилъ юную Францію, изсчитывалъ всѣ бѣдствія угрожающія ей отъ послѣднихъ переворотовъ, и утверждалъ, что во Франціи всѣ связи семейной жизни прерваны, что уже въ бракъ не охотно тамъ вступаютъ, что супруги—если еще есть въ томъ краю—опасаются умноженія семействъ, потому что пасмурный горизонтъ Франціи предвѣщаетъ новому поколѣнію много бурь и тяжкихъ испытаній. Впродолженіи этой диссертациі, рѣзвились въ той же комнатѣ нѣсколько милыхъ дѣтей: хозяйка дому, указывая на нихъ, ссылаясь кстаті на Расина, сказала съ улыбкою: «А мы, monsieur le vicomte, мы говоримъ —

«Aux petits des oiseaux Dieu donne la pâture,
Et sa bonté s'étend sur toute la nature!»

Романтическій вионтъ, послѣ этой остроумной эпиграммы, прикусилъ языкъ: для консоліаціи, любезная хозяйка заговорила о послѣднемъ его романѣ.

Но я сбился съ пути.

Проведя однѣ сутки очень пріятно въ Водолагахъ, я пустился скакать къ Екатеринославлѣ. По нашимъ велико-, мало-, бѣло- и ново-россійскимъ дорогамъ нельзя ничего лучшаго дѣлать какъ скакать. Кто хочетъ увидѣть что-нибудь, тотъ долженъ стараться уснуть въ повозкѣ и увидѣть сонъ.

Въ Екатеринославлѣ Дивъпръ еще не вступилъ въ свои берега: переѣздъ съ тяжелымъ экипажемъ продолжается въ такихъ случаяхъ не менѣе трехъ часовъ; я сѣлъ въ лодку, и, не найдя извозчика на противоположномъ берегу, долженъ былъ въ знойное солнце тащиться гѣшкомъ по арабскимъ пескамъ безконечной улицы, которая составляетъ весь городъ.

Отъ Екатеринославлѣ до Береславлѣ двѣсти сорокъ верстъ, дорога степная—безподобна, лошади исправны. Это разстояніе можно проскакать въ девятнадцать часовъ. Въ Береславлѣ—опять Дивъпръ, но разлитый до того что покрываетъ все пространство до слѣдующей станціи Кановки. Сильный, порывистый вѣтеръ удержалъ меня въ Береславлѣ болѣе десяти часовъ времени. Если бы дорога изъ

Харькова шла через Павлоградъ прямо на Перекопъ ильхоть на Кановку. тогда Днѣпръ остался бы всторонѣ, и не было бы этихъ переправъ, которыя приводятъ въ отчаяніе путешественника цѣлыхъ девять мѣсяцевъ въ году и задерживаютъ ходъ почти при замерзаніи и вскрытіи рѣкъ. Я еще забылъ о третьей переправѣ, черезъ Бузулукъ, между Никоподемъ и Береславлемъ: весною, надобно дѣлать! объѣздъ въ двадцать верстъ и пробираться по гранитнымъ камнямъ, лежащимъ подъ водою. Этотъ переѣздъ можетъ почитаться страшнѣйшею пыткой для экипажей. Ночью ямщики и вовсе не возятъ. Въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, это еще—путешествіе среднихъ вѣковъ, и странствующему рыцарю, задержанному Днѣпромъ въ Береславлѣ, остается одно утѣшеніе—бесѣда съ дочерью Еврейки, содержательницы почтовой станціи, розами Моисеева Закона, одѣтыми въ нѣмецкое платье, такъ что онѣ вовсе не походятъ на прочихъ мѣстныхъ Жидовокъ. Онѣ носятъ довольно порядочныя имена, *Маша, Катя, Соня*, и дружны со всею аристократіей, которая съ великимъ горемъ черезъ Береславль ползетъ въ Крымъ и Одессу. Это—живой дорожный журналъ въ трехъ графахъ, гдѣ любопытный читатель находитъ извѣстія о всѣхъ проѣзжающихъ.

Отъ Кановки до Симферополя, дорога—точно паркетъ, и я скакалъ по двадцати верстъ въ часъ, не понуждая ямщиковъ: столько же, или почти столько же, скачутъ и пары по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до Павловска. Ничтожное мѣстечко Перекопъ начинаетъ украшаться каменными зданіями; впрочемъ, ничтожное по наружности, оно важно по своей соляной промышленности. Но Симферополь поразилъ меня: впродолженіи какихъ-нибудь шести лѣтъ, возникли цѣлые кварталы и прекрасныя сады, а городской садъ сдѣлался даже прелестнымъ гульбищемъ. Здѣсь наконецъ вы расстаются съ унылой и однообразною стѣною, которая гналась за вами отъ самаго Екатеринославля.

При выѣздѣ изъ Симферополя, салгирская долина уже стелетъ подъ ноги путешественнику свои поэтическія прелести. Счастливецъ Пушкина, увидѣлъ я васъ, опять, роскошныя берега Салгира! Вотъ и угрюмый Чатыръ-

дагъ прямо передо мною, точно раскинутая палатка на хребтѣ горъ. Вся дорога отъ Симферополя до Таушанъ-базара—самая пріятная прогулка. Въ десяти верстахъ отъ города вы проѣзжаете черезъ Кильбурунъ, помѣстье Н. И. Перовскаго: что за мѣстоположеніе! что за фрукты! что за изобиліе цвѣтовъ, особенно іацинтовъ! Но те ли еще—дальше! Таушанъ-базаръ лежитъ у подножія горъ: тутъ начинается переѣздъ черезъ горный хребетъ; подымаешься двѣ версты, а спускаешься верстѣ съ девять до алуштинской долины. Спускъ начинается отъ столба, означающаго послѣднюю вершину горъ и посѣщеніе этого мѣста покойнымъ Императоромъ Александромъ. Скоро является взору изумрудное море, сливающееся въ одинъ пейзажъ съ живописными скалами, горами, лѣсами, долинами, и красивыми домиками, разбросанными по садамъ и виноградникамъ. Это—рай того огромнаго и плоскаго міра, который называется Европейскою Россіей. Впечатлѣніе, производимое первымъ появленіемъ моря посреди такихъ великолѣпнѣй природы, всегда живо, всегда ново, сколько разъ ни спускаетесь въ это волшебное мѣсто. Путешественникъ невольно пріостановится, чтобъ присутствовать могучую стихію, которой необозримость переноситъ душу за предѣлы временной жизни, въ безконечную синеву того моря, по которому нѣтъ возвратнаго плаванія.

Въ Алуштѣ недавно воздвигнута церковь готической архитектуры. Въ долину, ведущей къ этому мѣстечку, вездѣ—виноградные сады съ опрятными домиками, гдѣ жители занимаются винодѣліемъ. Городокъ лежитъ у самаго берегу моря. Выѣхавъ на разсвѣтъ изъ Кановки, я уже былъ въ Алуштѣ въ семь часовъ вечера, проскакавъ въ одинъ день двѣсти пятьдесятъ пять верстѣ. Теперь полно «скакать»: есть на что смотрѣть; даже ночью грѣшно ѣхать скоро по южному берегу. Отъ Алушты, почтовая дорога идетъ изгибами, и на каждомъ поворотѣ поражаетъ васъ новый чудесный видъ. За вами лежитъ вся цѣнь горъ, простирающихся до Феодосіи и исчезающая въ синевѣ неба; на каждомъ поворотѣ, эта картина является въ новой рамѣ. Отселе начинается рядъ самыхъ очаровательныхъ

зрѣлигъ и великолѣпіе природы вдетъ crescendo до самой Алупки, которая уже соединяетъ все, что природа и искусство могли выставить изящнѣйшаго. Я не намѣренъ описывать всѣхъ здѣшнихъ прелестей: ихъ уже часто описывали; и я самъ небольшой охотникъ до описательной прозы, которую и въ книгахъ охотно пропускаю. Достаточно будетъ сказать, что часть таврическаго полуострова, называемая Южнымъ Берегомъ, заключается между моремъ и цѣпью живописныхъ горъ Яйлы. Вездѣ — скалы, холмы, долины, виноградники, сады, цвѣты въ баснословномъ изобиліи, кипарисы, олеандры, мимозы, магноліи, камеліи, фотиніи, палисандровыя, орѣховыя, каштановыя, оливковыя деревья, и прочая, и прочая. Фруктамъ этой страны подобные водятся только въ Магометовомъ раю. О! петербургскій житель, иже кушаешь скверный арбузъ за двадцать рублей, платишь синенькую за сырое подражаніе персяку, по рублю даешь за деревянную грушу, и называешь это — *пожить*, спѣши сюда и узри сіи фрукты: за копейку вкусишь наслажденіе Крезовъ, и тутъ только постигнешь, что значить — *жить* и какъ можно *пожить* на землѣ, въ хоршемъ обществѣ съ порядочнымъ солнцемъ и благородною природою, въ этомъ хрустальномъ воздухѣ, на этихъ чудныхъ дачахъ, построенныхъ рукою самой Фаты Морганы, въ арабо-гото-китайско-европейскомъ стилѣ, съ крытыми галереями вокругъ домовъ, съ роскошными балконами, и великимъ зеркаломъ моря. Пусть воображеніе твое создастъ себѣ изъ всего этого самую волшебную по твоему понятію и вкусу картину: я ручаюсь, что южная Таврида найдетъ въ своей сокровищницѣ красоть мѣстечко, которое удовлетворить, и еще превзойдетъ, всѣ мечты твои.

Отъ Алушты предстоить мнѣ проѣхать еще пятьдесятъ верстъ до Гаспры, гдѣ найду и мое семейство. Утро упительное, дороги ровныя, содержатся исправно и не уступаютъ лучшему шоссе. Десять лѣтъ тому, по южному берегу, другаго средства путешествовать не было какъ верхомъ. Теперь прекрасная дорога проведена отъ Симеорополя черезъ весь Южный Берегъ, до самаго Севастополя. Вотъ уже остались за мною, Кафель-гора, Буюкъ-

Дампадъ; вотъ налѣво огромный Аю-дагъ, точно сидящій медвѣдь, который полощетъ рыю въ морѣ; за Аю-дагомъ, вотъ и Артекъ, гдѣ я провелъ два незабвенные года. Далѣе Юрзуфъ, Ай-даніель, Никита, Маландра, и, наконецъ, милый городокъ Ялта, съ неподражаемою своею долиною, которой и описать не возможно.

Ялта, какъ городъ, нѣсколько украсилась: но въ-отношеніи къ комфорту она упала. Прежде содержалъ здѣсь гостинницу il signore Bartolucci, ex-buffo incaricato del teatro di Odessa, веселый и добрый старичокъ; было опрятно, и не слишкомъ дорого. Теперь содержитъ ее какой-то полу-еврей, который безъ заказа никого не накормитъ, да и порядкомъ обдеретъ; а ужъ бѣлаго хлѣба не проси: во всемъ городѣ ни за какія деньги не добудешь!

Отъ Ялты до Гаспры еще десять верстъ: но чтó за романтическая природа на этомъ маломъ пространствѣ! Оставивъ Ялту, вы проѣзжаете черезъ неглубокое русло, усыпанное камешками: нельзя и отгадать, что тутъ въ дождливое время и весною клокочетъ потокъ. Въ этомъ самомъ потокѣ, прошедшею весною, едва не утонулъ керчьеникольскій градоначальникъ, князь Херхеулидзевъ: его спасла одна женщина, которая за этотъ подвигъ награждена медалью, но градоначальнической поваръ ушелъ въ море къ рыбамъ. Теперь въ этомъ мѣстѣ все было сухо, и даже малѣйшаго признаку воды не было видно. Разрушительному дѣйствию тающихъ весною на горахъ снѣговъ подвергся въ прошломъ (1844) году и красивый каменный мостъ, построенный при выѣздѣ изъ Ялты.

Ливадія, графа Л. С. Потоцкаго, съ новымъ и прелестнымъ домомъ, и обѣ Оріанды, мимо которыхъ пролегаетъ дорога—волшебныя мѣста, которыя могли бы украсить Италію, Сицилію и Швейцарію. Но вотъ видѣется уже и Гаспра, съ красивою своею усадьбою; ворота отворяются, поворачиваю налѣво, въѣзжаю въ опрятную, вымощенную аллею, убранныю по сторонамъ кипарисами и цвѣтами; останавливаюсь у подъѣзду и вхожу въ домъ, богатый со всѣми нѣгами англійскаго комфорта. Слава Богу! я пріѣхалъ, я въ Гаспрѣ, я между своими.

II.

Не прошло четырехъ сутокъ какъ я еще находился въ хилыхъ и хворыхъ окрестностяхъ Харькова, а теперь покоюсь на мягкихъ диванахъ великолѣпнаго балкона, которому позавидовалъ бы самъ султанъ Абдуль-Хамидъ на берегу своего Босфора, сидя у своей Двери Счастія. Налѣво — море, передъ глазами — исполнѣнь Ай-Петри, вправо — большая дорога, закрытая плантаціями, которыя въ шесть лѣтъ голое мѣсто превратили въ родъ рощицы, передъ домомъ — садъ, гдѣ постоянно журчатъ фонтаны прозрачной воды и аромат тысячи цвѣтовъ кипитъ въ золотомъ воздухѣ. Согласитесь, что въ такомъ уголкѣ можно бы расположиться на четверть часа времени, которую зовутъ жизнью! Зима не продолжается здѣсь болѣе одного мѣсяца, и морозы не превышаютъ десяти градусовъ Реомюра въ самый суровый годъ; въ январѣ уже солнце печетъ. Въ лѣтнее время, въ самые жаркіе дни, мало бываетъ посѣтителей южнаго берега, кромѣ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ искать здоровья, купаній въ морѣ и дѣйствія благораствореннаго воздуху: но это малолюде не чувствительно у богатой и гостепрѣимной природы; достаточно небольшого круга родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, съ которыми можно было бы раздѣлить свои впечатлѣнія. Такая природа не создана для шумныхъ свѣтскихъ увеселеній. Толпа всегда влечетъ за собою суету, заботы, скуку: здѣсь имъ не мѣсто; ничто не возвышаетъ души какъ созерцаніе красотъ божественнаго творенія въ безмолвіи страстей, ничто не убиваетъ ея какъ поклоненіе кумирамъ искусственной жизни. Здѣсь дни текутъ непримѣтно; всякому полная свобода; утромъ занимаешься своими дѣлами, чтеніемъ, купаешься въ морѣ, обѣдаешь въ два часа, послѣ обѣда ждешь великаго представленія, которое каждый вечеръ дастъ закатывающееся солнце; тамъ — прогулка, а тамъ — въ домашнемъ кругу бесѣда, и музыка, — инструментальная, — даже вокальная. Что ни говорите, а крымскій соловей поетъ гораздо лучше госпожи Віардо-Гарсін, и хорошій органъ Вивтергальтера съ бѣльшимъ symphonie чѣмъ всѣ наши оркестры

исполняетъ любимыя мѣста изъ Нормы, Лучин, Роберта, Фенеллы.

Каждыя двѣ недѣли приходитъ пароходъ «Петръ Великій» изъ Одессы, и въ тотъ же день идетъ далѣе, въ Θεодосію и Керчь, откуда возвращается въ Ялту на седьмой день. Случай прекрасный для меня, чтобъ совершить давно предполагаемую поѣздку въ эти приморскіе города. Тридцатаго іюня ожидаютъ парохода. Рѣшено: отправляюсь на «Петръ Великомъ» въ Θεодосію. Въ назначенный часъ снялись мы съ якоря, при тихой вечерней погодѣ; плаваніе благословила вся природа: море лазурное, берега восхитительны, небо ясное. Паровой китъ мчится быстро, безъ малѣйшаго колыханія.

Въ числѣ пассажировъ находился одинъ страдалецъ, который обратилъ на себя общее участіе собранія. То былъ архитекторъ К... Говорилъ, что онъ претерпѣлъ сильныя огорченія, отъ которыхъ лишился разсудка. Братъ его, негодіантъ въ Бердянскѣ, пріѣхалъ за нимъ, и теперь везъ его къ себѣ для леченія. Состояніе больного было достойно сожалѣнія; на лицѣ изображалось глубокое отвращеніе къ человѣчеству, онъ не узнавалъ брата своего, и не отвѣчалъ ни на какіе вопросы. Между-тѣмъ онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, ходитъ, куритъ какъ здоровый. Чтобы возбудить въ немъ нѣкоторыя воспоминанія, виолончель моя сыѣла страдальцу мотивы изъ знакомыхъ ему оперъ, представляемыхъ въ Одессѣ. Братъ его, обладающій обширнымъ и прекрасно обработаннымъ баритономъ, сыѣлъ въ свою очередь: но все было тщетно; ничтѣ не могло расшевелить этой души, погруженной въ мракъ задумчивости; огорченія, повергшія его въ такое состояніе, видно, были велики.

Всю ночь просидѣлъ я на палубѣ, любясь на безоблачное небо и на тихую стихію, такъ часто гибельную для мореплавателей. Въ шесть часовъ утра пароходъ вступилъ на Θεодосійскій рейдъ. Городъ живописно разлегся полукружіемъ надъ самымъ моремъ. Нѣкогда производилась здѣсь обширная торговля Генуэзцами, считалось до двухъ тысячъ двухъ сотъ домовъ, и развалины древнихъ башенъ и укрѣпленій свидѣтельствуютъ о прежнемъ могу-

*

ществѣ. Лишь-только пароходъ бросилъ якорь, явились дѣвочки, продающія камешки и ракушки, то есть, раковинки, которыми изобилуетъ берегъ. Я пошелъ походить по городу. Кромѣ базарной площади, мало встрѣчаешь народу на улицахъ; въ гавани одно только судно; этотъ городъ—въ упадкѣ. Впрочемъ, съ покореніемъ Крыма, Феодосія и должна была испытать эту участь: главная коммерція южной Россіи идетъ черезъ Одессу и Таганрогъ, такъ къ чему служить, при этихъ портахъ, феодосійскій? Чтò было хорошо для Крыма, подвластнаго Оттоманской Портѣ, то не можетъ имѣть той же пользы для него въ Россіи, которая удобнѣе черезъ другія мѣста вывозитъ свои произведенія. Феодосія могла бы снабжать таврической полуостровъ иностранными товарами: но гдѣ потребители? Древняя Каффа, на гробовомъ камнѣ которой написано — Феодосія, отжила свой вѣкъ, и трупъ ея медленно истлѣваетъ: жаль, но нечего дѣлать, хоть гавань безопасна и просторна, мѣстоположеніе пріятно, и для морскаго купанія это — лучшій берегъ на всемъ Черномъ Морѣ.

Пароходъ заходитъ въ Феодосію не больше какъ на два часа. Вечеромъ, до заката солнца, мы должны быть въ Керчи. Погода продолжаетъ благопріятствовать. Въ Феодосію узналъ я, къ сожалѣнію моему, что керчь-епикольскій градоначальникъ, князь Херхеулидзевъ, мой давнишній знакомецъ и пріятель, былъ еще на-канунѣ въ этомъ городѣ и уѣхалъ осматривать подвѣдомственные себѣ карантинны. Слѣдовательно, онъ, вѣрно, павѣститъ меня на южномъ берегу въ то время, когда я отдамъ ему визитъ въ Керчи.

Отъ самой Ялты, пароходъ безпрестанно плыветъ въ виду береговъ: до Феодосіи, эти виды очень живописны отъ разнообразія горъ, мысовъ и другихъ случайностей природы; но отъ Феодосіи берегъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Сущее опустошеніе! Приближаясь къ Керчи, проходишь мимо таманскаго берегу, гдѣ видны слѣды кораблекрушеній; но скоро является городъ, и видъ совсѣмъ измѣняется. Этотъ городъ составляетъ разительную противоположность съ Феодосію: тамъ все мертво,

все клонится къ паденію, все падаетъ; здѣсь все кипитъ жизнью, все цвѣтетъ. Мы проходили мимо кораблей всѣхъ націй: я насчиталъ болѣе полутора ста судовъ. Теперь, корабли, идущіе въ Таганрогъ, выдерживаютъ карантинъ въ Керчи, и, по этому случаю, такъ много судовъ стоитъ предъ керченскимъ карантинномъ. Однако не всѣ они пускаются въ Азовское Море: перевозъ товаровъ изъ Таганрога въ Керчь производится, болѣею частью, каботажемъ.

Керчь стоитъ на мѣстѣ древней Цантикапей, столицы царей восфорскихъ. Вотъ какъ отзывался о Керчи Castelnau въ своей «Исторіи Новороссійскаго Края»: «Cette antique réputation a été remplacée par un oubli bien cruel; je cherchais l'ensemble d'une ville, et je n'apercevais que des édifices épars... je n'ai remarqué qu'un bazar, ou marché, qu'habitent quelques Grecs, pêcheurs, qui ne paraissent par jouir de beaucoup d'aisance.» Это писано въ 1820 году. Посмотримъ теперь, что говоритъ о Керчи Raffet, посѣтившій этотъ городъ въ 1837 году: «Vous pénétrez dans l'ancienne capitale du royaume de Bosphore par une rue vaste et élégante; une chaussée bombée, des trottoirs, d'allées et des édifices bâtis d'une pierre facile à tailler: voilà la ville au premier abord. Des arcades, des colonnes, des balustrades, et mille recherches d'architecture, font reconnaître sans hésiter *une de nos villes*. Mais ici nous devons louer la sage dimension des rues qui suffisent à une circulation active, sans offrir cette largeur disproportionnée aux besoins, qui d'une ville fait un désert. La rue principale est coupée à angle droit par plusieurs voies latérales d'un entretien également remarquable.» Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ за семнадцать лѣтъ были однѣ только лачужки, обитаемыя бѣдными рыбаками, появился европейскій городъ, съ прекрасными улицами и зданіями. Въ Керчи — много флотскихъ офицеровъ: въ портѣ всегда стоятъ военныя суда, и два казенные парохода, подвластные начальнику кавказской Береговой Линіи, котораго здѣсь — главная квартира. Городъ окруженъ курганами, мѣстомъ упокоенія восфорскихъ царей, гдѣ антикваріи роются какъ кроты. Почти всѣ курганы уже изрыты, обысканы, и

драгоценныя рѣдкости отосланы въ особенный музей, въ Петербургъ. Самый замѣчательный—былъ курганъ, прозванный *Царскимъ*, потому что гробница его открыта къ самому приѣзду Государя Императора, въ 1837 году: Тамъ найдены любопытнѣйшія изъ древностей Пантлалепъ: множество щеголеватыхъ дѣлъ и бездѣлокъ самой утонченной роскоши былаго міра, украшенія всякаго рода, полный приборъ прихотливаго дамскаго туалета, хомутъ, осыпанный драгоценными камнями въ золотой оправѣ, принадлежавшій, вѣроятно, любимому коню, найдены въ гробницѣ неизвѣстной знатной Гречанки; но всего замѣчательнѣе—золотая маска, покрывавшая лицо и на которой можно еще распознать черты той, которая пролежала въ гробницѣ болѣе двадцати столѣтій. Внутренность Царскаго Кургана составляетъ родъ пещеры со сводами, вышиною аршиновъ въ пять. Стѣны и своды сложены изъ большихъ четверугольныхъ камней, какъ въ Коллизеѣ, безъ цемента, и такъ хорошо сбережены, что работа—кажется—вчерашняя. Керчь имѣетъ также свой музей. Это зданіе стоитъ на горѣ *Митридата*, то есть, неизвѣстно чьей. Къ нему ведетъ великолѣпная лѣстница, построенная въ послѣдніе неурожайные годы для доставленія дѣла бѣдному народу. Какъ я не антикварій, то и не стану распространяться о статуяхъ, медаляхъ, надписяхъ, вазахъ, и прочая, хранящихся въ Керченскомъ Музеумѣ.

Я присталъ въ довольно опрятную гостинницу подъ вывѣскою — *Графъ Воронцовъ*, и тутъ познакомился съ нѣкоторыми флотскими офицерами: пріятно было видѣть, что всякой изъ нихъ соединяетъ опытность съ познаніями и страстно любитъ свое ремесло. Въ той же гостинницѣ остановились дамы, прибывшія изъ Тифлиса; одна изъ нихъ была вдова автора «Горя отъ ума»: я зналъ ее въ Тифлисѣ еще до замужства, и поспѣшилъ возобновить старое знакомство; другая — супруга командира грузинскаго гренадерскаго полка. Эти дамы прибыли въ Керчь изъ Редутъ-Калѣ, на военномъ пароходѣ «Боець», и ожидали отплытія «Петра Великаго», чтобы отправиться въ Одессу. Слѣдовательно, мнѣ предстояло удовольствіе провожать ихъ до Ялты.

Послѣ обѣда, моряки, привезшіе двухъ путешественницъ изъ Редутъ-Калѣ, предложили имъ прогулку по морю: я былъ принятъ въ компанію, и мы отправились на военный ботъ «Часовой», красивое судно, вновь построенное и очень легкое на ходу. Восхищаться надобно было бодрымъ видомъ, смѣтливостью и расторопностью матросовъ, быстрыми и хладнокровными распоряженіями командира судна, молодого лейтенанта, котораго, къ сожалѣнію, не упомяну фамиліи. Морское командованіе — языкъ непонятный для непосвященныхъ, гораздо мудренѣе арабскаго, и удивительно, какъ русскіе матросы такъ скоро знакомятся съ этими безчисленными техническими терминами, которые безостановочно вылетаютъ одинъ за другимъ изъ устъ командирскихъ, особливо, когда что-нибудь экстраординарное приводитъ въ движеніе весь экипажъ. Этому мы были свидѣтелями: что-то поломалось въ снастяхъ, на которыхъ прикрѣплены паруса, такъ, что одинъ изъ парусовъ съ шумомъ повалился на палубу; мы нѣсколько встревожились, но командиръ судна, не подавая ни малѣйшаго виду смущенія, хладнокровно отпустилъ вдругъ сотни двѣ такихъ словечекъ, что наши дамы были увѣрены, что онъ заговорилъ съ православными матросами самымъ чистымъ турецкимъ языкомъ: мгновенно, волшебнымъ дѣйствіемъ этой рѣчи, всѣ паруса спустились, якорь упалъ и экипажъ принялся исправлять поврежденіе. Работа нищѣла. Невсчерпаемый потокъ словъ того же краснорѣчиваго діалекта лаяла изъ устъ начальника, и всѣ эти таинственныя приказанія быстро исполнялись проворными ребятами. Черезъ десять минутъ мы опять пустились на всѣхъ парусахъ по рейду и плыли около двухъ часовъ съ немозвѣрною скоростью. Безъ привычки нельзя не почувствовать нѣкотораго безпокойства, видя, что судно, налуду, ложится на бокъ, такъ, что нерѣдко одна сторона палубы бываетъ подъ водою: но для моряковъ это — одно изъ самыхъ высокихъ наслажденій; они тогда только и весельи. «Часовой», какъ стрѣла рѣзалъ волны и, вѣроятно, представлялъ для береговыхъ зрителей картину очень занимательную. Съ земли пріятно видѣть, какъ судно

летитъ на всѣхъ парусахъ повалившись на бокъ. Признаюсь, я не обожатель такихъ прогулокъ. Къ счастью, захожденіе солнца заставило сократить потѣху и насъ высадили на берегъ. Какъ вамъ угодно, а для прогулокъ твердая земля сходиѣе человѣческимъ ногамъ.

Кто бы подумалъ, что городъ Керчь угоститъ насъ музыкальнымъ вечеромъ! Туземные dilettanti, услышавъ съ улицы звукъ моей виолончели, — я аккомпанировалъ супругѣ градоначальника, которая играла на фортепиано, — пригласили меня на другой день на квартетъ. Собрались мы у штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, и первую скрипку занялъ чиновникъ, служащій въ канцеляріи градоначальника: онъ играетъ чисто и пріятно, несмотря что держитъ скрипку на пол-аршина отъ подбородка. Въ Крыму, въ Керчи, новѣйшіе Скифы, модные Татары, пустились мы развѣгрывать Бетговена! Надѣюсь, что, по-крайней-мѣрѣ выборъ музыки не подлежитъ критикѣ. Тѣнь Митридата ходила около окошекъ и удивлялась. Своды разрушенныхъ кургановъ повторяли, какъ могли, непривычную себѣ гармонию. Но мы наслаждались. Какъ бы то ни было, вечеръ этотъ оставилъ мнѣ пріятныя воспоминанія, тѣмъ болѣе что я никакъ не ожидалъ подобнаго угощенія въ Пантиканеѣ.

Но полно мускийствовать: пароходъ въ шесть часовъ утра долженъ сняться съ якоря. Въ Керчи застали мы пароходъ «Наслѣдникъ», который на третій день послѣ нашего прибытія отправился обратно въ Таганрогъ и повезъ до Бердянска двухъ братьевъ К^{***}, о которыхъ я прежде говорилъ. Надо отдать справедливость, кому слѣдуетъ, что дни отплытія пароходовъ распределены очень неудобно; дѣйствительнаго плаванія отъ Таганрога до Одессы только семьдесятъ два часа, а надобно употребить на это тринадцать дней; изъ Одессы же послѣдуетъ пароходъ въ Таганрогъ на шестыя сутки. Я смиренно желалъ бы обратить вниманіе одесской пароходной комиссіи на таковыя великія неудобства для публики и на лишніе расходы при выгрузкѣ дорожныхъ экипажей. Напримѣръ: отъ Одессы до Ялты, плата за четырехмѣстную карету двадцать два цѣлковыхъ, цѣну исполнскую, са-

но собою разумѣется, что тотъ, кто заплатилъ ее до Ялты, добродушно ожидаетъ, что за двадцать два цѣлковыхъ экипажъ его будетъ выгруженъ на ялтовской берегъ. Но пароходъ останавливается за пол-версты отъ берегу, и путникъ, съ разорваннымъ сердцемъ, долженъ вынуть изъ кармана еще пятнадцать рублей серебромъ, потому что въ Ялтѣ одинъ только—барказъ, удобный для перегрузки тяжелыхъ экипажей, и властитель этого барказа беретъ сколько хочетъ. Нельзя ли устроить этого какъ-нибудь иначе? Напримѣръ, завести свой барказъ? Если бы комиссія, въ этомъ и во многихъ другихъ подробностяхъ, сжалась надъ путешественниками, путешествующихъ было бы больше.

Мы снялись съ якоря. Погода продолжала благопріятствовать, плаваніе было самое благополучное, къ великому утѣшенію нашихъ дамъ, которыя еще помнили качку на пути отъ Редутъ-Калѣ. Въ четыре часа по полудни мы опять въ Феодосію. Въ то же время приѣхалъ туда сухимъ путемъ князь Херхеулидзевъ. Мы провели съ нимъ часъ три у начальника таможи, почтеннаго Павла Ивановича Гаевского, и, побесѣдовавъ о разныхъ разностяхъ, отправились вмѣстѣ на пароходъ, гдѣ я познакомилъ его съ нашими любезными спутницами. Въ сумерки, мы снялись съ якоря, при пушечныхъ выстрѣлахъ съ брандвахты, на каковое оглушительное прощаніе отвѣчали мы таковымъ же. Настала ночь, тихая, безоблачная: всѣ пассажиры собрались на палубу и потребовали отъ меня музыки; кто играетъ, тотъ радъ играть насчетъ чужихъ ушей, были бы только уши: извольте! — и звуки виолончели понеслись по необозримому пространству Понта Евксинскаго съ аккомпаниментомъ ударовъ паровой машины и плеску вспѣнныхъ волнъ, kloкочущихъ подъ колесами. Привлеченные сладостными напѣвами моей игры, всѣ моржи Чернаго Моря собрались около парохода. Публика была многочисленная и блистательная. Самъ старый Нептунъ, я увѣренъ, аплодировалъ мнѣ со dna морскаго. Послѣ моей музыки всѣ отретировались въ свои каюты, — такъ угодила я имъ! — а я, по обыкновенію, всю ночь просидѣлъ на палубѣ, не смыкая глазъ: очень отраднo раз-

мышлять въ тихую ночь на морѣ, когда все вокругъ по-
контся. Еще одинъ человѣкъ всю ночь не сходилъ съ па-
лубы: то былъ командиръ парохода, капитанъ Магудъ,
Словенинъ, человѣкъ основательный, знающій свое дѣло
и благороднѣйшихъ чувствъ. Съ нимъ нечего опасатъ-
ся: онъ самъ испыталъ всѣ бѣдствія моря, и, поэтому,
чрезвычайно остороженъ и заботливъ о пассажирахъ. Те-
перь здѣсь употребляютъ, вмѣсто каменнаго угля, антра-
цитъ, топливо, не имѣющее ни какаго тяжелаго запаха и
выгоднѣе угля. Большіе слои антрациту открыты близъ
Новочеркасска. Это открытіе весьма важно для Новорос-
сійскаго Краю и Донской Земли, гдѣ ощутительна нужда
въ дешевомъ отопленіи.

Но покуда пассажиры погружены въ сонъ, солнце тихо
взошло. Вотъ уже Алушта, Кучукъ-Ламбадъ, Партенитъ,
Аю-дагъ, Артекъ и прочія прибрежныя знакомыя мѣста.
Въ пять часовъ утра мы бросили якорь на ялтовскомъ рей-
дѣ. Всѣ еще спали, но я общалъ дамамъ прокатать ихъ
по самымъ лучшимъ мѣстамъ южнаго берегу. Въ десять
часовъ утра я уже былъ съ экипажемъ въ Ялтѣ: дамы
сѣли въ коляску и, отобѣдавши у насъ, посѣтили Алушку
съ ея волшебными садами и несравненнымъ замкомъ: не-
смотря на короткое знакомство свое съ величественными
красотами Кавказа, онѣ были въ восторгѣ. Къ вечеру онѣ
воротились на пароходъ, и на другой день отплыли въ
Одессу.

Но возвращеніи на южный берегъ, послѣ семи-дневнаго
отсутствія, опять почувствовалъ я всю сладость приволь-
ной домашней жизни посреди нѣгъ комфорта и сокровищъ
вездѣ щедро разбросанныхъ рукою природы. Но, видно,
долго пріятнымъ и хорошимъ не суждено наслаждаться.
Я долженъ возвратиться въ Украину. Въ концѣ августа
надѣюсь еще побывать на южномъ берегу. И такъ, до сви-
данія, прелестная Таврида!... приготовь мнѣ къ возвраще-
нію моему вкуснаго твоего винограда.

III.

La pleurs sont la fontaine, où notre âme s'épure.

Этотъ виноградъ заключаетъ вкратцѣ всю цѣль отшель-

нической жизни: что болѣе очищаетъ душу какъ слезы покаянія? что болѣе должно быть предметомъ отшельнической жизни какъ чистота души, которую такъ трудно сохранить въ свѣтѣ? Кстати о томъ упомянуть, когда рѣчь идетъ о возобновленіи упраздненнаго монастыря. Пятнадцатое августа назначено было для возстановленія Святогорской Мужской Обители. Я спѣшилъ къ этому торжеству. Но, спросить читатель: какой это монастырь? по какому случаю обновляли его? На что отвѣчать я буду слѣдующее.

Императрица Екатерина Вторая пожаловала князю Потемкину-Таврическому, въ харьковской губерніи, мѣонскомъ уѣздѣ, мѣстце, состоящее изъ трехъ тысячъ душъ и весьма богатое лѣсами. Въ этихъ мѣстахъ, на берегу сѣвернаго Донца, съ давнихъ временъ существовалъ такъ-называемый Святогорскій Монастырь, который по Высочайшему указу десятаго апрѣля 1786 года былъ упраздненъ: вслѣдствіе чего, храмъ бывшаго монастыря обращенъ въ приходскую церковь, а мѣсто, занимаемое монастыремъ, вошло въ составъ земель, поступившихъ во владѣніе князя Потемкина. Послѣ смерти его, святогорское мѣстце досталось по наслѣдству Василью Васильевичу Энгельгардту, а потомъ родной его сестрѣ, княгинѣ Татьянѣ Васильевнѣ Юсуповой, которая скончалась въ 1841 году, оставивъ отъ двухъ браковъ двухъ сыновей, Александра Михайловича Потемкина и князя Бориса Николаевича Юсупова. По раздѣлу наслѣдства княгини Юсуповой между двумя сыновьями, святогорское мѣстце пришлось на часть Александра Михайловича Потемкина. Онъ, и супруга его, Татьяна Борисовна, сестра автора предлежащей «Поѣздки», слѣдуя внушенію благочестія, пожелали возстановить отшельническую обитель. Къ этому побудили ихъ уважительныя причины. Основаніе монастыря должно относиться къ первымъ временамъ распространенія христіанства на Руси. Положительныхъ преданій и документовъ не существуетъ, но это заключается изъ многихъ обстоятельствъ. Эти мѣста съ давнѣйшихъ временъ именовались *Святymi Горами*, и всегда посѣщались усердными богомольцами въ день Святаго Чудотворца Николая и въ

крадникъ Успенія Пресвятой Богородицы. На высокой, крутой горѣ, насѣчена въ мѣлово-кремнистой скалѣ церковь во имя Святаго Чудотворца Николая, а внизу, надъ самымъ Донцомъ, церковь, посвященная Успенію Богоматери, съ оградою какъ у монастырей. Между верхнею и нижнею церквами существуетъ сообщеніе черезъ узкія пещеры простирающіяся слишкомъ на двѣсти сажень. Эти пещеры изрыты, наподобіе кievскихъ, вѣроятно благочестивыми иноками, потому что тутъ видны келліи для отшельниковъ и затворниковъ; при выходѣ изъ пещеръ, замѣчательно мѣсто, гдѣ существовала внутри скалы церковь. Кто, кромѣ отшельниковъ святой старинны, имѣлъ бы терпѣніе изрыть такую огромную и такую твердую скалу? Вѣрно эти пещеры служили первымъ русскимъ христіанамъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій азычниковъ, а позднѣйшимъ отъ набѣговъ хищныхъ Татаръ. Изъ всего видно, что Святогорская Обитель имѣетъ историческое значеніе. Чтò же касается до мѣста, то оно какъ-будто нарочно создано для созерцанія. Если бытъ гдѣ-нибудь древнѣйшему монастырю, такъ въ этомъ мѣстѣ скорѣе не жели въ другомъ, по удобству крѣпнаго положенія на горѣ, у береговъ Донца, среди дремучихъ лѣсовъ и живописныхъ мѣстоположеній. Это постигли нынѣшніе владѣльцы Святогорскаго Монастыря, и А. М. Потемкинъ обратился въ Святѣйшій Синодъ съ прошеніемъ о возстановленіи обители на его иждивеніе. Преосвященный Иннокентій, епископъ харьковскій и ахтырскій, съ своей стороны довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что Украина вообще скудна монастырскими заведеніями, что святогорское урочище, по красотѣ и уединенному мѣстоположенію, весьма примѣчательно; что жители здѣшняго краю, уважая это мѣсто какъ святое, притекають сюда, особливо въ лѣтнее время, для богомоленія, въ великомъ множествѣ, и всегда съ большимъ сожалѣніемъ смотрять на опустѣніе святыхъ мѣсть. Государь Императоръ, снисходя на прошеніе А. М. Потемкина, Высочайше повелѣтъ соизволялъ—монастырь возстановить подъ наименованіемъ Успенской Святогорской Обители, и установить въ ней порядокъ наиболѣе приближающійся къ духу древняго пус-

тынножительства, назначивъ правиломъ для нея уставъ и чиноположеніе, существующіе въ Софроньевской и Глинской Пустыняхъ курской епархіи. Радостная вѣсть объ этомъ событіи разнеслась быстро и широко, и со всѣхъ окрестныхъ и отдаленныхъ странъ притекло несчетное множество народу всѣхъ сословій. Однѣхъ каретъ насчитано до четырехъ-сотъ. Кіевскій митрополитъ, Филаретъ, узнавъ о возстановленіи Святогорской Обители, поспѣшилъ прислать отъ лица Киевопечерской Лавры списокъ чудотворной иконы Успенія Богоматери съ мощами угодниковъ печерскихъ на благословеніе новой обители.

Я пріѣхалъ въ Святогорскъ двѣнадцатаго августа. Того же числа вечеромъ прибылъ просвѣщенный Иннокентій. Хозяйка имѣнія, главная виновница возстановленія древняго святилища, была уже давно тамъ, поспѣшавъ изъ Петербурга нарочно, чтобы устроить и упрочить бытъ и благосостояніе монастыря. Господскій домъ былъ на-скоро выстроенъ на крутой горѣ, недалеко отъ обители.

Въ первый день по пріѣздѣ своемъ, преосвященный пожелалъ отслушать обѣдню по чину и напѣву иноковъ Святогорской Обители. Вечеромъ онъ отправлялъ всенощную. Вошедши со всѣмъ духовенствомъ на гору, гдѣ изсѣчена въ скалѣ церковь, преосвященный совершилъ литургію. Эта церковь находится на высококомъ холму, почти на пятьдесятъ сажень отвѣсно возвышающемся надъ Сѣвернымъ Довцомъ. Усердные богомольцы не могли помѣститься въ тѣсной церкви: они покрывали всю вершину горы. Преосвященный владыко произнесъ рѣчь, которая изобиловала краснорѣчивымъ вдохновеніемъ: онъ не избралъ особеннаго текста, но, изчисливъ разныя наименованія, которыми Священное Писаніе изображаетъ праведника, показалъ, что оно также уподобляетъ его скалѣ. Съ тѣмъ необыкновеннымъ даромъ слова, какимъ обладаетъ онъ въ высшей степени, прекрасная мысль эта, мастерски развитая, тронула слушателей тѣмъ живѣе, что всѣ присутствовавшіе стояли на скалѣ, вселяющей въ утробѣ своей остатки праведниковъ, нѣкогда украшавшихъ обитель своими добродѣтелями. Рѣчь архипастыря произвела уже сильное впечатлѣніе. Но самую умилятельную

церемонію готовилъ преосвященный къ вечеру того же дня. Мы говорили объ иконѣ съ мощами печерскихъ угодниковъ, присланной изъ Кіева. Намѣреніемъ преосвященнаго было—установить ежегодный крестный ходъ съ этою иконою подъ самое Успеніе. А какъ по случаю возобновленія монастыря приходская церковь переводилась въ село Богородское, лежащее въ шести верстахъ, и на этотъ предметъ былъ уже приготовленъ къ освѣщенію временный храмъ, то крестному ходу слѣдовало принять икону изъ этого храма и торжественно перенести и водворить ее въ новую обитель. Въ пять часовъ по-полудни преосвященный владыко отправился съ многочисленнымъ духовенствомъ въ Богородское. Передъ самымъ селомъ надобно было ему переправляться черезъ Донецъ на паромѣ, потому что церковь—съ полверсты за рѣкою. Когда процессія, по совершеніи предварительныхъ молитвъ, двинулась изъ церкви и подошла къ рѣкѣ, преосвященный во всемъ облаченіи, съ иконою въ рукахъ, предшествуемый хоругвами и духовенствомъ, вступилъ на паромъ, и приказалъ остановиться на серединѣ Донца: тутъ онъ отслужилъ краткое молебствіе. Великолѣбно было это зрѣлище! Представьте себѣ оба берега рѣки, покрытые многими тысячами народу, всю процессію, остановившуюся на серединѣ рѣки, откуда возносятся теплыя молитвы къ Всевышнему при умиленномъ пѣснопѣніи стройнаго хора архіерейскихъ пѣвчихъ, и вокругъ—богатства очаровательной природы, живописно разбросавшей зеленѣющіе луга, прекрасныя рощи, лѣса и горы, у подножія которыхъ тихо текутъ прозрачныя воды.

Перенесши икону на противоположный берегъ, преосвященный упередилъ процессію, чтобы по приближеніи крестнаго хода выйти изъ монастыря на срѣтеніе Богоматери. Въ краткой рѣчи, произнесенной при этомъ случаѣ, можно сказать, онъ превзошелъ себя: это вдохновенное слово—полно высокой духовной поэзіи. Надобно, чтобы читатель представилъ себѣ, что преосвященный говорилъ подъ открытымъ небомъ. Когда, выступивъ изъ монастыря, онъ на берегу Донца принималъ икону изъ рукъ старшаго священно-служителя, въ это время вся братія Святогорской

Обители были собраны вокругъ него; необозримыя толпы народу тѣснились на обоихъ берегахъ рѣки, а Святыя Горы, позади, господствовали надъ всѣмъ этимъ торжественнымъ обрядомъ. Тепло вѣрующей въ сильное заступленіе Присно-Дѣвы Маріи, преосвященный Иннокентій привѣтствовалъ Богоматерь словами:

«Откуда намъ сіе, да приидеть Мати Господа нашего къ намъ?

«Владычица Неба и Земля! кто подвигъ Тебя прійти въ сей день и часъ на мѣсто сіе? Намъ бы вмѣстѣ съ горами сими надлежало встать, пойти и разыскать Тебя, обрѣсти и пасть къ стопамъ Твоимъ: и се Ты сама грядеши, ведя съ собою невидимо цѣлый ликъ святыхъ и Богоносныхъ угодниковъ кіево-печерскихъ. О семъ разумѣемъ, что Ты не забыла прежняго мѣста обитанія Твоего здѣсь, восхотѣла ознаменовать и украсить посѣщеніемъ Своимъ день обновленія, возблаговолела утѣшить и одушевить новую братію о Христѣ и подать ей, въ нетлѣнныхъ мощахъ подвижниковъ печерскихъ, и примѣръ подвиговъ, и залогъ успѣха. Гряди убо, благословенная, и вселися здѣ! Вселися и прими паки обитель сію подъ всемогущей покровъ Твоей!

«Святыя Горы зрите, Кто пришелъ къ вамъ, благоукаритесь древнею лѣпотою, и преклоните верхи ваши предъ Царицею Неба и Земли.

«Братіе! здѣ подвигавшіися и теперь почывающіе въ утробѣ земной, возстаньте и возблагодарите вмѣстѣ съ нами честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ.

«Братіе! здѣ теперь вселяющіися, падите предъ Матерью всѣхъ скорбщихъ, и предайте ей навсегда души и сердца ваши.»

Всѣ братія, заливаясь слезами, пали на землю, и приложились къ иконѣ. Впечатлѣніе, произведенное этою религиозною сценою, вырвало слезы умиленія у всѣхъ присутствовавшихъ.

Въ день Успенія Пресвятой Богородицы, преосвященный отслужилъ литургію въ храмовой церкви, и произнесенная имъ рѣчь отзывалась духовною радостью о со-

вершеніи благочестиваго дѣла: при этомъ случаѣ онъ не упустилъ сдѣлать трогательнаго и назидательнаго наставленія новыи братіи. По окончаніи обѣдни, онъ, со всѣмъ духовенствомъ, прошелъ черезъ пещеры, и поднявшись на послѣднюю вершину горъ, несравненно выше самой церкви Святаго Николая, на этомъ возвышенномъ мѣстѣ совершилъ молебствіе, опредѣленное церковнымъ уставомъ для возобновеній монастырей, съ колѣнопреклоненіемъ и водосвятиемъ. Съ этой высокой точки, откуда видъ простирается на обширную страну, онъ благословилъ все пространство, какое можно было обнять взоромъ, моля Всевышняго, чтобы всѣ жители тѣхъ мѣстъ почувствовали благодать, которая будетъ изливаться изъ святой обители, для спасенія душъ. Въ навечеріи того же дня онъ постригъ двухъ послушниковъ въ монашество.

На слѣдующій день шестнадцатаго августа, происходило освященіе ново-устроенной церкви въ селѣ Богородскомъ, принадлежащемъ къ тому же имѣнію. Рѣчь говоренная тутъ архипастыремъ, выражала чувства, съ которыми подобаетъ входить въ Домъ Божій. Вечеромъ предстояло преосвященному владыкѣ совершить одно служеніе, но на этотъ разъ печальное. Получено было горестное извѣстіе о кончинѣ Великой Княгини Александры Николаевны съ младенцемъ: первая по ней панихида, въ харьковской губерніи, отслужена въ Святогорской Обители, при вопляхъ всѣхъ присутствовавшихъ; первыя молитвы за упокой души, вознесенныя въ этой обители послѣ обновленія, были дажь ново-преставльшейся Праведницѣ.

Семнадцатаго августа, утромъ, преосвященный Иннокентій отправился далѣе по епархіи, и толпы народу разсыпались.

IV.

По окончаніи всѣхъ духовныхъ торжествъ, я вторично отправился въ Крымъ. Ко мнѣ присоединился прибывшій изъ Петербурга французскій уроженецъ, докторъ П***, столько же искусный врачъ, сколько добрый, умный и любезный человекъ. Желаніе мое быть въ Таганрогъ могло теперь легко исполниться. До Таганрога всего двѣсти

шестьдесятъ верстѣ, а двадцатаго августа изъ этого города пароходъ «Наслѣдникъ» идетъ въ Керчь. Поэтому черезъ Таганрогъ и ближе, и скорѣе, и дешевле: чего же болѣе?... И точно, осмнадцатаго числа вечеромъ мы уже бродили по улицамъ Таганрога, тщетно отыскивая квартиру. Наконецъ, сжался надъ нами одинъ комиссіонеръ, закупавшій пшеницу, и уступилъ намъ комнату.

Моя первая мысль на другой день была—спѣшить ко дворцу Императора Александра. Подхожу: зданіе одно-этажное, выкрашенное желтою краскою; фасадъ на двѣ улицы; гвардейскій казакъ стоитъ на часахъ у воротъ. Внутри производилась работа, красили стѣны. Мнѣ указали на высокаго, престарѣлаго полковника, ходившаго по двору: то былъ главный смотритель дворца, командиръ гарнизоннаго баталіона во время пребыванія въ Таганрогъ Императора Александра. Я просилъ позволенія видѣть внутренность: онъ вѣжливо пригласилъ меня побывать около одиннадцати часовъ. Его обязанность — сохранять покой въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ онѣ были при Высокихъ Посѣтителяхъ за девятнадцать лѣтъ.

Имѣя довольно времени, я пошелъ въ пароходную комиссію заплатить за мѣста для насъ и для нашего экипажа. Тутъ только—о, горе! узналъ я, что пароходъ никогда не подступаетъ къ берегу, по причинѣ мелководія, и останавливается верстахъ въ четырнадцати отъ пристани. Вѣтеръ дулъ сильный, море бушевало. Такъ прошу же васъ вообразить, при такомъ пріятномъ извѣстіи, положеніе путешественника, пріѣхавшаго въ своемъ экипажѣ!... Въ Ялтѣ за сто шестьдесятъ шесть сажень, за одну треть версты мелкой воды, въ тихое время, взяли пятнадцать рублей серебромъ; поэтому тутъ возьмутъ, трижды четырнадцать—сорокъ два, пятнадцать разъ сорокъ два—пятьсотъ десять цѣлковыхъ. Тутъ нечего и разсуждать: арметнику я, слава Богу, знаю.... неизвѣстно только почему здѣсь сильный вѣтеръ?.... У меня жестоко зачесалось въ карманѣ.

Я пошелъ домой чтобы взять съ собою своего попутчика, и мы отиравились вмѣстѣ во дворецъ. Когда двери растворялись, цевольный трепегъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я переводилъ дыханіе, вступая въ эти священныя

для всякаго Русскаго палаты. Изъ передней входъ—прямо въ столовую залу; направо—отворена дверь, и видѣнъ иконостасъ; на коврѣ, подлѣ самаго иконостаса, захватывающія Царскія Двери, изображенъ продолговатый четверугольникъ, означающій то самое мѣсто, на которомъ Александръ испустилъ свой кроткій духъ. Я облобызалъ это мѣсто и, въ одно мгновеніе, всѣ мысли перенеслись за тридцать годовъ и представили мнѣ великаго Монарха во всей славѣ его, какимъ мы его видѣли въ Парижѣ, гдѣ, по словамъ одного писателя, «нимя его было во всѣхъ устахъ, благодѣнія во всѣхъ сердцахъ».

Комната, гдѣ теперь — эта церковь, была кабинетомъ Императора. Стѣна, къ которой прилегалъ болѣзненный одръ, снесена, и на ея мѣстѣ поставленъ иконостасъ, принадлежавшій той самой походной церкви, которая повсюду сопутствовала Александру: смежная же комната составляетъ алтарь. Какая великая эпопея заключается въ этомъ тѣсномъ пространствѣ!... Здѣсь всё-еще дышетъ незабвеннымъ Монархомъ: а съ именемъ его сколько славы, сколько великодушія, сколько истиннаго величія связано въ исторіи! Слава—тѣнь великой души, которая еще пребываетъ между людьми, когда стяжавшій ее уже оставилъ міръ чтобы вкусить вѣчную награду, уготованную Богомъ. Но не всякому герою далась такая прекрасная слава, какова слава Александра!

Осмотрѣвъ подробно весь дворецъ и видя, какимъ простымъ убранствомъ покоевъ довольствовалась Августѣйшая Чета, сердце еще болѣе наполнялось умиленными чувствами. Здѣсь все—еще въ томъ видѣ какъ было при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, каждая мебель стоитъ на томъ же мѣстѣ и покрыта тою же матеріею, ковры тѣ же самыя, стѣны, полы, все—прежнее, все просто и скромно. Воспоминаніе о незабвенномъ Монархѣ невольно заставляетъ вспомнить и о соперникѣ его, Наполеонѣ. Кончины того и другаго—замѣчательное стеченіе обстоятельствъ. Александръ, на высшей степени могущества и славы, оставилъ этотъ міръ на дальнихъ берегахъ Азовскаго Моря, въ маленькомъ домикѣ, такъ мало соответствовавшемъ его высокому сану. Наполеонъ, упавшій съ

высшей ступени могущества и славы, скончался въ такой же пустынь, въ такомъ же бѣдномъ домыкѣ. Но разница та, что, тутъ, скромность умирающаго властелина была недобровольная.

Подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, которыя каждый уноситъ изъ этого достопамятнаго мѣста, я поспѣшилъ осмотрѣть все, что въ Таганрогѣ напоминаетъ объ Алексимскій греческій ксандръ Благословенномъ. Сначала отправляюсь въ ерусса Александро-Невскій Монастырь: тутъ лежало сорокъ дней тѣло покойнаго Императора, и мѣсто, на которомъ стояла гробница, означено четверугольникомъ и обнесено оградой. Тутъ — и икона, присланная Императрицею Елисаветою Алексѣвною. Я засталъ здѣсь обѣдню, которая совершалась на греческомъ языкѣ. Выходя изъ монастыря, прямо передъ глазами на площади возвышается бронзовая статуя Императора Александра. Государь представленъ въ генеральскомъ мундирѣ съ накинутымъ плащомъ. Отсюда пошелъ я въ городской садъ, въ которомъ незабвенный Монархъ любилъ гулять: здѣсь англійскій садъ расположенъ по его указанію. Тамъ, за садами, — любимое его мѣсто, гдѣ онъ часто сидѣлъ и любовался на биржу, море и городъ. Въ Елисаветинскомъ Паркѣ, насажденномъ для Императрицы Елисаветы Алексѣвны по повелѣнію Императора Александра Павловича — пять тополей, и подъ ними хранится въ цѣлости, въ футлярѣ, скамья на которой любили сидѣть Императрица и Государь.

За этими увлекательными прогулками я совсѣмъ забылъ, что уже пора отправлять экипажъ на пароходъ. Для приведенія въ исполненіе операціи, побѣждалъ я къ порту: но что за странное, небывалое зрѣлище мнѣ представилось! Сотни конныхъ подводъ забрались въ открытое море такъ далеко, что надъ водою виднѣется только лошадиная морда. На верху телѣги устроена платформа, на которую наваливаютъ грузъ; этотъ грузъ перегружаютъ на лодки; лодки идутъ далѣе, сдаютъ барказамъ, и уже барказы доставляютъ товаръ на корабли, стоящіе отъ берегу не ближе какъ въ двѣнадцати или пятнадцати верстахъ, смотря по состоянію безпрестанно измѣняющагося мелководія. Одному надобно удивляться: несмотря

на такія неудобства и затрудненія торговля не упадетъ! Требованіе на пшеницу было довольно значительно. Благодаря покровительству почтеннаго начальника таможни, мой экипажъ отвезенъ за сходную цѣну. Слава Богу!... я ускользнулъ отъ неминуемаго разоренія.

Но уже солнце къ закату: спѣшу ко всеобщей въ Императорской дворцѣ. Служба совершается съ большимъ благоговѣніемъ; пѣвчіе поютъ хорошо и читаютъ внятно. Къ церкви приставленъ тотъ самый протоіерей, который принималъ послѣднюю исповѣдь Александра и потомъ сопровождалъ его бранные останки до Петербурга. Послѣ всеобщей, подошли мы другъ къ другу, и, вспомнивъ о старинѣ, поговоривъ о незабвенномъ Монархѣ, невольно прослезились оба. Я принялъ благословеніе достопочтеннаго іерея въ напутствіе, и отправился въ гавань.

Когда мы сѣли на катеръ, была ночь, луна начинала всходить, вѣтеръ дулъ восточный, слѣдовательно—попутный. Мы шли на всѣхъ парусахъ довольно быстро; волна плескала въ катеръ, покачивая насъ порядочно. Черезъ полтора часа мы достигли парохода. Коляска, отправленная въ полдень, только-что туда прибыла, и не успѣли еще поднять ея на палубу: этотъ процессъ довольно продолжителенъ, особливо въ ночное время. Но, какъ бы то ни было, мы, слава Богу, спаслись благополучно. Вскорѣ вѣтеръ обратился въ совершенную бурю. Намъ рассказывали, что, два дня тому назадъ, при такомъ же вѣтрѣ три Англичанина, отважившись пуститься къ кораблямъ въ яликѣ на парусахъ, были опрокинуты и погибли. Случаи такіе здѣсь не рѣдки, по причинѣ отдаленія судовъ отъ пристани.

Незнакомый съ прихотливою натурою Азовскаго Моря, я полагалъ, что мы снимемся съ якоря въ урочный часъ; но уже пробило девять часовъ утра, а мы все еще стоимъ. Наконецъ командиръ парохода сознался, что мы съ вчерашняго вечера стоимъ на мели. Положеніе куріозное, но не совсѣмъ занимательное. Намъ растолковали, что Азовское Море имѣетъ такое свойство, что, когда подуетъ восточный вѣтеръ, вода сбываетъ, а при западномъ она прибываетъ. По словамъ капитана, было три—

надцать футовъ воды, когда пароходъ бросилъ якорь, а теперь же только семь, между-тѣмъ какъ пароходъ требуетъ одиннадцать. Очень весело! Но, въ утѣшеніе, онъ прибавилъ, что это — ничего: Митридатъ былъ задержанъ семьнадцать дней точно такимъ же образомъ.—Ну, Богъ съ нимъ, съ Митридатомъ!.... это ужъ было давно, до изобрѣтенія паровъ.... намъ бы только по-скорѣе свѣтаться съ якоря!— Совсѣмъ не такъ давно! отвѣчаетъ капитанъ: мѣсяца три или четыре тому!... Да вы можетъ-быть думаете о царѣ Митридатѣ? Во-все не объ немъ дѣло! Я говорю о пароходѣ «Митридатъ», который притомъ еще и плоскодоненъ. Досадно!.... вѣтры теперь дуютъ постоянные. — Подлинно, досадно! Буря всё усиливалась и дошла до такой ярости, что судно начинало подпрыгивать и биться о дно моря; все трещало на пароходѣ, а руль дотога разгулялся, что колотилъ немилосердо по бокамъ судна. На лицѣ капитана распространилось гробовое уныніе: онъ не подавалъ ни какой надежды, чтобы мы могли скоро предпринять путь, и только утѣшалъ насъ тѣмъ, что «Митридатъ» простоялъ двѣ недѣли, а другіе корабли иногда по мѣсяцу бывали задержаны. Между-тѣмъ, за сильною бурей, часть пассажировъ и, главное, съѣстные припасы остались на берегу. Это еще досаднѣе. Но штурманъ, ловкой молодой чело-вѣкъ, великодушно пожертвовалъ собою въ пользу общаго блага. Онъ— благородный юноша!— неустрашимо пу-стился въ эту ужасную бурю на пароходномъ яликѣ въ Таганрогъ. Прошло четыре часа: вотъ виднѣется вдали. маленькій парусъ, то исчезающій въ морѣ, то появляю-щійся опять на спинѣ волнъ. Непремѣнно это нашъ яликъ. Вотъ онъ уже приближается: страшно смотрѣть, какъ его поднимаетъ и сбрасываетъ въ пропасть; яликъ летитъ къ пароходу; онъ полонъ народу. Надобно быстро спу-стить парусъ и поворотить рулемъ чтобы пристать къ судну: штурманъ, державшій руль, думалъ успѣть то и другое сдѣлать, но, парусъ не такъ скоро опустился, и яликъ на всемъ ходу ударился носомъ въ пароходъ. Не-понятно, какъ онъ не пошелъ тотчасъ ко дну! Яликъ только лопнулъ. Одну женщину, не вынесли, а взброси-

ли полу-мертвою отъ страху на палубу. Къ счастью, никто не погибъ.

По тому же образцу, при безпрестанно возрастающей бурѣ, провели мы все воскресенье, двадцатое августа. Наступила ночь еще ужаснѣе дня. Пароходъ бился какъ рыба подъ льдомъ: казалось, что при каждомъ ударѣ онъ долженъ разсыпаться, а руль стучалъ такъ сильно, что легко могъ пробить дыру въ стѣнѣ. Положеніе наше было самое незавидное: видишь, что судну плохо, и не имѣешь возможности оставить его! Были минуты, въ эту ночь, что я уже, какъ обреченный на жертву, покорялся волѣ Божіей и предавалъ себя Его милосердію. Но, болѣе всего, тревожило меня то, что я же уговорилъ моего спутника ѣхать моремъ, обнадеживъ его, что это будетъ самая пріятная изъ прогулокъ. Онъ, бѣдняжка, былъ чрезвычайно смущенъ, и воображеніе представляло ему еще гораздо болѣе того, что было.

Настало утро: перемѣны въ нашемъ положеніи нѣтъ ни какой. Наконецъ, посовѣтовавшись съ товарищемъ, который принялъ мое предложеніе съ восторгомъ, мы рѣшились совсѣмъ отказаться отъ поѣздки моремъ, и во что бы ни стало возвратиться на сушь. Исполнить это другаго средства не было какъ просить помощи черезъ поднятіе флага и пальбу изъ пушекъ. Пальбы нашей не услышали, но флагъ увидѣли изъ таганрогскаго порта. Не прошло трехъ часовъ, и уже мы видимъ издали, что къ намъ несутся на парусахъ два таможенные катера.

Впрочемъ, — не подумайте худога! — наше намѣреніе возвратиться на твердую землю было мудро обдуманное. На совѣтѣ нашемъ постановлено: Primo, пароходъ «Наслѣдникъ» ветхъ, служитъ болѣе двѣнадцати лѣтъ и, послѣ пытки, которую онъ выдержалъ въ продолженіи сорока часовъ, не считая той, которая ему предстоитъ, не доплыть ему благополучно за четыреста верстъ до Керчи. Secundo, восточный вѣтеръ можетъ продлиться, по словамъ самаго капитана, недѣлю и болѣе, а мы должны въ пятнадцать дней съѣздить въ Крымъ и возвратиться въ Россію. Слѣдовательно: трусости тутъ нѣтъ, жеманиться нечего, — пароходъ ви —

новать! — и мы его храбро бросаемъ. Перекрестившись, мы сѣли на катеръ. Вѣтеръ быстро понесъ насъ въ Таганрогъ, и только, по причинѣ мелководія высадка на берегъ была затруднительна и неприятна.

Теперь, новая работа: надо по-скорѣе выручить нашу коляску, оставшуюся на пароходѣ, а то, чего добраго, вѣтеръ переѣнится, и пароходъ, пожалуй, отплыветъ съ нашею колесницею. Мы пошли нанимать большую лодку: это намъ удалось, хотя не безъ труда. Ждемъ до слѣдующаго утра: нѣтъ нашей коляски! Наконецъ, ровно черезъ сутки, возвращается посланный и объявляетъ, что, по случаю прибавленія воды, пароходъ вдругъ сваялся съ якоря и уѣхалъ въ шесть часовъ утра, въ то самое время какъ наша лодка подплывала къ нему. Вотъ новые хлопоты! Чтò же мы теперь сдѣлаемъ?.. Надо догонять пароходъ сухимъ путемъ; надо застать его въ Бердянскѣ, гдѣ, по росписанію, онъ долженъ простоять одинъ день, такъ, по случаю остановки, причиненной стояніемъ на мели, можетъ-быть простоятъ не болѣе двухъ часовъ; но мѣшкать нельзя ни одной секунды, потому что до Бердянска далеко. Сейчасъ — за подорожной. По великой услужливости господина временнаго градоначальника, это дѣло въ-мигъ обдѣлалось, хотя былъ табельный день, и мы въ два часа по-полудни уже скакали по маріупольской дорогѣ. Благодаря стенимъ и отличной породѣ лошадей, мы въ шестнадцать часовъ на перекладныхъ наверстали двѣсти пять верстъ, и такъ удачно, что торжественно въѣхали въ Бердянскъ въ то же время какъ пароходъ уныло вступалъ на рейдъ.

Въѣхали!... Это буднишнее слово — слишкомъ прозаическое; оно — не по насъ. Мы, не въѣхали, а ворвались, вторглись ураганомъ, въѣдрились бомбою въ славный градъ Бердянскъ. Только-что начинали мы спускаться съ горы, которая — надъ самымъ городомъ, какъ-вдругъ, на крутомъ поворотѣ, наши лошади вздумали пуститься во весь опоръ подъ-гору. Ямщикъ хотѣлъ удержать, но сбруя была плоха; возжи лопнули въ рукахъ, и онъ свалился на землю. Вотъ мы — безъ кучера, и скачемъ подъ-гору во всѣ лопатки. Скоро лопнули и постромки: лошади и суну-

лись-было уже впередъ, чтобы освободиться отъ презрѣннаго ига, но, на бѣду нашу, привязи у конца дышла почтовой брички воспротивились порыву ихъ къ свободѣ. Въ такомъ видѣ мы влетѣли какъ вихрь на большую бердянскую улицу, которая была загромождена многими фурами съ сѣномъ и подводами съ разною клажею. Извернуться въ этой кутерьмѣ, на всемъ скаку, и искусному кучеру было бы трудно: а мы, и напротивъ, безъ вожжей и безъ искусства, состояли въ распорядкѣ бѣшеныхъ скакуновъ. Все это совершилось такъ быстро, шибко, внезапно, что мы не успѣли еще ни слова выговорить, да и не чувствовали ни какой охоты къ бесѣдѣ, чтобы какой-нибудь толчокъ не выбросилъ насъ изъ повозки. Но въ самую минуту нашего триумфальнаго вѣзду въ Бердянскъ, я замѣчаю вдругъ, что мой молчаливый товарищъ привстаетъ, подбираетъ полы своего скюртука, и готовится выпрыгнуть. Я испугался, и только успѣлъ закричать ему: «Que faites-vous donc?... garpez vous le duc d'Orléans!» Смотрю: а онъ уже лежитъ, растянувшись, на землѣ. Каково положеніе! Я не только не въ состояніи подать ему помощи, но и со мною не знаю что будетъ: меня нещадно несутъ лошади по всѣмъ улицамъ Бердянска; народъ кидаетъ шапки и что попало, чтобы остановить ихъ, но это только болѣе подстрекаетъ ихъ рвеніе. Другіе машутъ мнѣ, чтобы я соскочилъ. Тысяча смертей предстояли; но чему быть, того не миновать: я рѣшился не искать бѣды своимъ умомъ и сидѣть въ ожиданіи того, что Богъ пошлетъ. Я только ознаменовался крестомъ.

Лошади мои всё продолжали скакать. Наконецъ поворотили онѣ въ переулочъ, съ глубокими канавами по сторонамъ. Дѣло становилось хуже да хуже. Вотъ лошади какъ-будто пытаются поворотить на дворъ какого-то дому вправо. Но ворота затворены. Онѣ помчались далѣе, и неслись, покуда не увидали отпертыхъ воротъ. Тутъ, вдругъ поворота круто, вбѣжали онѣ во дворъ, и, къ большому удовольствію моему, остановились: я слѣзъ съ повозки невредимымъ. Нельзя не отдать справедливости уму этихъ лошадокъ: видя, что у почтоваго двора заперты ворота, онѣ завезли сѣдока въ первый дворъ; ко-

торый былъ открытъ, явственно разсчитывая, что заслужать одобреніе за такой усердный подвигъ.

Лишь-только всталъ я на ноги, моею первою мыслью было—бѣжать къ товарищу на встрѣчу. Къ счастью, вижу издали, онъ тащится пѣшкомъ. Ну, слава Богу! большой бѣды, видно, нѣтъ, если онъ можетъ ходить. Однако онъ ушибся больно: хорошо еще, что при паденіи рука очутилась подъ головою и этимъ ударъ былъ смягченъ; а упавъ онъ на голову, не встать бы ему болѣе. Онъ также, послѣ паденія, ошупавъ себя по правиламъ искусства и удостовѣрившись, что всѣ члены цѣлы, сталъ беспокоиться обо мнѣ, особенно, когда увидѣлъ, что лошади не перестаютъ нестись: почтенный докторъ разсчитывалъ, что если ему прійдется, когда подберутъ меня, отрѣзать мнѣ только двѣ ноги и одну руку, такъ это еще — слава Богу! — не такая большая будетъ операція, чтобъ не потрудиться для товарища съ удовольствіемъ....

Пароходъ отходилъ въ три часа: слѣдовательно, товарищъ мой успѣетъ нѣсколько отдохнуть, а я пойду путешествовать по городу. Вспомнивъ что здѣсь проживаютъ два брата К^{***}, которыхъ вы уже знаете, я отправился отыскивать ихъ, чтобы узнать о состояніи здоровья меньшаго брата. Я отыскалъ ихъ безъ труда, но, къ удивленію моему, архитекторъ, о которомъ мы такъ жалѣли, совершенно выздоровѣлъ. Сильно однако жъ онъ былъ пораженъ: потому что не помнилъ ничего что на пароходѣ происходило, ни участія нашего, ни музыки моей, ни прочихъ обстоятельствъ плаванія.

Бердяискъ—милый городокъ: онъ созданъ изъ ничего, и подвигается исполнскими шагами къ чему-нибудь: въ скоромъ времени этотъ портъ обратитъ на себя вниманіе торговаго міра, потому что здѣсь—открытый сбытъ произведеній хлѣбородныхъ странъ, окружающихъ берега Азовскаго моря. Полковникъ Ч^{***}, начальникъ города, пріятный и образованный человекъ, познакомилъ меня съ нимъ. Его городокъ обстраивается удивительнымъ образомъ: въ прошломъ году воздвигалось вдругъ болѣе сорока зданій. Грунтъ земли—такой твердый, что фундамента въ пять или шесть вершковъ достаточно для самаго ог-

ромнаго строенія, а глубиною на аршинъ вездѣ — прѣсна вода. Мы были и въ городскомъ саду: это созданіе кажется невѣроятнымъ для такого короткаго времени. Фруктовъ въ городѣ и окрестностяхъ — такое изобиліе, что самыя вкусныя сливы (*reine-claude*) продаются по гривеннику за пудъ. Бердянскъ—маленькій Эльдorado.

Но пора уже отправиться на пароходъ. Признаться, стыдненько было показаться туда, послѣ того какъ мы, побоявшись воды, претерпѣли крушеніе на сушѣ: стануть соболѣзновать, читать правоученія, смѣяться надъ нашими похождениями. И точно, урокъ былъ хорошъ: не мудрствуй впередъ, когда дѣла не понимаешь, и въ воду не плюй — прійдется ее же пить! Но дѣлать нечего, надобно было преодолѣть нашу конфузію и предстать передъ собраніемъ въ видѣ интересныхъ жертвъ превратностей рока. Добрый капитанъ очень обрадовался возврату блудныхъ овечекъ: сердце его прежде было глубоко изранено недовѣрчивостію, которую мы оказывали къ управляемому имъ судну.

Въ четвертомъ часу по-полудни онъ снялся съ якоря, и побѣдоносно повезъ насъ по волнамъ при попутномъ вѣтрѣ. Качка была такъ сильна, что никто изъ насъ не могъ на ногахъ держаться. Но капитанъ торжествовалъ. Ночью мы плыли по огненному морю, и часа за два до разсвѣту якорь упалъ передъ входомъ въ проливъ: въ темную ночь, опасно туда пускаться, потому что не видны вежи. Разсвѣтало. Мы вступили въ Киммерійскій Восфоръ, и черезъ часъ уже обрѣтались въ Керчи. Князь Херхеулидзеъ былъ первое лицо, которое встрѣтили мы на берегу. Мы отдали себя въ его распоряженіе на цѣлый день, надѣясь такимъ образомъ лучше отдохнуть отъ безпокойствъ и тревогъ послѣднихъ дней, и раскланялись съ судномъ. Почтенный капитанъ, чтобы вознаградить насъ щедро за всѣ наши невзгоды на его суднѣ, провожалъ насъ громогласными пушечными выстрѣлами.

Кромѣ дому градоначальника мы во весь день нигдѣ не были: вечеромъ музыка усладила нашъ досугъ, а съ разсвѣтомъ, на слѣдующій день, мы отправились на почтовыхъ въ Симферополь, до котораго отсюда—двѣсти верстъ

Дорога до Феодосіи идетъ однообразною стѣнью. Не доѣзжая до этого города, видна вправо Арабатская Стрѣлка, отдѣляющая Гнилое Море отъ Азовскаго. Эта стрѣлка тянется на семьдесятъ верстъ, а вся ширина ея — верста, в того менѣе. На ней, въ 1737 году, генераль Ласси избралъ оборонительную позицію, и едва не претерпѣлъ большихъ бѣдствій. Въ осьми верстахъ отъ Феодосіи дорога спускается къ морю, и ведетъ берегомъ до самаго города, мимо прелестнаго хутора, гдѣ поселился герой персидскихъ войнъ, извѣстный генераль Котляревскій, на которомъ число ранъ равно числу его неустрашимыхъ подвиговъ. Въ городѣ есть хорошій нѣмецкій трактиръ, гдѣ кормятъ какъ-нельзя лучше. Превосходная черноморская рыба *кефаль* (*cabillaud*) является здѣсь на всѣхъ столахъ.

За Феодосією, дорога становится гораздо живописнѣе; влѣво горы, вправо хорошо обработанныя поля съ мызаями, придаютъ странѣ видъ живой и пріятный. Къ сожалѣнію, темная ночь не позволила взглянуть на Карасубазаръ, одинъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ татарскаго полу-острова и славящійся своими сафьянными издѣліями. Симферополь, Салгиръ, Чатырдагъ: все это вы уже знаете. Вотъ мы снова — на прелестномъ южномъ берегу, и я — въ очаровательной Гаспрѣ, между своими.

V.

Уже болѣе десяти лѣтъ какъ, подлѣ татарской деревни Гаспры, возвысился замокъ готической архитектуры, который, съ роскошною природою этихъ мѣстъ, образуетъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ пейзажей. Этотъ замокъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому, принадлежалъ одному изъ первыхъ въ государствѣ сановниковъ, князю Александру Николаевичу Голицыну. Среди многочисленныхъ заботъ и обязанностей по службѣ, осыпанный милостями Монарха и всей Императорской Фамиліи, онъ, на самой высокой степени почестей, не переставалъ думать объ удаленіи въ этотъ тихій уголокъ Тавриды: всѣ желанія его клонились туда. Когда въ 1837 году Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили южный берегъ своимъ присутствіемъ, Ихъ Величества изволили посѣтить

и этотъ домъ, никѣмъ еще тогда не занимаемый, но уже приготовленный къ принатію своего хозяина. Государь Императоръ, увидѣвъ висящій портретъ князя, своею ручною карандашомъ изволилъ на стѣнѣ надписать подъ портретомъ: «Оригиналу портрета не бывать здѣсь, потому что не разстаются съ тѣми, которыхъ любятъ». Императрица изволила приписать, что раздѣляетъ тѣ же чувства. Такое вниманіе Высокихъ Посѣтителей къ отсутствующему хозяину—выше всѣхъ чиновъ и наградъ для вѣрнаго слуги Царей. Но желаніе князя Александра Николаевича провести свои послѣдніе дни въ уединеніи, желаніе благочестивое, имѣвшее предметомъ жизнь вѣчную, не могло не быть услышано свыше. По судьбамъ Божиимъ, исполненіе этого желанія должно еще было сопровождаться тяжкимъ испытаніемъ. Съ нѣкотораго времени зрѣніе князя Александра Николаевича примѣтно ослабѣвало; наконецъ, въ 1842 году, онъ совершенно лишился его. Другой, на его мѣстѣ, остался бы въ столицѣ, искалъ бы врачебныхъ пособій, развлеченій; онъ принялъ это, какъ указаніе осуществить прежнее свое намѣреніе и удалиться навсегда отъ свѣта. Простившись совсѣми друзьями знакомыми, и удостоившись получить отъ Государя Императора самый лестный, можно сказать, трогательный, рескриптъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ отправился къ мѣсту, давно имъ уготованному на берегахъ Крыма. Проѣздомъ, онъ посѣтилъ Кіевъ, гдѣ теплая его вѣра могла насладиться обильною духовною пищею, и, съ октября мѣсяца 1842 года, поселился на остальное время жизни въ очаровательномъ своемъ помѣстьѣ, на берегу моря, среди чудснаго саду. Казалось бы, жить въ странѣ, такой обильной прекрасными видами, деревьями и цвѣтами, и не имѣть возможности наслаждаться этими сокровищами природы, должно сдѣлать слѣпоцу нестерпимымъ его несчастіе. Но для сердца, исполненнаго вѣры въ Искупителя, нѣтъ тѣхъ лишеній, тѣхъ скорбей, тѣхъ страданій, которыхъ бы не могли преодолѣть христіанское смиреніе и терпѣніе. Въ тихомъ кругу небольшого числа добрыхъ знакомыхъ, не имѣя при себѣ другихъ родственниковъ кромѣ сестры своей, князь Александръ Никола-

евичъ всегда сохранялъ спокойное и веселое расположеніе духа: беседа его, какъ прежде, была разнообразна, жива, усѣяна множествомъ занимательныхъ анекдотовъ, увлекательно рассказываемыхъ, и — что замѣчательнѣе — никогда порицаніе ближняго не находило мѣста въ этой бесѣдѣ. Большую часть дня употреблялъ онъ въ Гаспрѣ на слушаніе чтенія новыхъ произведеній литературы, а вечеромъ прогуливался пѣшкомъ. Подлѣ дому выстроена была недавно церковь, которая имѣла сообщеніе съ его покоями черезъ особый коридоръ, ведущій на хоры. Такъ проводилъ время князь Александръ Николаевичъ, когда въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ я къ нему. Давно уже друзья употребляли всѣ усилія чтобы склонить его къ снятію катаракта. Наконецъ онъ согласился, и выписанъ былъ изъ Кіева извѣстный операторъ, профессоръ Караваевъ. Докторъ П^н, прибывшій со мною въ Крымъ, надѣялся пріѣхать еще во-время, чтобы присутствовать при операціи и отдать отчетъ въ способѣ производства ея проживающимъ въ Петербургѣ многочисленнымъ друзьямъ князя, но, когда мы явились, операція была уже совершена съ успѣхомъ, на одномъ глазу, и князь Александръ Николаевичъ могъ уже утѣшаться видомъ цвѣтовъ, ходить безъ провожатаго и узнавать всѣхъ въ лицо. Всѣ мы радовались. Множество несчастныхъ во всѣхъ концахъ Россіи возсылали къ Богу горячія благодарственныя молитвы: потому что благотворительность маститаго гаспринскаго отшельника пливалась на цѣлыя сотни семействъ, разбросанныхъ повсюду и нигдѣ имъ не забываемыхъ. Я надѣялся еще имѣть счастье увидѣть его черезъ годъ, такъ же милымъ, такъ же ласковымъ, но еще болѣе здоровымъ и вселимымъ, и вскорѣ оставилъ его прелестную пустыню и Тавриду.

Увы! спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его не стало въ живыхъ.

На возвратномъ пути въ Россію, скажу нѣсколько словъ о родѣ успѣховъ Крыма, замѣченномъ мною послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ этого края.

Въ 1837 году когда ожидали прибытія Императорской Фамиліи и множества посѣтителей на южный берегъ, каж-

дѣйи старался украсить свое владѣніе, и тогда явилось много новыхъ зданій и домовъ. Но въ прошломъ году я на южномъ берегу нашелъ только три новыхъ дачи, графа Потоцкаго въ Ливадіи, генерала Залонскаго, и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сафонова, въ ялтовской долинѣ: послѣднія двѣ чрезвычайно способствуютъ къ украшенію этого чудеснаго мѣстоположенія. Но тамъ, гдѣ природа дѣйствовала своими собственными силами, успѣхи невѣроятны. Палативъ, насаженный за шесть лѣтъ, выросли выше домовъ. Прежде жаловались на отсутствіе тѣни, теперь ея — избытокъ, дотога что, отъ размноженія деревь, многіе прекрасныя виды исчезли.

Прискорбно сказать, но винодѣлье нисколько не дѣлаетъ исполнскихъ шаговъ. Хорошія вина бывали прежде и теперь бываютъ, но всё-таки — какъ-то случайно, и едва ли кто здѣсь знаетъ, отъ чего происходитъ успѣхъ или неудача. Причину этой плачевной неподвижности отрасли, отъ которой ожидали такихъ выгодъ, должно приписать неискусству виноградарей. Правда, почти всѣ они выпишываются изъ южной Франціи: но развѣ отличивый мастеръ оставитъ свою родину, гдѣ онъ можетъ быть полезенъ себѣ и другимъ не сходя съ мѣста? Только у графа Воронцова, можно сказать, всѣ части хозяйства подвигаются впередъ. Вина свои онъ сбываетъ; доказательство, что они хорошо. Массандрское и ай-даніельское шампанское могло бы итти за эпернейское, если бы заткнуть бутылку пробкою съ французскою фирмою. Но графъ Воронцовъ продаетъ свой товаръ лицомъ, и не хочетъ чтобы его вина пускали въ ходъ подъ ложными наименованіями. Желательно, чтобы и прочіе помѣщики слѣдовали его примѣру, и не называли своихъ винъ *бордо*, *шатѣ-лафитъ*, *рислингъ*, и такъ далѣе, а просто по именамъ своихъ владѣній. Русскіе Гомеры, русскіе Байроны, это еще — дѣло бывалое: они находятъ себѣ любителей; но *русскій шатѣ-лафитъ* — извините! — съ этимъ не далеко уйдешь. Подражанія тутъ никуда не годятся. Человѣкъ любитъ пить на-чистоту и всегда помнить великое право: *In vino veritas!*

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ГОЛИЦЫНЪ.

==

ВРАЧЕБНОЕ СОСЛОВІЕ ВЪ АНГЛІИ.

Въ то самое время какъ англійскій парламентъ разсматриваетъ билль сэръ Джемса Грема, который взялся написать Медицинскій Уставъ для Великобританіи, любопытно для каждаго взглянуть на положеніе, въ томъ краю, врачебнаго сословія и на устройство всей этой части. Это положеніе и это устройство, если хаосъ можно называть устройствомъ, такъ необычайны, такъ чудны, что, вникнувъ въ нихъ, кажется, присутствуешь при сценахъ времени Иппократа и Асклепиадовъ или при живописныхъ безпорядкахъ среднихъ вѣковъ. Всѣ врачи въ ссорѣ между собою, медицина брошена на произволъ судьбы и жадной спекуляціи, ни какого надзору, ни какой отвѣтственности ни передъ правительствомъ ни передъ обществомъ, шарлатанство, происки, гоненія, война, безладца: подумаешь, что при такомъ состояніи врачебной части, все народонаселеніе трехъ Сосдиненныхъ Королевствъ къ концу года будетъ непременно отравлено и уморено; и, къ удивленію, видишь, что это именно—страна, гдѣ люди умираютъ въ меньшемъ числѣ чѣмъ въ другихъ земляхъ; что изъ этой безладницы нерѣдко выходили и выходятъ великіе врачи, которые начинаютъ новыя эпохи въ наукѣ. Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ достойное наблюденія.

Въ отечествѣ Галлера, Сайденгема, Броуна, Дженнера, Томаса Юнга—врачъ еще до-сихъ-поръ называется тѣмъ же именемъ, которымъ назывался Джовъ Ди, докторъ чернокнижья и профессоръ магіи,—*физикомъ*. Ахимики и искатели философскаго камня говорили, что они занимаются «физикою»: эти шарлатаны вмѣстѣ и лечили людей; народъ окрестилъ ихъ «физиками», и то же самое слово доннынѣ означаетъ тамъ врачей.

Въ Англіи существуютъ два рода врачей, physicians, физики, собственно лекаръ и surgeons, хирурги или, скорѣе, фельдшеры, потому что настоящихъ хирурговъ мало, но, зато, всѣ фельдшеры титулуютъ себя *серженъ*, хирургами. Лондонской Коллегіи физиковъ, Royal College of Physicians, предоставлено право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ всякаго, кто занимается, безъ ея разрѣшенія, медицинскою практикою въ Лондонѣ или его окрестностяхъ. Коллегія, въ этомъ случаѣ — только учтливое слово, вмѣсто *цехъ*. Это просто — *цехъ лондонскихъ врачей*, въ которомъ надо быть принятому «мастеромъ», лиценціатомъ, надо имѣть лиценцію, позволеніе промышлять, «билетъ» на торговлю болѣзнями, чтобы имѣть право «работать» въ чертѣ города, а кто — только подмастерье или записанъ въ цехъ другаго мѣста, тотъ не смѣетъ похищать денегъ у городскихъ мастеровъ, хоть бы ты и работалъ лучше ихъ; тебя потащутъ къ суду и, наложивъ пеню, выгонятъ изъ Лондона. Поточному образцу прочихъ цеховъ или промышленныхъ сословій (corporations), законъ отнесъ судебныя издержки по такого роду дѣламъ на счетъ самой коллегіи, и оттого она не пользуется своимъ правомъ: издержки на правосудіе ужасно велики! Въ настоящее время, въ самомъ Лондонѣ есть множество лицъ, приписывающихъ себѣ названіе «физиковъ», о которыхъ коллегія ничего не знаетъ, не говоря уже о практикующихъ въ другихъ частяхъ Англіи и въ княжествѣ Валлійскомъ. Всякій студентъ москотильной лавки можетъ купить себѣ дипломъ въ Гейдельбергѣ и, съ этимъ документомъ въ карманѣ, лечитъ народъ Божій такъ же безнаказанно, какъ и лиценціатъ Лондонской Коллегіи или оксфордскаго, или кембриджскаго университета.

Тремъ коллегіямъ, англійской, шотландской и ирландской предоставлено право экзаменоватъ хирурговъ. Шотландская коллегія имѣетъ очень ограниченную власть, дѣвъ прочія — почти ни какой. Всякій, кто хочетъ, можетъ написать на своей двери — SURGEON — и лечитъ кого и какъ угодно. Аптекари дечатъ во всей Англіи точно такъ же какъ настоящіе врачи, и еще выгодыѣ для больнаго: аптекарь осматриваетъ болѣзнь и думаетъ про себя, что онъ

ничего въ ней не съчитать — даромъ; онъ доволенъ, тѣмъ, что въ-три-дорога продаетъ больному возъ лекарствъ; а врачу, доктору, *физику*, вы должны заплатить за то, что онъ не понимаетъ болѣзни, особо, и еще аптекарю за то, что онъ пришлетъ вамъ по его рецепту тотъ возъ ненужныхъ лекарствъ, особо. Правда, врачующій аптекарь заставитъ васъ взять у себя лекарствъ немножко болѣе, нежели сколько прописалъ бы врачъ, докторъ или физикъ; но разница, въ сущности — не большая. Аптекарь, вато, сбавитъ нѣсколько процентовъ съ цѣны своихъ лекарствъ, опасаясь, чтобы вы, передъ смертью, не обратились къ другому, болѣе дешевому, аптекарю. Это наноситъ такой жестокой ущербъ карману врачей, это они болѣею частью становятся сами аптекарями своихъ больныхъ, и деньги берутъ за визитъ, за нѣсколько крючковъ, начертанныхъ на бумажкѣ для памяти, а лекарства присылаютъ по этимъ крючкамъ даромъ. Цеху лондонскихъ аптекарей даровано такое же право, преслѣдовать тѣхъ, которые занимаютъ ихъ ремесломъ безъ его разрѣшенія; но и здѣсь законодательная власть, принимая въ соображеніе, что подробная привиллегія дается на пользу самихъ аптекарей, а не публики, всѣ расходы по преслѣдованію возложила на «цехъ». Каждое этого роду судебное преслѣдованіе обходится въ триста или четыреста фунтовъ стерлинговъ (отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ). Всюду, и даже въ самомъ Лондонѣ, есть множество аптекарей-самозванцовъ, которые смѣются надъ правами цеха, зная, что онъ не рѣшится начать съ ними тяжбу и что, если бы даже завязалось дѣло, ничего нѣтъ легче какъ увернуться отъ закона въ томъ положеніи, въ какомъ онъ донынѣ находился. Точно такой же подрывъ какъ хирурги и аптекари врачамъ, москотильщики дѣлаютъ аптекарямъ. Въ судѣ тѣ и другіе всегда будутъ оправданы. А, называетъ себя *surgeon*, начинаетъ заниматься медицинскою и хирургическою практикою; вмѣсто рецептовъ онъ даетъ записочки; эти записочки посылаются въ лавку москотильщика черезъ довѣренное лицо *В*, если можно; *А* взялъ деньги за свой трудъ, а не за рецептъ, а *В* взялъ деньги за зелья и травы какъ москотильщикъ. Чтожь

тутъ судъ можетъ сдѣлать? И спрашивается — какъ называть это злоупотребленіемъ, шарлатанствомъ, когда известно, что большая часть гомеопатовъ, пропатовъ, продавцевъ тайныхъ лекарствъ, сущихъ шарлатановъ — всё экзаменованные врачи, которые получили законное право на практику, но прибѣгаютъ къ этимъ родамъ леченія потому только, что у нихъ нѣтъ достаточнаго количества честности, здраваго смыслу, или терпѣнія, чтобы дойти до успѣху и славы правильною практикою. Но это еще не все. Да и что такое, вообще, экзаменованный врачъ? Молодой человѣкъ, желающій обучаться медицинѣ, приѣзжаетъ въ Лондонъ, чтобы посѣщать госпиталь, — гдѣ какой-нибудь знаменитый врачъ, посѣщая больныхъ, даетъ въ то же время уроки какъ лечить ихъ, а иногда и читаетъ настоящія лекціи, — или правильно посѣщать медицинскій факультетъ въ лондонскомъ университетѣ. Предварительное образованіе обыкновенно не приучило этого юноши ни къ вниманію ни къ трудолюбію; вдали отъ родныхъ, отъ друзей, безъ добрыхъ совѣтовъ, онъ прежде всего знакомится съ негодяями изъ студентовъ и ничему не учится. Вдругъ онъ замѣчаетъ, что время и деньги ушли, а самъ онъ ничему не выучился. Но всё-таки надобно выдержать экзамень. Какъ быть? За этимъ дѣло не станеть: онъ выдержитъ на-славу. Какой-нибудь благодѣтельный джентльменъ за пять или десять гиней приготовитъ ему отвѣты на вопросы, которые будутъ предложены экзаменаторамъ и сочинитъ диссертацию. Памяти молодого человѣка при изустномъ испытаніи помогутъ такими средствами, которымъ позавидовалъ бы любой профессоръ мнемоники. Эти вещи дѣлаются такъ искусно, что студентъ, который ровно ничего не знаетъ, если у него есть сколько-нибудь ловкости, въ три четыре мѣсяца можетъ набить руку для какого угодно экзамена. Вотъ — онъ докторъ медицины, физикъ, лиценціатъ врачебнаго цеха. Чѣмъ же этотъ экзаменованный господинъ лучше простаго шарлатана?... лучше аптекаря или москотильщика?

Москотильщики, прежде только злодѣи аптекарей, въ послѣднее время стали уже отнимать хлѣбъ и у врачей. Изъ простыхъ дрогистовъ, продавцовъ ромашки и полыни,

они мало-по-малу сдѣлались прописывателями лекарствъ. Подобно аптекарямъ и они уже немножко обучили сыновей своихъ медицинѣ; тѣ, подъ видомъ свѣдѣльцевъ, разспрашиваютъ проходящихъ въ лавку объ ихъ болѣзняхъ, щупаютъ имъ пульсъ, и продаютъ имъ лекарственныя снадобья, соответствующія роду страданія покупателей. Можно ли запретить это? Запретить, конечно, можно, но какъ доказать, что они вмѣшиваются въ настоящую медицину. Совѣтовать то или другое позволительно всякому: москотильщикъ только совѣтуетъ вамъ *купить* у него ту или другую траву, то или другое снадобье; онъ только рекомендуетъ свой товаръ. Зачтѣ же его наказывать? И будетъ ли польза? Напротивъ, слѣдовало бы вездѣ постараться, чтобы москотильщики знали толкъ въ медицинѣ: они — природные врачи простаго народа; въ Лондонѣ они даже полезны и достойны уваженія: бѣдняку москотильщикъ почти всегда дастъ даромъ горсть травы, отъ которой бы, обыкновенно, его простую болѣзнь — *какъ рукой сняло!* Со времени учрежденія Лондонской «Коллегіи физиковъ», или докторскаго цеха, настоящіе врачи стали слишкомъ дороги для бѣдныхъ людей. Куда бѣдному человѣку, въ его недугѣ, обратиться какъ не къ москотильщику, который, предполагается, долженъ сколько нибудь понимать свойства продаваемыхъ имъ аптечныхъ припасовъ? Точно такимъ же образомъ аптекари въ Англій сдѣлались врачами мѣщанъ и купцовъ.

Въ настоящее время въ Великобританіи не менѣе семнадцати мѣстъ выдають дипломы на различныя медицинскія степени, позволенія лечить, свидѣтельства на практику и тому подобное, именно, университеты оксфордскій, кембриджскій, лондонскій, эднбургскій, Глазгоскій, два абердинскихъ, Saint-Andrew's, Trinity College въ Дублинѣ, коллегія физиковъ въ Лондонѣ, Эднбургѣ, Дублинѣ, коллегія хирурговъ въ Англій, въ Эднбургѣ и Ирландіи, коллегія аптекарей въ Лондонѣ, факультетъ физиковъ и хирурговъ въ Глазго, и, наконецъ, чтѣ всего забавнѣе, *архiepископъ кейтерберійскій*, по старинному праву сзоего сана, съ которымъ связано также и почетное званіе *канцлера* университета, то есть, попечителя. Эти мануфактуры

дипломовъ ежегодно выпускаютъ въ обращеніе отъ есаи сотъ до тысячъ человекъ врачей, хирурговъ, аптекарей и акушеровъ, которые — всѣ врачуютъ.

Эти различныя названія медицинскихъ практикантовъ не имѣютъ вовсе ни какого опредѣленнаго значенія, выражающаго степень достоинства или свѣдѣній. Человѣкъ, сдѣланный физикомъ однимъ мѣстомъ, совершенно отличается отъ физика, созданнаго другимъ. Въ Оксфордѣ, до пріобрѣтенія магистерской степени въ медицину, должно сперва пріобрѣсть степень кандидата литературы и искусствъ. Въ Кембриджѣ этого не требуется, точно такъ же и въ университетахъ шотландскихъ. Въ Trinity College эта степень требуется только отъ докторовъ, но не отъ низшихъ медицинскихъ степеней. Въ Лондонской Коллегіи экзаменовъ не допускаются къ экзамену лица, не имѣющія двадцати-шести лѣтъ отъ роду; въ Оксфордѣ тоже. Въ шотландскихъ университетахъ можно получить доктора медицины по двадцать-первому году; тоже и въ лондонскомъ. Въ Эдинбургѣ, Глазго и Аберdeenѣ требуется, чтобы студентъ степень посѣщалъ втеченіи известнаго времени университетскія лекція. Въ университетѣ Saint-Andrew's можно получить степень выдержавши только экзаменъ. Въ Эдинбургѣ надо посѣщать университетъ по-крайней-мѣрѣ три года; въ Глазго довольно одного года. Отъ аптекарей нигдѣ, кромѣ Англій, не требуется никакого экзамена.

Точно такъ же нѣтъ ни какой равномерности въ привилегіяхъ, которыми пользуются врачи, выданные разными различными заведеніями. Въ Лондонѣ не имѣютъ права практиковать тѣхъ, кто не членъ цеха, или Лондонской Коллегіи, или кто не получаетъ отъ него дозволенія на практику, license. Степень, данная лондонскимъ университетамъ, не даетъ права практиковать нѣдѣльнубудь кромѣ Лондона. Въ Англій, *франки*, признаваемые шотландскими, не считаются врачами, если не получаютъ позволенія въ Лондонѣ; зато они имѣютъ полное право практиковать въ провинціяхъ, потому что тамъ не преслѣдуетъ ихъ ни какой законъ. Врачамъ, получившимъ дипломы отъ Англійской Коллегіи хирурговъ, предоставлено одно право, очень

далкое, — всѣ тюремные хирурги должны быть набраны изъ нихъ.

На на одну отрасль своего законодательства Англичане не обращаютъ такъ мало вниманія, какъ на устройство медицинской части. Англіійская публика даже съ удивленіемъ услышала, что парламентъ вздумалъ вмѣшаться въ это дѣло. Какъ это можно, чтобы люди, собирающіеся для разсмотрѣнія законовъ о торговлѣ хлѣбомъ, тратяи время на разсужденія о пустякахъ..... о медицинѣ! Джонъ Буллу вовсе не понятно, чтобы въ свободномъ государствѣ не было всякому свободы лечить. Коренное чадю Албіона въ душѣ увѣрено, что — ѣсть — пить — ходить — лечить — дѣлать пуншъ — это такія вещи, въ которыя законы и не должны вмѣшиваться. Вотъ почему Великобританія, всегда первая на поприщѣ усовершенствованія всѣхъ отраслей медицинской науки и практики, такъ далеко отстала отъ прочихъ европейскіхъ государствъ въ отношеніи къ искусству сочинять медицинскіе уставы. Четыреста двадцать лѣтъ тому былъ сдѣланъ первый опытъ устройства этой части. Но втеченіи этого долгаго времени всѣ усилія правительства ограничивались мѣрами, относившимися или къ одной какой-нибудь отрасли медицинской практики, или къ одному мѣсту. Изъ этого произошла борьба частныхъ выгодъ, — вѣчный источникъ вражды, ссоръ, ненависти между различными званіями практикантовъ, вслѣдствіе чего возникли безчисленные затрудненія, которыя теперь побѣдить можно только большими усиліями и важными пожертвованіями. Это — не преувеличеніе: истина сказаннаго доказывается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что въ настоящее время въ Британіи, какъ мы видѣли, неменѣе семнадцати мѣстъ раздають медицинскія степенн и права, есть семнадцать родовъ медицинскаго образованія и четырнадцать родовъ правъ и привилегій, и самое важное медицинское званіе, — степень доктора медицины, зависитъ отъ милости кентерберійскаго архіепископа, то есть, его секретаря. Повѣствуютъ, что предшественникъ нынѣшняго архіепископа, духовный сановникъ съ милліономъ рублей годоваго дохода и человекъ со вкусомъ, будучи всдовоенъ своимъ поваромъ и не зная какъ

прогнать его безъ обиды, пожаловалъ ему дипломъ на званіе доктора медицины. Анекдотъ можетъ-быть и вымышленъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ показываетъ, что въ Англіи медицину и теперь еще считаютъ въ публикѣ простымъ ремесломъ, произвольнымъ дѣломъ, почти шуточною.

Постановленіемъ 1422 года, изданнымъ въ царствованіе Генриха Пятаго, всѣмъ занимающимся *физикою*, не исключая и женщинъ, не получившимъ степени отъ университетовъ, было вѣнено въ обязанность являться на экзаменъ въ одинъ изъ университетовъ. Занимающіеся практикою безъ дозволенія, были наказываемы по произвольному рѣшенію Тайнаго Совѣта.

Въ 1513 году, въ третій годъ царствованія Генриха Осьмаго, вышелъ законъ, которымъ требовалось, чтобы всякій, желающій заниматься врачебною практикою въ Лондонѣ или его окрестности на разстояніи семи англійскихъ миль вокругъ, подвергался испытанію передъ *лондонскимъ епископомъ*, въ присутствіи докторовъ медицины и хирурговъ, а тѣ, которые занимались врачеваніемъ внѣ этой черты, въ другихъ мѣстахъ Англіи, держали бы экзаменъ у епископа своей епархіи или у ея викарія. Въ 1518 году докторъ Липакръ, королевскій врачъ, выпросилъ у короля грамоту для составленія *сословія* или цеха врачей, *corporation*. Эта грамота послужила основаніемъ нынѣшнему лондонскому Royal College of Physicians. Этой коллегіи дано право преслѣдовать, со взысканіемъ пени и заключеніемъ въ тюрьму, всякаго, кто, не имѣя нужныхъ познаній, «будетъ заниматься леченіемъ изъ корыстолюбія, а не по доброй совѣсти». Черезъ четыре года, когда грамота эта была утверждена парламентомъ, къ ней прибавили, что лица, не получившія степени въ университетѣ, не должны практиковать гдѣ бы то ни было въ Англіи, не выдержавъ экзамена передъ предсѣдателемъ и совѣтомъ коллегіи и не получивши отъ нихъ свидѣтельства. Парламентскимъ актомъ 1540 года, вѣнено коллегіи въ обязанность, избирать изъ среды себя четырехъ членовъ, которые имѣютъ права посѣщать аптекарскія лавки и, въ присутствіи старшинъ аптекарскаго цеха, *истреблять не-*

годныя и поддѣльныя лекарства. Черезъ двадцать два года, въ царствованіе королевы Марін, повелѣно гражданскимъ властямъ помогать предсѣдателю въ исполненіи его обязанности.

Если бы коллегія умно и осторожно пользовалась этими правами, нѣтъ сомнѣнія, она мало-по-малу подчинила бы себѣ всѣ отрасли врачебной практики, и, въ нѣкоторой степени, самихъ практикантовъ. Существующихъ теперь цеховъ аптекарскаго и хирургическаго, не было бы. Аптекари занимались бы только составленіемъ лекарствъ и химическими работами; хирурги (мы говоримъ о простыхъ хирургахъ, а не о докторахъ хирургіи) пользовали бы только паружныя болѣзни и производили бы кровоусуканія и перевязку ранъ. Репутація хирурговъ была такъ ничтожна, что въ парламентскомъ актѣ 1518 года они именно названы людьми малообразованными, которые берутъ многу денегъ и ничего за нихъ не дѣлаютъ, и скорѣе мучатъ своихъ больныхъ, нежели облегчаютъ ихъ страданія. Если бы коллегія занялась устройствомъ медицинской части, опредѣленіемъ званій, отъ самыхъ низшихъ степеней до самыхъ высшихъ, привела въ ясность ихъ взаимныя отношенія, ограничила права аптекарей, то англійская медицинская полиція далеко ушла бы впередъ.

Вмѣсто этого, хирургамъ позволено было дѣлать что хотятъ. Коллегія заботилась только о сохраненіи своихъ собственныхъ цеховыхъ привилегій; доступъ въ нее сталъ такъ же дорогъ, какъ и въ университеты оксфордскій и кембриджскій. Коллегія заботилась только о томъ, чтобы посторонніе врачи не похищали больныхъ съ деньгами у записныхъ лондонскихъ врачей, принятыхъ ею въ товарищи. Придерживаясь своего стариннаго духа ремесленнаго мастерства, она поссорилась съ образованностью новѣйшаго времени и потеряла уваженіе. Пришло время, когда знаменитость медицинскихъ школъ твердой земли, и особенно лейденскаго университета, начала привлекать къ себѣ англійское юношество. Блескъ, которымъ вскорѣ окружилась медицинская эдмбургская школа, увлекъ еще большее число молодыхъ людей. Англійское юношество съ жаромъ бѣжало слѣшать лекціи Бургава, ванъ-Свитева,

Моуеро, Вейте, Коллена, Грегори, Блака. Помянуто, что лондонская коллегія, съ своимъ доморожденнымъ «собратомъ» и «товарищамъ», должна была встрѣтить въ этихъ людяхъ, сильныхъ и опасныхъ соперниковъ, какъ въ отношеніи къ преподаванію науки, такъ и къ практикѣ. Лица, получившія медицинскія степени въ Голландіи и Эдинбургѣ, забывъ, что у нихъ нѣтъ дипломовъ отъ англійскаго университета и лиценціи отъ коллегіи, поселились въ большомъ числѣ въ различныхъ мѣстахъ Англіи и даже въ самомъ Лондонѣ. Это озлобило College of Physicians. Сначала коллегія преслѣдовала только шарлатановъ и знахарей: теперь она стала гнать всѣхъ не англійскихъ врачей. Она выпросила себѣ, въ 1674 году, право не принимать въ «товарищи» и практиканты никого изъ иностранныхъ докторовъ и «шанковъ», а требовать, чтобы каждый желающій вступить въ сословія, получилъ степень въ Оксфордѣ или Кембриджѣ. Въ настоящее время въ коллегіи считается 265 человекъ «собратовъ» и 164 человекъ «товарищей».

Что было слѣдствіемъ такихъ исключительныхъ мѣръ? Коллегія, занявшись судебнымъ преслѣдованіемъ лицъ, не желавшихъ поступить въ ея собраты, отвлеклась отъ главной своей цѣли, — отъ преслѣдованія эмпириковъ. Педантичность въ соблюденіи формы слѣдилась первымъ преступленіемъ въ глазахъ коллегіи. Истинное невѣжество перестало быть оскорбленіемъ; шарлатанство оставлено безъ вниманія: преслѣдовалось настоящее достоинство, и именно только въ томъ, что оно нахвталось ума не тамъ, гдѣ по уставу долженъ быть умъ и гдѣ между-тѣмъ его не было. Коллегія шанковъ, подъ этимъ законнымъ предлогомъ, хотѣла, просто, истребить тѣхъ, которые затѣвали, своей славою, наукою и искусствомъ, ея коренныхъ мастеровъ и отнимали у нихъ барыши. Различіе, которое она постановляетъ еще и теперь между англійскими врачами и врачами, вышедшими изъ другихъ университетовъ, возбудило злобу и ненависть въ угнетенной партіи.

Уже было замѣчено, что во время учрежденія College of Physicians въ Лондонѣ существовалъ цехъ хирурговъ, но число ихъ было незначительно, и они пользовались

непорочную репутацию въ публикѣ. Парламентскимъ актомъ 1513 года они были избавлены отъ обязанности нести службу присяжныхъ констеблей, городскихъ сторожей. Впрочемъ, они не составляли сословія до 1540 года, когда другимъ актомъ были соединены въ одинъ цехъ съ цирюльниками или бородобрѣями, *surgeons and barbers*. Это сильно напоминаетъ одну статью устава Петра Великаго, гдѣ исчисленіе обязанностей полковаго лекаря оканчивается словами: «а во воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ имѣеть онъ брить бороду полковнику и майору». Между прочими привилегіями дано было право этому цеху не давать пеню въ пять фунтовъ старинной монеты ежегодно на солдатовъ преступившихъ уставъ. Неясно, что правъ такамъ порядкѣ хирургія, долго не могла имѣть успѣховъ; она была унижена соединеніемъ съ пошлымъ и нечистымъ ремесломъ.

Цехъ хирурговъ-бородобрѣевъ существовалъ болѣе двухъ столѣтій. Въ 1630 году Карлъ Первый даровалъ этому цеху право преслѣдовать на прострѣствіи семи миль въ окружности Лондона, и преслѣдовать судебнымъ порядкомъ всякаго, кто занимался бы практикою безъ ихъ дозволенія. Въ 1743 году, при Георгѣ Второмъ, хирурги были отдѣлены отъ бородобрѣевъ и составили отдѣльное сословіе, свѣтъ цехъ подъ именемъ *masters, guild and society of the art and science of surgeons*, со всѣми прежними привилегіями. Въ третій разъ, въ 1800 году, сословіе это получило право именоваться «королевской коллежіею». Въ прошедшемъ 1844 году уставъ общества былъ значительно измѣненъ королевскою грамотою, утвержденною еще парламентомъ.

До послѣдняго измѣненія, составъ этого общества былъ на дурномъ счету у народа. Оно состояло по крайней мѣрѣ изъ четырнадцати тысячъ лиценціатовъ, называвшихъ солданами или собратами, и имѣющихъ свидѣтельство на хирургическую практику, но безъ права участвовать въ совѣтѣ, и изъ двадцати одного компаньона, которые безотказно заглаживали всѣми дѣлами общества, надзирали за воспитаніемъ учениковъ, экзаменовали кандида-

товъ на собраты, хранили великолѣпный музей и очень хорошую библиотечку, собирали доходы и замѣщали казенныя вакансии. Слѣдствіемъ этого произволу было неудобольствіе и ненависть со стороны лиценціатовъ, и не безъ основанія.

Перейдемъ къ аптекарямъ. Въ первыя времена медицинныя врачи сами составляли лекарства. Но и тогда существовалъ особенный классъ собирателей травъ, которые, подъ руководствомъ врачей, приготовляли лекарства. Мало-по-малу они къ передаваемымъ снадобьямъ стали присоединять совѣты. Вотъ начало породы врачующихъ аптекарей, класса людей нынче совершенно исчезнувшаго въ государственномъ образованіи Европы и сохранившагося только въ одной Англіи, гдѣ существованіе его подрываетъ санъ врачей, замедляетъ успѣхи науки и поселяетъ между врачами несогласія и ссоры.

О началѣ англійскихъ врачующихъ аптекарей извѣстій очень мало. Что они ведутся исконно, это доказывается тѣмъ, что въ *Foedera* уже упоминается объ одномъ лондонскомъ аптекарѣ, *Coursus de Gangeland*, получавшемъ въ 1345 году, при Эдуардѣ Третьемъ, *шесть пенсовъ въ день за попеченіе о здоровьи короля* во время его пребыванія въ Шотландіи. Въ 1606 году аптекарн были соединены въ одинъ цехъ съ москотильщиками: доказательство, что они въ то время не пользовались большимъ уваженіемъ. Въ 1615 году король далъ имъ отдѣльную грамоту, которая впервые утверждена парламентомъ только въ 1815 году. Новыя привилегіи, дарованныя цеху, были чрезвычайно значительны, значительнѣе даже привилегій, дарованныхъ Генрихомъ Осьмымъ коллегіи физиковъ, или врачей. Этимъ актомъ власть цеха распространена на всю Англію и на Княжество Валлійское. Управление дѣлами цеха вѣрено предсѣдателю, старшинамъ и совѣтникамъ, которые избирали сами себя; актъ давалъ имъ право на продажу медикаментовъ; требовалъ, чтобы для полученія этого права всякій прослужилъ пять лѣтъ ученикомъ у одного изъ сочленовъ цеха; давалъ предсѣдателю общества, старшинамъ и совѣтникамъ власть входить въ лавки аптекарей и истреблять всѣ негодныя и поддѣль-

ныя лекарства и налагать на виновныхъ пени; не получившіе позволенія отъ общества, подвергались пени въ двадцать фунтовъ стерлинговъ за всякое преступленіе правдѣ. Химики и москотильщики не подлежатъ однако же власти общества; точно такъ же не подлежатъ его власти, касательно составленія в продажѣ лекарствъ, англійскіе лиценціаты, врачи и хирурги; но о шотландскихъ и ирландскихъ врачахъ и хирургахъ не сказано ничего. Таковъ знаменитый «Аптекарскій актъ». Привычка дѣлаетъ публику снисходительною къ злоупотребленіямъ; но нигдѣ злоупотребленія такъ не велики какъ между аптекарями въ Англии. Англійскій аптекаръ посѣщаетъ больнаго какъ врачъ, хирургъ или акушеръ, для него всё-равно, и прописываетъ лекарства. При помощи своихъ подмастерьевъ, онъ приготовляетъ прописанное самимъ же имъ лекарство, въ своей собственной лабораторіи. Онъ, какъ мы уже сказали, не беретъ денегъ за визитъ или наставленіе: предполагается, что онъ не имѣетъ на то права; но все это онъ присчитываетъ къ цѣнѣ лекарства, которое продаетъ какъ купецъ, только не съ купеческими барышами, а въ пять, десять, двадцать разъ дороже настоящей цѣнытовару. Иногда приводитъ онъ съ собою врача, хирурга, акушера, съ которыми совѣтуется въ трудныхъ случаяхъ. Слѣдствіе очевидно. Его выгода—какъ-можно болѣе увеличить счетъ, то есть, прописать какъ-можно болѣе лекарствъ въ самомъ дорогомъ видѣ; до болѣзни ему нѣтъ дѣла. Лекарство нужно для счету, а не длятого чтобы скорѣе вылечить болѣзнь. Аптекари такъ приучили англійскую публику къ лекарствамъ, что многіе не могутъ прожить дня чтобы не выкушать пол-фунта какой-нибудь мерзости или не проглотить коробочки пилюль. Есть семейства, съѣдающія въ годъ на десять и пятнадцать тысячъ рублей лекарствъ. И, между-тѣмъ — дѣло удивительное! — англійскій народъ здоровъ какъ рыба. Ничѣмъ гомеопатія не опровергается такъ сильно какъ этимъ неумѣреннымъ употребленіемъ лекарственныхъ снадобей со стороны людей, не страдающихъ ни какою болѣзнію. По основному закону гомеопатіи всякое лекарство должно производить въ здоровомъ тѣлѣ ту же самую болѣзнь, отъ которой

оно вылетиваетъ большое. Въ здоровомъ Англичанинѣ, поэтому, должно бы быть сто двадцать болѣеюй вѣрствъ, если вранить въ соображеніе число различныхъ лекарствъ, которыми онъ ежедневно набиваетъ свой желудокъ. Между тѣмъ онъ только становится толще и красивѣе.

Для занятій аптекарскимъ ремесломъ, нужны подмастерья, ученики. Подевно нанимаемые работники сдѣлали бы дѣла лучше, но подевному надо платить, а ученикъ, напротивъ, работаетъ и платитъ самъ. Поэтому аптекари и вхождатѣйствовали себѣ такую граммату, которая требуетъ, чтобы каждый, вступающій въ цехъ, прослужилъ первоначально пять лѣтъ ученикомъ у цеховаго мастера. Это называется *воспитаніемъ*. Цехъ однако жъ увидѣлъ вскорѣ необходимость, къ лабораторнымъ занятіямъ учениковъ прибавить кое-какія занятія теоретическими предметами. Постепенно въ аптекарствѣ ввелось правило, что они должны посѣщать свой курсъ лекцій врачебныхъ наукъ. Не этотъ курсъ можно окончить въ семнадцать мѣсяцевъ, обавившись остальное время прослужить у хозяина.

Самая важная и вмѣстѣ самая вредная изъ всѣхъ привилегій аптекарскаго цеха—право налагать пеню на всякаго, занимающагося продажою лекарствъ безъ позволенія общества. Главною цѣлью этого постановленія было—не допустить химиковъ и москотильщиковъ торговать подъ носомъ у аптекарей. Но химики оказались слишкомъ сильными соперниками, и по числу: надо было уступить, и потому прибавлена статья, освобождавшая ихъ отъ вліянія аптекарскаго братства.

Въ настоящее время, во всѣхъ частяхъ Англіи и Кипрѣ жества Валлійскаго есть множество людей, хорошо учившихся и получившихъ дипломы отъ эдмбургскаго университета или отъ другихъ шотландскихъ или отъ коллегій хирурговъ эдмбургскихъ и дублинскихъ, которые, вѣншаясь практикою, принуждены сообразоваться съ обычаями страны и завести свои аптеки, то есть, продавать болѣеюй вмѣстѣ и совѣты и лекарства. Англіискій аптекарскій цехъ вскорѣ образумилъ ихъ. Онъ доказывалъ имъ, что аптекарскій уставъ имѣетъ такую же силу противъ нихъ какъ и противъ шарлатановъ; что наука не даетъ шотландскимъ

и ирландскимъ врачамъ права дѣлать отличные лекарственныя составы если на то нѣтъ позволенія отъ сословія аптекарей, которые дѣлаютъ эти составы скверно. Преслѣдованія лондонскаго цеха особенно направились на шотландскихъ хирурговъ и лекарей, какъ самыхъ важныхъ противниковъ. Онъ старался убѣдить пубliku, что эти практиканты не получили надлежащаго образованія и не достойны своего званія. Похвальныя свои усилія онъ преимущественно обратилъ на эдмбургскій университетъ и на Королевское Эдмбургское Общество хирурговъ, двѣ знаменитѣйшія медицинскія школы во всей Великобританіи. Всѣ карательныя мѣры, предоставленныя уставомъ, были призваны на помощь. Надобно прибавить еще, что настоящіе шарлатаны были упущены изъ виду, и что гоненія цеха обратились на самую благородную добычу. На шарлатановъ, актъ 1815 года не обращалъ вниманія.

Право, дарованное цеху, преслѣдовать продавцовъ поддѣльныхъ лекарствъ было бы однимъ изъ самыхъ важныхъ, если бы исполнялось какъ слѣдуетъ, безъ лицепріятія. Но эта привилегія не принесла никакой пользы, потому что отъ надзору избавлены мелочные химикъ и москотильщики, которые всегда были и есть достойны порицанія за постоянныя поддѣлки лекарствъ.

Химикъ и москотильщики, которые несмотря на разноеобразныя, противорѣчащія попытки правительства, умѣли сохранить свои пользы лучше всѣхъ другихъ медицинскихъ сословіи, заслуживаютъ того чтобы обратить на нихъ вниманіе. Они, въ наше время — то же что аптекаръ нѣкогда. Химикъ дѣлаютъ, держатъ и отпускаютъ медикаменты; готовятъ по рецептамъ лекарства; продаютъ въ открытой лавкѣ всякому по рецепту и безъ рецепта, подобно москотильщикамъ. Они не занимаютъ практикой, если хотите, и не имѣютъ права; но никто не запретить дать совѣтъ своему покупателю, а нѣкоторые посѣщаютъ ихъ даже на дому. Это сословіе весьма старинно, но образовалось въ цехъ химиковъ и москотильщиковъ не болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому. Въ концѣ прошедшаго столѣтія число ихъ увеличилось до того, что возбудило зависть въ аптекахъ. Аптекарскій актъ 1815 года

быть слѣдствіемъ постепенно усилившагося вліянія химиковъ и москотильщиковъ. Главная цѣль его была—уничтожить этихъ трутней. Но попытка началась поздно, потому что вражеское сословіе было уже грозно. Оно поднялось и успѣло выхлопотать себѣ закончикъ—не подлежать вѣдѣнію аптекарей, которыхъ преслѣдованіе, какъ мы уже видѣли, обратилось, съ досады, на совершенно другой классъ людей. Тогда уже москотильщики дѣйствовали всѣ вмѣстѣ и дружно, чтобы свернуть шею врагамъ; но дѣйствительно образовались они въ отдѣльное сословіе только въ 1841 году, подъ именемъ «Фармацевтическаго Общества Великобританіи». Главною цѣлью общества было—ограничивать сочленовъ сколько возможно чистою фармаціею, улучшить ихъ образованіе, поднять ихъ въ общемъ мнѣніи, и учредить такимъ образомъ въ Великобританіи особенный классъ людей, подобный *Pharmaciens* Французовъ и *Apotheker* Германцевъ.

Причина неудовольствій, господствующихъ въ настоящее время въ англійскихъ медицинскихъ сословіяхъ, такимъ образомъ объяснена. Врачи недовольны, потому что коллегія врачей, которая должна бы имѣть всѣхъ ихъ своими сочленами, принимаетъ только людей съ сплывшимъ мѣстнымъ покровительствомъ. Хирурги жалуются на коллегію за то, что она отвергаетъ ихъ, бережетъ мѣста и почести только для людей, которые сами себя выбираютъ, преимущественно же мѣста хирурговъ столичныхъ госпиталей. Аптекари обвиняютъ москотильщиковъ, что они вмѣшиваются въ фармацію и практику. Врачи, хирурги и москотильщики всѣ вмѣстѣ падаютъ на аптекарскій цехъ и приписываютъ ему всю бѣду, причину упадку медицины, распространеніе ложныхъ понятій объ ней, отравленіе народу зельями черезъ соединеніе торговли лекарствами съ ученымъ ихъ приложеніемъ и, главное, пощадку оказываемую шарлатанамъ, тогда какъ людямъ знающимъ или достойнымъ нѣтъ житья за придирами и гоненіями.

Врачебная суматоха, порожденная этими несогласіями, становится еще болѣе шумною, если прибавить негодованіе шотландскихъ и ирландскихъ врачей, потому что ни тѣ ни другіе не пользуются въ Англій тѣми правами, которыя

имѣлось въ виду сдѣлать общими, во время соединенія трехъ королевствъ.

Въ Шотландіи, кромѣ четырехъ университетовъ, есть еще три мѣста, имѣющія право выдавать позволеніе на практику, именно, Royal College of Physician, Royal College of Surgeons въ Эдinburghъ и факультетъ врачей и хирурговъ въ Глазго.

Королевская коллегія врачей въ Эдinburghъ, основанная въ 1681 году, можетъ выдавать позволеніе на практику только внутри Старога Города и нѣкоторыхъ предмѣстьяхъ. Эта коллегія состоитъ изъ ста тридцати сочленовъ, изъ которыхъ только сорокъ пять засѣдаютъ въ совѣтѣ сословія. Сочленомъ можетъ быть всякій, имѣющій ученую степень. Избраніе производится баллотировкою. Иностранцы подвергаются испытанію. Сто лѣтъ тому назадъ коллегія славилась многими знаменитыми сочленами и превосходною фармакопеею, обработанною въ 1778 году Калленомъ и Блакомъ. Единственная вещь, за которую можно порицать это общество, состоитъ въ томъ, что они слишкомъ снисходительно выдавали дипломы своимъ соотечественникамъ, получившимъ степени въ иностранныхъ университетахъ. Но нынче, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Гиссенѣ, Эрлангенѣ и Гейдельбергѣ можно купить дипломъ за деньги, Общество стало гораздо строже въ своихъ требованіяхъ.

Эдinburghская Коллегія хирурговъ — самое древнее медицинское учрежденіе въ Соединенномъ Королевствѣ. Въ 1506 году Іаковъ Четвертый, король шотландскій, даровалъ *«хирургическому или бородобръйному»* сословію граммати, которою имъ предоставлялось не только право продавать «виски» въ городѣ, но и запрещать всякому заниматься этимъ ремесломъ безъ ихъ позволенія или не доказавшему экзаменомъ, что онъ знаетъ *«натомію, свойство и пользу каждой жнлы въ тѣлесахъ человѣческихъ и смысленъ въ пусканіи крови.»* Эта граммата была утверждена въ 1641 году парламентомъ. Въ то же время хирурги соединились съ аптекарями и составили одинъ цехъ. Въ 1694, актомъ Вильяма и Маріи, сословію ихъ дано названіе: *«Цехъ хирурговъ-аптекарей въ Эдinburghѣ»*. Власть

никъ была распространена на многія области, гдѣ никто не смѣлъ заниматься какою бы то ни было частію хирургіи безъ ихъ позволенія. Въ 1778 году цехъ былъ переименованъ въ «Королевскую Коллегію хирурговъ».

Теперь коллегія состоитъ изъ двухъ родовъ сочленовъ. Къ первому роду относится многочисленный классъ лиценціатовъ, разсѣянныхъ по всему пространству Великобританіи и колоній; они не принимаютъ ни какого участія въ управленіи коллегіей, но могутъ быть избираемы въ сочлены по экзамену или за уплату нѣкоторой суммы денегъ. Второй родъ—члены, или собраты, которыхъ—около ста человекъ: три четверти ихъ участвуютъ въ совѣтѣ и управляютъ дѣлами коллегіи. Многіе изъ этихъ сочленовъ занимаются только одною хирургическою практикою. Но большая часть, подобно англійскимъ аптекарямъ, занимается и въ медицинскую и въ хирургическую практику вмѣстѣ, а нѣкоторые даже и въ акушерство. Они берутъ деньги за визиты и за доставляемыя лекарства; въ городахъ только практикуютъ: приготовленіе лекарствъ предоставлено здѣсь химикамъ и москотильщикамъ; но въ деревняхъ они готовятъ сами.

Эта коллегія болѣе другихъ заботится о врачебной образованности своихъ лиценціатовъ. Она имѣетъ богатый анатомическій и патологическо-анатомическій музей. Въ Шотландіи она пользуется большимъ уваженіемъ.

Факультетъ физиковъ и хирурговъ въ Глазго основанъ въ 1599 году. Ему предоставлено право заниматься хирургическою практикою въ своей области. Въ 1602 этотъ факультетъ былъ соединенъ съ цехомъ бородобръевъ, но въ 1722 году отъ него отдѣленъ. Онъ самъ себѣ присвоилъ это названіе, потому что въ грамматѣ именно сказано, что сочлены его не имѣютъ права выдавать позволенія на медицинскую практику.

Изъ четырехъ шотландскихъ университетовъ, въ трехъ находятся медицинскія школы. Въ университетѣ Saint-Andrew's есть только профессора анатоміи и химіи. Всѣ четыре выдаютъ дипломы на званіе доктора медицины. Въ эдимбургскомъ университетѣ для полученія этой степени требуется четырехъ-годовой курсъ ученія, въ Абердинѣ

тоже, въ Глазго менѣе, а въ Saint-Andrew's степень доктора можно получить, просто, по экзамену, который, просто, то же что объѣдъ. Въ Эдинбургѣ положено, чтобы ученикъ посѣщалъ всѣ лекціи въ самомъ университетѣ по-крайней-мѣрѣ четыре года. Абердинъ слѣдуетъ его примѣру. Глазго требуетъ только одного года слушанія университетскихъ лекцій. Въ Saint-Andrew's долго можно было получать степень вовсе не ходя на лекціи. Въ Эдинбургѣ и Абердинѣ экзамены довольно строги; въ Глазго,—слабѣе, въ Saint-Andrew's почти и вовсе не дѣлають ихъ. Кандидатъ, отвергнутый эдинбургскимъ или глазгоскимъ университетами, ѣдетъ въ Saint-Andrew's, даетъ пиръ и выходитъ докторомъ перваго разбору. Во всѣхъ шотландскихъ университетахъ степень можно получить имѣя двадцать одинъ годъ отъ-роду.

Этотъ краткій обзоръ показываетъ причины жалобъ и неудовольствій на шотландскіе университеты.

Коллегіи врачей и университеты въ Англии кричатъ, что въ Шотландіи медицинскія степени раздаются людямъ слишкомъ молодымъ, не получившимъ достаточнаго образованія. Эта жалоба основательна въ отношеніи къ эдинбургскому университету. Но надо замѣтить, что лиценціаты англійскихъ университетовъ, изучающіе долгое время всѣ отрасли литературы, естественныхъ наукъ и медицины, годятся только для столицъ, для большихъ городовъ и для каедръ. Этотъ классъ врачей, которымъ ученіе стоило огромныхъ денегъ, не подчиняется потребностямъ сельской жизни. Въ провинціи всѣ мѣста занимаются дешевыми лиценціатами шотландскихъ университетовъ, особливо эдинбургскаго, и отъ нихъ есть польза для Англии. Англійскіе университеты обвиняють еще шотландскіе за слабость экзаменовъ. Это совершенно справедливо въ-отношеніи къ университету, Saint-Andrew's, гдѣ «слабость» доходитъ до соблазну; немножко справедливо въ-отношеніи къ глазгоскому, но вовсе неосновательно что касается до эдинбургскаго и абердинскаго.

Медицинскія учрежденія въ Ирландіи—коллегія физиковъ и коллегія хирурговъ, общество аптекарей и дублинскій университетъ.

Власть коллегій физиковъ ограничивается столицю Ирландіи. Коллегія эта учреждена въ 1761 году, по примѣру лондонской, для преслѣдованія врачей, не имѣющихъ дозволенія на практику, которыхъ наказываетъ пенею и тюремнымъ заключеніемъ. Ей предоставлено право ревизовать аптекарскія лавки и истреблять негодныя медикаменты. Въ 1826 году коллегія состояла изъ семнадцати дѣйствительныхъ сочленовъ, управляющихъ дѣлами; четырнадцати почетныхъ сочленовъ, преимущественно профессоровъ и сорока лиценціатовъ.

Коллегія Хирурговъ, присоединенная въ 1784 году къ дублинской коллегіи физиковъ, состояла еще недавно изъ очень ограниченнаго числа сочленовъ и многочисленнаго класса лиценціатовъ. Въ 1796 году ей предоставлено было право избирать врачей на всѣ вакансіи госпитальныхъ медиковъ. Нынче коллегіумъ хирурговъ состоитъ изъ совѣта управляющаго дѣлами, изъ сочленовъ, выбирающихъ совѣтниковъ, и изъ лиценціатовъ, которые однако жъ не имѣютъ права практики; имъ позволено заниматься приготовленіемъ лекарствъ.

Ирландскіе аптекари получили право заниматься только фармацевтическими работами. Они сначала составляли одинъ цехъ съ бородобрѣями. Въ 1745 году они образовались въ отдѣльное сословіе, котораго привилегіи ограничивались однимъ только Дублиномъ. Въ 1791 году эти привилегіи распространены на все королевство. Парламентскимъ актомъ этого года постановлено, чтобы никто ни въ какомъ мѣстѣ Ирландіи не смѣлъ открывать лавки и записываться фармаціею безъ позволенія дублинскаго аптекарскаго цеха.

Уставы, привилегіи и управление различныхъ медицинскихъ учреждений въ трехъ королевствахъ Великобританіи такъ различны, что необходимо должны были породить множество соперничествъ и раздоровъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого хаоса были непрерывныя нападенія съ одной стороны и сопротивленія съ другой. Неудовольствія большей части врачей достигли наконецъ такой степени, что благонамѣренные люди начинаютъ заниматься предметомъ, и есть надежда, что усилія ихъ не останутся тщетными.

Уже съ 1834 года комиссія, наряженная Нижнею Палатою подъ предѣлательствомъ господина Варбуртона, занялась разсмотрѣніемъ этого важнаго вопросу. Множество биллей, основанныхъ на фактахъ, открытыхъ комиссіею, было внесено въ парламентъ, но всѣ они остались безъ разсмотрѣнія, потому что не удостоивались одобренія со стороны главныхъ лицъ медицинскаго сословія. Наконецъ, въ прошедшемъ году, парламентъ обратилъ свое вниманіе на билль реформы медицинской части, внесенный сэръ Джемсомъ Гремомъ.

Основная идея этого билля—преобразование шести столичныхъ коллегій. Всѣ онѣ лишаются исключительныхъ правъ, дарованныхъ грамматами. Право надзору, которое имѣло лондонское аптекарское общество, предполагается уничтожить. Никому не воспрещается заниматься практикою. Шарлатанамъ предоставляется право дѣлать что угодно; но лицамъ, выдержавшимъ экзаменъ, обезпечены многія привилегіи. Они одни могутъ получать медицинскія мѣста въ арміи, флотѣ, въ службѣ Остъ-индской Компаніи и другихъ оффиціальныхъ мѣстахъ въ обширномъ смыслѣ слова. Они одни также освобождаются отъ общественной службы.

Проктъ закона признаетъ четыре рода практикантовъ—врачей или физиковъ, хирурговъ, магистровъ медицины и лиценціатовъ медицины и хирургіи. Лиценціаты—то, что нынѣшніе аптекари, пользуются правомъ разсматривать болѣзни и продавать лекарства, но не иначе какъ по экзамену и совершивъ двадцать одинъ годъ отъ-роду. Экзаменъ они должны держать въ Лондонѣ, въ совѣтѣ англійской коллегіи физиковъ и въ присутствіи аптекарей; въ Эдмбургѣ и Дублинѣ также, но безъ аптекарей. Лиценціатъ, выдержавшій экзаменъ, вносятся въ списокъ, заплативъ два фунта стерлинговъ. Степень магистра пріобрѣтается не ранѣе двадцати-двухъ-лѣтняго возрасту и признается не иначе какъ университетомъ. Но выдержавшіе экзаменъ въ присутствіи коллегій, получаютъ права лиценціатовъ медицины и хирургіи. Физики должны получить въ университетѣ степень доктора медицины; но это званіе не даетъ ни какихъ особенныхъ преимуществъ.

Степень эта получается не ранѣе двадцати-шести-лѣтняго возрасту; выдержавшій еще одинъ экзаменъ въ присутствіи королевской коллегіи физиковъ, дѣлается сочленомъ этого сословія. Въ Англійи званіе физика можетъ быть получено лиценціатомъ медицины и хирургіи безъ университетской степени, по достиженіи имъ сорока лѣтъ и выдержаніи экзамена въ англійской коллегіи физиковъ. Хирургамъ выдается позволеніе на практику по экзамену въ которой-нибудь изъ хирургическихъ коллегій. Это званіе назначается только людямъ не моложе двадцати-пяти-лѣтъ отъ-роду. Физики и хирурги должны пробыть въ высшемъ учебномъ заведеніи не менѣе пяти лѣтъ, а доктора и магистры медицины не менѣе двухъ лѣтъ въ одномъ изъ Великобританскихъ университетовъ или одинъ годъ въ иностранномъ.

Главный надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ предполагается ввѣрить Совѣту Общественнаго Здоровья и Врачебнаго Воспитанія. Совѣтъ состоитъ изъ председателя, безсмѣннаго секретаря, шести членовъ, по одному отъ каждой коллегіи, шести членовъ отъ короны, и пяти профессоровъ, по одному отъ cadaго университета, именно, отъ оксфордскаго, кембриджскаго и дублинскаго университетовъ, и хирургическихъ Клиникъ въ Эдинбургѣ и Глазго. Совѣтъ между прочимъ ведетъ списки практикующихъ врачей, и издаетъ ихъ ежегодно къ всеобщему свѣдѣнію. Онъ требуетъ отъ коллегій донесеній и программъ преподаванія въ зависящихъ отъ нихъ заведеніяхъ, разсматриваетъ экзаменные листы на званіе физиковъ, хирурговъ и лиценціатовъ, измѣняетъ программы, старается о введеніи однообразія въ преподаванія и назначаетъ программы испытаній.

Не возможно входить во всѣ подробности билля сэръ Джемса Грема. Недостатки, которые онъ въ себѣ заключаетъ, могутъ быть исправлены только опытомъ и временемъ, но нельзя не сказать, что его Совѣтъ Общественнаго Здоровья и Врачебнаго Воспитанія—идея прекрасная, учрежденіе, обѣщающее огромную пользу.

ПИСЬМА,

ИНСТРУКЦІИ И ЗАПИСКИ МАРИИ СТУАРТЪ, КОРОЛЕВЫ ШОТЛАНДСКОЙ, ИЗДАНЫЯ КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ЛОБАНОВЫМЪ *.

=

Въ послѣднее десятилѣтіе ни одна вѣтвь человѣческихъ познаній, кромѣ естественныхъ наукъ, не приобрѣла такого развитія. Нашъ вѣкъ имѣетъ вообще направленіе преимущественно историческое. Обработка источни-

* *Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart, reine d'Ecosse, publiés sur les originaux et les manuscrits du State Office, etc., par le prince Alexandre Lobanoff. Londres. Tomes I — VII.*

ковъ исторіи, развитіе и объясненіе историческихъ фактовъ, сдѣлались какъ-бы потребностью точно такъ же какъ чтеніе историческихъ сочиненій и желаніе блеснуть знаніемъ исторіи. Тогда какъ естественныя науки быстро развиваются, какъ люди, изучающіе ихъ, стараются объяснить природу или воспользоваться ея тайнами, другіе, занятые великимъ дѣломъ изученія исторіи, не хотятъ отстать отъ нихъ, силятся даже, если возможно, превзойти и опередить ихъ, и дать своей наукѣ основу твердую и прочную. Среди этихъ усилій объясняются факты, дѣйствія и ихъ причины, истина становится достижимѣе для насъ и, вмѣстѣ, проявляется надежда на лучшую чѣмъ доннынѣ пользу для человѣка отъ его лѣтописей. Мы должны съ почтеніемъ встрѣтить великое приношеніе нашего соотечественника на алтарь исторіи, хотя это приношеніе сдѣлано имъ для чужаго народа и на чужомъ для насъ языкѣ. Но всякій трудъ, всякое желаніе совершить что-нибудь полезное въ области исторіи, особенно, когда трудъ такъ важенъ, такъ значителенъ, достойны благодарнаго уваженія. «Четырнадцать лѣтъ, говоритъ князь Александръ Лобановъ, рылся я въ замѣчательнѣйшихъ архивахъ и библіотекахъ Европы, чтобы собрать письма Маріи Стюартъ.» И дѣйствительно, ему удалось собрать этихъ писемъ болѣе семи сотъ: четыре ста изъ нихъ не были еще никогда напечатаны, и въ этихъ четырехъ стахъ находятся двѣсти писемъ, которыя были перехвачены и не дошли до мѣста своего назначенія. Все изданіе заключаетъ въ себя своихъ томахъ письма съ 1550 года по день смерти Маріи Стюартъ въ 1587. Всѣ они сличены съ рукописями и правописаніе удержано въ нихъ какое было. Намѣреніемъ издателя было, какъ видно, обрисовать весь характеръ, всю жизнь Маріи Стюартъ; и потому въ своемъ изданіи онъ помѣстилъ и тѣ письма, которыя писаны ею въ дни младенческаго возраста: они относятся къ матери ея, Маріи де-Гвизъ, и заключаютъ въ себѣ чувства дочерней любви. Интереснѣе становятся письма, принадлежащія впрочемъ къ тому же времени, письма кардинала Лорренскаго къ Маріи де-Гвизъ. Издатель не

ограничился собраніемъ писемъ одной Маріи Стюартъ: онъ издалъ всѣ письма, относящіяся къ этой королеви. Письма, важныя въ историческомъ значеніи, появляются около 1559 года, и содержаніе перваго тома кончается 1567 годомъ. Большая часть писемъ относится къ королеви Елисаветѣ, но они, въ сущности, не такъ достопримѣчательны, какъ кажутся съ перваго взгляду; въ числѣ ихъ—много коротенькихъ рекомендательныхъ записокъ, много того, гдѣ говорится только о ссорахъ между придворными дамами: ничего — что бросаетъ истинный свѣтъ на какое-нибудь событіе. Все достоинство такихъ писемъ состоитъ только въ ихъ подлинности. Нужно взять въ соображеніе, что человекъ, занимающій почетное мѣсто въ обществѣ, особенно въ новѣйшее время, не излагаетъ такъ откровенно своихъ мыслей какъ бы долженъ былъ излагать ихъ, не изображаетъ себя такимъ какимъ онъ есть въ дѣйствительности.

Важнѣе становятся письма къ Карлу IX, Филиппу II, Гранвелѣ и Римскому Двору, помѣщенные въ концѣ первой части. Въ нихъ замѣтна вездѣ какая-то осторожность въ выраженіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссылки на изустныя сказанія. Марія Стюартъ должна была думать и вѣроятно думала, что письма ея будутъ перехвачены и не дойдутъ до своего назначенія, и потому въ нихъ видны въ иныхъ мѣстахъ только намеки на предметы или событія, о которыхъ ведутся переговоры или осуществленія которыхъ желаетъ Марія Стюартъ. Самое пламенное желаніе королевы состояло въ томъ, чтобы Франція, Испанія и Римскій Дворъ поддержали ее при введеніи католическаго вѣроисповѣданія въ Шотландію и при объявленіи правъ ея на Англію.

Письма, заключающіяся во второй части, простираются до 1569 года. Въ нихъ говорится объ убіеніи Дарнли и бракѣ съ Ботвелемъ. Издатель, во введеніи, горячо защищаетъ Марію Стюартъ; даже замѣтно его желаніе выказать, что она не принимала ни какого участія въ погибели

Дарли; мнѣнія своя онъ основываетъ на письмахъ, писанныхъ королевой къ друзьямъ, напримѣръ, къ епископу Глазгоскому, гдѣ она утверждаетъ о своей невинности, и между прочимъ говоритъ, что ея участіе и вина ничемъ не могутъ быть доказаны; но мы не смѣемъ заключить изъ этого, что она была дѣйствительно невинна. Въ одномъ изъ писемъ къ Глазгоскому епископу королева говоритъ, что она случайно спаслась отъ смерти, во время вѣстнаго происшествія, когда семейство погубившее Дарли было взорвано на воздухъ заговорщиками; и имена этихъ заговорщиковъ не упомянуты нигдѣ, съ намѣреніемъ. Мы съ своей стороны думаемъ, что все это не заслуживаетъ большаго вѣроятія. Послѣдующія письма заключаютъ повторенія одного и того же; послѣ добровольнаго или не добровольнаго прибытія Маріи Стуртъ въ Англію, жалуется она безпрестанно, что Елисавета покровительствуетъ ея противникамъ въ Шотландіи и ничего не хочетъ сдѣлать для нея. Письма къ англійской королевѣ потому важны, что изъ нихъ видно какъ Марія Стуртъ отклоняетъ отъ себя дѣло Дарли, не имѣя возможности представить ни какихъ доказательствъ своей невинности: неужели бы она не представила этихъ доказательствъ, если бы имѣла ихъ? Между-тѣмъ противъ нея говорятъ многія письма, писанныя во Францію и Испанію. Иноплеменники должны ей пособить: вотъ о чемъ упоминаетъ она очень часто,—и болѣе ничего изъ писемъ не видно. Письма эти принадлежатъ къ тѣмъ, которыя были перехвачены. Любопытно видѣть, какъ старается Марія Стуртъ привлечь на великобританскіе берега испанскія войска, и какъ въ то же время увѣрлетъ королеву Елисавету, что она не предпринимаетъ ничего, что бы могло повредить Англіи. Письма относящіяся къ іоркской конференціи помѣщены въ томъ же томѣ. Третья часть начинается съ 1569 года, съ того времени какъ потушено возстаніе въ Вестъ-Морлендѣ и Нортумберлендѣ, когда Норфолкъ былъ взятъ въ первый разъ подъ стражу. Чувство досады пробуждается въ душѣ когда читаешь письма Маріи Стуртъ, гдѣ она кля-

нется въ вѣчной, пламенной любви безсильному Нор-
фолку, котораго никогда не видала, и, въ то же самое
время, просить Римскій Дворъ уничтожить бракъ ея въ
Вотвелемъ; этотъ бракъ, который и безъ того былъ по-
чти уже уничтоженъ. Письма къ Норфолку, писанныя
цифрами и разобраныя потомъ, обнаруживаютъ явно яв-
тежныя предпріятія, хотя въ нихъ и говорится только
объ освобожденіи и возвращеніи въ Шотландію. Между-
тѣмъ въ письмахъ къ французскому двору Марія Стюартъ
требуетъ высылки французскихъ войскъ, и изъ тѣхъ же
писемъ видно, что замыслы ея простираются довольно да-
леко. Важны также по своему содержанію письма 1570
года.

Намъ было извѣстно, что въ то же время велись снова
переговоры о примиреніи Елисаветы съ Шотландцами и
Маріей Стюартъ. Издатель подарилъ намъ очень много дра-
гоценныхъ документовъ, относящихся къ этимъ перегово-
рамъ. Письма Маріи Стюартъ къ Елисаветѣ дышатъ по-
корностью, преданностью, наполнены лестными обѣщані-
ями и увѣреніями въ любви и дружбѣ. Но письмо, пи-
санное въ то же самое время Маріей Стюартъ къ повѣ-
ренному ея тайнѣ, архіепископу глазгоскому, обнаружи-
ваетъ, какъ ложны и непрочны были ея обѣщанія. Въ э-
томъ письмѣ говорится о скорѣйшей высылкѣ француз-
скихъ войскъ, и о томъ, что католики, находящіеся въ
Англіи, ждутъ только сигнала для общаго возстанія.
Сверженіе Елисаветы съ престола и смерть ея были за-
ранѣ рѣшены въ умѣ приверженцевъ Маріи Стюартъ;
причины, по которымъ эти намѣренія не исполнились,
по правдѣ, зависѣли совершенно не отъ Маріи Сту-
артъ. И между-тѣмъ какихъ обвиненій не взвели на
Елисавету, когда переговоры не были окончены освобо-
жденіемъ Маріи Стюартъ, тогда какъ Елисавета и пар-
ламентъ знали о тайныхъ сношеніяхъ Маріи Сту-
артъ съ Франціей! Во всякомъ случаѣ это можно было
предполагать, по весьма уважительнымъ причинамъ. Это
видно также изъ письма Маріи Стюартъ къ Елисаветѣ, въ

которомъ она всѣми силами старается отклонить отъ себя подозрѣнїе. Переговоры объ освобожденїи Марїи Стюартъ еще не окончены, хотя Шотландцы не обнаруживаютъ особеннаго желанїя видѣть возвращенїе королевы; и Марїа Стюартъ пишетъ опять къ Елисаветѣ письмо, исполненное дружескихъ увѣренїй. Въ то же время находимъ въ собранїи письмо королевы къ герцогу Альбѣ и двѣ длинныя инструкціи Роберту Ридольфи, общему повѣренному дѣлъ папы и герцога Альбы. Одна изъ этихъ двухъ инструкцій писана самой Марїей, другая—Норфолкомъ: обѣ — на италїанскомъ языкѣ, между-тѣмъ какъ всѣ, встрѣчающїеся до того времени, документы — или на французскомъ или на англійскомъ языкахъ. Норфолкъ принялъ уже тайно католическую вѣру; онъ готовъ поднять знамя возстанїя; нужны только для этого чужїя войска и чужое золото; сверженїе съ престола Елисаветы и смерть ея должны увѣнчать замыслы мятежныхъ. Вотъ содержанїе этихъ инструкцій. Когда все это было обнаружено, Марїа Стюартъ, какъ видно, не затруднявшаяся никогда подобными оборотами, утверждаетъ, что все это просто — предлоги, для того только чтобы строже и грубѣе съ нею обращаться. Четвертая часть содержитъ въ себѣ письма, заключающїяся концомъ 1577 года. Съ паденїемъ Норфолка рушились и самыя счастливыя надежды. Герцогъ Альба былъ уже готовъ итти войной на Англию. Надзоръ за Марїей Стюартъ усилился; письма ея къ Елисаветѣ, остававшіяся по большей части безъ отвѣтовъ, становятся рѣже; время не благоприятствуетъ отважнымъ замысламъ, и всѣ письма наполнены жалобами и просьбами. Надежда ея на сверженїе съ престола Елисаветы уменьшилась, какъ это видно изъ писемъ къ приближеннымъ; она помышляетъ только о своемъ собственномъ спасенїи. Въ этомъ томѣ мы находимъ замѣчательное письмо заключенной къ папѣ Григорію Тринадцатому. Она проситъ его объ отпущенїи грѣховъ: «Concedat quoque Sua Beatitudo ipsi Reginae plenam indulgentiam et remissionem omnium peccatorum in forma jubilei, quoties genibus flexis orat confessa coram sacra Eucha-

«ristia, vel eam suscipit, ac quoties patienter fert injuriam ab haereticis sibi illatam; eandem quoque obtineat indulgentiam in articulo mortis ore dicendo Jesus, Maria, vel idem «corde saltem memorando». О событіяхъ въ Шотландіи упоминается также часто въ этихъ письмахъ, и такимъ образомъ продолжается и пятая часть. По всему видно, что Марія Стюартъ имѣетъ значительное число приверженцевъ въ Шотландіи. Она желаетъ чтобы сынъ ея, Іаковъ, вступилъ въ бракъ съ дѣвицей католическаго вѣроисповѣданія, и, если можно, принадлежащей къ фамиліи Гвизъ; и между-тѣмъ снова пробуждаются, на время затихшіе, замыслы Маріи Стюартъ; она снова говоритъ о заговорахъ и предпріятіяхъ, которые должны ее возвысить. Бѣольшая часть этихъ писемъ попадаетъ въ руки англійскаго правительства, и тутъ опять поясняется, какъ мало должна была надѣяться Елисавета на увѣренія и обѣщанія Маріи Стюартъ; она должна была наконецъ сознаться, что имѣетъ дѣло съ опасной соперницей. Въ Шотландіи дѣйствуетъ главный агентъ королевы, архіепископъ глазгоскій; изъ одного письма Маріи Стюартъ обнаруживается, что юный король Іаковъ склоненъ къ принятію католическаго вѣроисповѣданія, и такимъ образомъ оправдываетъ предположеніе, не разъ оспоренное, что Іаковъ Первый и Карлъ Первый были тайными католиками. Въ пятомъ томѣ помѣщены письма прострѣвращающіяся до начала 1584 года. Въ шестомъ появляются сперва не очень значительные документы: тутъ находится просьба Маріи Стюартъ къ Елисаветѣ, гдѣ она обѣщаетъ исполнить всѣ условія, если ее освободятъ изъ плѣну. Но ясно, что Елисавета не могла согласиться на это, не подвергаясь сама опасности, потому что если бы Марія Стюартъ и дала клятву не руководствоваться буалой, въ которой папа говоритъ о несправедливости и противозаконности поступковъ Елисаветы, этой клятвѣ вѣрить было не возможно. Папа могъ во всякое время разрѣшить Марію Стюартъ отъ клятвы, и въ Англійи были почти всѣ увѣрены въ этомъ. Точно такъ же нельзя бы-

ло надѣяться на Марію Стуртъ, если бы она вздумала присоединиться къ союзу образовавшемуся въ 1585 году противъ езуитскаго ордена, покушавшагося на жизнь Елисаветы.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О СѢНОКОСАХЪ.

=

Ежегодно два періода времени ободряютъ земледѣльца или разрушаютъ всѣ его надежды. Это—весна и начало осени. Весною, онъ, видя на поляхъ роскошные всходы озимыхъ хлѣбовъ послѣ продолжительной и перемѣнчивой зимы, благодаритъ Бога и уже рассчитываетъ всѣ выгоды отъ будущихъ жатвъ, опредѣляетъ даже цѣну хлѣбамъ, по состоянію всходовъ: отсюда — ежегодное въ началѣ лѣта возвышеніе или пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты. По своевременному и хорошему всходу яровыхъ хлѣбовъ онъ судитъ о сборѣ еще съ большою увѣренностью. Если еще луга и покосы покрылись вездѣ ровною, зеленою, бархатною травой, то и онъ совер-

шенно счастливъ. Вы его уже не узнаете: это не тотъ Ермолай Ивановичъ, который всю прошедшую зиму плакалъ, будучи вынужденъ доставлять хлѣбъ въ деревню на продовольствіе своихъ крестьянъ; который стоналъ да охалъ, жалуясь на тяжкія времена, на нынѣшніе неурожайные годы, на недостатокъ управляющихъ, знающихъ усовершенствованное сельское хозяйство, обученныхъ дѣлу въ какомъ-нибудь агрономическомъ заведеніи, опытныхъ и дѣльныхъ. Нѣтъ, теперь онъ уже ихъ и знать не хочетъ, презираетъ ихъ молодость и неопытность, разглагольствуетъ объ ихъ незнаніи Россіи и природы русскаго человѣка.

«Нѣтъ, говорить, не хочу: у меня свой есть славный староста, такой знатокъ что чудо: потачки не дастъ и своему родному брату: посмотрите, какіе у него богатые всходы!... а въ тверскую вотчину недавно опредѣлилъ я чиновника: лѣтъ тридцать, батюшка, служилъ въ департаментѣ!... и управлялъ домомъ моего родственника. Старикъ почтенныхъ лѣтъ, крестьяне будутъ его очень уважать: говорятъ—вотъ управляющій достался намъ!... просто кладъ!... и, въ самомъ дѣлѣ, такой видный мужчина!... пишетъ исправно каждую недѣлю, въ вѣдомостяхъ выставляетъ, и погоду, и что случилось, и кто заѣзжалъ и проѣзжалъ имѣніе.» Вотъ этотъ-то Ермолай Ивановичъ, типъ нашихъ помѣщиковъ-хозяевъ, у котораго лицо ясно и весело только въ тѣ годы, когда не нужно покупать хлѣба на продовольствіе крестьянъ, теперь, съ довольною физиономіею, съ улыбкою на губахъ, облеченный въ халатъ, сидитъ и рассчитываетъ всѣ свои будущія сокровища отъ распродажи хлѣба и сѣна; онъ даже готовъ удержать на-зиму по-болѣе скота, готовъ прикупить новаго, чтобы потомъ съ выгодною продать, и сдѣлать еще какой-нибудь коммерческій оборотъ, чтобы по-больше уплатить долгу въ Опекунскій Совѣтъ, да сберечь на-зиму запасаецъ въ пользу благонамѣренія пожить по-привольнѣе въ Петербургѣ и не лишиться абонимента на италіанскія оперы.

Такъ онъ думалъ; такъ всходы увѣрили его; но не долго лелѣяла его обольстительная надежда на хозяй-

ственные лавры. Наступило время сѣнокосу, ясные деньки стали мелькать рѣдко, дожди совершенно сгноили сѣно и оставили много подкошенной травы въ валахъ; потому что подоспѣвшая пора жатвы заставила обратить рабочихъ къ насущному, ржаному хлѣбу. Но и тутъ неудача. Управляющій Ермолай Ивановича, наслышавшись отъ самаго владѣльца весьма много о пользѣ луговъ, о необходимости содержать какъ-можно болѣе скота, долго еще не покидалъ сѣнокосу, стараясь запастись сѣнцомъ, и хлѣбъ допустилъ до совершенной зрѣлости; потомъ ненадежная погода принудила поторопиться уборкой: разумѣется, кое-какъ жнуть, вяжутъ въ снопы и ставятъ въ суслоны, отчего пропасть зерна высыпалось на полѣ, суслоны проросли и начали прѣть, а тутъ уже надежда плохая!

Сентябрь хорошъ, яровые изрядны, только очень низки и заглушены сорными травами: работницы ползали, ползали по полю цѣлый мѣсяцъ, изъ силъ выбились, а работники не имѣли права приступить къ серпной работѣ. «Это-де не наше дѣло, а бабье!» Съ абашевскими косами они не знакомы, потому что нововведенія не въ модѣ въ вотчинахъ Ермолая Ивановича, которыми распоряжаются старосты: земледѣльческихъ книгъ тамъ не читаютъ: а управляющему въ тверской какая надобность заводить грамоту, книги, открытія, во вѣренное ему имѣніе!... онъ тридцать лѣтъ служилъ безпорочно, безъ чтенія, и управлялъ домомъ безъ книгъ! Вотъ и яровое кое-какъ сжали, постановили на полѣ: оно еще не успѣло просохнуть какъ наступили утренники: все вымерзло, все подгнило.

Опять плохо! Управляющій и староста пишутъ замолотныя вѣдомости нашему Ермолаю Ивановичу, предлиннаго содержанія, съ положеннымъ въ концѣ примѣчаніемъ: «NB. Показанные здѣсь хлѣба не дали хорошаго умолоту, вслѣдствіе неблагоприятной погоды, о коей въ свое время почтеннѣйше было доносимо въ ежесѣдѣльныхъ вѣдомостяхъ, въ графахъ—погода. Господь Богъ, хоть и далъ на хлѣбъ *родку*, да не далъ *погодку*, а затѣмъ и умолотъ не взгожъ.» Ермолай Ивановичъ, прочитавъ

заключеніе, нахмурилъ брови и проворчалъ: «Экіе бездѣльники!... за чѣмъ они смотрятъ?... вотъ уже третій годъ весна у нихъ обѣщаетъ, а осень подѣдаетъ!» Слова Ермолая Ивановича повторили въ тоже время сотни помѣщиковъ и, скрѣпя сердце, подобно ему отложили свои надежды до слѣдующей весны.

Но вы можете предсказать имъ навѣрное, что если они станутъ, по старому обычаю, приписывать разрушеніе своихъ доходовъ случайностямъ погоды, безъ изслѣдованія коренныхъ причинъ, то результатъ всегда будетъ одинаковъ. У насъ, на Руси, съ давнихъ временъ ведется поговорка: на Бога надѣйся, но самъ не плошай. И дѣйствительно, разберите хорошенько, вникните въ настоящія обстоятельства всходъ и уборки хлѣбовъ: навѣрное вина окажется на нашей сторонѣ. Начало обѣщаетъ, конецъ дѣло вѣнчаетъ. Окончательный результатъ урожая, кромѣ ухода за растеніями, главнѣйше зависитъ отъ хорошаго, искуснаго и своевременнаго снятія хлѣбовъ и травъ съ корня, то есть, косьбы и жатвы, и отъ надлежащей просушки и укладки. На эти причины неудачъ наши самоучки-управляющіе вовсе не обращаютъ разсчетливаго вниманія.

Относительно къ сѣну, во-первыхъ, придерживаются они безотчетнаго обычаю крестьянъ начинать косьбу не ранѣе Петрова дня, не вникая ни сколько въ ростъ травъ и въ состояніе погоды. Въ это время, большая часть травъ уже совершенно созрѣла. Такую траву труднѣе косить, коса скользитъ, не подрѣзываетъ, и перѣдко заставляетъ косца повторять свои размахи; коса поминутно притупляется, и при частомъ поправленіи ея замѣшкивается работа. Въ иной годъ луга изобилуютъ травами свойства горькаго и болѣе лекарственнаго нежели кормоваго: эти травы дозрѣваютъ весьма рано и бываютъ сыпучи, слѣдовательно, при ударѣ косою, семена ихъ разсыпаются и вновь застилаютъ луга. Это мнѣ самому случилось замѣтить на лугу, гдѣ прежде росли роскошныя питательныя травы, и вдругъ были вытѣснены скороспѣлыми вредными растеніями, и роскошный лугъ обратился въ плохой и скудный, единственно отъ поздней косьбы. Вообще перезрѣвшія, травы

даютъ одеревенѣлый и малопитательный кормъ, а отъ широколосевенныхъ отдѣляется при переворотѣ граблями много листьевъ, которые потомъ трудно собираются. Поздно скашиваемыя травы лѣниво сѣдаются скотомъ и оставляютъ много обѣдей: это подтверждено многими сравнительными опытами. Кромѣ-того, июль отвлекаетъ много рукъ на запашку навозу и приготовленіе земли подъ озими. Все это ясно доказываетъ безтолковость правила— строго держаться, по прежнимъ обычаямъ, однажды навсегда опредѣленнаго времени и начинать косить не ранѣе Петрова дня. Въ пользу ранней косьбы говоритъ еще и то, что по окончаніи ея останется достаточный періодъ лѣта, въ который можетъ послѣть второй укосъ весьма сочной травы, а, нѣтъ сомнѣнія, что два укоса дадутъ гораздо болѣе и лучшаго качества сѣна нежели одинъ перерѣзанный. Теорія и практика, притомъ, одногласно доказываютъ, что такимъ образомъ луга менѣе истощаются.

Словомъ, чтобы имѣть надежный сѣнокосъ, слѣдуетъ начало косьбы соображать съ состояніемъ погоды и ростомъ травъ, а не съ мѣстными обычаями, и лучшая для этого пора— когда травы начинаютъ цвѣсти, а не созрѣвать. Знаю, что многіе сельскіе хозяева возопіютъ: да какъ можно не дать дозрѣть травамъ и не дозволить имъ хорошо расцѣять своихъ семянъ!.... это значить, на будущее лѣто лишиться совершенно луговыхъ травъ; да притомъ мы читали, и насъ учили санктпетербургскіе и московскіе курсы, и самъ знаменитый Теэръ говоритъ въ своемъ рациональномъ земледѣліи, что лучшая пора косьбы та, когда большая часть травъ созрѣваетъ. На это я смѣло отвѣчаю: луга не лишатся травъ, хоть и не допустите ихъ до созрѣнія, потому что большая часть луговыхъ растений, принадлежа къ разряду неоднолѣтнихъ, происходятъ отъ корня, который не скашивается, а остается въ землѣ, а съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію то, что пока луга еще покрыты цвѣтами, множество кустовъ уже созрѣли. Это трудно рассмотреть на большемъ пространствѣ, но это вѣрно, и доказано точными наблюденіями. Возьмите, примѣрно, что изъ пятидесяти кустовъ одинъ созрѣлъ ранѣе всѣхъ прочихъ: этого уже достаточно

для обсемяненія луга, потому что семена травъ чрезвычайно мелки, легки и число ихъ велико въ каждомъ семенинкѣ цвѣтка.

Косыба у насъ производится барщиною. Въ началѣ іюля, съ первымъ появленіемъ хорошей погоды, стараются назначить какъ-можно большій нарядъ на сѣнокосъ, оставляя всѣ другія хозяйственныя работы, и распоряжаются барщиною очень неразсчетливо. Напримѣръ, если предстоитъ косить большой лугъ, а такихъ въ нашей благодатной Россіи бездна, отъ начала до конца его разставляютъ косцовъ одного за другимъ: отъ этого происходитъ видимая невыгода. Представьте себѣ пятьдесятъ человекъ косцовъ, идущихъ одинъ за другимъ: у перваго изъ нихъ притупилась коса; онъ преспокойно останавливается, переворачиваетъ косу, вынимаетъ изъ-за кушака брусокъ и, не торопясь, зная, что это—на барщинѣ, принимается оттачивать; всѣ останавливаются за нимъ, стоятъ, разсуждаютъ съ товарищами или, для виду, ради приказчиковъ, тоже подтачиваютъ и ждутъ движенія перваго, чтобы самимъ двинуться вновь; потомъ притупилась коса у втораго, третьяго, и такъ далѣе: процедура—та же. Теперь положимъ, что это случилось у средняго: первая половина ушла впередъ, и остальные, отточивъ косы, стараясь догнать своихъ друзей, спѣшатъ, съуживаютъ прокосы, оставляютъ во многихъ мѣстахъ траву не подкошенную или захватываютъ выше; если же кому прійдется выйти изъ ряду, то остальные должны перемѣнить мѣста, и первый не иначе можетъ пристать въ рядъ какъ пропустивъ всѣхъ послѣднихъ. Кромѣ мѣшкатности въ работѣ, вы тутъ никакъ не разберете и не узнаете, кто хорошо, а кто нечисто скосилъ. Рабочіе, пользуясь этою путаницею, и не принуждая себя на барщинѣ, дѣлаютъ даже нарочно узкіе прокосы: долѣе проработаешь на мѣстѣ, и менѣе будетъ сѣна возить....

Попробуйте распорядиться иначе, и увидите явную пользу. Косцовъ надо раздѣлять на самыя маленькія партіи, въ сложности не болѣе шести человекъ на двѣ десятины. При такой сортировкѣ легко усмотрѣть чистоту работы и отличить нерадивыхъ отъ прилежныхъ. Здѣсь нечего на-

значать для каждой партіи особеннаго приказчика: точно будетъ одного на всю барщину, несмотря что работа будетъ разбросана; если лугъ—большой, то всѣ рабочіе въ виду, и при расчетливомъ размѣщеніи они къ окончанію работы непременно сойдутся вмѣстѣ; а если луга малы и въ разныхъ мѣстахъ, разумѣется не въ дальнихъ, то приказчикъ легко можетъ провѣрить работу, переходя по-временамъ отъ одной къ другой, да и косецъ будетъ опасаться сфальшивить, зная что всѣ погрѣшности его работы тотчасъ обнаружатся.

Во всѣ ясные дни стараются у насъ какъ-можно болѣе скосить траву, такъ что назначенныя для уборки ихъ женщины не успѣютъ еще подгрести и просушить, какъ, по переменчивости лѣта, застигаетъ ихъ дождь, продолжающійся потомъ цѣлую недѣлю, и непросушенная трава остается въ валахъ подъ дождемъ. При появленіи опять яснаго денька, женщины едва-едва успѣваютъ кое-какъ просушить и сгрѣсти въ копны, а косцы всё продолжаютъ косить болѣе и болѣе. Смотришь: копны начали прѣть и разгораться! И бѣда, если, на ту пору, случится новый дождь; тутъ-то начинается суета суетъ: женщины не знаютъ куда броситься и за что взяться, раскидывать ли копны, сгрести ли въ валы, или бѣжать къ скошенной травѣ. Приказчики рѣшительно теряются, и дѣлаютъ распоряженія самыя безтолковыя. Косцы приходятъ сплошь и рядомъ на барщину безъ граблей, съ одними косами, и потому они—безполезные помощники.

Вотъ главныя причины, отъ которыхъ зависить у насъ малый сборъ добротнаго сѣна. Въ отвращеніе ихъ, прежде всего слѣдуетъ поставить въ обязанность,—не подкашивать травы болѣе того, что назначенная барщина можетъ убрать въ день, а оставлять подготовленной травы на слѣдующее утро столько, чтобъ назначенная барщина на другой день, пришедши на лугъ, нашла для себя готовую работу, и, тогда, соображаясь съ погодою, предпринимать дальнѣйшую косьбу. Косцы, всѣ безъ исключенія, должны приходивъ на барщину съ граблями: приказчику вмѣнить въ обязанность—каждое утро провѣрить рабочихъ и удостовѣриться въ полнотѣ и исправности ихъ орудій.

При умномъ распоряженіи всегда доставеть рукъ и трава всегда будетъ совершенно просушена, хорошо сложена въ копны и стоги; она не сгорится и дастъ отличнаго качества сѣно. Конечно, многіе убираютъ съ луговъ травы кое-какъ, по недостатку рукъ, жалѣя оставить растеніе на корнѣхъ и надѣясь, что и дурно убранное сѣно можетъ дойти въ копвахъ и стогахъ или, свезенное на скотный дворъ, скоршится, и — авось еще — въ продажѣ сойдетъ. Но авось изъ ста разъ удается только одинъ, и, вообще, оно очень накладно: самая малая часть недосушеннаго сѣна, попавшая въ копну или стогъ, заражаетъ остальное гниlostью; гнилое же сѣно, какъ извѣстно по опыту, не только не увеличиваетъ тучности и силъ скота, но еще располагаетъ его ко многимъ заразительнымъ болѣзнямъ. Въ продажѣ такое сѣно цѣнится весьма дешево и не окупаетъ труда. Слѣдовательно, выгоднѣе вѣтъ луговаго сѣна менѣе, да убраннаго тщательнѣе, чѣмъ много поподамъ съ грѣхами. У кого много луговъ и кто по малому количеству рукъ не можетъ совладать со всѣми, тому часть ихъ выгоднѣе отдавать на откупъ или пускать подъ выгонъ, стараясь откормить въ лѣтнее время по-болѣе скота, отъ продажи котораго можно получить всегда надежную прибыль.

Кстати, замѣтимъ. Крестьяне, понуждаемые приказчикомъ, стараясь поспѣшиѣ метать стоги, захватываютъ веревками копны, при перевозкѣ ихъ на живую руку тащатъ по полю на рысяхъ, и растрепываютъ много сѣна, иногда прекрасно высушеннаго. Мнѣ случилось, съ однимъ владѣльцемъ имѣнія, объѣзжая поля остановиться на сѣнокосѣ. Я обратилъ вниманіе его на подобную возку копенъ, на всю эту неразсчетливую трату сѣна. Онъ, какъ водится отвѣчалъ: «Безъ этого ужъ обойтись нельзя!..... да и велика ли тутъ потеря?» Дѣло стало за споромъ. Мы приказали сгрести сѣно, разметанное послѣ уборки копенъ: оказалось около семи пудъ съ десятины. Потеря—весьма значительная при нашихъ тощихъ лугахъ, которые даютъ не болѣе шестидесяти пудовъ съ десятины! Съ-тѣхъ-поръ, по моему совѣту, у этого помѣщика, при развозкѣ копенъ, употребляются плетеные изъ веревки колпаки,

въ величину копны, которые накладываются съ верху на копну и прицѣпляются внизу за лежни изъ прутьевъ, всегда находящихся подъ копами; тяжи же привязаны къ нижней части колпака. При такой перевозкѣ, сѣно не можетъ трушиться, оно заключено какъ въ сѣткѣ, а для лошади не прибавляется ни какой тяжести. Число колпаковъ раздается по числу лошадей, назначенныхъ для перевозки копенъ. Въ послѣднее время начали употреблять ихъ и крестьяне этого помѣщика на своихъ лугахъ, и теперь они выѣзжаютъ на барщину съ своими копенными колпаками. Посѣтивъ довольно много имѣній и прочитавъ довольно много русскихъ книгъ по сельской части, я нигдѣ не встрѣчалъ подобной предосторожности, ни на бумагѣ, ни въ дѣлѣ. Въ другихъ странахъ исконно обращено вниманіе на это. Одинъ изъ журналовъ втиснулъ въ свои страницы рисунокъ деревянной германской волокуши, наподобіе рѣшетчатыхъ створчатыхъ дверей или, лучше сказать, трехъ-сторонней загородки, которой двѣ стороны — на петляхъ. Это орудіе, или клѣтъ, одобрили наши критики хозяйственныхъ статей, не сообразивъ ни тяжести нѣмецкой выдумки, ни неловкости перевозки послѣ отвозу копны, ни наконецъ того, что наши луга — не ломберные столы, усѣяны множествомъ кочекъ и, слѣдовательно, такая клѣтъ поперечнымъ своимъ брускомъ поминутно стала бы задѣвать всѣ неровности и останавливать лошадь.

Изложивъ главныя обстоятельства, на которыя должно обращать вниманіе при уборкѣ луговыхъ травъ и отъ которыхъ зависитъ качество собираемаго сѣна, я долженъ указать читателямъ на интересную въ этомъ отношеніи брошюрку, переведенную съ нѣмецкаго, которую можно достать у книгопродавца Иванова и въ другихъ магазинахъ, и гдѣ основательно изслѣдована уборка сѣна различными способами и, главное, способомъ самымъ лучшимъ, мало еще у насъ извѣстнымъ, съ помощію деревянныхъ козловъ; также сушка озимаго хлѣба, и тому подобное. Брошюрка называется: «Клеверные козлы». Хотя самъ я, грѣшнѣйшій, перевелъ ее, однако жъ не сочинилъ, и хвалить ее могу: я и перевелъ ее именно потому что она показала

миѣ достохвальною. Императорское Вольное Экономическое Общество издало ее на свой счетъ. Эта книжица можетъ быть сподручною и для крестьянина. Я не сомнѣваюсь въ ея пользѣ для нашего сельскаго хозяйства. Сѣно — дѣло весьма важное въ сельскомъ хозяйствѣ: это — основаніе золота. Стѣитъ труда поучиться хорошему съ нимъ обращенію.

Н. МАТВѢВСКІЙ.

=

**О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗСТАНОВИТЬ ПЧЕЛОВОДСТВО ВЪ
ТѢХЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ, КОТОРЫЯ ИВСТАРИ СЛА-
ВИЛИСЬ НИМЪ.**

=

Многіе изумятся, что осмѣливаюсь говорить о пче-
лахъ, послѣ изобрѣтенія стеариновыхъ свѣчъ и послѣ от-
крытій химіи, которыя показали, что воскъ находит-
ся готовый почти во всѣхъ растеніяхъ и что, если бы
требовалось, можно было бы добывать его такъ же вѣрно,
какъ мы добываемъ теперь сахаръ изъ свекловицы или
кукурузы. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая химія отняла мно-
го важности у пчельнаго воску въ общемъ мнѣніи, но это
мнѣніе не основательно. Воскъ всегда будетъ въ цѣнѣ.
Во-первыхъ, стеариновыя свѣчи будутъ всегда дороги въ
провинціяхъ, вдали отъ фабрикъ. Во-вторыхъ, новѣй-
шая промышленность каждый день создаетъ новый случай,
гдѣ воскъ находитъ важное употребленіе. Я укажу на одинъ
только: послѣ доклада комиссіи, назначенной англій-
скимъ парламентомъ для изслѣдованія воздуходвижныхъ
железныхъ дорогъ, докладу, недавно представленнаго
Нижней Палатѣ, не остается сомнѣнія, что эти дороги въ
скоромъ времени восторжествуютъ надъ паровозными; а
въ такомъ случаѣ, одна воздуходвижная дорога въ нѣ-
сколько сотъ верстъ длины будетъ потреблять воску болѣе
нежели цѣлая провинція на свѣчи; этимъ дорогамъ воскъ

со смолою нуженъ на заливку щелей трубы послѣ каждого проѣзду. Воскъ всегда пригодится человѣку. Прибавимъ, что кромѣ воску, пчелы дають медъ, которій такъ необходимъ въ быту русскаго человѣка.

Между-тѣмъ въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ, въ исходѣ прошлаго года, возлѣ горькихъ жалобъ на безцѣнность произведеній земли въ хлѣбороднѣйшихъ нашихъ губерніяхъ, мы читали слѣдующее: «когда-то Малороссія славилась богатствомъ своего меду, и купцы, изда-«лека прїѣзжали покупать украинскій медъ. Теперь уже «не то: эта промышленность упала. Впрочемъ упадку этого «меделя приписать пониженію цѣнъ на медъ и на воскъ. «Цѣны съ давняго времени почти всё тѣ же».

Такъ отчего же промышленность эта упала въ благодатномъ краю растений и цвѣтовъ? Я скажу причину: пчеловоды другихъ нашихъ областей опередили въ искусствѣ Малороссіянъ. По старинному варварскому обычаю, украинскіе пчеловоды смѣшиваютъ медъ съ побитыми пчелами, уголемъ, перекрестками и тому подобными веществами. Этотъ медъ не годится для внѣшней торговли, а внутри покупають его теперь одни бѣдняки за суціей безцѣнокъ. Нынче казанскіе пчеловоды славятся своимъ искусствомъ въ цѣлой Россіи. Пудъ украинскаго меду можно купить, въ нашихъ столицахъ, по пятнадцати или двадцати рублей; но за пудъ отличнаго казанскаго, должно заплатить въ Милютинскихъ Лавкахъ или на Шукиномъ Дворѣ по шестидесяти и по осмидесяти рублей ассигнаціями. Удивительно, что даже образованные русскіе помѣщики позволяютъ мужикамъ ронять такими средствами одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ продуктовъ. Разсорттировать медъ можетъ всякая баба, не только казанская, но и малороссійская. Это невниманіе помѣщиковъ къ пчеламъ и пчельнымъ произведеніямъ, непонятно и непростительно. Воскъ и медъ ихъ—золото.

Говорять, будто мы стали просвѣщеннѣе нежели какъ были наши прадѣды. Но заглянувъ въ наши пасѣки во время собиранія меду, едва-ли можно похвѣрить этой молвѣ. Мы позволяемъ невѣжеству крестьянъ дурно готовить медъ и воскъ, полагаясь на ихъ мнѣ-

ше, будто медъ черезъ это не тердтъ своей сласти. Мы не знаемъ того, что они нарочно смѣшиваютъ медъ съ сорными веществами, чтобы онъ былъ тяжелѣе въсомъ. Какъ пчельныя произведенія почти даромъ приходятся, то крестьяне весьма довольны, когда продадутъ пудъ этой смѣси, дома, и по десяти или двѣнадцати рублей. Они обыкновенно примѣшиваютъ еще почти всѣ восчины къ меду, не разсчитывая того, что пудъ воску продается нынче же въ самой Малороссіи по сорока и болѣе рублей. Барышники, купивъ этотъ медъ, отдѣляютъ отъ него восчины въ своихъ воскобойняхъ; и перетопивъ, получаютъ большой барышъ отъ продажи одного воску, а медъ остается имъ даромъ. Мѣстами, нѣтъ порядочной воскобойни или пресса даже у тѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ, которые содержатъ значительное количество пчелъ. Однимъ словомъ, за исключеніемъ казанской губерніи, пчеловоды другихъ обогащаютъ однихъ купцовъ, занимающихся этою торговлею. Значительные капиталы наживаются этими купцами, болѣею частью, изъ тѣхъ же крестьянъ, а помѣщики медоносныхъ странъ начинаютъ бѣднѣть. Если мы не обратимъ строгаго вниманія на всѣ средства улучшить наше состояніе, то потеряемъ и остатокъ нашего имуществва, доставшагося намъ въ наслѣдство отъ отцовъ и дѣдовъ, болѣе трудолюбивыхъ и разсчетливыхъ нежели мы теперь. Мы стремимся къ большимъ оборотамъ, надѣясь вдругъ нажить горы золота, а между тѣмъ земли наши пустѣютъ, источники богатства исчезаютъ отъ невниманія къ драгоценнымъ мелочамъ, которыя надежище и вѣрище блистательныхъ спекуляцій. Дѣды и отцы наши, зная только барыши отъ продажи однихъ сельскихъ произведеній, и, умѣряя свои расходы, прикупляли земли безъ затѣйливыхъ спекуляцій и оставили ихъ дѣтямъ своимъ не только въ цвѣтущемъ состояніи, но и съ значительными капиталами, а мы этого дѣлать не умѣемъ: хотимъ жить широко, и, бѣднѣемъ съ году на годъ! Изъ старинныхъ записокъ видно, что большая часть изъ поселянъ получала за свой медъ и воскъ гораздо болѣе денегъ, нежели за другіе продукты.

Убытокъ выгодъ отъ этой вѣтви сельскаго хозяйства про-

изошелъ отъ различныхъ причинъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ наследниковъ, при водвореніи въ Россіи образованности и шампанскаго, показалось, что они ни о чемъ не должны болѣе заботиться, и знать, кромѣ удовольствій жизни. Лѣса, наполненные пчелами, вдругъ перешли во владѣніе грубыхъ и незнающихъ дѣла барышниковъ. Вырубка лѣсовъ, продажа ихъ купцамъ лѣсныхъ и дровяныхъ дворовъ—вотъ главная причина упадку пчельной промышленности. Въ другихъ мѣстахъ безпорядокъ, жизнь господъ въ столицахъ, убили пчелъ. Извѣстно, что у насъ ни какая отрасль сельскаго хозяйства еще не двигается впередъ, если за нею не имѣеть строгаго надзору самъ хозяинъ. Во многихъ, даже такихъ поземельныхъ владѣніяхъ, гдѣ находилось еще въ началѣ нынѣшняго вѣка множество бортей и ульевъ съ пчелами, едва теперь осталось нѣсколько десятковъ, а въ прочихъ и совсѣмъ ихъ нѣтъ.

Сочинитель статьи, о которой мы упомянули, говоритъ далѣе о малороссійскомъ пчеловодствѣ, что «его невозможно распространить безъ помощи искусства». Такъ примите за искусство! Оно такъ просто! Кому же научить безграмотныхъ поселянъ этому искусству, если не вамъ, образованнымъ и многограмотнымъ людямъ? Этотъ небольшой трудъ тотчасъ вознагражденъ бы тѣмъ, что крестьяне ухаживали бы, какъ должно и за пчелами своихъ господъ и за своими. А первое искусство тутъ—знать, что тѣ изъ поселянъ, которые содержатъ это насѣкомое, дурно приготовляя медъ и воскъ, чрезвычайно много теряютъ во время продажи. Покажите имъ одинъ простой способъ приготовлять эти плоды какъ слѣдуетъ, и вы подарите имъ значительныя суммы наличныхъ денегъ. Втеченіи одного часу легко можно научить всей этой мудрости. Крестьяне охотно послѣдуютъ наукѣ, потому что они понимаютъ свои выгоды, для которыхъ новый трудъ почти не нуженъ.

Можно скоро и безъ издержекъ завести образцовыя пасѣки, а мѣстами и образцовое бортничество, особенно въ странахъ благоприятной для пчеловодства. Наши крестьяне научились бы одною наглядкою улучшеннымъ способамъ ухода за ними. Пусть всякой помѣщикъ позаботится о введеніи

у себя правильного пчеловодства; о пчеловодствѣ у насъ же есть подробныя и полныя книги; модели ульевъ готовы у всѣхъ обществъ сельскаго хозяйства. Зачѣмъ же дѣло стало?... Посвятите одно лѣто этому прибыльному занятію, посвятите два часа втеченіи всякой недѣли, и увѣрю васъ, что этотъ, впрочемъ весьма пріятный трудъ, вскорѣ доставитъ богатые плоды. Чтобы устроить хорошее пчеловодство, не нуженъ капиталъ, котораго у многихъ и нѣтъ. Начинайте съ сотнею рублей. Всякой вамъ скажетъ, что пчелы чрезвычайно скоро множатся. Эта промышленность не требуетъ отъ заводчика высокихъ знаній въ наукахъ, преподаваемыхъ профессорами въ университетахъ. Правду сказать, наука лучше невѣжества предвидитъ результаты отъ предпріятій, но и невѣжество столько мудро что знаетъ пользу денегъ. Въ пчеловодствѣ здравый разумъ и опытъ—вѣрные путеводители. Вотъ доказательство: у насъ есть даже безграмотные крестьяне, которые весьма счастливо, не только размножаютъ пчелъ, но и берегаютъ размноженное племя отъ уроновъ. Если бы наши поселяне умѣли читать, даже и мое покорнѣйшее сочиненіе объ этомъ предметѣ доставило бы имъ нужныя наставленія.

Невѣжество пользуется отъ пчелъ нѣкоторыми выгодами единственно во время благопріятныхъ годовъ, то есть, когда и безъ его содѣйствія пчелы отлично роятся и собираютъ много меду и воску. Но вотъ въ чемъ бѣда. Настанутъ бѣдственные годы, и это добро потеряно по одному незнанію средствъ и способовъ сохраненія. Въ одно хорошее лѣто пасѣнки бываютъ набиты ульями съ пчелами и борти полны, а въ другое—все это опустѣло и въ бортихъ множатся не пчелы, а гадяны. Это извѣстно не только почти всѣмъ русскимъ помѣщикамъ, но и другимъ господамъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ оттого только, что у нихъ нѣтъ никакаго двора, ни села низемли, а охоты врать—продать. Внезапный упадокъ доходовъ отъ пчелъ послѣ нѣсколькихъ жестокихъ зимъ, былъ причиною, что ни помѣщики ни зажиточные землепашцы не стали вновь заводить пчелами, опасаясь когда-нибудь снова потерять ихъ. Научите же этихъ людей средствамъ сбереженія пчель-

ныхъ роевъ отъ гибели въ продолженіи бѣдственныхъ годовъ. Средства эти описаны въ книгахъ людей, посвятившихъ почти всю жизнь этому насѣкомому съ любовью, съ преданностью, и они понятны всякой деревенской хозяйкѣ занимающейся уходомъ за пчѣлкою. Скажите ей, чтобы она запаслась достаточнымъ количествомъ хорошаго меду втеченіи обильнаго лѣта для прокормленія своихъ пчелъ въ такой гола, въ продолженіи котораго онѣ не собираютъ столько сахаристой влаги, сколько нужно даже на собственное ихъ лѣтнее пропитаніе. Пчелы не погибаютъ, когда ихъ кормятъ въ нуждѣ запаснымъ медомъ. Въ природѣ неопытныхъ, сельскихъ хозяевъ есть и тотъ порокъ, что они всегда предсказываютъ себѣ счастливую будущность. Недостатокъ въ деньгахъ на необходимыя издержки, часто заставляетъ ихъ продавать медъ, нужный на кормъ насѣкомаго, въ той надеждѣ, что будущая весна поблагопріятствуетъ цвѣтенію медоносныхъ растеній. А между-тѣмъ эта надежда такъ часто бываетъ обманчива. Много разъ описывалъ я способы и средства, которыми можно сохранить пчелъ въ цѣлости въ продолженіи даже такихъ пагубныхъ годовъ, какіе были мѣстами послѣдніе, и знаю такихъ пчеловодовъ, даже изъ крестьянъ, которые послѣдовавъ моему совѣту, осенью наполнивъ боченокъ отличнымъ медомъ и закупоривъ посуду, спрятали ее хорошенько отъ хищничества бабъ и дѣтей, и когда по минованіи зимы настала тяжкая весна, прокормили имъ голодное насѣкомо, и тѣмъ спасли свои ульи и свои вѣрные доходы. Однимъ словомъ, кто желаетъ размножить и упрочить доходъ отъ пчеловодства, тотъ долженъ всегда держать въ запасѣ нужное количество меду на кормъ. Я не говорю здѣсь о сохраненіи пчелъ отъ зимнихъ холодовъ и другихъ средствахъ и способахъ: объ нихъ можно прочесть въ моихъ книгахъ.

Бесѣдуйте съ вашими мужиками объ этомъ важномъ предметѣ: ваша бесѣда будетъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ. Но помѣщики и управляющіе возразятъ мнѣ:— «Развѣ можно съ нашими бородачами бесѣдовать о пчеловодствѣ? Что они понимаютъ!»—Ну, такъ поймите дѣло сами, и покажите имъ на опытѣ своимъ примѣромъ. Убѣ-

дите ихъ дѣломъ въ вѣрности и удобствахъ, испытанныхъ въ старой Европѣ приемовъ и орудій. Увидѣвъ, что пасѣнки, по вашему способу устроенныя, болѣе доставляютъ хорошихъ роевъ и пчельныхъ произведеній, что рои не погибаютъ во время бѣдственныхъ лѣтъ, что и такъ-называемыхъ *старыхъ пчелъ* не должно убивать, что за вудъ искусно приготовленнаго меду купцы платятъ, на-мѣстѣ, по тридцати рублей и дороже, это дѣло они не только хорошо поймутъ, но и у себя попробуютъ.

Нѣкоторые изъ поземельныхъ владѣльцевъ охотно бы послѣдовали этому нашему совѣту, но, правду сказать, они боятся приступить къ пчеламъ. Не должно входить въ пасѣнку, не обезпечивъ лица маскою, а рукъ шерстяными перчатками. Да развѣ маска много стѣнитъ? Въ пасѣнкѣ проходятъ время пріятно и съ пользою. У иныхъ есть по нѣсколько пасѣнокъ, отъ которыхъ однакожь получается весьма мало доходу единственно по той причинѣ, что нѣженки хозяева никогда не заглядываютъ туда. Примѣру ихъ слѣдуютъ и нѣжные управители. Скажите, можно ли у насъ надѣяться на прибыль отъ мериносовъ, отъ голландскихъ коровъ или отъ другихъ усовершенствованныхъ заведеній, если вы оставите ихъ безъ малѣйшаго съ вашей стороны надзору? Оставьте самое лучше пчеловодство попеченію однихъ старостъ и наемныхъ управителей, — пчелы непременно погибнутъ. Пасѣчники и бортники, узнавъ, что за ними никто не присматриваетъ, не только небрежно ухаживаютъ за чужимъ добромъ, но, кромѣ-того, воруютъ пчельныя произведенія, и частехонько продаютъ, во время ройки, лучше рои на-сторону. Они порознь собираютъ маломушныя рои, чтобы управитель не догадался, что богатые рои продали. Потомъ, во время собиранія меду, они неумѣренно грабятъ пчелъ, чтобы владѣлецъ или управитель не подумалъ, что они часть роевъ уворовали. Маломушныя роики погибаютъ зимою отъ голоду, и вотъ въ одинъ годъ — заведенію конецъ.

Современные наши пчеловоды, не зная способовъ возобновленія старыхъ сотовъ ни въ бортахъ ни въ ульяхъ, непременно убиваютъ и тѣ рои, которые сами они собрали въ ульи, и тѣ, которые добровольно поселились лѣтъ

за пять или за шесть. Пчелы, обитавшія нѣсколько зимъ сряду на однихъ и тѣхъ же сотахъ, умирають по причинамъ, о которыхъ я много говорилъ уже въ моемъ сочиненіи. Какъ же послѣ этого удивляться ничтожной прибыли отъ пчеловодства?

Помѣщики, имѣющіе свои земли въ такихъ областяхъ, гдѣ недавно находилось вдоволь пчелъ, не только у нихъ, но и у крестьянъ, если лично займутся дѣломъ, легко могутъ возвратитъ себѣ этотъ неизсякшій источникъ значительнаго дохода. А если нельзя лично, то, всего лучше, уступить десять процентовъ хорошему пчеловоду и ему ввѣрить исполнѣ эту часть хозяйства.

Управляющіе, кончившіе курсъ сельскихъ наукъ, легко могутъ довести ее до процвѣтанія втеченіи нѣсколькихъ годовъ. Для улучшенія быту крестьянъ, который можно улучшить посредствомъ доходовъ—отъ меду и воску, ввѣнить въ обязанность этимъ управителямъ, чтобы они употребили всѣ мѣры къ распространенію усовершенствованнаго пчеловодства между ними.

Не надобно доказывать, что благосостояніе поземельныхъ владѣльцевъ зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ. Тотъ помѣщикъ долженъ уплачивать даже казенныя подати за нихъ, у котораго они обѣднѣли. Во время дешевизны на хлѣбъ, семейный крестьянинъ часто продаетъ весь сборъ его, чтобы добыть столько денегъ, сколько онъ долженъ внести ихъ на однѣ подати въ казну. При продолжительномъ неурожаѣ на хлѣбъ, мѣстами, часть поселянъ, не имѣющихъ никакого денежнаго запаса, вымерла бы голодною смертію, если бы помѣщикъ не доставилъ ей хлѣба на пропитаніи и на засѣвъ пащни. Извѣстно, что неразсчетливыя поземельныя владѣльцы, или не имѣющіе никакого дохода кромѣ выручки отъ продажи хлѣба, сбывъ его дешево во время урожая, принуждены, въ голодное время, доставать сеудою капиталъ на покупку хлѣба для себя и крестьянъ. Это еще не все. Впродолженіи двадцати пяти годовъ, не только мы, но и наши крестьяне потеряли скоть отъ падежей три раза. Это несчастіе весьма чувствительно для тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ нѣтъ запаснаго капитала на покупки рабочаго скота, какъ для себя такъ и

для своихъ поселенъ. Притомъ земля безъ навозу, всегда плохо производитъ хлѣбныя растенія, а чтобъ имѣть навозъ, нужно содержать скота по-больше. Между-тѣмъ вотъ и теперь свирѣяствуютъ падежи скота. Зараза не выводится. Дальновидные помѣщики, разсчитавъ будущую судьбу свою и своихъ крестьянъ, должны безъ малѣйшаго отлагательства времени, обдумывать такіе источники доходовъ, которые бы доставляли крестьянамъ пособіе въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ самыхъ простыхъ и вѣрныхъ источниковъ—пчеловодство. Какъ же можно пренебрегать имъ!

Кому не извѣстно изъ опыту, что тѣ крестьяне, которые хорошо содержатъ даже малое количество пчельныхъ роевъ въ ульяхъ или въ бортахъ, всегда хорошо уплачиваютъ оброки и казенныя полаты? Кромѣ-того, они вообще никогда не просятъ о пособіи хлѣбомъ, въ случаѣ необыкновенно неурожайныхъ годовъ; они не докучаютъ господамъ просьбами о покупкѣ для нихъ скота даже послѣ ужаснаго падежа. Во время этихъ бѣдствій, пчеловоды, продавъ медъ и воскъ, а въ крайности сбывъ и частицу пчельныхъ семей, покупаютъ на вырученный капиталъ, не только хлѣбъ, но быковъ, коровъ и лошадей. Въ случаѣ застою торговли на другія сельскія произведенія, содержатели этого насѣкомаго, продавъ осенью собранныя пчельные продукты, прибрѣтаютъ на эти деньги сапоги, тулупы, желѣзо, соль и другіе необходимые предметы домашняго обиходу. Остающуюся копѣйку они вносятъ на уплату податей, оброку, платятъ изъ нихъ работникамъ и служителямъ. Впродолженіи лѣтъ, благопріятствующихъ пчеловодству, наши охотники до него, собравъ значительное количество меду и воску, естественно получаютъ отъ ихъ продажи, гораздо большій капиталъ чѣмъ отъ прочихъ своихъ занятій. Удовлетворивъ частью этой суммы первыя потребности своего быту, остальную часть они обращаютъ на покупку лучшей породы скота, на прибрѣтеніе земледѣльческихъ орудій или пчелъ коренной породы непродимыхъ лѣсовъ. Нѣкоторые изъ нихъ накопили даже порядочныя деньги. Помѣщики однако жъ не слѣдуютъ ихъ примѣру, хотя и видятъ его, хотя и убѣждены въ

ого пользы: они мѣтятъ на миллионы отъ новыхъ промышленныхъ, которыя почти никому не удаются. Пчеловоды изъ крестьянъ обыкновенно даютъ деньги и въ займы своимъ сосѣдамъ. Многие откупались у своихъ владѣльцевъ. Какъ не видѣть этого? Какъ не обратить на это вниманія?

Впродолженіи сорокалѣтнаго содержанія пчелъ, я убѣдился въ различныхъ странахъ, не только Россіи но и во всей Европѣ, что тѣ поселеніе—въ цвѣтущемъ состояніи, у которыхъ процвѣтаетъ пчелиная, хоть въ маломъ размѣрѣ, промышленность.

Во время ярмарокъ, особенно въ тѣхъ русскихъ областяхъ, гдѣ изстари существуетъ пчеловодство, всякій можетъ встрѣтить крестьянъ, особенно осенью и въ началѣ весны, продающихъ свой медъ и воскъ, и ихъ окружаютъ множество покупателей. На пчелиныя произведенія никогда не можетъ пресѣчься ни внутренняя, ни внѣшняя торговля; напротивъ, на другіе сельскіе продукты наша часто бываетъ застой впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а медъ и воскъ — никогда. Въ этомъ можно убѣдиться, заглянувъ въ тѣ періодическіе листки, въ которыхъ печатаются у насъ цѣны на сельскіе продукты. Не только въ Малороссіи, но и въ другихъ хлѣбородныхъ нашихъ провинціяхъ, сбытъ хлѣба идетъ плохо, и, во время ярмарокъ, крестьяне-пчеловоды рѣшительно получаютъ болѣе денегъ отъ продажи принесеннаго пѣшкомъ на базаръ воску и меду, нежели ихъ сосѣди за хлѣбъ, доставленный туда же на телегахъ. Скотъ и работники пчеловодовъ-хлѣбопашцевъ отдыхаютъ во время праздниковъ; напротивъ, у тѣхъ, которые не разводятъ пчелъ, они должны втеченіи цѣлой недѣли съ трудомъ взахать землю, а по воскресеньямъ возить громоздія произведенія на рынки для продажи, чтобы купить жальза, соли, дегтю и прочая; измученный скотъ скоро погибаетъ, и если даже цѣна на хлѣбъ случайно повысится, то весь барышъ поглощается прежними убытками, которые нужно прежде всего пополнить.

Изъ старинныхъ записокъ видно, что садовники нашихъ дѣдовъ занимались пчелами, размѣщенными въ са-

доть. Въ чужихъ земляхъ и нынче продолжается это обыкновеніе. Въ нашемъ отечествѣ страсть къ щегольству, къ дорожкамъ, къ клумбамъ, гонять изъ садовъ все полезное: помѣщица и ея дочки вѣчно лежатъ на диванахъ а-ста шаговъ не сдѣлаютъ безъ кареты съ четверкою лошадей и ливрейными лакеями, а садъ для милыхъ прогулокъ превращаютъ имъ непремѣнно—лабиринты подмостены и усажены мшистымъ пескомъ—цвѣты цвѣтутъ какъ въ раю—и никому не приходитъ въ голову, что въ этихъ цвѣтахъ цвѣтетъ и бесполезно отцвѣтаетъ золото: разставьте только улья съ пчелами! Но пчелы..... какъ это можно..... жалеть барышней.... барыня можетъ испугаться... да и что станетъ смотрѣть? У садовника много занятій около деревьевъ. Но садовникъ можетъ подрѣзывать ваши березы утромъ рано: въ это время пчелы не нуждаются въ его услугѣ; слѣдовательно, онъ удобно могъ бы заниматься двумя обязанностями. Въ подольской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ расчетливые люди, напротивъ, развели на первыхъ садахъ въ пѣскахъ и около нихъ. Малороссійяне называють тѣ мѣста *футорами*, или *хуторами*, гдѣ водятся пчелы въ садахъ. Въ нашемъ отечествѣ не было бы фруктовыхъ садовъ, если бы наши вредны не были охотниками до домашняго пчеловодства: яблони, груши и другія деревья, особенно во время ройки, нужны были для снѣжку роевъ, выходящихъ изъ ульевъ; такимъ образомъ развились у насъ встарину тѣ богатые фруктовые сады, которые мы теперь уничтожили и замѣнили березовыми рощицами въ намѣреніи кулямъ.... когда рѣшимся познакомиться съ софя.

Во всей Россійской Имперіи, въ полѣ пчелъ—бѣдна: а въ садахъ и рощахъ часто не увидишь ни одного улья. Въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ щегольство не истребило пѣсокъ близости домовъ, помѣщичыи дѣти бѣгаютъ между ульями и играютъ съ пчелами. Маменьки и бабушки вышиваютъ по канвѣ возлѣ. Видно, боль отъ уязвленія пчелъ не такъ ужасна, какъ представляютъ тѣ кого онѣ никогда не ужалили. Посѣщая пчельникъ извѣстной французской писательницы о пчелахъ, госпожи Chambon, я слышалъ отъ нея, что это насѣкомое снисходительнѣе къ женскому по-

лу, чѣмъ къ мужскому. Несмотря однако жъ на это интересное открытіе, она сопровождала насъ въ свой прекрасный пчельникъ, набитый ульями и цѣвтами, въ костюмѣ турецкой красавицы, у которой только глаза не закрыты покрываломъ. Я старался удостовѣриться въ основательности ея замѣчанія, и убѣдился, что, дѣйствительно, пчелы менѣе преслѣдуютъ и жалятъ тѣхъ женщинъ, которыя не употребляютъ ни духовъ ни винокурнаго вина. Мужчины не нравятся имъ, во-первыхъ, по причинѣ запаха, несноснаго у простолюдиновъ отъ луку и чеснока, во-вторыхъ, по отвращенію къ спиртовымъ парамъ, которые такъ часто вылетаютъ изъ мужскаго дыханія. Я знавалъ достаточныхъ помѣщницъ, которыя страстно любили заниматься пчелами въ своихъ красивыхъ садахъ. Нѣкоторыя получали отъ потѣшныхъ пчелъ столько выгоды, что не требовали отъ мужей денегъ на гардеробъ для себя и для дочерей. Помѣщники съ малымъ состояніемъ должны избрать другую методику образованія своихъ дочерей: бѣднымъ дѣвушкамъ надо бросить французскіе романы и нѣмецкія мечтанія, и вмѣсто «Вѣчнаго Жида» изучать, скорѣе, хорошую книгу о пчеловодствѣ, полюбить этихъ золотыхъ мухъ, за которыми ваши бабушки ухаживали лично, сударыни, не страшась ихъ жала. Богѣе всего занятій около пчелъ во время ройки: она продолжается только три недѣли, отъ осьми часовъ утра, до пяти по полудню и то во время хорошей погоды. Ройка оканчивается передъ сборомъ хлѣба. Въ это время нужно все вниманіе хозяекъ. А впрочемъ, если «Жидъ», такъ вамъ нравится, почему бы не взять «Жида» и не читать его въ пчельникѣ, посматривая отъ времени до времени на ульи, не улетаетъ ли изъ нихъ рой.

Н. ВИТВИЦКІЙ.

V.

КРИТИКА.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ И ЕГО СПОДВИЖНИКИ ВЪ 1812, 1813, 1814 И 1815 ГОДАХЪ. *Военная Галерея Зимняго Дворца. Жизнеописанiя сочинилъ генералъ-лейтенантъ Михайловскаго-Давыдовскаго, бывшаго флигель-адъютанта Государя Императора Александра Павловича. Санктпетербургъ, 1845.*

На каменномъ и неровномъ полѣ текучей литературы, гдѣ теперь учредила свой лагерь Спекуляція и производитъ самыя хитрыя демонстраціи, чтобы заманить читательскіе отряды картинками въ свои глухіе овраги и, разбивъ вражьи толпы скукою, отнять у нихъ казну, аммуницію и обозы, — эта маленькая воинская метафора почтеннѣе относится не къ одной русской текучей литературѣ, а ко всемъ вообще нынѣшнимъ европейскимъ: личной обиды тутъ нѣтъ ни какой, — на такомъ театрѣ дѣйствій, на полѣ неумолкаемой брани между читателями и издателями, великое счастье для бѣдныхъ вѣчно разбиваемыхъ читателей — встрѣтиться съ изданіемъ, достойнымъ похвалы во всѣхъ отношеніяхъ. Читатели могутъ тогда праздновать славную победу надъ Спекуляціей.

Такую, славную, великую, рѣшительную победу намъ, храбрымъ читателямъ, посчастливилось одержать нынче. И это, кажется — первая, съ тѣхъ поръ какъ, не изобрѣтая пороху, стали стрѣлять по

нашъ живописными выпусками. Съ того времени какъ литература вооружилась карандашомъ, мы не помнимъ, чтобы, гдѣ-либо, въ Англии, во Франціи, въ Германіи или въ Россіи, она предприняла изданіе, равное по внутреннему своему достоинству тому, котораго заглавіе выписано въ началѣ этой статьи. Возлѣ превосходныхъ картинъ намъ даютъ еще текстъ, не только превосходный, но даже важный въ историческомъ отношеніи, исполненный новыхъ фактовъ и любопытныхъ, достовѣрныхъ подробностей о самой величественной эпохѣ новѣйшаго времени, — фактовъ и подробностей, которые, безъ этого изданія, были бы потеряны для свѣта. Знаменитый нашъ военный писатель, принявъ на себя трудъ составлять біографіи для предпринятаго господами Межевичемъ и Песоцкимъ изданія литографическимъ процессомъ портретовъ Военной Галереи Зимняго Дворца составляетъ непримѣтно богатѣйшій и единственный въ своемъ родѣ комментарий для прекрасныхъ книгъ, которыя прославили его въ Европѣ. Творенія его, мастерскія описанія войнъ, происходившихъ въ царствованіе Императора Александра Перваго, извѣстны всей читающей русской публикѣ: но, съ этими тетрадами, они пріобрѣтаютъ новый и почти драматическій интересъ. Здѣсь-то читатель знакомится лично съ героями славныхъ войнъ Александра, видитъ воспитаніе, характеръ, способности, службу и дѣйствія каждаго полководца, каждаго начальника отряда, узнаетъ безчисленные и всегда занимательныя подробности событій въ обстоятельствахъ, подвигахъ и приключеніяхъ дѣйствовавшихъ лицъ, присутствуетъ при совѣщаніяхъ и тайныхъ разговорахъ, читаетъ дружескія переписки, живетъ, такъ сказать, среди исторіи, въ обществѣ съ ея семейными тайнами, и получаетъ изъ ея домашняго быту совсѣмъ неожиданныя средства судить объ эпохѣ и ея прошествіяхъ. Авторъ біографій, чтобы оказать эту безцѣнную услугу отече-

ственной исторіи, имѣть въ своемъ распоряженіи неисчерпаемые источники подобныхъ свѣдѣній, — сокровища архивовъ, которые ему открыты, — личное некогда знакомство съ описываемыми лицами, — рассказы ихъ товарищей и еще неумершихъ свидѣтелей, — показанія ихъ семействъ, — дружескія признанія, — частныя переписки, и прочая. Подъ его искусною рукою, все что для читателя исчезало изъ виду въ общей исторіи Отечественной Войны и войнъ, которыя ей предшествовали, все, что въ картинахъ дѣлаго, состоящихъ изъ выбору самыхъ важныхъ и самыхъ разительныхъ чертъ, терялось въ туманной глубинѣ или было только слегка тронуто кистью, все это можетъ выступить на первый планъ и озариться выгоднымъ свѣтомъ въ жизнеописаніяхъ многочисленныхъ предводителей и дѣйствователей. Чтобы показать на примѣръ, какъ умѣетъ знаменитый военный писатель пользоваться выгодами этого обстоятельства, мы извлечемъ нѣсколько мѣстъ изъ тетрадей или «выпусковъ», лежащихъ передъ нами.

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ живописныхъ характеровъ той великой эпохи, которой время стираетъ уже послѣдніе слѣды, Аякъ тѣхъ славныхъ войнъ, это, безспорно, Кульневъ. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ блистательныя качества эпическаго вождя и всѣ трогательныя черты настоящаго героя романа. Сынъ бѣднаго дворянскаго семейства, жившаго въ маленькомъ бѣлорусскомъ городѣ Люцинѣ, Яковъ Петровичъ Кульневъ родился въ годъ вступленія на престолъ Императрицы Екатерины Второй и получилъ воспитаніе въ одномъ изъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ, котораго былъ онъ самымъ блистательнымъ ученикомъ. Тогда уже Аннибалъ сдѣлался для него идеаломъ, возлѣ котораго вскорѣ сталъ Суворовъ. Кульневъ служилъ съ отличіемъ въ походѣ 1794 года противъ Польши и въ первыхъ войнахъ Императора Алек-

сандра Павловича, но служба его шла туго и онъ, съ нетерпѣнія и отчаянія, хотѣлъ уже оставить военное поприще. Наѣздническій духъ его рвался къ подвигамъ, къ чудесамъ храбрости, къ славѣ: все это долго ускользало отъ него. Въ 1807 году, при Гейльсбергѣ, увлеченный своей природною пылкостью, онъ былъ окруженъ непріателемъ, и съ удивительною отвагою пробился сквозь превосходящія силы. Чинъ полковника и орденъ Святой Анны второй степени были наградою за этотъ подвигъ. Кавалеристы начали съ уваженіемъ произносить имя Кульнева. Въ слѣдующемъ же году, при открытіи финляндской кампаніи, онъ получилъ видное мѣсто въ авангардѣ арміи, должность, совершенно соответственную его характеру. Все тутъ совокупилось: открытое поле къ удалству и необходимость въ большой твердости духа и въ готовности на самопожертвованіа; торжества и неудачи; нужды, лишенія, голодъ, стужа, опасности народной войны, безчисленные случаи показать свою бдительность, неутомимость, строгость и человѣколюбіе; все, что только можетъ развить великія достоинства человѣка, подобнаго Кульневу. Три раза прошелъ онъ вдоль всю Финляндію, безпрестанно сражаясь, дважды какъ начальникъ авангарда и разъ, при отступленіи корпуса Тучкова, какъ предводитель его арріергарда. Одинъ изъ первыхъ подвиговъ его, послѣ блистательной стычки, въ которой захватилъ онъ шведскаго начальника главнаго штаба, графа Левенгельма, былъ весьма неудачный: онъ потерялъ, изъ своего небольшого отряда, до трехъ сотъ пятидесяти человѣкъ убитыми и плѣнными, при Сикаіоки, и увидѣлъ себя въ печальной необходимости отступать передъ непріателемъ, котораго силы не уважилъ въ своей отчаянной храбрости. Кульневъ былъ неутѣшенъ, что первая неудача Русскихъ въ Финляндіи будетъ сопряжена съ его именемъ. Но ему же суждено было дать въ послѣдствіи самый счаст-

ливый оборотъ дѣламъ и рѣшить эту войну. Послѣ многихъ превратностей упрной борьбы, явился въ Финляндію графъ Каменскій, съ приказаніемъ — «побѣдить».

«Графъ Каменскій ввѣрилъ авангардъ свой Кульневу, и двинулся изъ Алаво, 19-го августа, намѣреваясь атаковать графа Клингспора въ крѣпкой позиціи его впереди Сальми, у Куортанскаго озера. Подъ начальствомъ Кульнева былъ третій егерскій полкъ, три роты петровскаго, два эскадрона гродненскихъ гусаровъ и казаки. У Кухаламби встрѣтилъ онъ Шведовъ, засѣвшихъ въ редутѣ. Кульневъ повелъ атаку на редутъ пѣхотою съ фронта, и послалъ конницу съ фланговъ, дѣятого чтобы перехватить Шведовъ, когда они побѣгутъ изъ редута. Завидя благоразумныя распоряженія Кульнева, Шведы бросили редутъ, отступили въ Маенпя и выстроились за рѣкою, гдѣ былъ заранѣе построенъ шанецъ. Кульневъ повторилъ прежній маневръ, и готовясь атаковать шанецъ съ фронта, послалъ часть отряда въ обходъ. Шведы побѣжали, преслѣдуемые по пятамъ. Въ пылу погони, Кульневъ вскакалъ на мостъ при Руона, длиною во сто сажень, защищаемый баттарями. Встрѣченный убійственнымъ огнемъ, Кульневъ долженъ былъ возвратиться, и поставилъ авангардъ свой въ виду главной позиціи Графа Клингспора. На другой день, августа 20-го, произошло куортанское сраженіе, достопамятное въ лѣтописяхъ военныхъ необыкновеннымъ упорствомъ и ожесточеніемъ сражавшихся войскъ. Кульневъ былъ здѣсь однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ графа Каменскаго. Всѣ усилія Русскихъ не могли одолѣть Шведовъ, и непріятель остался въ занимаемой имъ позиціи. Ночью, когда бой утихъ, въ глубокой думѣ сидѣлъ Каменскій, и, рѣшаясь отступить, приказывалъ обозамъ выгягиваться на большую дорогу, дабы при отступленіи не мѣшали они войскамъ. Въ эту минуту тяжкаго раздумья юнаго полководца, является къ нему Кульневъ. «Графъ!» восклицаетъ онъ: «Шведы отступаютъ!» Всегда послѣдній предавался сну, Кульневъ объѣхалъ послѣ куортанскаго сраженія передовымъ

цѣпи, погѣрая ихъ, и стали всматриваться въ шведскій лагерь. Замѣтивъ, что огни ихъ разомъ воспламенились, и потому не были одинаково поддерживаемы, онъ подѣхалъ ближе къ шведской цѣпи, и увидѣлъ, что непріятельскіе ведеты стояли рѣже обыкновеннаго и что въ шведскомъ лагерѣ было мало движенія. Опытный взглядъ Кульнева угадалъ отступленіе Шведовъ. Выслушавъ Кульнева, Каменскій, ласковый съ офицерами и солдатами, но горделивый въ обращеніи съ генералами, бросился на шею Кульневу. Здѣсь была самая великая заслуга Кульнева во всемъ его боевомъ поприщѣ, и Каменскій оцѣнилъ ее вполнѣ. Если бы Кульневъ не отгадалъ отступленія Шведовъ, Каменскій, вѣроятно, пошелъ бы назадъ, графъ Клингспоръ занялъ бы по-прежнему неприступную куортанскую позицію, и куортанское сраженіе, давшее всей финляндской войнѣ другой оборотъ, составившее основу завоеванія Финляндіи, было бы провозглашено Шведами побѣдою, и потребовались бы новыя, великія усилія Россіи, чтобы одолѣть Шведовъ.

«Каменскій приказалъ Кульневу удостовѣриться въ дѣйствительности отступленія графа Клингспора. Повелѣніе было исполнено немедленно. Посланные Кульневымъ въ бродъ по озеру казаки донесли, что куортанскій лагерь пустъ и нѣтъ въ немъ ни одного Шведа. Поспѣшно починили сожженный непріателемъ, 19-го августа, мостъ, и Кульневъ пошелъ впереди корпуса Каменскаго, догоняя непріателя. Онъ настигъ шведскій арріергардъ близъ Сальми, три часа бесплодно нападалъ на него, и наконецъ, дружнымъ напоромъ штыками сбилъ Шведовъ съ позиціи, и гналъ ихъ десять верстъ. Графъ Клингспоръ отступилъ къ Оравайсу, неослабно тѣснимый Кульневымъ. Сблизясь къ непріятельской позиціи, считаемой Шведами неодолимою, графъ Каменскій приказалъ Кульневу, не завязывать боя, желая дать войску отдыхъ. Но нетерпѣливый Кульневъ завязалъ дѣло съ Шведами, сбилъ передовые посты ихъ, и преслѣдовалъ ихъ до позиціи. Видя съ высоты малолѣтство отряда Кульнева, графъ Клингспоръ далъ ему приблизиться, и вдругъ двинулся колоннама впередъ. Здѣсь увидѣлъ Кульневъ свою ошибку, и на-

часть несмѣливо отступать, живо тѣснимый Шведами и Финнами, непоколебимыми воздухъ побѣдными восклицаніями. Дѣйствительно, побѣда принадлежала имъ, но они санишномъ равно враздновали ее. Явился Каменскій со всѣмъ корпусомъ, и двинулся на Шведовъ. Была рѣзня, а не битва. Не довольствуясь отраженіемъ Шведовъ, Каменскій атаковалъ и взялъ ихъ неприступную позицію. Расположась ночевать на полѣ оравайской битвы, и желая дать Кульневу случай заглазить сдѣланную поутру ошибку, Каменскій послалъ его преслѣдовать непріятеля, и не онускать его изъ виду. Послѣ побѣды полководецъ всегда бываетъ расположенъ къ снисхожденію: и могъ ли Каменскій, восторжествовавъ подъ Оравайсомъ, досадовать на того, кому одолженъ былъ великими слѣдствіями куортанской битвы? Каменскій намѣренъ былъ представить Кульнева къ наградѣ генераль-маіорскимъ чиномъ. Кульневъ показалъ безкорыстіе неожиданное: онъ просилъ замѣнить чинъ генеральскій денежною наградою. Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія третьяго класса и пять тысячъ рублей. Кульневъ не оставилъ себѣ ни копейки: онъ отослалъ всѣ пять тысячъ рублей бѣдной матери. Извѣщая брата своего о щедротахъ Александра, Кульневъ писалъ ему: «За Богомъ молитва, за Государемъ служба не пропадаетъ! Какая служба была счастіи моему? Теперь все переимѣнилось, и я довольнѣйшій изъ смертныхъ своею участію. Лучше быть сноснѣе награждену по заслугамъ, чѣмъ много безъ всякихъ заслугъ. Съ какимъ вельможей, носящаго Владѣнскіа перваго класса, поравняю я моего четвертаго съ «баштомъ?»»

Послѣ-того наступилъ рядъ менѣе значительныхъ побѣдъ, который кончился изгнаніемъ шведскихъ войскъ изъ всей Финляндіи и гдѣ Кульневъ ежедневно находилъ случаи увѣнчать неожиданными успѣхами свою неукротимую храбрость. Но война еще не была кончена. Чтобы принудить Швецію къ окончательному миру, Императоръ Александръ рѣшилъ перенести войну въ нѣдра ея.

«Багратиону указана была дорога въ Стокгольмъ, черезъ Аландскіе Острова, пока союзница Русскихъ, сѣверная зима, покрывала ледянымъ мостомъ пространство Балтійскаго Моря отъ Финляндіи до Швеціи. Въ концѣ февраля 1809 года, семнадцатитысячный корпусъ Багратиона собрался между Або и Ништадомъ, и 26-го двинулся на островъ Кумлингъ, мѣсто начала похода. Здѣсь раздѣлилось все русское войско на пять колоннъ, и, пока четыре колонны съ Багратиономъ двигались прямо на Аландъ, пятая, графа Строганова, обходила Аландскіе Острова съ юга, дабы перерѣзать отступленіе Шведовъ. Авангардъ ея, составленный изъ гродненскихъ гусаровъ, донцовъ, уральцовъ и лейбъ-казаковъ, велъ Кульневъ. Шведы уходили безъ бою, и всѣ затрудненія похода составляли тяжкіе переходы по взгроможденнымъ глыбамъ льду, черезъ груды снѣгу и полыньи. Войско оставалось въ снѣжныхъ сугробахъ, и кочевало на покрытомъ льдами морѣ. «Съ нами Богъ! Я передъ вами, а князь Багратионъ за нами! На маршъ быть бодрымъ и веселымъ. Уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ. По прибытіи на бивакъ, чарка водки, кашница съ мясомъ, «ложе изъ ельника и спокойная ночь!» Таковы были приказы, отданные Кульневымъ при выступленіи съ финляндскихъ береговъ. Похода Русскихъ не остановилъ шведскій начальникъ Аландскихъ Острововъ извѣстіемъ о переѣнѣ правительства въ Швеціи, желаніи его мириться, и о томъ, что онъ посылаетъ къ главнокомандующему русскими войсками въ Финляндіи съ предложеніемъ мира. Посланнаго пропустили въ нашу главную квартиру, и продолжали идти впередъ. Слѣдуя въ головѣ колонны Строганова, забирая пушки и пѣнныхъ, Кульневъ настигъ арріергардъ Шведовъ, которые, сосредоточась въ Эккери, крайнемъ западномъ пунктѣ Аландскихъ Острововъ, поспѣшно пустились черезъ Аландскаго къ шведскимъ берегамъ. У островка Сигналскера догналъ арріергардъ ихъ Кульневъ, захватилъ съ бою двѣ пушки и сто сорокъ четыре пѣнныхъ, и принудилъ шведскаго полковника Энгельбрехтена положить оружіе, съ четырнадцатью офицерами и четыреста сорока двумя человекъ»

ни нижнихъ чиновъ. Бросая ружья, фуры, пороховые ящики, остальные войска непріятельскія спаслись на шведскій берегъ. Остановя слѣдованіе Багратіонова корпуса на Аландскихъ Островахъ, главнокомандующій положилъ послать только конный отрядъ черезъ Аландсгаафъ на шведскій берегъ. Отрядъ этотъ, составленный изъ трехъ эскадроновъ гродненскихъ гусаровъ, лейбъ-уральской сотни, и четырехъ сотъ донцовъ, поручили Кульневу. Ночью собралъ онъ войско у рыбацкихъ хижинъ Сигналскера, и говорилъ въ приказъ: «Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Эти волны истинная награда наша, честь и слава безсмертная! Море не страшно тому, кто уповаетъ на Бога! Отдыхайте, товарищи!» Ночью выступилъ Кульневъ, шелъ осемь часовъ по слѣдамъ Шведовъ, черезъ ледяныя громады Аландсгаафа, и ура, раздалось въ рядахъ его отряда, когда затесили дикіе утесы шведскихъ береговъ. Изумленные береговые отряды Шведовъ не вѣрили глазамъ своимъ, видя гарцованье казаковъ по льду морскому. Шведскіе егеря встрѣтили Кульнева за версту отъ берега. Съ обыкновенными его словами «Съ нами Богъ!» гусары атаковали Шведовъ съ фронта; казаки бросились съ фланговъ и понеслись въ тылъ непріятелю. Шведы были сняты, бѣжали, оставили плѣнными осемьдесятъ шесть человекъ и отстрѣливались изъ-за береговыхъ утесовъ и деревьевъ. Кульневъ спѣшилъ уральцовъ, и послалъ ихъ перестрѣливаться, выстроилъ на льду спѣшенныхъ гусаровъ, и требовалъ сдачи прибрежнаго мѣстечка Гриссельгама, увѣряя, что сопротивленіе бесполезно, потому что сильный корпусъ русскій идетъ на Нортель, ближе къ Стокгольму. Довѣряя словамъ Кульнева, Шведы прекратили бой, уступили мѣстечко, и Кульневъ извѣстилъ о томъ Багратіона слѣдующими словами: «Благодареніе Богу, честь и слава російскаго воинства на берегахъ Швеціи! Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю—Тебе, «Бога, хвалимъ! На морѣ мнѣ дорога открыта, и я остаюсь здѣсь до вашихъ повелѣній.»

«Отъ Гриссельгама до Стокгольма разстояніе менѣе ста верстъ. Появленіе русскихъ войскъ потревожило всѣхъ

прибрежныхъ жителей окрестныхъ мѣстъ. Смятеніе разпространилось въ Стокгольмѣ. Отсюда сбѣгались туда трепещущіе жители окрестныхъ мѣстъ.

«Кульневъ оставался на шведскомъ берегу два дня, пока получилъ извѣщеніе главнокомандующаго о заключеніи перемирія, и приказаніе итти обратно.»

Чинъ генералъ-маіора и анноескую ленту заслужилъ онъ этими удивительными примѣрами неустрашимости, которую можно было сравнить съ его благородствомъ души, челоѡколюбіемъ къ обезоруженному врагу и рыцарскою защитою правъ мирныхъ жителей. Графъ Каменскій, который столько обязанъ былъ Кульневу, желалъ имѣть его подъ своимъ начальствомъ въ турецкой войнѣ, продолжавшейся уже три года безъ рѣшительныхъ успѣховъ. Кульневъ и тутъ, сражаясь съ знаменитою оттоманскою кавалеріей, показалъ себя превосходнымъ наѡзникомъ, и, хотя дѣла войны не подвигались, вопреки надеждъ на высокія способности графа Каменскаго, прославившагося финляндскою кампаніей, каждый шагъ неустрашимаго сподвижника его былъ ознаменованъ блистательнымъ частнымъ успѣхомъ, до нападенія на батинскіе турецкіе лагери. Послѣ взятія одного изъ меньшихъ лагерей, гдѣ Кульневъ оказалъ отличныя заслуги, Каменскому 1-му, брату главнокомандующаго, поручено было атаковать большой непріятельскій лагерь съ фронта, а Кульневу съ тылу. Нападеніе Каменскаго было неудачно, а отъ Кульнева главнокомандующій получилъ непріятный отвѣтъ, что, по крутости возвышенія нѣтъ ни какой возможности исполнить повелѣніе. Приказаніе было строго повторено. Кульневъ послалъ тотъ же отвѣтъ. Графъ Каменскій прискакалъ самъ, и приказывалъ Кульневу непременно итти на большой лагерь, угрожая арестомъ за непослушаніе. Кульневъ снялъ съ себя саблю, бросилъ ее наземъ и увкалъ съ поля сраженія. Графъ Каменскій извинилъ эту извин-

ного всмьльчивость стараго сослуживца, который, по его же представленію, получилъ за подвиги свои при взятіи меньшаго лагеря золотую саблю съ алмазами и надписью «за храбрость»; но Кульневъ скоро оставилъ дунайскую армію, и въ 1811 году назначень былъ шефомъ гродненскаго гусарскаго полка, расположеннаго на его родинѣ, въ витебской губерніи. Къ счастью, для дѣятельности Кульнева, который безъ военнаго шума чувствовалъ себя несчастнымъ, дотого что, однажды, писалъ къ брату своему—«Люблю матушку-Россію за то, что у ней всегда дерутся!» — къ счастью для него, наступалъ 1812 годъ. Онъ восторженно готовился сражаться за отечество, предвидѣлъ обширное поле для своей славы, но, въ то же время, грустное предчувствіе говорило ему, что вскорѣ найдетъ онъ на немъ свою погибель. Онъ сдѣлался задумчивымъ. Несмотря на это, онъ шелъ смѣло. До начала 1812 года скончалась старушка мать его, которую онъ такъ нѣжно любилъ. Братъ его жилъ съ семействомъ въ Люцинѣ. Кульневъ, получивъ до открытія войны аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую тысячу рублей доходу, отдалъ ее въ приданое малолѣтней своей племянницѣ. Онъ не хотѣлъ ничего оставлять себѣ. «Я паду отъ меча неприятельскаго, писалъ онъ брату, но паду славно.... Герой, служащій отечеству, никогда не умираетъ, и оживаетъ въ потомствѣ».

При вторженіи Наполеона, Кульневъ получилъ начальство надъ арріергардомъ отступающаго къ Двинѣ корпуса Витгенштейна, и, въ числѣ чудесъ, которыя повсюду суждены были его бурной отвагѣ, совершилъ одно, истинно рѣдкое, быть-можетъ недостаточно оцененное по своимъ послѣдствіямъ: съ горстью удалцовъ онъ остановилъ на нѣсколько сутокъ всю великую армію Наполеона, озадачивъ его самого. •

«Какъ ни быстро преслѣдовалъ маршалъ Удино, корпусъ графа Витгенштейна въ порядкѣ перешелъ за Свенту, и въ Вилкомирѣ остался только Кульневъ съ аррьергардою, когда явился туда Удино. Кульневъ защищался здѣсь около осьми часовъ, уничтожилъ мостъ, и послѣдовалъ за корпусомъ черезъ Солокъ и Динабургъ. Когда русская армія заняла Дрисскій Лагерь, на лѣвомъ берегу Двины, между Дриссою и Покаевцами, корпусъ графа Витгенштейна сталъ на правомъ берегу Двины. Юля втораго русская армія выступила изъ Дрисскаго Лагера. Кульневъ посланъ былъ на лѣвый берегъ, развѣдывать о движеніи непріятеля, съ приказаніемъ, при сильномъ наступленіи непріятельскомъ, перейти за Двину въ Друѣ и сжечь тамъ мостъ. Съ нимъ были двадцать-третій и двадцать-пятый егерскіе, гродненскій гусарскій, казачій Платова четвертаго полки, и рота легкой артиллеріи.

«Переправясь за Двину, Кульневъ послалъ впередъ подполковника Ридигера, нынѣ генералъ-отъ-кавалеріи, съ гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, и слѣдовалъ за нимъ съ отрядомъ. Разсыпая въ разныя стороны патрули, Ридигеръ узналъ отъ нихъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ стоялъ французскій отрядъ. Принявъ всѣ мѣры осторожности, Ридигеръ приблизился къ этому отряду, состоявшему изъ французскаго одиннадцатаго конно-егерскаго и польскаго десятаго гусарскаго полковъ, и ударилъ на него въ-расплохъ. Успѣхъ былъ совершенный, при чемъ захвачены въ плѣнъ генералъ Сенъ-Жени (Saint-Geniest), и до двухъ сотъ рядовыхъ. Кромѣ-того непріятель потерялъ до трехъ сотъ убитыми и ранеными. Русскихъ убито было двѣнадцать, ранено шесть офицеровъ и пятьдесятъ семь рядовыхъ. Собравъ свѣдѣнія о непріятельскихъ войскахъ, Кульневъ переправился опять за Двину, и, донося о бывшемъ въ отрядѣ его счастливомъ дѣлѣ, не приписалъ успѣха себѣ, говоря въ донесеніи: «Если заслуживаю какое-либо воздаяніе, то прошу, за особую милость, наградить Ридигера вмѣсто меня».

«Сшибка эта была замѣчательна тѣмъ, что удостовѣрила въ движеніи Наполеона изъ Вильны. Услышавъ о на-

паденіи Русскихъ на отрядъ генерала Сень-Жени, Наполеонъ сомнѣвался, не были ли атакующія войска авангардомъ, за которымъ идетъ вся русская армія. Онъ велѣлъ остановиться корпусамъ, пришедшимъ въ Свенцяны, а другимъ сосредоточиваться тамъ, намѣреваясь ожидать Русскихъ у Свенцянь. Прибывши сюда изъ Вильны, іюля пятого, онъ убѣдился, что русскій отрядъ дѣйствовалъ отдѣльно, и поспѣшилъ дальнѣйшимъ походомъ. Вѣсть объ удачѣ Кульнева, первомъ значительномъ тогда дѣлѣ Русскихъ, и плѣнѣ перваго захваченнаго Русскими французскаго генерала, передала имя Кульнева всей Россіи. На Сень-Жени, привезеннаго въ Москву, народъ сбѣгался смотрѣть какъ на диво.

«Удинъ и графъ Витгенштейнъ отдѣлились, одинъ отъ французской, другой отъ русской главной арміи. Одному предписано идти въ сѣверныя области и Петербургъ; другому защищать сѣверную столицу Россіи. Витгенштейнъ остался на своемъ мѣстѣ близъ Двины, когда Удинъ занялъ Полоцкъ, іюля четырнадцатаго, и потянулся по петербургской дорогѣ на Сѣбежъ. Желая развѣдать о движеніяхъ непріятеля, графъ Витгенштейнъ отрядилъ за Двину Кульнева, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ осьми эскадроновъ, четырехъ батальоновъ, и одного казачьяго полка, всего четыре тысячи триста тридцать пять человекъ, съ полутора ротой артиллеріи. Іюля тринадцатаго Кульневъ развѣдалъ нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ, истребилъ обозъ, взялъ въ плѣнъ четыреста тридцать два человека, и что было всего важнѣе, отъ одного изъ плѣнныхъ, офицера генеральнаго штаба, удостовѣрился о направленіи Удинъ на Сѣбежъ.

«Это важное извѣстіе рѣшило графа Витгенштейна идти на встрѣчу маршалу Удинъ. Іюня семнадцатаго, графъ Витгенштейнъ приказалъ Кульневу возвратиться на правый берегъ Двины, поручилъ ему авангардъ свой, и двинулся къ Клястицамъ. Не доходя трехъ верстъ до сего селенія, Кульневъ встрѣтилъ непріятелей, занимавшихъ мызу Якубово, атаковалъ и прогналъ ихъ. Маршалъ Удинъ подкрѣпилъ отступавшія войска свои, и они отгѣснили Кульнева. Получивъ въ свою очередь успленіе, Куль-

невъ двинулся впередъ и выгналъ Французовъ изъ лѣсу впереди Яубова, но остановился, получивъ повелѣніе графа Витгенштейна не идти далѣе. На другой день, іюли девятнадцатаго, данъ клястицкій бой. Послѣ дѣятельнаго участія въ сей достопамятной битвѣ, Кульневъ посланъ былъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля. У него находились гродненскій гусарскій и амбургскій драгунскій полки, часть рижскаго драгунскаго, сводный гренадерскій батальонъ и отрядъ казаковъ. Генералъ-маіоръ Сазоновъ шелъ за нимъ, съ четырьмя пѣхотными полками и батарейною ротою. Преслѣдованіе было живо; Русскіе захватили почти весь обозъ непріятельскій и девять сотъ плѣнныхъ.

«Удино, не останавливаясь, перешелъ ночью за Дриссу, и занялъ позицію у деревни Обоярщины. Бригада Корбинъ составляла авангардъ его. Графъ Витгенштейнъ приказалъ Кульневу производить преслѣдованіе отнюдь не далѣе Дриссы. Увлеченный пылкостью дѣйствія, Кульневъ перешелъ за сію рѣку, и двадцатаго іюля, на разсвѣтѣ, въ дождливое, туманное утро, началъ на Корбинъ, опрокинулъ его, но въ жару боя и туманѣ не замѣтилъ, что всѣ силы Удино отсюду двинулись на него. Увидя передъ собою многочисленнаго непріятеля, Кульневъ потребовалъ подкрѣпленія отъ Сазонова, и получивъ шесть орудій и тульскій пѣхотный полкъ, повелъ снова атаку; но встрѣченный сильнымъ огнемъ артиллеріи и обойденный съ фланговъ, былъ опрокинутъ, потерялъ девять орудій, и въ безпорядкѣ принужденъ отступать за Дриссу. Завѣсь хотѣлъ онъ остановить стремленіе непріятеля; лично водилъ гродненскихъ гусаровъ въ атаку, но усилія его были бесполезны. Сила лопала все. При невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, Кульневъ спѣшилъ перевести отрядъ на правый берегъ Дриссы, привелъ его въ порядокъ и продолжалъ отступленіе. Претерѣнная неудача сильно поразила его. Онъ сошелъ съ лошади, и, молча, слѣдовалъ за отрядомъ, когда французское ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ. Онъ упалъ и испустилъ духъ, не произнося ни слова».

Кульневу досталась честь, первому изъ русскихъ генераловъ пасть за Россію и Царя въ достопамятной Отечественной Войнѣ. Въ Москвѣ вѣсть объ этомъ событіи произвела самое грустное впечатлѣніе. Когда въ театрѣ смерть героя возвѣщена была печальнымъ гимномъ, зрители затрепетали. Въ арміи это извѣстіе возбудило общую горестъ. Кульневъ погибъ на сорокъ-девятомъ году жизни. Немного людей, подобныхъ ему нравственными качествами, рыцарскими подвигами и даже физическою красотою, могутъ показать военныя лѣтописи всѣхъ народовъ.

«Онъ былъ ростомъ двухъ аршинъ десять вершковъ, сухощавъ и нѣсколько сутуловатъ. Темно-русые волосы его рано пробила сѣдина; смуглое лицо, большой носъ, черные глаза, подъ нависшими бровями, огромные бакенбарды, и длинныя висѣвшіе усы, придавали ему видъ угрюмый. Въ обществѣ онъ бывалъ задумчивъ и молчаливъ. Горе и нужда рано познакомились съ нимъ. Недостаточное состояніе заставило, сперва по-неволѣ, быть не прихотливымъ. Потомъ онъ привыкъ къ умеренности; носилъ мундиръ изъ солдатскаго сукна, ѣлъ самую простую пищу, не любилъ шумнаго разгуля и пирушекъ, хотя онъ бывали тогда въ обыкновеніи, особенно въ гусарскихъ полкахъ; часто и самъ стряпалъ себѣ свое солдатское кушанье. Но подъ суровою оболочкою, друзья и товарищи находили въ Кульневѣ умъ, образованность, горячее сердце. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій и французскій языки. Исторія и особенно хронологія, были его любимымъ знаніемъ. Разговоръ его былъ оживленъ оригинальнымъ умомъ, который отзывался во всѣхъ его письмахъ и приказахъ. Глубоко религіозный, онъ пламенно любилъ Россію и Царя. Его мать была имъ обожаема, и онъ ничего не щадилъ для ея спокойствія. Съ перваго офицерскаго чина, онъ всегда отдавалъ ей треть своего жалованья, и мы уже упоминали, какъ за подвигъ въ Финляндіи просилъ онъ денегъ, и матери отдалъ ихъ, радуясь, что тѣмъ обезпечалъ ея старость. Ничего не жалѣлъ онъ и для родныхъ,

а бѣдному готовъ былъ отдать послѣдній грошъ. Безкорыстіе было однимъ изъ отличительныхъ свойствъ его. Въ одномъ письмѣ къ брату, между прочимъ, писалъ онъ: «Je me plais dans la grandeur de la pauvreté romaine!» (Мнѣ отрадно въ величій римской нищеты.) Товарищи всегда находили въ Кульневѣ радушіе, видѣли привѣтливое хлѣбосольство за солдатскимъ обѣдомъ его. «Живу по донъ-кихотски», говорилъ онъ: «странствующимъ Рыцаремъ Печальнаго Образа, безъ кола и двора, но милости прошу «пожаловать: голь хитра на выдумки; попотчиваю васъ «собственнымъ стряпаньемъ, чѣмъ Богъ послалъ!» Ласковій съ подчиненными, онъ былъ строгъ и неумолимъ по службѣ, не только за небрежность, или незнаніе службы, но даже за ошибку неумышленную, «потому что», говорилъ онъ: «въ военномъ дѣлѣ всякая ошибка гибельна, «отъ чего бы она ни происходила».

«Таковъ былъ Кульневъ въ мирное время; но, въ военное, онъ перераждался, оживалъ, былъ веселъ, шутиль, разговорчивъ, и тѣмъ веселѣе, чѣмъ болѣе было опасности. Свистъ пуль и ура приводили его въ восторгъ. Онъ забывалъ себя, и мы видѣли доказательства того въ неосторожномъ налетѣ его подъ Сикаіоки, преждевременномъ началѣ оравайской битвы, и въ самомъ бою подъ Обоярщиною. Но не будемъ строги. За излишнюю отвагу, онъ заплатилъ жизнью. Когда стихалъ бой, Кульневъ становился по-прежнему хладнокровнымъ, и, всегда начальствуя авангардомъ при наступленіи, арріергардомъ при отступленіи, не сходилъ съ коня днемъ, не снималъ сабли ночью, при первомъ выстрѣлѣ являлся въ передовой цѣпи. «Не сплю для того, чтобы другіе изъ-за меня спали спокойно», говорилъ онъ. Такой же бдительности требовалъ онъ отъ подчиненнаго, и горе бывало тому, кто показывалъ небрежность, или лѣность. Но въ истинное бѣшенство приводили Кульнева замѣченное малодушіе въ бою и обиды мирныхъ жителей. Солдатъ-грабитель казался ему недостойнымъ чести носить мундиръ. Раненые и плѣнные непріатели, послѣ бою, видѣли услугу, привѣтъ, дружбу Кульнева. Въ схваткѣ на льду Ботническаго Озера, съ люландскими драгунами, близъ Калаіоки, онъ своими ру-

ками вырвалъ у разъяренныхъ гродненскихъ гусаровъ раненаго шведскаго генерала Левенгельма, и обнялъ его, какъ друга. Никогда потомъ Левенгельмъ не могъ говорить о Кульневѣ безъ восторгу. Сенъ-Жени, утѣшенный, обласканный Кульневымъ, не могъ забыть его, и прослевался, услышавъ объ его смерти. Поступки Кульнева съ жителями Финляндіи такъ прославили имя его, что когда пріѣхавъ въ Або, послѣ похода въ сѣверную Финляндію, явился онъ на балъ къ Багратіону, всѣ бывшіе тамъ Финны пошли къ нему на встрѣчу, окружили его, изъявляли ему свою благодарность въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Ненасытимый кровью въ битвѣ, Кульневъ не могъ безъ чувства смотрѣть на страданія, не только ближняго, но даже животнаго, и безъ содроганія видѣть, какъ рѣжутъ цыпленка. Память Кульнева много лѣтъ сохранялась во всей Финляндіи. Въ немъ чтли война храбрости необычайной, и покровителя, истиннаго отца безоружныхъ жителей. «Самою лестною наградою считалъ Кульневъ сдѣланный ему Императоромъ Александромъ привѣтъ въ Або: «Благодарю тебя за службу», сказалъ «ему Благословенный Монархъ: «но еще больше благодарю за попеченіе о жителяхъ. Знаю все, что ты дѣлалъ для «нихъ. Благодарю тебя!» Кульневъ не могъ удержаться, и слезы радости канули на усы его».

Все это—чистое историческое золото, не говоря уже о достоинствахъ умнаго и искуснаго изложенія и о той могущественной занимательности, которую самые предметы представляютъ отечественному читателю, воспламеняющемуся при такихъ драгоценныхъ воспоминаніяхъ святымъ огнемъ любви къ славной родинѣ и удивленія ея доблестнымъ сынамъ. Другія тетради оживлены другаго роду интересомъ, который разнообразится до безконечности по мѣрѣ выступленія на оцену новыхъ лицъ и новыхъ характеровъ. Нѣкоторыя даже пріобрѣтаютъ высокую историческую важность разоблаченіемъ мало извѣстныхъ причинъ или обстоятельствъ великихъ событій. Въ жизнеописаніи

Кульнева говорилось мимоходомъ о неожиданномъ оставленіи русскою арміею укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, который заранѣе былъ приготовленъ съ большими издержками и еще большими надеждами на его пользу. Эта внезапная переменъ въ планѣ дѣйствій всегда оставалась загадочною, и даже самая исторія войны 1812 года, которою мы обязаны автору жизнеописаній, не совершенно объясняла ее. Вотъ подробности этого происшествія, которыя мы находимъ въ тетради, посвященной біографіи Мишю-де-Боретура, піемонтскаго офицера по инженерной части, перешедшаго въ русскую службу еще во время нашихъ италіянскихъ походовъ, впоследствии генераль-лейтенанта и графа. Здѣсь же читатель встрѣчаетъ еще важныя поясненія на другое событіе, бывшее предметомъ продолжительныхъ споровъ между историками: мы говоримъ о пожарѣ Москвы.

«Насталъ 1812 годъ. Переведенный въ первую Западную Армію, полковникъ Мишю прибылъ къ ней во время ея отступленія отъ Вильны къ укрѣпленному лагерю при Дриссѣ, гдѣ эта армія должна была ожидать Вторую. Лагерь подъ Дриссою далеко не удовлетворялъ своему назначенію. Редуты недостаточно способствовали взаимной оборонѣ. На лѣвомъ крылѣ препятствовалъ огню артиллеріи лѣсъ, за которымъ непріятель могъ скрывать свои движенія. Пространство между редутами было не довольно обширно, и во время дѣйствія могло затруднять передвиженія войскъ. Мѣстныя укрѣпленія были слишкомъ тѣсны; профили ихъ, и вообще все укрѣпленія, слабы; спуски къ четыремъ мостамъ, устроеннымъ на Двинѣ, столь круты, что орудія и повозки надлежало спускать на рукахъ. Мишю осмотрѣлъ лагерь наканунѣ прибытія туда Императора Александра, ужаснулся и рѣшился сказать правду Государю. Никогда до тѣхъ поръ Мишю не видавъ Благословеннаго Монарха, по представленіи ему начальникомъ своимъ, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, онъ откровенно изложилъ замѣчанія свои. Милостиво выслу-

шавъ доводы Мишѣ, Императоръ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ осматривать лагерь, и лично убѣдился въ недостаткахъ, велѣлъ позвать къ себѣ принца Георгія Ольденбургскаго, графа Аракчесва, Барклая де-Толли, князя Волконскаго и Флигель-адъютанта Вольцогена. Въ присутствіи сихъ лицъ долженъ былъ Мишѣ повторить свои замѣчанія. Возраженій не было. Удостоверясь въ основательности доводовъ Мишѣ, Государь рѣшился оставить лагерь, когда приблизится непріятель, и потомъ, смотря по движеніямъ Наполеона, взять какое-нибудь другое направленіе, сближающее Первую армію со Второю, которая была въ то время на маршѣ изъ Несвижа въ Бобруйскъ. Оцѣнивъ великую услугу Мишѣ, наканунѣ своего отъѣзда изъ лагеря при Дриссѣ, Императоръ Александръ поручилъ Флигель-адъютанту Чернышеву, нынѣшнему военному министру, полковнику Эйхену, нынѣ члену генераль-аудиторіата, и Мишѣ, ѣхать въ Москву и отыскать въ окрестностяхъ ея мѣста, удобныя для укрѣпленныхъ лагерей. Лагери сіи, прикрывая первопрестольную столицу Россіи, въ то же время должны были служить мѣстами, способными для соединенія магазпновъ, артиллеріи, военной аммуниціи, рекрутовъ, и составлять опору арміи. «Можетъ быть, сказалъ Государь, обращаясь къ Мишѣ: не будете вы имѣть времени приготовить лагерь надлежащимъ образомъ близъ Москвы; тогда поѣзжайте на Волгу, поѣзжайте дальше. Если судьба захочетъ испытать мою твердость, то у меня останется еще много способовъ и пространства, и я могу далеко завести непріятеля». Въ половинѣ іюля, Императоръ посѣтилъ Москву. Здѣсь явился къ нему Чернышевъ, Мишѣ и Эйхенъ. Они объѣхали пространство между Клиномъ, Воскресенскомъ и Звѣнгородомъ, но не нашли нигдѣ выгодной позиціи. Наименѣе неудобною показалась имъ позиція въ трехъ верстахъ отъ Клина, подлѣ петербургской дороги, на рѣкѣ Сестрѣ, у деревни Мальшиной, но и та покрыта была частымъ кустарникомъ. Они намѣревались ѣхать къ Серпухову, но, узнавъ о прибытіи Государя въ Москву, почли долгомъ представиться ему. Изъ донесеній ихъ Монархъ усмотрѣлъ, что для укрѣпленія избраннаго на Сестрѣ мѣста требовалось не менѣе четы-

рехъ или пяти мѣсяцевъ, а какъ втеченіи этого времени, судя по быстрому стремленію непріятелей внутрь Россіи, театръ войны могъ быть перенесенъ къ самой Москвѣ, то прежнее намѣреніе устроить лагери въ ея окрестностяхъ было отмѣнено. Императоръ приказалъ Мишѣ ѣхать на берега Волги и тамъ построить лагерь, который, прикрывая Нижній-Новгородъ и Казань, могъ бы вмѣстѣ въ себя сто тысячъ ополченія, составлявшася въ низовыхъ губерніяхъ. Флигель-адъютантъ Чернышевъ долженъ былъ ѣхать съ Государемъ, намѣрившимся посѣтить Финляндію, для свиданія съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, и потому Мишѣ отправился въ путь съ однимъ полковникомъ Эйхеномъ. Они обозрѣли мѣста, посѣтили берега Волги и Оки, и Мишѣ поѣхалъ съ отчетомъ о своей поѣздкѣ, въ Петербургъ, куда прибылъ на другой день по возвращеніи Императора изъ Або. Государь, выслушавъ Мишѣ, велѣлъ ему немедленно спѣшить въ армию, для сообщенія Кутузову послѣдствій сдѣланнаго имъ на берегахъ Волги обозрѣнія.

«Въ то время, когда Мишѣ пріѣхалъ въ армию, въ Петербургѣ съ часу на часъ ожидали донесеній Кутузова, и ожидали нетерпѣливо, ибо донесенія должны были заключать въ себя рѣшеніе объ участи отечества. «Съ 29 августа не имѣю я ни какихъ донесеній отъ васъ, писалъ Императоръ Александръ Кутузову: между-тѣмъ отъ 1 сентября получилъ я, черезъ Ярославль, отъ московскаго главнокомандующаго, печальное донесеніе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ сямъ генераль-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи, и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости». Рескриптъ былъ отправленъ сентября осьмага. На другой день, въ девять часовъ вечера, прибылъ вѣстникъ съ донесеніемъ Кутузова объ уступленіи Наполеону Москвы. Вѣстникомъ горестнаго событія былъ Мишѣ. Какъ исполнилъ Мишѣ важное, прискорбное порученіе Кутузова, лучше всего можетъ передать слѣдующее письмо Мишѣ, писанное имъ,

въ 1819-мъ году, къ бывшему флигель-адъютанту Императора Александра, полковнику Михайловскому-Данилевскому, который, для хранения сего вѣковѣчнаго памятника великости души Александра, передалъ письмо Мишѣ въ Архивъ Генеральнаго Штаба.

«Вы знаете, писалъ Мишѣ Данилевскому: что я посланъ былъ отъ фельдмаршала Кутузова, на третій день «по прїѣздѣ моемъ въ его главную квартиру, отвезти Его Величеству извѣстіе объ оставленіи Москвы, пожаръ коей страшно освѣщаль мнѣ дорогу до Владиміра. Никогда «сердце путешественника не было такъ глубоко растрогано, какъ мое, въ семъ случаѣ. Русскій сердцемъ и душою, хотя иностранецъ, неся лучшему изъ Монарховъ «одну изъ самыхъ печальныхъ вѣстей, проѣзжая страну «среди полумилліона и болѣе обитателей всѣхъ званій, которые бѣжали, увозя съ собою только стариковъ, женъ, «дѣтей, и унося только надежду отищенія за отечество и «безграничную преданность своему обожаемому Монарху; «поражаемый, то скорбью при видѣ зрѣлища, представлявшагося моимъ глазамъ, то радостью обо всемъ томъ, что «слышалъ окрестъ себя изъ народнаго восторга, прїѣхаль «я въ столицу, исполненный грустью о печальныхъ извѣстіяхъ, какія долженъ былъ передать. Немедленно «былъ я представленъ Государю въ его кабинетъ. По виду моему судилъ Императоръ, что я не могъ сказать Ему «ничего утѣшительнаго. — «Вы привезли мнѣ печальныя «новости, полковникъ?» спросилъ онъ. — По несчастью, «весьма печальныя, отвѣчалъ я: Москва оставлена. — «Какъ? Развѣ мы потеряли битву? Развѣ мою древнюю «столицу предали безъ бою?»—Государь! окрестности Моск- «квы, къ несчастью, не представили ни какой позиціи, «гдѣ бы можно было отважиться на битву съ силами, «меньшими противъ непріятельскихъ, и фельдмаршалъ «Кутузовъ думалъ, что лучше сдѣлаетъ, сохраняя Ваше- «му Величеству армию, потеря коей, не спасая Москвы, «смогла имѣть великія послѣдствія. Между-тѣмъ подкрѣ- «пленіями, какія Ваше Величество доставите арміи, в кото- «рыя повсюду я встрѣчалъ, скоро увидитъ она себя въ со- «стояніи предпринять даже наступательныя дѣйствія, и за-

«ставить неприятеля раскаяваться, что онъ осмѣлился про-
 «никнуть въ сердце вашего государства. — «Неприятель всту-
 «пилъ въ Москву?» — Да, Государь, и теперь Москва къ пеп-
 «лѣ. Я оставилъ ее всю въ пламени. — При сихъ словахъ сле-
 «зы потекли изъ глазъ Государя, и затымили ихъ. — «Боже
 «Великій! Какія бѣдствія! Какія печальныя извѣстія приве-
 «зли вы мнѣ, полковникъ!»! сказалъ онъ. — Не печальтесь
 «слишкомъ, Государь, возразилъ я, тронутый Его скор-
 «бію: Армія Ваша укрѣпляется ежеминутно. — «Вижу, пол-
 «ковникъ, прервалъ меня Императоръ, вижу изъ всего
 «съ нами сбывающагося, что Провидѣніе требуетъ отъ
 «насъ великихъ жертвъ, и особенно отъ меня. Готовъ
 «покориться во всемъ волѣ Его! Но, скажите мнѣ, Мишо,
 «какимъ оставили вы духъ арміи, когда она увидѣла Мою
 «древнюю столицу покинутую такимъ образомъ безъ выст-
 «рѣлу? Не произвело ли это слишкомъ сильнаго вліянія на
 «нравственный духъ солдатъ? Не примѣтили ль вы упадка
 «духа?» — Государь! отвѣчалъ я, позвольте ли вы мнѣ го-
 «ворить откровенно, какъ честному воину? — «Я всегда
 «того требую, полковникъ, возразилъ Императоръ, а въ
 «какую минуту особенно прошу не скрывать ничего. Говори-
 «те откровенно все». — Государь! сердце мое обливается
 «кровью, но я долженъ вамъ признаться, что оставилъ
 «всю армію, отъ начальника до послѣдняго солдата, въ
 «опасеніи, ужасающемъ, устрашающемъ всѣхъ. — «Что го-
 «ворите вы мнѣ, Мишо? какъ это? возразилъ Императоръ.
 «Отчего могъ родиться страхъ? Неужели мои Русскіе до-
 «пустили себя упасть подъ бременемъ бѣдствія?» — Нѣтъ,
 «Государь, они страшатся только того, что Ваше Вели-
 «чество, по добротѣ сердца, допустите убѣдить себя на
 «заключеніе мира, а они горятъ желаніемъ сражаться, до-
 «казывая свою храбростью и пожертвованіемъ жизни,
 «сколько вамъ преданы? — «Ахъ! полковникъ, вы облег-
 «чаете мое сердце! — Онъ потрепалъ меня по плечу: вы
 «успокоиваете меня! Хорошо! Возвратитесь въ армію, ска-
 «жите нашимъ храбымъ, говорите всѣмъ моимъ доб-
 «рымъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ ни поѣдете, что когда у
 «меня уже не останется ни одного солдата, я самъ стану
 «въ головѣ моего любезнаго мнѣ дворянства и моихъ до-

«брѣхъ крестьянъ, и употребляю такимъ образомъ все, «до послѣдняго средства моей имперіи. Россія представля- «етъ мнѣ гораздо болѣе способовъ нежели думаютъ мои «вепріатели. Но если уже начертано въ велѣніяхъ Боже- «ственного Провидѣнія роду моему не царствовать на тро- «нѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, ка- «кія будутъ въ моей власти, я отпущу себѣ бороду до- «сюда (онъ указалъ рукою на грудь), и пойду питать- «ся хлѣбомъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, на «край Сибири, прежде нежели подпишу позоръ моего «отечества и моихъ добрыхъ подданныхъ, пожертвованія «которыхъ цѣнить умѣю! Провидѣніе испытываетъ насъ: «будемъ надѣяться, что Оно насъ и не оставитъ.—Потомъ, «обратившись въ глубь кабинета, и возвращаясь больши- «ми шагами, съ воспламененнымъ лицомъ, Государь «сжалъ мою руку и сказалъ:—Полковникъ Мишо! не за- «будьте того, что я здѣсь вамъ говорилъ! Можетъ-быть, «когда-нибудь, мы вспомнимъ объ нашемъ разговорѣ съ «удовольствіемъ. Наполеонъ или я, я или онъ:—мы не «можемъ болѣе царствовать вмѣстѣ. Я выучился знать «его: онъ не обманетъ меня болѣе!» Не могу описать, ка- «ково было состояніе души моей, когда я видѣлъ огонь, «блжставшій въ глазахъ Его Величества и мыслилъ о бла- «женствѣ, какое передамъ арміи. Изъ всѣхъ подкрѣпленій, «посланныхъ ей Императоромъ, слова его были самыя «сильныя удвоить мужество войска. Сердце мое было во- «сторжено всѣмъ, что я слышалъ, и я сказалъ Императо- «ру:—Государь! Вы утверждаете въ сію минуту славу на- «рода вашего и спасеніе Европы! Я уже теперь вижу мое «бѣдствующее отечество, Сардинію, избавленнымъ!—«Да «будутъ слышаны желанія ваши, любезный полковникъ! «Отдохните, и приготовьтесь къ отъѣзду».

«Черезъ два дня послѣ свиданія съ Государемъ, Мишо поѣхалъ обратно въ армію. Невыразимо было впечатлѣніе, произведенное въ войскахъ, когда Мишо передавалъ намъ безсмертныя слова великаго Монарха. Всѣ клялись быть достойными исполнителями священной, спасительной для Россіи воли его. Съ-тѣхъ-поръ Мишо находился безот- лучно при Кутузовѣ, до сраженія подъ Тарутинымъ. Въ-

стникъ бѣдствія — уступленія Москвы, Мишѣ былъ посланъ Кутузовымъ вѣстникомъ и первой побѣды надъ врагомъ, побѣды тарутинской. Выборъ сей за нѣсколько недѣль былъ указанъ Кутузову самимъ Императоромъ, въ слѣдующемъ рескриптѣ: «Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишѣ былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о вступленіи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера быть вручителемъ подобнаго донесенія, была очевидна. Я нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему, предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ сего пріѣзда послѣдующимъ». Рескриптъ этотъ проливаетъ новый лучъ свѣта на благость Императора Александра. Видимъ Монарха, въ тяжкій часъ своего державства, при вторженіи непріятеля въ столицу, помышляющаго даже о средствахъ усладить участь офицера, на котораго палъ жребій возвѣстить ему, что Москва, вѣнецъ царства русскаго, опозорена присутствіемъ иноплеменныхъ. Отдавъ Монарху отчетъ о ходѣ тарутинскаго сраженія, Мишѣ просилъ дозволенія сдѣлать ему извѣстными желанія арміи. — «Что жъ вы мнѣ скажете, полковникъ?» спросилъ Императоръ. — «Государы!» отвѣчалъ Мишѣ: побѣда, нами одержанная, прекрасное состояніе вашихъ войскъ, духъ ихъ оживляющій, общая преданность вамъ, подкрѣпленія, ежедневно со всѣхъ сторонъ получаемыя, бѣдственное положеніе Наполеона, присланныя Вашимъ Величествомъ повелѣнія затруднить ему отступление, словомъ, все подаетъ несомнѣнную надежду, что Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска увѣрены, что настаетъ самый счастливый походъ; но знаю также, что всѣмъ обязаны усиліямъ Вашего Императорскаго Величества. Имъ извѣстно, какъ много претерпѣвала душа ваша, и теперь просятъ единственной милости, чтобы Ваше Величество лично приняли начальство надъ арміею: присутствіе ваше сдѣлаетъ ее непобѣдимою». Съ примѣтнымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Государь: «Всѣ люди честолюбивы. Признаюсь откровенно, что я не менѣе другихъ, и если бы теперь внялъ только моему честолюбію, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ

«армію. Разсматривая невыгодное положеніе, въ которое «мы вовлекли непріятеля, отличный духъ армін, неисчерпаемые источники имперіи, приготовленные мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя мною въ дунайскую армію, я несомнѣнно увѣренъ, что «побѣда у насъ неотъемлема, и остается только, какъ вы «говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при «арміи, то вся слава отнесется ко мнѣ, и я займу мѣсто «въ исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ «военномъ искусствѣ въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, «незвизрая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, «отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, «то оставляю самолюбіе и охотно жертвую личною славою «благополучію армін. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто «болѣе меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмарша- «ду, поздравьте его съ побѣдой, и скажите, чтобъ онъ «выгналъ непріятеля изъ Россіи». Сказавъ это, Александръ поздравилъ Мишѣ флигель-адъютантомъ, велѣлъ ему ѣхать въ армію и вручить Кутузову золотую шпагу, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и слѣдующій собственноручный рескриптъ: «Побѣда, одержанная вами надъ «Миуратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за «собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераз- «дѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы».

Часть или, правильнѣе сказать, сущность этихъ любопытныхъ подробностей и матеріаловъ, авторъ употребилъ уже въ дѣло въ своей исторіи Отечественной Войны, но здѣсь они являются въ новомъ свѣтѣ и съ новою занимательностью какъ историческія сцены частной жизни и дружескія изліянія. Неменѣе любопытно слѣдовать за судьбою Мишѣ, который съ того времени дѣлается любимцемъ русскаго Монарха и потомъ орудіемъ возвращенія Пиемонта сардинскому королю Безъ пожара Москвы, который сблизилъ Мишѣ съ Государемъ, » вѣроятно Пиемонтъ не былъ бы одною изъ первыхъ заботъ Александра по вступленіи въ Парижъ.

Мы занимались здѣсь только двумя выпусками изданія, двумя его тетрадами. Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ подробный обзоръ содержанія прочихъ тетрадей, которыхъ, по нынѣшнее число, вышло уже шестнадцать: но немногія извлеченія, здѣсь представленныя, достаточно уже показываютъ высокій интересъ всѣхъ вообще частей этого превосходнаго труда, которому нельзя не пожелать самаго вождельнаго успѣху. «Александръ Первый и его сподвижники» предначинаны быть книгою всѣхъ русскихъ грамотныхъ семействъ и украшеніемъ всѣхъ русскихъ гостинныхъ, потому что въ то же самое время и портреты, которыми данъ большой форматъ, исполнены какъ-нельзя лучше. Литографія портретовъ вполне дѣлаетъ честь издателямъ. Какъ любители прекрасныхъ книгъ, мы только замѣтимъ ихъ щедрости и разборчивому вкусу, что бумага подъ текстомъ могла быть плотнѣе, такъ, чтобы чернила не просвѣчивались, что не совсѣмъ согласно съ типографскою пышностью. Этотъ излишекъ издержекъ Россія возвратитъ имъ съ благодарностью.

Одно изъ великихъ внутреннихъ достоинствъ изданія— оно выходитъ очень исправно, всякую недѣлю по одной тетради, текстъ съ портретомъ, и ничего не стоитъ любопытному читателю—только тридцать пять копѣекъ серебромъ—дешевле чѣмъ даромъ. Въ вышедшихъ донынѣ тетрадахъ содержатся біографіи и портреты— Императора Александра, генераловъ Горнасова, Багговута, Строганова, Гамена, Бистрома, Потемкина, Сенъ-При, Олсуфьева, Корнилова, Гогеля, Мишо, Кульнева. Втеченіи года должно выйти пятьдесятъ два выпуска.

сто русскихъ литераторовъ. Изданіе А. Смирдина. Санктпетербургъ, 1845.

Была въ нашей литературѣ эпоха дѣятельности, блеску и дарованій, которую исторія будетъ называть *смирдинскою*, и которая, вѣроятно, не скоро повторится. Тогда все кипѣло умственной жизнью, все старалось думать, все изобрѣтало, ухищрялось, писало, потому что Смирдинъ все печаталъ. Онъ былъ душою всего этого достопамятнаго движенія, которое предвѣщало могущественное развитіе литературныхъ силъ Россіи. Съ нимъ оно началось и, когда онъ остановился, оно остановилось. Его книгопродавческій геній создалъ тысячи читателей и сотни литераторовъ изъ стиховъ Пушкина и прозы Булгарина. До него не было читателей: когда какой-нибудь необыкновенной книги расходилось нѣсколько сотъ экземпляровъ, это уже почиталось необыкновеннымъ явленіемъ; да и самыя книги бѣльшею частию выходили въ свѣтъ не иначе какъ при помощи денежныхъ пособій Правительства. Никто не рѣшался писать, дарованія прятались, словесность и русскій языкъ двигались медленно, потому что не было искуснаго управляющаго для умственного заводу, котораго почти всѣ машины стояли въ бездѣйствіи. Смирдинъ взялъ въ свои руки жезлъ книжной торговли, и все перемѣнилось. Онъ открылъ цѣлыя золотonosныя россыпи читателей на рус-

ской почвѣ. Мы очень хорошо помнимъ общее изумленіе, когда слухъ разнесся о пяти и шести тысячахъ экземпляровъ нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ и проданныхъ въ нѣсколько дней Смирдинымъ, о пятнадцати и двадцати тысячахъ рублей, великолѣпно заплаченныхъ имъ за поэму Пушкина, за басни Крылова или за романъ Булгарина. Тогда-то вспыхнулъ геній: каждый почувствовалъ въ себѣ удивительный талантъ или мощное вдохновеніе. Всѣ схватились за перья, всѣ принялись писать, во славу русской литературы, а себѣ на пользу, и писали — писали — писали, пока не записали Смирдина. Въ этотъ день все и кончилось. Геній заснулъ, вдохновенія разсѣялись, таланты пошли переписывать канцелярскія бумаги. Начались сѣтованія на бесплодность и нищенство русской литературы, и болѣе всѣхъ жаловались тѣ, которые собственными руками остановили благодатную дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка, не примѣчая, что русская литература была Смирдинъ, а не они.

Смирдинъ, конечно, былъ неправъ, — неправъ излишнимъ великодушіемъ, — неправъ добродушною надеждою на нашъ геній, который почиталъ онъ неистощимымъ, — неправъ благородною готовностью своей поддерживать и покровительствовать все, что походило на талантъ, или только обѣщало его. Но эти самые недостатки, или ошибки, за которыя дорого заплатился онъ въ послѣдствіи, будутъ составлять непреложныя права его на уваженіе всего благомыслящаго на Руси, всего что дорожить умственными успѣхами своего отечества. Смирдинъ былъ настоящій Меценатъ, болѣе покровитель дарованій чѣмъ разсчетливый книгопродавецъ. Молодой человѣкъ, съ малѣйшимъ проблескомъ таланта, приносилъ рукопись въ его великолѣпный магазинъ: довольно было, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ писателей засвидѣтельствовалъ, что тутъ есть надежда на талантъ, и Смирдинъ

тотчасъ печаталъ рукопись на свой счетъ, предоставляя начинающему автору весь барышъ отъ изданія. Съ писателями, уже пріобрѣтшими извѣстность, онъ, первый у насъ, сталъ благородно дѣлиться торговыми выгодами отъ обороту произведеніями ихъ ума. Личныя досады часто по этому случаю возставали противъ Смирдина, обвиняя его, что такимъ образомъ ввелъ въ русскую литературу «меркантильность», духъ разсчета, стремленіе къ денежнымъ выгодамъ. Но чѣмъ же литература и процвѣла въ наше время, чѣмъ одушевилась эпоха, которою онъ предводительствовалъ, если не этою мѣрою? Сколько неизвѣстныхъ дарованій разоблачилось и сдѣлалось потомъ украшеніями русской литературы единственно черезъ надежду на возможность поддержать себя или свое семейство въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ честною прибылью отъ литературнаго труда? Не позволяя себѣ указывать на живыхъ, мы ограничимъ оправданіе Смирдина въ этомъ отношеніи только двумя именами, слишкомъ скоро угасшими, но такъ ярко засіявшими на нѣкоторое время въ нашей литературѣ: Елена Ганъ и Веревкинъ, которыхъ первые опыты лично намъ извѣстны, навѣрное не существовали бы, какъ писатели, безъ подобнаго пособія. Не должно поднимать занавѣсъ, скрывающей другія частныя побужденія, но вѣрно то, что нужда въ вознагражденіи за трудъ и надежда на безкорыстную щедрость Смирдина были творящею силою весьма многихъ примѣчательныхъ произведеній той эпохи, принадлежащихъ самымъ знаменитымъ и самымъ заслуженнымъ перамъ: одинъ онъ можетъ сказать, сколько заключилъ условій съ первыми поэтами и прозаиками на сочиненія, которыя еще не были написаны ими и написались единственно въ силу договоровъ. Лучшее оправданіе его—нынѣшній видъ нашей литературы: средства Смирдина истощились, и русская литература пріуныла духомъ. Почти всѣ перестали пи-

сать. И, не будучи колдуномъ, можно предсказать, что какъ-скоро Смирдинъ оправится, — а оправиться онъ долженъ непременно: порукою въ томъ служить его умъ, его удивительная дѣятельность, усердіе и честность, которою снискалъ онъ себѣ общее почтеніе и многочисленныхъ друзей, — наша словесность зацвѣтетъ снова: развѣ ужъ горькій опытъ сдѣлаетъ его менѣе скорымъ на покровительство измѣнницъ и болѣе расчетливымъ относительно къ своей личной безопасности.

Какова бы ни была будущая судьба этого достопо-
 чтеннаго книгопродавца, о которой литература наша изъ признательности и надежды на собственную пользу будетъ всегда заботливо справляться, имя его между-тѣмъ должно быть произносимо съ почтеніемъ всѣми соотечественниками и каждое его изданіе встрѣчаемо въ публикѣ съ особеннымъ интересомъ. То, которое теперь лежитъ передъ нами, безспорно заслуживаетъ преимущественнаго вниманія. Эти *сто русскихъ литераторовъ* — литераторы блестящихъ смирдинскихъ годовъ: почти всѣ они толпились около него; по-крайней-мѣрѣ, его дѣятельность, его безкорыстіе, его патриотизмъ, одушевляли ихъ въ трудѣ: онъ былъ общею пружиною ихъ трудолюбія и общимъ проводникомъ ихъ къ сла-
 вѣ; и онъ же, въ тѣ счастливые дни русской литературы, и задумалъ соединить всѣхъ ихъ въ одну книгу, которая бы могла служить монументомъ незабвенной эпохѣ. Несчастныя обстоятельства пріостановили-было выходъ этого національнаго изданія. Каждый изъ Русскихъ обрадуется теперь, что они устранены, что Смирдинъ могъ снова приступить къ прекрасно начатому дѣлу, что онъ будетъ продолжать, и окончитъ къ сла-
 вѣ и чести отечества, занимательный литературный памятникъ, котораго основаніе было положено при общихъ рукоплесканіяхъ публики. Патриотическое участіе великаго русскаго міра — порука въ успѣхъ.

Этотъ третій томъ, такой же красивый и такой же

полновѣсный какъ и два прежніе, подобно имъ содержитъ въ себѣ превосходные портреты и разнообразныя по содержанию своему сочиненія десяти даровитыхъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ — Бенедиктова — Бѣгичева — Греча — Данилевскаго — Маркова — Мятлева — Ободовскаго — Скобелева — Ушакова и Хмельницкаго. По обыкновенію, каждое изъ этихъ сочиненій украшено еще гравированною на стали картинкою отличившейся работы. Сверхъ-того, въ концѣ тома находится еще одно сочиненіе барона Брамбеуса, которое не могло быть напечатано въ первыхъ двухъ выпускахъ изданія, хотя, собственно, къ нимъ принадлежало: это сочиненіе, по содержанию своему египетское, иллюстрировано множествомъ гравированныхъ на деревѣ рисунковъ, снятыхъ съ памятниковъ Стоватныхъ Оивъ и съ гробницъ Фараоновъ, съ сохраненіемъ подлиннаго стиля. Рисунки чрезвычайно любопытны, и число ихъ простирается до осьмидесяти.

Трудно дать понятіе о содержаніи столь разнородныхъ литературныхъ трудовъ, которые, все вообще, заслуживаютъ вниманія почти въ равной степени. «Воспоминанія о Милорадовичѣ», генерала Михайловскаго-Данилевскаго, занимаютъ первое мѣсто. Знаменитый военный писатель, съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ, начерталъ на немногихъ страницахъ мастерской эскизъ чуждаго характера «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ». Принцъ Евгений писалъ объ немъ: «Милорадовичъ былъ явленіе рѣдкое, въ полномъ значеніи слова—рыцарь. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ храбрости. Его равнодушіе въ опасностяхъ превосходило всякое вѣроятіе. Въ самомъ жаркомъ огнѣ не истощалось его остроуміе: онъ смѣшилъ насъ и въ тѣ минуты, когда мы обрекали себя на вѣрную смерть. Гнѣвъ и удовольствіе изъяслялъ онъ подчиненнымъ только остротами. Среди жестокихъ атакъ и общихъ смятеній, не только не терялъ онъ хладно-

«кровія, но хохоталъ даже надъ собственными своими «неудачами.»

Храбрость почиталъ Милорадовичъ идеаломъ добродѣтели и уважалъ ее даже въ своихъ личныхъ врагахъ. Безкорыстіе составляло другую отличительную черту его. Третьею была расточительность, но расточительность совершенно фантастическая и почти всегда, имѣвшая цѣлью поддержаніе чести русскаго имени. Истинный сынъ осмнадцатаго столѣтія, онъ не понималъ, какъ человекъ можетъ жить безъ долговъ. До-сихъ-поръ помнятъ его пребываніе въ Букарестъ, гдѣ покупалъ онъ въ долгъ турецкія шали и дарилъ ихъ первымъ встрѣтившимся на улицѣ Валашианкамъ. Однажды приказалъ онъ своему дворецкому приготовить балъ. «У насъ не на что купить хлѣба!.... замѣтилъ слуга. «Какая нужда! сказалъ Милорадовичъ: давай балъ безъ хлѣба; я пригласилъ весь Букарестъ на сегодняшний вечеръ». Пятьдесятъ тысячъ рублей, пожалованные ему за кульмское сраженіе, были истрачены въ одну недѣлю на покупку разныхъ украшеній для села Воронковъ. Иногда выпрашивалъ онъ себѣ жалованье за три года впередъ и издерживалъ его въ нѣскольکو дней.

«Не на одни пиры и прихоти употреблялъ онъ деньги, но пригоршнями сыпалъ червонцы храбрымъ солдатамъ, раненымъ и пѣвнымъ. Послѣ Обиештскаго сраженія, увидя сильно изрубленнаго солдата бѣлорусскаго гусарскаго полка, онъ спросилъ его: «Сколько у тебя ранъ?» «Семнадцать», было ему отвѣтствовано. Тутъ же на мѣстѣ Милорадовичъ отсчиталъ гусару семнадцать червонцевъ, на каждую рану по одному. Въ 1812-й году, забравъ плѣнныхъ тысячами, многими спасалъ онъ жизнь, и отдавалъ имъ несчастнымъ все, что у него было. Подъ Краснымъ, двое дѣтей, сынъ и дочь французскаго офицера, взявшись за руки, бѣжали среди мертвыхъ тѣлъ, сами не зная куда. Милорадовичъ велѣлъ взять ихъ и от-

вести на свой бивакъ. Съ-тѣхъ-перъ маленькій Пьерръ, семн, и сестра его, Лизета, пяти лѣтъ, не выходили изъ поляски Милорадовича. Черезъ нѣсколько дней, проѣзжая толпу вновь взятыхъ плѣнныхъ, мамонтъ бросился къ одному изъ нихъ, крича во весь голосъ: «Паленька! паленька!» Это былъ отецъ ихъ. Заливаясь слезами, онъ ужалъ къ ногамъ спасителя дѣтей своихъ. Милорадовичъ оставилъ его при себѣ съ дѣтми. Такимъ же образомъ спасъ онъ другую французскую маленькую сиротку, не знавшую даже имени своихъ родителей, и отправилъ ее къ своей сестрѣ, госпожѣ Стороженковой, у которой она получила отличное воспитаніе. Кстати сохранимъ здѣсь подобную черту сподвижника Милорадовича, Раевского. Въ красненскомъ сраженіи увидѣлъ онъ младенца, лежащаго подлѣ убитой Француженки, вѣроятно, матери его, Раевскій взялъ младенца на руки, завернулъ его въ свою шубу, и отогрѣвая, продолжалъ распорядить сраженіемъ. Случись подобное въ чужихъ краяхъ, рѣзецъ и кисть уже давно прославили бы такой подвигомъ.

Спасеніе двухъ дѣтей, Пьерра и Лизеты, подаю художнику поводъ къ прелестной картинкѣ, приложенной къ этому сочиненію: рисунокъ ея примѣчательно удаченъ, а гравировка чудесна.

«Убравши домъ занимаемый имъ въ Петербургѣ, Милорадовичъ показывалъ мнѣ свои комнаты. Подлѣ картинъ Тиціана, Гвидо-Рени, Доминикино, лежали книги, планы, стояли статуи, клѣтки съ птицами, янтарныя чубуки, трубки, шахматныя доски, нѣсколько фортепіанъ. Каждая комната имѣла особенное освѣщеніе. Одна была вся зеркальная; даже потолокъ состоялъ изъ зеркалъ. «Гдѣ ваша спальня?» спросилъ я. «У меня нѣтъ спальни», отвѣчалъ онъ: «я провожу ночь, гдѣ мнѣ вздумается». Портреты Суворова находились въ каждой комнатѣ. Суворовъ былъ его кумиръ, но Кутузова онъ не любилъ, хотя чтилъ память его, и при каждомъ случаѣ бывалъ особенно имъ ласкаемъ. Кутузовъ не называлъ ее иначе, какъ «mon cher enfant, mon enfant bien aimé!» На дру-

гой день по возвращеніи Милорадовича изъ Парижа въ Петербургъ, онъ поѣхалъ въ Невскій Монастырь и въ Казанскій Соборъ, и просилъ духовенство отслужить панихиду по Суворовъ и Кутузовъ.

Часто посѣщая Милорадовича, я замѣчалъ, что мебели, картины и статуи бывали у него безпрестанно переставляемы съ одного мѣста на другое. Спросивъ о причинѣ, получилъ я въ отвѣтъ: «Войны не будетъ. Мнѣ скучно: я велю все передвигать въ домъ — это меня занимаетъ и тѣшитъ!» Указывая на вазу изъ чернаго мрамора и увядшій подлѣ нея кипарисъ, Милорадовичъ воскликнулъ: «Вотъ памятникъ моего потеряннаго счастья!» Тутъ же лежали синій сюртукъ и круглая шляпа. «Они напоминаютъ мнѣ время, когда буду въ отставкѣ», сказалъ Милорадовичъ. Самое любимое занятіе его состояло въ украшеніи села его Воронковъ. Въ Россіи и чужихъ краяхъ заказывалъ онъ лучшимъ архитекторамъ планы деревенскаго дома, сада, бесѣдокъ. «Только тогда наслажусь я истиннымъ счастьемъ», говаривалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни, «когда буду жить въ деревнѣ». За обѣдомъ у Императора Александра зашла однажды рѣчь о томъ, что каждый изъ насъ имѣетъ свои желанія и виды въ будущемъ. «Знаете ли, Ваше Величество», сказалъ Милорадовичъ: «чѣмъ я ограничиваю теперь всѣ мои желанія? Хочу одного: дышать чистымъ воздухомъ въ Воронкахъ». Судьба не допустила исполненія желаній того, чью жизнь шадилъ непріятельскій свинецъ и чугунъ: Милорадовичъ никогда не былъ раненъ на войнѣ. Поражая вокругъ него тысячи, смерть обходила Русскаго Баярда, мужа «безъ страху и упреку», кого чтли и ставили въ мѣста самыя опасныя Суворовъ и Кутузовъ, и—прибавимъ, дабы окончить чертою, дополняющею характеристику Милорадовича — кому великіе полководцы наши поручали, среди боевой жизни, устраивать роскошныя пивы и балы».

Милорадовичъ былъ въ явной враждѣ съ княземъ Багратиономъ. Разныя недоразумѣнія между ними сдѣлались поводомъ, что Милорадовичъ былъ отозванъ

изъ Букареста и назначенъ главнокомандующимъ арміею въ Могилевъ. Это извѣстіе восхитило его; въ первомъ порывѣ радости, онъ сказалъ своему адъютанту: «Болѣе всего радуется меня то, что, какъ главнокомандующій, я въ правѣ выдавать подорожныя и не долженъ буду болѣе посылать за ними къ Багратиону.» Съ графомъ Витгенштейномъ онъ также не ладилъ. Подчиненный Милорадовича въ прежнія войны, графъ Витгенштейнъ въ 1813 году былъ его начальникомъ и, во время отступленія отъ Люцена къ Бауцену, прислалъ ему довольно непріятное приказаніе, которое не согласовалось съ даннымъ наканунѣ. «Доложите графу, сказалъ Милорадовичъ посланному, что когда онъ былъ въ моей командѣ, я не давалъ ему противорѣчащихъ приказаній», и, оборотясь къ окружающимъ онъ прибавилъ: «Вотъ все мое мщеніе!»

«Письмо Чесменскаго Инвалида на родину», И. Н. Скобелева, отличается другаго роду достоинствами, которыми прославились бойкіе и теплые рассказы этого оригинальнаго пера. Его произведенія надобно всегда читать вполнѣ: никакіе отрывки не могутъ дать объ нихъ понятія, и выписки только разстраиваютъ удовольствіе читателя.

В. А. Бенедиктовъ доставилъ этому тому пять своихъ стихотвореній, пять блестящихъ перлъ, пять очаровательныхъ мелодій, которыхъ каждый стихъ кажется музыкальною фразою. Вотъ одно изъ нихъ, названное «Лебедь».

«Вѣтеръ влагу чуть колышетъ.
 Въ шопотливыхъ камышахъ
 Статный лебедь тихо дышетъ
 На лазуревыхъ струяхъ:
 Грудь, какъ парусъ, пышно вздута,
 Величава и чиста;
 Шея, загнутая круто,
 Гордо къ небу поднята; —

И проникнуть увоснѣемъ.
Онъ въ державной красотѣ,
Надъ своимъ изображеньемъ,
Опрокинутымъ въ водѣ.

Что такъ гордо, лебедь бѣлый,
Ты гуляешь по струямъ?
Иль свершилъ ты подвигъ сибѣльмъ?
Иль принесъ ты пользу намъ?
«Нѣтъ, — я праздно, говоритъ онъ,
Нѣжусь въ водномъ хрусталѣ;
Но не даромъ я унитанъ
Духомъ гордымъ на землѣ.
Жизнь мою переплывая,
Я въ водахъ омытъ отъ зла,
И не давить грязь земная
Мнѣ свободного крыла.
Отряхнусь — и сухъ я стану;
Встрепенусь — и серебрянъ;
Запылюсь — я въ волны прыну,
Окунусь — и снова чистъ.

На берегу пустынно-дикомъ
Человѣка я встрѣчалъ
Иль нестройнымъ, гнѣвнымъ крикомъ,
Иль таясь и молчалъ, —
И какъ голосъ мой чудесенъ,
Не узнаетъ онъ во вѣкъ:
Лебединыхъ сладкихъ пѣсенъ
Недостойнъ человѣкъ.
Но съ навѣемъ смертной муки,
Я, прильнувъ къ своимъ водамъ,
Сокровенной пѣсни звуки
Прямо небу передамъ!
Онъ, чей тронъ звѣздами вышитъ,
Онъ, кого вся твердь востъ,
Онъ — одинъ ее услышитъ,
Онъ — одинъ ее пойметъ!

Завѣщаю въ память свѣту
 Я не влато, не серебро,
 Не изъ крылій дамъ поэту
 Чудотворное перо; —
 И пѣвучій мой наслѣдникъ
 Да почититъ меня хвалою,
 И да будетъ онъ посредникъ
 Между небомъ и землею!
 Воспылаетъ онъ — могучій
 Бичъ порока, другъ добра —
 И надъ міромъ, какъ изъ тучи
 Брызнуть молніи созвучій
 Съ вдохновеннаго пера!

Съ груди мертвенно-остылой,
 Гдѣ виталъ летучій духъ,
 Въ изголовье дѣвъ мягкой
 Я оставлю мягкій пухъ, —
 И ему лишь, въ ночь вѣмную,
 Изъ-подъ внутренней грозы,
 Дѣва ввѣритъ роковую
 Тайну пламенной слезы,
 Кость, распушенныхъ змѣями,
 Изголовье перевѣтъ,
 И прильнетъ къ нему устами,
 Грудью жаркою прильнетъ, —
 И согрѣтъ ея дыханьемъ,
 Этотъ пухъ начнетъ дышать,
 И упругимъ колыханьемъ
 Бурнымъ персямъ отвѣчать.

Я исчезну, — и средь влаги,
 Гдѣ скользнулъ я, полнъ отваги,
 Не увидитъ міръ слѣда;
 А на мѣстѣ, гдѣ плескаться
 Такъ любилъ я ивогда,
 Будетъ тихо отражаться
 Неба мирная звѣзда.»

«Гельдейбергъ», Н. И. Греча который, попробовавъ нѣкогда *этихъ*, теперь, какъ кажется, съ любовью антикварія предается за границею высокимъ наслажденіямъ, доставляемымъ *сими* и *оними*—превосходная монографія одного изъ знаменитѣйшихъ университетскихъ городовъ Германіи. Несмотря на сказанныя *сн* и *омы*, чтеніе обширной статьи знаменитаго грамматика совершенно увлекательно. Но эти словечки здѣсь и необходимы: они принадлежатъ къ эпохѣ и, притомъ, нигдѣ они такъ не у мѣста какъ возлѣ портрета своего незабвеннаго защитника.

Десять стихотвореній сопровождаютъ портретъ покойнаго И. И. Мятлева. Читатели наши едва-ли знаютъ талантъ его въ обыкновенномъ стихотворномъ родѣ, талантъ нерѣдко примѣчательный. Мы выпишемъ разговоръ поэта съ своею душою:

«Куда ты просишься, душа?
 Уже ль земля не хороша?
 Уже ли мало здѣсь отрадѣ и утѣшеній;
 И сладкихъ думъ, и сладкихъ вдохновеній?
 Здѣсь розы алыя цвѣтутъ,
 Здѣсь дѣвы рѣзвятся, здѣсь соловьи поютъ;
 Есть для тебя и родина святая,
 И жизни лучшихъ дней подруга молодая.
 Два сына — будущность твоя,
 Мать, и сестры, и друзья.
 Чего же ты, чего жъ еще желаешь?
 О чемъ безвременно скучаешь?
 Куда жъ ты просишься, душа?
 Уже ль земля не хороша?
 Нѣтъ, хороша земля, прелестна:
 Земная радость мнѣ извѣстна;
 Напѣвамъ юныхъ дѣвъ и пѣнью соловья
 Съ восторгомъ сладостнымъ внимаю часто я;
 Я знаю, есть земныя розы,
 Но ихъ мертвятъ земныя слезы,
 И ихъ увы не прочтѣ стебелекъ,

И алыя лѣстки разноситъ вѣтерокъ,
 Какъ храмъ, святыни храмъ, а родину считаю,
 Но торжниковъ и въ ней встрѣчаю,
 Нерѣдко и корысть, холодность и обманъ!
 И бичъ изъ вервѣя не данъ
 Изгнать изъ храма ихъ, какъ древле Искушитель
 Въ Сіонѣ ихъ изгналъ — порока побѣдитель!
 Мнѣ суждено — на зло смотрѣть,
 Зло постигать, и зло терпѣть.
 Дѣтей, жену, родныхъ, я страстью обнимаю,
 Но ихъ бессмертными здѣсь видѣть я желаю,
 Какъ я, какъ духъ нетлѣнный Божества;
 Они — земныя существа!
 И ихъ удѣлъ — утрата и разлука! —
 И вотъ — моя земная мука.»

Стихи эти, безспорно, очень милы, но, когда рѣчь идетъ о Мятлевѣ, мы предпочитаемъ тотъ оригинальный родъ, который онъ создалъ и въ которомъ былъ совершенно неподражаемымъ. Этотъ томъ заключаетъ въ себя, между прочимъ, разговоръ русской барыни съ своими мужиками на французскомъ діалектѣ: крестьяне приходятъ жаловаться, что у нихъ хлѣба нѣтъ; барыня отвѣчаетъ имъ по-французски и велитъ прогнать ихъ изъ передней.

*«Ке вулѣ ву ке л'онъ фазъ!
 Онъ не се-на ле рюсъ!»*

Эта пьеса названа—«Сельское хозяйство на Руси», и въ ней столько печальной истины, столько характеристики, столько поводовъ къ размышленію, что мы готовы признать ее лучшею изъ всѣхъ, какія Мятлевъ написалъ въ своемъ забавномъ родѣ.

«Мундиръ», архангельскій рассказъ Н. И. Хмельницкаго, изобилуетъ странными, совершенно геродотовскими чертами вперборейской жизни, рассказанными очень пріятно. Невозможно иначе дать объ немъ понятіе какъ выписавъ на-удачу небольшой отрывокъ.

«Съ чиновниками города Колы, въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй, случилось ужасное происшествіе. Когда уѣздныя власти и полицейская и судебная и прочія и прочія, скванныя полярной темнотой и морозами, завалились на лежанки, вдругъ, чего отъ сотворенія міра не случалось, пріѣхалъ на мурманское прибрежіе архангельскій намѣстникъ. Небывалые въ томъ краю удары грома, не такъ бы потрясли Колу въ ея основаніяхъ, сколько внезапный наѣздъ намѣстника поразилъ господъ чиновниковъ. Лежанки превратились въ ледъ и ужасная тресся, по здѣшнему лихорадка, обула и полицію и юстицію, медицину и бухгалтерію. Надобно было тотчасъ явиться и достать экипажъ намѣстнику. Конечно, нынче и то и другое дѣло не трудное, но въ то время творилось иначе. Надобно знать, что въ уѣздномъ городѣ Колѣ существовала одна только лошадь. За нѣсколько дней до роковаго наѣзда, прежній хозяинъ разыгралъ ее въ лотерею, и чтобъ сдѣлать свою аферу заманчивѣе, то лошадь, хомутъ и сани составили отдѣльные выигрыши, и единственный во всемъ городѣ экипажъ разѣхался въ разныя руки. Перепуганный городничій успѣлъ, однако жъ, все разбросанное соединить по-прежнему въ одно цѣлое, и первый, въ мундирѣ, съ письменнымъ рапортомъ, что *все обстоитъ благополучно*, представился, какъ слѣдуетъ, намѣстнику. Его превосходительству, какъ послѣ рассказывалъ городничій, чрезвычайно понравилась его шапка и городъ, который онъ назвалъ уголкомъ Архангельска. Черезъ нѣсколько минутъ по выходѣ городничаго, явился крошечный судья, въ мундирномъ сюртукѣ со шлейфомъ. Въ существѣ своемъ, это былъ настоящій мундиръ, но такой длинный, что по росту маленькаго человѣчка, воротникъ закрывалъ ему голову, передняя часть мундира захватывала колѣни, а фалды волочились по полу. По выходѣ судьи, но не такъ ужъ скоро, втиснулся въ двери земскій исправникъ, человѣкъ необыкновеннаго, можно сказать, допотопнаго объема. Покрой натянутого его мундира, который на немъ чуть не лопался, былъ еще смѣшнѣе судейскаго. Рукава съ трудомъ закрывали локти, въ груди мундиръ расходился на аршинъ, а свая казалась

муршю. Намѣстникъ расхохотался. Видя, однако жъ, что каждый изъ чиновниковъ хочеть мучить его по-одначкѣ, онъ приказалъ исправнику, чтобъ всѣ остальные чиновники явились разомъ. Время тянулось, но никто не показывался. Между-тѣмъ въ сѣняхъ поднялась ужасная тревога. Намѣстникъ выпелъ, и что жъ онъ видитъ? Всѣ недошедшіеся чиновники, подъ предводительствомъ стражачаго, при шпагѣ, но безъ кафтана, въ ожиданіи мундира, впились и терзали допотопнаго человѣка. Къ общему несчастію, исправникъ отъ тревоженія разбухъ, какъ сырое бревно, и никакія человѣческія усилія не могли стащить съ него мундира. Открылось, что въ Колѣ, при единственной лошади, былъ одинъ только мундиръ, для всѣхъ чиновниковъ, которые въ экстремности своего положенія перебрасывали его съ плечъ на плечи, пока не увязъ въ немъ исправникъ.

Одна изъ жертвъ этого событія, засѣдатель Фаддеѣ Фаддеевичъ Кильдюмскій, у котораго кромѣ мундира не нашлось, какъ сказывали, какихъ-то дѣлъ и какихъ-то денегъ, долженъ былъ по-неволѣ отправиться въ Архангельскъ. Потеря этого человѣка чрезвычайно опечалила высшій кругъ кольскаго общества. Домъ Фаддея Фаддеевича былъ самый пріятный, особенно съ пятнадцатаго ноября по пятое января, когда въ Колѣ солнце не выходитъ изъ-подъ горизонта и, слѣдовательно, не видно почти Божьяго свѣта. У него, всякому гостю, по мѣстному обыкновенію, подносили рюмку ликера. Тутъ начинали говорить о разныхъ разностяхъ: о трескѣ, о Норвегіи, объ Архангельскѣ, наконецъ садясь за карты, пили цуншъ съ отличнымъ ромомъ, и вечера проводили самыми пріятнымъ образомъ. Сверхъ-того, кромѣ гостепріимства, домъ Фаддея Фаддеевича славился особенно затѣйливостію. Въ его гостиной, надъ диваномъ, въ рамкѣ подъ стекломъ, висѣлъ въ копѣи указъ Петра Великаго на имя бывшаго кольскаго коменданта, дѣдушки хозяина, е *жолжжъ кита*. Рядомъ съ этимъ указомъ, по правую сторону, также въ рамкѣ, красовался пергаментный патентъ хозяина, а по лѣвую сторону цѣло родословное древо фамиліи Кильдюмскихъ. Одну изъ боковыхъ стѣнъ гостиной

покрывалъ огромный планъ Соловецкаго Монастыря, а третья стѣна украшалась живописнымъ видомъ каменистыхъ и голыхъ окрестностей города Колы.

Фаддей Фаддеевичъ былъ человекъ ловкій и грамотный, а потому и десяти-лѣтній сынъ его Петруша былъ, по тогдашнему, не дурно образованъ. Онъ отучился даже отъ мѣстнаго *оканья* и начиналъ говорить языкомъ порядочнаго человека. Надобно, знать, что у поморскихъ уроженцевъ такъ устроены гортанные органы, мужскіе и женскіе, что они никакъ не могутъ произнести буквы *а*, и замѣняютъ ее буквою *о*; но это безпрестанное и рѣзкое *о, о, о*, знакъ отъявленнаго провинціализма, даже и въ устахъ прекраснаго пола совсѣмъ не граціозно. Сверхъ того, въ поморскомъ нарѣчій, то есть, въ смѣшеніи языковъ новгородскаго чудскаго и чухонскаго, такъ много своихъ словъ и выраженій, что новопріѣзжій не вдругъ пойметъ туземца.

Чтобъ разстаться, какъ говорится, на-славу, Фаддей Фаддеевичъ, на прощанье, задалъ чудесный праздникъ. Кромѣ пунша, трески и лабардана, хозяинъ уподоблялъ гостей такимъ пирожнымъ, отъ котораго вся Кола и теперь облизуется. Въ заключеніе ужина, подали двѣ формы желе, въ пустую середину которыхъ изобрѣтательный умъ хозяина вкленлъ зажженные восковые огарки, и свѣтъ отъ огня сквозь транспарантное желе, произвелъ такую иллюминацію и энтузіазмъ, что гости съѣли даже огарки. Это блюдо прославилось въ цѣлой губерніи. Оно получило такую знаменитость, что до-сихъ-поръ, въ торжественные дни, желе съ зажженными внутри огарками подается въ губернскомъ городѣ.

Въ одно темное утро, при трескучемъ морозѣ, тянулось по улицѣ нѣсколько *кережекъ*, или салазокъ съ пристегнутыми къ нимъ оленями. На передней, самой маленькой, сидѣло какое-то чучело, закутанное съ ногъ до головы въ звѣриную шкуру. Эта процессія остановилась у домика, который до половины занесло снѣгомъ. Лопарь, котораго я называлъ чучелой, раскидалъ длиннымъ шестомъ снѣгъ и постучался въ калитку. Скоро изъ дома вышли два человека (это былъ Кильдюмскій съ сыномъ

и каждый улегся въ особыя салазки. Лопарь махнулъ шестомъ, и быстрые олени, закинувъ головы, помчались прокладывать слѣдъ по снѣжной пустынѣ».

Изъ того уже что мы до-сихъ-поръ пересказали или перечислили, можно заключить съ достовѣрностью, что третій томъ «Ста русскихъ литераторовъ» — книга, исполненная живаго и разнообразнаго интересу. Между-тѣмъ мы не дошли еще до капитальной пьесы тома, прекрасной драматической поэмы П. Г. Ободовскаго, «Князя Шуйскіе», которая занимаетъ едва-ли не цѣлую половину книги. Многія мѣста этой поэмы сильно поражаютъ и трогаютъ читателя. Но какъ извлеченіе изъ нея было уже представлено на театрѣ, подъ названіемъ «Царь Василій Ивановичъ Шуйскій», то мы не считаемъ нужнымъ излагать ея содержаніе. Подобное изложеніе, кромѣ-того, помѣшало бы, преждевременнымъ обнаруженіемъ развязки, удовольствію тѣхъ, которые стануть читать вполнѣ твореніе господина Ободовскаго. «Хамово отродье», покойнаго Ушакова не требуетъ также обозрѣнія. Занимательная повесть М. А. Маркова и «Записки губернскаго чиновника», сочиненіе Д. Н. Бѣгичева, исполненное благонамѣренной наблюдательности, дополняютъ собою плеяду статей тома, который заключается повѣстью барона Брамбеуса подъ заглавіемъ «Микерія-Пильская-Лилія». Авторъ придалъ своему сочиненію форму переводнаго погребальнаго папируса, и мы хотимъ вѣрить ему на-слово, когда онъ убѣждаетъ своихъ читателей, въ коротенькомъ предувѣдомленіи, что подлинныя египетскіе рисунки, обильно разсыпанные на страницахъ этого труда, составляютъ, «не только его типографическое украшеніе, но, можетъ-быть и все внутреннее достоинство». Не входя въ разбирательство дѣль означеннаго барона, мы замѣтимъ только, что сущность его разеказу состоитъ въ совокупленіи

примѣчательнѣйшихъ чертъ, сохраненныхъ греческими и латинскими писателями, объ исторіи, религіи, мудрости и нравахъ Египтянъ, и связани ихъ дѣйствіемъ въ легкое и драматическое цѣлое. Авторъ старается знаменитую «египетскую мудрость» сблизить съ метемпсихическими философіями нынѣшняго Востока и ими объяснить то, что изъ этой загадочной мудрости, облекавшейся глубокою таинственностью, осталось въ обломкахъ пифагорейскихъ теорій и въ безсвязныхъ указаніяхъ писателей позднѣйшей древности. Въ какой степени успѣлъ онъ въ этомъ, не наше дѣло судить: эту обязанность отклоняемъ мы отъ себя по весьма уважительнымъ причинамъ, которыя не нужно даже и излагать. Къ сожалѣнію или къ счастью читателей, авторъ выпустилъ, изъ этого труда, одну изъ главныхъ частей его, именно, все относящееся къ *Scientia sacra*, то есть, къ химическимъ теоріямъ и производствамъ посвященныхъ въ «мудрость», считая подобныя разысканія слишкомъ скучными для насъ, «предхрамной толпы», и замѣнивъ ихъ простою выноскою, въ которой сказано общими словами, въ противность принятому мнѣнію, что *хемія*, *альхимія*, или *Scientia sacra* точно такъ же была основана на египетской теоріи *эиру*, какъ и метемпсихоза, поклоненіе нѣкоторымъ животнымъ и прочія египетскія вѣрованія. Извѣстно, какую важную роль играли числа въ египетской мудрости, и упитомцевъ ея, Пифагора и Платона: для примѣру, чтобы показать какъ авторъ понимаетъ участіе чиселъ въ запутанныхъ отвлеченностяхъ храмовой философій, мы выпишемъ конецъ его повѣсти. Царь Амосисъ предлагаетъ дочери своей, Микеріи, жениха, котораго она уже тайно любитъ. Слѣдовательно, Микерія начинаетъ жеманиться.

«— Батюшка, скромно провзнесла луно-любимая царица: вы знаете, я всегда желала посвятить жизнь свою служенію святымъ жертвенникамъ, совершенствованію себя

въ завѣтной мудрости, которой мы, по нашему сану, обязаны являться зеркаломъ и примѣромъ для всего свѣта и, уединенному созерцанію ея глубокихъ истинъ въ тишинѣ храмовъ. Въ мудрости сказано: число 1—совершенство, прямая линія, истина, радость, согласіе, а число 2—несовершенство, кривая линія, ложь, ссора, война, супружество....

— Пустое! весело перервалъ мудрый царь Амосисъ: въ супружествѣ, неблагополучное число 2 не долго преобладаетъ: черезъ годъ будетъ 3, а это — треугольникъ, и, опять, совершенство. Потомъ, пойдетъ 4, еще большее совершенство.... квадратъ, душа моя!... знаешь ли, что значитъ квадратъ?... великое блаженство! Квадратъ—во все не дурно! Я — земное солнце, фараонъ, центръ всей подлунной мудрости съ дѣдовъ и прадѣдовъ, и лучше твоего понимаю, какой родъ мудрости нуженъ молодой дѣвухѣ.

— Но я боюсь, продолжала царевна, потушивъ глаза: чтобы со мною не сбылась притча о двухъ капляхъ воды.

— А въ чемъ состоитъ притча о двухъ капляхъ воды? важно спросилъ мудрый царь Амосисъ.

— Въ книгахъ мудрецовъ сказано, отвѣчала царевна Микерія, что, въ глубокой древности, вскорѣ послѣ царствования, на пустынной еще землѣ, святыхъ бытій, прозванныхъ впоследствии богами,—когда еще не было рукотворенныхъ храмовъ и стопа человѣка, только-что начинавшаго собираться въ племена, еще не вездѣ измѣла первые и самые блестящіе цвѣты природы, и рука его еще не расхитила богатствъ, щедро разсыпанныхъ по лицу странъ,» и прочая.

Царевна рассказываетъ отцу одну изъ прелестнѣйшихъ притчъ Востока. Эта притча, о двухъ капляхъ воды, дѣйствительно — египетская и, вѣроятно, не одному изъ нашихъ читателей извѣстна; но та, которую въ отвѣтъ на нее по восточному обычаю рассказываетъ мудрый царь Амосисъ, по всей вѣроятности сочинена самимъ барономъ на египетскій ладъ, съ тѣмъ чтобы, играя и шутя, объяснить образованіе

египто-орфической тριάды, развитие трехъ изъ одного, начало Зла, предшествующее мірозданію, и рожденіе Любви, Eros. Мы видѣли, что притча царевны относилась уже къ тому времени, когда проявилась вторая тριάда, Озирисъ, Изисъ и Красота или Міръ—краса, Kosmos.

«— Въ этой притчѣ, сказалъ солнцелюбивый царь Амосисъ, когда прекрасная Микерія кончила рассказъ: въ этой притчѣ... содержится великая мудрость!... Уединеніе и созерцательная жизнь въ безмятежной тишинѣ храмовъ... по истинѣ... дѣло не дурное! Боги всегда награждаютъ своихъ вѣрныхъ поклонниковъ, стремящихся къ мудрости и совершенству. Но... какаѣ же цѣль твоей притчи?... Изъ твоего разсужденія я заключаю, что, коротко сказать, этотъ молодецъ тебѣ не нравится и что ты рѣшительно хочешь...»

— Этого я не сказала, батюшка! быстро подхватила лунолюбимая царевна Микерія-Нильская-Лилія: я только желала вамъ представить, что настоящее совершенство—единица, что она—символь разума, которымъ люди должны руководствоваться, и что число 2....

— Поэтому ты и хочешь остаться на всю жизнь единицей? перервалъ мудрый царь Амосисъ. А я, такъ въ свою очередь боюсь, чтобы съ тобою не сбылась притча о томъ, какъ вѣкогда изъ единицы вдругъ вышло два!

— А въ чемъ же состоитъ, съ любопытствомъ спросила царевна, притча о томъ какъ изъ единицы сдѣлалось два?... Я нигдѣ ея не читала.

— Ты и не могла читать ея, отвѣчалъ мудрый царь Амосисъ: потому что она писана въ глубочайшей древности самыми старинными героглифами, которыхъ смыслъ теперь потерянъ. Не знаю даже, поймешь ли ты ее: ужасно глупомысленная!... Сущность ея основана на томъ, что, примѣромъ сказать, у палки два конца. Это — самая высокая мудрость, самая завѣтная тайна, которая открывается только намъ, фараонамъ, земнымъ солнцамъ, и одни мы хорошо ее понимаемъ. Но я могу дать тебѣ приблизительное понятіе объ этой удивительной истинѣ. Слу-

шай меня хорошенько. Палка—единица: не правда ли? Но если бы она была совершенная единица, то двух концов не могло бы существовать у нея!... У совершенной единицы долженъ быть только одинъ конецъ. Такъ ли?... Зачѣмъ же у палки два конца? Зачѣмъ, что она, собственно, состоитъ изъ двухъ палокъ. Найди середину ея тлжести и положи ее этимъ мѣстомъ на своемъ пальцѣ: она не перевѣсится и не упадетъ ни въ ту ни въ другую сторону. Одна половина палки совершенно равновѣсна и равносильна другой половицѣ. Значить, тутъ—не одна палка, а двѣ, совершенно равныя, и онѣ только соединены, слиты другъ съ другомъ, двумя концами, обращенными внутрь, тогда два внѣшніе конца остаются свободными. Значить, у всякой палки, по-настоящему, четыре конца, а не два. Видишь, какъ это глубоко! Тайны мудрости боговъ неисповѣдны.... Простымъ глазомъ мы видимъ только два конца у палки, но, умственнымъ окомъ, мудрецъ видитъ ихъ ровно четыре, и тогда-то понимаетъ онъ, какимъ образомъ развились изъ единицы всѣ прочія числа и какъ дѣйствовали бытія при созданіи всего существующаго. Всякая единица состоитъ, слѣдовательно, изъ двухъ единицъ. Этого для тебя довольно. Теперь можешь слушать притчу. До проявленія Озириса и Изиды и сотворенія міра, существовалъ, какъ тебѣ извѣстно, только одинъ Разумъ. Въ Разумѣ заключалась Воля. Они составили единицу. Разумъ былъ одинъ копецъ палки, а Воля другой, или, всё-равно, двѣ палки, слитыя въ одну. Они не могли никакъ перевѣсить другъ друга, и оба оставались въ бездѣйствіи: въ пространствѣ не создавалось ничего!... Разуму надоѣло это положеніе. «Отдѣлюсь я, думаетъ онъ про себя однажды, отъ этой упрямой Воли! Я—разумъ, у меня есть разныя чудесныя соображенія. Мнѣ стоить только быть совершенно свободнымъ: я стану я созерцать да думать, и приведу всю мудрость въ дѣйствіе, и сострою иѣчто удивительное. Но здѣсь я никакъ не останусь: насъ будетъ двое, родится число 2, начало зла, лжи, кривизны, несовершенства, ссоры; оно все мнѣ перепортитъ. Я полечу вдаль по безпредѣльной тѣмѣ, чтобъ всегда быть единицей и дѣйствовать во всемъ съ полнымъ

единствомъ.» Въ то же время, Воля точно такъ же разсуждала съ своѣй стороны. «Я—воля, говоритъ она себѣ тихомолкомъ: у меня—бездна прихотей, однѣ затѣяли въ другихъ. Зачѣмъ мнѣ вѣчно корпѣть здѣсь съ этимъ тѣжелымъ Разумомъ? И я тоже полечу себѣ вдаль по тѣмъ... съ нимъ ужъ, конечно, не останусь!... явится число 2, будетъ бѣда?... Тамъ, стану я дѣйствовать по моему произволу, исполнять всѣ свои капризы, и мнѣ будетъ весело. Гдѣ-нибудь, въ удобномъ мѣстѣ, я создамъ такіа чудеса, которыя Разуму и во снѣ не снились.» Какъ они составляли единицу, то, чтобы понять другъ друга, договоры и объясненія были не нужны. «Ну, такъ разойдемся!» сказали оба они въ одно слово. Ты погни съ немножко вотъ въ эту сторону, присовокупилъ Разумъ: я сдѣлаю то же, и мы переломимся. — Отъ перваго соединеннаго усилія, великая единица лопнула. Разумъ и Воля разорвались, и Воля тотчасъ помчалась. Отлетѣвъ на нѣкоторое разстояніе, она однако жъ оглянулась назадъ: ей желательно было удостовѣриться, въ которую сторону отправился Разумъ, чтобы съ нимъ опять гдѣ-нибудь не столкнуться. Смотритъ она, и видитъ—что это такое?— Разумъ не трогается съ мѣста! Она возвратилась къ нему, и спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты лежишь здѣсь?... ты хотѣлъ летѣть вдаль!»— Не могу пошевелиться, сестрица!... воли ни какой во мнѣ не имѣется. Толкни меня, пожалуйста, хорошенько!» Воля дала ему толчокъ изъ всей мочи, и Разумъ полетѣлъ во тѣмъ, по направленію пространства, а Воля полетѣла по направленію времени. Пространство и время, любезнѣйшая дочь моя — тѣ же два конца одной палки. Прошли вѣка: Воля много напроказничала; она, по-минутно, то создавала какой-нибудь странный міръ, то уничтожала его, то починала полу-разрушенный, то бросала неконченный и начинала новый. Послѣ безчисленныхъ опытовъ, въ которыхъ не было ни какого толку, утомившись, пожелала она посмотреть, какъ дѣйствуетъ Разумъ, по какимъ законамъ производитъ опъ постройку міровъ въ своей сторонѣ. Она полетѣла по направленію пространства и, вскорѣ, нашла Разумъ. «Что это? вскричала Воля съ крайнимъ изумленіемъ: ты спишь? ты ничего не сдѣлалъ?... ты же

хотѣлъ развернуть всю мудрость, созерцать, думать, выдумывать, сочинять удивительное!»—Ничего не думается, сестрица! печально отвѣчалъ Разумъ: не знаю, о чемъ и думать!... нѣтъ ни какого желанія! Пока составляли мы единицу, ты разсуждала мною, разумомъ, я желалъ тобою, волею: мы разошлись, и мнѣ ровно ничего не хочется безъ тебя: а ты, я думаю, ничего безъ меня не смыслишь?... Вотъ и начало зла, сестрица! Миръ еще не созданъ, а зло уже создалось само собою. Я обдумалъ одно только, а именно, что мы очень не хорошо сдѣлали, уничтоживъ нашъ союзъ. Какъ бы мы теперь ни удалялись другъ отъ друга, мы уже двое, число 2 родилось, и зло существуетъ. Будемъ ли бѣгать или искать другъ друга, это дѣла не исправитъ: зло во все будетъ вмѣшиваться, потому что я и ты 2. — Смотри, дочь! сказалъ мудрый царь Амосисъ, глядя въ глаза царевнѣ: смотри, чтобы и твой разумъ, лишась воли и всѣхъ желаній, не заснулъ въ бездѣйствіи!... чтобы уединеніе, о которомъ ты столько мечтаешь, не сдѣлалось для тебя источникомъ скуки и горя: зло съ тѣхъ поръ, присутствуетъ въ мирѣ повсемѣстно....

— И нѣтъ средства оградить себя отъ него? спросила царевна.

— Какъ не быть средству! отвѣчалъ мудрый царь Амосисъ. На то—мудрость! Надо поступить такъ, какъ поступили Разумъ и Воля послѣ неучащаго опыту жить въ уединенія.

— Какъ же они поступили, батюшка?

— А вотъ какъ, любезная дочь моя, Микерія-Нильская-Лилія. Когда Разумъ сказалъ Волѣ, что число 2 уже создалось изъ единицы и необходимо будетъ примѣшиваться ко всему, Воля, точно такъ же какъ и ты, спросила: «Какъ же быть? развѣ нѣтъ средства оградиться отъ зла?» — Одно только есть средство, любезнѣйшая сестрица, отвѣчалъ Разумъ, если не совсѣмъ оградиться, по-крайней-мѣрѣ уменьшить его дѣйствіе, и оно состоитъ въ томъ, чтобы мы жили вмѣстѣ, какъ подобаешь числу 2, и общими силами произвели 3, которое пополнитъ насъ и составитъ треугольникъ, новое и еще высшее совершенство. — «Какъ же это сдѣлать, любезнѣйшій братецъ?... я готова! сказа-

ла Воля: научи!» — Съ мовмъ удовольствіемъ, продолжалъ Разумъ: я буду мужъ, а ты будешь жена, и мы произведемъ чадо. — «Что же это будетъ за чадо?» спросила Воля. — Это будетъ Любовь, сказалъ Разумъ: безъ Любви міра создать не возможно; одна она можетъ увѣрить и усладить зло, нераздѣльное съ условіемъ существованія. Мы, конечно, будемъ съ тобою иногда ссориться, потому что мы 2, двѣ единицы, но Любовь примиритъ насъ, и все пойдетъ ладно. Когда, черезъ рожденіе Любви, создается число 3. то 3 да 1, (наша первоначальная единица) произведутъ 4, квадратъ; 3 да 2 составятъ 5, половину десятка; 4 да 2 дадутъ 6, или кубъ, и можно будетъ тотчасъ приступить къ созданію міра на правильныхъ и твердыхъ законахъ. Изъ этихъ первоначальныхъ чиселъ разовьются всѣ прочія. Нужна только Любовь!... Пріймемся, сестрица, за дѣло. — «Изволь, сказала Воля: я люблю всякую новость и не прочь отъ опыта». Разумъ и Воля поцѣловались, и родилась Любовь (Егос — орфическихъ Таинствъ, прибавлено въ примѣчаніи.)

— Удивительная притча! сказала луно-любимая царица Микеріл-Нильская-Лилія. Великая мудрость скрывается въ ея словахъ!

— Да! примолвилъ солнце-любимый отецъ: мудрость любви — великая мудрость!.. Тебѣ слѣдовало бы изучать ее предпочтительно.»

Теперь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ мудрымъ читателямъ понравится эта мегода превращать въ шутки самыя темныя задачи древней космогоніи, самыя спорныя статьи таинственной науки жрецовъ о бытіяхъ (entia) и числахъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ важныхъ мужей, почитающихъ скуку драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ учености, это можетъ составить ужасное преступленіе. Но барона Брамбеса давно уже обвиняютъ въ томъ, что онъ охотникъ сочинять шутку: такъ ужь одинъ лишній грѣхъ — для него не въ счетъ.

Дѣйствіе повѣсти его происходитъ во время Троянской Войны.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИЮНЬ, 1845.

НОВЫЯ КНИГИ.

АСКАНІО РИЧЧИ. *Драма. Б. Б. Москва, съ тѣм. Семёнова, 1845, съ 8-ю., стр. 185.*

Кто бы могъ подумать, что этотъ изрядный томикъ мелкой печати — всего одна только драма! Тутъ могли бы умѣститься цѣлыхъ четыре драмы, и часть Иліады напридачу. Шесть тысячъ стиховъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ! Очевидно, что у господина Б. Б., бѣлаго поэта — умъ и геній въ излишествѣ, что онъ отъ нихъ задыхается, не знаетъ, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать, когда ему, на высказаніе кусочка какой-нибудь мысли, нужно не менѣе шести тысячъ стиховъ. Бывало, когда лучшій драматическій поэтъ наберетъ въ головѣ своей на полторы тысячи стиховъ чего-нибудь такого, что стоило бы послушать, и онъ и зрители отъ всей души благодарили Бога, — онъ за то, что у него хватило умныхъ вещей на полторы тысячи стиховъ, — они за то, что у него не хватило ихъ на больше. Теперь совсѣмъ другое: геній поэтовъ выросъ и

усовершенствовался, дотога что драма въ шесть тысячъ стиховъ у нихъ почитается только прологомъ, вступленіемъ въ драму, коротенькимъ началомъ, гдѣ гению ихъ нѣтъ еще возможности разынграться, мѣста нѣтъ чтобъ раздуться, негдѣ развернуть и сотую долю той великой мысли, которая душитъ «пѣвца» за горло, пока онъ, «судья и свѣтло человѣчества», не выпоетъ ея, всей, до дна, презрѣнной толпѣ. И пусть же только презрѣнная толпа осмѣлится почтенивѣе замѣтить, что «пѣвецъ» изволитъ пѣть слишкомъ длинно! Могуцій гнѣвъ «судьи и свѣтла» раздавитъ ее своей вдохновенной пятой какъ нечистаго червя, неспособнаго и недостойнаго понимать такую высокую мудрость. Я уверждаю, что золотой вѣкъ поэзіи насталъ именно теперь, въ наше время, что прежде его не бывало, что теперь только-то и началось ея настоящее царствованіе. Никогда жрецы ея не были такъ сильны, такъ недослагаемо велики, какъ нынче. Прежде, въ тѣ вѣка, которые критика безсмысленно зоветъ золотыми, поэты, дрожа и кланяясь, заранѣе просили прощенія у грозной своей судьби, толпы, если они, по слабости ума и способностей, какъ-нибудь ей наскучать: теперь, мы, толпа, безмолвная раба поэтовъ, мы — должны благоговѣнно просить у нихъ прощенія за то, что намъ отъ ихъ стиховъ случно. Когда поэзія давала имъ такую деспотическую власть въ руки? Нѣтъ, золотой вѣкъ поэзіи — поэзіи теперь, тотъ же какъ и золотой вѣкъ бородъ и желѣзныхъ дорогъ.

Какъ мы, толпа, выпутаемся изъ этой неизмѣримой драмы, которая лежитъ передъ нами, одному Богу извѣстно. Шестъ тысячъ бѣлыхъ стиховъ висятъ черною тучею надъ нашими головами, а мы и слова шикнуть не смѣемъ: мы должны удивляться не зѣвая, рукоплескать не дремля, смѣяться и плакать по мановенію поэта, если не желаемъ быть проводзгашены «безумцами», если не хотимъ, чтобы намъ сказали въ глаза съ величественнымъ презрѣніемъ: «Вы просто — люди!... и ничего больше.» Трещите! Художники, живописцы, — вы знаете, что это нынче любимые идолы поэзіи и поэтовъ, — мажутъ картины, мечутся завистью, силятся погубить другъ друга, и, въ промежуткахъ, разслагольствуютъ о высокомъ и деревянномъ мас-

дѣ, ѣдятъ, пьютъ, влюбляются такъ естественно какъ-будто никогда живописцами и не бывали, женятся совершенно просто, по-нашему, дѣла производить еще проще: а ваше дѣло только — слушай, смотри и удивляйся; дѣло ваше — удивительное, дѣло—людское, вы—люди, и разсудительства ни какого отъ васъ не принимается.

МАРГАРИТА, *сидитъ въ беспѣдкѣ, одна, за работой.*

«Какъ скоро мчится время: день за днемъ
Проходятъ, по себѣ слѣдовъ не оставляя.
Вотъ полгода; а черезъ полгода еще
Должна судьба моя рѣшиться.
Покорность дочери — мое святое чувство.
Но сердце вольное не въ-силахъ удержать
Своихъ порывистыхъ и пламенныхъ стремлений.
Да, я люблю Фиделіо: — и онъ....
Онъ любитъ, онъ надѣется, онъ жаждетъ
Скорѣй судьбу свою съ моею соединить.
Мы съ нимъ выдаемся здѣсь тайно —
Это грѣхъ! — И праведное небо,
Во гнѣвъ, можетъ-быть готовитъ намъ ударъ.
О, страшно жить не съ тѣмъ кого мы любимъ —
И въ руки чуждыя судьбу свою отдать;
Безмолвно, рабски покориться волѣ мужа,
Не по сочувствію, и безъ любви. А въ сердцахъ
Убить все лучшее, всю радость, всѣ мечты....
Какъ бѣдны мы, несчастныя созданья!
Какъ мы ничтожны.... *(Задумывается.)*

МАРГАРИТА И ФИДЕЛІО.

ФИДЕЛІО, *съ радостью.*

Маргарита!

МАРГАРИТА, *оберачиваясь.*

А! это ты, Фиделіо!

ФИДЕЛІО.

Всѣ я!

Всѣ тотъ же, твой Фиделіо!

МАРГАРИТА.

Напрасно

Ты мнѣ твердишь объ этомъ: можетъ-быть
Ударъ судьбы насъ разорветъ съ тобою.

ФИДЕЛІО.

Итъ!

Я буду твой! — Нѣтъ, Маргарита, нѣтъ!
 Быть можетъ мы вчера могли бы сомнѣваться;
 А нынче: нѣтъ! — Я твой на вѣки!

МАРГАРИТА.

Ахъ!

Скажи мнѣ, другъ мой, что такое?...
 Гдѣ разница межъ нынѣ и вчера?
 (Рудольфе прокрадывается тихо изъ мастерской и прятается за
 кровать.)

ФИДЕЛИО.

О, какъ я счастливъ! — Я увѣренъ:
 Ты будешь навсегда моею!... Маргарита!
 Нѣтъ, ради Бога!... посмотри: — я сумасшедшій!
 Да, я сумасшедшій!...

МАРГАРИТА.

Что такое? —

Скажи скорѣй!

ФИДЕЛИО.

Сказать?... О, не спиши!

Дай мнѣ увѣриться, дай мнѣ подумать прежде....
 Увѣрь меня сама. —

МАРГАРИТА.

Тебя увѣрить? — Въ чемъ?

ФИДЕЛИО.

Увѣрь меня что любишь, что готова
 Со мною жизнь и счастье раздѣлить,
 Что я....

МАРГАРИТА, прерывая его.

Да ты, въ сам-дьяль, сумасшедшій! —
 Неужли ты забылъ всѣ увѣренья? Я
 Давно, и не краснѣя, ихъ душѣ твоей сказала.
 Ты ихъ забылъ?...

ФИДЕЛИО.

О, не забылъ! — Но есть минуты,
 Въ которыя сильнѣй увѣриться хотѣлъ бы
 Въ томъ именно, чему такъ сладко вѣришь. Я —
 О, Маргарита! — знаешь ли? — картинку,
 Которую писалъ на конкурсъ.....

МАРГАРИТА, съ нетерпѣливостью.

Что жъ? —

Ты кончилъ?...

ФЕДЕЛЮ.

Да; и нечигль. — И увѣренъ
 Что лучшей я уиъ больше не создамъ.
 Да!... Но, послушай.... Вѣра мнѣ, другъ мой,
 Что въ пламенномъ трудѣ я рѣшъ опередилъ,
 Сталъ много выше. — И досталъ
 Теперь судьбу мою безтраветной рукою....
 (Береть за руки Маргариту и смотритъ ей быстро въ глаза.)

МАРГАРИТА.

Ты написалъ.... Такъ скоро!... Какъ я рада!

ФЕДЕЛЮ.

Не я — любовь моя писала! А любовь,
 Какою я люблю тебя, о Маргарита! —
 Раздольна, широка, какъ небо. — Да;
 Какъ небо и возвышенна! Червякъ
 Не долезти до ней! — И, знаешь ли? — когда
 Они не доплзуть, то я уже увѣренъ
 Что некому создать такой картины, какъ моя!

МАРГАРИТА.

Какъ ты хорошеъ, теперь, въ сію минуту!
 Мнѣ кажется что ты пришелъ изъ неба....

ФЕДЕЛЮ.

Я —

Довольнъ, какъ художникъ. А блаженство,
 Которое я испыталъ въ самосознаньи.... О!
 Оно восперить съ небомъ.... Миръ,
 Весь миръ, теперь въ моей картинѣ — и въ тебѣ!

О, если бы я могъ тебѣ словами передать
 Весь тотъ восторгъ, когда я бросилъ кисти,
 Вселѣдную черту отдамши палетну! —
 Я былъ доволенъ: предо мною
 Мое созданіе явило мысль мою;
 Оно дышало свѣтлой жизнью....
 И эта мысль — моя: я самъ ее вдохнулъ
 Въ бездушный лоскутъ. Кисти и краски
 Я вызвалъ изъ ничтожества, я ихъ одушевлялъ;
 Далъ дѣло мысли, — коллету созданью; —
 И счастливъ, какъ.... въ высокомъ торжествѣ,
 Передъ картиной я стоялъ безмолвно, неподвижно....
 Я чувствовалъ что я природу побѣдилъ —
 И вызвалъ вещество творящей силой духа
 Изъ праху дальнаго — и подиалъ до небесъ!

Я понималъ себя; я былъ влюбленъ счастливъ!
 Когда же мысль моя въ земномъ переналъ —
 Я вспомнилъ о тебѣ: не ты ли влюбившая,
 Не ты ли свѣтлою любовію своею
 Вила мнѣ сиди — и немучительную дугу
 До міра горяго въ восторгѣ вращала —
 Съ твоею чистою, самою любовію
 Я пламенно душой постигнуть старался;
 Я понялъ таинство искусства. Сбыло
 Я бросился въ его безднныя омуты,
 Достигнулъ глубины — и вышелъ перлъ, достойный
 Украсить свѣтлое чело подружки моею!

МАРГАРИТА.

О, говори еще, Фиделіо — мнѣ сладко: продолжай;
 Спиши еще отрадой, свѣтлой речью
 Нанолить душу мнѣ; дай сердцу отдохнуть
 Отъ грустной суеты — и снова окрылиться
 Святой надеждою и радостью живою.
 Теперь мнѣ стало легче; а недавно
 Я всё грустила....

ФИДЕЛІО.

Ты? — О чемъ?...

МАРГАРИТА.

О чемъ?...

Не знаю; но меня предчувствіе томило....
 Да; мнѣ думалось что радость и любовь
 Не долговѣчны....

ФИДЕЛІО.

Цѣль, мой другъ! Написано
 Къ тебѣ сомнѣнія закрадывались въ грудь.
 О, будь увѣрена въ грядущемъ. Свѣтло
 Намъ улыбнется....

МАРГАРИТА.

Но судьба

Немодно заноситъ руку. Человѣкъ
 Нерѣдко надеется подъ тягостнымъ ударомъ,
 Тогда какъ думаетъ достигнуть счастья....

ФИДЕЛІО.

Но

К чему такія мысли.... Цѣлый міръ —
 Не только мы съ тобой — ничто передъ судьбою?

Но неужели же всё въ мірѣ сокрушаться....
 Есть Провидѣніе! — Неизвѣстной рукой
 Оно судьбами управляетъ. Почему же
 Надъ нашею судьбой оно не будетъ сильно?...
 Почему жъ?...

МАРГАРИТА.

О, милый другъ! — не намъ
 Испытывать святое Провидѣніе.
 Подумай лучше: — мы должны
 Въ покорномъ страхѣ преклоняться
 И тихо ждать своей судьбы.

ФИДЕЛІО.

Довольно!

Ты грустна.... Послушай Маргарита, —
 Откуда эта грусть? Чтѣ это значить?
 Пришелъ восторженный и, радостію полный,
 Все высказала тебѣ, всю вылила душу. Ты —
 Печальна.... холодна — и ниѣ не отвѣчаешь;
 Не радуешься вмѣстѣ съ сердцемъ друга?...
 Скажи ниѣ; разгадай загадку. — Эта мысль
 Меня тревожитъ, душитъ, давитъ. О!
 Ты не сочувствуешь любви моей; — не любишь,
 Не хочешь ты любить Фиделіо?...

МАРГАРИТА.

К чему

Такіе тяжкіе, ужасные упреки!
 Перестань! — Ты хочешь чтобы я
 Была веселою, забавною, смѣялась?...
 Но сердцу приказать нельзя, Фиделіо; — оно
 Не скоро побѣдитъ живое впечатлѣніе;
 Мысль не исторгнётся безъ мысли. Да;
 Мои предчувствія печальны.... Чтѣ же:
 Я не могу отъ нихъ освободиться.

ФИДЕЛІО.

Какъ!

И радость, и моя уврѣнность, и свѣтлая надежда —
 Ничто не властно?

МАРГАРИТА.

Да, теперь, въ сію минуту.
 Ты видѣлъ; я могла увлечься; и смѣялась; —
 На долго ль?... Это былъ минутный переходъ

Отъ грусти къ радости — и снова
Звѣдѣйка-грусть взяла опять свое!

ФИДЕЛИО.

А ны возьмемъ свое! Послушай, Маргарита!
Ты нынче, вижу я, не въ духѣ. Завтра я
Приду къ тебѣ. Смотри же будь веселой!
Дашь ли слово?...

МАРГАРИТА.

О, съ сестрой!

ФИДЕЛИО.

Рѣшено!

А нынче я одинъ уснѣхомъ наслаждаюсь.
Но странно мнѣ... Подумай, Маргарита, —
Я веселъ, ты грустна.... На что это похололо!
Скажи, пожалуйста: когда случалось это,
Чтобъ чувства разными у насъ съ тобой бывали?

МАРГАРИТА.

О, Боже мой! — ты слишкомъ недовѣрчивъ; право!
Что жъ, это можетъ быть: неужли никогда
Недѣла мнѣ и задуматься. Ты веселъ — я грустна:
Что жъ тутъ мудренаго?

ФИДЕЛИО.

Однако жъ странно.

МАРГАРИТА.

Да ты и самъ какой-то странный. Что за деспотизмъ!...

ФИДЕЛИО.

Ну, виноватъ; не буду. — Такъ до завтра!
А поминишь уговоръ?

МАРГАРИТА, улыбаясь.

О, помню!

ФИДЕЛИО.

И любилъ!...

О, какъ я радъ! Прощай же.

МАРГАРИТА.

До свиданья!

(Фиделио уходитъ.)

Изъ этого вы уже понимаете въ чемъ дѣло. Ученыхъ
учить, значить — дѣло портить: вы такъ хорошо знаете дра-
мы Кукольникъ въ этомъ же родѣ, что я какъ-разъ собью
васъ съ толку, если стану объяснять, что тутъ, въ предле-
жащей драмѣ, дѣлается. Вамъ уже все извѣстно. Едва за-

нѣтъ вамъ, что это—подрежаніе «Доминикину», «Джуліо Мости» и другимъ прекраснымъ этюдамъ классическаго вѣка новѣйшаго художества, которые Кукольникъ подарилъ нашей словесности во дни ѳны, когда Кукольникъ еще писалъ стихи, какъ мнѣ уже и ничего не остается сказать въ дополненіе. Вы видите, какая бѣдная, эта Маргарита, что «сидитъ въ бесѣдкѣ, одна, за работой!» Но, на мой судъ, въ тысячу разъ бѣднѣе ея, и достойнѣе сожалѣнія, этотъ несчастный извергъ Рудольфо, что «прокрадывается изъ мастерской за бесѣдку», чтобы подслушивать, стоить битыхъ двѣсти стиховъ, слушаетъ во всѣ уши, и не слышитъ ничего такого—ничего особеннаго—десятокъ обихихъ мѣсть, и всѣ тутъ! Стоило, право, прокрадываться и слушать съ такимъ вниманіемъ?... Бѣдный извергъ!.. И добро бы еще выслушалъ онъ эту невинную исторію безъ содержанія съ самаго начала драмы: нѣтъ, его заставили ждать ея до второй части, которыхъ нѣтъ и всѣ—безконечныя. Но этого мало: вы сами—свидѣтели, что онъ тутъ не услышалъ ничего ни худаго ни любопытнаго; я даже увѣроуъ, что онъ заснулъ за бесѣдкою: а между-тѣмъ, въ драмѣ, ему суждено было отравиться изъ-за бесѣдки прямо къ «хищнику» и купить яду. Вотъ ужъ судьба! Просто, угнѣтеніе!.... Какъ мнѣ очень жаль этого Рудольфо, котораго заставляютъ быть мерзавцемъ безъ уважительныхъ причинъ, поминутно мѣшая ему длинными и утомительными разговорами идти къ развязкѣ, то я отсюда перескочу прямо къ заключенію драмы, чтобы ужъ его по-скорѣе повѣсели..

РУДОЛЬФО, МАРГАРИТА И АСКАНІО (БРАТЬ ФИДЕЛІО).

А АСКАНІО, обходясь.

Я слышалъ крикъ: что значитъ?...

При полеміи Асканіо, Рудольфо остается съ ужасомъ. — Нѣмая сцена. — Асканіо замечаетъ трупъ Маргариты.)

А! Злодѣи!

Еще убійство!...

РУДОЛЬФО.

Какъ!... свидѣтели!

Литературная литература.

Асканю, бросаясь на грудь Маргариты.

Маргарита!

Она жива еще...

МАРГАРИТА, открывая глаза,
Кто посланъ небомъ?...

Твой голосъ?... Ты, Асканю! Спаси,
Спаси дѣтой мою.

*Асканю, подымая Маргариту и
кладя ее на диванъ.*

О, Боже!

Она жива еще.... Скорѣй!
Эй! Кто-нибудь, скорѣй!....

(Идетъ къ боковымъ дверямъ.)
РУДОЛЬФО, бросаясь на него съ кинжаломъ.

Стой!

Ты живище расклевываешь.....

Асканю, сдерживая у него кинжалъ.
Презрительный!

Остановись! Ты слышишь?....

*Ты же, Анна, Лаура и Джулио, мои дорогие дѣти; графъ Альфонсъ
изъ средней дѣри.*

АННА.

Боже!

Что слѣзлосы!...

Асканю, указывая на Маргариту.

Спасемъ ее....

*Альфонсъ, отбрасывая Рудольфо, ко-
торый хотѣлъ бросать при
подослѣннѣ дѣтны.*

Постой.

Что значить эта сцена?...

РУДОЛЬФО.

Графъ Альфонсъ!

Спасите, помогите!.... *(Указывая на Асканю.)*

Вотъ убійца!... Онь

Убилъ жену мою.

Альфонсъ, къ Асканю.

Несчастный! Какъ ты могъ!

Асканю.

Я не преступникъ; но Рудольфо—
Убійца брата моего и Маргариты.

ЛАУРА, на колымаге передъ Маргаритою.

Что съ вами, мамонька?....

Джулио, жалостливо.

Она обрѣзалась!....

РУДОЛЬФО, къ Асканію.

Книжалъ

Изоблечить тебя!

(Указывая графу на окровавленный книжалъ съ руки Асканію.)

Графъ, посмотрите!

Асканію, указывая на полъ Рудольфо.

Возъ ножны

Отъ этого книжала!....

Альфонсъ, съ недоумѣніемъ.

Что же значить?....

Рудольфо.

Онъ хотѣлъ

Похитить Маргариту. Въ это время

Я прибѣжалъ на помощь. Сколько могъ,

Сталъ защищаться; но убійца

Съ остервенѣніемъ схватилъ и вырвалъ у меня

Книжалъ мой. Маргарита

Хотѣла защитить меня — и онъ ее убилъ!

Альфонсъ, къ Асканію.

Вы можете оправдываться.

Асканію,

Знаю, графъ. Но прежде

Спасите Маргариту.

Альфонсъ, подлодя, Аннѣ.

Поспѣши

Призвать врача!

Анна, рыдая.

Теперь напрасно:

Она кончается....

Джулио.

Мамаша спитъ теперь...

Лаура, унимая его

Молчи! Она больна, ты видишь.... Боже!

Вашелъ, Джулио!

Джулио, на колымаге.

Поклонуй насъ, Господь!

Литературная Личность.

Альфонсъ, рассматривая Маргариту,
Анна.

Повороты ее. Дай перевяжемъ рану.

Анна, подавая платокъ.

Потъ возьмите; —

Во мнѣ нѣтъ силъ!

Асканію, приподнимая шило Маргариты.

Она жива еще!

Лаура и Джулио, жаслобно.

Маманна!

Маргарита, съ усиліемъ.

О, Боже, мой!... Рудольфо!

Не убивай дѣтей. Молю тебя, прости!

Она безвинна....

(Рудольфо закрываетъ лицо руками и падаетъ съ кресла.)

Лаура и Джулио, съ слезами.

Маменька!

Маргарита, умирающимъ голосомъ.

О, Боже!

Благодарю Тебя! Вы живы. О, къ нему....

Къ Фиделію.... Простите.... дѣ... ти...

(Протыкается къ нимъ руки и умираетъ.)

(Краткое молчаніе.)

Асканію.

Соединились!... А я живъ еще....

Альфонсъ.

Что говоришь ты?...

Асканію.

Не нарушай ее покоя! Умерла!....»

Входитъ квартальный и беретъ изверга подъ стражу. Изъ двухъ приведенныхъ сценъ, вы вполне знаете содержаніе драмы. Вся драма, все дѣйствіе, — вамъ такъ же хорошо какъ и господину Б. Б. извѣстно, что драма значитъ «дѣйствіе», — все дѣйствіе или вся драма — въ этихъ двухъ сценахъ. Изъ учтивости, можно было прибавить къ нимъ еще нѣсколько сценъ; гдѣ бы какъ-нибудь да дѣйствовали, а все остальное — лишнее. Я не говорю, чтобы въ этой драмѣ вовсе не было интересу. Интересъ,

можетъ-быть, и есть: но какъ это узнать?... какъ отъискать его въ такой грудѣ стиховъ!....

Господинъ Б. Б. ужасно боится, чтобы его, Б. Б., не приняли за Б(арона) Б(рамбеуса), и сочинилъ о томъ «предостереженіе» въ самомъ концѣ книги. Ему было бы еще непріятнѣе, если бы самъ баронъ Брамбеусъ, по разсѣянности, счелъ эту драму за свое произведеніе.

И какъ *можно ужь на объясненія*, присовокупляетъ господинъ Б. Б., то онъ признаётся откровенно, что тутъ, въ этой драмѣ, *можетъ-быть есть желаніе помешелить тѣ струны*, которыя *умолкаютъ неслышимыя*.

Послѣ этого, надѣется господинъ Б. Б., никто уже nebude приведенъ въ заблужденіе: баронъ Брамбеусъ никогда не заставлялъ *умолкать струны неслышимыхъ*. Это искусство принадлежитъ исключительно господину Б. Б., который—искони-бѣ Б. Б.

Онъ еще въ 1839 году такъ подписывался въ какомъ-то журналѣ.

ГЕРОЙСТВО, ИЛИ ЗАМОКЪ НА БЕРЕГАХЪ ДОНА. Россійско-историческій романъ. Сочиненіе Н. Зряхова. Москва, въ типографіи Степанова, 1845, въ-12. Четыре части, стр. 176—123—121—164.

Предисловіе къ *россійско-историческому роману*: «Россія, любезное наше отечество, подъ мудрымъ скипетромъ и покровительствомъ чадолюбивыхъ своихъ Моцарховъ, наслаждаясь нынѣ совершеннымъ благоденствіемъ, обратила на себя взоры всѣхъ иноплеменныхъ, «удовленныхъ поспѣшнымъ ея перерожденіемъ, которая, «возвышаясь постепенно въ наукахъ и просвѣщеніи, и быстро совершая свой полетъ, выступила на обширное поле славы и просвѣщенія, и можетъ сравняться твореніями своихъ гениевъ съ учеными европейскихъ державъ. Къ счастью, Русскіе нынѣ стали опять Русскими, — узнали цѣну родныхъ талантовъ, менѣе стали заниматься иностранными, и съ удовольствіемъ нынѣ читаютъ произведенія ума своихъ соотечественниковъ; а чрезъ сіе самое родились повья творенія и новые гении съ отличнѣйшими познаніями, — и надо думать, что современемъ опередятъ

«иностраннымъ писателямъ, и если не захотятъ изъ сказку, то по-крайней-мѣрѣ оставить съ нами на одной страницѣ, — чего должно жалеть истинно Русскій и гордиться своимъ отечествомъ».

«Обрадованный своимъ счастливымъ переселеніемъ, я обогатился, безъ учености и прелещенія, написать русско-«ско-историческій романъ свой, въ четырехъ частяхъ, по-«черкнувъ сюжетъ оная въ пожара московскаго, изнесенаго въ Москву 12-го апрѣля 1547 года, гдѣ мои герои были дѣйствующими лицами, съ описаніемъ страны и жителей рѣки Дона».

«Счастливымъ и награжденнымъ почту себя, если сіе «слабое и природное произведеніе моего пера принесетъ «пользу и пріятное чтеніе моимъ соотечественникамъ».

Подписано:

«Русскій Сочинитель.»

Послѣ природнаго романа господина Зряхова, предстоитъ намъ великое твореніе природной славяно-манической учености:

славянскій сборникъ. Н. В. Савельева-Ростиславича. СПб.-бургъ, въ тип. Вишебера, 1845, въ-8.

О Боже! что мы это пишемъ!... въ какую тьму бредемъ! Нельзя не сожалѣть душевно, какъ о направленіи несчастной исторической школы, къ которой принадлежитъ авторъ этого сборника, такъ и о тратѣ времени, труда и бумаги ея послѣдователями на изданіе въ свѣтъ подобныхъ порожденій лжеучености, зараженной страстью къ противорѣчью единственно по любви къ противорѣчію и удовольствію блеснуть новизною. Пол-бѣды было бы еще, если бы все это имѣло хоть двусмысленное достоинство чего-нибудь подлинно новаго и никѣмъ не сказаннаго; вновь выдуманные парадоксы могутъ по-крайней-мѣрѣ возбудить дѣльный споръ и послужить къ лучшему утверженію исторической истины: но когда эти бредни славяноманія уже тысячу разъ повторялись въ разныхъ странахъ и въ различныхъ видахъ и никогда не могли устоять ни передъ здравымъ смысломъ ни передъ хорошою критикою — такъ

что пользы от возобновленія еще еще одинъ разъ? кто они тронуты? кто обратитъ на нихъ серьезное вниманіе? Впрочемъ, правда и то, что, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, нельзя уже и выдумать такой неглупости, которой бы кто-нибудь изъ ученыхъ давно не высказалъ за несообразную глупость?

«Сборникъ» господина Ростиславича состоитъ изъ набора собственныхъ его статей, которыя, и по тону и по содержанию, могутъ во многомъ изумить самага равнодушнаго читателя. Мысли свои, доведенныя до состоянія неподвижной идеи, авторъ печаталъ преждевъ разныхъ журналахъ: никто изъ основательныхъ ученыхъ не соизволилъ даже вступить съ нимъ въ споръ. Одно уже это должно было убѣдить его, что онъ трудится напрасно.

Сущность всей этой книги состоитъ въ томъ, что Гершавіа—*Братоубица!!!* Отсюда все происходитъ, и сюда все возвращается.

Но одна изъ самыхъ забавныхъ сторонъ ея—то, что, съ такими обветшалыми мечтаниями, авторъ хочетъ раздѣлять у насъ роль Тьерри и нена-шутку беретъ обязанности и русскую исторію. Онъ даже избралъ эпитетомъ для своего сборника: «*La rénovation de l'histoire, dont je signalai vivement le besoin, se présentait à moi sous deux faces*», etc. Скромность господина Ростиславича равняется его критическому искусству!

Мы даже и не считаемъ нужнымъ показывать здѣсь, какія статьи входятъ въ составъ его «Славянскаго сборника». Онъ не принадлежитъ ни къ исторіи ни къ критикѣ.

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ. *Историческая Часть. Томъ первый. Москва, въ тип. Семена, 1845, 68-8.*

Вотъ это, такъ дѣло другое: настоящій сборникъ; полезный историческій матеріалъ; трудъ похвальный, предпріятіе достойное всякаго уваженія и участія. Въ составъ «Сибирскаго сборника» должны войти всѣ недавнія лѣтописи, родосписи, акты и историческія дѣла, уже отысканныя и тѣ, какія еще отыщутся въ сибирской губерніи и смежныхъ областяхъ. Въ этомъ первомъ томѣ, помѣщены: «Разрядная книга», «Родословная роспись роду Кн.

инныхъ» (казаки и гранеты), и «Малороссійскія дѣла», отииски за 1673—1674 годъ кievскаго воеводы князя Ю. П. Трубецкаго съ товарищи къ царю Алексѣю Михайловичу. Второй томъ долженъ явиться въ свѣтъ въ скоромъ времени. Изданіе «Сибирскаго сборника» предпринято господами братьями Языковыми, Хомяковыми и Валуевымиъ.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЬ ЧЕРВОНОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ. *Сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Переводъ съ польскаго Д. члена Осипа Бодянскаго. Москва въ типографіи Университетской, 1845, въ-8, стр. XLVI, 420 и 47.*

Господинъ Бодянскій дарилъ насъ тоже почтенными теоріями славяноманіи, но, обыкновенно, переводными: къ счастью, благоразуміе господина Ростиславича, онъ, кажется, обратился на путь болѣе положительной пользы. Переводъ сочиненія господина Зубрицкаго—хорошее приобрѣтеніе для русской исторической литературы.

Господинъ Бодянскій переводилъ съ польскаго, это значится и на заглавномъ листѣ и во «Введеніи»: но нигдѣ не сказано: на какой языкъ переводилъ онъ?... Мы сомнѣваемся, чтобы это былъ русскій.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *Сочиненіе профессора Императорскаго Санктпетербурскаго Университета, А. Никитенко. Сп.-бургъ, въ тип. Французской, 1845, въ-8. Книга первая, стр. 152*

У насъ наконецъ будетъ исторія русской литературы и, судя по началу, исторія достойная и предмету и времени. Первая книга, вышедшая въ маѣ мѣсяцѣ, содержитъ въ себѣ превосходное философическое введеніе въ исторію литературы какъ науку и составляетъ отдѣльное цѣлое, которое читается съ истиннымъ наслажденіемъ. Ученый и краснорѣчивый профессоръ разсматриваетъ въ ней идею исторіи литературы вообще, какъ науки, методу ея изученія, ея источники, и, переходя къ идеѣ и значенію исторіи русской литературы въ частности, опредѣляетъ ея различныя эпохи, съ тѣмъ свѣтлымъ взглядомъ, изяс-

вымъ словомъ и превосходнымъ вкусомъ, которыя давно уже составили его славу на поприщѣ преподаванія. По важности разбираемыхъ вопросовъ и достоинствамъ разбору, книга эта должна сдѣлаться предметомъ болѣе подробнаго обзорѣнія въ другомъ отдѣленіи журнала: между-тѣмъ мы не можемъ ни дать болѣе яснаго предварительнаго объ ней понятія ни сказать ей лучшей похвалы, какъ выписавъ вѣскольکو прекрасныхъ страницъ о томъ, чѣмъ должна быть собственно настоящая исторія литературы.

«Не только факты литературы, говоритъ авторъ, но и основныя о ней понятія вѣка, каковы бы они ни были, составляютъ естественное содержаніе ея исторіи. Но здѣсь уже важна для ней не одна строгая догматика, посредствомъ которой эти понятія стремятся возвыситься до степени твердаго и основательнаго ученія. Есть другая форма литературныхъ вѣрованій, болѣе способная сближаться съ жизнью, дѣйствующая въ одно время и на направленіе литературы, и на образованіе общественнаго вкуса, восходящая до высшихъ началъ разума какъ они представляются въ ученіяхъ эпохи, и въ то же время проникаемая новыми видами и интересами, къ которымъ влечетъ людей неотразимая судьба исторіи. Форма эта есть критика. Критику считаютъ судилищемъ литературныхъ произведеній и талантовъ; по крайней мѣрѣ она имѣетъ на это право, въ качествѣ представительницы общества и идей разума— для своего времени. Исторія смотритъ на нее однако жъ иначе. Она часто отвергаетъ приговоры критики; предъ ея трибуналомъ судьи становятся подсудимыми, и критика для ней не болѣе, какъ докладная записка, которую современность представляетъ потомству о судьбѣ литературы и господствующихъ о ней понятіяхъ въ извѣстную эпоху. Современность всегда немножко ябедничить; но исторію не легко обмануть. Критика для ней не есть убѣжденіе, а такой же матеріалъ, какъ и всѣ другія справки въ дѣлѣ, матеріалъ однако жъ необходимый и важный. Она должна знать, чего требовало общество отъ собственной мысли и было ли довольно ея успѣхами.

«Исторіи литературы принадлежатъ не одни событія

но и лица, дѣтели. Царство мысли имѣетъ своихъ героевъ, коихъ заслуги и личные свойства принадлежать потомству, какъ все великое и доблестное на землѣ. Они тѣмъ болѣе возбуждаютъ сочувствія къ себѣ, что значеніемъ своимъ въ свѣтѣ обязаны единственно нравственнымъ силамъ и что изучая ихъ, вы изучаете не пути судьбы, но человѣка въ природномъ его могуществѣ, лишенномъ всякихъ матеріальныхъ пособій, ему собственно принадлежащемъ. Есть что-то особенно великое и прекрасное въ призваніи тѣхъ, которымъ суждено распространять въ обществахъ владычество разума и нравственныхъ началъ, владычество истины и изящества. Природа, одаривъ ихъ высшими способностями, организацией ума нѣжнѣйшей чѣмъ у другихъ, болѣе самостоятельной и дѣятельной, очевидно хотѣла дать въ нихъ перевѣсъ духовнымъ силамъ и стремленіямъ надъ матеріальными и чрезъ то беречь ихъ заранѣе на исключительную разработку началъ духа между людьми. Потому-то ихъ мало занимаетъ такъ называемая практическая сторона дѣятельности. Постигнувъ духъ своего народа и общества, изучивъ ихъ нравственныя нужды, овладѣвъ ихъ словомъ, они становятся впереди всѣхъ вождями и руководителями на исторической аренѣ ихъ мысли. То что въ умахъ другихъ есть только темное гаданіе, неопредѣленный порывъ, въ сердцахъ чаяніе или предчувствіе, что однако жъ составляетъ томительную потребность и ума и сердца, то прошедши сквозь художническую душу этихъ избранныхъ людей, выработавшись въ нѣдрахъ ихъ зрѣдательной мысли, облекшись въ слово стройное и живо-трепещущее, становится ясною истиною, живымъ убѣжденіемъ, движетъ, одушевляетъ, питаетъ всѣхъ. Сколько подъ животворнымъ вліаніемъ ихъ генія расцвѣло въ сердцахъ человѣческомъ благороднѣйшихъ побужденій и чувствъ! Сколько проснулось на ихъ мощный призывъ дремавшихъ доблестей, которыя міру подарила великіе уроки, а книгѣ бытописаній лучшія страницы. И такъ свойство ихъ зрѣдательной силы, вліаніе на развитіе и направленіе народной мысли и общество, положеніе ихъ въ этомъ послѣднемъ, судьба и характеръ составляютъ

столько же богатые, сколько и необходимые источники содержания для исторіи литературы. Она обязана изъ всего, что представлять ей документы, извлечь для потомства ихъ живые образы не только потому, что знакомство съ писателями составляетъ одинъ изъ важныхъ способовъ знанія самой литературы, но и потому, что сохраняющіе въ своихъ твореніяхъ всѣ виды народной славы, конечно достойны приобщиться ей сами.

«Вотъ главные, прямые источники, изъ которыхъ исторія литературы черпаетъ свое содержаніе и вотъ въ какомъ духѣ надобно ими пользоваться, по нашему мнѣнію.

«Гдѣ существуетъ литература какъ непреложная потребность и художественная сила общества, тамъ есть и наука. Мы видѣли, въ какой тѣсной связи находятся между собою эти два могущества человѣческаго разума, на которыхъ опирается зданіе нравственнаго порядка вещей. Вліяніе ихъ другъ на друга ведетъ къ важнымъ слѣдствіямъ для каждаго изъ нихъ, такъ же какъ и для общества. Очевидно, что исторія развитія народной мысли въ ея двоякомъ соприкосновеніи — съ высшими идеями разума и съ живыми историческими интересами общественности, имѣетъ право на пособіе той силы, которая вся посвящена служенію первымъ. Но область науки заключаетъ въ себѣ спеціальныя принадлежности, которыми воспользоваться можетъ только собственная ея исторія, — принадлежности недоступныя исторіи литературы. Какую же добычу найдетъ здѣсь послѣдняя для своего содержанія? Ни какой матеріальной; она войдетъ въ область науки не для того, чтобы вынести оттуда факты и лица, процессы образованія и развитія разныхъ ученій, системъ и проч., а только для того, чтобы однимъ общимъ взглядомъ окинуть работы народнаго ума, узнать направленіе и успѣхи народной мысли на этомъ уединенномъ пути и рѣшить, какого рода вліянію подвергалась литература въ извѣстное время отъ такой или другой системы учепаго образованія, принятой въ народѣ или обществѣ, отъ такихъ-то открытій, или преобладанія такой или другой системы и школы. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя событія въ области науки весьма явственно отражаются въ литературѣ. Вотъ одавѣ

въ многихъ примѣровъ: въ XVIII вѣкѣ всѣ европейскія литературы и въ основныхъ понятіяхъ и въ творческой своей дѣятельности, испытывали могущественное вліяніе литературы классической. Обыкновенно распространеніе и укорененіе этого вкуса приписываютъ Франціи. Но Франція здѣсь была, такъ сказать, только агентомъ другой силы, болѣе степенной и болѣе законной по историческимъ своимъ преимуществамъ. Эта сила заключалась въ томъ основательномъ и глубокомъ изученіи классическаго міра, которое распространилось въ Европѣ особенно въ XVI и XVII вѣкѣ: *отряхнувъ сперва пыль отъ ковъ отъ хартий*, возстановивъ и объяснивъ изумительными филологическими работами текстъ ихъ, однимъ словомъ, вынеся изъ мрака катакомбъ на свѣтъ эти неоцѣнимыя богатства греческаго и римскаго генія, оно представило изумленной Европѣ неслыханное зрѣлище умственной дѣятельности высокой, изящной, достигшей, казалось, крайнихъ предѣловъ художественнаго совершенства. Древній міръ какъ-будто воскресъ въ самомъ обаятельномъ, въ самомъ лучезарномъ сіяніи своей славы; благоговѣніе къ нему столь естественное, столь справедливое само по себѣ, въ живыхъ удоувлекаемыхъ умахъ Французовъ превратилось въ эстетическое суевѣріе, въ фанатизмъ, и то, что должно было остаться навсегда въ памяти народовъ, какъ источникъ воодушевленія, какъ примѣръ красоты простой и истинной, какъ предметъ самаго плодоносящаго изученія, то сдѣлалось предметомъ рабскаго подражанія. Такъ литературы новѣйшія многимъ обязаны классической филологіи и классической эстетикѣ; но по естественному ходу вещей, онѣ также должны были испытать и вредъ злоупотребленія, къ какому способны всегда легкомысліе и слѣпой энтузіазмъ. — А нынѣшнее стремленіе въ поэзіи къ дѣйствительности и истинѣ, столь различное съ прежнею игрою въ вымыслы и красивые идеалы безъ существенныхъ интересовъ жизни, не есть ли слѣдствіе духа анализа, господствующаго въ современной наукѣ — этого строгаго и могучаго духа жизни и вещей, впервые возбужденнаго геніемъ Колумба и послѣ

превращеннаго въ потребность, въ методу всякой истины Бекономъ и Декартомъ?»

полный русскій опытный огородникъ. *Сочиненіе Ивана Цигры, члена разныхъ росвійскихъ и иностранныхъ ученыхъ и земледѣльческихъ обществъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, въ тип. университетской, 1845, въ-16. Дѣль части, стр. 147 и 189.*

Не будучи огородникомъ, можно, кажется, смѣло поручить вниманію русскихъ сельскихъ хозяекъ твореніе такого ученаго и извѣстнаго огородника какъ господинъ Цигра. Наставленія его приспособлены къ свойствамъ русскаго климата. Онъ учитъ искусству устраивать хорошіе парники и усовершенствованныя гряды, разводить овощи и травы, сохранять ихъ въ прокъ и употреблять съ пользою въ хозяйствѣ.

Киргизъ-кайсакскія степи и ихъ жители. *Сочиненіе штабъ-лекаря А. Ягмина. Сп.-бургъ, въ тип. Края, 1845, въ-8, стр. 77, съ рисунками.*

Небольшое сочиненіе это примѣчательно въ-особенности по ученымъ наблюденіямъ автора надъ физическимъ строеніемъ Киргизской Степи, свойствами ея климата, ея флорою, физическими качествами жителей, ихъ болѣзнями и ихъ медициною, въ которой мы, къ немалому удивленію, встрѣтили начала чисто иппократическія, переданныя Киргизамъ, вѣроятно, Персіанами. Особенную статью посвятилъ авторъ кумысу, способу его приготовленія и употребленію его какъ лекарства. Книжка украшена собраніемъ весьма тщательно отдѣланныхъ рисунковъ, изображающихъ любопытнѣйшія растенія Степи, степныхъ тарантулъ и подкожнаго глиста Киргизовъ.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

О СОБРАНІИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИСТИ и о самобытной жизни въ живописи. Спб., 1845. — Почтенный Сергѣй Николаевичъ Глинка, своимъ пламеннымъ

слогомъ, своимъ палачимъ краснорѣчіемъ, съ глубокимъ чувствомъ, съ великимъ усердіемъ, горячо убѣждаетъ насъ этими страницами покупать все что напишутъ наши художники, для того чтобы живопись жила у насъ самобытною жизнью и деньги оставались въ государствѣ. Въ этой брошюрѣ нашли мы также каталогъ примѣчательной коллекціи картинъ русской кисти, собранныхъ со вкусомъ *О. И. Пряничниковымъ*.

ОПИСАНІЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА. *изобрѣтеннаго Зелигомъ-Слонимскимъ. СПб., 1845.* — Числительный инструментъ господина Зелига-Слонимскаго, русскаго Беббеда, отличается отъ прочихъ этого роду машинъ своей удивительною простотою, и удостоился награжденія второю Демидовскою преміею отъ Императорской Академіи Наукъ. Арифметическая теорія, на которой устройство его основано, была бы непонятною для нашихъ читателей, безъ числовыхъ выкладокъ и таблицъ.

ТАБЛИЦЫ ЛОГАРИТМОВЪ ВРОНСКАГО. *СПб., 1845.* — Эти таблицы помѣщены всѣ на одномъ печатномъ листѣ, а брошюра, подписанная господиномъ А. Анненскимъ, объясняетъ ихъ употребленіе. Преимущество логарифмической методы Вронскаго состоитъ все въ этой сжатости формата, которая между-тѣмъ ни сколько не сокращаетъ ни времени ни труда при вычисленіяхъ.

ОПИСАНІЕ СПАРЯДА ДЛЯ НАГРѢВАНІЯ ЖИЛЫХЪ КОМНАТЪ ПОСРЕДСТВОМЪ КИПАЧЕЙ ВОДЫ. *СПб., 1845.* — Въ Англіи нынче — большая мода на водяные калориферы, которые былиуже у насъ испытаны съ успѣхомъ. Этотъ способъ отопленія дешевъ, удобенъ и здоровъ: кипящая вода можетъ, со-временемъ, залить Амосовскія печи, при усовершенствованіяхъ, приданныхъ въ послѣднее время методамъ ея употребленія въ дѣло. Господа Фуллеръ и Щедринъ, одинъ искусный инженеръ, а другой славный архитекторъ, издавшіе это описаніе спаряду, который почитаютъ они за самый удобный и самый выгодный, объявляютъ о готовности своей показать всякому устроеннымъ ими пробные этого роду калориферы и сообщить желающимъ всѣ нужныя наставленія, свѣдѣнія и подробности.

КРАСИЛЬНОЕ ИСКУССТВО, или *Руководство къ окрашиванію шелку, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна во все цвета и къ набивкѣ бумажныхъ и льняныхъ издѣлій.* СПб., 1845. — Это переводъ съ вѣмецкаго. Сочинителя подлинника зовутъ Карломъ Рихтеромъ. Переводчикъ, изъ сожалѣнія о тратѣ времени и денегъ тѣмъ, кто покупаетъ красильныя книжки не его издѣлья, предлагаетъ имъ это твореніе, въ превосходствѣ котораго онъ увѣренъ.

ИСТРЕВЛЕНІЕ СОРНЫХЪ ТРАВЪ. *Сочиненіе Ф. В. Франке.* Переводъ А. Тирена. СПб., 1845. — Авторъ описываетъ травы, вредныя посѣвамъ, и излагаетъ способы, которыми можно освободить отъ нихъ поля.

О ВЛІЯНІИ ТАБАКУ НА ЗДОРОВЬЕ, КРАСВЕННОСТЬ И УМЪ ЧЕЛОВѢКА. *Сочиненіе доктора Буссирона.* СПб., 1845. — Эта книжца пресеріозно доказываетъ, что тѣ, которые курятъ табакъ, неизбѣжно лишаются здоровья, честности и ума. Да!... и ума тоже: это ужъ вѣриѣе всего. Между тѣмъ, докторъ-сочинитель и глубокомысленный его переводчикъ, которые табакъ не курятъ, одинъ пишетъ, а другой переводитъ такія книжицы!... Переводчикъ дотогу уже не куритъ табакъ, что, употребивъ мудреное слово, *токсикологическій* (ядословный), утверждаетъ, будто оно значить—*отвратительный*. Въ грозный походъ свой противъ проклятой травы они вооружились тѣмъ страшнымъ фактомъ, что изъ табакъ можно добыть никотину, которая—ядъ. Мудрый авторъ и мудрый переводчикъ забыли только то, что изъ говядины можно добыть синеродистоводородную кислоту, которая въ тысячу разъ ужаснѣе никотины: однако жъ, никто еще не лишался здоровья, честности и ума отъ бифстеку и ростбифу. Это умное твореніе украшено виньетками на деревѣ, украсившими уже собою ивогіа прекрасныя книжонки.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— На-дняхъ выходитъ, или уже и вышелъ, третій томъ «*Ста русскихъ литераторовъ*», Смирдина, томъ обѣщающій быть еще интереснѣе двухъ предъидущихъ.

— Прекрасное издание «Памятниковъ московской древности» кончено: оно заключилось одиннадцатою тетрадью. Мы будемъ вскорѣ имѣть случай поговорить объ немъ подробно.

— Книгопродавецъ А. И. Ивановъ издалъ вторую часть известной «Физиологии Петербурга», со многими красивыми виньетками на деревѣ. Эта часть занимательнѣе первой.

— Изданіе полного собранія «Романовъ Вальтера Скотта» въ новомъ русскомъ переводѣ блистательно открылось выходомъ «Квинтина Дорварда», въ одномъ красивомъ томѣ. За первымъ томомъ быстро послѣдуютъ другіе. За это *предпріятіе*—спасибо. Ему, мы увѣрены, сужденъ великій успѣхъ въ нашемъ читательскомъ мірѣ, который, такимъ образомъ, будетъ вскорѣ обладать, для лучшихъ своихъ наслажденій, изящнымъ переводомъ и благопристойнымъ изданіемъ неподражаемыхъ твореній безсмертнаго англійскаго романиста.

— Покойный графъ Сперанскій, по окончаніи бесѣдъ своихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, имѣлъ намѣреніе, и даже Высочайшее порученіе, составить для русскаго юношества руководство къ познанію отечественныхъ законовъ. Онъ приступилъ къ этому полезному труду, котораго никто не могъ бы лучше его исполнить на Руси, но разстроенное здоровье и, вскорѣ, смерть не позволили ему довершить начатаго. Найденное въ бумагахъ его начало будущей книги издано теперь здѣсь въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Руководство къ познанію законовъ, сочиненіе графа Сперанскаго». Несмотря на неполноту, оно достойно всего вниманія наставниковъ юношества и читателей незабвеннаго автора.

— Романъ господина Евгенія Сю, «Похожденія Геркулеса Арди», и романъ госпожи Ребб, «Фабіана», вышли въ Москвѣ въ русскихъ переводахъ.

— Въ Петербургѣ, господинъ Loustaunau, преподаватель технологіи въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, издалъ на французскомъ языкѣ: «*Cours élémentaire de technologie, à l'usage des élèves de l'Ecole Impériale de Droit*».

ИЮЛЬ, 1845.

НОВЫЯ КНИГИ.

ПАМЯТНИКИ, ИЗДАННЫЕ ВРЕМЕННОЮ КОМИССІЕЙ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ, *Высочайше учрежденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторь. Кіевъ, въ тип. Университета, 1845, въ-8., стр. XX и 860.*

Мы долго жаловались на запустѣніе, въ какомъ лежали наши историческіе матеріалы, тогда какъ западная Европа усердно обрабатывала свои. Теперь эти нареканія должны совершенно утихнуть. Дѣятельность, съ какою принялись у насъ отыскивать и издавать древніе акты, до того усилилась въ послѣднее время, что и русская современная литературная эпоха можетъ принять титулъ *эпохи исторической*. Не проходитъ мѣсяца, чтобы мы не встрѣчались съ новымъ и полновѣснымъ томомъ древнихъ

лѣтописей, грамматъ, юридическихъ документовъ и переписокъ, изданныхъ трудолюбиво и съ самымъ похвальнымъ усердіемъ какою-нибудь комиссіей или частными лицами. Вотъ новый, прекрасный, чрезвычайно любопытный томъ матеріаловъ для исторіи Россіи. Комиссія, учрежденная въ Кіевѣ для отысканія, разбору и обнаруженія сокровищъ этого рода, сохранившихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, монастырей и знатнѣйшихъ помѣщиковъ, обладаетъ уже богатымъ собраніемъ разнообразныхъ актовъ, поясняющихъ законодательство и политическія судьбы того края, и собраніе это ежедневно умножается новыми открытіями и приобрѣтеніями. Для перваго тома своихъ трудовъ она избрала, акты Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства, которое долгое время играло важную роль въ исторіи Православной Вѣры у южныхъ Русиновъ; памятники, относящіеся къ исторіи Кіевского Богоявленскаго Братства и его академіи; и, наконецъ, разныя оффиціальныя и частныя бумаги, поясняющія эпоху войнъ Хмельницкаго, какъ самую важную въ исторіи Малороссіи. Все это приведено въ хорошей порядокъ, издано съ необходимою вѣрностью съ подлинниками, писанными на волыно-рускомъ и на польскомъ языкахъ и обогащено, для удобства читателей, переводомъ на нынѣшній русскій языкъ. Передача выраженій, принадлежащихъ другой эпохѣ, другому законодательству, другимъ и, притомъ, уже исчезнувшимъ правамъ и понятіямъ, формами новѣйшаго языка удается весьма рѣдко. Трудности, сопряженныя съ этимъ предпріятіемъ, были безчисленны и во многихъ случаяхъ ужасны; но переводчикъ или переводчики, вообще, преодолѣли ихъ съ примѣчательнымъ успѣхомъ. Историкъ, который захочетъ употребить въ дѣло изданные комиссіей матеріалы, конечно, не положится на этотъ переводъ, который однако жъ можетъ служить ему облегченіемъ и полезнымъ, во многихъ случаяхъ, путеводителемъ. Частныя невѣрности должны по необходимости встрѣчаться въ такомъ трудномъ, можно сказать, мучительномъ переводѣ. Напримѣръ: въ третьемъ отдѣленіи, которое необыкновенно занимательно по разно-

образію источниковъ свѣдѣній, упомянуто въ переводѣ (стр. 7) объ *ихъ республикѣ*, то есть, о республикѣ Казаковъ, тогда какъ подобной *республики* не было и въ подлинникѣ говорится о польской *республикѣ*, именно, о палатахъ сенаторской и посольской, или депутатовъ: вмѣсто—какъ водвореніе законнаго порядка въ *ихъ республикѣ* и *устройство* для этого *вашею королевскою милостію правительствомъ старшихъ*, которое они только желаютъ *сокрушить* — вѣрнѣе было бы перевести — какъ *распоряженіе* (*ordinatio*), *сообщенное* *вашею королевскою милостію республикѣ* (то есть, палатамъ), о томъ, что *правленіе и назначеніе старшихъ у нихъ будутъ впродолженіе отъ васъ*, которое *распоряженіе* почитаютъ они *нарушеніемъ своихъ правъ* (*sibi infringere*). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 21) въ переводѣ выпущено безъ всякой видимой причины живописное выраженіе подлинника—*голландская война: прибавлю, что съ ними будетъ продолжительная и трудная* (голландская) *война*. Сочинитель письма намѣкаетъ съ удивительнымъ предчувствіемъ будущаго на знаменитую народную борьбу Нидерландовъ съ Испаніей. Далѣе встрѣтили мы слова — *ragretua labes*, переведенныя словами—*слышная погибель*: слѣдовало сказать—*безпрерывныя бѣдствія или пораженія*. Въ оглавленіи находимъ мы: *Письмо Хмельницкаго къ султану крымскому, Галъ*. Переводчикъ, какъ кажется, принялъ слово *Гала* за собственное имя крымскаго султана: подлинникъ не подавалъ ему повода къ этому превращенію смысла. Государяни Крыма были *ханы*, и, слѣдственно, *крымскаго султана* быть не могло. *Гала* или, точнѣе *кала*, *калай* — татарское причастіе глагола *калмакъ*, «оставаться», «заступать мѣсто», и *кала-султанъ* или *калай-султанъ* (эти два слова нераздѣльны), значить только — «заступающій мѣсто» хана, ханскій намѣстникъ, крымскій верховный визирь. Таковы были оффиціальныя титулы намѣстниковъ крымскихъ хановъ: санъ этотъ Порты обыкновенно предоставляла одному изъ братьевъ, племянниковъ и дядей владѣтельнаго хана, которые, всѣ вообще, пользовались титуломъ «султановъ». Мы указываемъ на эти погрѣшности

единственно для того чтобы обратить вниманіе искусныхъ переводчиковъ, при дальнѣйшемъ трудѣ ихъ, на условія исторической точности въ избираемыхъ ими выраженіяхъ, спѣша тутъ же прибавить, что подобныя несовершенства рѣдко поражали насъ при чтеніи огромнаго тома, котораго исполненіе достойно всякой похвалы. Изданіе сверхъ-того украшено множествомъ виньетокъ, изображающихъ разныя мѣстныя древности, литографированными видами сраженій съ рисунковъ, современныхъ событіямъ, планами зданій и снимками почерковъ.

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ. *Москва. 1845.*
Тетради девятая, десятая и одиннадцатая.

Великолѣпный литературный монументъ въ честь драгоценной старинѣ древней столицы Россіи — оконченъ. Этими тремя тетрадами заключается одно изъ прекраснѣйшихъ изданій и одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ, какія только Русскій можетъ прибавить къ своей избранной библиотекѣ. Честь и слава навсегда ученому антикварію, господину Снегиреву, и усердному издателю его превосходнаго труда, господину Семену. Изданіе этого важнаго сочиненія, посвященнаго Государю Императору, продолжалось три года: со многими затрудненіями пришлось бороться имъ обонимъ въ продолженіи этого времени, но ревность къ наукѣ и патриотизмъ все преодолѣли. Последнія три тетради заключаютъ въ себѣ рисунки и описанія, относящіяся къ Оружейной Палатѣ, Потѣшному Дворцу, арсеналу, кремлевскимъ укрѣпленіямъ, Спасскимъ, Никольскимъ и Троицкимъ Воротамъ, Покровско-снасскому Собору и Лобному Мѣсту. Въмѣсто «описанія» мы должны были бы сказать «диссертаціи», потому что каждое изъ нихъ — настоящее ученое разсужденіе, не только о предметѣ, но и о всемъ, что можетъ до него касаться: масса интересныхъ историческихъ и художественныхъ подробностей, накопленныхъ господиномъ Снегиревымъ на этихъ изысканныхъ страницахъ, изумительна и

по числу и по разнообразію, и придаетъ книгѣ, созданной его трудолюбіемъ, необыкновенную занимательность при чтеніи, независимо отъ занимательности самихъ предметовъ, дорогихъ всякому русскому сердцу по тѣмъ священнымъ или славнымъ воспоминаніямъ, которыя поражаютъ одни уже ихъ названія.

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ, издаваемое Сергіемъ Глинкою. *Отечественные памятники XVIII и XIX столѣтій. Сп.-бурія, въ тип. О. К. Внутренней Стражи. 1845, въ-8.*

Почтенный ветеранъ Отечественной Войны и отечественной журналистики издаетъ это «Чтеніе» выпусками. О первомъ выпускѣ было сказано: теперь мы уже имѣли удовольствіе читать ихъ три. У Сергія Николаевича — свой собственный, очень оригинальный способъ писать исторію: онъ сближаетъ, въ отрывочныхъ картинкахъ, самыя отдаленныя лица и самыя несходныя предметы, и выводитъ изъ этого самыя неожиданныя заключенія. Онъ пишетъ исторію сердцемъ, но сердцемъ полнымъ энтузіазма, который даетъ ему средство быть безконечно юнымъ. Мы не говоримъ, чтобы такой способъ намъ не нравился. Напротивъ! И доказательствомъ тому служитъ несказанное удовольствіе, съ какимъ читали мы его третій выпускъ, гдѣ, съ помощію такихъ сближеній и такихъ картинокъ, онъ рассказываетъ сношенія свои, журнальныя и политическія, съ графомъ Растопчинымъ, сообщая въ то же время анекдоты, которые, въ бесѣдахъ съ нимъ, узналъ о Суворовѣ. Собственно говоря, мы предпочли бы картинкамъ и сближеніямъ простой послѣдовательный рассказъ въ родѣ мемоаровъ. Сергій Николаевичъ могъ бы рассказать намъ столько любопытныхъ вещей о лицахъ и дѣлахъ того времени, если бы рѣшился рассказывать по порядку все, что видѣлъ, слышалъ и знаетъ лично. Но мы не хотимъ дѣлать насилія его вкусу, и съ благодарностью принимаемъ подарокъ въ томъ видѣ какъ онъ даетъ его намъ. Вотъ часть этихъ любопытныхъ бесѣдъ съ графомъ Растопчинымъ и сообщенныхъ имъ свѣдѣній.

«Люблю Суворова», сказалъ автору графъ Федоръ Васильевичъ, въ февралѣ 1808 года, въ селѣ Вороновѣ: съ восторгомъ пишу о немъ (для вашего журнала). Но онъ большой сдѣлалъ промахъ въ Вѣнѣ! Онъ слишкомъ круто наступилъ на грудь членамъ Гофъ-кригсъ-рата, которые и тамъ привыкли къ раздумью, гдѣ дѣло само собою кипѣло, Суворовъ это зналъ. Жаль, что на этотъ разъ не прикинулся лисою. Тутъ пригодилась бы и змѣиная хитрость. Чѣмъ бы швырнуть бѣлый листъ членамъ Совѣта на вопросъ ихъ: *es chem besteht plakt eis kompanii?* онъ могъ бы по-своему наговорить имъ турусуна-колесахъ. Ему за велерѣчіемъ не нужно было ходить въ карманъ. Не спохватился, оплошалъ. Зналъ онъ, говоря его словами и *тактику и практику*, а за сивною у себя оставилъ распѣтушенную спѣсь. Ему ли было не вѣдать, что взбѣшенное самолюбіе, во чтѣ бы ни стало, а потѣшитъ себя ищеніемъ. Графъ Разумовскій тогда же писалъ ко мнѣ изъ Вѣны, что и баронъ Тугутъ и всѣ члены совѣта, чрезвычайно раздражены противъ нашего героя; но что Англичане всѣми силами отстаиваютъ его. Впрочемъ, прибавилъ нашъ посолъ, нашъ Александръ Васильевичъ не замедлитъ побѣдами; а передъ побѣдителемъ невольно умолкнуть и негодование и досада». А я прибавлю, что, какъ Русскій, Суворовъ хорошо поступилъ. Императоръ Павелъ, полагаясь на его знаніе и опытъ, не требовалъ ни какого предварительнаго отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ вѣрилъ его славу, его гению. Но Гофъ-кригсъ-ратъ иначе судилъ. А между-тѣмъ, летая по полямъ Италіи орломъ, нашъ богатырь Рымникскій показалъ и доказалъ Европѣ, что онъ не съ одними мусульманами умѣетъ управляться. Серюріе, Макдональдъ, Жуберъ, Мордъ, нечего сказать, всѣ они были молодцы. Легіоны ихъ дрались какъ львы; но трехцвѣтное знамя поникло передъ нашимъ сѣвернымъ орломъ. Ничто не помогло. Суворовъ писалъ ко мнѣ: *«Дайте мнѣ волю или волюность»*. Да гдѣ мнѣ было ихъ взять! А чтѣ по моему званію можно было дѣлать, я то и дѣлалъ. Я писалъ къ Кобенцелю: «Нужны дѣла, а не слова; между союзными

Дворами должны существовать дружба, правда и откровенность». Письмо Кобенцеля и мой къ нему отвѣтъ, отправилъ я подъ побѣдоносныя знамена Суворова, въ Италию.

«Загнанный въ дѣйствіяхъ своихъ на чужбинѣ, Суворовъ говорилъ, что онъ мѣшается въ числахъ. Зато Императоръ Павелъ исчислялъ каждый шагъ его побѣдъ, зато Русскій нашъ графъ С. Р. Воронцовъ, грудью отстаивалъ его въ Лондонѣ, и всѣ мои мысли были съ нимъ. Не дремали и итальянцы. Кардиналъ Руффо, рыцаремъ сѣлъ на коня и поднялъ на бой неаполитанскихъ лазарони, подкрѣпленныхъ Русскимъ отрядомъ. Но тутъ нагрянула бѣда. Чѣмъ бы поддерживать возстаніе Неаполитанское, адмиралъ Нельсонъ, какъ Тассовъ Ринальдъ, дремалъ въ оковахъ новой Армиды. Суворовъ писалъ къ нему: «Проснись герой! проснися сибариты!» Но Нельсонъ не пробуждался. Въ немъ не было середины: онъ былъ весь славою или весь любовью.

«А мы надѣялись вслѣдъ за нашимъ героемъ отправить изъ Митавы короля Лудовика XVIII и герцога Ангулемскаго, подъ кровлю дворца тюльрійскаго; надѣялись, что туда же поспѣшить отплыть изъ Англіи и графъ д'Артоа. Словомъ, казалось, что и небо и земля готовились протрубить новую славу. Но, по нашей пословицѣ: нужный путь Богъ управитъ! Видно тогда еще не пришла для Европы пора пощады и отдыха. Ни какой машинистъ на театрѣ не передвигаетъ декорации съ такою быстротою, съ какою все передвинулось въ Европѣ въ исходѣ 1799 года. Война была исполнская. Русскія войска въ Италиіи и Швейцаріи, русскія знамена развѣвались въ Голландіи и у береговъ Англіи, угрожая сѣверной Франціи. Нельсонъ съ флотомъ своимъ былъ у береговъ Италиіи, а наши корабли дѣйствовали съ кораблями Турецкими. И что же изъ этого вышло? Австрійцы, подъ начальствомъ принца Карла, отъ нашихъ швейцарскихъ войскъ оттянулись къ Мангейму; въ Голландіи Германъ запровалъ и попалъ

въ плѣнъ, а Англичане пустились на попятный дворъ. Въ Швейцаріи Массена не побѣдилъ, но поддѣлъ нашихъ.

«Вотъ какъ это случилось. Было условленное перемиріе. Но вдругъ на высотахъ своихъ, Французы сильно всполошились и у нихъ закипѣло необычайное движеніе. Съ нашей стороны немедленно былъ отправленъ полковникъ Поливановъ съ запросомъ о такой торопливой перестановкѣ французскихъ войскъ. Дѣло шло къ ночи. Хитрый Массена, задержавъ его, послалъ отъ себя извѣстить нашихъ, что будто бы онъ готовится съ легионами своими праздновать наступленіе республиканскаго года, и, что если услышать и пушечную пальбу, то это просто привѣтствіе празднеству. Мы, Русскіе, отъ отваги молодецкой, нерѣдко бываемъ слишкомъ довѣрчивы. Нашъ богатырь Циціановъ, гроза Персіянъ, былъ застрѣленъ на вѣроломномъ переговорѣ. Отъ довѣрія попали наши въ просякъ подъ Цюрихомъ. Массена, врасплохъ, не дождавшись разсвѣта, напалъ на слабѣйшее наше крыло; но ему не чѣмъ было похвалиться за суматоху подъ Цюрихомъ: Суворовъ съ лихою отомстилъ ему. Розенбергъ, подъ Мунтентальтомъ сбилъ съ поля Лекурба и взялъ его въ плѣнъ. Въ то же время, громкія воззванія Массены такъ разожгли воображеніе Парижанъ, что они ожидали Суворова къ себѣ плѣннымъ; а онъ пролетѣлъ себѣ черезъ Чортовъ Мостъ, и пробился черезъ ущелья, гдѣ подстерегали его республиканцы съ грозными своими пушками. Какъ бы то ни было, но Суворову нельзя было держаться въ Италіи, а Корсакову въ Швейцаріи....

«Между-тѣмъ, бывшій побѣдитель Италіи, быстро летѣлъ по волнамъ морскимъ изъ Египта: а нашъ Суворовъ извѣщалъ графа Разумовскаго, гдѣ и когда Бонапарте опрокинетъ временные успѣхи Австрійцевъ. Маренго это доказало. Не дремалъ и въ маренгскихъ лаврахъ консулъ Бонапарте. Нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ расплохъ подъ Цюрихомъ, было во Франціи тысячъ до семи. Англія отказалась выручить ихъ. Консулъ Бонапарте снарядилъ нашихъ Русаковъ и предложилъ ихъ Государю

безусловно : вслѣдствіе чего былъ за ними отправленъ нашъ генералъ. Всякій необычайный подвигъ сильно дѣйствовалъ на сердце Павла. Довкою услугою Бонапарте сблизился съ нами. Мнѣ, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, прислалъ онъ золотой столовый приборъ, принятый мною съ соизволенія Государя....

«Когда графъ Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1799 году, отправляясь къ цесарской арміи, то въ первый день называлъ всѣхъ окружающихъ Государя красавцами, увѣряя, что они похорошѣли. На вопросъ мой, зачѣмъ одно всѣмъ говорить, онъ отвѣчалъ: «Всѣ вы—красавцы, а я — кокетка; смѣюсь и не боюсь».

«Передъ отъѣздомъ въ Вѣну, графъ Александръ Васильевичъ разговаривалъ во дворцѣ на балѣ съ княземъ Ауэрспергомъ, бывшимъ съ его высочествомъ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, и говорилъ ему по-французски, перевода по нѣмецки: «Оборонительная война не хороша, наступательная лучше. Французы на ногахъ, а вы на боку. Они бьютъ, а вы заряжаете. Введи курокъ, прикладывайся, пали, а они — прохладительное (штыки); пропорція три противъ одного. Подите за мною, я вамъ докажу». И потомъ, проведя очень скоро князя Ауэрсперга по комнатамъ, возвратился въ залу и оставилъ его одного.

«Послѣ сраженія при Нови, Суворовъ прислалъ мнѣ съ полковникомъ Кушниковымъ слѣдующее письмо. Точки, въ немъ означенныя, точно такъ находятся въ подлинникѣ.

«Русскій Богъ великъ..... охаютъ Французы, усмѣхаются Цесарцы..... а здѣсь хоть и побѣдно, но тяжело..... Наши лучше нельзя; Цесарцы долго равняются; Французы горячи; имъ жарко, побили ихъ много, сберечь трудно..... съ Анліи мною довольны, и шифръ мой на праздникахъ, и Семень Романычъ (Воронцовъ) меня хвалитъ..... а у меня чулки спустились (ему хотѣлось ордена подвязки), Кушниковъ храбръ, бодръ, говоритъ языками и все знаетъ..... Лучше бы было безъ тактики и практики..... Политика,

критика, Тузутъ, Директорія, Лондонъ, Петсдамъ.....
 Боже сохрани!.... и вась и сунругу васьну».

«Послѣ перехода черезъ швейцарскія горы, писалъ онъ ко мнѣ слѣдующее письмо:» *Пришелъ въ Беллинзонъ..... Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тузутъ и горы и пропасти..... но я не живописецъ, пришелъ и прошелъ..... видѣли и Французовъ, но вѣсть спустили..... холоднымъ ружьемъ..... по кольцу въ силу..... Массена проворекъ, не успѣлъ..... Каменскій молодой молодецъ, но старъ больше, чѣмъ генераль-маіоръ..... а подъ Цюрихомъ душно, и Лаостера"ранили..... Цесарцы подъ Мангеймомъ; Тузутъ вездѣ, Гоцъ нидѣ..... Геройство побѣждаетъ храбрость, терпѣніе скорость, разсудокъ умъ, трудъ лѣнь, исторія газеты..... готовъ носить Марію-Терезію (австрійскій орденъ), у меня и такъ ихъ много на плечахъ сидитъ..... Караулъ! ура! я Русскій, вы Русскіе!.....»*

«Сидя одинъ разъ съ нимъ на-единѣ, накануне его отъѣзда въ Вѣну, мы разговаривали о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва исчислять ошибки цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать собственные свои виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго чело-вѣка: подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я весь былъ превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія-Кесаря обратился въ птицу и запѣлъ громко пѣтухомъ. Не владѣя первымъ движеніемъ, я вскочилъ и вскричалъ съ огорченіемъ: «Какъ это возможно!» А онъ взялъ меня за руку и, смѣючись, сказалъ: «Поживи съ мое, закричишь курицей.»

«Одинъ разъ онъ увѣрялъ, что былъ раненъ 32 раза: два на войнѣ, десять дома и двадцать у Двора.

«Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ воинахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ я всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ кре-

отился; наконецъ, оказалъ мнѣ на-учо: «Юлій-Кесарь, Ганнибалъ, Бонапартъ, Домашній лечебникъ, Пригожая повариха», и заговорилъ о химіи.

«Онъ находилъ, что три самыя смѣлые челоуѣка были Курцій, князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій и Антонъ староста: первый, что бросился для спасенія Рима въ пропасть; вторый, что для блага Россіи говорилъ правду Петру Великому; третій, что одинъ ходитъ на медвѣдя.»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ. Составилъ кандидатъ фило-
софіи, Александръ Чертковъ. СП.-бургъ, въ Гуттенбер-
говой тип., 1845, въ-8. Доль части.

О выходѣ въ свѣтъ первой части этой незабвенной по-
литической географіи оный свѣтъ уже извѣщенъ надлежа-
щимъ образомъ. Вотъ вторая—предстаетъ передъ его удив-
леніе. На сотни страницъ авторъ отдѣлалъ какъ-слѣду-
етъ Азію, Африку, Америку и Полинезію.

Позвольте познакомить васъ хоть съ Египтомъ, самою
знакомою страшною изъ этихъ чудныхъ странъ. Египетъ
управляется пашою или вице-королемъ, Могаммедомъ-Али.
Вотъ вся египетская политика. Этотъ вице-король, ко-
торый не знаетъ грамоты и одинъ торгуетъ, одинъ па-
шетъ, съѣтъ жнетъ, прядетъ, ткеть и промышляетъ
во всемъ Египтѣ, разоренномъ и обезлюденномъ его ста-
раніями, есть собственно просвѣщенный мужъ, и покрови-
тель наукъ, торговли и промышленности, совершенст-
вующій страну въ цивилизаціи. Въ Египтѣ, какъ вы знае-
те, не бываетъ дождей и онъ превратился бы въ степь,
если бы Нилъ не наводнялъ его: но вы не знаете при-
чины этихъ наводненій. Причина очень проста. Исто-
чникъ наводненій Нила — дожди въ Нубіи, гдѣ люди ни-
когда еще дождя не видали. И откуда, полагаете вы, пада-
ютъ дожди на Нубію?.. Съ неба?... Это—старинная метода.
Господинъ Чертковъ изобрѣлъ совсѣмъ новаго рода дожди.
Дожди на Нубію падаютъ съ горъ Абиссиніи, которая, какъ

вамъ извѣстно, отъ Нубіи далѣе чѣмъ Швеція отъ Франціи. Вотъ географія. Жители Египта, за неизмѣнимъ тутовыхъ деревьевъ и средствъ къ шелководству, съ досады, занимаются тканіемъ шелковыхъ матерій. И это тѣмъ удивительнѣе, что всѣ жители Египта слѣпы. Я не шучу: «воздухъ въ Египтъ есть не здоровый, слѣдствіемъ чего есть преждевременная слѣпота жителей». Благоволите замѣтить — преждевременная: если бы воздухъ былъ здоровый, тогда они ослѣпали бы своевременно. Но всё-таки результатомъ была бы — слѣпота жителей! Такая ужъ у нихъ нація. Они дотога слѣпы, что ткутъ шелкъ, котораго у нихъ нѣтъ, и совсѣмъ не знаютъ о существованіи своего знаменитаго египетскаго льну. Надо сказать вамъ еще одну любопытную новость, а именно, что этихъ слѣпыхъ жителей Египта четыре милліона: досихъ-поръ мы знали только о двухъ милліонахъ, и то не сполна, послѣ цивилизаціи заведенной вице-королемъ Могаммедомъ-Али, который, какъ говоритъ господинъ Чертковъ — *лицо на бумагу*. Египетскіе корабли ходятъ въ Джидду и Мокку, разумѣется, пробираясь черезъ пустыню, отдѣляющую отъ него берега Чермнаго Моря, на которыхъ у Египтянъ есть только двѣ деревушки, Косейръ и Суэзь. Что касается до Каира, который издревле славился своими мусульманскими академіями, то достаточно вамъ знать, что «Каиръ есть важный торговый городъ съ маометанскими училищемъ».

Всѣ эти чудеса, и еще множество другихъ, господинъ Чертковъ имѣлъ даръ умѣстить на двухъ страничкахъ.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ ТЕХНИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукахъ и искусствахъ, до нея относящихся, составленный инспекторомъ классовъ артиллерійскаго училища, полковникомъ Ръзвымъ. Сп.-бургъ, въ тип. Фишера, 1845, въ-12, стр. 171 и 547.

Тщательно составленная и весьма полезная карманная

книга, пособие необходимое всѣмъ артиллеристамъ и инженерамъ, читающимъ французскія книги по предметамъ и наукамъ, принадлежащимъ къ ихъ искусству и службѣ. Сочиненіе это, одобренное специальными знатоками дѣла, напечатано по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.

РАЗЧЕТЫ ПО ПЯТИ И ШЕСТИ ПРОЦЕНТОВЪ ВЪ ТАБЛИЦАХЪ, съ узаконеніями о векселяхъ, заемныхъ письмахъ и закладныхъ. Составилъ М. Поднебесный. СПб.-бургъ, въ тип. Вишебера, 1845, въ-8., стр. 120.

Судя по числу ежемѣсячно выходящихъ книжекъ и книжечекъ о расчетѣ процентовъ, можно подумать, что мы сдѣлались ужасными ростовщиками, что капиталы у насъ множатся какъ грибы послѣ дождя, что мы не знаемъ, куда дѣвать деньги. Ничего не бывало! Это доказываетъ только успѣхи ариметики въ Россіи. Люди, проникшіе въ тайны этой прекрасной науки, отъ нечего-дѣлать забавляются вычисленіемъ процентовъ и издають труды своимъ книжечками всѣхъ форматовъ. Потѣха — совершенно невинная.

Въ концѣ подлежащей процентной книжки находится извѣстіе, что тотъ же ариметикъ, господинъ Поднебесный, издалъ еще «*Денежный альбомъ для прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ или Золотыя таблицы для переложенія денегъ по курсу*», которыя золотыя таблицы можно купить за рубль мѣдью у книгопродавца Панькова, въ Большой Садовой.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЛОДЫ ВЪСОСНИЦЫ. *Сочиненія барона Александра Бодё. Спб., 1845.*—Баронъ Бодё, который такъ прекрасно, съ такою пользою, трудится, днемъ, по части государственнаго и сельскаго хозяйства, ночью, лежа въ постели, чтобы не тратить времени, сочиняетъ стихи. Нѣсколько этихъ гармоническихъ плодовъ бессонницы онъ рѣшился представить публикѣ, которая, въ томъ нѣтъ сомнѣнiя, съ большимъ любовиствомъ будетъ читать его хозяйственные стихи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТIЯ.

— Года три тому назадъ, докторъ Левъ Грюнбергъ, бывшiй инспекторъ харьковской врачебной управы, уѣхалъ въ Берлинъ, въ двухъ томахъ, *«Всеобщiй терминологическiй медицинскiй лексиконъ»*, на языкахъ латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ. О появленiи этого полезнаго труда мы извѣстили въ свое время. Теперь авторъ его ознаменовалъ свою дѣятельность двумя новыми томами, напечатанными также въ Берлинѣ. Два первые представляли терминологию медицины и связанныхъ съ нею наукъ съ латинскаго языка на русскiй и нѣмецкiй. Третiй томъ даетъ тѣ же термины съ нѣмецкаго на латинскiй; четвертый — съ русскаго на латинскiй. Сочиненiе доктора Грюнберга принято было знатоками дѣла, здѣсь въ Петербургѣ, съ полнымъ одобренiемъ. Теперь, какъ оно кончено, мы считаемъ нужнымъ еще разъ обратить на него вниманiе русскихъ врачей и всѣхъ, кому эта книга еще не извѣстна. Она рѣшительно необходима каждому медку, каждому изучающему

медицину, в каждом занимающемся естественными науками. Мы, сами, давно уже употребляем два первые тома этого лексикона и, во всехъ случаяхъ, были довольны его полнотою и точностью.

— Недавно извѣщали мы о выходѣ въ свѣтъ седьмой части «*Часовъ благоговѣнія*» въ русскомъ переводѣ. Въ исходѣ іюня мѣсяца вышла, въ Петербургѣ, осьмая часть этого знаменитаго христіанскаго творенія, которое имѣло столько изданій въ Германіи и столько переводовъ на разные языки.

— Здѣсь же изданы прекрасныя «*Церковныя слова*» преосвященнаго архіепископа донскаго и новочеркаскаго, Игнатія. Полное заглавіе этой назидательной книги: «*Церковныя слова о Вѣрѣ и средствахъ къ ея познанію, исполненію и охраненію*».

— Кому изъ читателей «*Библиотеки для Чтенія*» не извѣстны «*Лондонскія тайны*», которыя многими предпочитаютъ даже «*Парижскимъ*»? Вотъ эти-то «*Лондонскія тайны*», не довольствуясь страницами журнала, являются нынче въ свѣтъ вторично, въ почтенномъ видѣ пяти томиковъ, съ затѣйливыми обертками, иллюстраціями, и прочими архитектурными украшеніями. Если онѣ понравились нашимъ читателямъ, то просимъ всехъ и каждого пожелать имъ успѣху въ новомъ нарядѣ.

— Скажите еще, пожалуйста, что намъ дѣлать съ «*Новыми взглядами на сельскую жизнь?*» Вы помните эти новаго рода «*Взгляды*», къ которымъ авторъ, для поощренія читателей, прилагаетъ горохъ, картофель, сѣно, луковицы, георгины, множество всякихъ разныхъ припасовъ, живности и провизіи, въ семенахъ. Говоря въ «*Лѣтописи*» объ этомъ твореніи, мы жаловались, что не получили обѣщаннаго книжкою провіанту, и что, по таковой неполнотѣ документовъ, не можемъ судить о достоинствѣ «*Новыхъ взглядовъ*»? Въ отвѣтъ, къ намъ препроводили другой экземпляръ «*Взглядовъ*» съ цѣлымъ кулемъ семянъ, и требуютъ непременно подробнаго разбору. Теперь, разумѣется, чтобы произнестъ основательный критическій приговоръ о книжкѣ, нужно нанять

десятину хорошей земли, посвятить все это будущей весной, и посмотреть что выростетъ. А какъ изъ «Новыхъ взглядовъ» выйдетъ одна только крапива?... На-обумъ судить нельзя! Десятина хорошей огородной земли возлѣ Петербурга стѣитъ тысячу рублей за дѣто. Развѣ это возможно? Кто на свѣтѣ согласится такъ разбирать новыя книги!.... Да если каждый авторъ станетъ къ своимъ твореніямъ, — поэмамъ, романамъ, руководствамъ, взглядамъ, — дѣлать такія приложенія, такъ это — вѣрнѣйшій способъ разорить критику въ одинъ годъ и навсегда ее уничтожить!...

=

VII.

СМЪСЪ.

=

ОТКУДА ПРОИЗОШЛО НАЗВАНІЕ ЧЕРНАГО МОРЯ? Наблюденія профессора Эренберга, въ 1823 году и новѣйшія. Происхождение этого названія не было извѣстно антикваріямъ и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, число объясненій было равно числу авторовъ. Въ 1823, знаменитый путешественникъ Эренбергъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Торѣ, близъ Синайской Горы: «Десятаго декабря, говоритъ онъ, я видѣлъ поразительный феноменъ окрашенія всего залива, образующаго гавань этого города, въ кровавый красный цвѣтъ. Открытое море, за коралловыми скалами, сохраняло обыкновенный цвѣтъ. Впродолженіи знойнаго дня, мелкія волны спокойнаго моря приносили и слагали на песчаный берегъ слизистое кроваво-красное вещество, такъ, что въ полчаса времени, при отливѣ, вся губа окружилась красною каймою въ нѣсколько футовъ ширины. Я почерпнулъ воды въ стаканъ и принесъ въ палатку, которая была раскинута у меня близъ моря. Не трудно было дознаться, что окраска эта происходила отъ множества мелкихъ, едва зримыхъ, хлопьевъ, часто зеленоватыхъ, иногда темно-зеленыхъ, но болѣею частію красныхъ. Самая вода, въ которой они плавали, была совершенно безцвѣтна. Я разсмотрѣлъ окрашивающее вещество въ микроскопъ. Хлопья состояли изъ ма-

ленькихъ растительныхъ пучковъ волоконъ. Они были веретенообразны, имѣли рѣдко болѣе двухъ миллиметровъ толщины и заключались въ оболочкѣ изъ слизи, какъ-бы въ футлярѣ. Покуда солнце стояло на горизонтѣ, хлопья держались на поверхности воды въ стаканахъ, но ночью, когда я покачивалъ стаканъ, опускались на дно и через нѣсколько времени потомъ снова поднимались на поверхность. Явленіе окрашенія воды на морѣ не было постоянно. Я наблюдалъ его потомъ еще три раза, 25 и 30 декабря, 1823, и 5 января, 1824.»

Эренбергъ видѣлъ окраску только на берегу и на ограниченномъ пространствѣ. Неблагоразумно было бы утверждать, что имя *Чермнаго Моря*, — которое, право, пора уже назвать *Краснымъ*, бросивъ всторону славянскій педантизмъ, вышедшій изъ моды, — что это имя взято отъ совсѣмъ мѣстной и быть-можетъ случайной окраски воды въ небольшой губѣ. Но счастливое стеченіе обстоятельствъ недавно бросило совершенно новый свѣтъ на этотъ любопытный вопросъ и честь наблюденія принадлежитъ одному адвокату острова Маврикія. Мы приведемъ его письмо къ господину Жофроа-Сентъ-Илеру, гдѣ это явленіе описано подробно.

«Осьмага іюля 1843, я вошелъ въ Красное Море черезъ Бабъ-эль-Мандебскій Проливъ, на пароходѣ «Аталанта» принадлежащемъ Остъ-индской Компаніи. Я спрашивалъ капитана и офицеровъ, которые съ давнихъ поръ плавали по этимъ водамъ, откуда происходитъ старинное имя моря Эритрейскаго, или Краснаго. Никто изъ нихъ не могъ отвѣчать. Они не примѣчали ничего, что бы оправдывало такое названіе. Я наблюдалъ море по-мѣрѣ-того какъ мы подвигались, но хотя судно приближалось попеременно то къ азіятскому то африканскому берегу, однако жъ красноты нигдѣ не оказывалось. Страшныя, обнаженныя горы тянулись по обоимъ берегамъ — однообразнаго черновато-коричневаго цвѣту, за исключеніемъ нѣсколькихъ бѣлыхъ полосъ отъ потухшихъ вулкановъ; пески бѣлые; коралловыя скалы бѣлыя; море самаго прекраснаго синяго цвѣту.

«Пятнадцатаго іюля, знойное аравійское солнце разбудило меня вдругъ, просіявъ на горизонтѣ безъ разсвѣту во всемъ своемъ великолѣпіи. Я машинально облокотился на окно кормы парохода, чтобы подышать остаткомъ свѣжаго ночнаго воздуха, прежде нежели его поглотитъ дневной жаръ. Каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что вся поверхность моря, такъ далеко какъ только видѣлъ глазъ, была окрашена въ красный цвѣтъ! Я взбѣжалъ на палубу: по всѣмъ сторонамъ увидѣлъ я то же самое. Я снова спросилъ офицеровъ. Лекаръ объявилъ, что онъ уже видывалъ это явленіе, и приписывалъ его плавающей рыбьей икрѣ. Другіе ничего подобнаго не могли припомнить.

«Если нужно описать видъ моря, я скажу, что вся поверхность была покрыта сплошнымъ, но не толстымъ, слоемъ чего-то мелкаго, кирпичево-краснаго, нѣсколько оранжеваго. Опилки краснаго дерева, напримѣръ, могли бы произвести такой же видъ. Мнѣ казалось, и я тогда же сказалъ, что это—какое-нибудь морское растеніе, но никто не соглашался съ моимъ мнѣніемъ. Я приказалъ матросу, посредствомъ ведра ошущеннаго на веревкѣ, зачерпнуть нѣкоторое количество этого вещества, и ложкою налилъ его въ бѣлую стеклянку, полагая, что она такимъ образомъ лучше сохранится. Потомъ, опасаясь, чтобы осажденіе не ускорило разложенія, вмѣсто того чтобы ему воспрепятствовать, я вылилъ все на полотно. Вода процедилась, а вещество осталось на ткани. Будучи высушено, оно приняло зеленый цвѣтъ. Нужно прибавить, что 15 іюля мы находились на широтѣ египетскаго города Косейра и что море было красно во весь день и на другой также до полудня, когда мы поровнялись съ арабскимъ городкомъ Торомъ, лежащимъ на оазисѣ, на берегу моря, у подошвы горной цѣпи, которая понижается отъ Синая до песчаной степи. Вскорѣ по-полудни шестнадцатаго числа, краснота исчезла и поверхность моря по-прежнему сѣлалась синеву. Семнадцатаго мы бросили якорь въ Суэсъ. Красный цвѣтъ постоянно былъ видимъ съ пятнадцатаго іюля, отъ пяти часовъ утра до часу по полудни на другой день, то есть, впродолженіи тридцати двухъ ча-
*

совѣ: Въ этотъ промежутокъ времени пароходъ нашъ прошелъ 256 морскихъ миль.»

При свѣтѣ былъ приложенъ кусокъ бѣлой бумажной ткани, на которомъ находилось собранное вещество. Господины Сентъ-Илеръ и докторъ Монтанъ, разсмотрѣвъ это вещество въ микроскопъ, нашли, что это — морской поросль, состоящій изъ членистыхъ и сложенныхъ связками волоконъ, толщиной въ поперечникѣ отъ одной десятой до одной двадцатой миллиметра. Они дали этому порослу названіе *Trichodesmium Ehrenbergii*, въ память натуралиста, который первый наблюдалъ его.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ТАРАНТАСЪ, ПО ИТАЛІИ, ГОСПОДИНА ПОЛЬ-ДЕ-МЮССЕ. *Очеркъ народнаго характера Неаполитанцевъ.* «*Course en voiture in Italie*» — таково заглавіе книги, недавно изданной господиномъ де-Мюссѣ-младшимъ, братомъ извѣстнаго французскаго поэта. Собственно, въ этой книгѣ нѣтъ ни одной новой страницы: всѣ ея статьи были напечатаны втеченіи двухъ послѣднихъ годовъ по разнымъ парижскимъ журналамъ, но, собранныя вмѣстѣ, онѣ составляютъ очень пріятное чтеніе. Мы извлечемъ изъ нихъ характеристику Неаполитанцевъ, схваченную весьма удачно. Любителямъ италіанской оперы она пояснитъ многое, для нихъ непонятное. У насъ обыкновенно полагаютъ, будто роль *буффо* — литературное изобрѣтеніе, выдумка драматическихъ поэтовъ, и довольно безвкусная. Заблужденіе! Буффо — одинъ изъ самыхъ подлинныхъ италіанскихъ типовъ. Въ низшихъ классахъ, половина Италіанцевъ — буффоны и полишинелли по характеру, образу мыслей, чувствамъ и ужимкамъ. Но предоставимъ рѣчь господину де-Мюссѣ.

На суднѣ «Леопольдъ» у меня было трое товарищей: одинъ знатный Испанецъ, который утекалъ отъ барселонскихъ бомбъ; другой — болонскій дворянинъ, путешествовавшій для своего наслажденія, а третій — молодой Пиемонтонецъ, добрый малой, родъ Санчо-Пансы, отправившійся въ Константинополь.

Въ Неаполѣ мы рѣшились помѣститься въ одной гостинницѣ. Высадка наша была самая забавная въ мірѣ.

Троихъ fasciini (драгилей), конечно, было бы достаточно для переноски нашего багажа: ихъ явилось человекъ пятнадцать, и они, словно сорвавшіеся съ цѣпней черти, завладѣли чемоданами какъ своею собственностью, нагрузили на маленькую телѣжку, засуетились, какъ—будто въ самомъ дѣлѣ всѣ были заняты дѣломъ по-необходимости. Телѣжка помчалась вскачь толкаемая столькими руками, сколько ихъ могло помѣститься на ней. Остальные провожали: бѣжали подлѣ, держа на рукахъ наши плащи. Одинъ неся скороходомъ впереди и очищалъ дорогу, хлопая встрѣчныхъ чухломъ отъ зонтика. Позади насъ съ крикомъ и гамомъ, бѣжала толпа оборванныхъ уличныхъ мальчишекъ. Такимъ образомъ мы съ триумфомъ прошли дворцовую площадь, самую лучшую и самую населенную часть города. Такое триумфальное шествіе, конечно, показалось бы смѣшнымъ вездѣ, но въ Неаполѣ оно было очень натурально. Тамъ каждое утро можно видѣть такія сцены. Побраковавши довольно долго, мы наконецъ нашли удобную квартиру на набережной Святой Лукіи и не безъ труда освободились отъ драгилей за тройную плату. Но на уличныхъ мальчишекъ слова не производили ни какого впечатлѣнія, а деньги только пуще разжигали ихъ. Надобно было прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы отклонить ихъ усердіе къ услугамъ. Послѣ перваго пинка, пожалованнаго самому назойливому, вся шайка разсѣялась. Въ путешествіи по Италіи всегда надобно имѣть въ одной рукѣ мелкую монету, для подарочковъ, а въ другой палку для прекращенія слишкомъ продолжительныхъ разсужденій и досадныхъ торговъ.

Неаполитанскій народъ — самый образованный въ мірѣ, въ полномъ смыслѣ слова, и въ характерѣ у него, какъ у всѣхъ образованныхъ народовъ, есть разительный противорѣчія. Старинныя преданія путешественниковъ изображаютъ его цвѣтами очень невыгодными. Я же всегда находилъ его любезнымъ, добродушнымъ, гостеприимнымъ и умнымъ, чрезвычайно откровеннымъ, когда онъ не имѣетъ надобности надуть васъ, дѣтски довѣрчивымъ и суевѣрнымъ, хитрымъ въ дѣлахъ стяжанія, и, даже въ обманѣ, столь забавнымъ, что, цоймавъ Неапо-

литанца въплутнѣ, неволью расхохочешься. Въ Неаполѣ, во всѣхъ классахъ, наслажденіе — первое и самое великое дѣло: какъ же тутъ можно быть злымъ? Неаполитанецъ страстенъ; дѣятеленъ какъ демонъ поутру; безпеченъ въ остальную часть дня; неустрашимъ, когда выйдетъ изъ своего характера; игрокъ; влюбчивъ до безумія, но очень легко утѣшается вслучаѣ немплости или отставки. Даже въ самыхъ низшихъ классахъ, онъ охотникъ до искусствъ, до музыки, до поэзіи. Въ этомъ отношеніи умъ простаго народа развитъ до удивительной степени: онъ съ любовью слушаетъ на площадяхъ и въ кабакахъ декламацию стиховъ великихъ поэтовъ и понимаетъ ихъ, умѣетъ удивляться имъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы вы встрѣтили въ другой странѣ извозчика съ такою образованностью какъ тотъ, который везъ насъ изъ Неаполя въ Римъ въ негоднѣйшемъ изъ всѣхъ тарантасовъ. Мы вѣзжали въ знаменитыя Понтійскія Болота. Не знаю, отчего я воображалъ, будто Понтійскія Болота должны имѣть видъ дикій и мрачный. Я искалъ пустыни и признаковъ заразительнаго воздуха и, вмѣсто того, съ удивленіемъ увидѣлъ дорогу, окаймленную акаціями и яворами подобно аллеѣ, ведущей къ какому-нибудь увеселительному дворцу. Съ одной стороны — осушной каналъ, по которому тянутся барки, нагруженныя камышомъ и сѣномъ; съ другой — пасущіяся стада коровъ. Повсюду — свѣжая зелень и чистое темно-синее небо. Если бы *vetturino* не предварилъ, что не должно засыпать, подѣ опасеніемъ лихорадки, я никогда не представилъ бы себѣ, что нахожусь посреди *malagia*, посреди злобачественнаго воздуха и коварной, обманчивой природы. Солнце достигло страшной силы. Сонливость обуяла весь тарантасъ и головы валялись съ плеча на плечо. Джонъ Джузеппе, вѣжливый извозчикъ, прямѣчаетъ опасность и затягиваетъ громогласную пѣсню. Но мы всё-таки готовились заснуть. Тогда онъ вскричалъ:

— Чтò ваши милости думаютъ объ этомъ *sonetto d'astore*?

И онъ продекламировалъ намъ сонетъ Петрарки, потомъ другой, потомъ третій, потомъ отрывокъ стихотвореній Монти.

— Я могъ бы, прибавилъ Джузеппе, прочесть вамъ пѣснь изъ *Gerusalemme liberata*, но *Orlando furioso* уааетъ мнѣ лучше, и я отдекламирую вамъ оттуда нѣсколько отрывковъ.

Донъ Джузеппе обладаетъ превосходнымъ выговоромъ и декламируетъ съ чувствомъ. Подѣхавъ къ башнѣ Трехъ-Мостовъ, гдѣ оканчиваются Болота, онъ пересталъ:

— Теперь, сказалъ онъ, ваши милости могутъ спать: мы проѣхали *malagia*.

Между-тѣмъ человѣкъ этотъ былъ изъ черни и умѣлъ читать только печатное: чтò касается до писаннаго, то оно не при немъ было писано: этого онъ не разбиралъ, потому что писать не учился.

Нѣтъ ничего потѣшнѣе краснорѣчія Неаполитанца. Отъ столько же говорить руками и ногами, сколько языкомъ. Преувеличеніе—для него необходимая потребность. Чтобы сказать вамъ самую обыкновенную и простую вещь, онъ непременно выберетъ всегда слово самое громкое, самое торжественное. Онъ живъ и сильно чувствуетъ, но выражается втрое сильнѣе. Дѣйствительно обладающій даромъ слова легко увлекаетъ васъ, а необладающій старается взять крикомъ. Рыбакъ, на рынкѣ Санта-Бриджиды, сманивая васъ на покупку окуня, шумитъ и разглагольствуетъ, какъ-будто дѣло идетъ по-крайней-мѣрѣ о китѣ. Онъ подсовываетъ вамъ свою рыбку подъ носъ и оретъ во всю глотку. Но если вы дадите ему пол-карлино, котораго онъ добивается, то вмигъ начинается реакція. Черезъ часъ вы находите воплощеннаго бѣса мирно сидящимъ подъ лоткомъ: онъ куритъ трубку или дремлетъ. Это значить, что въ желудкѣ у него уже есть щепотка макаронъ. И тогда уже нужна порядочная сумма денегъ, чтобы заставить его выйти изъ этого сладкаго состоянія. Этотъ человѣкъ, который сейчасъ только размахивалъ всѣми суставчиками, раскрывалъ ротъ какъ печь, сверкалъ глазами, произносилъ слова съ силою и трѣскомъ кастаньетъ, смотреть на васъ величественно или сонно и говорить уже нѣхотя. Спросите его, изъ какой онъ земля: поутру онъ вамъ съ торжественно напыщеннымъ выговоромъ отвѣтитъ: «изъ *Напполи!*...» и раз-

скажетъ исторію всей своей семьи, а вечеромъ, зажимая глаза, едва-едва протяжно выговоритъ: «*Наболе*».

Неаполитанскихъ ладзароновъ, сказки глупыхъ путешественниковъ описали какъ убійцъ и грабителей. Нигдѣ нѣтъ столько бѣдности какъ въ Неаполѣ, нигдѣ не встрѣчаете такъ мало расположенія къ безпорядку. При весьма недѣятельной полиціи, число преступленій незначительно въ сравненіи съ числомъ жителей, и когда говорятъ объ убійствѣ; то причиною обыкновенно бываетъ какая-нибудь страсть, а не любостяжаніе. Ладзароне не пожалѣетъ труда, чтобы добыть копѣйку, а добудетъ и — счастливъ. Я видѣлъ бѣднаго баркарола, у котораго мой пріятель забылъ зонтикъ и который обѣгалъ весь городъ, отыскивая неизвѣстнаго хозяина, нашелъ наконецъ домъ, отдалъ зонтикъ служанкѣ и, несмотря на утомленіе отъ десятичасовой ходьбы, ушелъ, не дожидаясь награды, несомнѣнно заслуженной. Ладзароне требуетъ у васъ гроша (гропо) съ назойливостью, если грошъ ему нуженъ, но въ ту минуту, когда онъ исполняетъ какую-нибудь обязанность, оказываетъ услугу или необходимую помощь, награжденіе вовсе не приходитъ ему на мысль. Если, напримѣръ, у вашей лошади порвется стремя, ладзароне подбѣжитъ, съ усердіемъ поможетъ горю, потомъ снимаетъ шапку и пожелаетъ вамъ счастливаго пути. Иное дѣло, если вы что-нибудь покупаете у него: тогда онъ безъ зазрѣнія совѣсти запроситъ съ васъ въ три-дорога. У него свое на все время: минуты торговли, — минуты дѣятельности и лукавства. Если онъ надуетъ васъ, такъ это дѣлаетъ безъ угрызений совѣсти, но и безъ злобы, пріятно, учтиво, потому что пріемы его добротны. Онъ даже способенъ къ самой тонкой внимательности. Въ февралѣ мѣсяцѣ я часто нанималъ фіакръ, на запяткахъ котораго поселился осьмилѣтній мальчикъ совершенно кастрюльнаго цвѣту, но очень хорошенькій. Костюмъ его состоялъ всего-навсего изъ маленькой шинельки и чернаго шейнаго платка. Голымъ ногамъ его только грязь придавала приблизительное сходство съ парю сапоговъ. Въ мартѣ онъ покинулъ ремесло лакея-любителя и принялся за торговлю фіалками у воротъ Вилла-Реале. Завидя издали, онъ всегда

привѣтствовалъ меня дружеской улыбкой въ знакъ памяти моихъ на-водокъ и всегда подносилъ букетъ не спрашивая платы.

— Но надобно же мнѣ заплатить тебѣ за твои фіалки, сказалъ я однажды.

— Не нужно, *зиччеленца*, отвѣчалъ мальчишка: если же вы хотите подарить мнѣ что-нибудь, дайте сигарку; это будетъ хорошиій гостинець.

Я, какъ видите, былъ ему пріятель, а не покупатель. Другіе прохожіе, напротивъ, не могли отдѣлаться отъ неотвязнаго продавца фіалокъ не давъ ему *грано*.

Въ Неаполѣ противоположныя крайности стоятъ одна отъ другой въ двухъ шагахъ, часто въ одномъ и томъ же лицѣ. Баркароль, который везетъ васъ въ Искію, въ продолженіи всего пути употребляетъ всѣ возможныя и весьма прозрачныя хитрости, чтобы выманить лишнюю полтину сверхъ условленной цѣны: онъ жетъ, плутуетъ, сочиняетъ безкончныя исторіи о себѣ и своихъ товарищахъ, чтобы возбудить ваше состраданіе и великодушіе. Заговорите же вы, расскажите ему самую невѣроятную басню, и онъ повѣритъ отъ души; начните грозить самымъ нелѣпымъ образомъ и онъ задрожитъ отъ страха; скажите ему что вы—африканскій корсарь, что ваши люди близехонько, что вы его сейчасъ велите взять, и онъ упадетъ вамъ въ ноги. Ладзароне, рассказывающій пріятелямъ о своей поѣздкѣ въ Сорренто или Амальфи, непременно украситъ повѣсть приключеніями чудеснѣе приключеній Морехода Синдбада. Онъ непременно видѣлъ магнитныя горы и птицъ во сто футовъ ширины по крыльямъ.

Надобно видѣть двухъ Неаполитанцевъ играющихъ въ *bazzica*, какъ они, ходя карту, вглядываются другъ другу въ глаза,—какъ стараются поймать чуть примѣтную молнію въ фізіономіи и угадать, — какъ бросаются на ставку прежде чѣмъ рѣшена послѣдняя взятка: это кошки и лисицы по недовѣрчивости, лукавству и цроворству. Пусть иностранецъ вмѣшается въ ихъ игру: они условятся и опегутъ его, мало-по-малу подзадорятъ, завлекутъ, обвигаютъ. Пусть же потомъ подберется воръ, расска-

жетъ имъ нелѣпую сказку, подставитъ грубую приманку, и они очертя голову влѣзутъ въ петлю какъ самые незабѣдливые дураки.

Отъ подошвы Альпъ до Реджіо-ди-Калабрія напыщенность и преувеличеніе есть состояніе нормальное. Сумасшедшіе, одержимые маниєю, и влюбленные—тамъ втрое безумнѣе, неустовѣе и влюбленнѣе чѣмъ во всякомъ иномъ мѣстѣ. Смѣшное, не столь многочисленное какъ въ прочей Европѣ, имѣетъ зато размѣры несравненно болѣе осязательные. Даже французское хвастовство, которое весь міръ считаетъ образцовымъ, ничто въ сравненіи съ италіанскимъ, когда Италіанецъ пустится въ тщесловіе.

Партеры театровъ такъ воспримчивы къ впечатлѣніямъ, такъ расточительны на апплодисменты и изъявленія восторгу, что людей можно принять за толпы ребятишекъ. Въ послѣдній день масляницы, въ послѣдній вечеръ синьоры Тадолини въ Неаполѣ, примадонна по окончаніи спектакля была вызвана двѣнадцать разъ. Стали вызывать и въ тринадцатый, но полиція нашла, что уже пора кончить, и запретила синьорѣ Тадолини выходить. Партеръ пришелъ въ изступленіе. Какъ можно разстаться съ синьорой Тадолини не повидавшись еще разъ? какъ можно уснуть не добившись этого тринадцатаго вызова? Лучше умереть, лучше отправиться въ арестантскую. Человѣкъ двадцать взято подъ стражу. Остальные разошлись по домамъ съ отчаяніемъ въ сердцахъ. Въ Болонѣ одинъ молодой маэстро, съ которымъ я впоследствии имѣлъ честь познакомиться, поставилъ на сцену новую оперу, нынче совершенно забытую, и былъ вызванъ и увѣнчанъ двадцать шесть разъ сряду. Въ Миланѣ *la diva Taglioni* и *la diva Ceritto* танцовали по очереди на театрѣ della Scala, и энтузіазмъ, который они возбуждали каждый вечеръ, превосходить всякое описаніе. За прочность залы—великая честь и слава архитектору, потому что она въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ выдерживала самую страшную пытку отъ дилеттантизма. И это еще было въ сѣверной Италіи. Если бы дѣло происходило въ Санъ-Карло, театръ непременно развалился бы.

Во Флоренціи публика раздѣлялась на партіи двухъ

танцовщицъ, одной высокой, другой маленькой. Это была новая война Монтековъ и Капулетовъ. Отъ обыкновенныхъ букетовъ дошли до цвѣтныхъ метель, потомъ до вѣнцовъ съ обручами. Предметы восторговъ подвергались опасности задохнуться подъ градомъ цвѣтовъ. Въшла роскошь. Одинъ партизанъ высокой танцовщицы бросилъ вѣнокъ изъ серебряныхъ листьевъ. Друзья маленькой начали метать золотые листья. Въ одинъ вечеръ на сцену упалъ узелъ: это было бархатное платье. Враждебная партія не упала духомъ и въ слѣдующее представленіе метнула турецкую шаль. Въ городѣ поговаривали даже, будто нѣкто синьоръ баронъ, предводитель одной изъ партій, обдумываетъ средства спустить на авансцену карету съ четверней.

Выставьте публикѣ хорошую картину, прекрасную статую вашей работы: вы повсюду встрѣтите тотъ же энтузіазмъ. Толпа будетъ кричать передъ вашимъ мастерскимъ произведеніемъ, она понесетъ васъ съ триумфомъ на плечахъ, народъ проводитъ васъ до дому, ладзароны своими криками подъ окномъ всю ночь не дадутъ вамъ заснуть и вы принуждены будете спастись бѣгствомъ изъ города, чтобъ не погибнуть въ наводненіи сонетовъ и въ реву серенадъ. Послѣ этого понятво, отчего всякій европейскій артистъ мечтаетъ только объ Италіи, вздыхаетъ только по этомъ народѣ, умномъ и страстномъ ко всему прекрасному, въ какой бы формѣ оно не являлось.

Зато, если имѣть дѣло съ одними трактирщиками, посылщиками и слугами, которые всѣ—лгуны, и обманщики и живутъ плугнями насчетъ иностранцевъ, вы подумаете, что находитесь въ вертепѣ разбойниковъ. Неаполитанскій трактирщикъ не краснѣя уступить вамъ за два карлино то, за что дерзко запросилъ два шіастра. Никогда не спрашивайте у извозчика, сколько вы должны дать ему: онъ назначитъ вамъ самую огромную сумму, какая доступна его извозничьему воображенію, и насмѣется надъ вами, если вы дотога слабы что дадите запрошенное. Лавочникъ, трактирщикъ, и посылщикъ, поступаютъ точно такъ же. Во Франціи разсуждаютъ иначе и гораздо дальновиднѣе: «Лучше, говорятъ, украсть у одного человѣка десять разъ по

два франка такъ, чтобы онъ того не примѣтилъ, чѣмъ сразу явно надуть на пятнадцать: пять франковъ будетъ барыша.» Пылкій Неаполитанецъ не знаетъ завтра и кидается на деньги всюду, гдѣ завидитъ ихъ, вовсе не заботясь, прійдете ли вы еще разъ.

Мой дорожный товарищъ и сосѣдъ на квартирѣ, синьоръ Испанецъ, имѣлъ неосторожность объявить нашему хозяину трактирщику, что проведетъ только одинъ мѣсяцъ въ Неаполѣ, и заплатилъ за этотъ мѣсяцъ впередъ. На третій день ему уже не стали служить; не приносили воды; не стали постели, и напрасно онъ вѣшался на колокольчикъ. «На что ему служить? Вѣдь онъ заплатилъ!» Другой мой товарищъ, синьоръ Болонезецъ, какъ рассчитливый хозяинъ, торговался дотога что нанялъ свою комнату по четыре карлино въ день. Явился Англичанинъ, которому захотѣлось тутъ поселиться, и предложилъ однимъ карлино больше. У Болонезца тотчасъ принялись отбивать охоту жить въ этой комнатѣ, и принялись съ такою дерзостью, съ такимъ безстыдствомъ, что онъ не прожилъ двадцати четырехъ часовъ. Третій нашъ товарищъ, который очень боялся разбойниковъ, привезъ съ собою изъ Турина цѣлый арсеналъ оружія и громкимъ своимъ голосомъ напугалъ весь домъ. Его приняли за челоуѣка страшнаго и служили такъ, что чуть не цѣловали ноги.

Этотъ синьоръ Пиемонтезецъ, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, сосредоточивалъ весь свой энтузіазмъ на макаронахъ. Пятнадцать градусовъ тепла, которыми мы наслаждались въ февралѣ, красота края, чудеса искусства, не производили на него ни какого впечатлѣнія. Онъ то и дѣло поносилъ Неаполитанцевъ, называлъ ихъ варварами, однако жъ смотрѣлъ, какъ пароходы одинъ за другимъ отправляются въ Константинополь, и не могъ рѣшиться взять мѣсто. Въ картинныхъ галереяхъ онъ зѣвалъ до вывиху челюстей. Я ни на что не могъ любоваться безъ того чтобы онъ не назвалъ мнѣ чего-нибудь подробнаго и гораздо лучше сдѣланнаго въ Туринѣ, такъ, что мы наконецъ прозвали его *Da poi* (У насъ). Видя, какъ пляшутъ тарантеллу, онъ пожималъ плечами и

хототаль, а между-тѣмъ послѣдній ладзароне былъ образованнѣе его. Безсовѣстность трактирщиковъ и слугъ приводила его въ бѣшенство. А самъ онъ былъ добрый малой... только забылъ отдать пять піастровъ, которые занялъ.

Въ Неаполѣ никогда не должно забывать положить ключи въ карманъ, подъ опасеніемъ потерять половину своего багажа и узнать свое бѣлье на груди домашнихъ. Однажды, утромъ, я слышалъ, какъ мой слуга жаловался горничнымъ на мою аккуратность и запираніе ящиковъ: «Этотъ синьоръ Французъ, говорилъ онъ, не оставитъ даже носоваго платка! Только и поживишься, что табакомъ да сигарками. Въ цѣлую недѣлю я добылъ только эту *вещицу!*...» И онъ показалъ старый фуляръ, который я бросилъ на произволь желавшимъ.

Несмотря на справедливый упрекъ, который онъ могъ сдѣлать мнѣ за слишкомъ точное береженіе ключей, этотъ человекъ служилъ мнѣ съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, что я, тронутый его заботливостью, вообразилъ уже, будто онъ чувствуетъ привязанность ко мнѣ. Въ одинъ бѣлый день онъ исчезъ. Хозяинъ трактира не могъ сказать мнѣ, куда слуга дѣвался. Черезъ нѣсколько дней я увидалъ его на улицѣ бѣгущаго впереди наемной кареты. Онъ въ другомъ трактирѣ нашелъ стараго Турка, который заплатилъ по-дороже моего.

Сволочь эта раздѣляется на нѣсколько степеней, которыхъ мы не въ-состояніи бываемъ различить. Факкино имѣетъ нѣсколько подчиненныхъ факкини, которые въ свою очередь повелѣваютъ третьимъ классомъ факкиновъ, и всѣ, по чинопочтанію, честятъ другъ друга *синьорами*, говорятъ снявъ шляпу, впрочемъ взаимно обкрадываютъ одинъ другаго и надуваютъ сколько могутъ.

Судя по грубости ихъ хитростей, надобно полагать, что италянскіе факкины смотрятъ на всѣхъ иностранцевъ какъ на ословъ, которымъ врн что хочешь. Факкино—сущій Полишинель, изобрѣтательный, но неловкій плутъ, который надуваетъ Панкраціо, потому что Панкраціо, до-вѣрчивъ, но получаетъ палочные удары отъ всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Pulcinello — вѣрный

его портретъ: тутъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Если вы неаполитанскому артельщику дадите нести чемоданъ, онъ подниметъ его какъ перо и побѣжитъ впередъ бѣгомъ. Потомъ, когда нужно сложить ношу, начинается другая игра: тяжесть вдругъ становится огромною; факкино идетъ съ трудомъ; ноги у него подкашиваются, спина гнется, ротъ розинуть, грудь трудно дышать. Предварительно, за эти признаки чрезвычайнаго утомленія, вы даете бѣдному страдальцу прибавку сверхъ условленной цѣны, чтобы избѣжать разсужденій, но онъ не сжимая руки останется на-мѣстѣ какъ озадаченный и съ огорченіемъ смотритъ на васъ.

— Только-то, сеньоре? скажетъ онъ.

Если вы такъ великодушны, что прибавите еще карлино или два, не воображайте, что этимъ избавитесь отъ неотвязнаго. Разговоръ неизбѣженъ. Награжденный начинаетъ благодарить, потомъ отступить на два шага и ждетъ взгляду вашей милости.

— Ну, что? спрашиваете вы: что ты тутъ дѣлаешь? Развѣ тебѣ не заплачено?

— Сеньоре, разстояніе большое.... чемоданъ тяжелъ.... жарко.... Прибавьте два байокка на лимонадъ бѣдняку, который умираетъ отъ жажды.

Вы прибавляете два байокка. Факкино отступаетъ еще на три шага, останавливается въ дверяхъ и ждетъ еще одного взгляду вашей милости.

— Какъ! ты всё-еще здѣсь?

— Ахъ, сеньоре!... бѣдность.... семья.... жена и дѣти.... Жизнь дорого стоитъ, сеньоре!... До женитьбы, я служилъ сторожемъ при церкви Дезу-Нуово, когда....

— Да, есть мнѣ когда слушать твои рассказы! Убирайся къ чорту!

Вы выталкиваете его въ шею и запираете дверь на замокъ. Это нужно было сдѣлать съ самаго начала. До этого вы неизбѣжно дошли бы наконецъ и тогда, если бы по грошу передали неотвязному все содержаніе вашего кошелька. Если станете слушать, онъ будетъ рассказывать вамъ исторію своей семьи до вечера; пойдетъ за вами слѣдомъ по городу и всё будетъ рассказывать, и, Богъ.

знаеть, отдѣлаетесь ли вы отъ него. Комизмъ этого характера такъ забавенъ, что у меня не ставало духу сердиться на факкиновъ. Не всѣ однако жъ того мнѣнія: я видѣлъ иностранцевъ, которыхъ такіе маневры бѣсили до того что ротъ пѣнился.

Однажды, на набережной Санта-Лучія, я заплатилъ за носку по таксѣ и факкино, по обыкновенію, настаивалъ на прибавкѣ. Вмигъ другой факкино бросился на недовольнаго и жестоко отколотилъ его, упрекая въ жадности. «Должно, говорилъ онъ, довольствоваться опредѣленною, установленною цѣной. Эти негодяи только беспокоятъ эччеленцъ и портятъ ремесло.» Прельщенный благородіемъ и усердіемъ этого человѣка, я отдаю ему предпочтеніе передъ его собратами и посылаю съ нимъ визитную карточку, которую хотѣлъ отнестъ самъ. Онъ отправляется бѣгомъ и черезъ пять минутъ возвращается. Я тотчасъ вынимаю опредѣленное обычаемъ карлино.

— Ваша милость изволите принимать меня за другаго? Какъ это возможно? посмотрите какой у меня камзолъ! Только нищіе да негодяи бѣгаютъ за одно карлино. Мнѣ надобно по-крайней-мѣрѣ два, за поспѣшность, за умъ, за порядочную одежду....

Неаполитанскій извозчикъ оригиналенъ не менѣе факкино. Крикъ «Una saozza!» вы слышите безпрестанно поверхъ всѣхъ криковъ и оглушительнаго шуму на улицѣ. Если вы переходите черезъ площадь или улицу, гдѣ есть извозничья биржа, всѣ извозчики кричатъ хоромъ «Una saozza!», и вскачь несутся на васъ, изъ всѣхъ силъ колотя лошадей, такъ, что и не боятся задавить будущаго сѣдока: толкають, колотятъ другъ друга, и наперерывъ предлагаютъ свои услуги. Если вы ѣдете и встрѣчаете другаго, порожняго извозчика, онъ непременно и тутъ закричитъ вамъ—«Una saozza!», въ надеждѣ, что вы пересядете или поѣдете на двухъ. Полишинель не можетъ быть наивнѣе. Когда вы сядете, извозчикъ гонитъ лошадей, чтобы заслужить плату по-лучше и по-скорѣе. И вы еще не успѣли сойти, какъ онъ уже опять кричитъ: «Una saozza!» Въ эту минуту вы, конечно, не сочтете его лѣнливцемъ. Между-тѣмъ, посреди этой неимовѣрной дѣ-

тельности при самомъ ничтожномъ поводѣ, можетъ явиться вся лѣньность Полишинеля.

Однажды вечеромъ, возвращаясь съ бала, въ дождь, я просилъ извозчика взѣхать во дворъ.

— Невозможно! отвѣчалъ онъ: передъ домомъ яма.

И онъ указалъ мнѣ вскрытую для починки трубу, въ двадцати шагахъ отъ воротъ.

— Какъ! разбойникъ! ты смѣешься надо мною?

— Помилуйте, сибьоре, я охотно взѣхалъ бы на дворъ, но мы ввалимся въ пропасть, бѣдныя лошади мои убьются, карета разлетится въ дребезги и ваша милость сломаетъ себѣ руку или ногу, а я умру въ больницѣ отъ ранъ.

— Да! ты правъ, сказалъ я выходя изъ кареты: но ты отъ этого лишаешь себя полу-карлина водку.

— Ну, такъ сидите, сидите, сибьоръ! Сляте, я попытаюсь проѣхать.

Я былъ уже на дворѣ, пѣшкомъ. Извозчикъ хлещетъ лошадей и вскачь несется за мною вслѣдъ. Я всхожу на лѣстницу, а онъ громко требуетъ пол-карлина. Изъ второго этажа я всё-еще слышу: «На водку, сибьоре!.. что-нибудь пожалуйста, сибьоре!»

Въ полуденной Франціи, гдѣ трактирщики, трактирные слуги и извозчики такіе же обманщики какъ въ Италіи, надувая не доставятъ вамъ такого удовольствія. Авиньонскій драгиль, котораго безстыдство и дерзость вошли въ пословицу даже на мѣстѣ рожденія, осыплетъ васъ грубостями и охотно прибьетъ, если вы не поладите съ нимъ. Марсельскій *chicbois* за тридцать су утопитъ васъ. Италіанскій факкино, напротивъ, служитъ вамъ съ преданностью доходящею до фанатизма. Онъ гордится тѣмъ, что провожаетъ васъ; онъ пристращается къ должности домашняго слуги и облагороживаетъ самого себя титуломъ, которымъ величаетъ своего господина и повелителя. Я пробылъ въ Арлѣ (*Arles*) не болѣе двадцати часовъ, и былъ обманутъ девять разъ безъ отдыха.

Когда вы войдете въ какую-нибудь контору дилижансовъ въ южной Франціи, вамъ усердно предлагаютъ стулъ, выгоняютъ собаку, которая вамъ не мѣшала, колотятъ ребятишекъ, которые и не пискнули.

— Вы очень хорошо дѣлаете, что нанимаете мѣсто въ нашемъ экипажѣ! говорятъ вамъ: нашъ экипажъ такой прекрасный! Ходитъ удивительно скоро. Какое мѣсто вамъ угодно?

— Внутри.

— Въ каретѣ вамъ будетъ чудесно!

— Но, я надѣюсь, ваша карета на рессорахъ?

— О! конечно, на рессорахъ! Настоящая барская карета.... какъ парижскіи берлинъ!

Экипажъ является. Это — негодный тарантасъ. Кареты нѣтъ. Васъ сажаютъ въ открытую брычонку; передъ вами растягивается гадкая, грязная кожа, и кучеръ садится вамъ на колѣни. Вы возражаете, сердитесь; вамъ отвѣчаютъ грубо или вовсе не отвѣчаютъ, и отправляются. Между тѣмъ отъ васъ еще ожидаютъ маленькой услуги: просятъ, чтобы вы не сказывали о цѣнѣ мѣста вашимъ товарищамъ Англичанамъ, которые принуждены были заплатить вдвое. Васъ это раздражаетъ, вы бѣситесь тогда какъ въ Неаполѣвы только хохочете. Полишинель — обманщикъ веселый, забавный и наивный: онъ повинуется только инстинкту плутовства: это у него въ крови; тогда какъ у другихъ вы видите просто подлый расчетъ. Великое счастье, что итальянская безсовѣстность сопровождается такимъ комизмомъ и такой оригинальностью; потому что число обманщиковъ несмѣтно: въ день имѣешь дѣло по-крайней-мѣрѣ съ двумя десятками. Горе иностранцу, который станетъ сердиться на это! Путешествіе его по Италіи будетъ однимъ непрерывнымъ припадкомъ нервного воспаления и онъ своимъ гнѣвомъ ничего не возьмѣтъ.

У моего хозяина-трактирщика была племянница, дѣвушка рослая и хорошенькая, загорѣлая какъ чемоданъ и облеченная въ санъ ключницы. Она не только заставляла меня платить за вещи вдвое противъ настоящей цѣны, но и никакъ не могла рѣшиться отдавать мнѣ отчетъ въ деньгахъ, которыя я поручалъ ей. Она всегда входила съ величественною осанкой богини и клала на столъ половину сдачи. Если я требовалъ остальнаго, она брала деньги назадъ и уходила. Кликнешь, она опять войдетъ такъ же важно и положить на столъ еще немножко

менѣе прежняго. Если дойдетъ до третьяго разу, то вы можете быть увѣрены, что ничего не получите. Видѣть деньги и ничего не присовоить, для нея было рѣшительно невозможно. Она пробѣжала бы нѣсколько миль, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, и можетъ-быть не спросила бы награжденія. Но, получивъ піастръ на покупку чего-нибудь, не въ силахъ не положить половины въ карманъ, и въ скорѣе изрѣжете ее въ куски чѣмъ принудите отдать присвоенное. Могущество инстинкта торжествуетъ у этого народа надъ всѣмъ и такъ отирыте, что я самъ сталъ наконецъ уважать плутовской инстинктъ. Такъ различенъ поступокъ по расчету, отъ поступка который зависитъ отъ основанія характера и отъ власти природы. Плута Француза строгій урокъ можетъ исправить. Плутъ Неаполитанецъ неисправимъ: онъ надуваетъ по инстинкту, точно такъ, какъ ласточка по инстинкту странствуетъ.

Въ Террачинѣ есть трактиръ, извѣстный всѣмъ путешественникамъ. Когда пріѣдутъ вочевать иностранцы, имъ непремѣнно снесутъ въ комнаты всё треснувшіе стаканы, бутылки и рюмки, всё полу-разбитыя чашки, блюда, рукомойники и тарелки. На другой день хозяинъ и слуги, съ печальнымъ лицомъ, осматриваютъ эту посуду, чуть не плачутъ отъ великаго горя, что вы ихъ разорили, сдѣлали несчастными: что имъ теперь дѣлать!... вы перебили имъ всю посуду! Черезъ нѣть минутъ вамъ представляютъ длинный счетъ всей этой посудѣ, съ ужасными цѣнами, и начинается страшный споръ, въ концѣ котораго вы всё-таки будете принуждены заплатить плутамъ хоть часть требуемой ими суммы. Съ нами здѣсь случилось то же что съ другими. Но, заплативъ, мы перебили въ мелкіе кусочки проклятую посуду, съ тѣмъ чтобы она не могла служить впередъ орудіемъ къ мошенничеству трактирщика и его служителей. Надобно было видѣть отчаяніе этихъ честныхъ людей! Они выбѣжали на улицу, крича, что — у нихъ Вандалы, людодѣды, варвары, чудовища безъ воспитанія и безъ совѣсти, — платять, правда, не торгуясь, но, вообразите, какіе изверги! — ломаютъ въ дребезги то, за что заплатили: гдѣ это видано!... Толпа поняла какъ нельзя лучше эту кровавую обиду, и въ Террачинѣ чуть

не всыкнулъ мятежъ отъ негодованія на анонимность произвѣдѣній, явившихся неизвестно откуда и, убираясь къ чорту, мѣшающихъ мирнымъ гражданамъ—*im-Krogliaget!... kaduam!*... тѣхъ, которые послѣ нихъ прѣйдутъ и до которыхъ имъ нѣтъ ровно никакого дѣла!

✓ **УГОЛОВНЫЙ СУДЪ ВЪ МЕКСИКѢ.** Городъ Косала, столица области Синалоа, посредствомъ своихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ играетъ большую роль въ торговлѣ Мексики. Нѣтъ ничего поразительнѣе противоположности этихъ жалкихъ жилищъ съ золотомъ, которое повсюду какъ-будто льется ручьями, и нѣтъ ничего оригинальнѣе какъ нравовъ этихъ жителей, почти всегда погребенныхъ въ нѣдрахъ земли и, обыкновенно, празнующихъ свое появленіе на ея поверхности такими оргіями и такою расточительностью, передъ которыми блѣднѣетъ воображеніе. Не безпокоясь о юстиціи, которой бояться нечего, благодаря убѣжищу въ рудникахъ, гдѣ невозможно отыскать, рудокопы косальскіе вообще смотрятъ какъ на кражу какъ на промыселъ, а на убійство на пустое дѣло.

Со времени войны за независимость, только одинъ и единственный примѣръ твердости и былъ показанъ косальскою юстиціей, въ 1838 году. Во время испанскаго владычества законы исполнялись такъ строго, что не было почти ни одного преступника. Одинъ молодой человекъ, по имени Антоніо В^{***}, изъ богатой и знатнѣйшей фамиліи въ городѣ, былъ задушенъ товарищами попойки. Убійцы, которыхъ было пятеро, бѣжали тотчасъ по совершеніи преступленія. Преслѣдуемые драгунами, которымъ родня жертвы хорошо заплатила, и вооруженными слугами, четверо погибли и кровавое дѣло было бы забыто, если бъ послѣдній, оставшійся въ-живыхъ, не сдѣлался страшнымъ разбойникомъ и не сталъ опустошать окрестностей города и рудниковъ. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно смѣло и удачно. Но наконецъ счастье измѣнило ему: въ 1838, бандита Пачеко поймали. Въ городѣ только и рѣчи было, что о поимкѣ страшнаго разбойника, и косальская тюрьма сдѣлалась цѣлью общахъ прогулокъ. Всякій желалъ видѣть знаменитаго Пачеко, и желаніе это легко было удовлетво-

рять, потому что тюрьма состояла изъ низенькой каменной будки съ желѣзною рѣшеткой, за которою арестанта можно было видѣть очень хорошо. Пачеко былъ довольно интересенъ и пригожъ собою, такъ, что съ перваго взгляду возбуждалъ участіе. Онъ былъ совершенно спокоенъ, съ важною курилъ сигаретту и, казалось, не примѣчалъ любопытства окружающей толпы.

Одинъ патентованный судья, juez de letras, составляетъ всю судебную власть города Косалы. Въ полдень подсудимый предсталъ передъ судилице. Мебель судейской залы состояла изъ койки, повѣшенной на двухъ потолочныхъ бревнахъ; изъ двухъ бамбуковыхъ стульевъ, стола необдѣланнаго краснаго дерева и, цыновки, брошенной у порогу. Въ койкѣ лежалъ или облокотясь сидѣлъ маленькій сморщенный старичокъ, котораго вытертая одежда не показывала ни какого офиціального званія. На столѣ, передъ койкою, стояла жаровня для курильщиковъ, початая пачка сигаретъ и запыленная чернилица съ пожелтѣвшимъ грязнымъ перомъ. Бумаги не было. Бандитъ Пачеко спокойно усѣлся на бамбуковомъ стулѣ, а конвоировавшіе его два драгуна расположились на цыновкѣ у дверей и принялись свертывать себѣ папирасы въ ожиданіи окончанія суда.

— Ну, что, братецъ! сказалъ патентованный судья, обращаясь къ бандиту Пачеко: вѣдь мы станемъ судить тебя!

— Съ вашего позволенія, сеньоръ, сказалъ Пачеко, вставъ и подходя къ жаровнѣ, чтобы закурить свою сигаретту.

— Безъ церемоній, братецъ.... кури. Куренье — дѣло важное въ жизни.... да только, съ тѣхъ норъ какъ наложили новую пошлину, табакъ сдѣлался — хоть брось.... такая мерзость!

— Правда. Однако жъ есть молодцы, которые умѣютъ украсть носъ у таможенныхъ досмотрщиковъ, отвѣчалъ Пачеко: если вашей милости угодно убѣдиться, такъ извольте принять вотъ эту пачку.

— Съ удовольствіемъ! сказалъ патентованный судья, взявъ пачку и тотчасъ закуривъ одну сигаретту. Caramba!

вскричалъ онъ, съ наслажденіемъ вздохнувши нѣсколько разъ благовоннаго дыму: право, только одни разбойники и курятъ нынче хорошія сигары!—Другъ мой, прибавилъ онъ сладкимъ, ласковымъ голосомъ: сдѣлай одолженіе, скажи этому почтенному контрабандисту, чтобы онъ принесъ мнѣ этихъ сигаръ.... И ему выгодно будетъ: кромѣ сбыту товару, онъ можетъ, при случаѣ, воспользоваться моимъ покровительствомъ. Но.... станемъ продолжать допросъ. Кой чортъ! за что же ты, братецъ, убилъ этого бѣднягу Антоніо В...?

— Да я и самъ не знаю, за что, хладнокровно отвѣчалъ убійца: вѣроятно, я былъ тогда въ раздраженномъ духѣ.... въ азартѣ.

— Это, конечно, причина.... но только второстепенная, такая, какой я принять не могу.... А кстати, почему твой пріятель контрабандистъ продаетъ ящикъ этихъ сигаретъ?

— По двѣнадцати реаловъ (два реала — 15 копѣекъ серебромъ), и въ каждомъ ящикѣ по тридцати двѣ пачки.

— Видишь, ты!... а откупъ деретъ съ насъ по шестнадцати реаловъ! вскричалъ патентованный судья съ негодованіемъ: это—просто, грабежъ, явный грабежъ! Да что и говорить: извѣстно, откупы! Всѣ воруютъ, одинъ другаго чище.

— Конечно, воруютъ, да только ихъ не судятъ и не разстрѣливаютъ, за это, замѣтилъ Пачеко.

— Правда!... и ты, братецъ, сказалъ это очень кстати: вѣдь я долженъ пропознети приговоръ.

Патентованный судья нагнулся къ перу, но перо, давно присохшее, не отдѣлялось отъ дна чернильцы.

— Sagamba! вскричалъ онъ: я забылъ приготовить гербовой бумаги. Что дѣлать!...

Потомъ, вдругъ, у него блеснула счастливая мысль.

— Эй, вы, любезные! закричалъ онъ, обращаясь къ драгунамъ: за недостаткомъ въ гербовой бумагѣ для написанія приговору, я беру васъ въ свидѣтели, что осуждаю сего разбойника, Хоакима Пачеко, убійцу сеньора Антоніо В..., на смерть, коей онъ имѣетъ быть преданъ, черезъ двоихъ сутки, отъ огнестрѣльнаго ружья, на томъ самомъ мѣс-

тѣ, гдѣ совершалъ преступленіе. Отвести его въ темницу!

Въ ту минуту, когда осужденный переступалъ черезъ порогъ, чтобы отправиться назадъ въ темницу, натентованный судья выскочилъ изъ койки, подбѣжалъ, схватилъ его за плечо и сказалъ дружелюбно:

— Бѣдный Пачеко!... мнѣ жаль тебя. Но я надѣюсь, что ты не сердись на меня, за то, что я принужденъ былъ соблюсти эту законную формцу въ отношеніи къ тебѣ: пожалуйста, не забудь сказать контрабандисту, чтобы принесъ мнѣ сигары!

Когда двое сутокъ прошло, Хоакима Пачеко опять взяли изъ тюрьмы, чтобы вести на казнь. Тутъ только комендантъ города вспомнилъ, что наканунѣ услалъ для коволя при серебрѣ весь косальскій гарнизонъ, состоящій изъ шести драгуновъ, и что въ ту минуту вся военная сила заключается въ немъ и его шпагѣ. Между-тѣмъ Хоакима Пачеко слѣдовало разстрѣлять, и времени терять было нельзя. Чтобы пособить горю, власти рѣшились нанять трехъ человекъ взамѣнъ драгуновъ. Это намѣреніе легче было принять нежели исполнить, потому что требовалось много времени на то чтобы найти три карабина: всѣ ружья въ то время были въ грабежѣ по большимъ дорогамъ. Однако жъ, часа черезъ два нашли, что нужно. Двое наемныхъ исполнителей казни порѣшили условіе. Третій, высокаго росту Индѣецъ, еще торговался.

— Хотя это ужъ очень дешево.... четыре реала.... за то чтобы застрѣлить человека, говорилъ онъ: однако жъ я согласился бы ... будь это только кто-нибудь другой. Но Хоакимъ Пачеко—мнѣ другъ.... задушевный другъ.... и я никогда не выстрѣлю въ него дешевле шести реаловъ.... Это крайняя цѣна.

Какъ часть, назначенный для казни уже прошелъ, то алькадъ приказалъ отправляться. Осужденнаго повели, и толпа повалила слѣдомъ. Въ четверть часа всѣ прибыли на мѣсто казни. Это было на берегу рѣчки, у огромнаго дерева. Тутъ задушенъ былъ несчастный Антонио В... , тутъ же возвышался и большой деревянный крестъ, который обыкновенно висѣлъ на цѣпяхъ, на стѣнѣ тюрьмы, чтобы служить предостереженіемъ народу. Онъ уже слу-

жилъ для испоконвѣка названъ, что видно было по набитымъ пулямъ концамъ. Осужденнаго посадили на скамѣйку, которая была придѣлана къ серединѣ креста, привязали ноги къ кресту и притянули руки къ концамъ его, такъ, чтобы грудь была совершенно открыта.

Пачеко, приготовленный къ смерти монахомъ, который сопровождалъ его, твердымъ голосомъ началъ читать послѣднія молитвы.

По существующему въ Мексикѣ обычаю, распорядившись исполненіемъ казни приказываетъ палить въ ту самую минуту, когда осужденный дочитаетъ до середины Credo (Исповѣдь Вѣры) и когда священникъ громко отпускаетъ ему грѣхи. На этотъ разъ однако жъ казнимый не только дочиталъ до конца Credo не будучи прерванъ смертью, но и повторилъ еще много другихъ молитвъ, потому что третій наемный воинъ, Индѣецъ, всё-еще не могъ сойтись съ алькадомъ въ цѣнѣ.

— Я вамъ говорю, вскричалъ онъ почти съ негодованіемъ, что я не застрѣлю друга за меньше чѣмъ шесть реаловъ.

Какъ алькаде, съ своей стороны, также не намѣренъ былъ уступить, то конца дѣлу и невозможно было бы предвидѣть, если бъ патентованный судья не поторопилъ его.

— Сбѣгайте, кто-нибудь, ко мнѣ, сказалъ онъ: карабинъ бандита Пачеко виситъ у меня за койкою.... славный карабинъ!... котораго я не отдамъ за тридцать піастровъ.... Пусть кто-нибудь выстрѣлитъ изъ него. Но послѣ казни прошу мнѣ возвратить, потому что онъ принадлежитъ къ дѣлу.

Марочный на лошади поскакалъ и привезъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый карабинъ.

— Ну! продолжалъ патентованный судья, своеручно зарядивъ карабинъ: кто изъ васъ, братцы, хочетъ заработать четыре реала?

Вызвалось нѣсколько йереговъ (поденьщиковъ). Судья избралъ одного, котораго считалъ самымъ отважнымъ и зналъ давно какъ отъявленнаго вора.

— Ну, что, Хосе! сказалъ алькаде съ торжествующимъ

видомъ Индѣйцу, который не бралъ меньше шести реаловъ: видишь ли, что и безъ тебя можно обойтись?

— Цѣна цѣнѣ рознь и работа работѣ рознь; отвѣчалъ Хосе, съ досадою, что упустилъ случай нажать копѣйку: по дѣлу узнаешь мастера. Посмотримъ его мастерство!

Роковая минута настала. Три поденьщика, вооруженные карабинами, стали въ четырехъ шагахъ отъ Пачеко, прицѣлились и ждали команды. Алькаде махнулъ платкомъ, но раздался только одинъ выстрѣлъ. Пачеко страшно вскрикнулъ, но просто отъ страху: пуля сбила у него едва-вистѣвшій на ногѣ башмакъ. Другіе два исполнителя не выстрѣлили: одинъ потому что ему показалось, будто его кто позади позвалъ по имени, и онъ, какъ поденьщикъ весьма вѣжливый, долгомъ счелъ оборотится; другой въ ту самую минуту примѣтилъ, что кремень не довольно остръ и принялся околачивать его.

По второй командѣ раздался опять только одинъ выстрѣлъ, и на этотъ разъ уже нельзя было пѣнять на прозѣвавшихъ: выстрѣлившій вторично былъ тотъ самый поденьщикъ, котораго выбралъ судья; онъ выпалилъ впередъ и, остановивъ товарищей, побѣждалъ посмотрѣть на слѣдствіе.

— Немножечко не попалъ! вскричалъ онъ, указывая толпѣ отбитую пулей щечку на крестѣ въ шести вершкахъ надъ головою казнямаго. А направленіе-то было хорошо!

— Ну, что сеньоръ алькаде? сказалъ Индѣецъ Хосе: что вы думаете о людяхъ, которые разстрѣливаютъ за безцѣнокъ? Да я вѣдь не злопамятенъ: дайте мнѣ теперь шесть реаловъ, я мигомъ покончу дѣло.

— Хосе! съ важною сказалъ алькаде: знай, что правительство никогда не должно оказываться слабымъ и уступчивымъ. Пусть на разстрѣливаніе разбойника Пачеко пойдетъ больше времени нежели какъ нужно, но я никогда не прийму такого предложенія.

Затѣмъ послѣдовала ужасная сцена: три поденьщика въ продолженіи полу-часу стрѣляли въ Пачеко и, по непостижимой прихоти случаю, не могли ни разу ранить его смертельно. Наконецъ разбойникъ принужденъ былъ пе-

рестать кричать отъ боли и вмѣшаться самъ въ дѣло своей казни.

— Ты здѣсь, Хосе? вскричалъ онъ раздражающимъ голосомъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ Индѣецъ.

— Убей меня, amigo.

— Пожалуй, любезный Пачеко. Но я хочу, чтобы алькаде заплатилъ мнѣ шесть реаловъ.

— Только-то? Такъ не безпокойся.... раздробь мнѣ сперва черепъ, а потомъ возьми всѣ деньги, которыя есть у меня въ карманѣ.

— А сколько тамъ у тебя?

— Есть піастръ..... (пять рублей), но поторопись.... я страдаю.... ужасно.... ахъ!

— Чтò жъ ты этого не сказалъ прежде! вскричалъ Хосе прицѣлываясь: этакой чудакъ!.. есть піастръ въ карманѣ, а онъ пол-часа ждетъ смерти отъ дураковъ!....

Онъ еще говорилъ, когда выстрѣлъ раздался. Пуля попала промежъ глазъ и раздробила черепъ. Хосе, не теряя времени, бросился къ трупу и обшарилъ его карманы.

— Два реала.... три сигары... и старая колода карты! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ показывая всѣ эти вещи толпѣ: надулъ, негодяй!.. Ахъ, Пачеко, Пачеко! вотъ этого я не ожидалъ отъ тебя! Ну, не забуду же я твоей смерти!... вѣкъ не забуду!

Разсказъ этотъ тѣмъ хорошъ, что по совѣсти достовѣренъ: онъ сообщенъ свидѣтелемъ-очевидцемъ журналу *Revue de Paris*, который, сказать мимоходомъ, втеченіи юня мѣсяца пересталъ выходить.

ГОРЕЯ, ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИЯ ВЪ СЕНЕГАЛѢ. ЖИЗНЬ И ВѢЛЫХЪ И ЧЕРНЫХЪ ПОДЪ ЭКВАТОРОМЪ. Послѣ Сенъ-Луи, Горeya (Gorée)—самое важное мѣсто французскихъ поселеній на западномъ берегу Африки и читателямъ, вѣроятно, будетъ любопытно познакомиться съ тѣмъ, чтò нынче французскіе журналы такъ напыщенно называютъ — *nos possessions d'Afrique occidentales*! Вотъ извлеченіе изъ письма одного французскаго майора.

«Среднее продолженіе проѣзду на пароходъ отъ Сенъ-

Луи до Горен — двѣнадцать часовъ. Горенъ стоитъ на песчаномъ островкѣ, посреди большаго залива, одного изъ лучишнихъ яворныхъ мѣстъ африканскаго прибрежья. Море здѣсь такъ глубоко, что корабли могутъ подходить къ землѣ на ружейный выстрѣлъ и стоять подъ покровительствомъ очень хорошей недавно построенной крѣпости, которая господствуетъ надъ городомъ. Въ Горенѣ нѣтъ того полицейскаго порядку, которымъ отличается Сентъ-Луи. Улицы—безъ надписей, обрывисты, неровны и не прямо выведены; дома безъ крышъ, съ повалившимися стѣнами, на каждомъ шагу оскорбляютъ взоръ, и посреди этихъ развалинъ негры устрояютъ лачужки для своихъ куръ и своихъ семействъ. Въ Горенѣ нѣтъ ни одного дерева и ни одного клочка земли, который бы могъ служить гульбищемъ. Это вовсе не преувеличеніе: мѣстомъ для прогулокъ служитъ гражданамъ досчатый помостъ на пристани. Другаго нѣтъ. Чтобы быть справедливымъ, нужно замѣтить, что грустный видъ Горен во время моего пребыванія происходилъ частью и оттого что этотъ городъ, за мѣсяць до меня, былъ опустошенъ ураганомъ. Море, говорятъ, бушевало до такой степени, что волны хлестали черезъ крыши домовъ и что островъ дрожалъ отъ ударовъ какъ корабль.

Бѣлое населеніе Горен — чахлое и страдающее: всѣхъ бѣлыхъ здѣсь, такъ же какъ и въ Сентъ-Луи, губитъ солнце и скука. Черные, напротивъ, бодры и веселы: они живутъ на этой землѣ какъ сочныя и сильныя мѣстныя растенія, между-тѣмъ какъ Европейцы едва-едва прозябаютъ. Это различіе тѣмъ болѣе чувствительно, что всѣ бѣлые здѣсь мрачны и печальны, а черные, кажется, только и живутъ что для пѣсней и пляски. Страсть черныхъ къ пѣснямъ и пляскѣ становится истиннымъ наказаніемъ для Европейца, котораго сонъ часто нарушается прыганьемъ и неумѣреннымъ крикомъ негровъ во всю ночь на улицѣ. Негръ, подобно древнему Афинянину, живетъ на улицѣ. Лачуга его — болѣе предметъ роскоши нежели необходимости. Онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, пляшетъ и, въ праздники наряжается на улицѣ. Благодаря этой простотѣ нравовъ, вы можете примѣтить довольно много любознат-

ныхъ подробностей ихъ быту. Такъ, напримеръ, я видѣлъ, какъ одинъ негръ другому бривъ бороду. Для этой операціи черный Фигаро употреблялъ черепокъ отъ бутылки, способный привести въ трепетъ самый нечувствительный подбородокъ. Но дѣло обдѣлалось такъ же скоро, какъ-будто исполнялось бритвою перваго разбору. Конечно, обритый лишился половины своей кожи, но, зато, взамѣнъ, цырюльникъ оставилъ ему по-крайней-мѣрѣ три четверти волосъ.

Въ этомъ краю первобытныхъ нравовъ, гдѣ бороды брѣются на площади и гдѣ банею служить взморье, не трудно подсмотрѣть туалетныя тайны мѣстныхъ дамъ: стоитъ только пойти на берегъ. Тамъ вы можете примѣтить, что черныя дамы носятъ на поясицѣхъ родъ стекляннаго ожерелья чудовищныхъ размѣровъ, вѣсомъ до пуда. Кромѣ этого украшенія, которое можно видѣть только во время купанья, негрятянки накладываютъ на себя пропасть золота, въ видѣ ожерельевъ, поручьевъ, запястьевъ и бляхъ, на головѣ и на шеѣ, цѣною иногда на двѣнадцать тысячъ франковъ. Словомъ, украшеніе черной особы составляетъ единственное помышленіе негра обонхъ половъ. Оттого нерѣдко видишь въ праздничные дни на неграхъ самыя фантастическіе костюмы. Вотъ одинъ изъ довольно обыкновенныхъ: желтые панталоны, подвязанные подъ коленомъ черной ноги; бѣлая вышитая рубашка; алый кафтанъ безъ рукавовъ и остроконечная шляпа. Къ несчастію, парижскія моды уже покушаются на изгнаніе этихъ оригинальныхъ костюмовъ, и со-временемъ негры тоже будутъ щеголять въ пошлыхъ, общипанныхъ фракахъ.

Жизнь въ Горѣхъ, на голомъ, однообразномъ островѣ, натурально, однообразна. Насупротивъ лежитъ Африка съ богатою растительностью, съ апельсиновыми и лимонными лѣсами. Она представляетъ тысячи источниковъ наслажденія, не считая охоты за всею возможною дичью, отъ льва до бекаса. Но жители Горей проводятъ всю жизнь въ виду этой земли и не смѣютъ вступить на нее. Во-первыхъ, бѣлому загораживаютъ дорогу солнце и лихорадка. При одномъ предложеніи отправиться туда, Гореецъ блѣднѣетъ. Если онъ принимаетъ въ васъ какое-нибудь уча-

стіе, то непремѣнно въ такомъ случаѣ составитъ вамъ списокъ несмѣтныхъ жертвъ, погибшихъ единственно за то, что поставили ногу на твердую землю. Во-вторыхъ, если не дикорадка, то какой-нибудь маленькій черисный царикъ, ради личнаго своего наслажденія, возьметъ и повѣситъ васъ какъ бѣлаго чорта. Но я и мои товарищи не хотѣли отказаться отъ возможности настрѣлать нѣсколько не совсѣмъ обыкновенной дичи, и мы надѣялись, что съ нами не случится такой бѣды. Мы отправились.

Деревня Дакаръ лежитъ посерединѣ просянаго поля. Прогуливаясь въ чащѣ этого хлѣбнаго растенія, которое достигаетъ здѣсь осьми футовъ вышины, невольно вспоминаешь Гулливера во ржи бробдиньякской и поминутно ждешь, что ляжутся колоссальныя птицы и чудовищнаго росту мыши. Староста деревни Дакаръ, негръ лѣтъ тридцати, говорящій на французскомъ языкѣ своего изобрѣтенія, передъ бѣлыми титуруетъ себя *генераломъ* Гувикенъ. Этотъ генералъ, котораго я зналъ и прежде, потому что онъ продавалъ мнѣ куръ, принялъ меня съ большимъ почетомъ въ своей лачугѣ и показывалъ довольно странный амулетъ, который онъ возвелъ въ чинъ домашняго бога и на который очень уповалъ. Амулетъ состоитъ изъ кожаной коробочки, въ которой хранится большая коллекція визитныхъ карточекъ. Генералъ потребовалъ и моей. По возвращеніи на корабль я успѣшилъ исполнить его желаніе, тѣмъ болѣе что моя карточка, конечно, нашла уже тамъ полное общество именъ французскаго флота. Предположенія наши и друзей нашихъ не сбылись: мы добыли едва нѣсколько птицъ, уже знакомыхъ и въ пищу негодныхъ; изъ пяти человѣкъ только у одного немножко заболѣла голова, а повѣшенныхъ—ни одного.

Я, признаться, на возвратномъ пути, подъ раскаленнымъ солнцемъ, въ продолженіи одного часу разъ шестьдесятъ проклиналъ эту глупую охоту, изъ-за которой мы жарились на лодкѣ какъ на сковородѣ. Въ этомъ знойномъ краю есть вещь, которую мы на сѣверѣ любимъ, уважаемъ и обожаемъ, и которую здѣсь наузаешься отъ всего сердца ненавидѣть: это—солнце. О, поэты, гремящіе полуденному солнцу всякія хвалы всякими стихами! ступай-

те въ Сенегалѣ, и энтузіазмъ вашъ испарится. Тамъ только вы поймете, сколько истинной поэзіи заключается въ сѣромъ небѣ и въ тускломъ солнцѣ, подѣ которыми растутъ боровники и пухленькія бѣлыя женщины. Въ Сенегалѣ солнце — врагъ человѣка и медицина преслѣдуетъ его какъ начало всякихъ болѣзней и всякаго зла. Едва оно появляется, бѣлый человѣкъ зарывается куда-нибудь по-глубже въ свое жилище и выходитъ не иначе какъ вечеромъ. Если же необходимо выйти со двора днемъ, то онъ надѣваетъ зимнія зеленыя очки, чтобы не видѣть ненавистнаго свѣту, и закрываетъ спину широкимъ зонтикомъ.

Другая не менѣ жестокая пытка для Европейца — мускиты, самыя безжалостныя, самыя кровожадныя созданія въ мірѣ. Надобно обладать наукою Бюффона, чтобы составить списокъ всѣмъ микроскопическимъ людодѣдамъ, пожирающимъ здѣсь несчастныхъ Европейцевъ. Начиная отъ чистаго мускита до сороконожки, тысячи различныхъ породъ этихъ чудовищъ подстерегаютъ бѣлаго при высадкѣ на берегъ. Новопріѣзжіи — царское кушанье для этихъ незримыхъ вампировъ: мясо еще свѣжо, кожа мягка и кровь обильна. Онъ еще не успѣлъ высушиться и пожелтѣть на африканскомъ солнцѣ, и оттого вкуснѣе. Зато первыя ночи для ново-прибывшаго — такая мука, которая могла бы занять почетное мѣсто въ Дантовомъ аду. Одно-го однообразнаго гудѣнья, которое свидѣтельствуетъ о присутствіи невидимаго врага и о кровавыхъ его замыслахъ, уже достаточно, чтобы взорвать терпѣніе Сократа. Прибавьте, къ довершенію удовольствія, что утромъ, если утомленіе восторжествуетъ надъ безпокойнымъ шумомъ, вы проснетесь съ лицомъ, распухшимъ какъ набитая воздухомъ подушка и съ ногами какъ два мѣшка съ мукою.

Я сдѣлалъ бы непозволительный пропускъ, если бы забылъ сказать нѣсколько словъ касательно *вопросу о невольничествѣ* въ Сенегалѣ. Невольничество по имени уже не существуетъ въ этомъ краю, однако жъ существуетъ на дѣлѣ: если не имѣются невольники, такъ зато имѣются яльные. Эти плѣнные раздѣляются на два класса: на негровъ находящихся въ службѣ правительства и на нег-

ровъ принадлежащихъ жителямъ колоніи. Плѣнники правительства, опредѣленные къ казеннымъ мѣстамъ или въ полкахъ или въ экипажи пароходовъ, содержатся очень хорошо. Частные люди также обращаются съ ними кротко. Въ этой колоніи, гдѣ нѣтъ никакихъ плантацій, труды невольниковъ ограничиваются прислугою въ домѣ, и неволя ихъ сносна. Но всё-таки и черное и бѣлое населеніе Сенегала держится той мысли, что за чернымъ человекомъ можно охотиться на такомъ же законномъ основаніи какъ за зайцемъ или глухаремъ. Такъ, во время послѣднихъ экспедицій, этотъ образъмыслей высказался очевидно. Къ отряду экспедиціи пристало значительное число волонтеровъ, вовсе не изъ преданности къ знамени. Они шли на войну съ увѣренностью, что всякій плѣнникъ, какого имъ удастся захватить, будетъ ихъ законною собственностью. Они взяли за оружіе, за тѣмъ чтобы добыть себѣ, одинъ лакея, другой повара, третій горничную. Но какъ негритянскія племена удалялись во внутрь Африки, то плѣнныхъ и не оказалось.

Нельзя также умолчать о третьемъ родѣ плѣнниковъ: это — негры, покупаемые чиновниками правительства и отпускаемые на волю, когда чиновники отправляются въ Европу. Родъ этотъ получилъ названіе *хищныхъ* (гарассе). Хищный обыкновенно бываетъ парень лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, дерзкій, прожорливый, хитрый, вороватый, — видоизмѣненіе человѣка самое близкое къ обезьянѣ. Онъ отличается хладнокровіемъ, съ которымъ получаетъ поножныя или поручныя исправительныя возмездія. Одѣваютъ его очень мало, зато называютъ замысловато: одного зовутъ Гепатитомъ, другаго Грингалетомъ, третьяго Робеспіеромъ, и такъ далѣе.

Въ странѣ, гдѣ такъ много золота и слоновой кости, негоціанты могли бы обдѣлывать кругло не малые дѣла. Но, къ несчастію, пребываніе подъ этимъ жгучимъ югомъ до крайности губительно для Европейца. Хотя и находится нѣсколько офицеровъ довольно неустрашимыхъ на то чтобы служить здѣсь, однако жъ мало такихъ купцовъ, которые бы не ужасались лихорадокъ и другихъ изурительныхъ болѣзней.»

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ГОСПОДИНА ТЕХІЯ. Персидскіе атлеты. Читатели этого журнала помнятъ первое путешествіе господина Техія по Малой Азіи и Арменіи, которое въ свое время возбудило живѣйшее участіе антикваріевъ. Въ эту минуту онъ находится снова въ Азіи и сообщаетъ парижскимъ журналамъ новѣштія о своихъ археологическихъ открытіяхъ. Онъ посѣтилъ Ванъ, Хой, Тебризъ, и пишетъ изъ Тегерана. Но въ Ванѣ, городѣ Семирамиды, онъ не открылъ ничего новаго. Свѣдѣнія его о другихъ мѣстностяхъ Арменіи и Персіи также мало интересны. Мы извлечемъ изъ его разсказовъ только то, что онъ говоритъ о персидскихъ *пегливансахъ*, борцахъ или атлетахъ, единственномъ нынче остаткѣ знаменитыхъ атлетовъ классической древности.

«Персіане чрезвычайно любятъ всѣ тѣлесныя упражненія, и какъ тщеславіе составляетъ одну изъ рѣзкихъ чертъ ихъ характера, то всякій хвалится какою-нибудь особенною ловкостью, однимъ наѣздничествомъ, другой искусствомъ въ стрѣльбѣ или въ борьбѣ. Упражнение въ борьбѣ у нихъ — еще въ большемъ почетѣ. Общества, называемыя Братствами Пегливановъ, гдѣ первыми членами бывають самые знатные сановники, существуютъ во всѣхъ значительныхъ городахъ Персіи. Цѣль ихъ — поддерживать страсть къ борьбѣ и образовать атлетовъ, которые въ самомъ дѣлѣ достигаютъ неимовернаго искусства. Одинъ Персіанинъ, знакомецъ нашъ, житель Хойя, пріѣхалъ въ Тебризъ съ нѣсколькими товарищами, по вызову, сдѣланному отъ города къ городу. Онъ пригласилъ насъ присутствовать при этой борьбѣ. Мы отіравились вмѣстѣ со многими другими Европейцами, жившими въ Тебризѣ. Время было зимнее и бороться на открытомъ воздухѣ нельзя. Насъ проводили въ большую залу городской бани. Едва мы вошли на первый дворъ, какъ услышали въ зданіи дикіе крики и страшную стукотню. Мы подумали, что борцы не шутя вступили въ рукопашную и, для поддержанія своей чести, взаимно душатъ другъ друга. Провожатый замѣтилъ наше безпокойство и сказалъ: — Это ничего! Не бойтесь: это музыка! Голоса, которые вы слышите, воспѣваютъ подвиги Братства Пегливановъ.»

Баня освѣщалась широкими окнами со стеклами изъ алебастру. Она была натоплена очень жарко, такъ, что едва можно было дышать. Собраніе было уже почти полно, и глашатай, обходя залу, провозглашалъ имена борцовъ. Послѣ объявленія каждой пары, музыка и пѣніе начинались громче и громче. Оркестръ состоялъ изъ скрипки или гудка, длинной тростниковой свистульки, и барабана, и все это гудѣло, свистѣло и гремѣло непрерывно. Что касается до контрбаса персидскаго, то это — такой инструментъ, какого я еще не видывалъ ни въ какой странѣ. Вообразите человѣка, богатырскаго сложенія, совершенно нагаго, за исключеніемъ коротенькихъ лайковыхъ штановъ, съ бритой головой и хохломъ вмѣсто шапки. У этого музыканта въ рукахъ лукъ, не менѣе Немродова; на лукѣ вмѣсто тетивы желѣзная цѣпь со множествомъ металлическихъ колець и бубенчиковъ. Натягивая и спуская эту тетиву, онъ производилъ громкій, оглушительный металлическій звонъ, который покрывалъ весь гвалтъ и отъ котораго допались уши. Другіе музыканты отдыхали иногда, но онъ и барабанщикъ были неутомимы, неутомимы. Церемонія началась маршемъ борцовъ. Впереди ихъ шли судьи, которымъ надлежало рѣшить отдачу преимущества. На всѣхъ борцахъ были лайковые штаны; у каждаго двѣ коротенькія булавы, которыя въ тактъ перебрасывались съ плеча на плечо. Нѣкоторые подбрасывали на воздухъ и ловили. Принесли два большіе кувшина съ масломъ, которымъ борцы натерли себѣ все тѣло, и борьба началась. Правило—противника нужно опрокинуть на спину. Это — единственное доказательство побѣды. Борцы въ самомъ дѣлѣ выказывали удивительную ловкость и невѣроятную силу, но потѣха была слишкомъ продолжительна, а жаръ и духота нестерпимы. Мы ушли и я, къ сожалѣнію, не могу сказать, который изъ городовъ, Хойя или Тебризъ, заслужилъ вѣнецъ олимпійскій.»

ТЕОРИЯ ЦВѢТОВЪ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ, ПО ВАЛЬЗАКУ.
Вы помните огромную диссертацию, гдѣ мосье де-Бальзакъ, въ одномъ изъ своихъ романовъ, изложилъ въ подробно-

сти свою ученую теорію поцѣлуя, напечатлѣваемаго на руку женщины, и гдѣ онъ съ величайшею отчетливостью и удивительною проницательностью опредѣлилъ неизмѣримое различіе между двумя вещами: между поцѣлуемъ на руку женщины и поцѣлуемъ въ руку или въ ладонь. Вотъ, теперь онъ же представляетъ не менѣе глубокую теорію цвѣтовъ дамскихъ платьевъ. Только онъ наложилъ ее не въ романѣ, а словесно, нѣсколько недѣль назадъ, въ одномъ дамскомъ обществѣ въ Парижѣ.

— Повѣрите ли вы, сказала одна очень умная дама, что на графинѣ Д***, на прошедшемъ балѣ, было красное креповое платье? Не правда ли, что это не вѣроятно?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ москѣ Бальзакъ: я очень хорошо понимаю это. Надобно ничего не смыслить въ сердцахъ женщины, въ этомъ океанѣ съ тысячами пропастей, чтобы удивляться, если особа съ характеромъ мадамъ Д*** выберетъ платье такого громкаго и грабительскаго цвѣту.

— Полноте, возразили ему со смѣхомъ: будто цвѣта доказываютъ характеръ тѣхъ, кто ихъ носятъ!

— Больше нежели вы думаете, продолжалъ онъ: не угодно ли сдѣлать со мной нѣсколько наблюденій.

Всякая душа имѣетъ невидимый цвѣтъ, и поэтому всякій характеръ усвоиваетъ себѣ соответственный цвѣтъ одежды. Съ перваго взгляду на женщинъ, которыя носятъ малиновыя, оранжевыя, свѣтло-зеленыя, гранатовыя, свѣтло-желтыя платья, вы уже можете съ достоинствомъ, или довольно приблизительно, заключить о сварливости и брюзгливости ихъ нрава. Берегитесь тѣхъ, которыя любятъ фіолетовый цвѣтъ, и въ-особенности тѣхъ, которыя носятъ желтыя шляпки, и всѣхъ тѣхъ, которыя всегда ходятъ въ черномъ! Этотъ — цвѣтъ кабалистическій, и по справедливости: надобно предаться самымъ мрачнымъ и бѣдственнымъ мыслямъ, чтобы убирать себѣ голову стеклярусомъ и чернымъ крепомъ. Что касается до бѣлаго, то это цвѣтъ характеровъ, безхарактерныхъ. Бѣлый цвѣтъ не показываетъ почти ничего кромѣ одной вещи: женщина одѣтая обыкновенно въ бѣлое — кокетка. Тутъ почти нѣтъ исключенія. Помните, что мы слыша-

Т. LXXI. — Отд. VII.

ли о мадамъ Таллиенъ, о мадамъ Рекаміе: онѣ всегда ходили въ бѣломъ. А въ наши дни посмотрите на книжницу....., на маркизу де..... и такъ далѣе.

Розовый цвѣтъ усвоивается женщинами, которымъ достигли двадцати пяти лѣтъ и часто гораздо болѣе. Пятнадцатилѣтнія дѣвушки обыкновенно не хотятъ его носить ни за чѣмъ къ свѣту. Онѣ предпочитаютъ темныя цвѣта, но безъ всякаго другаго основанія кромѣ крайняго невѣдѣнія и ложныхъ понятій, которымъ подвержено неопытное юношество. Женщины, которыя обыкновенно носятъ и предпочитаютъ розовый цвѣтъ, вообще..... замѣтите, что моя система допускаетъ исключенія, какъ и всѣ основныя истины міра..... вообще, говорю я, бываютъ праву веселаго, остроумны и граціозны. Имъ легко живется и онѣ несколько не имѣютъ того угловатаго, шероховатаго расположенія духа, который вы примѣчаете у одѣвающихся въ темныя цвѣта.

Голубой — цвѣтъ душъ привилегированныхъ, душъ хорошенькихъ. Всѣмъ возрастамъ нравится голубой цвѣтъ; онъ даже идетъ къ лицу всѣмъ возрастамъ. Избирающія голубой цвѣтъ вообще бываютъ вѣжны и мечтательны. Если онѣ молоды, жизнь ихъ—чиста и невинна: если уже не молоды, то она была такова.

Сѣрый перловый—цвѣтъ тѣхъ—же душъ, когда онѣ печальны и несчастны. Въ дни счастья одѣваются въ розовый и голубой цвѣтъ; въ дни печали избираютъ сѣрый: онъ приличенъ душамъ страждущимъ, когда ихъ уже ничто не привлекаетъ къ цвѣтамъ свѣтлымъ и веселымъ, но когда онѣ праву слишкомъ нѣжнаго и когда у нихъ мысли слишкомъ свѣжи, на то чтобы драпироваться съ головы до ногъ въ черное. Сѣрый цвѣтъ—переходный, который рано или поздно приводитъ къ идеямъ болѣе утѣшительнымъ. Онъ мало-по-малу приводитъ и возвращаетъ къ голубому или къ гортепсиевому цвѣту.

Лилловый—цвѣтъ почти спеціальный для женщинъ, которыхъ были хороши и уже не суть, или которыя хороши уже съ самымъ давнымъ вѣкомъ. Это націю въ отставкѣ женщины, которыя любятъ большой усвѣтъ; это обязаный

шало матери въ день свадьбы ея дочери; это кавалеръ со-
сокалѣтнихъ дамъ, которыя дѣлають визиты.

Такъ же легко узнать характеръ по звуку голоса и трудно узнать по улыбкѣ и по взгляду. Улыбка даже у женщины самой правдивой такова же какъ и взглядъ: и та и другой болѣе или менѣе изучены передъ зеркаломъ и направляются смотря по надобности. Зеркало — искусство ремеслу; оно всегда научаетъ первой лжи всякаго, кто въ него заглянетъ, въ какомъ бы то ни было возрастѣ, даже съ гремушкою въ рукахъ. Но голосъ всегда измѣняется: это вещь, противъ которой самая искусная въ притворствѣ женщина не можетъ устоять. Противорѣчіе, удивленіе, радость, нетерпѣніе, любовь, ненависть не могутъ скрыться въ немъ такъ, какъ скрываются подъ розовыми губами и длинными шелковыми рѣсницами. Голосъ и цвѣтъ платья — вотъ предатели женщины. Кто понялъ глубокое значеніе каждаго оттѣнка голосу и платью, тотъ разрѣшилъ великую задачу, предложенную мудрости чело-
вѣчества въ образѣ женщины, тотъ..... разгадалъ женщину!

У женщины нѣтъ годовъ. Свѣтъ ошибается. Женщина живетъ не въ тѣлѣ своемъ, а снаружи, на платьѣ, и переливы цвѣтовъ ея юбки — лѣтопись ея возрасту и, вмѣстѣ, зеркало души ея. Я сказалъ.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les Etudiants. Студенты, драма въ пяти актахъ, *Фредерика Сулиэ.*

Сюжетъ этой новой драмы госпожня Сулиэ съ студентами собственно не имѣетъ ни какой необходимой связи: представляемое происшествіе можетъ случиться, и не случиться, съ какими угодно лицами и въ какое угодно время, какъ это и будетъ явствовать изъ нижеслѣдующаго.

Нѣкто Ройе д'Обринь, преслѣдуемый въ нѣкое время нѣкоторыхъ междоусобій, укрывается у своего друга, барона де-Мортаня, котораго онъ самъ прежде спасъ отъ смерти. Этотъ баронъ Мортанъ за деньги передаетъ своего избавителя и друга врагамъ, и Ройе д'Обринь разстрѣливають на-глазахъ сына. Послѣ-того баронесса Мортанъ не хочетъ носить имени, запятнаннаго преступною неблаго-

дарностью и подлымъ корыстолюбіемъ. Она съ дочерью бѣжить отъ мужа. Сынъ его также бѣжить, въ другую сторону, и предатель остается одинъ съ своею совѣстью. Дѣти его готовы вскрыть себѣ жилы, чтобы выпустить кровь, которую имѣютъ отъ него. Все это случилось до поднятія занавѣса. Когда онъ поднимается, и когда уже нѣтъ никакихъ междоусобій, вы видите нѣчто подобное въ квартирѣ со столомъ, въ родѣ дому Вокè въ Бальзаковомъ «Отдѣ Горіо». Здѣсь молодой человѣкъ, весь въ черномъ и застегнутый до подбородка, съ блѣднымъ лицомъ, исключенными волосами, садится на всѣ стулья и облокачивается на всѣ столы съ пенсовымъ и мрачнымъ видомъ голоднаго поэта и со всѣми признаками дыряваго кармана. Зато и хозяйка даритъ его взглядами хозяйки, которой давно уже не платятъ за квартиру и за столъ. Между-тѣмъ этотъ блѣднякъ не принимаетъ пяти сотъ франковъ, которые передаетъ ему въ письмѣ, по комиссіи, старый тряпичникъ Крошморъ, то есть, Крючокъ-Смерти, имя, очевидно, изобрѣтенное по какому-нибудь особенно казусному обстоятельству.

Входитъ молодой д'Обриньй, студентъ. Онъ поддерживаетъ пожилую женщину; чрезвычайно блѣдную, одѣтую въ темное. У этой блѣдной женщины есть дочь, тоже очень блѣдная и одѣтая по-кармелитски. Мадамъ Пассаже, хозяйка квартиры со столомъ, хочетъ выгнать мать и дочь, за неплатежъ. Д'Обриньй собираетъ для нихъ между студентами подписку. Черный, до-верху застегнутый молодой человѣкъ ничего не подписываетъ, на томъ основаніи, что нечего подписать. Послѣ этого д'Обриньй рассказываетъ о смерти своего отца и о томъ какъ сестра его каталась одна на лодкѣ по Сенѣ, упала въ воду и была вытащена какимъ-то молодымъ человѣкомъ который скрылся не сказавъ своего имени. И оба эти разсказа, по-видимому, производятъ очень сильное впечатлѣніе на чернаго молодого человѣка. Потомъ, чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное повѣствованіемъ о печальныхъ происшествіяхъ, д'Обриньй предлагаетъ товарищамъ покутить въ Берси, у дяди Фромажа. Веселая шайка съ радостью собирается отправиться въ загородный

трактиръ, но напередъ выбрасываетъ за окно весь объёмъ *темушки* Пассажа, для того чтобы онъ на другой день не явился въ подогрѣтомъ видѣ.

Во второмъ актѣ, мы—въ маленькомъ загородномъ трактирѣ или, лучше сказать, подлѣ трактира, на берегу рѣки. Надъ дверью, въ видѣ приманки, красуется великолѣпная вывѣска съ изображеніемъ жареныхъ гусей, мороженого, ветчины и фруктовъ. Передъ дверью, въ тѣни виноградныхъ лозъ, стоятъ накрытые столы. Дядя Фромажъ огнемъ горить; поваренки суетятся. Ждутъ мосьё д'Орбиньи съ товарищи. Вдругъ является хорошенькая дѣвушка. Она идетъ въ трактиръ съ простодушнымъ спокойствіемъ невинности. Это сестра д'Орбиньи. Она проситъ дядю Фромажа позволить ей спрятаться гдѣ-нибудь въ уголку, чтобы посмотреть на студентовъ, между которыми надѣется она открыть своего избавителя отъ морской смерти.

Дядя Фромажъ, который хорошо знаетъ нравы великодушныхъ избавителей и романсы, воспѣваемые съ акомпаниментомъ опорожненныхъ и битыхъ стакановъ, напрасно умоляетъ дѣвушку уйти: она уходитъ только для виду, возвращается и сталкивается носомъ къ носу съ таинственнымъ, съ чернымъ до-верху, съ застегнутымъ молодымъ человѣкомъ, которому отнынѣ будетъ имя — Оливіе. Онъ-то именно и выловилъ мамзель д'Орбиньи изъ царства рыбъ, когда лодка ея опрокинулась вверхъ килемъ. Чувствительная сцена. Объясненія, просьбы съ одной стороны, рѣшительный отказъ произнести имя — съ другой. Мамзель д'Орбиньи даетъ упрямому незнакомцу медаліонъ; который впоследствии можетъ пригодиться къ развязкѣ. Она уходитъ. Является Марія, молодая дѣвушка изъ перваго акта. Она ищетъ тряпичника Крошмора, который въ окрестности имѣетъ увеселительную лачугу. Не заставъ сго дома, она бросается въ воду. Д'Орбиньи, приплывшій на эту пору съ цѣлою флотиліей, видитъ бѣду, ныряетъ и выноситъ мокрую бѣдняжку на берегъ. Марія, для смѣны промоченнаго, даютъ бальное платье изъ индейской кисеи и торсаль изъ розовыхъ лентъ. Въ этомъ видѣ Марія очаровательна и д'Орбиньи

принѣтилъ это. Обѣдъ кончился. Студенты и гризетки ѣдутъ хоромъ болѣе или менѣе стройно, вслѣдїи по мѣрѣ своихъ средствъ. Потомъ толпа садится опять въ лодки и уѣзжаетъ.

Театръ представляетъ воксалъ, называемый Большою Хижиной, le Grande-Sbausière. Генеральная полька. Д'Орбинь въ новомъ черномъ фракѣ и великолѣпномъ бѣломъ атласномъ галстухѣ прохаживается съ Марією, какъ Фаустъ съ Маргаритой въ саду у Марѣи, любовно склонившись и нашептывая бѣдняжкѣ на-ухо все тѣ вещи, которыя волнуютъ сердце, смущаютъ разумъ. Оливіе смотритъ на все это съ досадою и ревностью. Совсѣмъ неопредѣленное, безотчетное чувство влечетъ его къ Маріи, къ несчастливцѣ такой же какъ онъ. Марія кажется надеется, сдается. Она еще борется, но слабо. Она говоритъ себѣ: по-крайней-мѣрѣ я доставляю помощь больной матери, если уже всѣ отвергаютъ меня, даже смерть, которая гостепріимна и утѣшительна для всѣхъ. Д'Орбинь, конечно человѣкъ честный и прямодушный, но онъ спасъ эту дѣвушку отъ смерти и не полагаетъ сдѣлать какое-нибудь зло нашептывая ей о любви. Онъ и не подозреваетъ, что его слушаетъ не сердце, а голодъ. Оливіе, въ негодованіи, вызываетъ д'Орбинья, самаго счастливаго и самаго искуснаго дуэлиста изъ всего сословія студентовъ. Вызвать его значило то же что рѣшиться на самоубійство. — Но знаете ли вы, что я рѣжу пулю на лезвѣ ножа въ пятьдесятъ шагахъ? — «Знаю.» — Такъ по-крайней-мѣрѣ скажите мнѣ ваше имя, чтобы я зналъ, съ кѣмъ имѣю честь драться. — «Имя мое я скажу вамъ падая отъ вашей пули.»

Декорация перемѣняется и представляетъ длинную улицу, въ ночную пору, слабо освѣщенную фонарями и луной. Тряпичникъ Крошморъ на порогѣ своего жилища и пещадно укоряетъ себя за неделикатный поступокъ съ разстрѣленнымъ другомъ, Ройе-д'Орбинь. Вы, конечно, догадались уже въ первомъ актѣ, что старый тряпичникъ съ меланхолическимъ именемъ — не кто иной какъ предатель баронъ Мортанъ, который для искупленія грѣха осудилъ себя на честное, но грязное и въ свѣтѣ мало уважаемое ремесло. Студенты, порядочно веселые, возвра-

щадятся домой каждый съ своею каждою. Одинъ изъ нихъ отдаетъ Крошмору пяти-сотенный банковый билетъ, котораго не принялъ Оливіе. Этотъ отказъ вырываетъ у стараго тряпичника вздохъ застѣваго на мели кита. Изъ чего вы видите, что онъ принимаетъ большое участіе въ мѣломъ человѣкѣ, у котораго нѣтъ ни гроша. Идетъ Марія подъ руку съ д'Орбиньи. Голова ея кружится; она терлеть равновѣсіе на самомъ краю пропасти; скоро слабыя руки оборвутся и она упадетъ въ бездну позору. Но д'Орбиньи видитъ на землѣ что-то блестящее, наклоняется и поднимаетъ медаліонъ своей сестры, оброненный при возвращеніи Крошмору банковаго билета, медаліонъ, который Оливіе просилъ передать дѣвицѣ д'Орбиньи послѣ дуэли. — Какимъ образомъ этотъ медаліонъ могъ попасть въ руки какого бы ни было студента? спрашиваетъ себя д'Орбиньи, встревоженный страшными подозрѣніями, и бѣжитъ допрашивать сестру, оставивъ Марію, которая падаетъ и лишается чувствъ отъ стыда, утомленія и голоду. Крошморъ, или баронъ Мортанъ—если угодно, видитъ на темной мостовой что-то бѣлое, наклоняется и узнаетъ, что это—женщина. Марія, въ безпамятствѣ, въ бреду, произноситъ настоящее свое имя, Марія де-Мортанъ, и признается, что она и мать ея умираютъ съ-голоду. Тряпичникъ какъ сумасшедшій бросается къ булочняку, руками и ногами стучитъ въ ставни, громкимъ голосомъ вопіетъ: «Дайте мнѣ хлѣба! у меня есть золото!»

Начинаетъ свѣтать. Оливіе, прохаживаясь по своей страшно нищенской каморкѣ, съ нетерпѣніемъ ждетъ дуэли. Бѣдная сосѣдка, которая тоже всю ночь не спала дожидаясь возвращенія дочери, слышала безпокойную ходьбу сосѣда и, предчувствуя нѣчто роковое, рѣшилась войти къ нему. Они узнаютъ другъ друга: бѣдная женщина — баронесса Мортанъ! Входитъ Марія, чистая, невинная, достойная поцѣлуевъ матери. За нею входятъ Мортанъ-Крошморъ съ узломъ булокъ. Баронесса тотчасъ узнаетъ его, называетъ по имени и, вмѣстѣ съ обоими дѣтьми, въ ужасѣ отступаетъ. Они всѣ трое скорѣе умрутъ съ голоду чѣмъ согласятся укусить его булки и дотронуться до

его проклятаго золота. Приходитъ д'Орбанъ съ сестрою. Благородныя чувства этого семейства глубоко тронутого. Онъ женится на Марин и отдаетъ сестру за Оливіе Мортаня. Крепшморъ, кажется, возвращается къ своимъ трюкамъ.

2. *Agnés Bernau, Agnesa Berno*, драма въ пяти актахъ, господь Fouché и Alboise.

Агнеса Берно или, лучше, Бернау—знаменитая въ Германіи драма эпохи, предшествовавшей Гёте и Шиллеру. Сюжетъ этотъ былъ уже обработанъ достаточно хорошо и нѣсколько разъ, такъ, что господамъ Фушэ и Альбоазу не нужно было разоряться на изобрѣтенія. Это—любовь, гонимая политикой, борящаяся до конца и торжествующая въ слезахъ и въ смерти; то же что Шиллерова драма «Коварство и Любовь». Дѣло въ томъ, что Альбертъ сынъ герцога Баварскаго, проходя по улицамъ Аугсбурга, встрѣчаетъ дочь бабшица, влюбляется, переражается студентомъ, является къ ней въ домъ и проводитъ три мѣсяца на объясненіяхъ въ любви, не объясняя однако жъ своего имени и званія. Между-тѣмъ онъ женихъ, онъ обрученъ съ Елисаветою Виртембергскою, и отецъ торопитъ свадьбою. Вы видите, что начинается такъ же какъ въ «Жидовкѣ». Но Альбертъ тайно женится на Агнесѣ Бернау, потомъ возвращается ко двору отца, котораго коварныя царедворцы уже обо всемъ увѣдомили. Въ Рейхштатѣ открывается великолѣпный турниръ. Альбертъ является вмѣстѣ съ прочими рыцарями, но маршалы объявляютъ, что онъ не можетъ быть допущенъ къ турниру, потому что недостойнъ: его обвиняютъ въ невриличномъ поведеніи, въ томъ, что онъ переряжался ниже своего званія, три мѣсяца ходилъ безъ оружія и ухаживалъ за дочерью бабшица. Альбертъ горячится и хочетъ насильно прорвать барріеръ. Въ ту минуту когда онъ колотитъ маршаловъ ефесомъ меча, является отецъ, и тоже запрещаетъ ему вѣздъ. Альбертъ ломаетъ свое копые и объявляетъ, что если онъ не будетъ, такъ и никто не будетъ, ратовать на турнирѣ; потомъ обращается къ народу, напоминаетъ свои военныя подвиги, свои сраженія съ гусситами и Богемцами. Толпа возстаетъ за него, и многіе рыцари тоже.

Старый герцогъ видитъ, что весь городъ идетъ за сына, противъ него. Между-тѣмъ Агнеса Бернау мечтаетъ на берегу Дуная и съ безпокойствомъ груститъ объ участи Альберта. Альбертъ возвращается съ торжествомъ, въѣзжаетъ въ замокъ Форбертъ и представляетъ свою жену рыцарямъ, которые за нимъ послѣдовали. Но счастье это непродолжительно. Коварные совѣтники герцога Баварскаго успѣваютъ выманить герцога изъ замка, подъ предлогомъ переговоровъ, а въ отсутствіе его солдаты, хитростью пробравшись въ укрѣпленіе, рѣжутъ гарнизонъ и увозятъ Агнесу. Бѣдняжку ставятъ передъ судилище дворянства, хотая заставить отречься отъ титула принцессы баварской, судятъ какъ обольстительницу принца Альберта, какъ колдунью, оповшшую его зельями, и присуждаютъ къ смерти, къ потопленію въ Дунай. Приговоръ исполняютъ, и тѣло Агнесы по теченію плыветъ къ Форбергу, гдѣ Альбертъ бьется съ солдатами своего отца и еще не знаетъ объ участи жены. Тѣло вынимаютъ изъ воды, и узнаютъ жертву. Альбертъ, въ ужасѣ и отчаяніи, уже не думаетъ о сопротивленіи, и его отецъ, побѣдитель, приходитъ только затѣмъ чтобы присутствовать при скорби сына. Совѣтники, овладѣвшіе Агнесой, далеко превзошли приказаніе стараго герцога. Онъ самъ ужаснулся этого преступленія, и проливаетъ слезы надъ тѣломъ Агнесы Бернау. Опредѣляютъ наказать судей, а ее возводить въ санъ герцогини баварской, который она принимаетъ съ такимъ же спокойствіемъ какъ вѣчная по смерти Иньеса де-Кастро.

Такова нѣмецкая легенда. Французскіе авторы или передѣльватели, слѣдовали ей шагъ за шагомъ, за исключеніемъ развѣ того, что у нихъ Агнеса не совсѣмъ утоплена: при погруженіи осужденной въ воду случился у нихъ перевозчикъ, который вытаскивалъ изъ воды сцену припренія.

3. *Sylvandire*. *Сильвандира*, водевилъ въ пяти актахъ, господъ Leuven, Brunswick и Vanderburgh.

«Сильвандира»—одинъ изъ романовъ Александра Дюма, какъ вамъ извѣстно. Вотъ, что рассказываютъ о «Сильвандирѣ». Черезъ нѣсколько времени повѣданіи Привлоче-

ній кавалера д'Эгилема, господа Лёвенъ и Бронсвикъ, успѣшно смастерившіе водевилъ подъ заглавіемъ Волшебная Сказка, вздумали переводить на водевили, съ согласія господина Дюма, послѣдніе романы этого плодовитаго писателя. Рѣшились дать сперва «Сильвандиру» въ Палэ-Рояль, потомъ «Фернанду» на театрѣ мадамъ Ансло. Вслѣдствіе этого Сильвандира отдана въ новое распоряженіе господа Лёвена и Бронсвика, которые и занялись *сценаровкою* подъ руководствомъ самого Дюма. Но едва кончили первый актъ, какъ съ Дюма случилось несчастье: его укусила въ руку любимая его ньюфоунденская собака, — справедливо пли нѣтъ, но это извѣстно цѣлому свѣту. Тогда-то господа Лёвенъ и Бронсвикъ, торопясь кончить свой водевилъ; прибѣгли за помощью къ господину Вандербургу, одному изъ авторовъ «Парижскаго уличнаго мальчишкв», *le Gamin de Paris*. Мы не можемъ поручиться за совершенную достовѣрность этого анекдота, но по крайней-мѣрѣ онъ *хорошо найденъ*, *è ben trovato*, какъ говорятъ Италіянцы. Первый актъ «Сильвандиры» — живъ, боекъ, развязенъ въ движеніяхъ. Остроуміе трещитъ какъ горсть соли на горящихъ угольяхъ. Мамзель Пусетта забавна, мосьё Туранжѣ занимателенъ, кавалеръ д'Энгилемъ интересенъ, и вдругъ, со втораго акта, Пусетта становится непристойною безъ всякаго остроумія, Туранжѣ говоритъ пошлыя глупости а кавалеръ д'Энгилемъ, своротивши всторону, теряетъ дорогою свой характеръ. Впродолженіи четырехъ актовъ всѣ потягиваются ужасно и каждое дѣйствующее лицо, сознавая свое ничтожество и снотворную скучливость, кажется, шепчетъ про себя: — Ахъ, зачѣмъ собака укусила Александра Дюма!... зачѣмъ она не укусила господа Лёвена, Бронсвика и Вандербурга!

Исторію Сильвандиры вы тоже знаете. Вотъ она въ двухъ словахъ, Сильвандира — честная дѣвушка, которая продана сперва отцомъ мужу, потомъ мужемъ — средиземноморскому корсару. Тамъ, на этомъ лазуревомъ морѣ, гдѣ уже изловлено столько сюжетовъ для романовъ, мессиръ Александръ Дюма проѣздомъ изъ Марсея во Флоренцію, встрѣтилъ се, отбилъ у разбойника и перепродалъ въ журналъ. Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, несчастная пошла

въ руки господъ Лэвена и Бронсвика, которые опять перепродали ее на театръ Палé-Рояля. Въ фэльтонѣ Сильвандира была хороша и интересна, вѣроятно, потому что была еще молода. На театрѣ она утратила всю свою вѣтриную прелесть: она стала пасіонеркою, очень вѣрною мужу, который въ продолженіи трехъ актовъ считаетъ ее проступною и наконецъ убѣждается въ совершенной невинности своей нѣжной жертвы.

Общее правило — пяти-актные водевилы невозможны — хоть бы и собаки не кусали романистовъ, у которыхъ заимствованъ сюжетъ.

4. *La Pêche aux beaux-rêves*, *Ловля тестьевъ*, водевиль въ двухъ актахъ, господъ Баяра и Соважа.

Фабій — прекрасный молодой человекъ и очень честный. Онъ получилъ отъ отца большое наследство.... долговъ, и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы уплатить ихъ. Онъ дошелъ бы до самой очевидной нищеты, если бы при немъ не было ангела, по имени Доротей, его молочной сестры, которая безпрестанно изобрѣтаетъ самыя замысловатыя ухищренія, чтобы сохранить ему въ домѣ комфортабельную наружность, безъ чего послѣдній остатокъ кредиту неминуемо взлетитъ на воздухъ. При такихъ услугахъ Фабію не трудно переносить бѣдность. Но Доротей честолюбива за него. Она хочетъ, чтобы хозяинъ ея поправилъ свое состояніе хорошею женитьбой, а для этого нужна не только невѣста, нуженъ и богатый тесть. У Фабія есть пріятель или, лучше сказать, надобдатель, вѣкій дуракъ по имени Ольгаръ, до крайности испещренный долгами и оспой. Чтобы избѣжать казенной квартиры, этотъ Ольгаръ, помощію физическихъ своихъ средствъ и гостинныхъ талантовъ, думаетъ жениться на добромъ на сундукѣ, и для того старается поймать на удочку мосьё Камюса Монжибб, у котораго есть и сундукъ и дочка на-придачу, очень хорошенькая. Чтобы ослѣпить будущаго тестя, Ольгаръ нанимаетъ на мѣсяць карету, заказываетъ портному платья, а въ рестораціи великолѣпный завтракъ. Но, по милости Доротей, Фабій, самъ того не зная, надѣваетъ новыя платья Ольгара, возитъ тестя въ каретѣ Ольгара и съѣдаетъ завтракъ, заказанный Ольгаромъ. Мосьё Камюсъ

Монжибб, восхищенный такимъ приемомъ, смотритъ на Фабіа весьма благосклонно. Мамзель Монжибб не очень прельщенная Ольгаромъ, соглашается съ мнѣніемъ отца, что очень рѣдко на театрѣ и заслуживаетъ замѣчанія какъ великая смѣлость. И такъ, стоить только обвиняться. А Фабій хочетъ жениться на Доротеѣ, потому что почитаетъ и раздѣляетъ ея любовь. Но Доротею не пережитишь: у нея стало столько твердости чтобы отказаться отъ предложеннаго счастія, и она, для устраненія всякой помѣхи, выходитъ замужъ за портнаго подмастерья.

Водевиль имѣлъ большой успѣхъ.

5. *La Grande Dame et la grisette*, *Знатная дама и гризетка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Мадамъ де-Ренвиль, вдова вѣтренника, измѣнника, обманщика, хочетъ вторично выйти замужъ не иначе какъ съ вѣдома, и съ хорошаго, очевиднаго. Она наряжается гризеткой, и переселится на чердакъ, противъ квартиры молодого человѣка, за котораго желала бы выйти. Она всякими очаровательными задирками старается привлечь его вниманіе; она безпрестанно полвваетъ свои розы, ясмینی и душистый горошекъ: но прилежный Викторъ въ продолженіи двухъ недель, носа не отводитъ отъ книги. Наконецъ онъ однако жъ примѣтилъ, что тамъ, черезъ улицу, наверху, между зелеными листьями и бѣлыми цвѣтами, въ солнечномъ лучѣ, есть розовое личико, прелестная улыбка и блестящій взоръ. На такія вещи еще никто не смотрѣлъ безнаказанно. Викторъ начинаетъ вглядываться пристальнѣе, потомъ начинаетъ бросать прекрасной сосѣдкѣ поцѣлуи съ концовъ пальцевъ, совершенно забывая подумать, что скажетъ на это мадамъ де-Ренвиль, восхищенная и вмѣстѣ испуганная, раздосадованная своимъ успѣхомъ. Но въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ ничего легче оправданія: — Только вы могли заставить меня измѣнить вамъ!... я угадалъ, я предчувствовалъ, что это вы, в такъ далѣе.

Маленькая, но милая вещь.

6. *La Lapsquenet*, *Ланскенѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, госпожня Баяра.

Дижонскій горчичный фабрикантъ терпѣть не можетъ

ни ланскенè ни спекуляцій. Онъ прїѣзжаетъ въ Парижъ и находитъ, что оба племянника его играютъ, одинъ на бвржѣ, другой въ карты. Оба выигрываютъ и оба жевятся, потому что горчичникъ ненавидитъ только тѣ игры, въ которыя люди проигрываются. И все тутъ.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера Библіотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Псакова, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.)

(Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

=

HISTOIRE DE ST. JÉRÔME, père de l'Eglise au 4e siècle; sa vie, ses écrits et ses doctrines, par *Colombet*. 2 vol., 8-vo, Paris, 1844 (4 r. 25 c.).

MANUEL DE LA COUR D'ALLISES dans les questions d'empoisonnement, à l'usage des magistrats, des avocats, des experts, des jurés et des témoins, par *Orfila et Barse*. Un vol., 12, Paris, 1845 (85 c.).

COMMENTAIRE DU CODE D'INSTRUCTION CRIMINELLE, contenant l'explication de chaque article de ce code et des principales Lois qui s'y rapportent; suivi d'un formulaire d'actes, par *Bonniu*. Un gros vol. 8., Paris, 1845 (2 r.).

MANUEL D'INGENIEURS CIVIL, ou Traité sur l'application directe des sciences aux arts et manufactures, 2 gros vol., in 18, avec atlas. Paris, 1843. (*Roret*) (3 r.).

DES PASSIONS, dans leurs rapports avec la religion, la philosophie, la physiologie et la médecine légale, par *Belouino*. 2 vol. in-8., Paris, 1845 (2 r. 85 c.).

- MANUEL DES CONSULS**, par *Militz*. 5 vol. in-8., Paris (14 r.).
- PHYSIOLOGIE DE LA TERRE**, études géologiques et physiologiques appliquées aux principes généraux de l'agriculture, par le Marquis de *Travaret*. Un vol., 8-vo, Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- DE LA PRODUCTION DES MÉTAUX PRÉCIEUX** au Mexique, considérée dans ses rapports avec la géologie, la métallurgie et l'économie politique, par *Duport*. Un vol., et Atlas, 4-to, Paris (3 r. 85 c.).
- NOUVEAU GUIDE FORESTIÈRE**, ou Traité sur la culture et l'amélioration des bois et forêts, par *Bréton*. Un vol. 18. Paris, 1845 (85 c.).
- MANUEL POPULAIRE D'AGRICULTURE** d'après l'état actuel des progrès dans la culture des champs, des prairies naturelles, des arbres fruitiers, etc., etc. par *Schlipf*. Un vol., 8-vo; Strasbourg, 1814 (1 r. 50 c.).
- TRAITÉ DES MALADIES DES ARTICULATIONS**, par *Bonnet*. 2 vol. in-8 et atlas de 16 plan. Paris 1845 (7 r. 15 c.).
- ÉLÉMENTS DE CHIMIE ORGANIQUE**, comprenant les applications de cette science à la philosophie animale, par *Mellon*. 2 vol., in-8-vo, Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- RECUEIL SUR LES RECONNAISSANCES MILITAIRES**, d'après les auteurs et plus estimées formant un traité complet sur la matière, par *Corréard*. Un vol., in-8., avec atlas folio, Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- MANUEL DE L'ARCHITECTE DES MONUMENS RELIGIEUX**, ou Traité d'application pratique de l'archéologie Chrétienne à la construction, etc etc. par *Schmit*. Un vol., 18., avec atlas, Paris, 1845 (2 r.).
- TABLEAU DE LA LITTÉRATURE ESPAGNOLE** depuis le 12-me siècle jusqu'à nos jours, par *Piferrer*. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 25 c.).
- MÉMOIRES HISTORIQUES ET GÉOGRAPHIQUES**; contenant, mémoires historiques sur expéditions des Espagnols en Barbarie, des Portugais en Maroc, des Anglais et des Français en Barbarie; sur les moeurs et les Institutions des Arabes et des Kabyles du Nord de l'Afrique; etc.; sur l'Islamisme, par *Pelissier*. Un vol., gr. in-8., Paris, 1844 (3 r. 40 c.).
- LE MAROC ET LES CARAVANNES**, ou Relations de la France avec cet Empire, par *Thomassy*. Un vol. in-8., Paris, 1845 (1 r. 85 c.).
- LETTRES, INSTRUCTIONS ET MÉMOIRES DE MARIE STUART**, reine d'Écosse, publiés sur les originaux et les manuscrits du State-paper office de Londres et des principales archives de l'Europe, par le prince *Alex. Lobanoff*. 7 Vol. in-8., Paris 1814 (20 r.).
- LES MARINS ILLUSTRES DE LA FRANCE**, par *Guérin*. Un vol. gr. in-8. illustrée de 18, magnifiques dessins à deux teintes, Paris, 1845 (4 r.).

CONTES DE BOCCACE (Le Décameron), édition illustrée, par M. Johannot, etc. etc. Un magnifique vol. gr., in-8., Paris, 1845 (4 r.).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Новыя пьесы для скрипки.

- АЯТОН.** Rondo avec acc. de piano, op. 15 (2 r.).
- БАТТА. А.** Fantaisie et adagio de la cavatine chantée par Rubini dans l'opéra la Sonnambula, transcrite pour le violon, avec piano, par Louis (1 r. 72 c.).
- БАЖИНИ. А.** Le Départ. Le Retour. Deux morceaux de salon pour le violon, avec acc. de piano, op. 12 (1 r. 72 c.).
- Scherzo variat. sur des thèmes de l'invitation à la danse de C. M. de Weber, avec acc. de piano, op. 13 (2 r.).
 - Grand allegro de concert pour le violon avec acc. d' orchestre, op. 15 (3 r. 15 c.).
 - Idem avec acc. de piano, op. 15 (2 r. 83 c.).
 - Notturmo et polonaise avec acc. de piano, op. 21 (1 r. 43 c.).
- ДАНСЛА. СН. 5** air variée pour le violon avec acc. de piano, op. 31 (1 r. 72 c.).
- ДАВИД. F.** Andante et scherzo capriccioso avec acc. d' orchestre, op. 16, (4 r.).
- Idem avec acc. de piano, op. 16 (1 r. 72 c.).

- Variations de concert sur un thème original avec acc. d'orchestre, op. 18 (3 r. 72 c.).
- Idem avec acc. de piano, op. 18 (1 r. 72 c.).
- ДРЕЙСМОКК. В.** Divertissement avec acc. de piano (1 r.).
- ХАРТМАНН. Фр.** Trois grands duos pour 2 violons arrangés d'après les sonates de L. von-Beethoven. Lior. 1 № 1, 2, 3 à 1 r. 43 cop. (4 r. 29 c.).
- Trois grands duos pour deux violons. Liv. II. № 1, 2, 3 à 1 r. 43 cop. (4 r. 29 c.).
- ХАУСЕР. М.** Chanson d'amour. Chanson de berceau. Deux chants pour le violon avec acc. de piano, op. 11 (83 c.).
- КАЙСЕР. Н. К.** Duos faciles et agréables d'après des thèmes jolis des opéras connus et favoris pour deux violons. Liv. 1 à 8, chaque à 1 r. (8 r.).
- БЕККЕР. Ж.** Sérénade facile pour violon et violoncelle avec acc. de piano ou de guitarrre, op. 36 (1 r. 15 c.).
- ЛУИС. Н.** Grande fantaisie pour violon et piano sur Maria di Rohan de Donizetti, op. 149 (2 r.).
- МАССАБТ. Л.** Le Réveil d'un beau jour. Mélodie de M-me Malibran variée, avec acc. de piano (2 r.).
- МЕНДЕЛСЗОН-БАРТХОЛДЫ, Ф.** Grand concerto pour le violon avec acc. d'Orchestre, op. 64 (6 r. 85 c.).
- Idem avec acc. de piano, op. 64 (3 r. 43 c.).
- ПАНОФКА. Н.** Romance de l'opéra Don Sebastian, de Donizetti, transcrite, avec acc. de piano, op. 51 (85 c.).
- РЕЙНЕКЕ. С.** Romance pour le violon avec acc. de piano, op. 3 (58 c.).
- СТРАУСС. I.** Aurora — Festtänze. Walzer für violone und piano, op. 164 (85 c.).
- Fest—Quadrille für violone und piano, op. 165 (85 c.).
- ВЕЙТ. В. Н.** Concertino für die violine, ein musicalischer Scherz mit Begleitung von zwei Violonen, Alto, Violoncello und Contrabass nebst fünf Kinderspiel, instrumenten, op. 25 (1 r. 30 c.).
- Idem mit Begleitung des Piano, op. 25 (85 c.).

Новыя пьесы для флейты.

- РИЦЦИАЛДИ. С.** Air final de Luccia di Lammermoor arrangé et varié pour la flûte avec acc. de piano, op. 22 (1 r. 72 c.).

- Fantaisie pour la flûte avec acc. de piano sur des motifs favoris de l'opéra *Don Sebastian*, op. 24 (1 r. 72 c.).
- CONINX. L. Douze fantaisies faciles pour la flûte seule sur les plus jolis motifs de «*La Part du Diable*», op. 28, liv. 1, 2 à 85 cop. (1 r. 70 c.).
- DIABELLI. A. Productionen im häuslichen Freundschafts — Lirikel für die flûte mit Begleitung des Piano. № 56, 57. Lieder von Franz Schubert. Heft. 1, 2, à 1 r. 43 (2 r. 86 c.).
- № 58. Ouverture zur oper die vier Haimonskinde von Balfe (1 r. 15 c.).
- FÜRSTENAU. A. B. Reminiscences de Rienzi. Introduction et rondino pour flûte et piano, op. 143 (1 r. 43 c.).
- KUMMER. G. Pièces lyriques pour flûte et piano d'après des poèmes de Fr. Rückert, op. 109 (1 r. 72 c.).
- FORDE. W. Les petits bijoux. Collection d'airs et de mélodies favorites pour la flûte (65 c.).
- LANNER, STRAUSS, TITL, LABITZKY. 5 Polkas nationales pour flûte seule (1 r.).
- TULOU. Variations faciles sur la cavatine «*de Beatrice di Tenda*», pour la flûte et piano, op. 84 (1 r. 43 c.).
- Fantaisie sur les motifs de Lanetta d'Auber pour la flûte avec acc. d'orchestre, op. 87 (2 r. 85 c.).
- Idem avec acc. de piano, op. 87 (2 r.).
- DER JUNGE FLÖTENSPIELER. Sammlung der besten opern für Flöte. № 51 Donizetti, la favorita. № 52. Marie, la fille du regiment, № 53. Neizer. Mara. à 58 cop. (1 r. 72 c.).

Новыя пьесы для одного фортепиано

- BÜRGMÜLLER. F. Rondino sur la polka favorite op. 89 № 1 (85 c.).
- Tyrolienne variée, op. 89 № 2 (85 c.).
- L'Orage. Fantaisie sur un chant napolitain, op. 89 № 3 (85 c.).
- Valse brillante, op. 89 № 4 (85 c.).
- La Clochette, galop brillant, op. 89 № 5 (85 c.).
- Caprice en forme d'étude, op. 89 № 6 (85 c.).
- 1 Mazurka en forme de rondo précédée d'une introduction (1 r.).
- Nouvelle mazurka en forme de quadrille et valse (72 c.).
- La Gracieuse, polka (30 c.).
- Les yeux bleux. Grande valse brillante sur la romance favorite d'Arnaud (1 r. 15 c.).
- CAVALLO. V. Grand scherzo infernal, op. 13 (85 c.).
- T. LXXI. — Отд. VII.

- CZERNY. CH.** La Jeune se doctle. Rondinos brillans et faciles sur des airs favoris, op. 721. № 1, 2, 3 à 86 cop. (2 r. 58 c.).
- DAMCKE. B.** Cing mélodies, op. 26, № 1, Un souvenir de voyage (50 c.).
- № 2. L'espérance (30 c.).
 - № 3. Chansonnette allemande (30 c.).
 - № 4. Réverie (50 c.).
 - № 5. Barcarolle (30 c.).
 - Jdem complet, op. 26 № 1 à 5 (1 r. 30 c.).
- DÖHLER. TH.** La Carlotta. 1-ère Polka originale, op. 56. № 1 (50 c.).
- Elisa. 3-me polka originale, op. 58 № 3 (60 c.).
 - Douze romances sans paroles, op. 57 № 1 à 4 (6 r. 30 c.).
- DREYSCHOCK. A.** Sonate en Ré mineur, op. 30 (2 r. 58 c.).
- Fantaisie, andante, veloce et allegro spiritoso, op. 31 (2 r.).
- HELLER. ST.** Quatre Arabesques, op. 49 № 1 à 3 à 58 cop. (1 r. 72 c.).
- Scènes pastorales, op. 50 № 1, 2 à 1 r. (2 r.).
 - Caprice brillant sur la Marche de la Caravane et la Réverie du Desert, ode-symphonie de Felicien David. op. 51 (1 r. 43.).
- HENSELT. A.** Frühlingslied. Chanson de printemps, op. 15 (1 r.).
- HERZ. H.** Les Plaisirs de l'Allemagne. Valses de Strauss variées, op. 144 (1 r. 43 c.).
- MÜNTER. F.** Trois morceaux favoris sur l'opéra La Sirène d'Auber, op. 134 № 1 2 3 à 1 r. 15 (3 r. 43 c.).
- Variations brillantes sur la Polka nationale, op. 135 (1 r. 15 c.).
- KULLAK. TH.** Le carnaval de Venise, thème de Paganini et Ernst, avec dix-huit Métamorphoses, op. 9 № 7 (1 r. 43 c.).
- LISZT. F.** Marche funèbre de Don Sebastian, variée (1 r. 43 c.).
- MARKS. G. W.** Trois divertissemens en forme de rondeaux sur des motifs favoris de l'opéra, Czaar und Zimmermann, op. 115 № 1, 2, 3, à 72 cop. (2 r. 15 c.).
- MAYER. CH.** Air italien varié, op. 76 (1 r. 15 c.).
- La Gentille. Valse brillante (50 c.).
- MEYER. I.** Machmudier. Air guerrier des Turques, op. 22 (1 r. 15 c.).
- Bajazeth. Air national des Turques, op. 23 (1 r. 15 c.).
 - Marche triomphale d'Isly, op. 30 (1 r. 29 c.).
- PRUDENT. E.** Grande fantaisie sur la Norma, op. 47 (2 r.).
- Grande fantaisie sur des motifs des Huguenots de-Meyerbeer, op. 18 (2 r.).

— Scherzo, op. 19 (72 с.).

ROSELLEN. H. Fantaisie brillante sur la Juive de F. Halevy, op. 74 (1 г. 43 с.).

— L'espérance, mélodie (58с.)

TAUBERT. G. Silvana. Solo pour piano, op. 60 (1 г. 29 с.).

TRALBERG. S. Decameron. Dix morceaux pour piano, servante d'école préparatoire à l'étude des ses grands morceaux. Fantaisie sur des thèmes de l'opéra «I Puritani», op. 57 № 1 (1 г. 43 с.).

— Fantaisie sur des thèmes de l'opéra «Der Freischütz» de Weber, op. 57 № 2 (1 г. 43 с.).

— Grand Caprice sur la marche de l'apothéose de Berlioz, op. 58 (2 г.).

WOLFF. E. Nocturne et Romanesca, op. 109 (1 г.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трѣхъ руб. сер.*, получаютъ двѣдцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь тою же уступкою, ничего не предлагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ только, которые обратятся съ своими требованіями *немосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*, который на тѣхъ же условіяхъ высылаетъ ноты не только здѣсь показанныя, но и всякія, гдѣ и кѣмъ бы онѣ ни были изданы.

Въ этомъ же магазинѣ вышла седьмая тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*», въ которой содержится — *Rosenhain Polka de concert—неллер*, *Pensée fugitive—Osborne*, *La bâtelière—нелл.* *Lutine, valse brillante—дерфельдъ*. Романсъ, II я узналъ *начало разлуки—Massé, te voir, romanse* — и «*Литературное прибавленіе*».

=

МОДЫ.

=

— Лѣтніе жары позволили наконецъ явиться въ свѣтъ легкимъ тканямъ, но особенныхъ фасоновъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ уже было сказано, и которые всѣмъ извѣстны, не видно. Три широкіе волана—самая принятая убор-

ка юбки. Корсажи — гладкіе, высокіе, закрытыя совершенно, или, напротивъ, совершенно открытыя, съ присокупленіемъ канезу, которое въ большомъ употребленіи.

— Корсажи кофточкой, на шелковыхъ платьяхъ, развиваются колоссально: кофточка имѣетъ пол-аршина и болѣе длины сзади, а передніе углы ея очень сръзаны, кругловато; пониже кофточки на юбкѣ пришиваются еще два волана, слѣдующіе направленію краевъ кофточки, то есть, они широки сзади, суживаются постепенно впереди, и спереди подняты вверхъ угломъ, котораго острый конецъ помѣщенъ противъ разрѣзу кофточки, такъ, что юбка, сзади, кажется, состоитъ изъ трехъ кофтъ.

— Въ шляпкахъ нѣтъ перемѣны, развѣ только въ томъ, что ультра-щеголихи уменьшаютъ объемъ ихъ до самой крайней возможности; многія шляпки болѣе чепчика; лобъ открытъ совершенно.

==

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ АНГЛІИ. *Съездъ ученыхъ въ Кембриджъ. Лекція профессора Фаредэ въ Королевскомъ Институтѣ объ артезіанскихъ колодцахъ. Способъ поднимать воду посредствомъ воды. (Письмо изъ Лондона.)* Я желалъ бы сдержать обѣщаніе, сообщить вамъ, что замѣчу интереснаго здѣсь въ ученоемъ свѣтѣ, но боюсь, что не много найду матеріаловъ. Въ Англии, какъ во Франціи, и какъ почти во всей Европѣ, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ поглощаетъ всѣ прочіе вопросы. Между-тѣмъ какъ люди торговый усердно видятъ свою пользу въ этомъ новомъ Пактолѣ и безъ философскаго камня превращаютъ желѣзо въ золото, ученые направляютъ все свое вниманіе, сосредоточиваютъ всѣ средства, на открытіе какихъ-нибудь новыхъ усовершенствованій для этой чудной системы сообщенія. Недавно я видѣлъ въ великолѣпномъ собраніи моделей машинъ и изобрѣтеній въ Политехническомъ Институтѣ, маленькій локомотивъ, дѣйствующій посредствомъ давленія воздуха. Онъ былъ въ ходу. Дѣти были пассажирами и зрители рукоплескали. Самое важное извѣстіе въ эту минуту — «Съездъ» англійскихъ и иностранныхъ ученыхъ въ Кембриджѣ. Это торжественное собраніе, которое обѣщаетъ столько пользы для наукъ и гдѣ всѣ великіе вопросы будутъ разсматриваемы великими учеными, только-что открыло свои засѣданія подъ председательствомъ знаменитаго астронома сэръ Джона Гершеля. Но я не хочу говорить ни о Съездѣ ни о желѣзныхъ дорогахъ: я намѣренъ отдать вамъ отчетъ въ засѣда-

ни. въ которомъ былъ вчера, въ Королевскомъ Институтѣ, и гдѣ Фаредѣ говорилъ о недавно предложенномъ проектѣ снабжать городъ Лондонъ водою посредствомъ артезианскихъ колодцевъ.

Лондонъ до-сихъ-поръ былъ очень обильно снабжаема водою, вообще довольно хорошею: есть множество компаній, которыя посредствомъ большихъ сооружений и отводу рѣчной воды доставляютъ ее даже во внутренность домовъ. Это, правда, стоитъ жителямъ довольно дорого: владѣлецъ небольшого домика платитъ за воду для своей семьи не менѣ двѣнадцати гиней (85 рублей серебромъ) въ годъ. Но то же самое количество воды, достаточное доселѣ, становится несоразмѣрнымъ съ потребностью населенія, которое безпрестанно увеличивается съ безпримѣрною быстротой. Епископъ лондонскій, доказывая необходимость построенія новыхъ церквей, вычислилъ съ точностью, что населеніе этого огромнаго Города каждый годъ увеличивается тридцатью тысячами жителей, Нѣсколько дней тому назадъ, въ совѣщаніи Нижней Палаты, министръ показалъ, что народонаселеніе Англій ежегодно прибываетъ на триста осемьдесятъ тысячъ человекъ, такъ, что втеченіи четырехъ лѣтъ, куда онъ и его товарищи находятся у дѣлать, они видѣли, какъ число управляемыхъ ими увеличилось полутора милліономъ душъ. Очевидно, что необходимо отыскать средства къ промоченію всѣхъ этихъ новыхъ горлъ, тѣмъ болѣе, что почти всеобщая замѣна прежней мостовоїи макъ-адамовыми шоссе также требуетъ большаго количества воды для поливки.

Несмотря на изобиліе воды, доставляемой въ лондонскіе дома и можетъ-быть именно по этому удобному способу снабженія, гигантскій городъ до-сихъ-поръ не имѣлъ самаго прекраснаго украшенія городовъ твердой земли, — публичныхъ колодцевъ. Нынче на Трафальгарской Площади, гдѣ поставленъ памятникъ адмиралу Нельсону, предложено устроить два колодца съ широкими водосемами и врудами. Для этого прибѣгли къ сверленію земли и слѣлалн артезианскій колодецъ.

Почва, на которой стоитъ городъ Лондонъ, особенно благоприятна этому прекрасному способу добыванія воды.

Она состоитъ изъ жесткаго слою грубаго песку, подъ которымъ лежитъ огромная масса гончарной глины, известной въ геологiи водъ именемъ «лондонской глины»; подъ всю лежитъ известковый мергель, опять грубый песокъ, зеленый песчаникъ и, наконецъ, мѣлъ, котораго очень толстые слои образуютъ самый нижнiй каменный пластъ. Толщина всѣхъ этихъ слоевъ отъ поверхности до мѣлу — отъ двухъ до трехъ сотъ футовъ. По этому устройству вочвы видно, что слои проницаемые для воды, — каковы нижнiй грубый песокъ, зеленый песчаникъ и мѣлъ, — вездѣ, гдѣ выходятъ ребромъ на поверхность земли возлѣ слоевъ глины, должны всасывать воду, приходящую съ ними въ соприкосновенiе. Вода проникаетъ въ ихъ внутренность и, не находя выхода вверхъ сквозь глупу, собирается подъ нею, такъ, что готова брызнуть во всякое отверстiе, указанное сверломъ. Такъ, и артезианскiй колодець на Трафальгарскомъ Сквэрѣ удался превосходно. Онъ стоялъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ и доставляетъ по двѣсти ведеръ воды въ минуту двумя монументальнымъ водоемамъ и по сороку ведеръ въ минуту, впродолженiи четырнадцати часовъ дня, двумъ палатамъ парламента, адмиралтейству, военному министерству, казармамъ и другимъ казеннымъ зданiямъ по ссѣдству. И все это стоить казнѣ только пять сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, вмѣсто тысячи, которую она платила компаниямъ. Сверхъ этой значительной экономiи нашли еще выгоду, что вода оказалась гораздо лучше той, какая обыкновенно употребляется въ Лондонѣ. Отличiе ея состоитъ въ примѣтной щелочной реакцiи. Это происходитъ не отъ извести, хоть и есть ея небольшое количество, а отъ углекислой соды, которой она заключаетъ въ себѣ очень много, именно, отъ шестнадцати до двадцати-четырехъ процентовъ всѣхъ солеобразныхъ веществъ, содержащихся въ ней. Профессоръ Фарелё нашелъ 41,5 грановъ твердыхъ веществъ при выпариванiи одного галлона воды. Такое обилiе соды дѣлаетъ эту воду чрезвычайно прѣсною и особенно свойственною для домашняго употребленiя. Она въ тоже время очень вкусна.

Этотъ успѣхъ, и увѣренность, что въ точности извѣст-

ное устройство почвы дастъ возможность добывать такую же хорошую воду и въ такомъ же количествѣ во всѣхъ частяхъ города, породили мысль употребить этотъ способъ, частію какъ дополненіе къ существующимъ водопроводамъ, частію въ состязаніе съ ними, повсюду, гдѣ окажется достаточное число потребителей. Издержки на сверленіе колодцевъ и на прочія принадлежности полагается въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и подрядчики берутся доставлять по двѣсти ведеръ воды въ минуту за пять сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. За такое количество воды нынче платятъ компаніямъ ровно втрое. Вычислено, что для потребленія этого количества нужно собраніе двухъ тысячъ домовъ, и изъ предложенія подрядчиковъ видно, что дома эти будутъ снабжаемы водою за самую ничтожную цѣну. Покуда, еще только въ Berkeley-Square начали сверленіе новаго артезіанскаго колодца. Но мысль еще очень нова, а при быстромъ расширеніи Лондона и возрастаніи числа жителей и при страсти Англичанъ къ промышленнымъ предпріятіямъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что скоро насверлятъ множество. Кто-то сдѣлалъ замѣчаніе, довольно странное и объяснимое только общимъ незнаніемъ законовъ дѣйствія артезіанскихъ колодцевъ. Сказали, что они скоро высушатъ частные колодцы, которые вырыты въ лондонской глинѣ и куда собирается только дождевая вода: Какъ артезіанскій колодецъ беретъ свою воду изъ мѣлу, то онъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣми колодцами! Но предразсудокъ въ этомъ отношеніи такъ великъ, что даже подана была формальная жалоба на артезіанскій колодецъ Трафальгарской Площади въ томъ, что будто-бы онъ изсушилъ сосѣдніе колодцы, тогда какъ онъ еще сверлился и не доставалъ ни одной капли воды.

По изложеніи назначеніи подрядчиковъ и описавъ средства и инструменты, употребляемые при сверленіи, господинъ Фаредѣ кончилъ свою рѣчь замѣчаніемъ другаго рода: онъ представилъ своимъ слушателямъ очень простой снарядъ, назначенный къ тому чтобы доказать новое свойство жидкой струи. Всякому извѣстно, что вода; вы-

текая черезъ какое-нибудь отверзтіе, недолго сохраняетъ форму этого отверзтія, а принимаетъ другую, болѣе или менѣе не правильную. Это называется—сжатіемъ жидкой струи. Изобрѣтателю снаряда, показаннаго господиномъ Фаредѣ, пришло на мысль, что это сжатіе должно сопровождаться уменьшеніемъ объема и, слѣдовательно, должно въ закрытомъ сосудѣ производить уменьшеніе давленія, котораго, можетъ-быть, достаточно для того чтобы поднятъ въ сосудъ воду, подверженную обыкновенному давленію атмосферы. Для этого онъ наливаетъ воды въ трубку, открывающуюся въ стеклянную закрытую банку, которая имѣетъ черезъ дно сообщеніе съ водоемомъ посредствомъ другой трубки и выпускаетъ жидкость черезъ переднюю свою поверхность. Лишь-только кранъ, препятствующій падевію налитой воды, отворится, она вливается въ банку, сжимается тамъ, образуетъ родъ пустоты, и внѣшняя вода, которую сперва окрасили, чтобы сдѣлать опытъ болѣе очевиднымъ, тотчасъ поднимается, смѣшивается съ ниспадающею и выходитъ вмѣстѣ съ нею черезъ выпускную трубку. Я не думаю, чтобы этотъ новый способъ поднимать воду могъ получить полезное приложение въ практикѣ, однако жъ онъ представляетъ любопытный опытъ для лекцій, для показанія свойствъ сжатія жидкой струи, которыхъ до-сихъ-поръ никто не подозрѣвалъ».

РАЗВАЛИНЫ ВИДЖАЯНАГАРА, ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ ИНДИ Была недавно, въ этомъ отдѣленіи журнала, рѣчь о книгѣ нѣкотораго графа de Waggen, потомка ирландской фамиліи, поселившейся во Франціи вмѣстѣ съ послѣдними Стуртами. Этотъ молодой искатель приключеній, отправившись въ Индію, опредѣлился въ великобританскую военную службу и, послѣ возвращенія своего на родину, издалъ сочиненіе, въ которомъ, при описаніи состоянія тамошняго края, съ непостижимымъ и истинно французскимъ забвеніемъ приличій предлагаетъ самыя вѣрныя, по его соображенію, средства къ изгнанію оттуда тѣхъ, подъятыми знаменами сражался онъ тамъ на полѣ чести. Парижскіе журналы, разумѣется, съ восторгомъ встрѣтили кни-

гу, которая въ Англіи и во всей Европѣ, по справедливости, получила названіе неблагодарнаго произведенія шпионской литературы. Но, если пренебречь этотъ отвратительный характеръ, который легкомысленность автора придала ей такъ неловко и, притомъ, совершенно бесполезно, многое, какъ мы видѣли, заслуживаетъ въ ней любопытства и вниманія европейскихъ читателей. Тотъ же мосьё де-Варренъ описываетъ теперь въ одномъ парижскомъ журналѣ поѣздки свою съ полковыми товарищами къ великолѣпнымъ развалинамъ Виджаянагара, древней столицы индѣйскихъ царей, донныя извѣстныя только по имени. Мы предоставимъ ему самому разсказъ объ этомъ гусарско-археологическомъ поискѣ.

«Около сорока дней уже 55-й полкъ ея британскаго величества стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ Беллари, въ мадрасскомъ президентствѣ, въ Остѣ-Индіи, а ни одному изъ нашихъ офицеровъ еще не вздумалось посѣтить удивительныя развалины Виджаянагара, которыя отстоятъ отъ туда верстъ на сорокъ по прямой линіи. Это видимое равнодушіе, безъ-сомнѣнія, должно приписать дурной славы мѣста: страшныя перемежающіяся лихорадки господствуютъ тамъ во все время года. Та же самая причина удаляла и живописцевъ и историковъ и туристовъ отъ развалинъ, которыя могутъ состязаться съ первыми въ мірѣ, не исключая, быть-можетъ, и Пальмиры. Наконецъ настала минута, когда давно задуманному предпріятію надлежало осуществиться. Пятеро изъ насъ получили на мѣсяцъ отпускъ, который предполагалось употребить съ двойною пользой, — изслѣдовать всѣ чудеса, погребенныя въ пустынѣ, и воохотиться за навлинами, кабанями и тиграми, которые поселялись въ чертогахъ, оставленныхъ человѣкомъ».

«Нашъ отъѣздъ, назначенный въ десять часовъ вечера, въ прекрасную мартовскую ночь, былъ задержанъ праздникомъ, на которомъ мои товарищи не могли не побывать. Это былъ праздникъ «Общества Гвоздя». Онъ — совершенно англійскій и совершенно индѣйскій. Во многихъ полкахъ, такъ же какъ и въ нашемъ, въ 1830, образовались общества подъ именемъ *Гвоздя*, въ память знаменитаго

гвоздя, которымъ, по обычаю древнихъ, заколачивали дверь во время оргіи, и каждый членъ являлся въ общество съ принятымъ знакомъ, — съ серебрянымъ гвоздемъ на снѣжной лентѣ. Члены этого клуба, въ память доброй старины, называются однажды въ мѣсяцъ собираться у одного изъ собратовъ, по очереди, съ цѣлюю порядочно натянуться въ порядочномъ обществѣ или, по ихъ живописному выраженію, *сковать гвоздь для своего гроба*. Впрочемъ, не всѣ смотрятъ на слѣдствія этихъ пощекъ съ такой мрачной стороны. Напротивъ, англійская пословица увѣряетъ, что слишкомъ правильная жизнь вредитъ здоровью и что одинъ разъ въ мѣсяцъ нарѣзаться — необходимо.

«Перваго марта 1836, я присоединился къ веселому собранію осьмнадцати членовъ, которые, по обычаю, справляли праздникъ Гвоздя. Мы положили отправиться въ Виджаянагаръ тотчасъ послѣ потѣхи. Я, разумѣется, не стану утомлять читателя подробностями этой разгульной пирушки: буду невоздерженъ только насчетъ обстоятельствъ, которымъ оно кончилось и которое касается моего предмета. Оргія приходила къ концу; назначенный часъ отъѣзду уже давно миновалъ, когда, среди взрывовъ нашего веселья, мы черезъ открытое окно слышали пѣніе баядерокъ храма, находившагося по близости нашего загороднаго лагеря. Одному молодому головорѣзу тотчасъ вздумалось предложить «Похищеніе Сабинокъ». Положили — каждому изъ насъ посадить по баядеркѣ на свое сѣдло и, волей-неволей, свезти въ виджаянагарскія развалины. Само собою разумѣется, что это предложеніе всѣмъ показалось самымъ благоразумнымъ и было принято съ тройнымъ браво. Какъ можно было ожидать довольно сильнаго сопротивленія со стороны браминовъ и черни, то члены Гвоздя, не принимавшіе участія въ поѣздкѣ, предложили намъ свои услуги при сраженіи и для прикрытія нашей ретирады послѣ набѣгу на святилище индѣйскаго идола, у котораго — такія милыя танцующія и поющія жрицы. Это великодушное предложеніе было принято съ искренними дружескими рукопожатіями и со слезами признательности. И такъ, наши лошади и ихъ *самсы* (погонщики) отправлены впередъ къ каравансераяу, за лагерьемъ,

на дорогу, по которой намъ надлежало ѣхать, а мы, попарно, пошатываясь и распѣвая, побрели прямо къ храму. Благодаря расплоху, похищеніе баядерокъ было не трудно. Хотя браминны и затрубили въ рога, чтобы собрать правовѣрныхъ и хотя толпа скоро бросилась за нами въ погоню, однако жъ мы прибыли въ каравансарай безъ всякой бѣды, кромѣ нѣсколькихъ перепалокъ въ арріергардѣ, въ которыхъ главную роль играли кулачные удары. Но погонщики, оттого ли, что худо поняли наши приказанія, или оттого, что не хотѣли вмѣшиваться въ опасное дѣло, не явились на сборное мѣсто, а насъ скоро осадила огромная толпа, которая сбѣгалась изъ всѣхъ предмѣстій. Крѣпость нашу составлялъ открытый дворъ, обнесенный заборомъ въ четыре или въ пять футовъ вышины. Впрочемъ, вліаніе Европейца на Индѣйцевъ такъ сильно, что достаточно было трехъ или четырехъ человѣкъ нашихъ товарищей, чтобы, стоя съ палками въ дверяхъ, удерживать возстаніе черни. Издали, правда, метали въ насъ ругательствами и даже камнями, но никто не дерзнулъ перелѣзть черезъ заборъ, который отдѣлялъ насъ отъ толпы. Между-тѣмъ, непрерывно возрастающее число враговъ, быть-можетъ, придало бы наконецъ имъ смѣлость и минута легкомыслія могла бы стоить намъ дорого, если бы не подоспѣли наши деньщики съ лошадьми и не уведомили насъ, что дивизионный командиръ, узнавъ о скопищѣ Индѣйцевъ, шлетъ роту солдатъ, чтобы схватить зачинщиковъ безпорядку.

Ясно было, что зачинщики — мы! Слѣдовательно, времени терять было некогда. Мы тотчасъ вступили въ переговоры съ браминами, выдали имъ баядерокъ и прибавили нѣсколько рупій для укрощенія гнѣву боговъ, потомъ сѣли на коней и ускакали, а защитники наши исчезли въ толпѣ, которая съ мѣстною характеристическою кротостью пропустила ихъ улыбаясь. Отскакавъ, сколько было нужно, мы поѣхали тише и продолжали пѣть хоромъ англо-индѣйскую пѣсню:

Yes, I will wrestle, fight,
My boys, leap over any where!

For 'tis my delight
On a shining night
In the season of the year.

«Да, ребята, я хочу бороться, драться и скакать черезъ преграды, затѣмъ что это любо мнѣ, когда ночь ясна и когда по дѣтамъ мнѣ веселье».

«Проѣзжая, ночью, деревеньку Куртне, въ пяти верстахъ отъ Беллари, мы поворотили въ Дириджи, большую деревню, въ шести верстахъ далѣе, и прибыли туда на восходѣ солнца. Утромъ тамъ настигла насъ знаменитая мистриссъ Y***, съ мужемъ. Мистриссъ Y***—львица Индiи: она извѣстна какъ лучшая наѣздница, какъ лучший конюхъ, какъ самый искусный коновальъ и какъ самый отважный охотникъ во всей колонiи. Прибавьте къ этому англiйскую красоту, наивность, веселость и дѣтское сердце, и вы подойдете близко къ прекрасному идеалу царицы львицъ. Лошади—ея страсть, страсть роковая, которая стоила ей счастья быть матерью. Охоту, но такую охоту, которая состоитъ въ преслѣдованiи лисицы или кабана во всю прыть, очертя голову, она любила до сумасшествiя. И она не носила другаго оружiя кромѣ легкаго хлыстика въ самой крошечной изъ вообразимыхъ рукъ. Самыя строптивыя лошади повиновались ей, и любимымъ ея конемъ былъ прекрасный бурко, нѣкогда принадлежавшiй гайдерабадскому англiйскому резиденту, и такой злой, что хозяинъ намѣревался уже убить его, когда мистриссъ Y*** вызвалась укротить и объѣздить. Она успѣла въ этомъ, и резидентъ подарилъ ей этого булана. Она одна могла подойти къ нему: это животное разбило бы и загрызло бы всякаго, а между-тѣмъ принимало ласки и поцѣлуи отъ своей прекрасной повелительницы, ѣло изъ ея рукъ и слѣдовало за нею какъ собака, безъ поводьевъ.

«Третьяго марта мы прибыли въ Каммалпуръ, убивъ по пути двухъ лисицъ. Отсюда нѣсколько верстъ до Томбудры, и тутъ же край степи, которая поглотила развалины и всѣ окрестности Виджаянагара. Насъ дожидались областной казначей, мистеръ Робертсонъ, и первый его помощникъ. Ихъ палатки были раскинуты въ тѣни нѣсколькихъ прекрасныхъ тамарисковъ. Въ нѣсколькихъ

шагахъ оттуда, посреди назначеннаго къ нашимъ услугамъ стада быковъ, верблюдовъ и лошадей, стояли три слона, изъ тѣхъ, которыхъ Остъ-Индская Компанія содержитъ въ Дириджи для переноски багажа белларійской дивизіи. Наши были — извѣстные ветераны по части охоты за тиграми. Полдень мы посвятили обсужденію плановъ на-завтра. Какъ прекрасная наша львица могла удѣлать намъ не больше двухъ или трехъ дней, то положили охотою заняться прежде древностей. Однако жъ въ тотъ же вечеръ мы воспользовались прохладой, прогулялись въ лѣсъ, и случай привелъ насъ къ первому храму, удивительный видъ котораго въ совершенствѣ соответствуетъ идеѣ ужасу, сопряженной съ развалинами древней столицы Карнатика. Впрочемъ, мы нашли тамъ только обыкновенные въ индѣйскихъ храмахъ глушь и мракъ, увеличенные густою тѣнью окружающей рощи. Низкіе массивные столбы поддерживаютъ, въ видѣ кровли, громазныя глыбы граниту и, кажется, презираютъ могущество времени: только землетрясеніе можетъ поколебать подобное зданіе. Однако жъ видно было, что оно давно покинуто. Ползучія растенія запустили огромныя корни въ спаянныя камни; внутренность завалена грудой мусору, и сильный запахъ сырости доказывалъ, что брамны давно уже уступили мѣсто летучимъ мышамъ. Мы нашли опрокинутого идола Ганеса, сына Сивы. По индѣйской мифологіи этотъ богъ, въ гнѣваную минуту, отрѣзалъ Ганесу голову и, чтобы утѣшить потомъ его мать, бѣгуню Парвати, замѣнилъ отрѣзанную голову словою. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма, передъ главнымъ фасадомъ, находится небольшое озеро, о которомъ есть свое преданіе. У послѣдняго брамана этого храма была прекрасная жена и одно только дитя. Въ припадкѣ ревности онъ зарѣзалъ дитя и бросилъ въ озеро. Мать, въ отчаяніи, бросилась туда же, и уже не возвращалась. Но часто, говорятъ, ино-цынѣ видятъ скользкую по озеру окутанную въ туманъ женщину, которая держитъ на рукахъ окровавленнаго ребенка. А великій, кто увидитъ ее, тотчасъ получаетъ лихорадку и умираетъ. Оттого-то берега этого озера и обустѣли мало-помалу и стали неприютною пустыней, хотя пейзажъ

превращенъ: озеро, окруженное рощей, отражаетъ много идущія облака въ гладкое черное зеркало, только кое-гдѣ разбитое широкими листьями лотоса. По дрожащей поверхности этихъ листьевъ, быстро какъ молнія, бѣгаетъ птица того же имени, блестящій лотосъ. Мы засмотрѣлись на игру этихъ птицъ, какъ-вдругъ поверхность воды взволновалась, выглянулъ крокодилъ, уставилъ на насъ остервенѣвшіе глаза, и опять нырнулъ. Птицы улетѣли. Мы вернулись въ палаткамъ, чтобы отдохнуть передъ труднымъ слѣдующаго дня.

«Четвертаго марта, за четверть часа до разсвѣту, мы собрались въ одной палаткѣ и съ наслажденіемъ глотали кофе, о которомъ наслажденіи истинное понятіе можно получить, кажется, только въ Индіи. Въ то же время мы пересматривали планъ предстоящей кампаніи. Наканунъ было привѣщено нѣсколько стадъ кабановъ. Мы рѣшили дати имъ сраженіе холоднымъ оружіемъ, сраженіе истинно рыцарское, болѣе достойное уваженія нежели грубое убійство посредствомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Наше главное оружіе состояло въ копѣхъ. Позавтракавъ, мы отправились.

«Никогда, конечно, не видали вы столько дичи и краснаго звѣря вдругъ, въ одной массѣ, сколько мы нашли. Мы подвигались полукружіемъ, мимо холмовъ, на которыхъ въ необозримую даль тянутся колоссальныя развалины, вѣнчанной стѣны древняго города, и при каждомъ выстрѣлѣ нашихъ загонщиковъ со всѣхъ сторонъ поднимались или бѣжали животныя цѣлой зоологіи, отъ перепелки до павлина, отъ большого пестраго оленя до маленькой граціозной сайги. Почва, по которой мы шли, до такой степени изрыта развалинами каналовъ и водопроводовъ, что часто не было возможности переправиться. Въ минуту самаго большаго затрудненія въ этомъ родѣ, огромный кабанъ впрошныгнулъ почти промежъ ногъ у одного изъ нашихъ товарищей. Конь его дрогнулъ и помчался во всю прыть; мы захохотали; но скачущему, конечно, было не до смѣху: онъ поминутно могъ сломить себѣ шею. Вскорѣ потомъ мы увидѣли полное стадо кабановъ. Будучи выгнаны изъ лѣсу, они пустились бѣжать черезъ поляну. Въ такомъ случаѣ каждый охотникъ, по обычаю, выби-

раетъ себѣ животное, которое ему понравится, и пускается въ догонку. Кто знаетъ свое дѣло, тотъ не машетъ копьемъ и не бросаетъ его, а, уперевъ въ ляжку, держитъ наклонно къ землѣ, подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, и такимъ образомъ скачетъ. Догнавъ кабана, стѣнитъ только промчатся мимо такъ близко, чтобы достать его концомъ копья: тогда отъ одного стремленія желѣзо воззится до древка, безъ всякаго движенія и усилія охотника. Если же кто вздумаетъ управлять ударомъ, то навѣрѣдь можетъ быть увѣренъ, что навѣрное промахнется. Мы такимъ образомъ убили нѣсколько огромныхъ кабановъ. Всѣ охотники отличились. Но героиню дня, безъ сомнѣнія, была наша прекрасная львица. Уставъ скакать за кабанамъ, нѣкоторые изъ насъ пошли охотиться за бекасами, которые на окрестныхъ рисовыхъ поляхъ водятся во множествѣ. Капитанъ У^{***} сначала вмѣстѣ съ нами гонялся за кабанамъ, съ копьемъ въ рукѣ. Но наконецъ и онъ потребовалъ своего ружья. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по птицамъ, онъ увидѣлъ скачущую по скаламъ самку-обезьяну, съ дѣтенышами. Капитанъ искусно набивалъ чучела, и у него въ коллекціи не доставало именно такой породы обезьяны. Онъ пустился въ погоню за семьей, которая подъ искуснымъ управленіемъ матери долго спасалась. Проскакавъ верстъ пять, капитанъ потерялъ терпѣніе и выстрѣлилъ издалика. Обезьяна упала. Когда мистеръ У^{***} сошелъ съ лошади, чтобы взять добычу, наблюдавшіе за нимъ индѣйскіе дровосѣки бросились на него. Надобно знать, что обезьяна — животное священное въ Индіи, потому что Вишну, во многихъ своихъ подвигахъ на землѣ, прибѣгалъ къ помощи арміи изъ обезьянъ, и любимый его полководецъ Гануманъ — орангъ-утангъ: даже самъ онъ нерѣдко принималъ образъ обезьяны. Это извѣстно во всей Индіи, но нигдѣ, быть-можетъ, обезьяны не пользуются такимъ уваженіемъ какъ въ окрестностяхъ Виджаянагара, потому что, по словамъ преданія, тутъ — колыбель Ганумана, бывшее жилище матери этого полубога и поприще многихъ его подвиговъ. Поэтому убіеніе обезьяны — такое дѣло, котораго Европеецъ не можетъ безнаказанно позволить себѣ въ

присутствіи Индѣйца: оно навлечетъ на него мщеніе гораздо скорѣе нежели самое дерзкое личное оскорбленіе или насиліе. Это капитанъ У^{***} испыталъ на себѣ. Дровосѣки, поваливъ его, принялись душить, какъ-вдругъ подошла неожиданная выручка. Прекрасная львица, очень хорошо знакомая съ суевѣріями страны, спокойно видѣла, какъ мужъ удаляется въ безразсудной погонѣ, и послѣдовала за нимъ, сначала издали; потомъ безпокойство ея возрасло, и она пустилась догонять во всю прыть. Нѣсколько минутъ онъ скрывался отъ нея за поворотомъ; тутъ, она вдругъ услышала крикъ, и узнала голосъ мужа. Несясь черезъ кустарникъ какъ птица, она пустилась по прямой чертѣ туда, откуда слышались крики, и скоро увидѣла мужа въ рукахъ убійцы, по другую сторону глубокаго и широкаго рва. Она была одна и безоружна; пропасть раздѣляла отъ мужа. Но отважная наѣздница понудила коня, и однимъ махомъ, съ сверкающими глазами, съ хлыстомъ въ рукѣ, очутилась посреди толпы. Индѣйцы, въ суевѣрномъ ужасѣ, вообразили, что ея лошадь — крылатая, и что сама она — богиня. Они покинули свою жертву и разбѣжались. Супруги, съ своей стороны, тоже поспѣшили къ палаткамъ. И тогда только героиня явилась женщиной: мистриссъ У^{***} на другой же день она принуждена была оставить насъ и цѣлый мѣсяцъ прохворала отъ сильнаго волненія. Впослѣдствіи мы опять увидѣли ее. Это было на балѣ. Когда она вошла въ залу, всѣ женщины невольно поднялись, чтобы видѣть ее; мужчины почтительно поклонились. Эта неожиданная почесть тронула ее: она прослезилась. Подвигъ, который удивлялъ насъ, казался ей совершенно естественнымъ: она вовсе не думала объ немъ, ни прежде ни послѣ. Такихъ львицъ въ наше львиное время не много увидите, и Римъ, конечно, увѣковѣчилъ бы имя такой супруги статую.

«Шестаго, мы перенесли нашихъ певатовъ въ самый центръ Виджаянагара, въ тотъ кварталъ, который еще сохранилъ свое древнее наименованіе, Гампи. Это — большая улица, которая оканчивается у храма Вирупакши, въ вѣсколькихъ саженьяхъ отъ южнаго берегу Томбудры. Тутъ было очень много тигровъ. Мы помѣстились во вто-

ромъ этажъ, въ галереѣ, которая, по-видимому, принадлежала къ какому-то дворцу. Первою нашею заботою по прибытіи было принять нужныя мѣры къ предохраненію лошадей и другого скота отъ нападеній хищныхъ зверей во время ночи. Съ одной стороны устроили частыя выстрѣлы, съ другой разложили рядъ огней. Все оружіе было наготовѣ. И эти предосторожности были неизлишны, напротивъ, даже недостаточны: въ тотъ же вечеръ у насъ исчезла одна собака и одна коза. Но въ послѣдующіе дни непрерывныя выстрѣлы, пымающіе костры и всякаго рода шумъ, удаляли неспрїятныхъ гостей.

«Не одинъ только мѣологическое происхожденіе и легенды, собранныя въ двухъ индѣйскихъ эпопеяхъ, въ Рамаянѣ и Магабарагѣ, могутъ остановить вниманіе путешественника на развалинахъ Виджаянагара. Въ нестоль древнее время, Виджаянагаръ въ продолженіи двухъ вѣковъ, былъ столицею имперіи, которая удерживала имя и часть блеску стариннаго города еще долго послѣ того, какъ онъ уже разрушился. Индѣйцы вообще никогда не писали своей исторіи: они смотрятъ на жизнь какъ на испытаніе, а на дѣйствія свои какъ на суету, которая не стоить ни вниманія ни воспоминанія. Оттого-то мѣстные лѣтописи и начинаются не прежде какъ съ нашествія мусульманъ, которые, одни въ этой странѣ, любили и писали исторію. Изъ индѣйскихъ книгъ мы узнаемъ только, что эти развалины возвышаются на землѣ, съ незапамятныхъ временъ освященной религіею. Это—нѣчто въ родѣ индѣйскаго Олимпа. Но Рамаянѣ, мѣсто это въ продолженіи вѣковъ было жилищемъ великаго Рамы (одного изъ воплощеній Вишну), его жены Лейлы, да брата и вѣрнаго товарища, мужественнаго Лакшмана. На землѣ нынѣшнихъ развалинъ нѣкогда возвышалась прославленная Ситшакдїя, которой могущество было такъ жестоко оспориваемо знаменитыми сатирами Сугривой и Вали. Всѣ эти преданія, относящіяся къ одному и тому же мѣсту, сдѣлали его священнѣйшимъ изъ всѣхъ и ово еще по-нынѣ составляетъ цѣль набожныхъ странствій, не уступая ни въ чемъ знаменитому храму Джагерпата.

«Мусульманскіе историки сообщаютъ намъ болѣе поле-

значительные факты. Белалъдео, поселившійся здѣсь въ 1344, былъ одинъ изъ многочисленныхъ мадѣйскихъ предводителей, которыхъ владѣнія опустошены, въ 1322 и 1326, знаменитымъ Кафуромъ, полководцемъ патавскаго султана, имѣвшаго столицу свою въ Дегли. Этотъ Белалъдео своими военскими талантами и успѣхами противъ Патавовъ успѣлъ покорить своей власти всю землю между Жестной и Коромандельскимъ Берегомъ. Послѣ первыхъ довольно неудачныхъ войнъ, онъ однако жъ понялъ трудность устоять противъ врага, котораго главныя силы состояли въ безчисленной конницѣ. На пространствѣ многихъ верстъ вокругъ знаменитаго тогда уже храма Вирупакши онъ нашель рядъ военныхъ позицій, удивительно выгодныхъ для обороны: гора высилась за горой, гребень за гребнемъ; гранитныя волны, раздѣленныя узкими долинами, естественно образовали такія удивительныя траншеи, которыхъ не превзойдутъ величайшее искусство и изобрѣтательность человѣка. Около центра этого пространства, неровности почвы постепенно исчезали и давали возможность нарыть множество каналовъ, для проведенія воды изъ Томбудры. Наконецъ эта рѣка уже протекала черезъ городъ: она скакала притомъ по скалистымъ порогамъ, которые препятствовали плаванію, такъ что, доставляя городу все нужное, еще увеличивала его неприступность.

«Въ 1344, Вирупакша былъ довольно значительнымъ городомъ и считалъ уже шесть обводныхъ стѣнъ, построенныхъ въ разныя эпохи его распространенія. Белалъдео прибавилъ седьмую, самую огромную и лучше всѣхъ сохранныю. Онъ основалъ тутъ свою столицу, которая получила названіе Виджаянагара. Скипетръ оставался въ рукахъ его потомковъ въ продолженіи двухъ вѣковъ, до прекращенія роду прямыхъ послѣдниковъ. Но могущество ихъ пережило самихъ пресмыковъ имени и перешло къ боковой отрасли, которая перенесла столицу въ Чандегери, на сто верстъ далѣе къ югу, и царствовало еще столѣтъ съ блескомъ, почти равнымъ первой династии.

«Имперія Карнатикъ, Виджаянагаръ или Парсивга (она вѣстѣча проль этии тремя именами), въ минуту величай-

шаго своего процвѣтанія, то есть, въ 1500, простира-
лась до мыса Коморина; по западному берегу, до исто-
ковъ Кистны, включая туда же княжество Гоа; и по во-
сточному берегу до устья Годаверы. Это было самое мо-
гущественное царство въ Индіи по-сю-сторону Ганга.
Сѣверную ея границу очерчивала Кистна: со всѣхъ про-
чихъ сторонъ омывало море. Слѣдовательно, она заклю-
чала въ себѣ президентство мадрасское, царство Мейсургъ,
португальскія владѣнія и треть президентства бомбейска-
го. Одинъ государь этой имперіи, по имени Тричала-
Раджа, въ 1625, позволилъ Англичанамъ поселиться въ
Мадрасть-Патнамъ. Но не они были причиною паденія ея
могущества: имперія Виджаянагаръ покорена Монголами
знаменитаго Эвренгзиба, и Англичане нашли ее уже въ
грудь развалинъ обширныхъ владѣній деглійскихъ импе-
раторовъ.

Втеченіи двухъ сотъ лѣтъ какъ Европейцы владѣютъ
Декканомъ, никто еще не вздумалъ описать остатки этой
удивительной столицы, которой образованность сіяла на
всемъ пространствѣ между Кистной и мысомъ Комори-
номъ. Не болѣе какъ три столѣтія назадъ она еще воз-
буждала зависть цѣлой Азіи, а между-тѣмъ въ этотъ ко-
роткій промежутокъ даже имя ея едва спаслось отъ заб-
венія. Поселеніе, которыхъ встрѣчаешь въ окрестностяхъ
развалинъ, называютъ ихъ общимъ именемъ *старого го-
рода*. За тридцать или сорокъ миль далѣе имъ придаютъ
безъ различія три названія, Анегунди, Вирупакша, и Гам-
пи, то есть, имена трехъ бывшихъ кварталовъ города.

«Вирупакша было также названіе самаго замѣчательна-
го изъ двухъ храмовъ, которые доселѣ существуютъ въ
нѣсколькихъ шагахъ отъ южнаго берегу Томбудры, подъ
15° 14' сѣверной широты и 76° 34' минуты долготы отъ
гриничскаго меридіана. Онъ находился въ самомъ цент-
рѣ города, который простирался отъ него по всѣмъ на-
правленіямъ верстъ на осемь. Другой храмъ лежитъ не
болѣе какъ въ четырехъ стахъ саженихъ на востокъ отъ
перваго, подлѣ такого мѣста, гдѣ рѣка, круто поворачивая
на сѣверъ, пробиваетъ себѣ шагъ осемьсотъ пути
между гранитныхъ скалъ и потомъ опять продолжаетъ

естественное теченіе на востокъ. Эти два памятника лучше всего сохранились посреди развалинъ, а между тѣмъ преданіе говоритъ, что они основаны гораздо раньше Виджаянагара. Первый изъ этихъ храмовъ посвященъ Сивѣ, подъ именемъ Вирупакши; послѣдній — Вишну, подъ именемъ Виталадевы или Рама-Шандры.

«Цезарь Фредерикъ, путешественникъ бывшій въ Виджаянагарѣ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, полагаетъ окружность этого города верстъ въ сорокъ. По собственнымъ моимъ наблюденіямъ я полагаю гораздо больше и думаю, что путешественникъ говорилъ о какой-нибудь изъ внутреннихъ стѣнъ, потому что Белальдева укрѣпленная стѣна, которую можно отыскать на всемъ ея протяженіи и которой триумфальныя арки еще существуютъ, отстоятъ на востокъ, западъ, юго-востокъ, юго-западъ и сѣверъ, повсюду верстъ на осемь отъ храма Вирупакши. Откуда ни посмотрѣть на эту стѣну, она кажется безконечною и всегда представляется произведеніемъ гигантовъ. Она сложена изъ каменныхъ глыбъ въ тридцать футовъ длины, и десять ширины, такъ, что одной массы ихъ достаточно для сохраненія ея цѣлости до конца вѣковъ. Внутреннія стѣны, числомъ шесть, оставили гораздо менѣе слѣдовъ, но, при вниманіи, ихъ можно найти.

«Шести-угольный городъ, расположенный на обомъ берегахъ Томбудры, раздѣлялся на различные кварталы, изъ которыхъ каждый поочередно былъ сѣдалищемъ владыкъ. Кварталы эти получали особенныя наименованія или отъ царей династій или отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Ихъ предѣлы и имена существуютъ большею частію до-сихъ-поръ. Такъ на сѣверномъ берегу находится кварталъ Апара, или Противоположный, въ отношеніи къ Вирупакшѣ, а въ двухъ верстахъ ниже, по тому же берегу, Ангунди. Имя это происходитъ отъ словъ *ане*, слонъ, и *гунде*, площадь, потому что въ этомъ кварталѣ содержались слоны, которыхъ конюшни и теперь цѣлы. Въ царствованіе двухъ братьевъ, Нарсинги и Кришна-Раджи, потомковъ Белальдео, здѣсь была резиденція старшаго брата, который господствовалъ здѣсь исключительно. На южномъ берегу находятся кварталы, въ цен-

трѣ, Вирупакша, Витала-Раджа, гдѣ былъ другой храмъ, Ачіата и Кришна.

«Посерединѣ развалинъ Анегунди и какъ-бы нераздѣльно съ ними живетъ человекъ, на котораго грустно посмотреть: это — развалины царскаго поколѣнія посерединѣ развалинъ царства, это — молодой человекъ лѣтъ двадцати осьми, послѣдній представитель и прямой потомокъ государей виджаянагарскихъ. Несмотря на свое высокое происхожденіе, онъ не имѣетъ ни какого состоянія и все окружающее его находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Однако жъ онъ еще силится поддерживать нѣкоторый призракъ бывшаго величія и, между прочими эмблемами уже не существующей власти, содержитъ одного слона для охоты и для торжественныхъ случаевъ. Когда потомкамъ виджаянагарскихъ государей замѣчаютъ бесполезность этой поддержки, они говорятъ, что надѣются увидѣть со-временемъ перемѣну правительства въ своей землѣ и что тогда права ихъ возьмутъ верхъ надъ правами другихъ индѣйскихъ царскихъ поколѣній; если же они откажутся отъ всѣхъ знаковъ царскаго достоинства, то ихъ не по чему будетъ отличить отъ толпы и имя ихъ исчезнетъ такъ же, какъ почти уже исчезло имя ихъ города. Молодой падшій царевичъ развалинъ виджаянагарскихъ пользуется отъ окружающихъ такимъ уваженіемъ, какое совмѣстно съ несчастіемъ, всегда уважаемымъ въ Индіи.

«За исключеніемъ донинѣ сохранившихся словозачинокъ конюшенъ, развалины Анегунди не носятъ на себѣ той печати величія, какую находимъ въ кварталахъ южнаго берегу Томбудры. Около наследника виджаянагарскихъ государей собралось человекъ двѣсти жителей, которые навѣсили свои соломенные крыши на развалинахъ дворцовъ и храмовъ и составляютъ родъ деревни. Наполовинѣ дороги между храмомъ Вирупакша и Анегунди видны остатки моста, который нѣкогда соединялъ двѣ большія части города. Мостъ этотъ перекидывался черезъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ двѣ версты ширины и гдѣ, исключая двухъ или трехъ углубленій, можно перейти ее въ бродъ во всякое время года. Чтобы переправиться безопасно, нужно воспользоваться скалами и слѣдовать за изворотами.

моста, который былъ построенъ зигзагами на цѣльныхъ гранитныхъ столбахъ, какъ-будто вколоченныхъ въ ложе рѣки. Самый помостъ также состоялъ изъ гранитныхъ глыбъ. Нѣкоторыя столбы наклонились отъ дѣйствія воды втеченія пяти столѣтій, но цѣпныхъ еще нигдѣ не перервана и цѣлое, по своему расположенію, напоминаетъ камни друидовъ.

«Въ лѣтописяхъ разсказывается, что въ царствованіе Кришна-Раджи, одного изъ потомковъ Белальдео, въ Виджаянагарѣ, не считая мечетей и христіанскихъ часовень, было по-крайней-мѣрѣ триста храмовъ, посвященныхъ различнымъ индѣйскимъ божествамъ. То, что осталось, въ самомъ дѣлѣ доказываетъ, что храмы были чудесны, болѣею частію колоссальны, и отлично отдѣланы. Нѣтъ возвышенія, нѣтъ холма, которые бы не были посвящены какому-нибудь поклоненію и не сохранили тому слѣдовъ.

«Лучше всѣхъ сохранившаяся часть города—та, которая носитъ названіе Гаипи. Это—площадь, которая начинается у храма Вирупакша и оканчивается у маленькой пагоды съ портикомъ и двумя спиральными башнями. Площадь эта имѣетъ около трехъ сотъ пятидесяти сажень длины и двадцать осемь ширины. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся уступами аркады въ нѣсколько этажей, съ балконами. Самый храмъ, кромѣ своей древности, очень любопытенъ и былъ бы еще любопытнѣе, если бъ находился не по-сосѣдству съ храмомъ Виталадева, о которомъ намъ остается поговорить. Архитектура храма Вирупакша почти совершенно такая же какъ архитектура всѣхъ большихъ индѣйскихъ пагодъ. Дворъ, окруженный высокою стѣною съ пирамидальными воротами. Портикъ, служащій входомъ въ большія сѣни, уставленные обломками идоловъ, которые частію отдѣланы и шлифованы превосходно. Это—родъ пантеона индѣйскихъ боговъ: Сива, Вишну, Лакшманъ, Ганеса, встрѣчаются всего чаще. Нѣкоторыя изъ этихъ статуй еще совершенно цѣлы. Потомъ выходите корридоръ съ лѣстницею и дверями по обѣимъ сторонамъ: онъ ведетъ въ Гарба-грига или святилище, совершенно мрачную хранину, куда никогда не

проникаетъ даже отраженный лучъ солнца, и гдѣ совершается бѣльшая часть браминскихъ обрядовъ. Только жрецы имѣютъ право входить сюда. Если вѣрять преданіямъ, то въ этихъ мѣстахъ должны быть схоронены огромныя богатства. Такъ, рассказываютъ, что Кришна-Раджа пожертвовалъ Сивѣ-Вирупакшѣ золотой вѣнецъ на голову, съ драгоценными каменьями, но *станикары* (хранители храма), принявъ даяніе, не хотѣли исполнить назначеніе дателя, и, просто, положили вѣнецъ въ сокровищницу. Кришна-Раджа жаловался на это и доказывалъ, что онъ принесъ даръ даятелю чтобы украсить божество, а не чтобы обогатить жрецовъ. Желая успокоить его и въ то же время показать, какъ мало цѣнятъ богатство, брамины ввели Кришна-Раджу въ Гарба-григу и велѣли коснуться руками до стѣнъ. Онъ нашелъ, что поверхность ихъ неровна. Тогда принесли свѣточей и Кришна-Раджа увидѣлъ причину неровности: всѣ стѣны святилища были выложены золотомъ и камнями выше всякой цѣны.

«Окрестъ этого храма, подъ горами мусору и земли погребены сотнями другія развалины и храмы, въ которые можно входить не иначе какъ съ топоромъ и заступомъ въ рукахъ и съ опасностью встрѣтиться носомъ къ носу съ тигромъ. Однако жъ опасный трудъ этотъ почти всегда вознаграждается. Подлѣ самой рѣчки есть маленькій храмъ, въ которомъ находятся три очень хорошо сохранные статуи Лакшмана, Рамы и Ганумана. Немного подалѣе—храмъ съ колоннами изъ чернаго, очень рѣдкаго и крѣпкаго граниту, превосходно выполированного, и другой, съ прекрасными барельефами, которые изображаютъ всѣ подвиги Рамы на островѣ Цейланѣ. Наконецъ, у южнаго конца моста высится несравненный Виталраджа,—храмъ, посвященный Виталадевѣ,—котораго только внѣшняя часть развалилась. Это зданіе нѣкогда было окружено двумя дворами. Теперь остается только одинъ, съ пирамидальными превосходно отдѣланными воротами. Посрединѣ находится храмъ, обращенный къ востоку и состоящій изъ трехъ отдѣловъ, съ великолѣпнымъ портикомъ посрединѣ. Когда вступаете подъ портикъ, васъ сначала поражаютъ величіе цѣлаго, потомъ привлекаетъ

прелестъ и окончанность подробностей, и, наконецъ, по мѣрѣ того какъ глазъ привыкаетъ къ предметамъ самымъ виднымъ, вы съ удивленіемъ открываете, что во всемъ этомъ обширномъ зданіи нѣтъ ни одного дюйма пространства, которому бы рѣзецъ художника не придалъ какой-нибудь формы для выраженія какой-нибудь идеи.

«Мы сказали, что храмъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, или трехъ залъ. Плафоны двухъ крайнихъ залъ совершенно одинаковы. Они состоятъ изъ гранитныхъ плитъ по двѣнадцать квадратныхъ футовъ и изваянныхъ такъ, что представляютъ каждая навѣсъ, поддерживаемый по четыремъ угламъ попугаями. Возвышеніе надъ помостомъ спасло этихъ птицъ отъ разрушителей всѣхъ эпохъ, отъ мусульманъ и Англичанъ, и частию даже сохранило блестящія краски, которыми они были разцвѣчены. Въ среднемъ отдѣлѣ, который ведетъ во внутренность, въ-особенности развитъ вкусъ и истощены всѣ средства художниковъ. Потолокъ здѣсь также состоитъ изъ плитъ, въ четыре фута ширины и тридцать длины, лежащихъ на столбахъ, которыми нѣтъ ничего подобнаго въ мѣрѣ. Они построены изъ гранитныхъ глыбъ, въ двадцать футовъ окружности и тридцать футовъ вышины, кромѣ базисовъ и капителей. Базисъ обыкновенно представляетъ льва или другое животное; shaftы, или собственно столбы, прорѣзаны пазомъ въ пятнадцать или шестнадцать различныхъ видахъ, и каждый имѣетъ свой отличительный базисъ и свою капитель, которые связываются всѣ съ общимъ базисомъ и общею капителью. Shaftы, на которыхъ такимъ образомъ раздѣляется каждая колонна, представляютъ большую часть собранія Апсаръ, или небесныхъ нимфъ, каковы Рамба, Урваси, Менака и Тиллотама: черты, формы и контуры, кажется, скопированы съ прекраснѣйшихъ живыхъ образцовъ. Прелестъ и легкость этихъ фигуръ вполнѣ выкупаютъ слишкомъ грузную массивность самаго зданія. И все это было богато расписано, но краски почти совершенно исчезли.

«Позади залъ находятся простыя обители, замѣчательныя только по кокетству изваяній, которыми украшены всѣ карнизы. Потомъ находите площадь и дру-

гіе побочные храмы. Въ нѣсколькихъ саженяхъ передъ ступенями, ведущими къ главному портику, находится колесница, отъ которой эта пагода получила названіе Car-pagoda, болѣе другихъ извѣстное англійскимъ путешественникамъ. Это — предполагаемое подражаніе небесной колесницѣ. Оно ни сколько не напоминаетъ формы греческихъ колесницъ и не отличается красотой: индійская небесная колесница довольно похожа на телеги, которыя и понынѣ употребляются туземцами съ упряжью воловъ. Модель вся сдѣлана изъ граниту. На этой грузной машинѣ стояла кирпичная оштукатуренная пирамида въ стилѣ храмовыхъ воротъ. Во время нашего тамъ пребыванія, въ 1836, пирамида эта уже превращалась въ пыль.

«Вышедши изъ храма Виталадевы, поворотите вправо или влѣво, — и на протяженіи площади найдете множество другихъ чергоговъ и храмовъ, построенныхъ въ меньшихъ размѣрахъ, но изъ того же матеріалу и всегда изящно. Они посвящены второстепеннымъ божествамъ. Всѣ они, очевидно, новѣе храма Вирунакши, котораго основаніе теряется во мракѣ времени: они болѣею частию построены въ пятнадцатомъ вѣкѣ, въ самую блестящую эпоху столицы. Надписи по-тамбульски, по-телингски и по-санскритски показываютъ, что различныя зданія обязаны своимъ происхожденіемъ пышности Кришна-Раджи между прочимъ портикъ, который ведетъ въ одинъ изъ малюнькихъ и, къ несчастію, самыхъ разрушенныхъ храмовъ на дворѣ Виталадевы. Порттикъ этотъ относится ко времени вступленія Кришна-Раджи на царство. Надпись говоритъ, что на постройку, сохраненіе и содержаніе этого храма былъ назначенъ доходъ съ опредѣленнаго уѣзда. Далѣе, въ томъ же кварталѣ, видите развалины дворца. Высокій холмъ, котораго подножіе обложено тесанымъ камнемъ, показываетъ мѣсто, гдѣ стоялъ престолъ государей Виджаянагара. Есть также древнее училище, волею для религіозныхъ омовеній, пять сферальныхъ башенъ, караульня, гдѣ помѣщалась придворная стража и, наконецъ, конюшня для дежурныхъ слоновъ, построенная съ истинно царскою пышностью и увѣчанная

ширешииъ куволомъ. Въ которую сторону ни пойдете на пространствѣ сорока верстъ въ лѣсу, постепенно выросшихъ на всѣхъ этихъ чудесахъ, на каждомъ шагу вы наткнетесь на храмы и дворцы. Въ большей части дворцовъ есть подземелья, но ходы завалены мусоромъ такъ, что туда нельзя проникнуть.

«Дворецъ квартала Ариата не такъ хорошо сохранился какъ дворецъ Кришна-Раджи. Однако жъ въ немъ уцѣлѣли сарай для колесницъ, зала совѣта, двѣ бесѣдки и спиральная башня, которая означаетъ жилище цари. Есть также баня, окруженная галереею съ нѣсколькими отдѣленіями. Потолокъ и стѣны еще раскрашены. Взойдите съ этой галереи, по витой лѣстницѣ, на террасу, и увидите у вашихъ ногъ, уже не знаменитый городъ Виджаянагаръ, прославленный преданіями и поэзіей, не столицу государей, которыхъ власть простирается на половину Индіи и которыхъ дружбу снискивали самые могущественные владыки Азіи, но обширныя развалины, огромныя занія искаженныя мусульманскою саблей и обезображенныя рукою времени, тѣнь и могила славы, которая была в которой уже нѣтъ.

«Втеченіи двадцати дней мы пополняли свой рюкзакъ въ развалинахъ при помощи болѣе или менѣе важныхъ бесѣдъ съ браминами, которые до-сихъ-поръ безпрерывно странствуютъ къ храму Вирупакша. Я приобрѣлъ также драгоценныя свѣдѣнія отъ молодаго потомка виджаянагарскихъ государей, котораго величіе въ лохмотьяхъ уже не пугало меня. Въ сношеніяхъ съ нимъ, я, разумѣется, очень остерегался оскорбить его и соблюдалъ всѣ формы почтенія, приличнаго титулу, на который онъ объявлялъ притязанія, однако жъ нѣкоторыя услуги, оказанныя ему при случаѣ, дали мнѣ право стоять съ нимъ на дружеской, если не на равной ногѣ. Я предложилъ ему присоединиться къ экспедиціи, которую мы намѣревались предпринять двадцать-третьяго марта противъ властителей пустыни. Мы хотѣли на слонахъ поохотиться за тиграми. Царевичъ самъ имѣлъ одного ручнаго слона, хорошо приученнаго къ этой охотѣ, которая составляла главное его занятіе и главный доходъ. Онъ принялъ наше предложеніе съ удо-

вольствіемъ. Положено даже было, что онъ дастъ мнѣ мѣсто на своемъ сѣдлѣ. У самихъ насъ было три слова отъ Остъ-индской Компаніи, такъ, что, дивнувшись въ походѣ, мы могли бы имѣть видъ довольно грозный. Но совершенно неожиданное обстоятельство разстроило этотъ прекрасный планъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для отправления на большую охоту, воротившись въ становище, навьюченные добычей, съ альбомами, полными рисунковъ и скопированныхъ надписей, мы узнали, что многіе изъ нашихъ деньщиковъ и слугъ сильно захворали и слегли. Мы уже и прежде слышали о лихорадкѣ Гампи, — какъ называютъ эту болѣзнь по мѣсту, въ которомъ она дѣйствительно чрезвычайно злокачественна, — но намъ рассказали исторіи такъ очевидно преувеличенныхъ, что мы подъ-конецъ вовсе не стали вѣрить ни во что. Сами мы уже прожили двадцать дней безопасно, и это еще увеличило нашу увѣренность. И, теперь, вмѣсто того чтобы воспользоваться урокомъ и удалиться какъ-можно скорѣе, мы ограничились отправленіемъ больныхъ въ Беллари и отложили свой отъѣздъ еще на нѣсколько дней.

«Но на-утро трое изъ нашихъ товарищей также почувствовали нестерпимую головную боль, которая повлекла за собою ознобъ въ продолженіи дня и жаръ съ бредомъ къ ночи. Тогда мы поняли, что нужно немедленно призвать помощь. Организмъ европейца долѣе индѣйскаго противится смертоноснымъ испареніямъ, но зато, будучи пораженъ, разрушается быстрѣе, именно пропорціонально своей крѣпости. Положили тотчасъ же скакать мнѣ въ лагерь и распорядиться присылкою доктора и паланкиновъ для всего общества. Жизнь всѣхъ зависѣла, быть-можетъ, отъ моей проворности. Я не сомнѣвался въ своихъ силахъ, но дорога была дурная, надлежало проскакать сличкомъ пятьдесятъ верстъ безъ отдыха и во многихъ мѣстахъ я не могъ бы найти дороги безъ проводника. Но благодаря крѣпости моего коня и мужеству санса, я совершилъ путешествіе въ пятнадцать часовъ. Физическая упругость Индѣйцевъ и способность ихъ къ продолжительнымъ и утомительнымъ напряженіямъ невоспостижимы. Забѣгая впередъ, когда я вѣхалъ шагомъ, и цѣпляясь за

хвостъ лошади, когда я пускался вскачь, мой сансъ, или погонщикъ, тощій, тщедушный молодой парсепъ, на котораго, казалось, стоить дунуть чтобы убить, никогда не терялъ лошади изъ виду и всегда во-время являлся подлѣ меня въ самыхъ трудныхъ проходахъ. И когда мы прибыли въ Беллари, онъ держалъ коня подъ уздцы, чтобы помочь мнѣ сойти съ сѣдла. Странность этого явленія, пустыня и безмолвіе, царствовавшее вокругъ меня на продолжительномъ пути, произвели во мнѣ рядъ впечатлѣній, которыхъ я не возьмусь описать.

«Помощь больнымъ послали, и она подоспѣла во-время. Товарищи мои воротились въ лагерь, исключая одного, который никогда въ жизнь свою не былъ болѣнъ и считалъ себя несокрушимымъ. Другимъ потребовалось много времени, чтобы поправиться,—кому нѣсколько мѣсяцевъ, — кому нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторые принуждены были даже переменить климатъ, воротиться въ Европу. Казалось, что виджаянагарская зараза всѣхъ насъ отравила.

«Я сказалъ, что одинъ изъ моихъ товарищей послѣ насъ еще остался въ развалинахъ. Однажды утромъ, недѣлю спустя, приходитъ ко мнѣ Индѣецъ, слабый, блѣдный, едва волокащій ноги, съ письмомъ отъ капитана Б***. Капитанъ писалъ, что ляхорадка наконецъ одолѣла и его, и просилъ по-скорѣе прислать ему паланкинъ. Я исполнилъ требованіе, но посланный паланкинъ уже пробылъ три дня въ дорогѣ и это очень встревожило меня. На третій день потомъ, собравшись идти утромъ на учење, я увидѣлъ передъ своими дверьми только-что прибывшій паланкинъ и успѣшилъ привѣтствовать своего друга. Онъ былъ мертвъ. Въмѣсто капитана Б*** я увидѣлъ уже полу-сгнившій трупъ.

«Таковы были обстоятельства нашего путешествія къ развалинамъ Виджаянагара, поразительные контрасты веселья и скорби, завязка—оргія, развязка—смерть!»

ПОДДѢЛКА ЗНАМЕНИТЫХЪ КАРТИНЪ ВЪ ИТАЛІИ.
Около двухъ вѣковъ уже Италія снабжаетъ любителей цѣлаго свѣта мастерскими произведеніями искусства. Счету нѣтъ картинамъ Рафаэля, Корреджіо и Леонардо да-Винчи,

которыя она продала, а между-тѣмъ у нея еще остается много, и всегда останется. Не проходитъ года, чтобы Болонья не отправляла за свою границу тысячи картинъ великихъ мастеровъ, и, несмотря на такой дѣятельный вывозъ, въ этомъ старинномъ городѣ еще остается огромный запасъ старыхъ полотень. Нѣкій любитель недавно обходилъ галереи и кладовыя болонскихъ торговцевъ и насчиталъ около десяти тысячъ знаменитыхъ картинъ, ожидающихъ покупателей. У одного торговца, только у одного, ихъ считалось пять тысячъ. Само собою разумѣется, что большая часть этихъ картинъ не имѣютъ ни какой цѣны. У нѣкоторыхъ флорентійскихъ и римскихъ торговцевъ также находите цѣлыя группы мифологическихъ, библейскихъ или римскихъ сюжетовъ, приносимыхъ самымъ извѣстнымъ художникамъ. Не худо остерегаться энтузіазма владѣльцевъ: у этихъ почтенныхъ господъ правила нравственности не слишкомъ строги, какъ-скоро дѣло идетъ о томъ чтобы сбыть свой товаръ. По этому поводу рассказываютъ много анекдотовъ, подтверждаемыхъ весьма уважительными свидѣтельствами. Вотъ кое-что, для образчика.

Одинъ молодой англійскій джентльменъ, слѣвавшись по смерти отца членомъ палаты перовъ и владѣльцемъ значительнаго имѣнія, пріѣхалъ къ С^{...}, чтобы выбрать нѣсколько картинъ для украшенія своего стариннаго замка, который отдѣлялся заново съ большими издержками. Между-тѣмъ какъ островитянинъ разсматривалъ различныя картины, о которыхъ Италіинецъ старался внушить ему выгодное мнѣніе, входитъ слуга въ ливреѣ и подаетъ большой пакетъ съ гербовою печатью. Торговецъ проситъ позволенія распечатать, пробѣгаетъ письмо и говоритъ посланному:

— Хорошо, братецъ. Но скажи своимъ господамъ, что мнѣ теперь нѣкогда заниматься ихъ картинами. Я даю знать, когда удосужусь.

Лакей ушелъ. Милордъ желаетъ знать, въ чемъ дѣло.

— Да, вотъ, принесли списокъ картинъ, которыя поручены мнѣ для продажи одною знатною фамиліею изъ Пе-

руджін. Онѣ недавно прибыли и я не нѣлъ времени от-крыть ящики. И займусь этимъ, когда поосвобожусь немножко.

Любопытство милорда возбуждено: онѣ желаетъ видѣть картины. С^мъ возражаетъ, что они, вѣроятно, не стоятъ труда и что сверхъ-того, конечно, потребуетъ довольно много времени на очистку: слѣдовательно, о продажѣ еще не можетъ быть и рѣчи. Однако жѣ онѣ соглашается показать списокъ, который сейчасъ только получилъ. Въ каждой статьѣ читаются имена Доминикино, Гвидо-Рени, Карло-Дольче, Карраччіо. Островитянинѣ не выдержалъ, дотога напалъ на торговца, что тотъ волей-неволей открылъ ящики. Вынимаютъ старыя картины, засаленныя, покрытыя пылью и старымъ растрескавшимся лакомъ. Почти нѣтъ возможности разобрать сюжетовъ; не отгадаешь, чтѣ представляетъ картина, смерть Юлія Цезаря или рожденіе Венеры.

— Вы видите, милордъ, что объ этомъ, покуда, и думать нечего. Нужно выждать очистку, реставрацію. Впрочемъ, и займусь этимъ по-скорѣе, потому что теперь и нѣтъ кажется, что картины стоятъ того. Работы будетъ мѣсяцевъ на пять или на шесть.

На такую отсрочку сынъ Альбіона не могъ рѣшиться: ему нужно было черезъ недѣлю выѣхать изъ Рима и онѣ былъ счастливъ, что нашелъ прекрасный случай разомъ приобрести совершенно готовую галерею, разомъ могъ купить такое собраніе мастерскихъ произведеній, какого при самыхъ терпѣливыхъ и настойчивыхъ поискахъ не соберешь въ двадцать лѣтъ. Тутъ уже нечего было думать о цѣнѣ и тому подобныя пустякахъ: надлежало воспользоваться случаемъ. Онѣ и воспользовался. Впрочемъ надобно сказать, что требованія торговца были очень умѣренны: онѣ за всю груду запачканнаго полотна взялъ не больше тысячи лундоровъ наличными.

Тотъ же торговецъ поймалъ на свою удочку другаго британскаго любителя живописи, сэръ Вильяма Косвелта, истиннаго знатока, который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и оставилъ очень хорошо избранную коллекцію. Италіанецъ показываетъ баронету картину, дѣйствительно

хорошую. Сэръ Вильямъ разсматриваетъ, критикуетъ и остается холоденъ. Вдругъ на улицѣ раздаются погремушки, хлопанья бича; почталіонъ, въ ботфортахъ, со шпорами, запыханный, слѣзаетъ съ лошади и приноситъ письмо. С*** поспѣшно распечатываетъ. Письмо изъ Гаэты, отъ русскаго князя, который, за педѣлю назадъ, торговалъ эту самую картину и не купилъ, потому что дорого показалось, но, уѣхавъ въ Неаполь, одумался и прислалъ нарочнаго съ объявленіемъ, что согласенъ на всѣ условія торговца. Но русскій князь опоздалъ. Британская гордость вмѣшалась въ дѣло. Темза не могла уступить Невѣ. Баронетъ купилъ картину не торгуясь и былъ въ восторгѣ, что счастливый случай доставилъ ему такую побѣду. Онъ конечно не зналъ, что русскій князь былъ мнѣ, что письмо было приготовлено заранее и что почталіонъ прискакалъ изъ сосѣдняго кабака по данному знаку.

Въ каждомъ большомъ италянскомъ городѣ есть очень дѣятельныя фабрики старинныхъ картинъ, въ которыхъ великія произведенія знаменитыхъ мастеровъ различныхъ школъ, сообразно мѣстности, умножаются до несмѣтнаго. Болонья изготовляетъ картины обонхъ Караччіо; Венеція производитъ произведенія Тиціана и Джорджоне; Миланъ и Феррара превосходно выдѣлываютъ созданія Луппи и Гарофало. Художники, занимающіеся этою промышленностью, пишутъ на ветхихъ черныхъ полотнахъ, на доскахъ источенныхъ червями и временемъ. Части менѣ пострадавшія, сохраняются; къ нимъ прибавляются новыя детали и цѣлое покрывается слоемъ темнаго лаку. И на эти поддѣлки часто попадаютъ самыя опытные знатоки. Нѣкоторые изъ этихъ промышленниковъ въ искусствѣ подражанія достигли примѣчательной степени совершенства. Такъ, напримѣръ, болоньскому живописцу Дж*** не знаютъ соперника въ этомъ родѣ. Онъ до того поддѣлываетъ старинныя картины, что онѣ съ честію носятъ самыя знаменитыя имена. Въ Римѣ часто продавались Рафаэли, Лессарды, Корреджіи и Клодъ-Лоррены, которые выходили прямо хопько изъ его мастерской. И сверхъ-того смѣлое шарлатанство еще всегда набиваетъ цѣну на эти сокровища.

Нерѣдко подобныя коллекціи составляютъ часть знаменитой галереи какого-нибудь князя, который, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, желаетъ продать ихъ чтобы заплатить долги или выдать замужъ свою дочь. Ихъ можно купить очень дешево; но нужно сохранить куплю въ величайшей тайнѣ: чуть что откроется, старшій сынъ князя захватитъ эти картины, правительство воспротивится вывозу; словомъ, малѣйшая нескромность погубитъ все. И такія продѣлки очень часто выпораживаютъ карманы любителей. Одинъ разбогатѣвшій лондонскій пивоваръ, пріѣхавъ въ вѣчный городъ, также счелъ обязанностью носить званіе знатока, чтобы не отстать отъ моды, и заплатилъ тысячу гиней за Мадонну, произведение, которое не стоило и двадцатой доли этой цѣны.

Во Флоренціи извѣстенъ художникъ, который открылъ способъ разведенія красокъ, употреблявшійся живописцами тогда, когда масляныя краски не были еще извѣстны. Онъ тщательно скрываетъ свой секретъ и посредствомъ его производитъ маленькія картины, которыя очень легко принимаютъ видъ старины. Стоятъ только поддержать ихъ передъ огнемъ или выставить на солнце, и въ этихъ постарѣвшихъ вчерашнихъ произведеніяхъ безъ труда узнаютъ кисти Бенто Анджелико, Андрея дель-Сарте, Пинтуриччо и Фра-Бартоломео. На нѣкоторыхъ публичныхъ торгахъ любители отбивали ихъ другъ у друга съ ожесточеніемъ и платили страшныя цѣны.

Графъ К***, русскій любитель художествъ, и знатокъ, пріѣхавъ во Флоренцію и нашелъ истинныхъ друзей, которые вездѣ рѣдки, но которыхъ богатый человекъ встрѣчаетъ повсюду. Друзья уговорили графа отправиться съ ними на большую охоту. Измученный зноемъ, усталый отъ продолжительной гоньбы, графъ остановился отдохнуть въ хижинѣ, по близости которой расположились охотники. Мужикъ, хозяинъ хижины, разговорившись о всякой всячинѣ, спросилъ гостя, не любитъ ли онъ картинъ, потому что у него-де, у хозяина, есть вещь очень любопытная по этой части. И, принужденный къ объясненію, мужикъ рассказываетъ, что отецъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ ему старинную картину, которая можетъ обезпечить

состояніе всей семьи, но картина эта спрятана въ самомъ темномъ углу, потому что она краденая и досталась отцу по случаю. Нужно продать ее тихонько, чтобы не подвергнуться большому неприятели. Графъ, разумеется, непремѣнно хочетъ видѣть таинственную картину, и послѣ многихъ затрудненій мужикъ вытаскиваетъ мадонну въ старинной законѣлой рамѣ. Картина была дѣйствительно хороша и носила на себѣ явные признаки старины. Графъ спрашиваетъ объ имени художника. Мужикъ слышалъ имя отъ отца, но забылъ; однако жъ, къ счастью, вспоминаетъ, что у отца гдѣ-то есть записано. Ищетъ, ищетъ, и находитъ наконецъ засаленный клочокъ бумаги, на которомъ крупными каракулями начерчено имя Рафаэля Сандіо. Графъ непремѣнно хочетъ купить; мужикъ боится, однако жъ наконецъ рѣшается продать, но только потому что покупатель—иностранецъ и что, слѣдовательно, оvasности меньше. Будучи убѣжденъ, что видитъ передъ собою истиннаго Рафаэля, графъ полагаетъ совершить выгодную куплю предлагая тринадцать тысячъ франковъ. Петорговались, и ударили по рукамъ. Картина свернута и спрятана въ чемоданъ. Графъ поспѣшно ѣдетъ въ Римъ, боясь, чтобы тосканское правительство не отбило у него добычу. Мадонна подвергается оцѣнкѣ многихъ знатоковъ, заслуживаетъ много похвалъ, но рысій глазъ нѣкоторыхъ аристарховъ открываетъ несомнѣнные признаки плутовства. Рафаэль былъ очень свѣжъ и только очень искусно поддѣланъ. Оказалось, что графъ сдѣлался жертвою заблаговременно обдуманной плутни. Это разсердило его. Онъ воротился во Флоренцію, грозилъ постыднымъ процессомъ, и ему отдали часть денегъ, которыя онъ заплатилъ. Потомъ онъ успѣлъ продать ненавистную картину, съ уступкою какому-то опытному торговцу, который перепродалъ ее за большія деньги одному германскому герцогу и теперь она въ качествѣ подлиннаго Рафаэлева произведенія красуется въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ музеевъ. Съ нею были сдѣланы литографія и гравированные эстампы; передъ нею туристы падаютъ на колѣни.

Мнительность въ опредѣленіи именъ художниковъ дотого стала господствующею, что съ нѣкоторыхъ перъ

возникаютъ даже довольно основательныя сомнѣнія насчетъ мастерскаго изъ мастерскихъ произведеній. Художники и путешественники не находили выраженій для восторгу, какой внушала имъ Рафаэлева *Madonna della Seggiola*: словарь удивленія былъ истощенъ. Зрители прибѣгли къ мимикѣ, стали корчиться, дѣлать судороги. И вдругъ два искусные критика, въ одно время, вовсе не зная одинъ о другомъ, объявляютъ, что это—поддѣлка, что картина эта не старше полутора вѣка! Объявленіе подняло шумъ; собрались партизаны; возгорѣлась война и бросила сомнѣніе даже въ души тѣхъ мудрыхъ, которые прежде всего—друзья истины въ прекрасномъ. Другая Рафаэлева картина подверглась подобному же осужденію отъ одного изъ этихъ грозныхъ критиковъ. Онъ нашелъ, что она—копія, написанная поверхъ другой старой картины. Получивъ позволеніе, онъ стеръ немножко краски на лицѣ одной изъ главныхъ фигуръ и сквозь щеку проглянулъ чужой глазъ. Всѣ пришли въ ужасъ.

Опыту не стали продолжать. Возникла жестокая, немолчаливая, страшная дилемма: если *Madonna della Seggiola*—поддѣлка, то существуетъ ли хоть одна достоверный Рафаэль? Если она подлинная, то укроется ли хоть одна картина отъ нападений скептицизма?

Однако жъ, и кромѣ хитростей промышленниковъ, и не смотря на всякаго роду ошибки и заблужденія, которыхъ описаніями можно наполнить томы, всё-таки отъ времени до времени дѣйствительно всплываютъ нѣкоторые отличныя произведенія старинныхъ мастеровъ, пробывшія долгое время въ неизвѣстности и признаваемыя съ общаго согласія подлинными и драгоценными. Галерея, образовавшаяся въ Латранскомъ Дворцѣ, недавно купила за семь тысячъ пять сотъ франковъ картину, которую секретарь флорентійской республики, Марсупини, заказалъ живописцу Фра Филиппо Липпи для украшенія алтаря въ одной часовнѣ, въ Ареццо. Во время нашествія Французовъ, въ 1796, эта картина исчезла и пропала лѣтъ сорокъ, потомъ опять нашлась по смерти одной старухи, которая не знала ей настоящей цѣны, однако хранила тайну. Какой-то торговецъ купилъ ее за семьдесятъ франковъ

и перепродалъ одному изъ своихъ собратовъ за тысячу, а тотъ взялъ семь тысячъ пять сотъ. Но эти случаи очень рѣдки. Надобно остерегаться «счастливыхъ» случаевъ, потому что они болѣею частію бываютъ подготовлены заранее.

Недавно великому герцогу тосканскому предложили картину Сандро-Боттичелли, и требованія владѣльца были очень умѣренны. Купля не состоялась. Картину очистили, и она возбудила вниманіе: объ ней заговорили, и она продана за двадцать пять тысячъ франковъ.

Зато, одинъ слуга въ домѣ графа Т... , во Флоренціи, захворалъ. Къ нему пришелъ докторъ. Въ темномъ углу каморки больнаго, подъ толстою паутиною завѣсой, стояла старая, почернѣвшая, запачканная картина. Докторъ примѣтилъ ее, разсмотрѣлъ, вытащилъ на свѣтъ, предался восхищенію и забылъ о больномъ, а тотъ воспользовался разсѣянностью эскулапа и выздоровѣлъ. Картину очистили. Это—капитальное произведеніе! Нѣкоторые знатоки приписываютъ эту Мадонну Андрею дель-Сарте, а другіе видятъ въ ней только Рафаэля. Баварія купила ее за тридцать шесть тысячъ франковъ: почти даромъ взяла. И недавно только открылось, что это была хитрость и что картина поддѣлана. Такъ болѣею часть картинъ мюнхенской галереи открыта, по счастливымъ случаямъ, въ темныхъ углахъ.

Нынче въ Италіи многоцѣнныя картины покупаются уже только для музеевъ, да сѣверными туристами. Кардиналъ Фешъ— послѣдній изъ обитателей полуострова, собиравшихъ коллекціи. Но онъ жилъ во время, которое уже не воротится. Будучи чрезвычайно богатъ и проживъ осемьдесятъ лѣтъ, кардиналъ для удовлетворенія своей эстетической страсти могъ пользоваться длиннымъ рядомъ обстоятельствъ, которыя никогда не повторятся. Онъ положилъ основаніе своей галереи въ такое время, когда мастерскія произведенія исторгались изъ церквей, когда грабежъ и бѣдствія извлекали изъ ирриговъ, дотолѣ неприкосновенныхъ, самыя драгоцѣнныя сокровища за безцѣнокъ. Жажда къ собиранію, къ обладанію, превратилась наконецъ у кардинала въ исти-

ную болѣзнь: онъ покупалъ изъ всѣхъ рукъ все, что представлялось ему въ образѣ картины, и извѣстно, что управителю его было дано полномочіе покупать всякую приносимую во дворецъ кардинала картину, на полотнѣ или на мѣди или на деревѣ, и даже стоящую не болѣе четырехъ паоли (двухъ рублей ассигнаціями), какъ бы гадко она ни была написана. Многіе молодые люди неутомимо трудились надъ рестаураціею и очисткою цѣлыхъ грудъ картинъ, которыя такимъ образомъ доставались кардиналу.

Неизвѣстно было, что онъ съ ними дѣлалъ. Многіе полагали, что онъ препровождалъ ихъ въ Соединенные Штаты къ Іосифу Бонапарте, для распродажи новосвѣтскимъ любителямъ. По смерти кардинала тайна обнаружилась: у него нашли цѣлыя горы этихъ картинъ. Ни у кого не стало охоты пересчитать ихъ, но полагали, что безъ большой ошибки можно сказать тысячь осьмнадцать или двадцать. Продать такую массу было трудно. Три тысячи картинъ, отправленныхъ въ Аяччіо, для образованія галереи, не сдѣлали замѣтной убыли въ рядахъ этой арміи. Задумали продать ее оптомъ. Просили за все слишкомъ два съ половиною милліона. Никто не явился. Потомъ нашлось общество спекулянтовъ, которое предлагало сорокъ пять тысячъ гиней за пять сотъ картинъ на выборъ. Это предложеніе отвергнуто. Черезъ два года рѣшились напечатать каталогъ, и были три продажи сряду, отъ которыхъ выручено до четырехъ сотъ тысячъ франковъ. Но сбыто много произведеній весьма посредственныхъ. Если двѣнадцать или четырнадцать тысячъ картинъ, которыя еще остаются, должны разойтись такимъ же образомъ, то надобно опасаться, что покупщики и любители будутъ истощены гораздо раньше, нежели какъ изсякнетъ источникъ кардинала Феша.

АМЕРИКАНСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА. Докторъ Джуддъ въ жерлъ волкана, во время изверженія. Соединенные Штаты Сѣверной Америки поднялись въ 1838 году на ученую экспедицію вокругъ свѣта. Это, кажется, первая, которую они послали съ такою безкорыстною цѣлью, но-крайней-мѣрѣ первая, которой плаваніе и наблюденія

описаны и напечатаны. Экспедиція состояла изъ двухъ военныхъ судовъ, подъ главнымъ начальствомъ капитана Wilkes'a. Она воротилась въ Нью-Йоркъ въ 1842 году, и недавно издана въ свѣтъ повѣсть объ ея ученыхъ походахъ, довольно насыщенная и изрядно сухая. На первый случай поваго американская экспедиція ничего не замѣтила: корабли ея приставали къ мѣстамъ уже извѣданнымъ путешественниками другихъ націй. Мы извлечемъ изъ этихъ сказаній нѣкоторыя подробности о посѣщеніи американскими учеными знаменитой вулканической полосы острова Оваи, одного изъ Сандвичевыхъ.

«Посѣтивъ вторично кратеръ Килавелу, докторъ Джульдъ опять спустился во внутренность его. Это было черезъ мѣсяць послѣ первой экскурсіи. Онъ спустился сперва на внутренній уступъ, потомъ, достигнувъ другой стороны, пошелъ по наклонной ложбинѣ, которая доводитъ до дна кратера. Ему хотѣлось добыть лавы въ жидкомъ или мягкомъ состояніи, и онъ отправился къ большому огненному озеру на южномъ краю жерла. Онъ нашелъ, что дорога стала болѣе наклонною и болѣе трудною: лава, постепенно разсѣдаясь и снова выступая, образовала коры, покрывающія одна другую. Пласть этотъ былъ такого темнаго цвѣту, что казался чернымъ, и такъ горячъ, что брызнутая на него вода кипѣла какъ на раскаленномъ желѣзѣ. Разломивъ виѣшнюю кору дюйма на два или на три, находили твердую, но совершенно алую массу. Жердь, которою проламывали кору, загоралась при выдергиваніи. Становилось невозможнымъ идти далѣе, не отъ жару, — теплотворъ не легко проникаетъ сквозь окрѣпшую лаву, — но оттого что кора могла подломиться и огненная жидкость поглотила быпутешественника. У доктора Джулда поверхъ сапоговъ были надѣты толстые шерстяные чулки и мѣховыя кенгъ, такъ, что отъ жару ноги были довольно безопасны. Онъ пытался проникнуть до жидкой лавы, взбираясь на восточный берегъ озера. Скорія были такъ горячи, что онъ не могъ тронуть ихъ не обжегши рукъ. Подвигнувшись, сколько могъ, по этому направленію, онъ увидѣлъ, на разстояніи футовъ тридцати, потокъ лавы, кото-

рый приближался къ той части жерла, гдѣ тогда стоялъ докторъ.

«Поспѣшно уклонившись отъ этой опасности, докторъ Джуддъ опять спустился въ кратеръ, чтобы набрать образчиковъ волоскообразной лавы, которая чрезвычайно красива. Онъ довольно неосторожно подвинулся съ этою цѣлью далѣе, и вдругъ услышалъ легкое движеніе въ лавѣ, на разстояніи футовъ въ пятнадцать. Это движеніе повторилось два раза. Доктору захотѣлось узнать причину. Онъ подошелъ ближе. Вдругъ внѣшняя кора треснула отъ сильнаго взрыву, и столбъ расплавленной лавы, въ пятнадцать футовъ слишкомъ толщиною въ поперечникѣ, съ ужаснымъ шумомъ брызнулъ на сорокъ пять футовъ вверхъ. Путешественникъ хотѣлъ бѣжать; не было возможности: столбъ огненного вещества уподоблялся снопу воды брызжущей прямо вверхъ фонтаномъ и падающей потомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи въ видѣ дождя кругомъ на всѣ стороны, такъ, что несчастный докторъ находился какъ-бы подъ огненнымъ шатромъ, имѣя передъ собою столбъ огня, надъ собою сводъ изъ огня и позади себя стѣну изъ огненныхъ капель. Въ одномъ только мѣствѣ этой стѣны видѣлся разрывъ. Но жаръ такъ великъ, что и нечего было думать идти въ ту сторону; между-тѣмъ жаръ съ каждою минутой усиливался. Въ то же время усиливались и конвульсіи волкана и колебали почву, на которой стоялъ докторъ. Онъ уже считалъ себя погибшимъ. Но надобно же было рѣшиться на что-нибудь. Докторъ зажмурился, проскочилъ сквозь стѣну огненныхъ брызговъ, и, стараясь по-близости искарабкаться на крутой уступъ, закричалъ сопровождавшимъ его дикарямъ по-англійски, чтобы помогли ему. Дикари всѣ разбѣжались, исключая одного, по имени Калумо, котораго докторъ окрестилъ и содержалъ какъ друга. Калумо, ставъ на край выступу, подалъ доктору руку, но въ ту же минуту столбъ огненного вещества брызнулъ съ новою силою надъ ихъ головами. Калумо, испуганный, о-боженный, опрокинулся навзничъ. Побуждаемый новымъ крикомъ доктора, онъ однако жъ вторично подалъ руку и, сильно потянувъ, всталилъ его на скалу. Еще минута, и было бы поздно. Жерло начало постепенно напол-

ваться растопленною лавой и въ десять или пятнадцать минутъ выполнилось совершенно. Докторъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы почерпнуть жидкой лавы въ котелокъ, прицѣпленный къ жерди, и почерпнулъ, но лава такъ скоро остыла и покрылась твердою корою, что не поддавалась ни какому впечатлѣнію. Вторая попытка удалась лучше: лава была еще алаго цвѣту и докторъ успѣлъ вдавить въ нее форму металлической пуговицы. Но форма вышла не чисто, потому что лава была пѣнистая, остывая, сѣдалась. Въ жерлѣ лава продолжала быстро течь къ сѣверу и грозила отрѣзать единственную дорожку, которую путешественники могли воротиться. Они спаслись отъ бѣды пустившись бѣжать сколько было силъ. Тогда уже докторъ примѣтилъ, что рубашка его сожжена и на рукахъ и на локтяхъ — обжоги величиною въ долларъ. Лицо Калумо образовало одинъ большой пузырь. Можно представить себѣ быстроту, съ какою лава наполняла жерло, и количество ея въ вулканѣ, если сообразить, что наполненное ею въ двѣнадцать минутъ колодеобразное пространство имѣло тридцать осемь футовъ глубины и двѣсти въ поперечникѣ.

Вечеромъ экспедиція снова отправилась на край жерла, чтобы наблюдать дѣйствіе во время ночи. Зрѣлище, по красотѣ и величію, превосходило самый блистательный фейерверкъ. Свѣтъ отъ изверженія былъ такъ яркъ, что американскіе натуралисты примѣтили произведенную имъ радугу на проходившихъ дождевыхъ тучахъ. Все дно кратера въ сѣверной сторонѣ малаго озера, на протяженіи полуторы мили въ длину и полу-мили въ ширину, было покрыто жидкою лавой, которая текла огненными ручьями какъ вода. Ручьи, то раздѣлялись, то сливались, и, встрѣчая препятствіе или обрывы, образовали стремнины и каскады. Потoki эти были блестящаго алаго цвѣту и разливали яркій свѣтъ по всему кратеру. Большое озеро лавы, лежащее подалѣе, также начало вздвигаться и сіять. Зрители съ минуты на минуту ожидали, что оно также выступитъ изъ береговъ и представитъ еще великолѣпнѣйшее зрѣлище. По-временамъ верхняя кора вдругъ трескалась и образовывались новые бассейны жидкой

лавы; огненная жидкость поднималась, разливалась потокомъ, соединялась съ другими потоками и вмѣстѣ съ ними втекала въ какое-нибудь другое отдаленное углубленіе. Къ утру, большаго озера не стало: лава его, казалось, ушла, между тѣмъ какъ малое продолжало выступать на берега. Это заставило американскихъ натуралистовъ заключить, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ непосредственнаго сообщенія. Впрочемъ, всѣ описанія могутъ дать понятіе только о минутномъ состояніи жерла, потому что главный характеръ этихъ вулканическихъ сценъ состоитъ въ безпрестанномъ и очень быстромъ измѣненіи виду.

«Зрѣлище кратера Килавелы, говоритъ начальникъ американской экспедиціи, хотя великолѣпно съ перваго взгляду, по величію и странности, однако жъ скоро внушаетъ глубокое чувство тоски, подобной той, какую испытываешь при видѣ большаго пожара. Къ этому присоединяется еще мысль о личной опасности, когда смотришь вокругъ на страшный мелькающій свѣтъ и знаешь, что расплавленная лава клокочетъ и подъ тою корою, на которой стоишь наблюдатель. Зрѣлищу этому нѣтъ ничего подобнаго на поверхности земли: вещества самыя твердыя, кажется, расплавляются сами собою, и черный бронзовый цвѣтъ отвердѣвшихъ потоковъ лавы, величиною то съ змѣю, то съ огромный холмъ, положительно противоположенъ яркому цвѣту того же вещества въ жидкомъ состояніи».

Американскіе натуралисты прошли во всю длину потокъ лавы, который извергся изъ конического жерла Килавелы, восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Лава полпласть по склону во сто футовъ на милю и, по словамъ дикарей, употребила тридцать шесть часовъ на достиженіе моря. Какъ разстоянія тутъ будетъ неможно болѣе десяти англійскихъ миль, то скорость теченія надобно полагать футовъ четыреста въ часъ. Во многихъ мѣстахъ потока еще видны были огонь и дымъ, и лава, хотя совершенно отвердѣвшая, до такой степени походила на жидкую массу, что наблюдатели воображали видѣть, какъ она движется. Она, казалось, вышла изъ одной точки жерла и постепенно расширилась на обѣ стороны до двухъ миль

разстоянія отъ истоку. Тутъ она казалась потокомъ растопленныхъ скалъ, въ десять и пятнадцать футовъ толщиной, покрывала почву, гнала передъ собою всѣ преграды, истребляла всю растительность какаа встрѣчалась на пути. Можно было подумать, что это—рѣка, которая вдругъ превратилась въ камень, такъ явственно и точно обрисовывались волны отвердѣвшей жидкости. Оставшіяся въ лавѣ дыры означали мѣста, гдѣ стояли залитыя и до тла сожженныя деревья. Дыры эти имѣли отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ глубины и находились не очень далеко отъ неповрежденныхъ деревьевъ, которыя еще росли и на которыхъ мѣстами находились большія брызги лавы, такія, что ихъ издали можно было принять за висящія на сучьяхъ птичьи гнѣзда. И, несмотря на это тѣсное соприкосновеніе, растенія, казалось, не пострадали отъ огня! Другой любопытный фактъ, замѣченный американскими натуралистами, состоитъ въ томъ, что лавы въ одномъ мѣстѣ охватила съ двухъ сторонъ тростникъ бамбуковъ, который по краямъ обгорѣлъ, а въ серединѣ сохранилъ всю свѣжесть своей зелени и продолжалъ расти. Нѣкоторыя большія деревья, находящіяся футахъ въ двадцати отъ потока, казалось, вовсе не пострадали, а между-тѣмъ жердь, проткнутая сквозъ отвердѣвшую кору лавы фута на два въ глубину, загоралась.

ДОМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ РОДИЛСЯ НАПОЛЕОНЪ ВЪ АЛЧЧІО. Года два или три тому, вышелъ въ Парижѣ томикъ пустыхъ анекдотовъ о Наполеонѣ, изданный господиномъ *Marco de Saint-Hilaire*, подъ заглавіемъ: «*Habitations napoléoniennes*». Авторъ нынче продолжаетъ свой сборникъ въ газетѣ *le Siècle* отдѣльными статейками, изъ которыхъ, вѣроятно, составитъ второй томикъ. Самое любопытное во всемъ этомъ—подробности о скромномъ домѣ и семейномъ быту родителей челоѣка, котораго Французы надменно называютъ теперь не иначе какъ—*l'Empereur!*.....

«Маленькій домъ въ Алччіо, гдѣ родился Наполеонъ, стоялъ въ улицѣ Санъ-Карло, одной изъ менѣ неправильныхъ и болѣе населенныхъ въ столицѣ Корсики. Домъ этотъ, въ 1780, былъ далеко не привлекателенъ

снаружи, однако просторенъ и удобно расположенъ. Во время рожденія Наполеона (15 августа, 1769 года) онъ былъ четырехъ-этажный, въ шесть оконъ по фасаду на улицу Санъ-Карло. Маленькая дубовая дверь, обитая желѣзными полосами и украшенная стукальцемъ изъ того же металла, вела въ сѣни и на лѣстницу съ деревянными перилами. Первые четыре ступени лѣстницы были каменные, остальные—деревянные. Въ нижнемъ этажѣ находились, по одну сторону лѣстницы большая столовая, по другую кухня, во второмъ—гостиная, большая квадратная комната въ четыре окна, и кабинетъ отца Наполеона, Карло Буонапарте. Въ этой комнатѣ стояли шкафы библиотеки, бюро и нѣсколько полокъ съ коробками для бумагъ и ярыками на итальянскомъ языкѣ. Третій этажъ раздѣлялся на четыре компаты: первая, направо, была спальня Летиции синьоры Буонапарте; вторая—младшихъ дочерей, Элизы и Полины. Въ этой комнатѣ стояла колыбель Наполеона. На лѣво была общая комната старшихъ сыновей, Иосифа и Люціана. Тутъ стояли довольно просто сдѣланныя кровати изъ орѣховаго дерева съ клѣтчатыми, бѣлое съ синимъ, занавѣсами. Позади этой была комната, гдѣ у Карло Буонапарте ночевали пріѣзжіе изъ Италіи друзья и родственники. Здѣсь генераль Паоли, тайно пріѣхавшій въ Корсику въ 1776, провелъ три ночи, поминутно опасаясь быть открытымъ по нескромности матросовъ, которые привезли его.

«Въ четвертомъ этажѣ помѣщались слуги, кормилица Маммузика Катарина, фермары и пастухи, приходившіе къ синьору Карло Буонапарте каждый Мартыновъ день съ obroкомъ и наемными деньгами. Тутъ же находилась кладовая, въ которой у синьоры Буонапарте хранились овощи и ленъ. Внизу, подъ кухнею, былъ погребъ, куда спускались по маленькой лѣстницѣ, подъ большою лѣстницей.

«Таково было въ 1769 году, а можетъ-быть и теперь, расположеніе дому, который мать Наполеона содержала въ отличномъ порядкѣ. По смерти синьоры Буонапарте въ Римѣ, городское начальство Аяччіо приказало сломать нѣсколько сосѣднихъ старыхъ и необитаемыхъ хижины,

чтобы очистить вокругъ дому площадь, которая получила названіе piazza Letizia.

«Когда всѣ дѣти Карла Буонапарте стали подростать, комнату, что подлѣ спальни синьоры Летиціи, совсѣмъ отдали дочерямъ, а Наполеона перевели къ братьямъ. Тамъ онъ, спалъ до отъѣзду изъ Корсики (въ 1779). Тамъ же, подѣ руководствомъ своего дяди, аббата Феша, и стараго монаха Антоніо Дураччи, началъ онъ учиться катехизису и первымъ началъ грамоты. Молодой Наполеонъ никогда не выходилъ изъ дому иначе какъ для прогулки съ матерью, по воскресеньямъ и праздникамъ, на площадь (corso), или въ гавань, или еще чаще въ садъ губернатора, маркиза де-Марбѣфа, который былъ очень друженъ съ семействомъ Буонапарте. Воскресенье для Наполеона былъ день веселья: выслушавъ вмѣстѣ съ братьями и сестрами обѣдню въ приходской церкви, онъ отправлялся съ матерью въ гости. Наполеонъ не былъ шаловливъ и болтливъ подобно другимъ дѣтямъ своего возрасту: напротивъ, тихъ и застѣнчивъ; отвѣчалъ на вопросы коротко, и внимательно посматривалъ на все, что способно было возбудить его любопытство.

«Много болтали въ Аяччіо, потомъ во Франціи и во всей Европѣ, объ отношеніяхъ синьоры Буонапарте къ губернатору Марбѣфу. Не станемъ разыскивать, что было, чего не было въ самомъ дѣлѣ. Но извѣстно, что синьора Летиція посѣщала маркиза Марбѣфа часто безъ синьора Буонапарте. Маленькій Наполеонъ иногда сопровождалъ ее, такъ же какъ и другіе дѣти. Онъ въ губернаторскомъ саду любилъ одну бесѣдку, въ которой стоялъ столъ и скамья и гдѣ самъ губернаторъ часто отдыхалъ за чтеніемъ книгъ, присылаемыхъ ему изъ Парижа. Однажды, въ воскресенье, когда синьора Буонапарте, пришедши къ губернатору, отпустила своихъ дѣтей въ садъ играть, Наполеонъ отсталъ отъ другихъ, засѣлъ въ свою любимую бесѣдку и принялся за книгу, которую тамъ нашелъ. Между-тѣмъ время прошло. Синьора Буонапарте стала собираться домой, и кликнула дѣтей. Всѣ прѣшли, кромѣ Наполеона.

— Гдѣ же Наполеонъ? спросила мать съ безпокойствомъ.

— Его не было съ нами, отвѣчали дѣти.

— Боже мой! вскричала Летиція: въ саду есть прудъ.... если онъ утонулъ!

Она побѣжала въ садъ; дѣти за нею. Маркизь де-Марбёфъ и его дочь тоже. Всѣ искали Наполеона, и нашли его въ бесѣдкѣ читающаго съ такимъ вниманіемъ, что онъ не слышалъ шуму бѣгающихъ и кличущихъ.

— Наполеоне! строго вскричала синьора Буонапарте: какъ ты напугалъ насъ! Вотъ уже цѣлый часъ какъ мы тебя ищемъ. Отчего ты не пошелъ играть съ братьями?

— Простите, маменька, отвѣчалъ мальчикъ: я нашелъ здѣсь книгу и забылъ идти играть.

Маркизь де-Марбёфъ взялъ книгу. Это былъ томъ сочиненій Корнеля. Наполеоне читалъ «Никомеда» и былъ остановленъ на той сценѣ, гдѣ Прусій, колеблясь между сыномъ, и женой говорить:

«Я согласить хочу природу и любовь
И въ этомъ случаѣ отцомъ и мужемъ быть».

НИКОМЕДЪ.

Хотите, государь, послушаться меня?
Не будьте вы ни тѣмъ и ни другимъ».

ПРУСІЙ.

Такъ чѣмъ же

Я долженъ быть?

НИКОМЕДЪ.

Царемъ!»

Синьора Буонапарте хотѣла пожуричь сына.

— Не браните его, перебилъ маркизь: ребенокъ, который для отдыха читаетъ Корнеля!.... это такъ интересно!.... Ну, что, мой другъ? продолжалъ онъ обращаясь къ Наполеону: какъ тебѣ понравилась пьеса, которую ты читалъ?

— О! ужасно! отвѣчалъ Наполеонъ, краснѣя: эту трагедію я съ удовольствіемъ выучилъ бы наизусть.

Съ этой минуты зародилась у Наполеона страсть къ

Корнелю и, въ особенности, къ трагедіи «Никомедъ», которую онъ ставилъ выше всѣхъ всѣхъ другихъ: Въ саду губернатора Марбѣфа началось это удивленіе, не имѣвшее потомъ предѣловъ. Впослѣдствіи, Наполеонъ, будучи уже генераломъ и находясь въ Парижѣ безъ должности, совѣтовалъ своему другу Тальмъ играть царевича Никомеда: онъ самъ пошелъ апплодировать ему въ этой трудной и неблагодарной роли и поддерживалъ актера всею силою своихъ ладоней. Онъ вспоминалъ всегда и о Марбѣфѣ по поводу этой трагедіи. Впрочемъ, всѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, обязанъ былъ Марбѣфу, который размѣстилъ всѣхъ сыновей синьоры Буонапарте въ различныя училища Франціи на казенный счетъ. За нѣсколько дней до вступленія въ Вѣну, во время компаніи 1805, Наполеонъ, ѣдучи верхомъ по дорогѣ, въ обыкновенномъ своемъ мундирѣ егерскаго полковника, увидѣлъ скачущую навстрѣчу, открытую коляску, и въ ней почтеннаго монаха и женщину въ слезахъ. Наполеонъ остановился, чтобы спросить даму о причинѣ ея скорби. Она отвѣчала, что французскіе солдаты разграбили ея загородный домъ и убили садовника, и что она ѣдетъ жаловаться ихъ императору, который знавалъ ея семейство.

— Ваше имя, сударыня.

— Де-Брѣни. Я дочь маркиза де-Марбѣфа, бывшаго губернатора Корсики.

— Я очень радъ, сударыня, что нахожу случай сдѣлать вамъ пріятное, отвѣчалъ Наполеонъ. Императоръ—я. Подождите меня въ главной квартирѣ. Я сейчасъ пріѣду. Все, что принадлежитъ къ маркизу Марбѣфу, имѣетъ право на мое уваженіе.

Онъ далъ ей взводъ егерей для конвою, а потомъ, при вторичномъ свиданіи, осыпалъ угожденіями и съ излишкомъ вознаградилъ потери.

Изрѣдка маркизъ Карло Буонапарте, по причинѣ степени, которую занималъ онъ въ числѣ мѣстнаго дворянства и несмотря на скромность состоянія, принужденъ былъ принимать у себя гостей и, въ особенности, французскихъ

офицеровъ полка, стоявшаго въ Аяччіо. Однажды — это было въ мартѣ 1777—онъ пригласилъ къ обѣду подполковника и маіора полка, прибывшаго изъ Франціи чтобы содержать гарнизонъ на островѣ. Дѣти всѣ были за столомъ и маіоръ de Queyssieux, съ любезностью, которая отличала тогдашнихъ дворянъ, наказывалъ синьорѣ Буонапарте комплиментовъ насчетъ ея прекраснаго и многочисленнаго семейства. Синьора Буонапарте много благодарила его за учтивость и, въ особенности, говорила о своемъ маленькомъ Наполеонѣ какъ о Катонѣ между этой дробью.

— О! мой Наполеон! прибавилъ отецъ: когда у него въ рукахъ книга, его и не слышно въ домѣ.

— Надобно сдѣлать его діакономъ, замѣтилъ маіоръ: онъ проложитъ себѣ дорогу въ духовенствѣ.

— Я не хочу быть діакономъ, съ живостью возразилъ мальчикъ: я хочу быть офицеромъ!

— Хорошо, дружокъ, отвѣчалъ маіоръ, смѣясь: такъ поторопись же вырости; ты вступишь въ нашъ полкъ, и мы для начала сдѣлаемъ тебя унтеръ-офицеромъ.

Эта мысль восхитила маленькаго Корсиканца: съ этой минуты онъ только о томъ и говорилъ, какъ будетъ унтеръ-офицеромъ, и сдѣлавшись впоследствии могущественнымъ, всегда покровительствовалъ сыну маіора de Queyssieux.

Карло Буонапарте былъ очень ученый человекъ. Въ домѣ его собиралось все, что на островѣ слыло примѣчательнымъ. Дружескія его сношенія съ Тосканой привлекали къ нему также художниковъ и ученыхъ съ твердой землі. Такимъ образомъ знаменитые законовѣдцы Филанджри и Буона-Коста; рисовальный учитель великой герцогини Тосканской, скульпторъ Роккопи; Панфилли и Альгаротти, часто пріѣзжали въ Аяччіо и находили у синьора Буонапарте пріемъ, если не роскошный, зато всегда радушный.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Porthos à la recherche d'un équipement, *Портосъ на поискахъ за обмун-*

дировой, комедія-водевиль, господь *Dumanoir'a* и *Brisebarre'a*.

Это—исторія трехъ мушкетеровъ господина Александра Дюма. Мушкетеру Портосу предстоитъ отправиться въ тюрьму за долги, но онъ клянется, что, на зло кредиторамъ, изъ рукъ любви добудетъ себѣ новый мундиръ и всѣ принадлежности, такъ, что будетъ еще блистать на парадѣ передъ отправленіемъ въ походъ подъ Ларошель. Два другіе мушкетера дали такую же клятву, и всѣ трое побились объ закладъ. Портосъ, въ двойной интригѣ, запутываетъ жену одного купца и жену одного прокурора. Онъ пускаетъ въ оборотъ ревность мужей и кокетство женъ, которыя стараются перешеголять одна другую въ любви и великодушій. По водевильному положенію, Портосъ торжествуетъ надъ всѣмъ и надо всѣми: онъ обмундировываетъ, не только себя, но и другихъ своихъ товарищей, которые не такъ ловки и не такъ были счастливы.

Сколькія положенія, крупныя слова и совѣмъ не двусмысленныя остроты способствуютъ къ успѣху пьесы.

2. *A La plus laide, Самой дурной*, водевиль господь *Clairville'a* и *Foulquemont'a*.

Соперничества и зависть, интриги и ненависть, порожденные золотымъ яблокомъ между безсмертными красавицами, которыхъ разбиралъ пастухъ Парисъ, ничего не значать въ сравненіи съ тѣми, какія произведены завѣщаніемъ бретонскаго матроса, Аллена Перрика, въ деревнѣ Кернесъ. Безродный и бездѣтный завѣщатель предоставилъ мѣстному начальству трудъ избрать въ цѣломъ приходѣ наследницу его двадцати тысячамъ франковъ, и надобно видѣть, на какія замысловатыя продѣлки пускаются матери и тетки, чтобы заставить присудить наследство ихъ дочерямъ и племянницамъ, какъ хитрятъ дочери и племянницы, чтобы избавиться отъ этого счастья. Завѣщатель постановилъ условіемъ, что имущество его должно достаться *самой дурной*. Вся деревня взбунтовалась. У мѣстныхъ властей отъ такого казусаго дѣла головы закружились. Не извѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если

бы, по счастью, покойникъ не объяснилъ самъ своей воли дополнительнымъ къ завѣщанію документомъ: этотъ документъ гласитъ, что въ завѣщаніи случилась описка, и что должно читать *самой—прекрасной—* вмѣсто *самой дурной*. Тутъ вопросъ рѣшился самъ собою, потому что вся деревня только-что хоромъ провозгласила самую прекрасною Луизу, чтобы устранить ее отъ совскательства. Луиза вполне заслуживала наслѣдства: она — дотога рѣдкая дѣвушка, что сама добровольно пристала къ числу объявленныхъ дурными, чтобы помочь одному бѣдному и несчастному юношѣ, у котораго нѣтъ ничего кромѣ отличнаго сердца и смазливой рожницы.

3. *La Gardeuse de dindons, Индѣчница, водевиль, господь Dartois и Biéville'я.*

Гота, хорошенькая, бойкая, быстроглазая дѣвушка, получила въ наслѣдство отъ бабушки всего-на-все одну индѣйку: но какую индѣйку!.... Въ одинъ годъ у Готы развелась цѣлая рота индѣекъ, которыя потомъ произвели каждая по цѣлой ротѣ, такъ, что Гота, по индѣйкамъ, и по лицу, стала первою невѣстой въ деревнѣ. Знатные господа, могущественные старосты, богатѣйшіе крестьяне и первостатейные пастухи за счастье в честь поставляютъ себѣ понравиться Готѣ. Но Гота тайно любитъ дровосѣка Германа, и слышать не хочетъ о знати. За это, о Готѣ распускаютъ дурную славу, позорятъ ее, изгоняютъ изъ деревни. Предлогъ къ тому былъ важный. Графъ Нейбургъ, молодой негодяй, въ веселый часъ удостоилъ индѣчницу своего вниманія, и даже, чтобы ебольстить невинность, осмѣлился принять имя принца. Но хитрость скоро открылась, и владѣтельный герцогъ той страны приказываетъ графу положительно жениться на дѣвужкѣ, которую онъ хотѣлъ только обмануть. Вотъ, несчастная Гота должна быть графиней: ее лишаютъ счастья носить дрова Германа!.... Между-тѣмъ дровосѣкъ слѣдитъ повсюду за графомъ и за Готою, и, наряжась камергеромъ, проникаетъ въ палаты, гдѣ будутъ подписывать брачный договоръ. Въ этихъ комнатахъ нѣтъ еще ни графа Нейбурга ни свѣчь, но есть Гота, которая ждетъ того и дру-

гаго. Она принимает блестящаго дровосѣка за будущаго своего указаго мужа, графа, открываетъ ему свою любовь къ Герману, и требуетъ, чтобы онъ выдалъ ей письменное свидѣтельство, что она невинна. Таковаго свидѣтельства Германъ, по чистой совѣсти, выдать ей не можетъ; но оно уже и не нужно: дровосѣкъ вполне убѣжденъ въ подлинности факта, и падаетъ къ ногамъ герцога, испрашивая уничтоженія брака своей возлюбленной съ графомъ. Герцогъ согласенъ. Но графа надо наказать примѣрно и нещадно. Его женить на старой баронессѣ, которая давно уже угнетаетъ его своими ветхими прелестями и своей допотопной любовью.

Водевиль нѣмль блистательный успѣхъ.

4. *L'Homme et la Mode*, *Человѣкъ и мода*, водевиль, господь *Lulize'a* и *Lajarriette'a*.

Сказанные господа возстали и пошли войною на одну изъ могущественнѣйшихъ владычицъ міра, Моду, въ самомъ дѣлѣ, деспотизмъ этой султанши и ея визирей, — портныхъ, сапожниковъ и шляпниковъ, — нестерпимъ. Не проходитъ дня, чтобы они не передѣлывали челоуѣчества съ головы до ногъ. И пусть бы еще выдумали что-нибудь толковое, а то вотъ уже цѣлое столѣтіе хитрять надъ кургузымъ англійскимъ фраккомъ, то сдѣлають по-уже воротникъ и по-шире фалды, то по-шире воротникъ и по-уже фалды, а сущность остается та же: все тотъ же фракъ! все та же мерзость, неудобная-безобразная, безстыдная! Объ этомъ уже много разъ докладывали міру, но всё не впрокъ. Примѣрно сказать, шляпа. Шляпа, тоже, каждый годъ измѣняется по-крайней-мѣрѣ дважды, и всё-таки всегда остается неблаговидною кастрюлькою, стѣснительной кадкой, которая не защищаетъ отъ солнца и которую нужно еще защищать отъ дождя. Что шляпа низость и гадость, это доказывается тѣмъ, что въ каждой турецкой школѣ есть одна европейская круглая шляпа, которую надѣвають на лѣнивыхъ школьничковъ, въ наказаніе, и маленькіе Турченята боятся этого чернаго горшка какъ жестокой пытки. Изъ благопристойности, мы не

говоримъ объ узкихъ панталонахъ, но о сапогахъ можно сказать нѣсколько словъ безъ обиды ушамъ: это — клещи, отъ которыхъ щегольство становится въ три мозоли. Европейское человѣчество стонетъ, пищитъ, вздыхаетъ, а несетъ ярмо неумолимой Моды, которой все разнообразіе заключается только въ частныхъ сокращеніяхъ и удлинненіяхъ однихъ и тѣхъ же клещей и тисковъ. И чѣмъ дѣятельнѣе изобрѣтательность прихотливой законодательницы, тѣмъ строже она требуетъ исполненія своихъ законовъ: горе тому, кто осмѣлится уклониться, отстать!... горе хуже смерти! Онъ будетъ смѣшонъ какъ турецкій школьникъ въ круглой шляпѣ. Образованный человѣкъ, просто сказать — такая лошадь, что не только повинуется жвуту тиранки, но еще и самъ всѣми силами поддерживаетъ ея жестокости, цѣня своихъ собратьевъ единственно по платью, а разумъ ихъ, принимая въ соображеніе только въ такомъ случаѣ, когда условія разумнаго существа удовлетворены по первой и самой капитальной статьѣ, то есть, когда оно одѣто не по-прошлогоднему. Противъ этихъ-то неслыханныхъ безпорядковъ въ природѣ господъ Любизъ и Лажаріеттъ вооружились водевилемъ, и подобно другимъ философамъ вопіють въ пустынь.

5. *La Tour de Babel, Вавилонскій Столпъ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Анатолия *Briant*.

Это такая комедія, по поводу которой современникъ автора, а можетъ-быть и самъ авторъ, почелъ вужнымъ напечатать въ парижскихъ газетахъ слѣдующее письмо къ редактору:

«Милостивый госудать, я требую не огражденія моеи собственности, а только огражденія имени, которые почитаю достойнымъ уваженія, потому что я получилъ его отъ моего отца. Это имя дерзко выставляется на позоръ на афишкахъ французскаго театра каждый вечеръ, когда о-свѣстывается пошлая и гадкая комедія, которую мнѣ со-вѣстно даже назвать по заглавію, что подвергаетъ меня на-смѣшкамъ моихъ благородныхъ и достойныхъ товарищей. Поэтому прошу васъ, милостивый государь, объявить въ вашемъ почтенномъ журналѣ, что я отрекаюсь отъ всяка-

го родства и знакомства съ безстыднымъ авторомъ, который употребилъ во зло мое имя. Имѣю честь, и такъ далѣе.

«Студентъ медицины «Anatole Bruant.»

Комедія стѣнтъ этой рекомендаціи.

6. Le Premier souper de Louis XV, водевилъ, господь *Melesville*'я и *Clairville*'я.—7. L'Ecole buissonnière, водевилъ, господь *Lefranc*'а и *Labiche*'а.—8. Les Sept merveilles du monde, водевилъ, господь *Carrouche*'а и *Varin*'а.

Всѣ—такіе водевилы, только чтобъ доставить хорошенькимъ актрисамъ величайшее ихъ удовольствіе: поводъ нарядиться въ мужское платье. Содержаніе ихъ разсказывать не нужно: интересъ его совершенно зависить отъ тонны, полноты и формы ноги, выдающей себя передъ публикою за мужскую ногу.

НОВЫЯ КНИГИ.

ФРАНЦУЗСКІЯ.

(Въ книжномъ магазинѣ комиссіонера бібліотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Исакова въ Гостиномъ Дворѣ, № 22. Цѣны на серебро, и безъ пересылки).

EXPOSITION DE LA DOCTRINE CHRETIENNE par demande et par réponse, divisée en trois cathéchismes, par le père *Bougeant*. 2 vol., 8, Paris, 1844. (2 г. 57 с.).

ATLAS GÉOGRAPHIQUE ET ICONOGRAPHIQUE du cours complet d'Écriture Sainte, gravé par vingt artistes distingués, 77 planches, in 4., Paris, 1844. (1 г. 70 с.).

PRÉCIS HISTORIQUE SUR LES CODES FRANÇAIS, accompagné des notes bibliographiques francaises et étrangères sur la généralité des codes, etc., par *Sérusier*. Un vol., 8., Paris, 1844 (1 г.)

DE LOIS DU TRAVAIL et de classes ouvrières, par *Dupuyode*. Un vol., 8. Paris. 1845 (1 г. 30 с.).

TRAITÉ DES ARTS CÉRAMIQUES, considérées dans leur histoire, leur pratique et leur théorie, par *Brogniart*. 3 vol., 8, et atlas in-4, oblonge, Paris, 1844 (11 г.).

- LA SOLITUDE**, par *Zimmermann*, traduction nouvelle, précédée d'une introduction par *X Marmier*. Un vol., 12, Paris, 1845 (85 c.).
- DE L'ADMINISTRATION DE LA FRANCE**, ou Essai sur les bucs de la centralisation, par *Bécharde*. Un vol., 12 Paris, 1845, (4 r. 25 c.).
- NOUVEAU MANUEL DES MONNAIES, POIDS, MESURES, COURS de changes, fonds publics, etc.**, par *Nelkenbrecher*, trad. de l'allemand. Un vol., in 8, Paris, 1844 (3 r. 40 c.).
- TRAITÉ PRATIQUE DU MAGNÉTISME ET DU SOMNAMBULISME**, ou Résumé de tous les principes et procédés du magnétisme, par *Gauthier*. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r.).
- PRODROMUS SYSTEMATIS NATURALIS REGNI VEGETABILIS**, par *Decandolle*, tome 9-me, 8, Paris, 1845. (4 r. 50 c.)
- MAISON RUSTIQUE DES DAMES**, par M-me *Millet*, 2 vol., 12, Paris, 1845 (2 r.).
- TRAITÉ DES MALADIES DU SEIN**, comprenant les affections simples et cancéreuses, par *Carpentier-Méricourt*. Un vol., 8, Paris, 1844 (1 r. 25 c.)
- MANUEL PRATIQUE DE PHRÉNOLOGIE**, ou Physiologie du cerveau d'après les doctrines de Gall, de Spurzheim, de Combe, etc., par *Fossati*. Un vol., 12, Paris, 1845 (1 r. 70 c.).
- MANUEL PRATIQUE DES MALADIES DES NOUVEAU-NÉS et des enfans à la mamelle**, par *Bouchat*. Un vol., 12 Paris 1845 (1 r. 25 c.).
- DES FALSIFICATIONS DES SUBSTANCES ALIMENTAIRES. et des moyens chimiques de les reconnaître**, par *Garnier*. Un vol., 12, Paris, 1844 (1 r. 25 c.).
- COURS DE CHIMIE à l'usage des élèves de l'Ecole Spéciale et Militaire de St.-Cyr**, par *Colin*, 4-me édit. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- RÉFLÉXIONS SUR LES PRINCIPES FONDAMENTAUX DE LA THÉORIE DES NOMBRES**, par *Poinsot*. Un vol. 4, Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- HISTOIRE DE LA MARINE DES ETATS-UNIS D'AMÉRIQUE**, par *Cooper*, trad. de l'anglaise par *Jessé*. tome 1, partie 1-re, 8, Paris (1 r. 65 c.).
- RECHERCHES SUR LES ÉQUIPAGES DE PONTS MILITAIRES EN EUROPE**, et Essai sur tout ce qui à rapport à l'amélioration de ce service, par *Birago*; trad. de l'allemand. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- MÉMOIRES SUR LE SERVICE D'ARTILLERIE**, spécialement sur le meilleur mode de chargement des bouches à feu, par baron de *Corda*. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- AVANT D'ENTRER DANS LE MONDE**, par *Saucerotte*. Un vol., 8, Paris, 1845 (1 r. 40 c.).
- DE LA DESTINATION DES PYRAMIDES D'ÉGYPTE et de Nubie**, par *Persigny*. Un vol. gr. 8 avec planches. Paris 1845 (2 r. 15 c.).
- DES CHEMINS DE FER EN FRANCE**, et des différentes principes appliquées à leur tracé, à leur construction et à leur exploitation, par *Lobet*. Un gros vol., 12, avec pl., Paris, 1845 (1 r. 40 c.).

- RECHERCHES EXPÉRIMENTALES SUR LES MACHINES LOCOMOTIVES, par *Gouin* et *Lechatelier*. Un vol., in-4., avec 6 pl., Paris 1845 (1 r. 40 c.).
- L'AMARA KOCHA, Vocabulaire sanscrit, avec traduction française, par *Loiseleur-Delonchamps*. 2 vol., gr. 8., Paris, 1845 (9 r. 15 c.).
- HISTOIRE DES SAMANIDES, texté persan par *Mirkhande* traduction accompagné, de notes critiques et géographiques par *Defremery*. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- HISTOIRE DES CONSULAT ET DE L'EMPIRE, par *M. Thiers*, tomes 1 à 3, in-8, Paris, 1845. Pour dix volumes (14 r.).
- ÉSSAI HISTORIQUE SUR LE RACES anciennes et modernes de l'Afrique septentrionale, leurs origine, etc., par *Duprat*. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r.).
- GROS ET SES OUVRAGES, ou Mémoires historiques sur la vie et les travaux de ce célèbre artiste, par *Delestre*. Un vol., 8, Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- ÉTUDES DES ROUTES SUIVIES PAR LES ARABES dans les parties méridionale de l'Algérie et de la régence de Tunis, pour servir à l'établissement du réseau géographique de ce contrées, par *Carette*. Un vol., 8, Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- ÉSSAI SUR LES HARMONIES PHYSIOLOGIQUES, par *Baudet-Dulari*. Un vol., 8, accompagne de 22 planches, Paris, 1844.
- ELEMENTS DE PERSPEKTIVE LINÉAIRE, comprenant la théorie et les procédés pratique de cette science, etc. par *Guiot*. Un vol., 8, avec atlas, de 37 planches in-4 Paris, 1845 (4 r. 30 c.).
- LES CARACTÈRES DE THÉOPHRASTE, traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle, *Labruyère*, édition complète, avec les notes, par le baron de Walckenaër. Un gros vol., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

(Въ этотъ же магазинъ поступили вторая и третья тетради Атласа оперативной хирургии, служащаго дополненіемъ «Энциклопедическому медицинскому лексикону». Все издаііе Атласа будетъ состоять изъ двѣнадцати выпусковъ, каждый въ десять таблицъ, превосходно литографированныхъ).

=

НОВЫЯ

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11. Цѣны на серебро).

Для полного оркестра.

МУЗЫКА. Ouverture de l'opéra *la Sirène*, (4 r. 99 c.).

ВЕНСЛЕР. Deux polka originales, Carlotta et Elisa, pour l'orchestre, op. 56. (4 r. 72 c.).

- GUNG'L. Johann.** Catharinen-Polka und Ungarischer Original-Marsch, op. 1. 2 (1 r. 72 c.). — Mädchen-Träume. Walzer, op. 3 (3 r.)
 — Ein Sträuschen, Walzer, op. 5 (2 r. 85 c.).
 — Vorwärts! Marsch, op. 6 (1 r. 43 c.),
 — Proteus-Polka, op. 8 und Faschingsstreiche, Galop, op. 9 (2 r. 58 c.).
- GUNG'L. Joseph.** Die Erlanger-Walzer, op. 32 (2 r. 58 c.). Paulinen-Polka, op. 37, Steyrers Heimweh, Marsch, op. 38 (2 r. 58 c.).
 — Mein erster Walzer in Berlin, op. 39 (2 r. 58 c.).
 — Une Fleur de danse, galop, op. 40, Aurora-Festmarsch, op. 41 (1 r. 43 c.).
 — Der 15-te October, Festmarsch, op. 43, Gazellen-Polka op. 43 (1 r. 43 c.).
- GADE.** Im Hochland. Schottische Overture, op. 7 (4 r. 58 c.).
- HILLER.** Première ouverture de concert en ré mineur, op. 33 (4 r, 29 c.)
- SABITZKY.** Themis-Festklänge. Walzer, op. 110 (2 r. 58 c.).
 — Gruss an Prag. 3 Polkas, op. 111 (2 r. 29 c.)
 — Militair-Galop, op. 112 (1 r. 43 c.).
 — Steinhof Quadrille, op. 113 (2 r.).
 — Burlington Walzer, op. 114 (2 r. 58 c.).
- LEUTNER.** Zigeuner polka und Cavallerie Signal-Marsch (1 r. 72 c.).
- STRAUSS.** Rosen ohne Dornen. Walzer, op. 166 (3 r. 15 c.).
 — Wiener Früchteln, Walzer, op. 167 (3 r. 85 c.).
 — Willkommen Rufe. Walzer, op. 168 (2 r. 85 c.).
 — Masken-Lieder. Walzer, op. 169 (3 r. 15 c.).
 — Eunomien-Taenze, Walzer, op. 171 (3 r. 72 c.).
- WITTMANN.** Flora-Galop. (2 r.).

Для малаго оркестра.

- AUBER.** Overture de l'opéra: *la Muette de Portici*, ars à 8 partie (2 r. 58 c.).
- CASSINO.** Die Musikgesellschaft auf dem Lande, Sammlung von Potpourris und Favoritstücken aus den beliebtesten Opern für 8-stimmiges Orchester. № 1. Die Hugenotten von Meyerbeer (2 r. 58 c.) № 2. Norma von Bellini (2 r. 58 c.). № 3. Das Nachtlager von Granada, von Kreuzer (2 r. 58 c.). № 4. Die Puritaner, von Bellini (2 r. 58 c.), № 5. La Sonnambula, de Bellini (4 r.). № 6. Der Postillon von Lonjumeau, von Adam (3 r. 43 c.). № 7. Die Nacht zu Paluzzi, von Pentenrieder (2 r. 85 c.). № 8. Catharina Cornaro, von Lachner. (2 r. 58 c.) № 9. La Fille du régiment. de Donizetti; (2 r. 85 c.). № 10 La. Part du Diable, d'Auber (2 r. 85 c.).
- MOZART.** Overture pour deux violons, alto, contrabasse, flûte, clarinette et deux cors, (violoncelle, trompettes et timbales ad libitum): № 1.

Don Juan (2 r. 29 c.). — № 2. La Flûte magique (1 r. 72 c.). № 3. L'Enlèvement au sérail (1 r. 72 c.). № 4. Figaro (2 r. 29 c.). № 5. Titus (1 r. 72 c.). № 6. Così fan tutte (1 r. 72 c.). № 7. Idomeneo (1 r. 72 c.). № 8. Der Schauspieldirector (1 r. 72 c.).

Для фортепiano, въ четыре руки.

CHOPIN. Polonaise, op. 53, arr. (1 r. 15 c.).

— Scherzo, op. 54, arr. (2 r.).

DOEHLER. Deuxième grande walse brillante, op. 47, arr. (1 r. 72 c.).

ERNST. Le Carnaval de Venise, variations burlesques sur la Canzonette *Caro mamma mia*, op. 18, arr. (1 r. 72 c.).

HERZ. Les Sirènes, trois cantilènes de Bellini variées, op. 124. № 2. Beatrice di Tenda. № 3. Capuletti Montecchi, à 1 r. 72 c. (3 r. 43 c.).

LISZT. Marche et cavatine de la *Lucia di Lammermoor*, de Donizetti, arr. (1 r. 43 c.).

MARKS. 35-me potpourri sur de motifs de *la Sirène*, d'Auber, op. 107 (2 r. 29 c.).

— 36-me potpourri sur de motifs de *la Juive*, de Halévy op. 108 (2 r. 29 c.).

MENDELSSOHN-BARTHOLODY. Ein Sommernachtstraum, von Schakespeare, op. 61 (8 r. 58 c.).

ONSLOW. 31-me quatuor, arr. par. Mockwitz op. 62 (2 r. 58 c.).

ROSENHAIN. Grande fantaisie dramatique sur la *Reine de Chypre*, de Halévy op. 35 (1 r. 72 c.).

ROSELLEN. Grande fantaisie concertante sur *Othello*, de Rossini, op. 68 (2 r. 29 c.).

SPOHR. Grande sonate, arr. par Czerny op. 125 (2 r. 29 c.).

WOLFF. Grand duo sur l'opéra *Guido et Ginevra* op. 79 (1 r. 72 c.).

— Grand duo sur *la Juive*, op. 80 (1 r. 72 c.).

— Duo brillant sur l'opéra *Mina* op. 96 (1 r. 43 c.).

— Fantaisie sur les plus jolis motifs de *Dom Sebastien* op. 98 (1 r. 43 c.).

Танцы, для фортепiano.

CANTHAL. Polka militaire (40 c.).

DOEHLER. La Carlotta. Première polka originale (50 c.).

— Elisa. Deuxième polka originale, (60 c.)

GUNG'L, Johann. Mädchen Traum, Walzer, op. 3 (75 c.).

— Souvenir-Polka, op. 4 (30 c.).

— Ein Sträuschen, Walzer, op. 5 (75 c.).

— Vive la danse! Walzer, op. 7 (75 c.).

— Proteus-Polka, op. 8 (30 c.).

— Abschieds-Polka, op. 11 (30 c.).

GUNG'L, Joseph. Ton-Märchen, Walzer, op. 17 (75 c.).

— Mein erster Walzer in Berlin (85 c.).

- Une fleur de danse, galop, op. 40 (43 с.).
- Gazellen-Polka, op. 43 (30 с.).

КАЗЫНСКИ. Loisa-Polka (50 с.).

ЛАВИТЕКУ. Themis-Festklänge, Walzer (85 с.).

- Gruss an Prag, drei polkas op. 111 (70 с.).
- Militair-Galop, op. 112 (43 с.).
- Steinhof-Quadrille, op. 11 (57 с.).
- Burlington-Walzer, op. 114 (85 с.).

МАРКС. Die junge Tänzerin, eine ausgewählte Sammlung der schönsten Tänzen im leichtesten Arrangement. 31 bis 34-tes Heft; à 72 cop. (2 r. 85 с.).

СТРАУСС. Rosen ohne Dornen, Walzer, op. 166 (85 с.).

- Wiener-Früchteln, Walzer, op. 167 (85 с.).
- Willkommen—Rufe, Walzer op. 168 (85 с.).
- Masken—Lieder, Walzer, op. 170 (85 с.).
- Eunomien—Tänze, op. 171 (85 с.).

Выписывающие нотъ на цѣну не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на пятнадцать рублей серебромъ, пользуясь той же уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обращаются въ своимъ требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать изъ его магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены въ какомъ-нибудь другомъ каталогѣ.

Перваго августа выходитъ у господина Бернарда осьмая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувееллисть». Она содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Thalberg*, Romance — *Bernard*, Chant du malheureux, nocturne. — *Herz*, Les Ramiers, piece de salon. — *Czerny*, nocturne. — *Damcke*, L'ésphérance, melodie. — *Burghmueller*, La Gracieuse, polka. — *Гурьлевъ*, Воспоминанія, пѣсня. — *Labarre*, le Coeur perdu, Romance. — Музыкальное Литературное прибавленіе, № 8. (Годовая подписка: десять рублей серебромъ; съ пересылкою: 11 р. 50 к.)

==

МОДЫ.

==

— Въ это время, замѣчаетъ одинъ модный парижскій журналъ, никогда не происходитъ особенныхъ измѣненій въ модахъ, и тѣ, которыя сообщаютъ извѣстія о подоб-

ныхъ новостяхъ, просто, обманываютъ провинціалокъ. Можно дѣлать одни только общія замѣчанія. Самое занимательное изъ такихъ замѣчаній состоитъ въ томъ, что платья съ кофточками постепенно исчезаютъ. Кофточки въ послѣднее время удлиннились такъ быстро, что наконецъ превратились въ прежнія двойныя юбки, — верхняя несравненно короче нижней, — обыкновенно, только до колѣнъ. Многія довольствуются уже однимъ широкимъ воланомъ, высоко пришитымъ и придающимъ платью видъ двойной юбки. Шпиги, заокругляясь, мало-по-мало стали непримѣтными: круглыя талии, безъ кушака или съ кушакомъ и золотою пражкою — въ особенной милости въ эту минуту. Аграмантовъ почти не видно. Тѣ, которыя еще придерживаются многочисленныхъ волановъ, пришиваютъ на юбкѣ, плоско, три широкія черныя кружева, съ промежутками болѣе или менѣе значительными между этими полосами. На лѣтніе балы молодыя особы являются въ бѣлыхъ платьяхъ, съ двойною юбкою, усѣянною приколотыми въ большихъ разстояніяхъ розами, и съ бѣлымъ шарфомъ изъ кружевнаго тюлю на плечахъ, или въ платьяхъ, которыхъ нижняя юбка — розовая, голубая, палевая, а верхняя бѣлая, доходитъ только до колѣнъ и обшита двумя узкими вышивными или кружевными *falbalas*: при такихъ платьяхъ бываютъ еще бѣлые воротнички, состоящіе изъ трехъ *falbalas* и пришитые къ вырѣзу талии. Эти платья — вырѣзные; но много носятъ и полувырѣзныхъ, круглыхъ на груди или, по-прежнему, болѣе или менѣе открытыхъ: нѣкоторыя открываются почти до кушака, въ пользу прекрасной манишки. Но самый любимый въ это время фасонъ талии въ платьяхъ и капотахъ — закрытый по горло: такіе капоты имѣютъ только одинъ крошечный воротничокъ, рукава совершенно плоскіе, въ обтяжку, и не допускаютъ ни какихъ украшеній.

— Новая прическа очень интересна: спереди, волосы прикрѣплены по бокамъ двумя гребенками, и отъ гребенокъ заплетены въ три или четыре красивыя косички, которыя кругло спускаются на виски и уходятъ назадъ; сзади, коса завязана въ половинѣ высоты затылка и положена вѣнкомъ вокругъ головы. Конецъ косы не заплетается, но завертывается сзади около вѣнка косы, образуя на ней родъ замка, закрывающаго соединенія этого волшебнаго круга.

=

NT
TW

MAR 13 1941

